ציפורה כוכבי-רייני
ЦИПОРА КОХАВИ-РЕЙНИ

מלכת הקונכייה
КОРОЛЕВА В РАКОВИНЕ

סיפור חייה הסוערים של נעמי פרנקל

Повесть о беспокойной жизни израильской писательницы Наоми Френкель

ניצחון הרוח

גפן בית הוצאה לאור

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Биографический роман Ципоры Кохави-Рейни посвящен детству и юности известной израильской писательницы Наоми Френкель.

Беззаботное детство в большой, богатой, просвещенной, ассимилированной еврейской семье в благополучном Берлине..

Неординарная девочка, живущая напряженной духовной жизнью, постигающая мир.

Тридцатые годы. Нацизм. Крах надежд, потеря родины.

Отъезд в Палестину — Эрец Израэль, Страну Израиля.

Надежды и тяжкие разочарования, одиночество, борьба за выживание…

И Любовь, Надежда, Вера…

Все это — в уникальной и актуальной книге. Книге, которая лучше любой исторической монографии познакомит внимательного читателя с трагическими и героическими годами, пережить которые выпало народу Израиля, евреям и всему человечеству в середине XX века.

- Ципора Кохави-Рейни
  - ○
  - ○ Вступление
    - ■
    - ■ О Наоми Френкель
    - ■ Литературные премии
    - ■ О создании трилогии
    - ■ О себе — в образах героев ее книг
    - ■ Об изгнанниках из Испании
    - ■ Моя благодарность
  - ○ Глава первая
  - ○ Глава вторая
  - ○ Глава третья
  - ○ Глава четвертая
  - ○ Глава пятая
  - ○ Глава шестая
  - ○ Глава седьмая
  - ○ Глава восьмая
  - ○ Глава девятая
  - ○ Глава десятая
  - ○ Глава одиннадцатая
  - ○ Глава двенадцатая
  - ○ Глава тринадцатая

○ Глава четырнадцатая

Ципора Кохави-Рейни
Королева в раковине

Сыну моему Йони (Йоханану) Рейни и всем моим ученикам

Повесть о беспокойной жизни израильской писательницы Наоми Френкель

Вступление

«Лучше не спрашивай и не слушай, что будут обо мне говорить, не думай о читателях. Пиши истинную правду о моей жизни».

Наоми Френкель доверила мне свои самые сокровенные тайны, переложив на мои плечи все то, что тяжким грузом лежало на ее сердце. Каждый раз, когда я сомневалась, стоит ли выставлять на всеобщее обозрение то или иное событие ее жизни, она требовала: публиковать, какими бы откровенными или интимными не были эти истории.

Она говорила ясно и непререкаемо:

«В жизни моей были две возможности. Не жить среди людей или прятаться за всяческим повествованиями и каким-то образом все же находить общий язык с людьми. Литературное творчество ограждало от агрессивности окружающего мира. Меня даже боготворили. Этим я добилась для себя душевного спокойствия и все же ужасно страдала.

Представить это невозможно.

Соприкосновение с людьми заставляло меня рассказывать всевозможные небылицы. Я просто не могу сказать правду. Люди этого не понимают. Это приносило мне тяжкие душевные страдания, со мной случались ужасные вещи. Но все это кончилось, ушло в прошлое».

В годы, проведенные с любимым человеком Израилем Розенцвейгом, с 1952 по 1969 год, сердце ее раскрылось.

В первом нашем разговоре по поводу написания биографии Наоми сказала, что Израиль Розенцвейг ворвался счастьем в ее трагическую жизнь. Но счастье это исчезло с его смертью. Можно утверждать, что с того дня, как он обнаружил писательский талант Наоми, Израиль целиком и полностью пожертвовал собой, посвятив себя единственной цели — раскрытию и развитию ее личности, и делал это с горячим и любящим сердцем. Корни этой любви были глубокими, но запутанными и ранящими, хотя и невероятно сильными.

«Я хочу, чтобы знали: ты — единственная, которой я доверила мои интимные переживания, связанные с Израилем Розенцвейгом», — сказала она и вручила мне ключ к написанию ее биографии. Она понимала, что я не смогу понять ее, не поняв человека, который оказал на нее решающее влияние и продолжал влиять даже после смерти.

«Очень редко открывалось окошко вглубь его редкостной

личности. Сам Израиль был человеком замкнутым, и никому не давал к себе приблизиться», — заметила она, чтобы точнее и детальнее передать мне подробности разных периодов его жизни. Наоми раскрыла мне его секреты, ознакомив с черновиками его статей, записями мыслей, размышлений, грудами писем, стихами и страницами дневников, хранящимися до поры до времени в папках. Среди его тетрадей я нашла и краткую автобиографию:

«*Я родился в Варшаве 9 декабря 1902 года. После учебы в ивритской школе Ш.Л.Гордона и четырех классов образовательной гимназии «Хинух» был принят в 1918 году в государственный учительский семинар для граждан Моисеевой веры, который был основан в том году в Варшаве доктором Шмуэлем Авраамом Познанским. Мишну и Талмуд я изучал до совершеннолетия с частным учителем в родительском доме.*

Закончил семинар в 1923 году и начал работать учителем в начальных государственных школах в одном из провинциальных городков Польши, а затем в Варшаве — до 1929 года. В том же году я репатриировался в Израиль. В 1930 году я вступил в кибуц Бейт-Альфа, где преподавал в школе до 1936 с перерывом в один год (1934), в течение которого изучал природоведение в институте биологии в Тель-Авиве, основанном Йегошуа Марголиным, чтобы в дальнейшем преподавать этот предмет.

С 1936 по 1946 работал в хозяйстве кибуца. В эти же годы я также занимался редакторской работой, как член редколлегии издательства «Сифриат апоалим» («Библиотека трудящихся»), и различными переводами. После этого занимал различные общественные должности в кибуцах Бейт-Альфа, Арци, Ашомер Ацаир (Молодой страж), продолжая заниматься переводами, редактированием и писанием статей, главным образом, по вопросам образования и литературы. В течение пяти лет работал лектором по еврейской истории и ивритской литературе в семинаре кибуца Арци и Ашомер Ацаир в Гиват-Хавива. Уволился оттуда по состоянию здоровья. В последние годы работал на киббуцной фабрике термостатов.

Мои переводы:

Гришко де Луна. Генетика. Издательство «Сифриат Апоалим», 1950.

Фройлих. Роза Люксембург. «Сифриат Апоалим», 1942.

Редактирование:

Темы. Сборник исследований по вопросам экономики, общества, истории и литературы. Издательство «Семинар кибуца Арци в Гиват Хавиве».

Книга об организации «Ашомер Ацаир» (Молодой Страж). Том первый. «Сифриат Апоалим». Сборник статей на темы литературы, образования в кибуце.

Статьи:

Об Агноне: «Без бремени беременности» Журнал «Орлогин», 11, 12.

Об Изхаре: «Бог и долина». Журнал «Отклики». Сборник статей об образовании, проблемах общества и литературы — в журналах «Офаким» (Горизонты), «Орлогин» (Часы), «Хэдим» (Отклики) и «Сугиот» (Темы)».

Больно было Наоми видеть жизнь Израиля. Его мудрость и талант давали возможность самореализации в любом месте и в любом обществе. Но им владела идея кибуца. Он увлекся утопией, которая сузила горизонты его жизни. Он не видел, а, быть может, не хотел видеть жестокую сторону киббуцной жизни, противоречащую человеческой природе. По мнению Наоми, он был пленен девизом, абсолютно лишенным живого человеческого содержания, под которым вел киббуцное движение страны (Кибуц Арци) ее вождь Меир Яари — «Первым делом, руки». До последнего дня он уже с трудом добирался до навеса фабрики термостатов предприятия «Амкор», боясь ужасного публичного оскорбления тех дней — «Паразит».

Она видела его в эти минуты слабости и сказала: в кибуце создали цветущие дворы и приятные для жизни белые домики, но человека оттолкнули в сторону.

После смерти Израиля, она выполнила его завещание. Построила дом для его единственной дочери вместе с ответственным секретарем Союза журналистов Меиром Бен-Гуром. Но сохранить этот дом не удалось, и дочь вернулась в кибуц Бейт-Альфа, в котором выросла.

По мнению Наоми, ее замужество после смерти любимого человека оказалось неудачным, ибо она не могла освободиться от присутствия Израиля. Он продолжал жить в ее душе и быть рядом во все дни ее жизни. Его портреты продолжали висеть над ее постелью и над рабочим столом в кабинете. В своем завещании она просила быть похороненной на кладбище кибуца Бейт-Альфа, рядом с человеком, с которым, по ее словам, прожила истинно счастливую и чистую жизнь.

Уже лежа в больнице, на смертном одре, до мгновения, когда закрылись ее глаза, она возвращалась к завещанию, чтобы еще и еще раз выкрикнуть правду о своей жизни. Я поклялась ей, что это напутствие мне будет дорого, как моя жизнь.

О Наоми Френкель

«Как немецкая девочка, я не очень была причастна к великой надежде на воссоздание еврейского государства. Ведь родилась я в ассимилированной семье. Когда растешь в такой семье, тема еврейства вообще мало кого интересует. Никто не воспитывал меня еврейкой. С того момента, когда я начала соображать, я слышала в нашем буржуазном доме, что я немка», — рассказывала Наоми.

Но с того дня, когда на улицах Берлина она наткнулась на нацистов, вышедших из подполья, она почувствовала себя еврейкой, и это буквально воспламенило ее душу. С тех пор она пыталась узнать, что такое иудаизм и что такое — еврей. Всю свою жизнь она тяжело шла к познанию своей еврейской идентичности.

Народ и страна Израиля были содержанием ее жизни. В центре ее творчества стояла тема иудаизма во всей своей сложности и проблематичности.

Историю народа Израиля она описывает в своей лирической прозе, соотнося жизнь человека с жизнью народа и с окружающей природой.

Наоми, можно сказать, ворвалась в израильскую литературу трилогией «Саул и Иоанна». В романах, составляющих трилогию, она описывает историю во многом ассимилированной еврейской семьи и вообще еврейства Германии и Европы в период, предшествовавший Холокосту — 1932–1934 годы. Герои во многом автобиографической трилогии — Иоанна, ее Дед, родители Артур и Марта Френкель, братья и сестры — Руфь, Гейнц, Лотшин, Эльза, Луц и Эрнест по кличке Бумба и многие люди, связанные с ними, проходят по страницам романов. Их ассимиляция отражает общий отход от еврейства в Германии.

В дилогии романов «Ваш друг и дядя Соломон» и «Дикий цветок» она запечатлела историю кибуцного строительства в Сионе, на фоне истории создания Израиля вплоть до Шестидневной войны и Войны на истощение.

Своей кровной и духовной связи с трудной судьбой своего народа она посвящает два своих последних романа, описывающих кровавые события его истории. Времена инквизиции и исход евреев из Испании — в романе «Баркаи», и погромы середины двадцатого века, изгнания евреев из города праотцев, и семь первых лет еврейского государства — в романе «Расставание», «Преда».

Кроме этого, Наоми редактировала дневники героя Израиля

Меира Хар-Циона, добавив к ним и свои страницы.

Она написала книгу «Юноша вырос на берегах Аси» — биографический роман о Гиоре Ашкенази, капитане десантного подразделения, который пал в Шестидневной войне.

Она оставила после себя большое количество рассказов и очерков.

Я была студенткой и в то же время проходила действительную службу в штабе военно-морских сил, когда познакомилась с майором Наоми Френкель.

Наоми приветливо и подолгу пристально следила за мной, молоденькой девушкой, которая каждый раз отрывала глаза от книги в тот момент, когда Наоми спускалась в бункер, чтобы продолжать писать сокращенный отчет штабных заседаний. Дело происходило вскоре после войны Судного дня.

«Нашла», — призналась она потом. Она имела в виду путь к этой девушке, которая как-то сразу ворвалась в ее одиночество. Что-то подсказывало ей, что обе мы — одной душевной организации. И вот она пригласила меня к себе домой.

При первом посещении она дала мне книгу «Иудейский визионер конца эпохи Ренессанса» Йегуды Арье Модина и книгу «Иудейская пустыня» в ту пору уже покойного мужа Израиля Розенцвейга.

С Израилем, ее любимым человеком, она оставалась до последнего его дня, и до последнего дня их беседа не прекращалась. Он поддерживал ее, а порой и поругивал. Израиль и Наоми жили единым сердцем. Образ его и детали его жизни включены во все написанные ею романы — от трилогии «Саул и Иоанна» до романа «Расставание».

Что характеризовало ее жизнь? У нее был серьезный, я бы сказала, аристократический взгляд на мир. Тонкие черты ее лица несли на себе печать прозрения и нелегких раздумий. Форма ее диалектического мышления была важным элементом ее духовного и душевного понимания мира. Она обладала способностью создавать интеллектуальные формы, построенные на сложных и неожиданных парадоксах. Так в трилогии «Саул и Иоанна» действуют более сорока различных персонажей с непростыми характерами, сложно и весьма талантливо связанные друг с другом волей автора.

Наоми Френкель была редким человеком. Ум и талант были ее благословением и проклятием. Душевная ее жизнь была ограждена, внутренний ее мир был воистину замкнут в некое подобие раковины, лежащей на отмели, но в своей неприступности и загадочности хранящей тайны, не дающие покоя людским душам.

Никогда и никому она не исповедовалась. Наоми участвовала в боевых действиях в кибуце Мишмар Аэмек (Стража долины) во время войны за Независимость, в войне на истощение и в войне Судного дня. В этой войне она была единственной женщиной, которая в самый разгар боев форсировала с Ариком Шароном и его бойцами Суэцкий канал.

Сила, горение души, и в то же время слабость были связаны в ней в единый крепкий узел. Храбрость и мужество духа соседствовали с хрупкостью сосуда, который вот-вот упадет и разлетится на осколки. Все ее чувства, все мысли, все эмоции сплелись в единую, плотную ткань. Она была полна загадок и противоречий. Невозможно было определить ее ускользающую от четких определений личность. Внутреннее одиночество сопровождало всю ее жизнь, соседствуя с постоянной боязнью, что кто-нибудь ее поймет.

Всю жизнь она стремилась быть как все. Но это так и не осуществилось, несмотря на ее невероятные усилия, как в кибуце, так и в два последних десятилетия ее жизни в Хевроне — Кириат-Арбе. Она была подвижницей поселенческого движения. С большой любовью относилась она к каждому поселенцу. Она покинула этот мир с верой, которая сопровождала ее с восьмидесятых годов двадцатого века, верой в то, что дух поселенцев Иудеи и Самарии, истинно любящих народ и страну Израиля, победит.

Она постоянно говорила о том, что государства, как политической конструкции, недостаточно для подлинной жизни духа и тела нации. Единственное, что придает смысл еврейскому суверенитету над страной Израиля, это возвращение народа на его историческую родину. Еврейский суверенитет — это возрождение союза евреев со страной Израиля. В заповеди заселения страны речь идет не только о земле. Эта заповедь обращается к душам евреев, избирающим жизнь в стране, как истинное продолжение традиций праотцев и дней величия народа и страны. В заповеди заселения речь идет о сохранении духовного наследия еврейского народа на его исторической родине. Возвращение в Сион, это возвращение к священному акту у горы Синай, это обновление союза, который был нарушен изгнанием в диаспору.

Наоми черпала поддержку в душевной силе и твердости молодежи, верной своему народу и стране. В них она видела верность того еврейского меньшинства, которое, как говорится, не спрыгнет с телеги в дни тяжкого кризиса, а понесет факел из поколения в поколение, по примеру праотцев. Она хранила в сердце мечту, что настанет день, и появятся смелые духовные

учителя, которые внесут необходимое обновление в иудаизм.

Наоми всегда была одиночкой. Никто не виновен в ее несчастливой жизни. Она от рождения отличалась чертами характера больших художников, которые осложняли ее жизнь. Большую ее часть она жила в обществе, начертавшем на своем знамени великую и справедливую в ее глазах идею, и во имя ее она была готова выдержать самую жестокую несправедливость по отношению к себе.

Реальный и виртуальный миры воспринимались ею воедино. Она жила в постоянной борьбе за разделение этих миров из боязни, что виртуальный одолеет реальный. Все вокруг виделось ей как бы в двойном фокусе. С детства, когда она читала книги, воображаемый мир и оригинальные мысли смешивались в этих повествованиях, создавая самостоятельную реальность. Всю жизнь она боролась с этими качествами больших художников, тяжело переживая свою необычность и отчужденность. О своем отличии от окружающих ее людей она писала в трилогии «Саул и Иоанна»:

«*Она пела свою песню, и мелодия была ее собственной, не заемной. Голос ее действительно не вливался в хор. Она никогда не уловит уже готовую, преподносимую ей мелодию. Всегда сама сочинит ее, и голос ее будет звучать фальшиво в любом коллективном исполнении*».

Литературные премии

Премия Рупина (1956)

Премия Усышкина (1962)

Премии главы правительства имени Леви Эшкола (1969, 1983)

Премия Союза журналистов (1971)

Премия Ньюмена (2005)

О создании трилогии

Трилогия рассказывает о бурном начале жизненного пути Наоми Френкель на фоне судьбы еврейского народа в диаспоре и в Израиле.

Описываемые исторические, общественные, военные события, а также душевные состояния того или иного образа раскрывают субъективное отношение ко всему Наоми Френкель. Автор не собирается углубляться в общие темы той исторической эпохи, достаточно исчерпывающе освещенные и прокомментированные в специальной литературе.

У Наоми и Израиля были весьма сложные и противоречивые характеры. И потому, по ее совету, я бы даже сказала, по ее настойчивой просьбе, я посчитала возможным привести в этой книге значительную часть их переписки и даже фрагменты их дневников. Благодаря этому, читатель сможет заглянуть в их внутренний мир и, согласно собственному пониманию, представить себе черты их характеров, раскрыть сущность их устремлений.

В их переписке есть дополнительная ценность: аутентичные свидетельства их жизни, ее сильной любви к Израилю, ее тяжкие переживания во время работы над трилогией, ее отношения с теми, кто ее окружал, развитие ее как общественной деятельницы.

Неотделимой частью этих писем является описание доминантных настроений в израильском обществе тех лет. Она возвращается к постоянным и типичным проблемам жизни кибуца, отношениям между товарищами, различным точкам зрения на реалии киббуцной и городской жизни. В эту переписку проникают размышления об исторических событиях, происходивших в стране и мире, анализируемые двумя израильскими интеллигентами.

Любовные письма приводятся полностью, за исключением случаев, когда эти корреспонденты считали нужным сократить слишком детализированное описание, чтобы облегчить чтение. По просьбе Наоми, частое употребление понятия «ностальгия» сокращено, за исключением случаев, когда они специфически относятся к этому понятию. Сокращение отдельной согласной или целого слова дополняется адресатом в скобках.

Подробно описаны периоды жизни, способствующие становлению ее личности, или повлиявшие на ее мировоззрение. Исторические события или душевные состояния, облеченные в литературную форму в ее произведениях, особо выделены. В

последние годы Наоми призналась мне, что всю жизнь несла в душе тоску по матери, которую потеряла в пятилетнем возрасте. Всю жизнь она пыталась проникнуть в характер и поступки матери. Она неустанно выпытывала у старшей сестры главное, что ее интересовало: как мать, дочь польских глубоко религиозных евреев, боролась с ассимиляцией в Германии. Вообще, смерть матери, сиротство, сильно повлияли на ее развитие и подробно описаны в ее книгах, в частности, в трилогии «Саул и Иоанна», в романах «Баркаи» и «Расставание». Эта тема доминировала и в ее жизни, и в творчестве.

События, которые подробно освещены — прямо или косвенно — в ее книгах, выделены мной по ее просьбе.

В течение последних девяти лет Наоми и я, как говорится, просеяли зерна правды в ее книгах. Проследили аутентичные образы героев, вылепленные ею черты, внешний облик, характерные движения, походку членов семьи: деда Иакова, отца Артура, братьев ее, сестер и близких. И все это — по описаниям в трилогии «Саул и Иоанна». Она передала мне также внешние и внутренние характеристики остальных образов. Диалоги в этой книге выписаны такими, какими дошли до слуха Наоми или рассказаны были ей старшей сестрой Лотшин.

Описания детства также основаны, главным образом, на воспоминаниях Лотшин (Шарлоты) Френкель — Швелве и самой Наоми. Все годы жизни сестра испытывала тоску по отчему дому. В своих бесчисленных беседах о прошлом, Лотшин не скрывала от младшей сестры тот кошмар, который заполнил дом с ее рождением, и как эти события повлияли на удивительные отношения между матерью и отцом.

В дополнение к фрагментам детства приложены письма Наоми к старшей сестре и первый, написанный Наоми рассказ.

Дневники, тетради, стихи и лекции, которые она прочла на двадцатипятилетие с момента создания организации молодежной репатриации (Алият Аноар), рисуют картину периода ее взросления.

Годы с Израилем Розенцвейгом задокументированы в обширной переписке, в сочиненных стихах и в устных ее рассказах.

Отношения ее с тремя дочерьми были трагичны. Об этом конфликте я уже писала.

Обзор тридцати последних лет ее жизни основан на интервью с ней, переписке, статьях и беседах с ее супругом в этот период, журналистом Меиром Бен-Гуром. Наоми заупрямилась и настояла на том, чтобы я жила в ее доме не менее трех дней в неделю, чтобы войти в ее ближайшее окружение и понять

взаимоотношения с теми, с которыми она соприкасается в каждодневной жизни.

Следует отметить, что все, что написано о Меире Бен-Гуре, он сообщил мне сам в 2001–2003 годах. Все интимные детали его жизни и взаимоотношений с Наоми, которые есть в этой книге, переданы мне устно Меиром и Наоми.

Для усиления подлинности в трилогию введены размышления и сентенции героев книг Наоми Френкель, а также ее самой. К примеру, образ министра юстиции Пинхаса Розена:

«Есть в нем какое-то особое спокойствие, чистота, ясность, неколебимая порядочность и стойкая уверенность в себе, и даже нечто от педантичного порядка полотен голландских художников» («Саул и Иоанна» Том второй, стр.217).

О себе — в образах героев ее книг

«Она пела свою песню, и мелодия была ее собственной, не заемной. Голос ее действительно не вливался в хор. Она никогда не уловит уже готовую, преподносимую ей мелодию. Всегда сама сочинит ее, и голос ее будет звучать фальшиво в любом коллективном исполнении» («Саул и Иоанна», Том третий, стр.124).

«Боже мой, еще хоть один раз будь со мной правдив. Дай мне хотя бы горстку счастья в жизни. Ужасно печальны дни мои. Дай мне хотя бы еще один раз ощутить счастье ушедших дней, когда усталое тело напрягается, освежаясь в душе, и ночи опьяняют неземной легкостью и усталостью» («Ваш дядя и друг Соломон», стр. 126).

«Бог мой, злой мой бог, почему с такой холодной отчужденностью ведет себя мир…» («Ваш дядя и друг Соломон», стр. 194).

«Есть ли голос молчания без человека? Это — молчание, которое говорит всегда с тобой твоим голосом, эхом, катящимся с дальних горизонтов. Тяжело мне выдержать шум безмолвия» («Ваш дядя и друг Соломон», стр.210).

«Никогда ты не прыгнешь в новую и другую жизнь, не уплывешь на штормовых волнах, а будешь вечно двигаться по замкнутому кругу» («Дикий цветок», стр.54).

«Никакой человек, никакое событие вообще ничто не касается ее. Она равнодушна ко всему, что происходит вокруг. Не ранят ее никакие чувства, никакие угрозы и обвинения» («Дикий цветок», стр.52).

«Почему ты не дал ему еще немного счастья в твоем мире. Только самую ее горстку на ладони…» («Дикий цветок», стр.254).

«Все ощущения, и размышления, и чувства сплели в его душе плотную ткань, которую невозможно разорвать» («Расставание», стр. 77).

«Сила, горячность и слабость связаны у него в жесткий узел» (там же).

«И глаза его въедаются в нее, словно проникли через живой его дом» («Расставание», стр.186).

«С детства происходили с ней колдовские вещи, такие, что она не знала, спит или бодрствует, что реально и что воображаемо». («Расставание», стр.383).

Об изгнанниках из Испании

«Странствующие иудеи уже не видели дерева, чья вершина щедро давала тень для отдыха. Не видели, что пустое поле приглашало к привалу. Не видели колодца, чистые воды которого были открыты любому жаждущему горлу. У иудеев были глаза без взгляда, и нос без осязания запаха, и губы без речи. Глотка уже не просила омочить ее сухость. Они больше не ощущали боли. Лишь душа чувствовала стыд и унижение. Все остальные чувства покрыли тело как белые погребальные одежды, чтоб в них умереть» («Баркаи», стр. 25).

* * *

В завершение я хочу подчеркнуть что все, написанное мной в биографической книге о Наоми Френкель, сообщено и подтверждено ею. Я не дала себе ни малейшей свободы интерпретировать события ее жизни или высказать свое личное мнение по той или иной теме.

В последних главах я привожу диалоги, что были записаны со слов Наоми и ею подтверждены. Уважая ее право на частную жизнь, я иногда опускала важные детали, могущие прояснить позиции Наоми по чувствительным вопросам и ее реакцию на те или иные события. Я надеюсь, что опираясь на подлинные материалы в книге, читатель взвесит все, что я собрала, чтобы составить себе полную картину об этой удивительной женщине и писательнице.

Моя благодарность

Трилогия писалась более десяти лет, и сопровождали эту работу многие личные истории, а также материалы, связанные с описываемыми событиями. Теперь же, с завершением трилогии, я хочу отблагодарить Ганса Арнольда Лус (Hans Arnold Loos) за то, что он помог мне собрать сведения о людях и местах в Германии 20-х и 30-х годов XX века. Моя благодарность Зиги Коэну, который послал мне материалы из городского архива Пренслау, моей подруге, психологу доктору Адриане Фельдман, чье мнение о характерах главных героев оказалось для меня весьма и весьма важным. Благодарю членов организации «Ашомер Ацаир» (Молодой страж), которые откровенно делились со мной сведениями о положительных и отрицательных сторонах их своеобразной жизни, а также библиотекарей и коллектив компьютерщиков колледжа «Бейт Берл», помогавших мне в поисках необходимой информации.

Я благодарю тех, кто ознакомился с рукописью трилогии до публикации. В первую очередь — прозаика, поэта и переводчика Эфраима Бауха, который читал главы и, как специалист в своей области, поддерживал меня в необходимости продолжать, не колеблясь и не подвергая сомнению эту семейную сагу Наоми Френкель. Особенно ценным для меня был его совет — не избегать самых сложных и чувствительных ситуаций, не говоря уже об истинной ценности создания общей психологической и философской картины германского общества двадцатых годов двадцатого века.

Благодарю Ноию Хореш, которая прочла книгу в ее первоначальном варианте и дала мне ценные указания по поводу важных деталей, требовавших уточнения, Аарону Калас — Атран и Ширли Шлаф.

Благодарность моя — сыну Йони и моим студентам, которым и посвящено с любовью это произведение. В период написания, который характерен краткостью стиля и концентрацией информации, я получила большую поддержку по поводу описания исторических фактов от известных специалистов, которым я представила собранные мной материалы.

Я благодарю Ронит Левиатан за редактирование и бережное отношение к стилю написания трилогии.

В заключение моя благодарность другу, дорогому для меня человеку, профессору Даниэлю Сивану, за его вклад в формирование и корректирование трилогии и особенно за то, что он сопровождал меня на академическом поприще, как учитель и

соучастник в исследовательских работах.

Глава первая

Артур заглянул в колыбель ребенка на второй день после его рождения, и в глазах его потемнело. Из густых черных, как уголь, волос торчал огромный нарост. Он рос вверх, с правой стороны головы, и был ужасен в своей асимметричности. Артур закрыл глаза, и страх прокрался в его сердце: не поражены ли у ребенка умственные способности, как у Бианки, сестры его жены. Он снова заглянул в колыбель, и у него прервалось дыхание. Большие черные глаза существа, казалось, лишенного человеческого облика, заставили дрожать его подбородок. Пятерых детей, сыновей и дочерей, целых и невредимых, светлоглазых и светловолосых, родила ему красавица жена. И вот, увидел свет их шестой ребенок. И этот ребенок принес ему такие страдания и боль.

«На этот раз родилась у нас черноволосая девочка», — сказал подошедший дед, а его серые его глаза беспокойно метались между лицом жены Артура и черной бархатной копной волос на мягкой приподнятой подушке. Марта уже предчувствовала недоброе. Артур появился перед ней в красивом, с иголочки, отглаженном и вычищенном костюме, но голос его и движения не были похожи на те, вчерашние и позавчерашние. Не прикоснулся, как обычно, ладонью к своему лбу, приглаживая шевелюру. Из-за ребенка? Сердце ее, кажется, выскакивает из груди. Где ее пятеро детей? Почему дети не пришли поздравить и поцеловать, как это было после рождения каждого из них? Да и глаза у Артура какие-то ревниво подозрительные.

Марта на себя не похожа. Обычно веселый и теплый взгляд ее черных глаз в одно мгновение померк.

Каждый раз, когда она видит этот страшный нарост, величиной почти с головку ребенка, ее пронизывают стрелы боли. Марта закрывается в своей комнате. Наказание с неба! Бог ее наказывает! Большие, не меньше, чем у нее, черные глаза ребенка преследуют ее, как бич преследует животное.

Марта была восемнадцатилетней глубоко религиозной девушкой и носила еврейское имя Малка в те дни, когда в сердце ее родилась любовь к офицеру-еврею армии германского кайзера. Артур и Малка встретились на одной из замусоренных улочек Кротошина, маленького польского местечка в провинции Познань, которое было присоединено к Германии в царствование Фридриха Великого. Стадо гусей вытянуло к ней шеи, грозя своими клювами, и Артур спас красавицу. Девушка коротко и

корректно поблагодарила офицера и, повернувшись к нему спиной, медленно удалилась, ее косы исчезли на горизонте. Артур не мог успокоиться. Два-три дня обходил он все уголки узких улочек местечка, между вольно гуляющими курами, свиньями, валяющимися в грязи, приземистыми маленькими домиками, окна которых были настолько низки, что через них можно было войти в комнаты. В один из дней он увидел ее, нагнувшейся над ведром, выжимающей тряпку. Ноги ее были почти обнажены, рукава рубахи закатаны. Он стоял и, не отрываясь, смотрел, как она моет полы, и страсть охватила его.

«Ты шейгец, безбожник, ты хуже гоя!» — низенький и щуплый отец девушки не мог принять светловолосого офицера-берлинца, который стоял в их домике, выпрямив спину и прося руки старшей дочери. Отец девушки с трудом зарабатывал продажей старых, вышедших из моды, тканей. Он и его жена, выходцы из бедных, почти нищих польских глубоко религиозных, ревностно соблюдающих заповеди, евреев, не готовы были отдать дочь берлинскому безбожнику. Красивый и статный буржуа их вовсе не пленил. Но его нескрываемая страсть отозвалась страстью в сердце дочери. Марта пошла вслед зову сердца и опозорила их религиозный дом. Ночью вышла в сад у дома, встретить спрятавшегося в кустах молодца, и вместе с ним села в поезд, идущий в Берлин. Младшую свою сестру Бианку, страдающую умственной отсталостью, она взяла с собой, ибо та всегда находилась под ее присмотром.

Марта совершила шаг, после которого нельзя было вернуться. Отец и мать прокляли ее и сидели семь дней в трауре — так положено по еврейской традиции поминать умершего родственника. Но они оплакивали дочь, предавшую их и ушедшую к идолопоклонникам.

Артур за дезертирство из армии отсидел всего лишь два дня под арестом, благодаря хорошим связям его отца-промышленника, который был знаком с высокопоставленными армейскими чинами.

Окруженные свидетелями и членами семьи жениха, стояли Артур и Марта под свадебным балдахином в здании муниципалитета Берлина. Отец Артура, Яков Френкель, предоставил роскошный берлинский дом в распоряжение молодых. Он передал сыну руководство металлургической фабрикой по выплавке железа и стали. Она находилась в Померании, в западной Пруссии, в усадьбе, в небольшом городке Пренслау, окруженном густыми лесами.

«В моей усадьбе ты сможешь отдохнуть от цивилизации, которую тебе навязал мой сын», — обещал Яков своей красавице

невестке, ибо чувствовал давящую на нее тяжесть большого города. И он был прав. Дочь местечка, Марта любила отдыхать в Пренслау. Довольно быстро некогда религиозная девушка привыкла даже к свинарнику.

Она расцвела в поместье, где большую часть года проживал дед — отец Артура и с ним Агата, ведущая домашнее хозяйство, и лысый Руди, ответственный за всю живность.

Началась Мировая война. Перед тем, как вновь идти в армию, Артур увез семью из столицы и поселил в Пренслау. Дед вновь взял в свои руки ведение делами фабрики и вернулся в свой аристократический берлинский дом.

Марта выросла в маленьком пограничном местечке, наполовину населенном поляками, наполовину немцами. Она была воспитана в полном соответствии с религиозными традициями иудаизма. И вот она приняла образ жизни ассимилировавшейся и обуржуазившейся части германского еврейства. Дети ее ничего не знали о шестистах тринадцати заповедях, регулирующих поведение каждого еврея, не пели священные песнопения о Сионе и не мечтали о Машиахе сыне Давида, который придет в наши дни. Они не имели понятия о Царице-субботе, о молитвах и благословении в праздники Израиля. Дети праздновали Рождество, как народное гуляние, и украшали красивыми игрушками и сверкающими лампочками елку в гостиной. А о традициях праотцев им рассказывали так, как рассказывают детские сказки, чтобы это не вступало в противоречие с либеральным мировоззрением родителей. В праздник Хануки Марта говорила: «У нас, в Кротошине, обычно в этот день зажигали свечи и ели оладьи». А на праздник Песах она рассказывала о пасхальном ужине.

Артур был уверен, что его любовь и забота помогут жене отказаться от усвоенных ею в детстве традиций, и она постепенно забудет о самом существовании своих родителей. Тем более что на открытки и письма, сообщающие о рождении их внуков и внучек, они не откликнулись ни словом. Он был не намерен поступиться своими жизненными правилами и принципами во имя чуждых ему обычаев, противоречащих его культурному миру и чистоте немецкого языка.

Но в годы войны в дом Марты начали понемногу проникать традиции богобоязненного родительского дома. Тайком от детских глаз, она начала зажигать субботние свечи и произносить над ними благословения. Вернулась к рыбным блюдам, словно замаливая грех оттого, что ела курицу со сливочным маслом, или квасное в Песах.

Обращалась к Высшему Милосердию с мольбой хранить

жизнь мужа на фронте под Верденом, Псалмы Давида, посещала синагогу и соблюдала пост в Судный день. Вместе с детьми и сестрой она стала посещать скромный дом раввина в Штетине, привозя с собой кошерные блюда. Детям, изумленным незнакомым языком из ее уст, объяснила: «Это польский язык». Но ни слова не произносила на идише и по этой же причине не приглашала к себе домой раввина и его жену. Война закончилась. Прекрасные черные глаза Марты все пристальнее вглядываются в окружающий мир, отныне разделенный надвое, как и ее душа. Теперь она ревностно оберегает внутреннюю самостоятельность и духовность, приобретенные в годы войны. Поблек, все еще яркий, но теперь отталкивающий мир мужа. Высокая германская культура не очаровывает ее, как раньше. Ее душевное богатство — в чуждых ему краях, и между супругами возникла скрытая борьба. Артур вспоминает веселую девушку, которая вся светилась, когда он ввел ее в мир театра, опер и концертов, учил танцевать вальс, играть на фортепьяно. На музыкальных вечерах в их обширном доме она пела, музицировала и танцевала, очаровывая уважаемых гостей красотой и обходительностью. Как истинная аристократка от рождения, она вела жизнь, соответствующую его понятиям. Согласно его желанию, детьми занимались воспитатели, отдаляя их от жизни родителей.

Закончилась война. Марта изменилась. Артур мечтал вернуть ее, прежнюю, но и он стал другим.

Из храброго, обладавшего железной волей командира, не терявшего мужества в окопах под Верденом и в самых тяжелых ситуациях, он вернулся, как бы потеряв цельность. В кровавых сражениях нашли смерть, были ранены физически или душевно миллионы юношей. Артур был тяжко ранен во время газовой атаки. Он лишился одного легкого, другое действовало лишь наполовину. До последнего своего дня он будет оплачивать душой и телом высокую цену иллюзий миллионов таких же, как он, воинственных европейских юношей.

В предвоенные дни молодежь его поколения окопалось в своем высокомерном мировоззрении и невероятной наивности. Даже те, кто отличался мудростью и придерживался реалистического, рационального взгляда, пошли по ложному пути, на который их призывали кайзеры Германии и Австрии Вильгельм Второй и Франц-Йозеф. В патриотическом дурмане и детской наивности ввязались питомцы романтической эпохи в дикую мужскую авантюру, после ста лет мира и относительной безопасности народов Европы. Разруха и гибель воцарились в мире.

Артур вернулся в Пренслау после длительного лечения в

швейцарском Давосе с твердым решением: шрамы, оставленные на нем ужасами войны, не будут управлять его жизнью. Он вернулся к жене и пятерым детям, которых она воспитывала умными и здоровыми. Но окончательный итог этих лет настиг его, как и его друзей и близких, ассимилированных евреев и христиан. Интеллектуальная часть общества восстанавливает и без конца анализирует предвоенный период и приходит к далеко идущим выводам.

В период милитаристского угара и всеобщей наивности голоса противников большой войны утонули в шумной истерии. Высшие чины армии — главным образом, аристократы и образованные буржуа — не сомневались в мудрости и честности обоих кайзеров, которые призывали выйти на тропу войны. При поддержке политиков и представителей высшего света, Европу пронизали ветры милитаризма. Еврейству Германии выпала редкая возможность доказать тотальную верность родине, относящейся одинаково ко всем своим гражданам. И тогда, когда национализм поднял голову в исторических и философских выступлениях известных ученых, публицистов, политиков, еврейские интеллектуалы германского подданства, придерживающиеся ранее гуманистического мировоззрения, превратились в милитаристов и конформистов. Гуманитарии выразили полную моральную поддержку войне, чтобы только, не приведи Бог, не выглядеть ее противниками, более того, борцами за мир.

Артур вернулся с войны, но отзвуки ее продолжали жить в его душе, теле, разуме. Миллионы европейцев пребывали в полнейшем шоке при виде разрухи и гибельных последствий, обрушившихся на их головы после войны. Австрийцы, немцы, французы, англичане и другие торопились отряхнуться от ужасов прошедшего и войти в новый мир. Двадцатое столетие уверенно и страстно рвалось в неизвестное. В новой нелегкой реальности рухнула и рассыпалась такая, казалось бы, правильная и простая мысль, что наступает эра разума и прогресса, которые сотрут из жизни человечества революции, войны, преступность, насилие и голод. Чудеса науки и технологии ускорят подъем нравственности и приведут к всеобщему процветанию. Высшие человеческие ценности овладеют миром людей и водворят в нем покой и умиротворение. Уверенность тех, кто родился в романтическом духе девятнадцатого века, растворилась в прошлом, как будто никогда и не существовала. Их агрессивные устремления, которые казались им истинным ключом к грядущему, не выдержали испытания временем. На страницах истории человечества события тех дней будут отмечены, как

глупость, если не преступление.

…После окончания войны и выздоровления Артур полагал, что вернется к прежней жизни, в объятия любимой женщины.

Ноябрь 1918. Родился ребенок-урод. Покой и умиротворение улетучились из жизни Артура. Он мечется от врача к врачу. В доме неспокойно.

«Это ребенок, которого я родила, — надтреснутый ее голос врывается в комнаты и коридоры дома, — и я буду растить его таким, какой он есть».

Из дома уходит покой. Марта несчастна. Впервые дед не на ее стороне. Он и Артур одного мнения: в доме не будут терпеть это существо. Дед, внушительный мужчина, выпрямляется во весь свой высокий рост. Тщательно одетый, он берет свою богато инкрустированную трость и сопровождает сына в поездке из Померании в Берлин. Не жалея времени и сил, они посещают одного за другим лучших специалистов по опухолям в Германии и за ее пределами. Дед изменяет своим привычкам. Он никогда не вел себя, как отец и дед, но теперь бросает свои дела и отказывается от привычных развлечений во имя упорядочения жизни сына и невестки.

«Ой, ну, просто с души воротит!» — малыш, шатен Лоц крутится по дому, скривив лицо. Артур по наказу врача привел всех детей в комнату матери, чтобы поздравить ее и показать им маленькую сестренку. Был крик: «У нас родилось черное чудовище». Лотшин, которой скоро исполнится десять лет, закрывает лицо ладонями. Весьма чувствительна эта отличница, добрая душой, гордость родителей. У нее нежное лицо, голубые, мягко светящиеся мечтательные глаза. Две толстые косы светлых волос скользят по плечам. Тело, как у фарфоровой куклы, кожа, как бархат. Все задерживают на ней взгляд, как на идеале красоты.

«Родилась у нас сестра, и у нее большой нарост, во-о-т такой», — дети прикладывают кулак к своим головам, прокрадываются в комнату ребенка, рассматривают, как некую диковинку, несмотря на запрет матери. Маленький Лоц удивляется старшим братьям, которые похваляются младенцем, словно это какое-то редкое сокровище. Фрида, воспитательница и няня детей предупреждает: «Будете так себя вести, на ваших головах тоже вырастут уродливые наросты».

Фрида — женщина с добрым характером. Когда Артуру исполнилось десять лет, дед Яков привез ее, восемнадцатилетнюю девушку, из деревни в Берлин. Фрида без конца кочует из большого берлинского дома — в Пренслау, ибо Марта не хочет возвращаться в одичавший Берлин. Столица

охвачена голодом, воровством, грабежами и убийствами.

После окончания войны еврейские семьи из ее родного Кротошина переехали в соседний город Штетин. И ее семья купила квартиру на имя ее брата Соломона и сестры Бианки. Но радость Марты еще больше, когда подруга ее детства из Кротошина приобретает квартиру по соседству.

Шошана и Марта душевные подруги. Дети их подружились. Семья Коэн радушно открывает перед ними свой дом, но не наоборот. Артур не будет терпеть вблизи себя некультурных обитателей местечка. Не нравится ему, что Руфь и Эльза, его кудрявые и интеллигентные дочери, проводят время с дочерьми соседей, которые вообще не учатся. В этом причина того, что заработок выпускника гимназии равен заработку домашнего учителя его дочерей — Фердинанда. Способность к искусству этого прусака Артур оценил еще в Давосе. Дело в том, что Фердинанд ухаживал за Артуром во время лечения. Фердинанд, христианский юноша, светловолосый и светлоглазый, стоял у постели Артура, усталый и измотанный, и декламировал стихи Гёте, Рильке, Гейне. Фердинанд играет на фортепьяно, на мандолине, пишет стихи и сочиняет к ним музыку. Он мечтает собрать деньги на учебу в институте искусств, в Берлине.

Черноволосый детеныш лежит в колыбели. Дети разносят сочиненные ими байки, связывая это чудище с Германом Ханманом, психопатом и убийцей, который свободно разгуливает по Берлину и его окрестностям, сея страх. «Ночью Ханман приблизился к колыбели, увидел нарост, дико испугался, в страхе ударил кулаком ребенка и в панике убежал». Дети заглядывают в колыбель и тоже убегают. Только Лотшин подолгу сидит около младенца. Надела ему на голову ожерелье из цветных гладких камней и просто прикована к глубокому и сосредоточенному взгляду ребенка, который что-то возбужденно лопочет. Всего-то девочке два месяца от рождения. «Если бы только я могла прочесть ее мысли», — думает Лотшин, глядя на мимику и напряженные движения малышки, и тут же сжимается, слыша всхлипывания матери, доходящие до ее слуха из соседней комнаты. Отец расхаживает из угла в угол, и голос его холоден и жёсток.

«Без операции вырастет чудовищем! Что за жизнь будет у нее? Лучше, чтобы она умерла!»

Специалисты по опухолям в один голос говорят: опухоль доброкачественная. Жизни девочки не грозит опасность. Когда ей исполнится полгода, опухоль можно будет убрать. Только вот кожа с правой щеки, которая будет взята для покрытия раны, приподнимет левый глаз. Отец нервничает.

Мать, содрогаясь от отчаяния, твердит: «Отрастим ей волосы и прикроем опухоль». Она неустанно твердит отцу: «Так сотворил ее Бог».

Лотшин съеживается у колыбели.

Дед закручивает и закручивает усы, ударяет о пол инкрустированной тростью и говорит решительным голосом: «В моей семье не будут растить урода».

Отец настаивает: «Если проблема не будет решена, лучше ей умереть».

Мать ни на шаг не хочет отступить от того, что говорит ей сердце. Мужчины по-прежнему против нее.

Лотшин изумлена. Непонятно ей, что случилось с отцом? Всегда лелеял мать, носил на руках, покупал ей дорогие платья и драгоценности, увозил от детей в самые экзотические места отдыха, на лечебные источники, путешествовал с ней по дальним странам. Что случилось с родителями? Почему они все время бранятся?

В доме напряженная нервная тишина. Мать отвесила пощечину Лоцу, и поделом: плюнул в колыбель. Малыш сбежал от нее. Лотшин, добрая душа, ей так и не удалось убедить маленького брата, что новая его сестренка не просто кусок мяса. У нее есть душа, как у любого человека. Злые шепотки гуляют по дому. Противоречия между отцом, берлинским нуворишем, и матерью, так и оставшейся дочерью многодетной бедной семьи, каждый день взрываются скандалом. Артур, хорошо сложенный блондин, воспитанный на принципах красоты и западноевропейской эстетики, сдерживая бушующие в нем чувства, еще и еще раз обращается к матери: «Лучше младенцу умереть».

Марта шокирована. Артур замыкается в себе. Перед ним встает лицо покойной матери, каким оно было, когда она увидела девушку, привезенную из Кротошина в Берлин. Мать не говорила ничего плохого и ничего хорошего о черноволосой сельчанке, пришедшей в их роскошный дом без родителей и без приданого. Она глядела горящими черными глазами на невестку, и сердце ее вздрагивало каждый раз, когда она слышала ее, почти бесшумные, шаги по дому.

Не таков был дед. Высокий, худой, гибкий, он подмигивал невестке и всем своим видом показывал ей: мы одной крови. Ее неспокойный свободолюбивый дух был ему сродни. Ведь и он, восемнадцатилетним, сбежал от жестких правил отчего дома, чтобы жить по своему усмотрению.

Дед Яков любил рассказывать о своем прошлом. Парню из буржуазной семьи, закончившему гимназию, надоел домашний

диктат, и он ушел по зову сердца. Сверкая огненно рыжим чубом, он весьма настойчиво ухаживал за девушками из хороших семей, пансионерками закрытого пансиона благородных девиц. Когда девицы выходили из пансиона в сопровождении воспитательницы, он пристально следил за ними. И в один из дней ему улыбнулось счастье. Комплименты и подмигивания симпатичного парня с цветком в петлице и тростью проложили путь к сердцу ученицы, которая на этот раз вышла без присмотра бонны.

Она ответила на его ухаживания, и вскоре молодые люди пересекли границу Пруссии. Она уехали на поезде в одно из южных княжеств Германии. Случилось то, что случилось, и за занавесками узкого купе девица упала, как созревший плод, в таинственный мир любви — мир, который раскрыл перед ней рыжий молодец.

Своим веселым нравом он пленил жителей родного городка своей возлюбленной. Но когда уже начали названивать колокола будущей свадьбы, он поблагодарил всех за хороший прием и направился восвояси своей дорогой.

Но перед тем он решил сыграть шутку. Положил свежие яйца на свои рыжие кудри и прикрыл их черным цилиндром. В ту пору существовал железный закон, запрещавший перевозить сельскохозяйственную продукцию из княжества в княжество. Но дед продолжал умничать и на границе с Пруссией весело подмигнул пограничнику. Тот ответил ему ударом кулака по цилиндру, и яйца растеклись по его веснушчатому лицу.

В семейной гостиной в Силезии разгорелись страсти.

Родители девушки, люди уважаемые, встали на защиту ее чести. Но молодой Яков и слушать не желал о свадьбе. Удивленно возвел очи к небу и поклялся, что не согрешил по отношению к ней. Всего лишь гулял с нею в лесу. А в купе поезда, за ширмой, он всего лишь убедился, что она гораздо красивей, чем за окнами пансиона. Родители не успокаивались, и тогда он, непокорный сын, собрал вещи и исчез, скрывшись не только от предложения женитьбы, но и от отцовского наследства — управления текстильной фабрикой.

Дед вспоминал о днях революции, которую подняли революционеры-либералы в 1848, и лицо его бледнело: «Я стеснялся отца, уважаемого господина, который не защищался, когда на фабрике начался бунт». Дед прочищает горло, откашливаясь: «При свете дня отец стоял в темной комнате с опущенными жалюзи и дрожал от страха, когда бунтовщики подожгли кипы тканей, подготовленных к просушке после окраски». Дед поднимает голову, и нотки гордости слышатся в

его голосе: «А я, совсем ребенок, встал на сторону рабочих!» Это историческое событие было весьма поучительным в жизни мальчика.

Дед смолоду пошел за своей мечтой, а не по стопам предков, занимавшихся текстильным делом. Он кочевал от гильдии к гильдии, чтобы приобрести рабочие специальности. Работал наездником, кузнецом, строителем, маляром, плотником. В конце концов, он все услышал угрозы отца отказать ему в наследстве, если он не вернется в семью, и встретился с девушкой из добропорядочной богатой семьи, которую отец ему нашел.

«Гейнц, учись у меня набираться опыта, — говорит дед внуку, — так я переходил из гильдии в гильдию, и от одной девушки к другой. В конце концов, нашли мне жену, кислую, как лимон».

Дед вовсе не был в восторге от дочери профессора анатомии из Карлсруэ. Она рано потеряла мать и воспитывалась в престижном женском пансионе в Швейцарии — с шести лет и до получения аттестата зрелости. Вела она себя очень изысканно. Выглядела элегантно, расхаживала по дому в строгих платьях. Лицо ее было всегда замкнуто.

«Погоди, погоди, в первую ночь кричи — Господи, что на небеси», — дед смеется, закручивает усы, а в ушах у его звенят слова тети Гермины. Он вспоминает переживания свадебного дня — огромная спальня, полная шкафов, тумбочек, широкая двуспальная кровать с балдахином голубого цвета. Дочь профессора скользнула в супружескую кровать в ночной шелковой рубахе, в складках, и с вышитыми широкими рукавами.

Жених весьма сухо наблюдал за женой, спрятавшей свои длинные волосы под белый кружевной чепец — вся из себя такая аристократичная. Ее строгое воспитание, искоренявшее желания и страсти естества, было явно ему не по душе.

Уже на следующее утро дед покинул свою жену, и весь воспламененный, ощущая чуть ли не всеми своим костями, что великий час его настал, умчался в столицу. Это было время, когда канцлер Отто фон Бисмарк привел европейскую модернизацию к вратам Германии. «Кровь и железо!» — провозгласил канцлер, объединив все германские княжества в единую сильную империю, превратив аграрную Германию в промышленное и экономически сильное государство. «Кровь и железо!»

Откликнувшись на этот призыв, энергичные и инициативные люди спешили вложить капиталы в развитие промышленности. Дед купил у обанкротившегося еврея Морица Гольца фабрику и солидный участок земли рядом с железнодорожной станцией при въезде в Берлин. Он привел инженеров, строителей и рабочих и

основал фабрику по обработке металлов и литью. Свою империю он обнес оградой и поставил на входе внушительные ворота. Семья его также внесла свою долю капитала в эти проекты и не разочаровалась.

Дед не погрузился в бумаги, замкнувшись в богато обставленной конторе.

Все время находясь в движении, он строго следил за поездами, привозящими сырье из шахт, пробираясь между горами кокса и доменными печами.

Он царствовал в своей огненной империи. Его можно было застать в пылающем литейном цехе, прислушивающимся к шипению расплавленного железа, вытекающего из печей и выбрасывающего тяжелые брызги в воздух. Он сам следил за брусками железа, отливающегося в формы ванн, конфорок для плит и других изделий. На пороге двадцатого столетия его фабрика, сохраняющая имя «Мориц Гольц», стала одной из самых больших в стране по производству чугуна и стали.

Когда Германия стала вооружаться, дед начал выпускать патронташи, пули для ружей, что дало большой толчок к процветанию его бизнеса.

В дни, когда аристократия начала уступать свое имущество восходящей крупной буржуазии, дед, бизнесмен милостью Божьей, с вожделением начал приглядываться к богатым домам на площади Вайсензее.

Площадь была пустынной, уже без роскошных аристократических экипажей и коней, стучавших подковами. Потом появились автомобили. Купив большой дом у обедневших юнкеров, и отреставрировав его, дед перевез жену из Силезии в Берлин, родил двух сыновей и увидел себя свободным от супружеских обязанностей. Бабка замкнулась в одиночестве, не очень приятном ее сердцу.

Дом был упорядочен и велся согласно ее принципам. В роскошные апартаменты она привнесла свой дух и ум. Надев модные по сезону очки, она погружалась в чтение шедевров литературы, или наигрывала на фортепьяно произведения Бетховена и композиторов его круга. Портреты композиторов, поэтов, писателей, прорицателей будущего, взирали на нее с развешанных по стенам портретов.

Дед подмигивал Моцарту, Бетховену, Шуберту, Гёте, поклонницей которых была жена. Их серьезные лица облагораживали дом. Он приглядывался к гостьям супруги, сухим дамам с дорогими сумочками помпадур. За кофе они занимались рукоделием, вязали или вышивали, молча, выпрямив спины, сидя на краешках стульев, все в складках, пуговицах от подошвы до

подбородка. Дед убегал от шуршащих платьев — колоколом от бедер до пят, от причесок с множеством шпилек, которые собирали вверх их длинные волосы и делали хмурыми их жеманные и ханжеские лица.

«Яков! Яков!» — гостиная возвращала деда к звукам детства. Его мать и тетушка Текла оставляли вязальные спицы и нитки, чтобы покопаться в кошельках, украшенных жемчугами, извлечь оттуда флаконы с духами против дурных запахов, которые распространяли по гостиной детские одежды.

Темперамент деда не успокоился и после рождения детей. С закатом солнца, после поездок по делам, он возвращался домой, бросал взгляд на Альфреда и Артура, своих ухоженных сыновей, и цедил сквозь зубы: «Что это за дети: всегда аккуратные и вычищенные». С приходом вечера он облачался в элегантный серый или черный костюм, вставлял цветок в лацкан пиджака и направлялся к простым и естественным женщинам. Деда влекли развлечения большого города, но прежде чем в них погрузиться, он осведомлялся о правилах, которым учила детей жена, спрашивая их: «Альфред, Артур, от вашего деда не пахнет мертвечиной?!» Дух его восставал против этих правил, и он весело прохаживался по поводу тестя, профессора анатомии.

Бабка свысока взирала на поведение мужа. В душе она ощущала некое превосходство. Она, образованная и культурная женщина, семья ее занимается шелком, а не плебейским хлопком, как мужнина родня. Более того, один из ее родственников назначен консулом в Южной Америке. Бабка разгуливала по дому, как чужая, шаги ее были размерены и спокойны. В субботние вечера она молилась над свечами, в то время как дед, посадив на колени маленьких сыновей, рассказывал им всякие авантюрные истории. По утрам в субботу и воскресенье дед уходил из дома — скакать на лошади, плавать в реке или озере, развлекаться на цыганских ярмарках…

В послеобеденные часы он обычно наносил визит вежливости богатому дяде Аарону, торгующему коврами, или одному из его отпрысков — получить дельный совет. Каждый человек — специалист в своей области.

Альфред и Артур росли под влиянием консервативной матери. Но еще в детстве первенец Альфред сбежал от доменных печей семейной фабрики. В зрелые годы он похоронил себя в прошлом, изучая древние языки. Так он превратился в замкнутого и отчужденного профессора.

Артур же удивил отца. Сухость и холодность матери не повлияла на его дух, когда он влюбился с первого взгляда в

экзотическую девушку. Более того, будучи офицером, он дезертировал из армии во имя любимой. Но когда женился и родились дети, сын вернулся к консерватизму своей матери.

Дед вслух удивляется: что нашла эта темпераментная девица в его тяжеловесном солидном сыне, столь строго придерживающемся принципов и железных правил этикета. Марта — из породы деда. Он хвастается тем, что ни одна немецкая девица не идет ни в какое сравнение с его невесткой, столь похожей на него. Дед относится к ней, словно это женщина его мечты. Одаряет ее дорогими подарками. Они вдвоем из одной лодки забрасывают удочки в озеро, оба смеются и шутят. Вдвоем они скачут на лошадях по полям Померании, по лесам Берлина и его окрестностей.

Дом их превращается в аптеку. Доктор Герман Цондек, знаменитый врач и в Европе и за океаном, направляет Артура к специалисту в Бреслау, пионеру нового способа удаления опухоли скатыванием кожи до ее корня. И нет нужды в коже со щеки для покрытия раны, что может исказить лицо оперируемого. Но в отличие от обычной, новая операция опасна для жизни из-за ее сложности. Марта испугана.

«Артур, ты хочешь убить ребенка?»

«Имя хирурга известно во всем мире».

«Никто не коснется ножом ее головки. Такой родилась, такой Всевышний, благословенно имя Его, хотел ее».

Артур идет на всякие уловки. Решительным голосом, столь не привычным для него, пытается привлечь отца на свою сторону.

«Да, нельзя, чтоб Марта знала», — поддерживает дед сына, поднимается с кресла, ударяет тростью по полу в поддержку своего решения. Дед взволнован будущим. Они с Артуром украдут ночью ребенка и поездом в полночь отправятся в судьбоносное путешествие, и будь что будет.

В клинике в Бреслау их ждет потрясение. Ребенок-монстр в руках врача-монстра! Голова маленького врача между высоко поднятыми плечами как бы воткнута в горб. Он с уважением обращается к пациентам и без долгих разговоров протягивает руки к ребенку, сосредоточенно ощупывает опухоль. Ноги Артура каменеют. Дед тоже замер. Они еще погружены в размышления, а больничная комната наполняется звуками радости, лопотанием и чем-то похожим на смех. Ребенок улыбается от прикосновения рук врача. Движения ручек и ножек энергичны.

«Глазки у нее очень умные», — говорит врач, проверяя координацию ребенка, купая его в ванночке. «Девочка реагирует

невероятно живо. Здоровье у нее хорошее. И это увеличивает шанс, что операция пройдет удачно». Врач настроен решительно. Тельце ребенка напрягается, извивается в его руках.

«Если выживет, будет гением или идиотом», — осторожно добавляет врач. Артур видит стакан наполовину полным, его мнение решительно: «Лучше ей умереть, чем всю жизнь ходить в нечеловеческом обличье».

Жизнь в доме не вернулась в прежнее русло. К конфликту, который возник между Мартой и Артуром в связи с кражей ребенка, прибавляется новая драма. Врач и его жена, католики, душевно привязались к их темнокожему ребенку. Горбун рисует перед Артуром несколько неясную картину. Девочка, несомненно, умная, но отличается от всех. У нее не будет нормальной жизни. Никто не будет равнодушен к ее облику, и это может повредить ее развитию. Врач и его жена, которые буквально отдавали душу малышке, обращаются к Артуру с предложением. Он выслушивает его с явной благосклонностью и даже испытывает облегчение. Шесть раз беременела его любимая против его воли. Но он продолжает ее желать.

«Марта, у нас пятеро здоровых детей. Лучше ей воспитываться у специалиста», — обращается он, взывая к ее трезвому уму.

Марта дрожит всем телом:

«Я оставлю дом, если ты мне не вернешь девочку немедленно!» — голос ее пресекается.

Сенсация. Девочка Бертель указывает на белую повязку на своей голове, гордясь, что она только у нее, и занимает свое место в шумном и веселом доме. Семья возвращается в состояние покоя. С исчезновением большого шрама и снятием повязки с головки, опечалилось ее личико, словно она потеряла часть самой себя. Артур равнодушен к ее печали. Головка ее установилась симметрично на плечах, и черный шелк волос, выросших почти до ее плеч, прикрывает шрам. Его это успокаивает.

Хирург из Бреслау сказал, что она будет или гением или идиотом! Но девочка явно умна, и Артур вздыхает с облегчением. Ментальное и умственное ее развитие просто невероятно. Такого он не видел ни у одного из своих детей. Она надолго приникает к бархатным занавескам и что-то бормочет им. Если няня хочет ее оторвать от них, сопротивляется, словно в них ее живая душа. С невероятным упрямством борется с няней, чтобы та дала ей самой есть в столовой. Если что-то не по ней, она все переворачивает и крошит еду в тарелке, а на лице ее — победное

выражение.

«Бертель — гений!» — цедит Артур для успокоения собственной совести: ведь он ставил на карту ее жизнь. Но операция оказалась успешной сверх ожиданий. И постепенно любовь возвращается к Артуру и Марте.

Осенью 1920 дом осветился рождением рыжего ребенка. Эрнест, седьмой ребенок, зацелован, переходит из объятия в объятие, вся семья поглаживает его рыжие кудри, невзирая на сдержанность, принятую в буржуазных домах. Ребенок ломает не только традиции, но и любую вещь, встречающуюся ему на пути, потому и дают ему кличку — Бумба.

Бертель смотрит на младшего братика с откровенной любовью, но и с испугом, словно все страдания Вселенной легли на ее плечи. Недостаточно того, что она оттиснута в сторону. Лоц, семейный красавчик, не забывает страшного нароста, собирает вокруг себя своих дружков и кричит ей вслед: «Вот, ребенок Хармана!» И вслед за ним вся его ватага начинает петь:

Ну, погоди, еще, вот-вот,
Убийца Ханман к нам идет.
Топор кровавый на весу
Тебя разрубит в колбасу.

Ватага подхватывает:

Не убежишь, еще, вот-вот,
Убийца Ханман к нам придет,
Топор нам даст, и на весу
Тебя разрубим в колбасу.

Бертель печальна. В доме не видят, насколько она несчастна. В ежедневной газете пишут, что психопат Ханман убивает юношей, но не является серийным убийцей младенцев. И все же Бертель в страхе: ведь Ханман гуляет на свободе, а в доме запрещено опускать ночью жалюзи, как в соседских домах, ибо больные легкие Артура нуждаются в свежем воздухе. Она всегда убегает в радужные сны, когда на нее нападает плохое настроение.

Вот, на днях семья вышла прогуляться по Берлину. Отец и мать шли рядом. Отец держал за руку Лотшин, мать — за руку Гейнца. Кудрявые Руфь и Эльза прилепились к ним сбоку, а бонна Фрида катила сзади коляску. Бертель с трудом передвигала ноги,

отстав от всех и чувствуя, что никого из них вообще не интересует ее существование. Вдруг Бертель увидела себя парящей в воздухе. Вот она приземляется на вершину вулкана и вообще исчезает.

Бертель не дружит с окружающим миром. Почему, по требованию отца, она должна толкать по аллее коляску с куклой, как все девочки пригорода? Рейзель, внучку друга их семьи, директора школы, приставили следить за ней. Рейзель не может отвести глаз от красивой куклы Бертель, к которой сама она относится равнодушно. Кукла открывает и закрывает глаза и даже говорит. Рейзель в восторге от ее куклы. Ее же кукла безмолвна, как камень. Рейзель снимает шелковое воздушное одеяльце с куклы Бертель, гладит ее по щекам, приводит в порядок ее золотистые волосы, поет ей песенки, обращается к ней, щелкая языком, ибо «мама» Бертель молчит, как полено. Шагает себе и не разговаривает.

Бертель — книгочей. Не смотрит на кукол, на игрушки, игры. Но с Гюнтером, красивым и умненьким мальчиком, она готова не только читать, но и играть. Гюнтер, разодетый вовсю, шагает рядом с Бертель по улице. Она сложила руки на груди, как истинная госпожа, а Гюнтер толкает коляску с куклой. Он усаживается на скамью, и она садится рядом, выпрямляясь во весь свой маленький рост. Папа Гюнтер говорит маме Бертель, что следует вести беседу, и спрашивает:

«Что ты сегодня сварила?»

«Я приготовила тебе клопс и вермишель».

«Большую котлету и вермишель? — Гюнтер недовольно качает головой, — а что с носками, ты их заштопала?»

«Нет».

«Почему?»

«Забыла».

«Ты плохая жена. Придем домой, я тебе покажу, что делают с такой плохой женой, как ты».

Маленькая женщина молчит. Муж Гюнтер сердится.

«Какие новости в твоей семье?»

«Дед купил что-то новое для своих гусей».

«Ага, твой дед? На что он тратит деньги?! Мой отец так себя не ведет».

«Ты унижаешь моего деда, и ты больше мне не товарищ».

«Значит, мы не поженимся».

«Нет, не поженимся».

Гюнтер и Бертель — друзья не разлей вода. Часами их головы склонены над книгами в библиотеке Артура. Гюнтер, интеллигентный еврейский мальчик, объясняет Бертель, что

верно, а что нет. Говорит ей, чтобы она не верила в глупости о рождественском празднике, о богоматери, которая посылает с неба снега. Он худ, высок, шатен с большими карими глазами.

Брат его Клаус, по кличке Пумешен, невысокий, округлый, тоже умненький мальчик. Мать их умерла. Отец — директор банка в пригороде, внушительный мужчина. Гюнтер и Бертель учатся в одном классе, хотя он старше ее более чем на год. По рекомендации директора школы Бертель сидит на школьной скамье с начала года, а ведь в этом 1923 году ей еще не исполнилось и пяти лет. С тех пор, как домашний учитель Фердинанд научил ее складывать букву к букве, и слово к слову, она читает, пишет и рисует с большим воодушевлением. Сельские дети, учащиеся с ней в одном классе, смотрят с изумлением на этого маленького гения и все время спрашивают, что пишут в газете о психопате Ханмане. Бертель любит учиться в школе, и Гюнтер сопровождает ее, рука в руку, в класс. Каждое утро они вдвоем пересекают парк, а иногда их братья, Пумешен и Бумба, тянутся хвостом за ними.

«Я готовлю приданое», — говорил Артур другу. Но настал скорбный день, который нанес непоправимый удар Гюнтеру и его младшему брату. Легочное заболевание свело в могилу их отца, а через два года умерла мать. Согласно завещанию, дети перешли на воспитание в дорогой еврейский интернат для сирот в западном Берлине. Бертель очень скорбела по уходу Гюнтера, ее жениха и душевного друга.

Случилось что-то ужасное. Отец и дед, белые, как стена, стоят у постели матери, лежащей без сознания. Старшие дети, заледеневшие от ужаса, прижались к стенам ее комнаты. Фрида тянет маленькую Бертель в столовую, чтобы увести ее от больной матери. И, самое странное, тетя Бианка кормит маленького Бумбу. Никогда Бианка не сидела за семейным столом вместе со всеми. Всегда занималась готовкой и уборкой кухни, и мать кричала ей: «Бианка, иди, причешись, невозможно расхаживать в таком виде». Бертель не знает, что отец разрешал общаться с детьми ее слабоумной сестре, чтобы не нанести ущерб их воспитанию. Марта не спорила в этом вопросе с Артуром и вела себя по отношению к сестре явно не так, как ей этого хотелось. Но во время каникул Бианка жила во флигеле служанок, в конце большого дома.

«Фуй», — Бертель в столовой выплевывает незнакомую ей пищу — сосиски, и с удивлением рассматривает их в тарелке перед тетей.

Бумба же с большим аппетитом размалывает зубами мясо.

Дом в сумраке и трауре. В пятницу, когда начало смеркаться, Марта почувствовала головную боль и попросила любимую свою дочку Лотшин погулять с ней в саду — подышать свежим воздухом. В субботу, утром, врач вышел из комнаты больной явно шутливо настроенный: «У господина Френкеля много денег: из-за головной боли он вызывает врача». Спустя некоторое время после его ухода, Марта потеряла зрение.

В полдень душа покинула ее тело.

Дом погрузился в скорбь. Эпидемия менингита, желтого гриппа, бушевавшая в Германии после окончания войны, лишила жизни красавицу мать. Дед ее Кротовски из Кротошина примчался в Пренслау. В доме скандал. «Этого не будет! — кричит он, глубоко религиозный человек. — Дочь его не будет похоронена в скверне чужой земли».

«Вся земля Германии священна,» — стучит тростью в пол дед Яков, и волосы его встают дыбом. Марта, его любимая невестка, будет похоронена в саду его усадьбы, между дикими зарослями и кустами сирени, которую она так любила.

Тяжкий этот спор разрешает раввин из Штеттина к удовлетворению отца покойной. Похороны будут по еврейскому обычаю на еврейском кладбище.

На семь дней траура закрылись ее отец и его сын, брат Марты, Ицкалэ в комнате, отведенной им в доме семьи Френкель. Фрида, с нескрываемо кислым выражением лица, поставила им на стол новую посуду и кошерную пищу, специально привезенную из Штеттина. После семи дней траура маленькие Бертель и Бумба вернулись из дома дяди Ицкалэ, брата матери, в Бреслау — в свой дом. Пребывание у дяди было сокращено из-за Бертель: она не хотел мыться, ничего не хотела брать в рот и все время плакала. В доме дяди все это относили за счет ее тоски по матери. Только служанка одна поняла, что все это от стыда. Пятилетняя девочка мочилась в постели, как и Филипп, сын дяди и тети.

Миновали семь дней, и гнев Фриды был обращен на бородатого еврея, отца покойной Марты: на семь дней он заперся в комнате, не менял одежды, не обменялся ни единым словом с внуками. После семи дней он тут же уехал с Бианкой в Кротошин и велел сыну Ицкалэ продать их семейный дом.

Марта покинула этот мир. Артур исчез — переживать свое горе в неизвестном никому месте. В течение суток мгновенные и резкие изменения произошли в жизни детей. Лотшин оставила гимназию, чтобы помочь Фриде следить за младшими сестрами и

братьями. Гейнц, молодой, умный парень, закончивший гимназию с отличием, расстался с мечтой — поступить на гуманитарный факультет университета имени Гумбольдта в Берлине.

«Слушай, парень, — с высоты своего роста обратился дед к внуку, похлопав его по плечу. — Я не люблю, когда меня потчуют пустой тарелкой, без супа. Хватит нам двух философов в семье».

Дед имел в виду двух своих сыновей гуманитариев: «Еще одна такая катастрофа, и я сойду в Преисподнюю». И, вопреки своим наклонностям, Гейнц записался на учебу в высшую школу торговли и бизнеса. На плечи старшего брата легла вся тяжесть ответственности за сестер и братьев. Он видел в этом свой долг перед покойной матерью.

Любовь к маме направляла Гейнца. Умный и красивый мальчик постоянно был рядом с матерью. Над ним смеялись, называя маменькиным сынком, говоря, что он держится за мамину юбку. Но никакие насмешки не могли отдалить его от матери, заменить его первенство в ее сердце.

Мать покинула этот мир, отец удалился. Дед затеял капитальный ремонт в берлинском доме к приезду внуков. Старшие почувствовали ответственность и старались преодолеть катастрофу. Бертель чувствует ужасное одиночество. Боль и печаль отдаляют ее от самой себя.

Нечто странное происходит в ее душе. Как никогда раньше, она страдает от присутствия людей, ибо она, девочка странная и некрасивая. Каждый взгляд на нее со стороны сбивает ее с толку. Особенно взгляды милосердные, холодные и равнодушные, и даже теплые, поддерживающие или переживающие за нее — какими бы они ни были — холодят ей спину и охватывают дрожью все тело. Что-то в ней происходит. Что-то чужое заставляет ее уединяться, забиться в какую-нибудь щель с последним подарком матери — небольшой коричневой шарманкой, наигрывающей колыбельную песню Брамса.

В усадьбе деда, в Пренслау, она заползала на животе в потайную комнату, чтобы никто не видел ее плачущей, и там ослабевала колющая боль в горле от тяжести, что поднималась волной из живота до головы. В этом тайнике увлажнялись ее щеки от слез — из-за злого мальчика из класса, который стащил с ее стола закладку из слоновой кости, подаренную ей дедом после похорон матери. В классе она не покидала своего места, боясь попросить у воришки вернуть ей красивую закладку, потому что он кричал ей вслед: «еврейка, еврейка!»

Она не знает, что это — еврейка, но чувства ей подсказывают, что это — оскорбительная кличка. В этом темном углу усадьбы деда нашла она место для одиночества, и там же душа ее

окутывается печалью по Гюнтеру, круглому сироте, что был ее женихом и единственным настоящим другом.

Бертель замыкается в себе. В тайнике тоска по матери обращает ее к воспоминаниям, возвращая материнский голос: «Артур, зачем наказывать ребенка. Он просто хотел нас удивить».

Дело в том, что во время каникул в Берлине родители ушли в город немного развлечься, а Фрида следила за детьми. Маленький Бумба достал из подвала коробку красок и щетку и прокрался в чайную комнату, расположенную во «взрослой» части дома.

Вернувшиеся родители впали в шок, найдя малыша в чайной комнате. Малыш с гордостью показывал родителям покрашенные стены. Отец решил наказать Бумбу — не выпускать его из комнаты. Мать отменила наказание, и отец ограничился предупредительной воспитательной беседой.

«Бертель! Бертель!» — крики несутся издалека, врываются в сон. Ильтшен, поздний ребенок графа и графини, по кличке Попшен, хочет спуститься к реке. Попшен того же возраста, что и Бертель, и плавает, как рыба. Как-то отец Бертель видел, как Попшен прыгает в воду и плывет, загребая воду руками. Он озабоченно морщил лоб, ибо его дочь-малышка грустно стояла на берегу и не хотела напрягать мускулы, подобно смелой дочери соседей. Отец не понимает, что она боится утонуть.

Марты нет. Артур исчез. Дед и его внуки живут в богатом доме на Вайсензее, в Берлине. Домашний учитель детей Фердинанд живет на одном этаже с детьми. Руфь, Гейнц, Лотшин и Эльза как-то сразу повзрослели. Бертель в одиночестве болтается по Западному Берлину, кружит вокруг огромного здания, в надежде найти Гюнтера во дворе сиротского дома. Лотшин запрещает ей искать Гюнтера и его младшего брата, а также встречаться с помощником директора банка в Пренслау, который уволен и теперь проживает в Берлине. Бертель не перестает рыдать. Ей не дают встречаться с любимым ею молодым банкиром, который скачет верхом, как рыцарь, герой романов. В Пренслау он останавливал коня около нее, интересуясь книгой, которую она читает, задавал ей вопросы и говорил, что она красива и умна. Иногда соскакивал с коня и читал вместе с нею. Рыцарь не забыл свое обещание — повести ее в дорогое берлинское кафе, но Лотшин теперь полностью руководит ее жизнью. Опять отобрала у нее телефон и решительным голосом сказала банкиру, что Бертель маленькая девочка, и она запрещает ей с ним встречаться. Бертель заупрямилась, сказав, что он — ее друг, и только он ее любит.

Лотшин ожесточилась, увидев, как он усаживает ее маленькую сестру в седло, гладит ей волосы, осыпает ее комплиментами. Ей казалось подозрительным такое отношение симпатичного молодого человека к ее сестре, еще совсем ребенку. «Подрастешь, я тебе объясню», — говорила она Бертель строгим голосом.

Мир продолжал жить по своим законам, но Пренслау не был желанным для Бертель городом без матери, без отца, оставившего дом, без владельца банка, умершего от болезни легких, без сирот — братьев Гюнтера и Клауса, без молодого банкира — рыцаря.

Дед сказал, что летние каникулы они проведут в его усадьбе, но она предпочитает потаенные уголки их дома в Берлине. Прячется в соломенных корзинах, предназначенных для изношенных детских одежд, прячется в кустах розовой и белой сирени. Какая-то магическая сила толкает ее в эту сиреневую гущу. Без определенной цели укрывается в зарослях сада, окружающего дом. В руках у нее — тетрадь, карандаш и ластик. В мгновение ока неживые предметы превращаются в ее воображении в живые существа, и тетрадь заполняется рассказами о них. И столь же неожиданно прекращаются мелодии, звуки становятся скрипучими, слова исчезают.

Она отдаляется от самой себя. Ее охватывает страх, пока мысли не возвращаются к ней. Только так она все более приближается к себе. Стирает все написанное и сочиняет новый рассказ. Ей кажется, что если она расскажет отцу о том, что с ней творится, он даст ей мудрый совет, как быть. Но отец уехал и не знает, насколько она несчастна. Странные видения посещают ее, и порой она не может различить, дремлет или бодрствует, объемлют ли ее грёзы, или это происходит в реальности. Она дает себе обет молчания. И в душе ее сливаются все чувства, ощущения, мысли в единое целое.

Бертель замыкается в себе. Никто из окружающих не проникнет в тайны ее души. Аромат сирени усмиряет ее мысли, строящие миры в ее воображении. В окружении благоухающих цветами клумб она чувствует себя защищенной от любых горестей.

«Бертель! Бертель!» — домашние ищут, куда спрятался этот гадкий утенок. Фердинанд и Фрида, служанки и дети носятся по коридорам, комнатам, рыщут на чердаке, среди старых перин и ветхих одеял. Она не отвечает. Неотпускающая тоска по матери сушит гортань, не дает возможности издать хоть звук, уносит ее в мир галлюцинаций, попадает в самые запутанные извилины ее души. Единственный, кто понимает, что с ней происходит, кажется ей, это старый садовник, живущий в маленьком домике, в глубине сада. Он обнимает ее, и она прижимается к нему, прячет

голову у него на груди, и человеческое тепло согревает ее.

Наступило лето. Гейнц на их черном автомобиле вез Бумбу, Лоц и Бертель на усадьбу к деду. Лоц и Бумба всю дорогу развлекались, а Бертель трудно было дышать от страха, что вдруг олень выскочит из леса под колеса автомобиля, и они опрокинутся посреди шоссе. Так погибла графиня из Пренслау. Лишь тогда, когда автомобиль приблизился к старой стене, окольцовывающей городок, миновал ворота, покатил по широкой аллее, Бертель успокоилась. Эта красивая дорога всегда вызывала в ней волнение.

В большом дворе дедовской усадьбы блеет коза, мычит корова, ревет осел, кудахчут куры. По соседству с курятником и загоном коз, в тени деревьев, Бертель погружается в чтение, в то время как Бумба и Лоц носятся с ватагой детей среди грядок картофеля и сахарной свеклы, среди колосьев пшеницы и ржи, чумазые, грязные и даже не думающие мыться. Гребень не касается их диких шевелюр, вши могут вольно в них размножаться, грязь накапливается под ногтями. Все это вовсе не волнует деда, и он с удовольствием наблюдает за любимыми внуками, этакими свежими цветами жизни, вырвавшимися на свободу из тисков воспитания и дисциплины, в которые заковал их его сын Артур. Внуки шатаются по зеленым просторам, как дикари, без устали взбираются на холм, огражденный забором, рядом с усадьбой деда, и скатываются к чистым водам озера. Здесь же, на вершине холма стоит Филес Копель, надсмотрщик над лошадьми всех усадеб, окружающих городок. Дед покрывает значительную часть содержания Копеля, выдавая ссуды графу, которые становятся безвозмездными. Копель один из пяти возничих, которые занимаются лошадьми, живет в домике. Лоц с дружками любит посещать этого грузного краснощекого конюха. Бертель же побаивается его, не любит площадной язык общения деда с пьяными рабочими. Они не говорят, а кричат все сразу лающими голосами на тяжелом прусском сленге юнкеров. Отца нет, и Бумба позволяет себе шутить с рабочими на этом примитивном языке, дешевом и грубом. Она прячется в каких-то потаенных уголках, ей мерзко от этих лающих криков.

Воскресное утро в городке не похоже на обычное. Дед, одетый в праздничный костюм, повязав галстук, вставив в лацкан цветок, в черном цилиндре, взбирается в черную блестящую карету. В руке у него трость с серебряной рукояткой. Дед едет в церковь с внуками и двумя рабочими, также нарядившимися в праздничные одежды, чтобы выслушать проповедь и помянуть в молитвах деда, дающего им заработать на жизнь. А дед возносит глаза к небу, молясь не восседающему на небесах, а кайзеру, его величеству

Вильгельму Первому, в дни правления которого дед создал процветающее предприятие — завод по производству железа и стали. Он также не забывает в своих молитвах Вильгельма Второго, пребывающего в изгнании после катастрофы, к которой он привел отечество.

Во вторую половину воскресного дня множество людей общины собирается в усадьбе. В гостиной сидят женщины, пьют кофе, едят пироги и вяжут носки с управительницей дома Агатой. В большой беседке, во дворе, вместе с дедом, сидят мужчины. Лысый скотник Руди разливает по бокалам пиво, вино. Все пьют, закусывая баранками. Граф, владелец самой большой усадьбы в округе, тоже приходит и усаживается между мужчинами в беседке. Опьянев, он начинает вещать: «Кровь должна пролиться! Кровь! Евреи виноваты!» Нос его багровеет, волосы встают дыбом, как у ежа. Обернувшись к деду, добавляет: «Но если бы все евреи были как ты…» Прежде, чем он успевает хлопнуть деда по плечу, у того тоже волосы встают дыбом, и он орет: «Дубина! Чтобы ты и все, такие же, как ты, тупицы, делали без евреев!»

Кончились летние каникулы. Дети возвращаются в Берлин.

Глава вторая

Раздается звонок дверного колокольчика. Фрида открыла дверь. «Хозяин приехал!» — закричала она. Все стихло в доме. Артур обвел стены потускневшими серыми глазами. Рядом с ним стояла незнакомая женщина. Фрида, захваченная врасплох, взяла в руки чемодан и окинула мимолетным взглядом полную шатенку, которую господин привез с собой из Давоса. Гостей мгновенно обступили удивленные дети со школьными ранцами. Даже маленький Бумба, который не закрывал рта, замер на несколько секунд, а придя в себя, закричал: «Отец вернулся!»

Дед и Фрида не были так удивлены, как дети, ибо были в курсе дела.

В передней напряжение не спадало. Бертель и Бумба довольно равнодушно оглядывали спутницу отца. Старшие братья и сестры сжимали зубы, неприязненно глядя на отца и его спутницу. Он оставил семерых детей сиротами и не подавал о себе весточки. Такое дети не прощают. Не прошло еще и года со дня смерти матери, а чужая несимпатичная женщина врывается в их жизнь. Старшие отводят Бертель и Бумбу от этой женщины, как от скверны.

Женщина, Дорис Брин, медсестра клиники в Давосе, запирается в отведенной ей комнате. А хозяин дома, женившийся на тридцатилетней женщине, не защищает ее от враждебности и холода. В этом роскошном доме спальня Дорис отдалена от спальни Артура. Новая жена чувствует себя как зверь в золотой клетке. Не может Артур, так скоропостижно женившийся на Дорис, разделившей его трапезу и его скорбь, сопротивляться витающему вокруг него духу покойной красавицы-жены, его любимой Марты. Она преследует его в воспоминаниях о проказах, оживлявших каждый миг их супружеской жизни весельем и лаской. Все это мешает ему привыкнуть к сухости и консервативности новой жены. Марта поджидает его в каждом уголке окружающего пространства, отдаляя от Дорис.

«Вот что значит, жениться от безысходности, — сухо объяснил он старшим детям Лотшин и Гейнцу, видя их укоризненные взгляды. — Бертель — необычный ребенок, Бумба — избалованный дикарь. Они нуждаются в матери». Гейнц сомневается в этом и обвиняет его в безразличии к своим детям, в том, что оставил их.

В Гейнце живет неприязнь, копившаяся годами. Он не забыл, что Марту, их мать, отец желал иметь лишь для себя, отдаляя ее от детей. Несколько месяцев, с момента появления мачехи,

Бертель обреталась в нише, около кухни, в которой раньше, до появления центрального отопления, хранили уголь. Теперь она пустовала, и Бертель, свернувшись в клубок, ловила обрывки женских кухонных сплетен. На кухне говорили о том, что будет после того, как новая жена отца покинет дом. Фрида с удовлетворением сообщала, что дед занимается возмещением убытков новой жене и делами развода. Бертель ползком выбралась из ниши, поднялась по винтовой лестнице и ворвалась, подобно циклону, в комнату Лотшин.

«Лота, новая папина жена уходит!»

«Жены нет. Она не существует, — Гейнц зашел в комнату и сердитым голосом холодно и жестко приказал: — Бертель, забудь эту женщину».

Дорис покидает дом: то ли возвращается в свой родной город Лисау с большой суммой компенсации, то ли остается в Берлине работать медсестрой в еврейской больнице. Но история на этом не завершилась. По закону Дорис остается женой отца. К разочарованию и огорчению детей она вернется в дом.

Но пока, с ее уходом, отец ведет себя странно. Он снял с дубовых стен картины периода рококо, работы известных экспрессионистов, и вместо них повесил масляные портреты покойной жены, написанные художником по ее фотографиям.

Бертель трудно дышать. Со всех сторон мама следит за ней пронзительным взглядом — в гостиной, в комнатах, в большой библиотеке и даже в роскошной столовой. Постоянное напоминание о потери отзывается болью в душе девочки, она изо всех сил старается сдерживать слезы горя. Старшие братья и сестры молчат, но и им тяжело. Фрида вообще не выражает своего отношения. Артур, которого она вырастила, вернулся домой чужим. Фрида смотрит на портреты покойной, а перед ее взором стоят молодые хозяева, танцующие в гостиной под громкие звуки музыки. Она помнит, как Артур брал из рук жены гребень из слоновой кости и расчесывал ее шелковые волосы. И вся комната вспыхивала пламенем любви.

Артур изменился. Фрида, с давних пор держащая дом в своих руках, сочувствует его страданиям и преклоняется перед его мужеством. Артур никому не доверяет своей печали. Подобно ему ведут себя дед и дети. Каждый, согласно своему характеру, в одиночестве, в себе самом, борется со скорбью. Так уж они воспитаны — аристократы, привыкшие не выказывать своих чувств.

Артур следит за образованием и воспитанием детей издали. На этаже, где расположены комнаты детей, находятся специально оборудованная по его указаниям, в соответствии с продуманными

принципами педагогики, ванные комнаты. Пол и стены облицованы дорогим кафелем. Для дочерей кафель с голубой полосой специально был заказан в голландском городе Дельфт. Три ступени ведут к большому бассейну для купания. Ширмы отделяют бассейн от застекленной веранды, предназначенной для спортивных занятий. Здесь расположены гимнастические снаряды для упражнений на кольцах, брусьях, коне. Висят боксерские груши, стоят высокие лестницы. К ванной примыкает солярий, где дети могут загорать. В том, что касается гигиены, Артур не терпит никаких поблажек. У каждого ребенка свой личный комплект для купания: полотенце для лица и для тела, купальный халат и обувь, маленький коврик. На всех вещах вышиты имена владельцев. В ванной — отменная чистота и порядок. Блещут чистотой умывальники, большие зеркала по стенам, шкафы для пижам, шкаф, набитый лекарствами, кремами и мазями — всем, что необходимо для гигиены тела.

Постепенно Артур возвращается в свое нормальное состояние, устанавливает в доме прежний порядок. Только одна Бертель нарушает правила. То она прячется за бархатными портьерами, ниспадающими до пола в кабинете отца или в гостиной, то в пять часов после полудня устраивает засаду на отца в просторной столовой, самой красивой комнате дома. Артур сидит за черным роялем, окруженный стенами из темного дуба, и прекрасная Марта следит за ним с портрета. Над складками пурпурных портьер ее карие глаза улыбаются в такт звукам рояля.

Фрида ревностно охраняет уединение отца. Но Бертель вторгается в него, всякими уловками обходя стоящую на страже домоправительницу.

«Есть у тебя бриллианты и жемчуга, есть у тебя все, чего жаждут люди, — звучат из уст отца под музыку Шуберта стихи Гейне. — Прекрасны глаза твои. Скажи, любимая, чего ты еще желаешь». Бертель слушает, затаив дыхание. Отец — тонкая натура. Но сейчас его обычно сдержанное, спокойное лицо изменилось, стало странным, чужим. Он словно бы уменьшился, обмяк. Глаза не отрываются от портрета на стене. «Я купил тебе жемчуга», — жалобы его нескончаемы. Взгляд жены на портрете полон любви и жалости. В звуках рояля колышутся, то вспыхивая, то погасая, воспоминания. Отец тонет в страданиях, вырывающихся мелодией из-под пальцев:

Для тебя — жемчуга и золото,
Ибо сердце мое расколото.

От любви ли, от жажды пылаешь?
Я куплю все, чего пожелаешь.
Мое сердце рвется на части.
Что еще тебе надо для счастья?
Сердцу больно под игом любви.
Чудно светятся очи твои.

Бертель соприкоснулась с отцовской тайной. Лицо его осунулось от тоски и страданий. Его несчастье, его одиночество передаются Бертель, вызывая в ней нестерпимую жалость к отцу — ведь он страдает от того, что не сумел спасти любимую.

Лотшин права: эпидемия гриппа унесла на тот свет многих. Невозможно было спасти мать. Отец играет произведения Шуберта и Бетховена, и эти звуки смягчают в его душе боль и тяжесть утраты.

Бертель следит за каждым его шагом, и боль скрепляет их невидимой нитью. С того дня, как отец вернулся домой, он избегает дочь, не обращается к ней, как к малышу Бумбе: «Идем, дорогой мой, погуляем немного по саду». Отец протягивает руку любимчику и ведет его по садовым тропинкам. Они переходят от дерева к дереву, от цветка к цветку, и отец рассказывает ему о свойствах растений, всему, чему учил его садовник. Но она, Бертель, черная, как ворона, стоит в стороне, ибо нет у нее симпатичных веснушек на лице и рыжих до красноты кудрей. Бумба хвастается, что все его любят, балуют, и он прав. Отец не наказывает его за то, что он врывается в его кабинет, когда ему заблагорассудится. Бумба усаживается отцу на колени, смешит его своими шалостями. Отец гладит его кудри с нескрываемой любовью, и это вовсе не связано с днем рождения малыша. Иногда вечером отец поднимается в его комнату — пожелать любимчику спокойной ночи и поцеловать его в лоб. И Бумба спрашивает:

«Почему у всех детей есть мамы, а у меня нет?»

«И у тебя есть мама. Она все время с нами».

«Расскажи мне про нее».

«Что бы ты хотел услышать?

«О гусях. Как они атаковали маму».

Бертель прижимает ухо к двери, и ревность бушует в ней. Лотшин говорит, что она большая и умная девочка, и не надо ей рассказывать сказки, которыми потчуют малых детей. Добрая старшая сестра не может понять всей серьезности проблемы, которая мучает младшую. Каждый раз, когда отец натыкается на нее в длинных коридорах, в гостиной или столовой, он

отворачивает голову.

«Лота, отец меня не любит. Не смотрит на меня, потому что я черна и не так красива, как все остальные».

«Тебе это только кажется. Отец о тебе заботится больше, чем обо всех остальных».

«Нет, Лота, он даже не смотрит на меня».

Перед Бертель маячит взгляд отца, холодный, уклоняющийся. Порой он полон отчаяния и беспокойства, порой — удовлетворения и гордости, а порой — глубокой тоски. Невыносимо для нее выдерживать его разочарованный взгляд. И вовсе неверно, что отец именно ее любит больше всех, ибо она похожа на мать. Отец отталкивает ее, потому что она уродлива, да и характером не походит на своих сестер и братьев. Бертель прячется по темным углам дома, уходит мыслями в глубины своей души. Конечно же, Лотшин понимает, что сестренка тоскует по матери, и потому старается больше играть с ней.

Волшебство и святость таятся в темных застывших портретах матери. Бертель получила из маминых рук маленькую коричневую шарманку, последний ее подарок. Колыбельная песня Брамса звучит из шарманки и проникает в детскую душу. Девочка слоняется из угла в угол, поглаживает зеленые шелковые портьеры и такое же покрывало на пустой постели. Лотшин видит, как сестра вдыхает запах, заполняющий комнату, и говорит, что отец любил особые духи матери — смесь лимона, масел, разных ароматных растений. Бертель открывает шкафы, разглядывает одежды из бархата, роскошных мехов, зажмуривается, уткнувшись носом в мягкие шелковые ткани, аккуратно сложенные в ящики. Ароматы пульсируют, распространяясь от парфюмерии, маникюрных наборов, гребней из слоновой кости, Все это в сумрачной комнате матери кружит ее голову, ввергает в священный трепет.

«Они сделаны из слоновых бивней, Бертель», — Лотшин показывает ей столик с косметикой. Большой поднос из слоновой кости загружен разными вещицами из той же слоновой кости — гребнем, щетками, флаконами, крохотными бутылками с духами, фигурками животных. Бертель так хочется прикоснуться к этим вещицам, но рука непроизвольно прячется за спину. «Бертель, это мамино наследство. Она хочет, чтобы ты играла с этими вещицами», — говорит Лотшин и оттягивает цепь настенных часов с кукушкой. Раздаются звуки вальса Штрауса. Зрачки девочки расширяются при виде танцора и танцовщицы, которые выглядывают, сменяя друг друга, из окошечка часов, тоже сделанных из слоновой кости. «Бертель, расскажи мне историю танцора». История длинная, Лотшин два-три раза оттягивает цепь

часов. Бертель, можно сказать, импровизирует, сочиняя историю о принце-танцоре и горькой участи танцовщицы. Лотшин повязывает шелковый платок матери на голове девочки, и сказка удлиняется. Танцовщик объясняет танцовщице, почему, как наказание, на ее голове образовался нарост. Принц устроил засаду и ждал, когда она выйдет из домика слоновой кости, и приказал ей танцевать. Она возражала. Тогда он выхватил меч и убил ее. Лотшин слушает молча, погрузив руку в глубокий серебряный сосуд. Затем предупреждает: «Нельзя трогать вещи матери без разрешения».

Внезапно Бертель трясет головой. Венецианское зеркало матери пугает ее. Нескладная, с гривой черных волос девочка, взирающая из глубины зеркала, отпугивает ее. «Давай, поиграем в дочки-матери», — Лотшин отгоняет от сестренки страх. Девочка растягивается на оранжевом ковре, пряча лицо в серебряный сосуд, хнычет.

«Тебя зовут к столу поесть, — говорит Лотшин, — а ты не можешь оторваться от книги! Вся семья за обеденным столом, а ты куда-то пропадаешь». «Мама» Лотшин строго отчитывает дочь. Девочка молчит и почти не дышит. «Бертель, игра закончилась. Возвращайся к жизни», — провозглашает Лотшин и покидает вместе с девочкой комнату. Отец не должен знать, что чья-то нога ступала в «Святую святых» покойной матери.

Отец наказал хранить одежды, вещи, драгоценности и предметы парфюмерии — любую мелочь, принадлежавшую ей. Фриде вручил он на хранение ключи от комнат покойной с единственной целью — следить за чистотой и вовремя удалять пыль.

Но малышка Бертель нарушает границы и проникает в запрещенные отцом места. В комнате матери сидит в одиночестве перед большими зеркалами и не решается в них заглядывать. Отдергивает руки от парфюмерного столика, от подноса с украшениями. И тут начинается большое веселье. Бесы, ведьмы, голоса и разноцветные привидения врываются в комнату, кружась в нескончаемом танцем, пугая трубными звуками. «Бертель!» — голос привидения сотрясает стены комнаты. Бумба, с криком, вырывается из укрытия. Фрида бежит на крик, хватает Бертель за загривок, выволакивает нарушительницу из спальни покойной.

Бертель замыкается в себе. Фрида не понимает, какой душевный урон она наносит малышке. Из-за Фриды добрые голоса исчезают. Злые же голоса заполняют ее сны, уносят ее в неизвестные дали, она произносит невпопад странные фразы, вызывающие смех у домочадцев. Говорят, что своими странностями она походит на дядю Альфреда, чудаковатого

профессора.

И тут происходит нечто странное и пугающее. Девочка напугала Фриду. Она записала для отца бредовые видения, которые вертелись у нее в мозгу.

«Бертель», — отец обращает на нее непривычно мягкий взгляд, — не торопись взрослеть. Займись играми, а не взрослыми мыслями».

Лотшин пытается тронуть его сердце:

— У Бертель слабый впечатлительный характер. Она думает, что ты ее ненавидишь.

Отец отвечает ей откровенно:

— Ее черные глаза приносят мне боль. Словно на меня смотрят глаза ее матери. Я не могу это выдержать.

— Ты обязан это преодолеть.

— Береги свою сестру.

Обычно он удобно устраивался в своем кожаном кресле, покрыв колени тигриной шкурой, а Марта следила за ним печально и задумчиво с двух портретов на стене — в золотой и кожаной коричневой рамках. Бертель беспокоит его: она единственная из детей, кто хочет знать своих бабку и деда из польского Кротошина. Он уклоняется от ее просьбы. Никак не может простить тестю и теще то, что они отказались от дочери.

Он, жестко придерживающийся порядка и дисциплины, со стороны наблюдает за тем, как растут его дети — в атмосфере вольности и вседозволенности.

Лоц и Бумба заперли дядю Мартина в туалете и, слыша его крики о помощи, хохотали. Бумба, его любимчик, не получил основ правильного воспитания. Бертель всегда выглядит неряшливой, ходит с гривой нечесаных волос, в запятнанной одежде, ее ногти не подстрижены. Фрида жалуется на то, что девочка не моется, не чистит зубы, прячется по темным углам, уединяется и молчит. Артур хочет послать младших детей в элитный интернат в Англии или Швейцарии. Дед встал на дыбы: «Прекрати эти разговоры, Артур, ни один ребенок не покинет этот дом!»

Гейнц и Лотшин по-прежнему сердятся. Они считают, что отец, который бросил детей в скорбные дни траура, а затем вернулся с новой женой, даже не поставив их в известность о таком важном событии, потерял право указывать им, как жить. Взрослые дети не простят ему отчужденность. Дед оставил свою усадьбу, приняв на себя обязанности отца. Гейнц стал его правой рукой в управлении сталелитейной фабрикой. Лотшин была вынуждена оставить учебу в гимназии и заняться домашним хозяйством. Теперь она помогает Фриде в воспитании младших

детей. Кудрявые сестры-близнецы считают, что могут жить так, как им хочется.

Фрида, воспитавшая и Артура, и его детей, теперь свысока смотрит на берлинский плебс. Один раз в год она наряжается, запахивает полог роскошной меховой шубы, подаренной ей к Рождеству, и с чувством собственного достоинства отправляется на шикарном автомобиле в сопровождении хозяина дома в банк. Она не становится в очередь у окошка кассира. Дед заранее сообщает об их визите. Его товарищ, управляющий банком, сам торжественно встречает его и госпожу Фриду. Он принимает ее согласно правилам поведения с дамами высшего света. Он ведет ее в свой офис, чтобы принять годовое жалование и вручить ей финансовый отчет о скопившемся за многие годы капитале. Фрида вовсе не испытывает волнения при виде внушительных сумм и, как обычно, говорит: «Так или иначе, я все завещаю детям».

В последнее время Артур произвел Фриду в управительницы дома, вверив ей контроль над гигиеной детей, их питанием и распределением карманных денег. Она также должна «координировать» связь детей с отцом, следить за горничными и работниками. Фрида педантична в мелочах. Может, если надо, жестко проявить свою власть, чему научилась у хозяина.

Она своими глазами видела, как он выгнал из дома Кити, любимицу детей. А проступок ее заключался в том, что она позволила себе тотчас после того, как подала еду, выйти из туалета в белом переднике поверх платья.

Лотшин пыталась защитить Кити, ведь к ней была особенно привязана маленькая Бертель. Но отец был непреклонен. «Характер человека, — сказал он, — измеряется малыми поступками. Поведение человека открывает скрытые черты его личности». Бедная Кити так и не поняла, в чем ее прегрешение.

Да и другие горничные не понимают странностей уважаемого хозяина. «Я куплю тебе новое пальто, только не крутись по дому в этой дешевке», — сказал он горничной, недовольно рассматривая ее пальтишко из искусственного меха.

В отличие от служанок, Фрида усвоила установленные в доме консервативные правила поведения домочадцев. Она никогда ни секунды не сомневалась в правильности решений хозяина, — ведь это она вырастила из него уважаемого человека. Единственное, что ее возмущало, был запрет на свинину, выращенную дедом в усадьбе. «В наш дом свинина не войдет! Даже в твою комнату, Фрида», — отверг он предложенный ею компромисс.

Фрида властвует в доме. Она — ангел-хранитель домашнего

очага. Движения ее решительны и полны важности, и это вовсе не выглядит превышением власти. Хозяин, можно сказать, вручил в ее руки свое здоровье, питание, отдых. Она, к примеру, привязывает к его рукам мешочки с песком для укрепления мышц. Если он упадет на постель от усталости, только она сделает ему массаж и поведет его в душ. Только при ней он позволяет себе стонать от боли, когда острая простуда поражает его больные легкие, вызывая одышку.

Фрида гордится воспитанными детьми. В доме говорят негромко на чистом немецком языке, без намека на сленг. Фрида любит детей, и они отвечают ей любовью, за исключением маленькой Бертель, в мозгу и душе которой неизвестно, что творится. Девочка не смеется и почти не плачет. Даже слабая улыбка не появляется на ее лице. Ее пытливый и серьезный взгляд вызывает у отца беспокойство. Достаточно ли развиты ее чувства и мысли? Девочка избегает людей, подолгу молчит или что-то бормочет про себя. Никому она не расскажет, что по ночам просыпается, как от толчка, от повторяющегося видения. Девочке снится, что на ее голове растет опухоль, и она говорит себе, что если бы ее оставили у хирурга в Бреславле, она бы излечилась от страхов и освободилась от оскорблений брата Лоца.

Фрида, как дирижер оркестром, управляет домашней челядью. В комнате прислуги живет Киршен. Она убирает в доме, подает завтраки и ужины, которые готовит Эмми — повариха. Дед снял для нее комнату неподалеку, в полуподвале, в квартале Вайсензее. Один раз в неделю приходят две прачки из рабочего района, они и стирают и гладят.

Садовник живет в маленьком домике в саду. Фрида из уважения сама приносит ему горячий обед. Все домочадцы относятся к нему с любовью, включая хозяина дома и маленькую Бертель.

Артур в своей жизни руководствуется определенными принципами. Как собственными, так и общепринятыми. Его по-прежнему огорчает, что младшие дети не получают надлежащего воспитания. За несколько месяцев до смерти жены они совершили всей семьей образовательную поездку в Данию. Культура Скандинавии, насчитывающая тысячи лет, привлекала Артура своей консервативной эстетикой, проистекающей из замкнутости скандинавов. Здесь не было чужеродных примесей. В течение многих поколений сохранялись язык, одежда, жилье, домашняя утварь. В Дании Артур внимательно прислушивался к необычному германскому наречию. Он приводил детей в дома крестьян. С восхищением рассказывал о тяжелом труде на земле,

знакомил с крестьянской одеждой, сельским бытом. Родители обычно путешествовали первым классом с кожаными креслами, а дети располагались в вагонах третьего класса на жестких деревянных скамьях. Они с интересом прислушиваясь к насыщенному нецензурными выражениями жаргону берлинских работяг. Особенно впечатляли эти выражения младшего, Бумбу. Малыш запомнил крепкие словечки и охотно ими пользовался.

Артур постепенно возвращается к жизни. Как и отец, он делает солидные пожертвования еврейской общине, сохраняет дружеские связи с еврейской и христианской элитой. За обеденным столом в его доме собираются уважаемые гости, ведут беседы. Дети называют их собрания «Платоновыми пирами». Среди дискутирующих гостей особенно выделяются доктор Герман Цондек, хозяин известного в Германии книжного издательства, господин Самуил Фишер, обычно приходящий в сопровождении дочери, директор школы, в которой учится Бертель, доктор Герман, доктор Филипп Коцовер. Артур и гости забираются в высокие эмпиреи философии. Дети же, без всякой велеречивости, предпочитают обедать за широким белым столом на кухне, у кухарки Эмми. Тут они могут оставаться в тех платьях, в которые облачились еще с утра, могут, жуя, разговаривать, не стоять по стойке «смирно», пока отец не сядет во главе стола и благословит еду. Обеденная трапеза начинается точно в два часа. Только Лотшин, единственная из детей, сидит за столом с отцом и гостями, воистину освещая трапезу своей красотой. Филипп влюблен в нее — прекрасную Мадонну — в ее светлые волосы, мечтательные голубые глаза, белую гладкую кожу, девичью фигуру. Он с трудом отводит взгляд от девушки.

Постепенно Лотшин занимает центральное место в жизни отца, становясь главной его собеседницей и союзницей, какой была и в жизни покойной матери. «Их иудаизм отталкивал меня, — пускается в воспоминания Артур о встрече с глубоко религиозными родителями жены, — но любовь к их дочери, еврейской красавице, пылала во мне до такой степени, что я посещал синагогу и молился, пытаясь убедить ее отца, что я могу создать еврейский кошерный дом. Но мои уверения не помогали. Моя настойчивость заставила ее отца поторопиться и просватать дочь за богатого и уважаемого человека из общины, с единственной целью — отдалить ее от такого отщепенца, как я, употребляющего не кошерную пищу, не соблюдающего заповеди Бога евреев».

Лотшин слушает рассказы отца о девушке из еврейского местечка, самозабвенно познающей жизнь большого города. Она

отдалилась от скудного родительского дома. В концертных залах и в опере она была очарована звуками классической музыки. Она скакала на коне, держась в седле с грацией принцессы.

Лотшин вспоминает картины далеких прогулок по лесам и полям, куда они после обеда отправлялись с мамой. Мама, в окружении детей, выглядела настоящей госпожой. Яркая, непривычная в Берлине красота ее лица, стройная фигура привлекали взгляды удивления и восхищения.

Артур наводит в доме порядок. Теперь дети должны неукоснительно следовать правилам поведения.

В субботу и в воскресенье они должны обедать вместе с ним в парадной столовой и вести себя прилично. Все домочадцы — от мала до велика — рассаживаются по старшинству на свои постоянные места. Бертель и Бумба — по обе стороны от Фердинанда. Кэтшин в черном чепце, отороченном белыми кружевами, в черном платье и белом накрахмаленном переднике, стоит, готовая подать суп, куриное мясо или телятину, овощи, зелень, компот — порядок чередования блюд строго соблюдается. Фрида весь обед находится в движении. Она строго следит за всеми, но, главным образом, за хозяином. Чтобы ничто из поданного на стол не повредило его здоровью. Взгляд Фриды перебегает с подносов на тарелки. Все должно быть красиво и аккуратно.

«Чистый, не знающий пределов разум, есть само Божество», — проповедует Артур детям основы философии Гегеля, надеясь, что они достигнут этой высшей степени духовности, развивая свою личность. «Какая бы тема ни была, человеку следует взвешивать дела свои по законам логического мышления». Артур использует время обеда для интеллектуальных бесед. Он обогащает трапезу обзором исторических событий, начиная с древности и до настоящего времени, обсуждает их влияние на развитие мышления всего человечества, подчеркивая, что всегда надо отличать главное от второстепенного и несущественного.

Следует делать из этого выводы и находить решение проблем. За обеденным столом обсуждаются вопросы истории, политики, философии, мировой литературы и искусства.

В отличие от старших детей — Гейнца или Лотшин, — младшие дети не имеют права раскрывать рот во время обеда. Они могут спрашивать и высказывать свое мнение только во время послеполуденного чаепития. В это же время обсуждаются дела литейной фабрики и домашнего хозяйства.

«Скотина ест, а человек совершает трапезу». Малышам подкладывают на стулья толстые книги, чтобы они могли, как и взрослые, пользоваться вилкой и ножом, как положено людям их круга.

Всё — в меру! Каждый получает свою порцию и, не дай Бог, возьмет добавку. Трапеза — событие праздничное. Не садятся за стол в грязной одежде, после прогулки или игры. Артур придирчиво осматривает детей и не разрешает носить в доме слишком вызывающие наряды. Сам же, всегда вычищенный и выглаженный, сопровождает дочерей в лучшие магазины Берлина, где покупает им в высшей степени элегантные платья и каждой из них — подходящее ожерелье.

Из идеологических соображений еда для детей выбирается самая скромная: бульон, морковь, лук, капуста, щепотка соли, перец. В дополнение к этому — картофель, куриное или говяжье мясо, которое, по его указанию, готовят без особых приправ. На десерт — компот, всегда из одного сорта фруктов — айвы, слив или яблок. «Это человеческая еда?!» — дед постукивает тростью в такт своему гневу. — «Даже скотина в моей усадьбе не ест такого!» Только подумать, внуки его — аристократы! Утром удовлетворяются булочкой с маслом и кофе с молоком! Аскетизм сына и все его правила питания дед на дух не переносит. Внуки его аристократы, и питание их скудно до предела, особенно по сравнению с царственными трапезами, которые готовит его экономка в усадьбе Агата. Утром — омлет со свининой, днем и вечером — грудинка с мясом молодого теленка, говяжий гуляш с гарниром из кисло-сладкой красной капусты и свинина.

Какие там правила! Дед восстает против кулинарной идеологии берлинского дома. «Артур, за твоим столом больше церемоний и разговоров, чем вкусной еды!», — карие глаза деда подмигнули внукам и окинули хмурым взглядом стол. Зрелище это и тревожило и смешило деда. «В здоровом теле — здоровый дух», — рассуждает Артур. Дед иронизирует по поводу морали сына, сходной с религиозным ханжеством его матери, да покоится она с миром.

Артур относится к отцу почтительно и поэтому при нем ослабляет категоричность своих принципов и поучений. Но дед переводит укоризненный взгляд своих пронзительных добрых глаз с обделенных жизнью внуков на сверкающую посуду. Он фыркает по поводу серебряных подносов, сверкающих кубков из хрусталя, выстроенных четким строем, как на воинском смотре. Надо же, все — как в благородном семействе: подносы, тарелки, кувшины произведены фарфоровыми предприятиями Розенталя

или из майсенского фарфора, с фабрики самого бывшего германского кайзера. Вся посуда только высшего сорта, и у каждого члена семьи — свой набор именной серебряной посуды. И у каждого — салфетка из дамасского полотна, вправленная в блестящее серебряное кольцо.

Дед смеется и возмущается. В этом благородном доме мебель, отделана краснодеревщиками, персидские ковры, картины Рембрандта и Дюрера висят на стенах из дуба, рядом с подлинниками других известных художников. А детям аристократа-сына подают скудные блюда! Этого не может быть и не будет. Нагруженный свежими продуктами, приезжает дед из своей усадьбы, надеясь разнообразить меню любимых внуков. Он балует их посещением знаменитых ресторанов, а на десерт водит в двухэтажное кафе «Кранцлер». Официант прикатывает двухэтажную тележку со сладостями и пирожными с кремом. В отсутствие Артура внуки наслаждаются от души. С видимым удовольствием дед восстает против чрезмерного консерватизма и вычурных манер и втягивает в эту вольность внуков. Курение не приличествует благородным девушкам? Дед шарит по карманам и, подмигнув, соблазняет Лотшин: «Бери сигарету, красавица, но не рассказывай об этом отцу». Принцесса пускает дым на открытом балконе ванной комнаты, и дед раздувается от удовольствия, что раскрывает внукам сладость «грехов», только чтобы не выросли сухарями, как их покойная бабушка.

Насыщенная интеллектуальная атмосфера за обедом буквально душит Бертель. Вот разгорается диспут о том, насколько полезно есть медленно. Девочка волнуется, она гордится знающим отцом, но не знает, кто прав, а кто ошибается: отец или Гейнц, или один из гостей. Бертель старается держать свои мысли при себе, чтобы с языка случайно не сорвалось нечто, противное правилам приличия. Только дед оставляет за собой право на собственное мнение, ибо, как он считает, аскетизм и слишком большая строгость приносят лишь вред. Дед не переносит чрезмерную серьезность или печаль, особенно если это касается маленькой девочки. Потому нарушает правила поведения за обеденным столом и спрашивает у Бертель, что она думает по этому поводу. Девочка смущена. Она считает, что может огорчить любимого папу неуместным ответом. Она открывает рот, но ничего не может произнести. «Проглотила язык, — смеется Фрида, — смотрите, дышит, как рыба на берегу!». Лоц смеется заодно с Фридой. А та кормит Бумбу, не отрывая взгляда от Бертель.

Бертель обижается. Никто из домочадцев не понимает, что

язык ее опух от стольких слов, накопившихся у нее во рту. Она уставилась в тарелку. Ей стыдно перед матерью, которая смотрит на нее с портрета в большой раме. От всего сердца она обращается к матери: «Была бы ты жива, мама, не было бы мне так тяжко. Я бы излила перед тобой душу и попросила объяснить, почему все считают меня дерзкой девчонкой».

Она и сама не понимает, почему, встав на цыпочки, старается ущипнуть щечку каждой проходящей мимо нее горничной. Фрида не понимает, что это жест уважения и приязни.

— Хозяин, — бежит Фрида к отцу с жалобой. — Девочка ненормальная, она не проходит мимо служанки без того, чтобы не ущипнуть ее. И с каждым разом это становится все хуже и хуже. Прошу вас запретить ей щипать служанок.

Отец позвал дочку и спросил, почему она так себя ведет.

— Я веду себя так же, как дед.

— При чем тут дед?

— Я делаю то же, что и дед. Он щиплет за щеки служанок, а те смеются от удовольствия.

— То, что позволено взрослым, запрещено детям.

Бертель сидит перед своей тарелкой, и ей не хочется есть. Еда кажется безвкусной. Лотшин шепчет ей:

— Что с тобой?

Девочка молчит, она не хочет рассказать сестре, что мысленно беседует с матерью.

— Бертель, не витать в облаках, — есть! — приказывает Фрида. — Просто невозможно иметь дело с этой девчонкой, не ест и потому слабенькая и худая. Опять придется с ней ехать на край города, к доктору Вольфсону.

Бертель не поднимает глаз от своей тарелки, спасаясь от укоризненных взглядов. Если бы могла, она сбежала бы в свою комнату, чтобы остаться со своими наплывающими мыслями или самой себе рассказывать всякие красивые истории, отгоняя тяжкие размышления. Но отец запрещает выходить из-за стола до окончания трапезы.

Двадцатое ноября 1925 года. Утром вся семья и все домочадцы, включая садовника Зиммеля, собираются вокруг стола. Стол покрыт чистой белой скатертью. В вазе огромный букет цветов. На столе блюда с шоколадными пирожными, с марципаном, фарфоровые кувшинами с кофе и с молоком. В дни рождения в доме меняются правила. Кетшин не приносит в комнаты детей подносы с завтраком — булочкой с маслом и кофе с молоком. Никто не торопится на работу или в школу. День рождения — день праздничный.

В день, когда Бертель исполнилось семь лет, отец произнес речь в честь именинницы. Сказал, что она девочка умная, и потому он надеется, что она будет впредь аккуратной, следить за своей одеждой, расчесывать волосы и завязывать шнурки. Сердце именинницы сжалось. В дни рождения братьев и сестер речь отца ясна и торжественна — он говорит только о положительных качествах именинника. И ни одного намека на что-либо дурное.

Папа окончил речь, и Бертель подошла к нему, сидящему во главе стола. Он поцеловал ее в лоб, что бывает лишь в день ее рождения. После чего она направилась к столу с подарками, завернутыми в красочные обертки. Сняла светящиеся шелковые ленты. И тут — невероятный сюрприз: небольшая серая пишущая машинка, подарок отца. Вечером того же дня она напечатала то, что не давало ей покоя — рассказ об отношении луны к тополю и ее собственном отношении к этому дереву.

Тополь

Перед моим окном растет тополь. Он высокий, худой и гибкий. Я спрашиваю себя, каким образом это дерево попало в наш сад. Я уверена, что никакой садовник не сажал его в нашем саду. Быть может, крохотная косточка ошиблась дорогой и залетела сюда. И принесло залетным ветром эту косточку, которую никто и не заметил, лет сто назад, и вот, вырос высокий и красивый тополь. Его многие навещают, у него много поклонников. Часто тополь посылает своей кроне ветерок, и крона возвращает ему благодарность и тайком благословляет его с любовью. И даже самой сильной грозе тополь не сдается. Он лишь, встрепенувшись, выпрямляет спину, сопротивляясь ветру, как бы гордясь там, что никто его не переборет, ни сильная гроза, ни человек. С наступлением вечера, тополь, который весь день был занят своей кроной, расстается с ней и с солнцем, которое посылает ему прощальный луч, словно тайный поцелуй.

Ночью луна восходит над тополем, освещая его бледным сиянием, словно не желая, чтобы ее вообще видели. И у меня такое впечатление, что между луной и тополем не очень добрые отношения. Тополь просто не терпит луну. Быть может, луна завидует этому красивому дереву. Это зависть того, у кого все есть, к тому, у кого ничего нет. Во всяком случае, луна вызывает

во мне чувство, что к ней не следует приближаться. Ее отличает отталкивающее меня высокомерие. Даже зимой тополь не чувствует себя одиноким. Снег падает на него, как мокрый поклонник. Листья с тополя опали, и снег выглядит серым и черным. И когда возникает первый солнечный луч, снег начинает плакать. И тогда крупные и тяжелые слезы падают с верхушки тополя на его ветви и соскальзывают вниз, по стволу. Весной тополь особенно красив, обрастая тонкими и красивыми листьями. Это солнце посылает ему первые листья, и их свежая зелень особенно выделяется на фоне синего неба. И тогда ветер напевает ему песню, и я слышу ее слова, лежа в своей постели, и тополь тонко-тонко передает мне мелодию этой песни, которая ласково касается меня и обвевает молодые ветки. И тополь улыбается мне, посылает мне привет и благословение.

Тополь — печаль, и одиночество, и тоска по любви. Тополь захватывает поэтическую душу девочки. Лотшин тайком показывает это сочинение отцу. Артур советуется со своим другом доктором Германом, специалистом в области образования, а также с психологами. Все в один голос считают, что ребенок глубоко одинок, замкнут, погружен в книги, тетради, а теперь еще и в пишущую машинку. Девочке нужно общество ровесников — подруг и друзей.

Отец волнуется. Неужели правда то, что говорит о его дочери Рени? Рени — красивая, светловолосая и светлоглазая девочка из благополучной семьи, дочь господина Перигера, члена рейхстага от социал-демократической партии. Рени в восторге от мигающих красных лампочек большого кукольного дома в комнате Бертель, от каждой пружинки куклы, которая двигается и говорит. Рени болтушка и невероятно активна в играх. Любит возиться с куклами и медвежатами и с особенным увлечением играет в «Человек, не сердись» — игру, которую любят все в доме, главным образом, из-за кубиков и фигурок из слоновой кости. Рени дает кубикам команду двигаться вперед или назад, но Бертель не любит натыкаться на преграды и потому считает эту игру раздражающей и скучной.

«С тобой невозможно играть!» — сердится Рени на странную девчонку, которая не помогает ей заниматься несчастными куклами. Бумба выколол им глаза, потом оторвал головы и сделал дырки в животах. Рени купает, одевает и кормит этих искалеченных куколок. Она хотела срезать длинные косы Бертель

и сделать ей прическу, как у взрослой дамы. Обиженная Бертель не пожелала иметь такую прическу и уселась в углу комнаты с книгой в руках.

— С тобой невозможно играть!

Рени сердится, а Фрида расчувствовалась. Торопится в комнату, обращаясь льстивым голосом к дочери члена парламента.

— Возьми, Рени, возьми, — подает ей в тарелке шоколадное пирожное.

Бертель погружена в чтение. Она не хочет быть то папой, то мамой, не хочет рожать куклу, одевать ее, варить еду, печь, мыть плиту и полы. Бертель также не хочет быть ни врачом, ни сестрой милосердия, ни больной, ни здоровой. Рени кипит от злости:

— С тобой невозможно играть!

Фрида пытается успокоить гостью еще одним пирожным. Сладость тает во рту Рени, и Фрида довольна.

Хозяин дома из кожи вон лезет, желая одного: Бертель должна подружиться с Рени. Лоц предлагает девочкам поиграть в гимнастическом зале, Рени довольно улыбается. Этот красивый мальчик тянется к ней и не обращает внимания на раздражающую его сестру. Бертель же равнодушна. Но ее огорчает, что отец относится к этой глупой девчонке с чрезмерным вниманием. Посылает своего водителя — отвозить Рени от ее дома на их дачу, а Бертель должна ездить на трамвае или автобусе.

Однажды, когда они ехали в автомобиле в школу, отец повернулся к ней, сидящей на заднем сиденье, и перед тем, как она должна была выйти, спросил холодным тоном: «Причесалась?»

Униженная в присутствии водителя, она призналась, что нет, не причесывалась. Отец немедленно послал ее обратно домой. В школе ее наказали за опоздание: велели двести раз написать: «Запрещено опаздывать в школу!»

Умный папа ведет себя по-разному.

Бертель разрешают блуждать по лесам в районе «Белого озера». Только Элфи, дочь кухарки Эмми, по указанию отца, должна ее сопровождать. Элфи почти ровесница Бертель. Девочки пробираются вместе среди густо растущих деревьев. Элфи любит рассуждать о тайнах любви взрослых и мешает Бертель парить в мечтаниях.

Кстати, когда отец относится к дочери грубо, она, как ни странно, преклоняется перед ним, но издалека. Она не понимает, почему ее поведение заставляет отца хмуриться. Поэтому она

чувствует себя неловко в присутствии окружающих. Так было и на многолюдном вечере, который организовала еврейская община в честь евреев — ветеранов Мировой войны.

Огромный зал был украшен букетами цветов и красочными картинами. Патриотическое чувство охватило всех присутствующих. «Германия, Германия превыше всего», — звучал гимн. В воздухе неслись речи о национальном единстве, о территориальных притязаниях, о верности германскому отечеству. Все шло, как положено, до того момента, когда началось патриотическое выступление детей в честь воинов-отцов. Девочка, представляющая английский народ, просила извинения у стройной светловолосой девочки, естественно, олицетворяющей Германию. Печально опустив голову, англичанка просила прощения за нападение ее страны и вторжение в германские земли. За нею, один за другим, просили прощения представители итальянского, русского, американского народов.

Льстивость, низкий дух поражения, примиренчество царили на сцене.

Когда пришла очередь Бертель, представлявшей самую ненавистную немцам Францию, она не склонила голову. Бурей ворвалась на середину сцены, широко раскрыв свои черные горящие глаза в сторону светловолосой немки и прокричала: «За что ты на меня напала? Что я тебе сделала? Почему ты хотела захватить мою страну?!»

— То, что говорит Бертель, вообще не относится к спектаклю, — заикаясь, бормотала немка.

В праздничном зале творилось что-то невероятное, страсти кипели. Фронтовики, офицеры и солдаты резервисты вместе со своими семьями вскочили со своих мест, возмущаясь выходке дерзкой девчонки. Во взглядах, обращенных на отца, читалось: как это может быть, что дочь таких благородных родителей бередит и так незажившие раны, позорит родину, народ, общину. Артур морщил лоб, досадуя, почему дочь не обрела национальную идентичность с немцами. Ему нужно вникнуть в мир дочери, понять, что воспламеняет ее воображение. Почему она отличается от всех детей? Тетя Гершин сказала на детском празднике в своем доме, что дисгармония в душе девочки — от сиротства, от отсутствия материнской опеки. Даже пояс у нее плохо завязан. Она всегда выглядит неряшливой и одета небрежно.

Бертель стояла в углу и молила неизвестно кого, чтобы земля разверзлась под ногами и поглотила ее. Ноги примерзли к месту, иначе она бы сбежала с этого детского праздника в сад.

Завидовала жучкам, муравьям, крысам, мышам и птицам, готова была забиться в любую щель, нырнуть в пахучие кусты сирени, густой стеной окружающие сад. Нелегко ей переносить людское общество. Даже дед не воспринимает ее:

— Как в моей семье растет эта странная во всех отношениях девочка? — и затем, рыча, добавляет, — Нет семьи без урода, хотя бы одного.

Бертель — загадка. Артур прочел ее письмо, обращенное к Фрейду. Письмо случайно нашла Лотшин и принесла отцу. Девочка просит о встрече со знаменитым психоаналитиком, проживающим в Вене, ибо у нее к нему много вопросов. Бертель считает, что он может ей помочь, ибо у нее много проблем, она — маленькая девочка, не понимает всего, о чем говорят взрослые. Артур вложил письмо в конверт и вызвал дочку к себе. Он объяснил, что она слишком мала, чтобы вести переписку с Фрейдом, и добавил нечто, что считал весьма важным: «Негоже культурному человеку раскрывать свои чувства перед кем-либо».

Сказать, что Бертель девочка странная, ничего не сказать. И слова не сказав, она врывается в дом, как буря, словно за ней гонится быстрое как молния приведение. Случайный прохожий нагнал на нее страху. Страх таится в ее беспрерывно моргающих глазах и сотрясает все ее тело. В магазине одежды, в центре города, не поняли, что произошло, почему она вдруг отшвырнула от себя рубаху и юбку, которые примеряла за шторой. Словно охваченная безумием, она выскочила на улицу. Один Бог знает, что творится у не в мозгу.

Час ночи, а она еще не в постели. Фрида всплескивает руками. Зовет Фердинанда и служанок, садовника Зиммеля, детей. Все в поисках Бертель носятся по комнатам, бегают в темноте по саду. Суматоха завершается смехом и общим облегчением. Бертель уснула в деревянной, окантованной обручами, бочке из-под пива. После того, как она прочла о Николае Копернике, она наблюдает из деревянной бочки за небом и просит всех: «Не заслоняйте мне солнце!» Все ее мысли вертятся вокруг Николая Коперника и движения планет по круговым орбитам, вокруг пылающего солнца.

Облака темнеют. Небо тяжелеет. Бертель прислушивается к падению дождевых капель. «Заходи в дом!» — в отчаянии заклинает ее Фрида. Облака становятся все более густыми и угрожающими. Бертель не хочет прятаться от дождя, раскрывает зонтик рядом с водосточной трубой и вслушивается в мелодию водяных струй, падающих в лужу. Гремит гром, молнии сверкают, воробьи попискивают от страха, а Бертель околдована музыкой

ливня. «Тролия, заходи в дом!» — зовет Гейнц младшую сестренку, но она не слышит его призывов, ибо прислушивается к саду, который голосит и стонет. Собаки лают, вороны шуршат крыльями, голуби воркуют, и все эти звуки охватываются общим дробным шумом дождя и плеском воды, вытекающей из водостоков. Бертель вносит в этот круговорот звуков и свой голос.

— Оставьте ее в покое, пусть стоит под ливнем, пусть заболеет.

Артур прижимает лицо к оконному стеклу. Глаза его следят за девочкой, и он слышит голос тети Регины:

— Артур, так не воспитывают. Почему Бертель обижается и плачет из-за детской книжки, которую я ей подарила?! «Снежная королева» — книга поучительная. Нельзя ей разрешать читать взрослые книги.

Тетя, выпускница закрытого интерната для девочек, считает себя специалисткой по детскому образованию и требует, чтобы девочке в возрасте Бертель давали книги с цветными картинками растений или животных, таких как лошадь, осел, пес, кот, куры.

Сквозь пелену дождя отец следит за дочкой, и черты его лица напряжены. Бертель гуляет по саду под зонтиком. Странности этой девочки вызывают у него тревогу за ее будущее. От Лотшин он узнает, что Бертель с теплотой и любовью разговаривает с котами, собаками, воробьями и воронами, даже с жуками и муравьями. Любое пресмыкающееся, которое взбирается по стволам и стеблям, привлекает ее внимание.

Дождь прекратился. Солнце вышло из-за туч. Артур высовывает голову из окна. Взгляд его скользит поверх кактусов, украшающих подоконник, озирает кусты мирта, окольцовывающие высоко поднявшуюся траву, и глаза его надолго прикованы к спине маленькой Бертель, стоящей у ореха, к ее черным шелковистым волосам, рассыпающимся из-под синей шерстяной шапочки. Артур отходит от окна, погружается в кожаное кресло, и руки поглаживают тигриную шкуру, лежащую на коленях.

В Бертель есть некая тайна. Трудно проникнуть в ее душу. Как-то он сказал дочери: «Мыши — противные существа!» Глаза ее вспыхнули. «Нет, нет, — воскликнула она, — они не противные! Крысы и мыши тоже люди!» Бертель любит крыс и мышей. Пригрев серого мышонка, она укачивает его, напевая песенку любви. Песенку, которую пел отец ее матери:

«Я все тебе дал,
Что ты хочешь еще…»

Она пела и пела, а несчастный мышонок дрожал и попискивал в ее руках. Ни «Колыбельная» Гейне, ни шелковая ленточка, которой она украсила его шею, ни жилище, которое она соорудила для него на своей кровати, не успокоили серого мышонка. Он отвечал злом на ее добро. «Некрасиво одинокому мышонку пачкать простыни своим выделениями», — отчитывала она его. Фрида подсмотрела за ней и пришла в ужас:

— Невозможно смириться с выходками этой девчонки!

По всему дому раздаются вопли. Испуганные домочадцы столпились вокруг выпачканного в собственном дерьме мышонка с шелковой лентой на шее. Смех, крик и завывание сотрясли стены.

— Я так люблю этого мышонка, а Фрида хочет его отнять у меня.

— Хозяин! — кричала Фрида, и телеса ее тряслись, — Сумасшедшая девчонка нашла мышь, повязала ей шею шелковой лентой и напевала ей песенки.

— У тебя действительно красивая мышь, — дед гладит внучку по голове и одновременно подмигивает остальным внукам.

Фрида всплескивает руками:

— Нечего удивляться сумасшествиям этой девчонки! — качает она головой из стороны в сторону, и Бертель кажется, что большой шрам на голове Фриды, под густой копной волос, разошелся от этой суматохи вокруг мышонка, трясущегося от страха.

Дед прокашлялся:

— Я полюбил твоего мышонка. Если ты мне подаришь его, я куплю тебе все, чего ты пожелаешь.

— Ничего я не хочу. Только моего красивого мышонка.

Дед проявил доброту, накрошил крошки мяса перед маленьким грызуном. Бертель смягчилась после того, как дед обещал купить такому красивому мышонку роскошную шелковую ленту. Пошла в школу, оставив беззащитного мышонка в своей комнате вместе с улыбающимся доброй улыбкой дедом.

Но когда она вернулась домой, Фрида торжественно провозгласила, что утопила мышонка в ведре с водой. Несчастная Бертель рыдала во весь голос. Фрида вдобавок ко всему отругала ее:

— Не смей вносить в дом всяких гадов. Мы основательно почистили твою комнату, проветрили ее, чтобы удалить вонь. Не дай тебе Бог затеять что-нибудь подобное.

Затем подсластила свой гнев сообщением:

— Дед купил тебе подарки, и хватит глупостей.

Бертель вышвырнула все подарки в окно и объявила голодовку.

— Ничего от вас не хочу!

Отец позвал ее на беседу, достал книгу по зоологии, открыл главу «Мир грызунов» и объяснил все опасности содержания в доме крыс и мышей. После этого они вдвоем вышли в сад, устроили красивую могилу мышонку и надписали: «Тут похоронен мышонок, обладатель розовой ленты, и мы глубоко скорбим по нему». Она с отцом соорудила тайный памятник серому несчастному мышонку.

Лотшин, жемчужина семьи, месяц в году проводит в семейном дворце в Нойштадте, в Силезии. Бертель в своих фантазиях видит ее — принцессу, скачущую на белом коне к великолепному дворцу. Вот она, как царская дочь, поднимается по широким мраморным ступеням, проходит через большие дубовые двери. Дяди и тети восторгаются ее красотой, одаряют ее самыми лучшими подарками. Лотшин из скромности и хорошего воспитания отказывается от кукол и игр, которые дают ей для младшей сестры. Бертель возвращается к реальности, вспомнив о травме, нанесенной ей какой-то тетей, которая оскорбила ее, послав книги для малышей. Посылка же от теток и дядек из Силезии стала для Бертель приятным сюрпризом — это было собрание произведений классической литературы.

> *Дорогая моя Лотшин,*
>
> *как ты себя чувствуешь? Добралась ли ты благополучно к нашим силезским родственникам? В воскресенье мы едем с отцом в Верду. Я по тебе очень скучаю. Я не могу привыкнуть к тому, что ты не рядом со мной, а так от меня далеко. Я сочинила для тебя молитву: «Пусть Бог как можно быстрее пошлет тебя обратно ко мне». Ты ведь знаешь, что принадлежишь только мне. Когда ты не рядом со мной, у меня ощущение, что я в доме абсолютно одинока и никому в семье не нужна. Отец большую часть времени находится на фабрике. Эльза сидит с учительницей у швейной машинки, учится шить. А я одна, как перст. Посылаю тебе горячий поцелуй. И здесь ты видишь, Лотшин, все поцелуи, что я тебе посылаю.*

Бертель обрамила текст письма рисунками цветов, составленных из поцелуев.

Дорогая Лотшин,

Я пишу тебе письмо из кабинета Гейнца. Напиши мне, как у тебя здоровье. Плохо мне, когда ты не рядом со мной. Почему ты мне так мало пишешь? Я посылаю тебе рисунки и надеюсь, что ты радуешься им. Как здоровье тетушки Тротшин? Мы не поехали в Верду. Отец себя плохо чувствовал, и я осталась одна дома. Что я делаю? Сижу и скучаю по тебе. И тетя Финци сильно мне мешает. Она все время спрашивает меня, кому я пишу, а я не хочу ей этого сказать. Так она подглядывает, а я прикрываю письмо обеими руками, чтобы она ничего не увидела, и письмо было бы только для тебя. Посылаю тебе лишь мои поцелуи. Я тебе написала стишок: «Будь веселой и радостной, как рыба».

Бертель подписывает письмо рисунком рыбы.

Лотшин в Силезии, а Бертель перебирает в уме родословную старинной семьи деда. Лотшин вернется домой, и снова будет рассказывать о далеких прадедах и прабабках, изгнанных из Испании, скитавшихся из страны в страну по Европе, и, в конце концов, осевших в Германии.

Отец рассказывал, что в 1670 году их предки были изгнаны из Вены по приказу Леопольда Первого и прижились в еврейском гетто на окраине Берлине. Когда Силезия была захвачена Фридрихом Великим, дальний их предок Яков оказался среди избранных евреев, которым была дана привилегия покинуть гетто. Он странствовал из села в село, как продавец тканей. Постепенно его богатство росло. Он завещал его сыновьям при условии, что они не переменят веру. Сын Натан был единственным наследником своего отца Якова. Из уважения к Натану и его свободе, все остальные братья отказались от наследства.

Ужасное имя Бертель преследует ее, так девочку назвали в честь жены Якова Берты-Бейлы. Сын их Натан женился на красавице, дочери крещеных евреев, прибывшей в Силезию из Голландии. В семейной портретной галерее есть написанные маслом портреты крещеных евреев, которые сделали карьеру при дворах королей и графов. Среди них и покойная Марта, пленившая сердце потомка Якова. Бертель считает себя вышедшей из среды португальских выкрестов, которая не дала своим сыновьям и внукам поменять веру и пройти крещение в купели, как это сделали братья Натана.

Предки деда не поменяли веру, несмотря на то, что они были одними из первых евреев, получивших полные гражданские права в Пруссии. И хотя они произошли из ассимилированной семьи Натана, все их христианские жены перешли в иудаизм. Лотшин вернется домой и расскажет о великолепном дворце, который был построен Соломоном-Иеронимом, первенцем Якова, на отцовской земле.

Дед гордится приключениями родственников, сделавших карьеру в германском обществе и при этом не сменивших веру. Соломон-Иероним получил разрешение от губернатора Силезии сбрить бороду, снять традиционную одежду евреев с нашитой желтой звездой Давида и облачиться в бархатный костюм, обшитый золотом, который носили аристократы, и даже надеть шпагу. Он не сменил веру, но крестил всех своих сыновей в церкви! Соломон, обладавший горячим темпераментов, прожил недолго. Носился, как безумный, по дорогам, навстречу своей смерти, в карете, впряженной в четверку коней. Дед с гордостью рассказывает о множестве сыновей и дочерей Якова и жены его Берты-Бейлы, которые поднялись на высокие ветви родословного дерева, став прусскими аристократами. О Натане же, который хранил еврейскую веру и получил все наследство от отца, дед отзывается с прохладцей, ибо тот занялся производством хлопчатобумажных тканей и этим подпортил родословное дерево.

Дед — до мозга костей патриот Германии — восстал против своих прадедов. Он всей душой был верен девизу Бисмарка «Кровь и железо», и сердце его тяготело к металлургии. В юности, да и всю свою жизнь, он восставал против Бога, против законов, против любых компромиссов. Еврейство обреталось где-то на обочине его жизни. Для него евреи были подобны индейцам или неграм. У каждого племени свои символы Бога и семьи. Бог не так уж страшен. Он высоко в небе, и с ним дел немного. А вот семья растит сыновей слабыми существами, и от этого невозможно избавиться.

В отличие от деда, сын его Артур — интеллектуал. Иудаизм для него — явление скорее мистическое, а традиции его не интересуют. К Германии у Артура отношение двойственное. Он считает себя германским патриотом, верноподданным гражданином, подчиняющимся законам государства и власти. Но, в отличие от деда, он преклоняется перед просвещенной французской культурой. Артур рассуждает вслух о том, что некоторые варварские основы остались у потомков германских племен и спорит с близкими ему людьми, доказывая, что нет у немцев коренных устоявшихся ценностей. Источник болезней Германии — в отсутствии традиционной культуры.

Артур уверен в том, что главным фактором неполноценности немецкой нации является растерянность и вытекающая из этого пламенная поддержка милитаризма. При этом Артур не отрицает огромного вклада немецкой философии, немецкой литературы и классического гуманизма, которые привели к расцвету либеральной мысли. И в сердце он лелеет надежду, что изгнание кайзера Вильгельма Второго в Голландию и создание Веймарской республики ускорят движение Германии к прогрессу.

Лотшин в Силезии. Артур в своем кабинете — он плохо себя чувствует. Фрида сопровождает Бертель в клинику доктора Вольфсона с неспокойным сердцем, и не только из-за простуды хозяина дома. С каждой поездкой к врачу история повторяется. Экономка сидит в трамвае справа от девочки, смотрит на ее худые руки, выглядывающие из рукавов, и вздыхает: зачем столько денег тратится на этот искусственный загар? Для того, чтобы она расхаживала, как клоун? После процедуры с ее глаз снимают очки, и открываются два бледных круга, ставящих крест на преимуществе загара.

— Бертель, загар растекается по всему твоему телу. Из-за зеленого оттенка загара, ты вся становишься зеленой, — цедит Фрида сквозь зубы.

И Бертель думает: «Фрида права! Я зеленая девочка, ненормальная и некрасивая. Действительно, загар проник в мое тело».

Бертель несчастна. Трельяж из сверкающих зеркал пугает девочку, когда она видит в зеркалах себя — свою плоскую грудь и живот. Лицо серое, слишком серьезное. Руки у нее дряблые, и вообще, она постоянно испытывает слабость.

Лотшин надела ей большую серую шляпу и уговорила взглянуть в зеркало.

— Погляди, какая ты красивая.

Но Бертель опустила глаза долу и сбежала на чердак, спасаясь от увиденного. Фрида провозгласила громким голосом:

— Девочка чужая в этом доме!

Бертель упала на продавленный диван, выброшенный на чердак, и закуталась в старое пуховое одеяло.

«Отец не любит меня, даже ненавидит», — думает она.

Она никогда не забудет, что случилось в его большой библиотеке. Лотшин расставила руки в испуге, увидев Бертель, сидящую высоко на стремянке с книгой и руках.

— Немедленно сойди с лестницы, Бертель, — закричала она и попросила отца запретить девочке взбираться высоко по стремянке.

Отец холодно ответил:

— Не поможет. Она всегда делает то, что ей заблагорассудится.

— Но она упадет! Она получит увечья.

Отец сказал:

— Упадет, получит увечье. Это будет ей уроком. Это единственный путь — ее воспитать.

Отца не трогает, что она забывает сама себя, сидя высоко на ступеньках лестницы в библиотеке, с головой погружаясь в чтение, забывает о еде, купании, невыполненных уроках.

Бертель сидит в трамвае, слева от Фриды, и голова ее опущена. Отец равнодушен к ней, думает она, и вообще люди меня не любят, ибо я странная. Фрида говорит отцу, что я ненормальная девочка, и кто знает, какой я вырасту. А брат Лоц просто злое существо. Не прощает ей, что она родилась чудовищем. Однажды, прячась за портьерой, она услышала, как он сказал: «Было бы неплохо от нее избавиться». Она задохнулась от беззвучного плача, ибо отец не сказал этому злодею Лоцу, что все же она их ребенок, и даже Лотшин не защитила ее от красавчика Лоца. Только Гейнц сказал, что есть люди, отличающиеся от всех остальных и вовсе не хуже других. Гейнц сажает ее на колени и обращается к ней с любовью, называя ее «Тролия», от клички «тра-ла-ла», данной ей из-за ее безалаберности, ведь она не признает никакого порядка. Она может надеть один черный ботинок, другой коричневый, один носок красный, другой синий.

Гейнц растерян:

— Тролия, ты забыла, для чего предназначена ванна, входишь в нее с книгой и выходишь из нее немытой. Бертель отвечает:

— Да, что-то со мной не в порядке. Я странная девочка. Невозможно меня любить. Я и сама себя не люблю, боюсь своего изображения в зеркале, ибо я не такая красивая, как мои братья и сестры.

Бертель не любит, когда ей повторяют, что она девочка умная, и потому должна уступать Бумбе. Также она не любит, когда допытываются у нее, где она была с утра до вечера и что делала. Она поджимает губы. И сочиняет всяческие небылицы о том, что случилось и чего не случилось, ведь все равно ей не верят.

И вообще все правы. Внутренняя правда — это ее, и только ее, тайный клад. И никто его не сможет у нее отобрать. Она никому его не откроет, даже любимой Лотшин, потому что люди враждебны ей.

Бертель несчастна. Хорошо ей лишь наедине со своими тайнами на чердаке. В шкафах и ящиках старой дубовой мебели хранятся инструменты, обувь бабки, деда, покойной матери. Бертель выстраивает вещи в ряд, и они оживают. Иногда в ее воображении возникают дети, и они играют с ней в разные игры. Бертель взволнована, она закутывается в ветхие одеяла, обкладывается подушками, катается на перинах, набитых белыми перьями.

В гостиной Фрида расплетает ей косы, расчесывает волосы и кричит:

— Иисусе, откуда эти белые перья?

В воздухе — запах нафталина, гневные вопли Фриды:

— С утра до вечера ни крошки во рту!

Фрида всплескивает руками, она заботится о девочке и даже иногда немного жалеет ее, но все время требует от нее следить за собой и за порядком вокруг себя, учиться всему этому у сестер. Фрида не может понять, почему она прячет от прачек ставшую уже черной ночную рубашку.

— Это рубаха Изабеллы, — оправдывается Бертель.

— Кто это Изабелла?

— Королева Испании.

— Какое отношение имеет Изабелла к грязной рубашке?

— Я хочу знать, что такое верность. Три года королева Испании носила одну рубаху, чтобы доказать верность мужу, ушедшему на войну.

Фрида пытается вдолбить Бертель, что она не воспитана: поднимает стулья на кровать, кладет на них простыни и одеяла и прячется в них. Фрида не может понять, что девочка строит в шатре башню из книг, и благодаря этому возникают в ее сознании красивые картины, захватывающие ее мысли, и все страхи исчезают.

— И со всей этой грязью ты спишь?

Фрида разбирает шатер и забирает из рук девочки ее любимые книги.

Лотшин вступается за сестру, но и она однажды обронила:

— Фрида, ты же знаешь, что она не совсем нормальна.

Отец же сказал:

— Оставь ее, Фрида, она девочка уникальная.

Фрида выходит из его кабинета, цедя сквозь зубы:

— Сумасшедший дом.

Экономка тяжело вздыхает, сидя в трамвае. Эти поездки с одного конца города в другой выматывают душу у женщины на шестом десятке.

— Бертель, — говорит она девочке, — Почисти ногти, завяжи

шнурки на ботинках, надень элегантную шляпу, как надевают дети из порядочных семей.

Но Бертель упрямо надевают вязаную шапку, которую носят простые рабочие. Это подарок служанки Кетшин. Фрида тяжело дышит. На Бертель розовый костюм с зеленой полосой, который ненавистен девочке.

— Иезус, девочка вымотала мне все нервы, когда согласилась надеть этот красивый костюм — подарок тети Регины.

Трамвай катится по рельсам, останавливается, проглатывает и выпускает пассажиров. Теснота усиливается к полудню.

— Какая может быть польза в этих кварцевых лучах? — Фрида ведет счет той уйме денег, которую платят за эту новинку современной медицины. Гораздо лучше действует против высокой температуры стакан горячего молока с медом и сахаром, или липовый чай. И не нужны никакие таблетки. И вообще обильное выделение пота снижает жар тела. Она как и ее бабушка и прабабушка обкладывает больного пуховыми перинами, хранящимися в шкафах на чердаке. Она предостерегает детей: если они, не дай Бог, заболеют краснухой, опасайтесь всего красного, не ешьте клубнику, помидоры, перец, ибо это может привести к оспе. В трамвайном вагоне Фрида ерзает на сидении и качает головой: в доме хозяина не полагаются на народные способы лечения.

С тех пор, как внезапно умерла хозяйка, любая болезнь ребенка поднимает на ноги всех домочадцев, Весь дом трясло, когда Лоц заболел скарлатиной. Хозяин вместе с Фридой кормил мальчика и давал ему лекарства. Дед возражал против карантина, назначенного врачом, и снабжал бледного и слабого внука играми, игрушками. Лоц лежал, как мумия. Не реагировал на горы подарков, загромождавших его комнату, за исключением большого белого плюшевого медведя. Когда появились первые признаки выздоровления, в комнате больного поставили театр кукол. Фердинанд и дети развлекали его оригинальными музыкальными представлениями, чтобы ускорить его выздоровление.

Лоц поправился, но маленький Бумба корчился на паркете от боли. «Здесь и здесь болит», — показывал он пальцем на живот и голову и стонал. А все потому, что по указанию врача убрали все зараженные игры и игрушки.

— Что с тобой, мальчик? — подмигнул доктор Вольфсон отцу и деду.

— Ой, ой! — стонал Бумба и получил уйму подарков, а также освобождение от занятий в школе.

Лоц забыл про болезнь, Фрида благодарила Иисуса. Даже

легкое заикание после скарлатины исчезло. Бумба — мальчик веселый и здоровый. Только Бертель печалится по поводу мышонка и не произносит ни слова.

— Не объедайся книгами, — семейный врач обеспокоен ее худобой, — ешь питательную пищу, играй с друзьями, занимайся физкультурой, Бертель.

В трамвайном вагоне, везущем ее к доктору Вольфсону, Бертель мечтает. Морщины беспокойства, избороздившие лицо Фриды, уводят мысли Бертель далеко от Берлина, в Силезию, к любимой сестре. Лотшин вернется домой с рассказами о предках деда, а также о дядях и тетках и их связях с германской аристократией. Лотшин привезет для Бертель книги и шелковые платки от теток, живущих в родовом замке. А пока Бертель ужасно не хватает доброй сестры.

Глава третья

Бертель не перестает удивлять отца. Девочка связывает одно понятие с другим удивительно разумно. Она способна разобрать прочитанное или услышанное и сделать из всего собственные выводы.

Артур размышляет над тем, куда заведет дочь не по годам развитое воображение. Вот они беседуют в его кабинете о классической греческой литературе, о десяти мерах и принципах эллинов, о философии Платона.

Бертель выстроила из прочитанных ею мифов целый мир.

Семилетняя девочка анализирует сложную прозу Томаса Манна, книгу «Пелле завоеватель» или роман датского писателя Мартина Андерсена Нексе «Дите — дитя человеческое»!

— Понимай, как хочешь. Главное, что она читает, — сказал доктор Герман.

Отец видит, что дочь читает роман «Анна Каренина», и глаза ее горят.

— Самое большое преступление Анны Карениной в том, что она оставила сына во имя любви, — сказала она отцу, когда тот позвал ее к себе в кабинет, чтобы узнать, чем Анна Каренина пленила ее сердце.

— Понимаешь ли ты, что это такое — любовь, Бертель?

Из разговоров брата и взрослых она поняла, что такое любовники и любовницы, и что именно между ними происходит. Артур с трудом сдерживает смех. Молчунья Бертель разговорилась. С искренним волнением и, можно сказать, с душевной скорбью говорила она о страданиях красавицы Анны Карениной.

— Ее муж, человек злой, забрал у нее сына. К Анне явился принц, и она в него влюбилась. Злой муж объявил ей войну и хотел уничтожить эту прекрасную женщину.

Бертель добавила, что не понимает, почему Фердинанд и ее кудрявые сестры-близнецы скучают над эпилогом романа. Они загорали на открытой веранде, примыкающей к гимнастическому залу, говорили о том, что эпилог не соответствует духу эпохи, и сочиняли различные варианты завершения сюжета книги.

— Ну, все в порядке, Бертель превратила шедевр Толстого в детскую сказочку, — оборвал Артур смех старших, думая о том, какую воспитательную пользу извлечь из истории героини романа. Он глянул на обувь дочки и сказал с укоризной:

— Бертель, шнурки у Анны Карениной несомненно были завязаны.

Бертель поспешила, встав на колени, завязать шнурки.

— Бертель, — продолжал отец, — Анна еще и причесывалась.

Девочка тут же поднесла руки к голове и пригладила стоящие торчком волосы, и на лице ее отразилось отчаяние от того, что они не заплетены в косички. Бертель кружила по дому с мечтательным выражением лица, держа подмышкой любимый роман, героиня которого запуталась в своей жизни. Маленький сын Анны Сережа страдал от тоски по матери. Бертель хранила верность ей и ее сыну. Ранним утром, перед уходом в школу, она не забывала забрать книгу из-под подушки и положить в школьный ранец.

С тех пор прошло более четырех лет, а роман Толстого по-прежнему был близок душевным переживаниям Бертель.

Семь часов утра. Вздохи и крики — Фрида борется с путаницей черных волос девочки, пытаясь заплести их в две косички. Дом напоминает камеру пыток времен испанской инквизиции, бедную девочку ведут на костер.

«Ой, ненормальная», — Лоц злится, умываясь и чистя зубы. Красавчик не выдерживает этих криков и стонов, несущихся каждое утро из гостиной, перед тем, как девочка убежит в школу. Фрида дышит в затылок Бертель, повторяя слова деда: «В семье не без урода». Бумба в восторге: «У божьей коровки выросли конские волосы!»

Фрида повязывает каждую косу бархатной лентой и предупреждает:

— Бертель, спрячь внутрь косы, чтобы дрянные мальчишки не дергали их, — надевает ей на шею проездной билет, годный на все виды берлинского транспорта и громко вздыхает над черноволосой головкой девочки:

— Цыгане — египетская казнь государства! Крадут детей, грабят и воруют, Бертель. Будь осторожна.

Теперь, в отличие от первых лет учебы, девочка сама едет в школу и не очень реагирует на водителя и пассажиров. Были дни, когда автобус пересекал район вилл Вайсензее по пути в центр Берлина, и водитель удивленно взирал на Бертель: «Как разрешают маленькой девочке самой ездить в такую даль?» И в трамвае, который вез ее из центра города в школу, находящуюся в фешенебельном районе Далем, Бертель привлекала всеобщее внимание. Взгляды были то пронзительные, то милосердные. По утрам ее донимали вопросами: «Где твоя мама, девочка? Куда ты едешь? Знаешь, где сходить?»

Четверть восьмого утра. Бертель и Бумба с ранцами выходят из дома. У пруда на площади, рядом с домом, задерживаются еще на четверть часа. Бумба пускает бумажный кораблик, а Бертель

следит за своей «вороньей королевой» — старой вдовой, графиней, которая еще с ранних сумеречных часов сидит на скамье у пруда, под сенью плакучих ив. Графиня рассыпает вокруг себя крошки хлеба для птиц, и стаи ворон, расправив крылья, срываются с верхушек деревьев. Старуха подкармливает ворон, как мать своих детей. Бертель не отрывает от нее мечтательных глаз и размышляет о подвиге, который она совершит во имя графини, чтобы та относилась к ней так же, как относится к птицам. Бертель любит наблюдать, как вороны копошатся вокруг старухи, подобно живому черному ковру. Подходит автобус, Бертель и Бумба прощаются с прудом.

Бумба направляется в общеобразовательную школу, где учатся с шести до десяти лет в начальной группе. В следующем году он перейдет в гимназию, где учатся до восемнадцати лет. Так устроена система образования. Бертель же едет в гуманитарную гимназию имени королевы Луизы, где учащиеся не разделены на группы. Она успешно сдала вступительные экзамены в эту престижную школу, и доктор Герман перевел ее на год вперед, в старший класс, несмотря на то, что ей минуло всего пять лет. Директор школы сказал, что она развита не по возрасту. Он не спросил о степени ее зрелости и не принял во внимание разницу в возрасте между Бертель и ее одноклассницами.

Первый урок в первый день занятий в школе врезался ей в память. Классная руководительница, знакомясь с ученицами, дошла до ее имени в журнале: Берта Френкель. Атмосфера вокруг Бертель накалилась. Имя Берта, наследованное ею от прабабушки, прозвучало для нее, как нечто унизительное. Теперь на переменах ученицы насмехались над серой мышкой, которая была почти сразу усажена на почетное место отличницы.

Некоторое время Бертель находила утешение в общении с чужой женщиной. Они случайно познакомилась на окраине района Далем. Возвращаясь из школы домой, Бертель задержалась у одного дома. Простая женщина лущила стручки гороха, ссыпая горошины в большой котел во дворе дома, одновременно присматривая за конюшней мужа-извозчика. Тот зарабатывал, развозя пиво компании «Шультхайс Пацетенхаймер» и сильно выпивал. Бертель подружилась с добросердечной женщиной, сидела рядом с ней на деревянной скамье, лущила горох и все удивлялась тому, что живот женщины увеличивался с каждой неделей их знакомства. Бертель беспокоилась за новую знакомую, а та все время предлагала девочке питье и сладости. Если женщина не появлялась, Бертель допытывалась, где та, не заболела ли, не случилось ли что с ней. Шли месяцы, и беспокойство Бертель за здоровье женщины росло.

— Вы очень растолстели, — говорила Бертель, с испугом глядя на разросшийся живот женщины, — быть может от того, что вы едите много гороха. Вы должны обратиться к врачу.

Толстуха залилась смехом, услышав диагноз своей маленькой подружки. Бертель вжала голову в плечи, продолжая молча лущить стручки гороха, но сердце ее было не на месте и сильно колотилось от страха, что огромный живот еще немного и лопнет от какой-то тайной болезни. Однажды женщина исчезла, и Бертель чуть с ума не сошла от страха. Она почти бежала домой, ворвалась в истерике к служанкам, чтобы попросить их оказать помощь несчастной женщине, которая, несомненно, находится при смерти. Весь дом веселился. Даже отец, человек серьезный, не смог сдержаться, когда Фрида рассказала, как эта женщина подвела Бертель к колыбели и, указывая на новорожденного ребенка, сказала: «Вот моя болезнь». Лотшин размышляла вслух: «Она просто не знала, что это такое — беременная женщина». Бертель убежала за утешением к садовнику Зиммелю, но он лишь подлил масла в огонь:

— Ты еще маленькая девочка. В твоем возрасте ты не обязана знать о беременности.

Теперь Бертель от стыда не решалась подойти к воротам конюшни.

В классе ее называют ходячей энциклопедией. Во время перемены одноклассницы засыпают ее вопросами. Всех интересуют сенсации. Газеты пишут о грабежах и убийствах. Психопат Герман Ханман снова возвращается в новостные выпуски, несмотря на то, что был приговорен еще в декабре 1924 к смертной казни за убийство двадцати четырех юношей. «Харман воскреснет». Родители пугают им своих детей, стараясь заставить их готовить уроки. Этот серийный убийца стал мифом, символом зла и героем комиксов. Каждый убийца в стране — это новый Ханман. Бертель рассказывает в классе, что, как говорят взрослые, Харман продавал мясо убитых юношей. А в апреле 1925 голова убийцы была отделена от тела для научного исследования. Конечно, Бертель не рассказывает о кошмарах, которые одолевают ее саму. По ее словам, граждане, объятые страхом, завели привычку опускать на ночь жалюзи. Но ее отец верен своим принципам и требует вести обычную нормальную жизнь, служанок обязывает поднимать жалюзи, открывать окна настежь, чтобы даже вечерами в комнаты поступал свежий воздух.

Бертель напряжена и напугана. Лоц заглядывает к ней в комнату и пугает: «Бертель, Ханман тебя ждет в винном погребе. Он любит пить старое вино в подвалах. Когда он напивается,

нельзя унять его буйство». Бертель роняет книгу или ручку и дрожит, как осиновый лист. Она поддерживает свой дух героическими историями, которые сама и выдумывает. Ночью она сойдет в подвал с винами и поборется лицом к лицу с этим чудовищем. Она убедит эту тварь не убивать детей и юношей. «Ханман уже рядом. Я слышу его шаги», — брат-злодей издает угрожающие крики, и маленький Бумба бросается в комнату Бертель, просит разрешить ему лечь с ней, ибо Ханман приближается. Теперь они боятся вдвоем.

Бумба с плачем жалуется, что Лоц издевается над ним. Снежным утром заставил его выйти на мороз и купить ему газету, ему, видите ли, захотелось прочитать спортивную хронику. В другой раз Лоц ногами раздавил дворцы, построенные Бумбой из использованных спичек, объясняя это тем, что сожженные спички распространяют плохой запах. Бертель не может понять, почему всеобщий любимец Лоц так издевается над ней и Бумбой. Однажды учительница спросила, почему ее тетрадь порвана. Бертель пожала плечами и сказала: «Я не знаю». Бертель не сказала, что это Лоц порвал ее тетрадь. И конечно же, она не скажет, что он преследует ее со дня ее рождения. Говорит: «У нас аристократический дом, а она делает из нас посмешище».

Бертель молчаливо терпит, ибо отец считает, что в приличном доме некрасиво ябедничать или жаловаться. Может быть, думает она, Лоц завидует ей, потому что она отличница. Несмотря на свой ум, учится он посредственно. Лоц всю свою энергию вкладывает в хоккей и плавание, верховую езду и езду на велосипеде. Он проводит время в компании товарищей и подружек. Когда ему готовить уроки… Отец все время пропадает в библиотеке или в рабочем кабинете и не сдерживает подростка. Артур велит при случае то почистить Лоцу ботинки, то постирать и погладить его одежду. Лоц — единственный ребенок в доме, который приказывает экономке. «Сделай то, сделай это, почему ты это не сделала». Домашним уже трудно выносить его властолюбие, но никто от этой тирании не страдает больше, чем Бертель.

Укрывшись на чердаке, она изливает свою обиду дневнику. Она пишет только дорогой авторучкой «Паркер». Отец подарил ее дочери в надежде, что теперь ее тетради станут чистыми и аккуратными. Чудесный «Паркер» поднял ее авторитет в классе. Еще бы, она единственная во всей школе девочка, которая не пользуется чернильницей и простым пером. Девочки стояли в очереди у ее парты, чтобы получить возможность испробовать «Паркер». Но к ручке вскоре привыкли, и опять Бертель на

переменках гуляла одна. Играть в догонялки или в мяч? Такая, как она, не может играть вместе с одноклассницами. Тут же совершит какую-нибудь неловкость и будет выведена из игры. А на соревнованиях между классами из-за нее можно потерять очки.

И в разговорах взрослых одноклассниц Бертель не могла принимать участие. Прогресс и акселерация вторглись в товарищеские отношения. На переменках девочки попарно обсуждают свободную любовь, делятся сердечными переживаниями, рассказывают друг другу о первых своих опытах общения с мальчиками.

Внутренний голос внушает Бертель: веди себя, как они. На каждой перемене девочки собираются в большом школьном дворе, а она остается в классе.

Она безропотно помогает делать уроки трем одноклассницам, самым властным девочкам в классе. Бертель приходится допоздна заниматься дома, если не успевает справиться с домашними заданиями в школе. Лентяек в классе предостаточно. И почему-то они считают само собой разумеющимся, что она должна делать уроки вместо них. Вначале они платили ей за труд лестью и даже делились с нею интимными девичьими тайнами. Объяснили, каким образом дети появляются на свет. Лотшин сказала ей, чтобы она не слушала девочек. То, что они рассказывают, на самом деле происходит совсем по-другому.

Одноклассницы без зазрения совести пользуются ее способностями и слабостью характера, неумением отказать и вообще настоять на своем. А ей-то все равно. Ее также не волнует, что девчонки забирают у нее булочку и напитки, которые им дают на большой перемене, и съедают бутерброд, который Фрида кладет ей в ранец. Но порой ей невыносимы обиды от одноклассниц.

Особенно тяжело бывает по утрам, когда желудок переворачивается от голода, и желчь подкатывает к горлу. Она приносит в свою комнату поднос с едой, но тут же отстраняется от завтрака, как от чумы. Обида стучит в висках, и она не силах проглотить булочку с маслом. Лишь отхлебывает несколько глотков кофе с молоком. За стеной Фрида радуется во весь голос, награждая Бумбу ласковыми словами, гладя его по голове.

И все же Бертель любит школу. Занятия пробуждают ее интеллект, испытывают ее способности, побуждают к творчеству. Встречая Бертель в коридоре, доктор Герман каждый раз останавливает ее. Улыбаясь, директор ожидает от школьницы какой-нибудь неожиданной мысли. Директор гладит ее косы и удивляется: «Какое странное сочетание: западная культура смешивается с ярким восточным воображением. Такие типажи

могут встречаться только среди евреев». Дома, прячась за гардинами в гостиной, она слышала, как господин директор говорил, что преподаватели изумляются обширности знаний девочки ее возраста. Отец равнодушен к этим похвалам, но его беспокоит отсутствие у дочери подруг в классе. Он считает, что она должна сидеть рядом с ученицами, а не отдельно от всех, хотя и на почетном месте отличницы.

— Традиции надо соблюдать. У нее лучшие отметки в классе. А отличницы в нашей гимназии всегда сидели и будут сидеть на особом месте! — сказал доктор Герман.

Но судьба распорядилась по— своему. Произошло событие, от которого семья долго не могла опомниться. Кресло отличницы было отправлено в ремонт, и Бертель посадили рядом с Гердой, чему Артур был очень рад.

Но неожиданно Герда устроила в классе скандал.

— Воровка! — кричала она Бертель. — Ты украла мою книгу!

Бертель, красная от стыда, открыла свой ранец:

— Но мне не нужны две книги…

Доктор Герман позвонил Артуру и сообщил, что Бертель отстранена от занятий до окончания расследования инцидента, ведь Герда упрямо утверждает, что Бертель украла книгу.

У входа в дома ее ждала Фрида с криком «Воровка!». Голубые глаза экономки сверкали как две сабли. Бертель вжала голову в плечи. Остатки чувства собственного достоинства улетучились, и она молчала дома точно так же, как и в школе.

Лотшин, самый авторитетный член семьи, яснее понимала возникшую ситуацию. Герда, девочка из бедной семьи, решила, что принята в высший свет после того, как перед ней распахнулись двери богатого дома Френкелей. Потом она всем наскучила, и ее перестали приглашать. И вот Герда нашла способ отомстить бывшей подружке. Лотшин обвинила отца в несправедливом отношении к младшей дочке и потребовала прекратить травлю.

Она предупреждала, что нельзя насильно знакомить Бертель — тонко чувствующую натуру с развитым воображением — с такой высокомерной, честолюбивой и властной девочкой, как Герда.

Артур обескуражен. Он думал, что сумел помочь матери Герды. На вечере, посвященном евреям — ветеранам Мировой войны, она поделилась с Артуром своим горем. Муж был ранен в голову под Верденом, и с тех пор не совсем в себе. Живут они с единственной дочкой в тесной квартире. Семья находится в тяжелом финансовом положении. Откладывает копейку к копейке на учебу дочери. Та очень умная девочка и хорошо учится. Артур

воспользовался дружбой с доктором Германом. Герда была принята в престижную гимназию и получила стипендию. Девочки встретили новую ученицу с длинными светлыми волосами оскорблениями. Они донимали ее из-за длинного носа, выделяющегося на худом и узком лице.

Артур не внял предостережениям старшей дочки, и случилось то, что случилось. Бертель стояла перед ним в кабинете, и тигр, покрывающий шкурой колени отца, смотрел на нее угрожающе.

— Скажи мне всю правду, ты взяла книгу?

Остекленевшие глаза чучела были похожи металлически серые глаза отца. Артуром смотрел холодно и отчужденно. Пальцы его беспрерывно теребили тигровую шкуру. Неожиданно он резким движением поставил Бертель перед собой, словно пытаясь вырвать ее из призрачного состояния. Глаза девочки сузились и затем расширились от страха. Редкое в ее жизни прикосновение рук отца было ей приятно и одновременно пугало.

— Я не брала книгу, — ее бросало то в жар, то в холод.

— Как же она попала в твой ранец?

— Не знаю.

— Следует рассуждать логично, — отец ждет от детей только рациональные объяснения.

Бертель разочарованно опустила глаза. Отец посмотрел на нее, и этот взгляд длился вечность. Ведь он старался не глядеть на нее долгие месяцы после смерти матери.

— Две толстые книги в твоем ранце, и ты этого не видела?

— Нет.

Она беззвучно плакала. Как отец может заподозрить ее в том, что она злонамеренно украла книгу?!

Уязвленная до глубины души, она поднялась в свою комнату и заперлась на целый день.

Артур не поленился и направился к матери Герды. По дороге он зашел в лавку, где продавали остатки шелковых тканей, и купил отрез на платье, чтобы хоть немного загладить вину перед матерью и дочерью. Продавщица надулась, как павлин, увидев уважаемого господина в своей скромной лавке.

— Такое могло случиться только с Бертель! — осуждали ее братья и сестры.

Но Фрида всплескивала руками и качала головой из стороны в сторону.

— Эта тварь Герда подстроила ловушку Бертель! — повторяла она слова Лотшин, несмотря на то, что первой обозвала Бертель воровкой.

Ее крик вернул девочку к истории с роскошной юбкой. Тогда

доктор Герман звонил им домой, чтобы сообщить, что Бертель удалили с занятий. Фрида ждала ее у входа в дом. Втянула ее за руку в угол гостиной и нервно нажала на кнопку внутреннего телефона.

— Приведи себя в порядок перед тем, как зайдешь к отцу, и не серди его.

Глаза Фриды сверкали при взгляде на красивую юбку, которая так неряшливо сползала с бедер девочки. Бертель не поняла, в чем трагедия. Единственный раз ей захотелось произвести впечатление на одноклассниц необычной юбкой. Особенно после того, как долгие месяцы она страдала от их насмешек по поводу шелковой кофты, в которую ее нарядила Фрида к празднику Рождества.

— Что ты надела, — кривились девочки, откровенно насмехаясь над ней, — это же кофта для теток!

Тогда она обиделась на Фриду. Отец же стал на сторону экономки, обругав Бертель и обвинив ее в том, что она не ценит того, что для нее делают.

Насмешки одноклассниц не забывались. Желание выглядеть такой же взрослой, как они, не давало ей покоя. Девицы эти были старше ее года на полтора, а то и больше, груди у них топорщились из-под кофт и платьев, она же выглядела как плоская лепешка. Нечего удивляться тому, что ее потянуло к роскошной, цветной, шелковой юбке, которая висела в шкафу у Лотшин. В ней она повертелась перед зеркалом, взяла иголки и булавки и заколола юбку по фигуре.

По дороге в школу иголки и булавки кололи и царапали кожу, но это не испортило радости Бертель. В школу она опоздала, и утреннее радужное настроение мгновенно омрачилось. Красивая юбка сползла с бедер. Учительница уставилась на нее и закричала: «Как ты выглядишь?!» Бертель стояла ни жива, ни мертва, булавки и иголки сыпались с нее. Истерический смех охватил весь класс, а классная руководительница продолжала кричать:

— Ты что, так вырядилась, чтобы насмешить нас?

Тут же она написала записку отцу, угрожая, что его дочь будет исключена, если до полудня он не появится в школе. Бертель вышла из класса, и юбка Лотшин сморщилась, как лопнувший воздушный шар.

В кабинете отца царило молчание. Он требовал от дочери объяснения, но во рту у нее пересохло, а язык распух. Что такого страшного случилось? Почему ей выпало такое унижение? Она просто не понимала и молчала, как рыба. Из-за чертовой юбки такая трагедия? В чем ее преступление, в чем она согрешила?

Если бы у нее возникло хотя бы одно логическое объяснение, она бы поняла разумность отцовских обвинений. Чуть слышно она лишь смогла произнести:

— Я не знаю, что такого ужасного случилось!

— От такой умной девочки, как ты, я ожидаю более разумного ответа. Как пришла тебе в голову мысль нарядиться в юбку сестры, не спросив у нее разрешения.

После полудня Артур направился в школу, чтобы выслушать классную руководительницу.

— Бертель — отличница, но делает все, что ей заблагорассудится.

Она показала все оценки девочки, но, главным образом, сосредоточилась на ее поведении. Артур терпеливо выслушивал ее долгие объяснения, но постепенно голос ее стал звучать как бы издалека. Он вспомнил своего любимого брата Альфреда, гения, живущего в своем обособленном мире. Точно такой же учительница старалась обрисовать перед ним его дочь. Девочку, замкнутую в своем внутреннем мире, умную, но мечтательную и одинокую.

Артур вспоминал предупреждение отца: «Бертель не должна расти в книжной атмосфере, отдаленной от жизни, чтобы не стать такой как Альфред». Отец не мог простить своему первенцу того, что он удалился от семьи и семейной металлургии. «Для чего он живет на свете?»

Отец насмехался над тем, что его сын — профессор, преподающий древние языки в Карлсруэ.

Из школы Артур вернулся, размышляя о сходстве и отличиях в характере старшего брата и младшей дочери. У обоих очень высокий интеллект, но они абсолютно оторваны от окружающей их среды. Общество не терпит гениев, тем более, если гений — женщина. Артур подумывал о том, как исправить поведение дочери, быть может даже весьма строгими мерами, чтобы облегчить ей вступление в зрелость.

Нельзя сказать, что Артур совсем не понимал Бертель.

Но уже в раннем детстве трудно было найти причины ее поведения.

Однажды в кабинете сидели гости и слушали Третью симфонию Бетховена. Бумба неожиданно ворвался в кабинет и тут же увидел ботинки Бертель, выглядывающие из-под бархатной портьеры. Девочка не сдвинулась с места.

— Это «Героическая симфония», — сказал Артур, подзывая спрятавшуюся дочку к себе. — Бетховен к этому времени оглох и слушал свои произведения внутренним слухом, можно сказать,

душой.

Затем, повернувшись к гостям, добавил:

— Это единственная девочка, которая похожа характером на покойную Марту.

Смолкли звуки симфонии. Зазвучали легкие звуки вальса Штрауса. Бертель заткнула пальцами уши и выбежала из кабинета. Не слыша музыки и голосов, кружилась она по дому, чтобы и в ее душе сохранились звуки, как у глухого Бетховена. Зашла в огромную отцовскую библиотеку, замерла перед большим портретом композитора на одной из стен и открыла ему свою душу. Объяснила Бетховену, почему особенно любит его симфонии, и какая из них больше всего ее волнует. Стоя перед его портретом, она спрашивала, как он мог, будучи глухим, сочинять симфонии, так трогающие человеческое сердце. Бертель поведала Бетховену, что и она слушает душой звуки, которые никто не слышит. Преклонила колени перед портретом и попросила прощения за то, что не может играть, как отец, на фортепиано его музыку, ибо на пути к учителю музыки испугалась лая огромных собак и вернулась домой. Отец к этому отнесся, как всегда, равнодушно:

— Если твой страх перед собаками сильнее желания научиться играть на фортепиано, отменим уроки.

Время от времени Бертель спускалась в библиотеку и жалела Бетховена. Говорила ему, что он красивый человек, и она удивляется, почему он не женился. Была бы она взрослой, вышла бы за него замуж, но проблема в том, что, по сравнению с его мудростью, она глупа.

Бертель жалела и белый рояль, безмолвно стоящий в ее комнате, пока однажды он не ожил, благодаря Бумбе. В последний свой приезд тетя Пинци решила развлечь себя игрой на рояле. Она тщетно пыталась извлечь звуки, но рояль не откликался. Она подняла крышку рояля и громко вскрикнула. Прямо на нее выскочил мышонок, пищала вся потревоженная мышиная семья. Тетя Пинчи долго не могла прийти в себя. Тяжело дыша, она достала из сумочки флакон с духами и обрызгала себя, чтобы вернуть дыхание. Каким образом оказались в рояле мыши? Артур пытался расследовать, кто это сделал. Бумба пожал плечами. Бертель рта не раскрыла. Взяла на себя вину младшего своего братика, ведь отец учит, что приличные люди не ябедничают, не защищаются, не оправдываются.

Бертель была наделена абсолютным музыкальным слухом, но голос у нее был хриплый, надтреснутый. Повышенная чувствительность повредила ее голосовые связки, и врачи не могли ничего сделать с хронической хрипотой. Поэтому ее

освободили от участия в хоре. Вместо пения она должна была читать в классе лекции о композиторах периодов классицизма и романтизма. В отцовской библиотеке она досконально, со свойственной ей педантичностью, изучила биографии семи великих композиторов: Глюка, Гайдна, Моцарта, Бетховена, Шуберта, Брамса и Иоганна Штрауса. Часами она слушала их произведения, и душа ее витала в эмпиреях.

Артур внимательно и спокойно наблюдает за тягой дочери к искусству. Однажды он в сопровождении Фриды вошел в библиотеку и нашел там Бертель, в одиночестве сидящую на ступеньках стремянки. На ее коленях был развернут толстый фолиант — биография великого итальянского скульптора Микеланджело. Дрожащими пальцами она вырывала репродукцию скульптуры пророка Моисея. Фрида уже собиралась что-то сказать, но Артур сделал ей знак — молчать и тихо удалиться из библиотеки. Когда по его просьбе в кабинет явилась Лотшин, он рассказал ей о том, что младшая сестра вырвала из книги репродукцию скульптуры Моисея, и попросил ее объяснить сестре, что нельзя таким образом портить книги. Он в состоянии купить любую книгу, которая понравится дочери.

Бертель с уважением относится к требованиям отца, но не может удержаться. Под матрацем ее постели хранятся портреты, вырванные ею из книг по искусству: Моисей, царь Давид, Гёте, Альберт Эйнштейн и многие другие. Каждый такой портрет кружит ей голову, руки не слушаются приказов разума.

Старому садовнику Зиммелю девочка тоже доставила немало волнений. Когда она увидела работы великих итальянских художников — Леонардо да Винчи и Микеланджело, голова ее закружилась. Она пробралась к грядкам капусты, выращиваемой садовником специально для Артура. Юная скульпторша собрала небольшие кочаны и затем высекла из них фигурки фей, ангелов, птиц, лошадей, ослов, собак, кошек, кур, кроликов, мышей, жуков, раскрасила их в зеленый цвет и спрятала в укромное место. Садовник искал негодяя, который портил хозяйскую капусту и не оставил на грядках ни одного кочана. Старик просил домочадцев помочь ему отыскать похищенные кочаны. В конце концов, кочаны были обнаружены в бочках между кустами сирени. Садовник был вне себя. Только Бертель могло придти в голову использовать капусту в качестве материала для скульптур.

Артур прочит ей большие успехи в области философии и в науке. Вместе с тем он разделяет мнение учительницы рисования, считающей, что Бертель станет художником или скульптором. Но вдруг, без всякой видимой причины, ее тяга к искусству исчезла.

Во время урока по рисованию внезапно ее пальцы задрожали, и она сбросила со стола бумагу и краски. Девочка перестала рисовать в тетрадях людей и животных. С ней произошло что-то странное. В единый миг изменился ее, прежде каллиграфический почерк с тонкими, округленными линиями, с множеством завитков, с прямыми и разделенными буквами. Она перестала рисовать сложные геометрические формы, деревья и цветы, взрослых, детей и животных. Бертель рисует теперь, как обычная девочка, но по-прежнему продолжает тянуться к искусству. Именно потому Артур поехал с ней в центральный музей Берлина — познакомить ее с произведениями самых выдающихся художников и скульпторов, научить различать стили.

Артур обращает особое внимание на искусство Ренессанса, несущее соразмерность и гармонию, в отличие от барокко, с его тягой к преувеличениям. Артур обычно уделяет детям не так уж много внимания. Но для духовного развития младшей дочери он всегда находит время.

Бертель — девочка необычная и своеобразная. Она порой попадает в неприятные ситуации из-за собственного взгляда на вещи. Однажды она уничтожила письмо, адресованное ее отцу директором школы, связанное с происшествием во время экскурсии в лес. Один раз в месяц класс отправляется в поход, главным образом, в Грюнвальдский лес, рядом с Берлином. Дети разбиваются по парам, а Бертель, как всегда погруженная в себя, тянется в хвосте. Во время отдыха девочки собираются вокруг преподавателя. При этом каждая старается отличиться, чтобы завоевать особое расположение учителей. Бертель стоит в стороне. Учительница безуспешно пытается приблизить ее к кругу одноклассниц. Но на все вопросы получает односложные ответы: «да» или «нет», и всё. Последний поход в лес закончился совсем плохо. Бертель исчезла, и учительница по природоведению вместе с девочками рассыпались по лесу в поисках пропавшей ученицы. Крики «Бер-тель, Бер-тель» неслись по всему лесу. Отзыва не было. Когда, наконец, нашли Бертель, сидящую на пне, все набросились на нее с упреками. Бертель безмолвно поглядывала на них рассеянным взглядом. Во время перекрестного допроса в лесу, продолженного в кабинете директора, девочка не произнесла ни одного слова объяснения, почему она оставила группу и не откликалась на призывы одноклассниц. Бертель молчала и лишь про себя думала: «Разве кто-то сможет понять, что чудесный пень в чаще леса просто загипнотизировал меня, остановил, заставил сойти с тропы и присесть на него».

Этим история не кончилась.

Разбирая почту, девочка увидела письмо отцу от директора школы. Она сжимала в руках письмо, стараясь угадать, что пишет директор о происшествии в лесу.

С бьющимся сердцем, зная, что совершает запретное действие, Бертель все же вскрыла письмо. Директор писал, что отличница Бертель не дисциплинирована. Делает все, что ей заблагорассудится. Директор просил отца повлиять на дочь. Читая письмо, Бертель думала о том, что никто не понимает, насколько влияет на нее природа, и решила, что вовсе не обязательно огорчать отца этим письмом.

Спустя несколько дней доктор Герман самолично и прямо выразил своему другу Артуру удивление по поводу его равнодушия к посланному письму. Артур извинился и поспешил написать жалобу на почту о потере важного письма. Ему ответили, что письмо был послано в такой-то день и час и получено адресатом. Подозрение упало на Бертель.

— Воровство дело постыдное, — строго сказал ей отец и потребовал вернуть письмо. Бертель ответила, что порвала его на клочки, ибо все там искажено и не соответствует тому, что случилось.

— Кому было послано письмо? Чье имя было на конверте? — спросил отец тихим холодным голосом.

— Твое.

— Значит, ты взяла что-то, что тебе не принадлежит. Это воровство.

Вывод отца ошибочен! Совесть Бертель чиста. Никто ее не понимает, и она должна действовать по законам собственного сердца.

Разрыв между эмоциональным и интеллектуальным развитием Бертель увеличивался с каждым годом. Оценки у девочки отличные, но поведение в школе оставляет желать лучшего. Артур считает, что это происходит из— за того, что девочка растет без матери. Больше всего он беспокоится, сможет ли она приспособиться к обществу и вообще к будущему. Единственный, кто относится к ней сердечно, это учитель географии. Инвалид Мировой войны, он прислушивается к ее вопросам и замечаниям с почтительным вниманием и уважением. Он хочет понять, что творится в ее душе. Когда голова ее опущена, и взгляд отрешен, он обрывает свои объяснения неожиданным вопросом: «Где ты витаешь, Бертель? Где сейчас твоя голова? О чем ты размышляешь все время? О чем-то печальном?»

Учитель хочет вернуть ее из мечтаний в реальность. Но, к большому его удивлению, Бертель четко и правильно отвечает на все его вопросы, хотя выражение ее лица свидетельствует, что она находится далеко отсюда, в известном лишь ей одной месте.

Бертель — девочка исключительная, выбивающаяся из любой нормы, и он очарован ее пониманием вещей. Он может прервать урок, чтобы услышать дрожащий тембр ее голоса, декламирующий балладу Гёте.

Туман, ветер, буря. Несчастный отец с умирающим сыном на руках скачет к замку. Бертель стоит за кафедрой, и голос еще более хрипнет от волнения, глаза ее расширяются, ощущая неминуемость приближающейся катастрофы. У одноклассниц глаза на мокром месте. Сын умирает почти у самого замка. В классе мертвая тишина. Бертель с тоской садится в почетное кресло около стены.

Учитель географии, человек добрый, сочиняет стихи, рифмует. Бертель — его любимица.

— Берчен, — обращается он к ней с нескрываемым удовольствием, — подойди к кафедре, открой книгу.

Надо знать, что «Берчен» означает «маленький старичок». Щеки ее становятся пунцовыми. Однажды она уже попала впросак на уроке, посвященном Швейцарии. Он тогда тоже позвал ее к кафедре и, как обычно, попросил:

— Берчен, подойди к кафедре и открой книгу.

Весь класс собрался вокруг нее.

— Швейцария существует за счет мелкого и крупного скота, — заголовок, напечатанный крупными буквами, поразил ее громом. Устрашающее чудовище ворвалось в класс. Перед ней буйствовали стада мелкого и крупного скота. Чудовище разинуло пасть и воткнуло острые зубы в живую плоть. Вой терзал до боли слух. Текли океаны крови. Коровы, телята, овцы истекали кровью в ее воображении.

— Берчен, подойди к кафедре и открой книгу, — повторил учитель несколько раз. Но она не сдвинулась со своего места и не раскрыла рта.

Хромая, он пересек класс с одного конца в другой, сдвинул хмуро брови, морщины на лбу его обозначились глубже:

— Берчен!!! Напиши двести раз — «Я должна открыть учебник, когда этого просит учитель!» — и в гневе покинул класс.

Бертель молчала и думала: как объяснить, что на нее подействовал заголовок «Швейцария существует за счет мелкого и крупного скота». Но именно отец понял ее состояние. Он встретился с учителем географии и объяснил ему, что его дочь обладает чрезмерной чувствительностью и пылким

воображением. От этого она сама страдает.

Отношение между учителем и ученицей восстановились.

— Берчен, подойди к кафедре и открой учебник.

Бертель с большим уважением относится к учителю географии и к доктору Герману. И они относятся к ней не так, как остальные преподаватели. К примеру, у нее отличные оценки по природоведению, но учительница разговаривает с ней всегда с кислой миной на лице. На экскурсиях она отправляет ее в хвост отряда. Быть может вопросы Бертель, касающиеся растительного и животного мира сердят ее, и она удаляет Бертель подальше от своих глаз.

Верно, учителя хвалят ее работы и уровень знаний, но иногда отвергают ее идеи. Иногда даже делают ей выговор, мол, занимается темами не по возрасту.

— Гитлер неверно цитирует Ницше! — заметила она, заставив учителей удивленно поднять брови.

— Это неверно, Бертель, Откуда у тебя такая информация?

Но она стоит на своем. «Откуда она знает Ницше?» — удивляются в школе. Бывает, что она высказывает свое мнение о чем-то, и тут же на нее сыплется поток подозрительных вопросов: «Где ты это вычитала?», «Откуда у тебя эта информация?», «Кто это сказал?», «Как тебе это вообще пришло в голову?» Учителя спрашивают ее чаще других девочек.

Бертель страдает от своего положения всезнайки. Говорят, что она оригинальничает и умничает сверх допустимого. И она размышляет, как бы ей стать обычной нормальной девочкой. Она перестает готовить уроки, относится спустя рукава к контрольным работам, но, несмотря на это, оценки ее выше, чем у всех. При вручении табелей успеваемости в конце четверти или года она чуть не падает в обморок от «отлично» и «отлично плюс». Когда она вручила табель отцу, один из его друзей заглянул в оценки и был удивлен:

— Такой образцовый табель, и ты даже не хвалишь дочку?

Артур сухо ответил:

— Не хвалят за то, что само собой разумеется.

Неординарная ученица со сложным складом мышления — как маленькая старушка, одинокая среди учителей и учениц. Ее широкие знания, замечания, ставящие всех в тупик, вызывают изумление. Ее удивительная память и ум отталкивают от нее. Но Бертель любит школу, она ценит знания, которые поднимают ее ввысь.

Глава четвертая

Ужасающий храп, сопровождающийся хрипами, посвистываниями и завыванием, разбудил ранним воскресным утром Фриду.

— Что это может быть, черт возьми?

Экономка побежала на кухню. На полу стояли многочисленные корзины, заполненные овощами и фруктами. Торчали во все стороны куриные, гусиные, индюшачьи лапы и головы. Лежали завернутые куски говядины.

— Дед, старый хозяин приехал из своей усадьбы, — процедила она сквозь зубы и, отодвигая корзины и короба, проложила себе дорогу к лестничному пролету, откуда доносились эти устрашающие звуки.

Увидела источник звуков и ужаснулась. Посередине гостиной, на персидском ковре спал какой-то незнакомец, распространяя вокруг себя запахи пота и алкоголя.

— Иисусе! — закричала испуганная женщина во все горло и начала теребить мужчину, при этом зажимая нос из-за неприятных запахов. Из потрескавшихся губ спящего вырывались какие-то обрывки слов. Остекленевшие его глаза то раскрывались, то снова смыкались. Фрида продолжала его теребить, сопровождая это грубыми ругательствами, так что он, в конце концов пришел в себя, поднялся и вышел через черный ход.

Звон колокольчика в кухне призывал Фриду быстро отнести на подносе завтрак в спальню деда. Она вошла и замерла на пороге. Дед сидел на кровати в тонкой шелковой ночной рубашке в оборочках.

— Хозяин, вы надели ночную рубашку жены, пребывающей в раю.

Взгляд ее остановился на вязаных красных манжетах ночной сорочки.

— Почему бы нет, — привычно откашливаясь, дед одернул рубашку перед зеркалом, — она была весьма достойной женщиной.

Он напрягал свое длинное и худое тело, бросая удивленные взгляды на свое отражение в зеркале. Фрида поставила поднос на комод и поспешила к шкафу. Она извлекла из него длинный домашний халат и подала его хозяину. Бумба и Бертель уже прибежали, прыгнули в постель деда и начали с двух сторон тянуть его за щеки и волосы.

— Убирайтесь отсюда, сорванцы! — пытался отвертеться дед, мотая головой, и сквозь его строгий и, как всегда, громкий голос

пробивались насмешливые нотки.

Артур тоже пришел, привлеченный шумом, увидел деда в ночной рубахе матери и с трудом сдержал смех.

Дед пил кофе, разминая кости под звуки патефона, и щеки его заиграли красками жизни. «Что случилось вчера ночью?» — удивлялась семья. Дед выпил еще одну чашку кофе и с лукавым видом стал рассказывать:

— На вокзале чужие люди предложили мне помочь тащить корзины. Черт подери, меня это сильно рассердило, и я обрушился на таксиста, остановившего машину рядом со мной. Я аристократ! Ни за что не поеду на этой грязной посудине! И представьте себе, внезапно возникает извозчик с белой лошадью! Словно Бог послал его с небес. Но-о-о, поехали!

Не переставая радоваться такой счастливой случайности, дед заставлял возницу останавливаться у каждого трактира и приглашал проглотить стопочку. Прошло немало времени в совместных возлияниях, сопровождавшихся песнопениями, пока новые приятели добрались до Вайсензее. Они, как закадычные друзья, в обнимку вошли в дом. Дед утверждал, что никогда у него не было такого друга, как этот кучер. Считая, что у него не было иного выхода, поскольку друга нельзя выгонять ночью из дома, он уложил его спать на ковре в гостиной. Затем обнаружил себя в спальне, вынул из шкафа ночную рубаху покойной бабки и свалился на постель.

Общий хохот потряс гостиную.

В воскресные дни, когда дед в Берлине, порядки в доме меняются. Фрида отдает распоряжение Фердинанду изменить ассортимент покупаемых в городе продуктов. Душа деда жаждет свежей телятины из берлинской мясной лавки.

В кухне слышится плач. Бумба рассказывает, как его преследовали полицейские, и что они ему сделали. Его курчавые рыжие волосы пылают и встают дыбом.

— Все это басни, — Фердинанд кладет на стол корзину с покупками и поднимается по ступенькам к бассейну навести там порядок перед еженедельным собранием обитателей детского этажа.

В воскресные дни, когда дед находится дома, история повторяется. Бумба прилипает к домашнему учителю, который в последнее время стал его няней. Бежит за ним по улице, заходит вместе с ним с заднего входа в мясную лавку. Они рискуют, нарушая закон, запрещающий покупать продукты в выходной день, что может завершиться арестом. Бумба привязан к Фердинанду. Вместе с учителем он совершает утренний и вечерний туалет, чистит зубы и умывается. А Фердинанд обижает

его, говоря, что Бумба избалованный ребенок, нередко отвешивая ему подзатыльники и угрожая пожаловаться отцу.

На детском этаже Фердинанд широко распахивает двери, отделяющие ванную комнату от большой застекленной веранды, и маленький Бумба тянется хвостиком за ним, в нетерпении ожидая прихода старших братьев и сестер. На винтовой лестнице слышится шорох газетных страниц. Бертель поднимается и останавливается на каждой ступеньке, как она до этого останавливалась на каждом шагу по дороге от газетного киоска до комнаты Гейнца, не отрывая глаз от заголовков статей «Берлинер Тагеблат» — ежедневной либеральной берлинской газеты. Гейнц, еще в постели, кивает Бертель в знак благодарности, и голова его исчезает за газетными листами.

Витая в своих мыслях, Бертель входит в ванную с книгой и приборами для утреннего туалета: маленьким полотенцем для лица, большим — для тела. Фердинанд и Бумба перемигиваются, посмеиваясь над витающей в облаках Бертель. Каждое утро в конце недели Бертель с мечтательным видом сходит в ванную комнату по трем ступенькам, которые Фрида промыла ароматной пеной, и закрепляет книгу на приспособленную ею для этого металлическую подставку.

Перед зеркалами и умывальниками Фердинанд пританцовывает под мелодию Шуберта, звучащую из стоящего на скамейке небольшого патефона. Время от времени он пополняет знания своего питомца Бумбы рассказами о своем любимом композиторе Шуберте. У малыша нет никакого интереса к музыке, композитору и, вообще, к знаниям, которыми пичкает его Фердинанд, готовя с ним уроки.

Совесть не дает учителю покоя. У двух его подопечных — атлета Лоца и фантазера Бумбы, охочего лишь к различным проделкам, оценки — посредственные и даже плохие, хотя оба способные и неглупые мальчики. И вообще, как домашний учитель он уже особо и не нужен. Эльза уже закончила учебу в гимназии, а Бертель отвергает его помощь.

С тех пор, как не стало матери и Бертель начала учиться в берлинской школе, девочка замкнулась в себя, как в раковину и требует от Фердинанда не вмешиваться в ее учебу. Фердинанд помнит, как Бертель в четыре года научилась писать и читать, и ее маленькие мягкие пальчики скользили по его длинным и тонким пальцам. Она почти мгновенно овладела чтением и письмом, и ответы на его вопросы расцвечивала выразительными цитатами. Он отдавал много сил для ее духовного развития и с гордостью заявлял: «Бертель знает греческую мифологию, как настоящая гречанка». Она подобна колодцу, который не

утрачивает и капли влаги. Она читает наизусть отрывки прозы и стихи, широко раскрывает глаза, зачарованно слушая его рассказы о дальних странах, народах, африканских племенах и также внимательно прислушиваясь к тому, что он рассказывает ее взрослых братьям и сестрам.

Патефон замолк. Фердинанд бренчит на мандолине, напевая сочиненную им песню:

Опять вернется весна,
Как во все времена,
Под рукой зазвенит струна,
Ты станешь красив, как она.

И девушки на скамье
Из-под лип улыбнутся мне,
С любимой, на все времена,
Мы счастливы, как весна.

И парочки вновь и вновь
Под липы вернет любовь,
Весной вернутся года,
Лишь мы не вернемся сюда.

Поздний утренний час воскресенья. Запах мыла и духов растворены в воздухе. Кто-то моется, кто-то бреется, кто-то одевается, кто-то занимается гимнастикой, а Бумба скачет на кожаной спине деревянного конька, крутится со своими игрушками среди взрослых, делая вид, что понимает, о чем они говорят. Лоц накачивает мышцы то на кольцах, то на гимнастической лестнице, в то время как кудрявые сестры-близнецы, растянувшись на шезлонгах, подставляют тела солнечным лучам.

Лотшин сидит на гимнастическом снаряде для прыжков, и ангельское ее лицо уткнулось в книгу стихов. Время от времени она поднимает свои мечтательные голубые глаза, и бледность бархатной ее кожи, хрупкость ее движений привлекает испытывающий взгляд Фердинанда.

— Лота, ты чудесно выглядишь.

Учитель позволяет себе оторваться от газеты и в который раз оценить хрупкую и точеную девичью фигуру принцессы и критическим взглядом ценителя прекрасного оценить все обнаженное и скрытое в ней, но не от него.

Нужно помнить, что это были годы увлечения нудизмом, характеризующиеся весьма естественным отношением к

обнаженному телу. Модная теория известного философа-марксиста Герберта Маркузе распространилась во всех слоях германского общества. Мода на «Культуру нагого тела» была признана прогрессивной, и все, что ей противоречило, ушло в прошлое.

Фердинанд, родившийся в маленьком прусском городке, доволен судьбой. Он живет, как буржуа, в одном из самых престижных районов Берлина — Вайсензее, служит в доме Френкелей с момента завершения учебы в институте искусств, на отделении драмы. У него легкий характер и есть творческая жилка. В дни финансового кризиса и массовой безработицы особая атмосфера в этом доме дарит ему возможность показать всю широту его души и тягу к духовности и искусству. В огромной домашней библиотеке собраны книги по всем отраслям знаний: философия, латынь, проза и поэзия, история и география, биология, психология, искусство живописи и ваяния.

— Фердинанд, иди домой! — Лоц и Бумба кричат, видя, что учитель подбирается к их тетрадкам.

— Фердинанд, женись и покинь наш дом, — сестрички-близнецы отряхивают свои влажные волосы, начесывая их, чтобы они распушились и завились.

— Такой рай, как здесь, не обретешь в другом месте, — отвечает Фердинанд, умащивая и расчесывая свои волосы.

С приближением вечера в ванной шумно: близнецы Руфь и Эльза собираются на выход. С вечера до полуночи, а иногда и позднее, они обходят злачные места Берлина. Фердинанд сопровождает их. Популярные рестораны, танцевальные залы, вечеринки, концерты, театры, выступления юмористов и модные кабаре на улице Фридрихштрассе — все развлечения огромного города открыты перед ними. Фердинанд неотступно следует за сестрами, накрепко привязанными друг к другу.

В конце недели они просыпаются поздно. Завтракают, читают, упражняются на гимнастических снарядах. В саду, у дома, в легких шелковых спортивных костюмах, они накачивают мышцы, играют в теннис или в баскетбол, забрасывая мяч в кольцо. После полудня купаются, одеваются, наводят марафет, обрызгивают себя духами, готовясь к вечерним развлечениям под неотступным наблюдением Фриды.

— Девушкам из приличной аристократической семьи не следует подражать современной вульгарной моде, — говорит отец, и Фрида строго следит за ними.

В субботу и воскресенье распорядок дня меняется. На детском этаже читают стихи, танцуют, перемежая это взрослыми

беседами о писателях, классических мыслителях или современных духовных учителях и философских веяниях. Фердинанд и Гейнц — каждый согласно своему мировоззрению и жизненному опыту — устраивают дискуссии на собрании детей. Оба они люди духа, но мировоззрения их развиваются в противоположных направлениях.

Гейнц красив. Голова обрамлена рыжеватыми волосами с золотистым оттенком. Он широк в плечах, узок в бедрах, движения его гибки, как у атлета. Одет с иголочки, вычищен и выглажен, выбрит до блеска — таким он каждое утро направляется в свой офис. Груз ответственности за финансовое положение семьи лежит на нем, и от этого выражение его лица становится серьезным и озабоченным. Юноша гордый и самостоятельный, он старается не обращаться за советами к отцу и деду. Хотя положение и в экономике и в политике явно неустойчивое. Он убежден, что новые европейские веяния вообще не внедрились в сознание немцев.

Не таков Фердинанд, чуждый миру бизнеса. Свободный от забот, он ведет свою жизнь согласно собственным желаниям. Он, считающий себя хотя бы наполовину принадлежащим к миру искусства, ходит по коридорам дома в вельветовых брюках, в рубахе нараспашку, как человек богемы, реализовавший свои мечты. Но к обеденному столу, в присутствии хозяина дома, он приходит выглаженным, в шелковой рубахе, застегнутой на все пуговицы и в галстуке из модной коллекции Гейнца.

Фрида помнит первое впечатление, которое на нее произвел этот молодой человек.

— Хозяин, — обратилась она к деду, — Этот юноша не должен учить девушек.

Деда не впечатлила нордическая внешность и светлые волосы Фердинанда, вызывающе выделявшие его среди других студентов. Он скользнул взглядом по его узкому, слишком заостренному лицу, по рукам и ногам, что также были слишком тонки, пожал руку, и глаза уперлись в щеки по обе стороны острого и выдающегося носа.

— Фрида, этого молодого человека нечего бояться.

Дед мигнул, указывая на юношеские угри на лице студента, и сомнения Фриды отпали. Такой долговязый и неуклюжий от головы до пят парень не вскружит головы его внучкам. И ее подозрения быстро улетучились. Фердинанд — добрый дух дома, оживляет все вокруг своим живым темпераментом. Вокруг него всегда смех, шутки и дискуссии на самые высокие и животрепещущие темы.

Бассейн с верандой — «святая святых» детей. За исключением

деда, Фриды и, естественно, Фердинанда, ничья нога не ступает в их владения.

В выходные дни жизнь здесь кипит с утра до обеда и затем замирает до полдника.

В конце недели молодежь заполняет бассейн. Только Бертель, к неудовольствию Фриды, занята своими делами.

— Иисусе, отложи книгу. Помойся, оденься и хватит мечтать.

Вот девочка, наконец-то, лежит в ванной. Фрида опускает руку в белоснежную пену и пробует воду.

— Вылезай, вода уже остыла, еще простудишься.

— Бертель поднимает голову, озираясь, как человек, только вернувшийся издалека.

Бумба подтягивает штаны и вспыхивает, как легко воспламеняемый фитиль:

— Бертель воображает, что растет не среди людей, а среди лесных волков!

Этот забавный малыш сам радуется собственным шуткам. Он почти дословно пересказывает странный рассказ сестренки о Каспаре Хаузере, сыне Наполеона Бонапарта и австрийской королевы. Бертель рассказала ему о предположении, что Каспар Хаузер был спрятан в лесу и подобран волчьей стаей.

— Не прислушивайся к сумасбродствам твоей сестры, — предупреждает его Фрида.

— Бертель говорит, что старая графиня является вороньей королевой, — Бумба кусает губы и хлопает себя по бедрам.

— Всё это глупости, — Фрида касается мочек ушей мальчика. — У нашей старой соседки ослабели шурупы в мозгу, и она никакая не королева черных ворон.

Плавными движениями она вкручивает малышу в уши кусочки ваты, стремясь извлечь пробки желтого воска и вместе с ним накопившиеся глупые байки из доверчивых ушей малыша.

Бертель прячет голову в книгу и молчит, в то время как Бумба в азарте раскрывает все ее секреты.

— Фрида, у Бертель есть учитель игры на фортепьяно. С ним она по ночам прокрадывается в сад, и он рассказывает ей всякие истории. Все дети хотят ее побить из зависти, потому что тоже хотят, чтобы он учил их играть на фортепьяно.

Бумба ужасно гордится тем, что Бертель доверила ему истории, сочиненные ею на основе романа, который отец запретил ей читать. Артур случайно наткнулся на нее у входа в комнаты служанок. Спросил, что за книга у нее в руках, и глазки дочки забегали, как у застигнутого врасплох мышонка, который ищет норку, куда можно скрыться. Таков вечный страх дочери перед отцом.

— «Ад девственниц»? — удивился отец заглавию книги.

Он вызвал Фриду и сказал ей, что девочка читает всё, что попадает под руку, и мозг ее загружен историями, не подходящими ребенку в ее возрасте! Отец потребовал убрать бульварные романы. В беседе с испуганной дочкой он прочитал ей целую лекцию о разнице между истинной художественной литературой и литературой, предназначенной для служанок, объяснил, что следует выбирать книги для чтения и не бросаться на дешевое чтиво. Бертель радовалась вниманию отца к ней, ловила каждое его слово, но именно эта воспитательная беседа о том, что можно и что нельзя, пробудила в ней невероятную тягу к запрещенной им литературе — произведениям Хедвиги Курц-Маллер.

Бумба раскрыл ее тайны, но она не держит на него зла. Каждый вечер он сворачивается клубком в ее постели, и она, по его просьбе, сочиняет для него рассказы о войне. В своем воображении она забирается в замки рыцарей. Ее вдохновляет столетняя история дома. Ей видятся дворяне, толпящиеся у ворот, она слышит звон их мечей, видит блеск скрещивающихся на дуэлях шпаг. Воины, закованные в броню, вооружены мечами и копьями, они готовы сражаться во имя любви, во славу кайзеров, царей, королей и королев.

Бертель рассказывает Бумбе о схватках лицом к лицу, словно бы она сама скачет верхом на коне в гущу битвы. Бертель сочиняет приключенческие истории, и Бумба гуляет то по дворцам, то по полям битвы. Он просто беззаветно любит сестру, такую умницу. Ее рассказы могут сравниться только с историями деда. Но очень жаль, что она все больше молчит, как монахиня. Не танцует, не поет, не играет в мяч и не катается верхом на пони или на коне. Новый велосипед, который дед купил ей ко дню рождения, чтобы она тренировала ноги, которые у нее обе «левые», давно перешел во владение Бумбы. Так или иначе, она не решается кататься на нем даже по длинному коридору в доме.

В бассейне Фердинанд и Гейнц дискутируют о Боге. Гейнц отвечает Фердинанду словами Достоевского: «Если нет Бога, то не существуют моральные ценности, и все дозволено» и добавляет цитаты из Иммануила Канта. Фердинанд вспыхивает.

— Докучливый старик, — срываются с его языка проклятия Ницше Канту.

Находясь всецело под влиянием философии Ницше, Фердинанд наполняет комнату его язвительными цитатами о человеческой морали, общественной солидарности, либерализме, социализме и добавляет, что ему опротивела наивная логика

предыдущих столетий — восемнадцатого и девятнадцатого. Юноша эрудированный, он презрительно цитирует из трилогии Канта «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика суждения». Ему не достаточно отрицания ставших классическими суждений философии Канта, но он отрицает и нравственные теории его предшественников.

Бертель смотрит на него растерянным взглядом: ведь отец и доктор Герман пытаются вдумчиво анализировать философию Ницше, но об абсолютном разуме, господствующем над бытием и этикой, согласно Канту, они беседуют с большим уважением.

Фрида поднимается в бассейн, спускается по винтовой лестнице, и груди ее подпрыгивают, бедра пританцовывают, и тяжкие ее вздохи разносятся в воздухе. Она ходит туда и обратно, ее энергия и внимание направлены на младших детей.

— Ницше?! Ницше ненавидит евреев, — внезапно вмешивается она в беседу.

— Глупости, Фрида! — Фердинанд отмахнулся от нее.

— Я читала статью в «Берлинер Тагеблат», — настаивает она на своем.

— Критик не понимает Ницше. Невежды ошибаются в своих толкованиях его философии, — Фердинанд рыцарски бросается на защиту выдающегося, по его мнению, философа.

— «Берлинер Тагеблат» — не просто газета для массового читателя, — возражает Фрида, ибо для нее главное то, что хозяин дома вдумчиво прочитывает эту ежедневную газету, орган либерального направления в политике, и этого достаточно, чтобы газета стала для нее светочем.

Она прочитывает все рубрики — о политике, экономике, обществе, искусстве и спорте. Бертель отрывает взгляд от книги и без колебания вмешивается в спор между Фердинандом и Фридой, роняя:

— Ты ошибаешься, Фердинанд прав.

Фрида тяжело дышит:

— Лягушка, что ты понимаешь в Ницше?!

Гейнц начинает хохотать, подмигивает своей маленькой Тролии, обнимает верную экономку за плечи, чем заставляет ее таять. Это его путь улестить ее, особенно в будние дни, когда сердце особенно расположено к нему, когда он не торопится на работу, сидит в кухне, медленно тянет кофе с молоком из чашки и просматривает газету, пуская колечки дыма от сигары, словно машины хозяйской фабрики бастуют, или стрелки часов остановили свое движение.

— Гейнц, — она обычно подгоняет его, — твои дед и отец не теряли время на кухне и не залеживались в постели с книгами и

газетами, они рано утром торопились на фабрику.

Она убирает со стола посуду, и продолжает поучать:

— Не полагайся на конторских и секретарш. Учись у деда. В оба глаза следи за рабочими.

Гейнц улыбается, и Фрида вздыхает:

— Если бы не я, Гейнц, давно бы вы собирали милостыню на улицах.

Фрида вышла из бассейна, и Бертель представила себе преподавателя религии. Лицо его искривилось, когда она бросила в пространство класса фразу «Ницше убил Бога». Преподаватель озабоченно тер нос, пока она завершала свою фразу: «Это написано в его книге «Так говорил Заратустра».

Бертель внимательно слушает и запоминает все, что говорит Фердинанд.

Фердинанд, актер в душе, произносит свои патетические монологи.

— Сверхчеловек, — провозглашает он. И, вслед за этим, на одном дыхании воспроизводит основные принципы философии Ницше, — В эпоху опустошенных душ, после «смерти Бога» от рук человека придет сверхчеловек или «раса господ» — подарить человечеству новую мораль, спасти его культуру и вообще Европу, шествующую к катастрофе.

Бертель, подражая Фердинанду, цедит сквозь зубы, что мораль слабых ограничивает сильных мира сего. В столкновении идолов, которое существует постоянно, слабые сделают все, чтобы уцелеть. Принципы демократии, социализма и любви к своему ближнему, по сути, средства слабых — чтобы уцелеть и нанести ущерб сильным.

Погруженная в ванну, скрытая пеной ароматического мыла, Бертель держит ухо востро. Она чутко прислушивается к диспуту о философах. Речь идет об Аристотеле, Платоне, Сократе, Вольтере, Лессинге, Канте, Гегеле и, конечно же, Ницше.

Но ее больше всего интересует психоанализ Фрейда. Она ведь показала Лотшин свое письмо к Фрейду. Быть может, она получила бы важный совет от венского психоаналитика. Но сестра показала письмо отцу, и он сказал, что неприлично обнажать свои чувства, и спрятал письмо в ящик письменного стола. Но на этом отец не остановился. В беседах о подсознании он начал говорить об анализе сновидений, описанном в сенсационной книге Фрейда «Толкование снов».

Отец вслух размышляет о подсознательном мире, который восходит в сознание художников и мастеров слова. Чаще всего, он завершает беседу рассуждениями о том, что прилично, а что

неприлично с его точки зрения, и о том, что разум и мышление в силах обуздать страсти человека. Отец подчеркивает, что воспитание морали является образующим фактором, делающим человека культурным.

Если разговор происходит за столом, то присутствующие слушают отца молча. Иная атмосфера царит на собраниях детей. Тут разгораются острые дискуссии о психологии. В отличие от Бертель, другие не бояться вступать с отцом в острые споры.

— Сексуальная энергия вводит в действие человеческую личность и владеющие им иррациональные силы. Вытеснение или подавление сексуальной энергии или любой другой страсти превращают человека в невротика.

Так Фердинанд объясняет Фрейда, споря с Артуром.

— Гаррисон отнимает у человека великие наслаждения, отнимает спонтанность. Публичные дома с красными фонарями и сдвинутыми в стороны занавесками расцвели именно в викторианскую эпоху, когда даже ножки стола укрывали из чувства отвращения. Расцвет публичных домов произошел от желания вернуть человеку спонтанность в сексуальной жизни.

— У женщины нет физических вожделений, — словно бы видя в себе образец современной женщины, посмеивается над старомодным воспитанием Руфь, и тут же Эльза торопится высказаться за сестрой:

— Сексуальная страсть существует у женщины от возбуждающего влияния мужчины.

Бертель усиленно моргает, когда начинают говорить о гомосексуалистах, например, об английском поэте Оскаре Уайльде. Она нашла в словаре слово «гомосексуалист», но так и не могла понять, в чем преступление этого известного поэта и драматурга, которого бросили в тюрьму. В ту неделю, когда обсуждали и осуждали Оскара Уайльда, на нее напал приступ отвращения, и вовсе не из-за гомосексуализма бедняги, а из-за того, что произошло после этого. Кудрявые сестрички-близнецы обсуждали любовные сцены Карла Юргенса, популярного киноактера, имеющего множество поклонников, и женщин, которым нравилось обсуждать смачность поцелуев мужчины и женщины, оценивая их качество. И тогда Лоц, взрослеющий подросток, отжался на турнике перед большим зеркалом, любуясь своим телом атлета, и начал хвастаться, что познал девушку, которой было всего лишь тринадцать лет. Во время каникул в Пренслау сын садовника, повел его в какой-то неказистый домик и взял у него десять марок за встречу с сестрой.

Руфь, Лотшин и Эльза были шокированы: «Мальчик из добропорядочной семьи, атлет и красавец, якшается с плебеями!»

— сердились они.

Лоц остался равнодушным к их бурной реакции. Для него собственные желания и страсти важнее правил приличия. Вопреки желаниям отца, он каждый год соревнуется в гонках на велосипедах во дворце спорта. Хотя другие отпрыски крупной буржуазии даже не приближаются к этим соревнованиям, в которых участвуют пролетарии.

Газетные полосы пестрят скандальными заголовками, слухи ходят по Берлину. Фердинанд, председательствующий на воскресных собраниях, шуршит газетными листами, читая вслух статью об оргиях и свободной любви. Полиция тогда охотилась за мужчинами и женщинами, рядящимися в маскарадные костюмы, устраивающими оргии, и бросала их в тюрьму. Гейнц, выполняющий упражнения на гимнастической лестнице, морщил лоб, слушая чтение Фердинанда:

— Уже не существует чистой любви. Все является результатом похоти. Если вожделение охватывает женщину или мужчину, пусть встречаются и занимаются сексом. Человек должен мыслить хладнокровно. У эмоций нет никакой власти над человеком! — цитирует Фердинанд коммунистку Александру Коллонтай, и Бертель беззвучно кричит: «Александра Коллонтай — убийца! Убивает настоящую прекрасную любовь, чистое чувство. Анна Каренина оставила маленького сына Сережу и потеряла жизнь из-за любви!»

Бертель осуждает Коллонтай. Фердинанд говорит, что читал книгу «Любовь в стиле Коллонтай», и стал ее поклонником. О ней, кстати, ходят слухи, что она — любовница Ленина. Фердинанд перечисляет одну за другой книги этой русской коммунистки: «Великая любовь», «Сестры», «Любовь в течение трех поколений». Считая себя большим специалистом по любви в духе Коллонтай, он рекомендует сестрам-близнецам обратиться к библиотеке революционеров и прочитать книги «Новая женщина», «Автобиография сексуального освобождения коммунистки», «Красная любовь», «Что принесла Октябрьская революция женщинам Запада».

Бертель в смятении чувств сердится и молчит: Коллонтай выражает пренебрежение «Страданиям молодого Вертера» Гёте. Цинично отвергает этот роман, из-за которого вспыхнула эпидемия самоубийств. Любовники сходили с ума под влиянием сильного любовного чувства, которое заставляет человека, ищущего настоящей чистой любви и охваченного сильной страстью, наложить на себя руки. И эта трагедия литературного героя разошлась волной самоубийств в течение двух наивных поколений.

Бертель возбуждена: Коллонтай убивает любовь! Она распространяет ложь о том, что любовь вызывает жалость и является достоянием буржуа, у которых нет целей в жизни, и что это не касается рабочих. А кончают буржуа самоубийством от скуки и опустошенности души. Коллонтай — женщина грубая.

Разве у буржуа нет высокой цели, которую они стремятся воплотить? Отец-буржуа очень любил мать. Почти каждый день он сидит за роялем, играет и напевает любовные песни, обращенные к ней, ушедшей в вечность. Анна Каренина, любимая героиня Бертель, оставила маленького сына Сережу и пожертвовала своей жизнью во имя любви. Бертель сердится на писательницу-коммунистку. Та оскорбляет Гёте, немецкого национального поэта, гиганта духа, сына зажиточных родителей. Она любит читать его тома, переплетенные в коричневую кожу с золотым тиснением. Слова его добры, мягки, эмоциональны, вызывают у нее трепет и входят глубоко-глубоко в ее душу. Лицо у него приветливо и совсем не сердитое, каким он выглядит на портретах в доме и в школьной библиотеке.

Бертель считает, что любовь — чувство сложное. Сексуальная жизнь человека иногда выражается в гомосексуализме, иногда кончается самоубийством. Гомосексуалисты приговаривались к смерти, а теперь их сажают в тюрьму. Романтика может довести человека до безумия. Она вспоминает слова Фердинанда о Коллонтай и возражения Гейнца.

— Все у нее смешивается с классовой борьбой. Она находит поддержку в сюжетах дешевой литературы для прислуги — романах Хедвиги Курц-Маллер. Коллонтай выстраивает целую теорию на основе бульварных романов, вызывающих слезы и продающихся, как свежие булочки. По ее мнению, высшее общество лишено милосердия, представители высшего класса подлы и аморальны, эксплуатируют низшие классы без всякой жалости. Принц, или лорд, или буржуазный сынок влюбляется в служанку. Любовь между ними вспыхивает с безудержной силой. Служанка беременеет. Ужас, отпрыск высшего класса не может смириться с любовью к низменному созданию. От безвыходности служанка бросает ребенка в реку и кончает жизнь самоубийством.

Несчастная Бригите, одна из служанок в их доме. У Бертель от ужаса волосы встают дыбом. Из своего укрытия, между грудами перин на чердаке дома она видит нижнюю часть белого, как мел, тела. Молодая служанка Бригите раздвинула ноги. Длинной иглой она ранит себя. Бертель хочет закричать: «Бригите! Что ты делаешь?!» Но словно пребывает в столбняке. Крик застрял в горле. Огромный чердак пронзил тонкий вопль.

Бригите закусила губы, пытаясь заглушить вой. Бертель онемела от страха. Бригите стонала. Капли крови падали на перины. «Бригите, Бригите, ты должна пойти к хозяину», — раздался голос Фриды. Она спасла красотку. Держа ее за руки, Фрида привела ее в кабинет отца. Бертель шла за ними, навострив уши, чтобы услышать, что говорила Фрида. И тут девочку поразили слова отца, произнесенные холодным беспристрастным тоном, без всякой жалости к любимой ею Бригите: «Девица понесла вне замужества. Она не может оставаться в доме, где растут дети. До утра прошу тебя собрать свои вещи и исчезнуть».

С восходом солнца Фрида вывела несчастную Бригите, едва держащуюся на ногах, через черный ход. Жизнь девушки мгновенно изменилась по мановению руки хозяина. Ушла она с пустыми руками. Спустя несколько часов, настойчивый звон электрического звонка переполошил весь дом.

Фрида побледнела:

— Хозяин очень болен. Нельзя его волновать такими сообщениями, — сказала Фрида двум полицейским, стоящим у входа, и слезы залили ее лицо.

— Бригите покончила собой, — не уставала она повторять, вспоминая нежную девушку, которую так любила. Она обвиняла в содеянном кучера деда, этого преступника, который собрал вещи и исчез, узнав, что Бригите беременна.

— Все это глупости, — отверг маленький Бумба шепотки, гуляющие по коридору. — Когда Бригите вернется? — плюнул он со злостью себе на ногу.

Взрослые ходили взад и вперед по гостиной и не глядели в сторону возбужденных детей. Тут появился дед, и полицейские сообщили ему о том, что молодая служанка бросилась в реку Шпрее.

— Ко всем чертям, — выругался дед и отбросил свою трость с инкрустированным набалдашником.

Как лунатик, поднялась Бертель на чердак, чтобы спрятаться между перин и одеял, избавиться от призрака тонкой длинной иглы, которая мерцала перед ее взглядом, скрыть в себе крик Бригите, которая отдала Богу душу, бросившись в реку.

— Бертель, Бертель! — Артур пытался докричаться до окаменевшей дочери. Не раз уже беспокоились о ее душевном состоянии, когда она забивалась в угол гостиной или не издавала ни звука несколько дней.

— Бертель, Бертель! — страх, почти шок, звучащий в его голосе, вырвал ее из мира грез и вернул к реальности.

Не Бригите, не ее беременность, не ее самоубийство, не ее тело и не полицейские, а слова Хедвиги Курц-Маллер о

жестокости и равнодушии буржуазной семьи в отношении ни в чем не повинной любимой служанки не давали ей покоя.

Фрида, повелительница служанок, ухмыляется. Хедвига Курц-Маллер помогла ей, и этому нечего удивляться. Люди, считающие себя принадлежащими к высшему обществу, обрушивают воистину потоки оскорблений на ее книги. И в то же время все — от мала и до велика — выискивают у прислуги эти книги, втягиваются в чтение сентиментальных, чувствительных, банальных историй. Что бы сказал уважаемый хозяин, если бы знал, что эти книги переходит из рук в руки среди его детей. Служанки жалуются, что Бертель берет из их комнат книги Хедвиги Курц-Маллер и не возвращает на место.

Более того, этой писательнице, столь любимой служанками, уделено почетное место в мире Бертель, как давшей ей базисные понятия в вопросах любви, измены и взаимоотношений между полами. В этот период «культуры наготы» и свободной любви молодежь уделяет большое внимание сексуальному образованию. Что такое — любовь? Это обсуждают и так, и этак, словно топчутся на месте, спорят между собой о точном определении этого понятия.

— Если вступать в сексуальные отношения — то же самое, что выпить стакан воды, так я, как взрослые, свободна в этих отношениях, — шепчет про себя Бертель теорию психоаналитика, еврея, доктора Вильгельма Райха и пьет воду стакан за стаканом. Потом она пришла к выводу: в двадцатом веке сексуальные отношения будут свободными, вне рамок семьи, станут общественной нормой. Свободные сексуальные отношения — это образ жизни, а не только привилегия людей искусства, отличающихся от всех остальных.

Что такое — любовь? Бертель и вовсе растеряна, ибо интеллектуал Фердинанд анализирует это сложное понятие холодным скальпелем разума. Но сам, как больной любовью, тянется днем и ночью за кудрявыми сестричками-близнецами. А они, во время отдыха в горах, крутят любовь с ударником и трубачом оркестра. Каждый вечер они встречаются с музыкантами в подвалах, приспособленных для развлечений, а его оставляют сзади, возбужденным и униженным.

Фердинанд, сам христианин, был только рад, когда Фрида стыдила сестричек:

— Ухажеры эти — христиане. Это рассердит вашего отца!

Фрида пытается отвести эту беду:

— Эльза — ты дочь аристократов, дочь высшего общества. Негоже встречаться с этими неполноценными парнями из низшего сословия!

Лишившись покоя, Фрида металась по бассейну. Рыжая Руфь не отрывала глаз от большого зеркала, улыбаясь своему отражению. Эльза же смотрела на христианку Фриду смеющимися глазами.

— Они не евреи. Иесус, не делайте больно отцу, — повторяла Фрида.

Гейнц услышал это, и сердце его сжалось. Кристина, его любовница — христианка, умная и эрудированная девушка, с прекрасной фигурой и красивым лицом — не сможет выйти за него замуж из-за принципов отца. Для усиления своей позиции недостаточно португальской бабушки, и он вспоминал слова национального поэта — выкреста Генриха Гейне, который говорил о горькой судьбе людей, сменивших веру: «Теперь меня ненавидят евреи и христиане. Я сожалею, что принял крещение в купели, не вижу, чтобы состояние мое улучшилось благодаря смене веры. Наоборот, после этого счастье повернулось ко мне спиной».

Прошло более ста лет с того дня, когда в 1825 году Гейне написал эти горькие слова. Гейнц размышляет о судьбе выкрестов, как не осуществилась надежда, которую они лелеяли — влиться на равных в христианское общество. Они думали, что отдалившись от еврейства, достигнут духовной независимости, получат в полном объеме права и поднимутся по общественной лестнице, как любой гражданин. В действительности же положение их ухудшилось. Их ожидали одни несчастья, полное и удручающее одиночество, ибо они не сумели пустить корни ни в каком обществе. Христиане презирали их за измену своим традициям, а, с другой стороны, их отвергали евреи. Но почему надо сравнивать прошлое с настоящим? Времена изменились. Смешанные семьи евреев и христиан живут в полной гармонии, и тому есть множество примеров.

Печально завершилась большая любовь Гейнца к своему идеалу, дочери судьи. Кристина — замкнутая и глубоко верующая христианка, твердо стоит на том, что ни за что не примет еврейство. Да и он не нарушит заветы отца — хранить цепочку поколений, как заповедь Берты-Беллы, далекой праматери, дочери португальских выкрестов. Гейнц живет в вечном напряжении с тяжкими размышлениями о конфликте, в котором проживает отец и, вообще, о запутанном узле жизни еврея. Вследствие этой личной проблемы, он долго размышлял над развитием иудаизма. Началось это с того момента, когда Шлегель отверг стремление ассимилированных евреев быть принятыми христианским большинством как личности, а не как еврейский народ, мотивируя тем, что они всегда будут индивидуалистами и

не смешаются с обществом. Им ясно было указано, что в них всегда будут видеть чужеземцев, и потому они стремились доказать христианскому большинству, что иудаизм — универсальная культурная ценность, духовное сокровище всех народов. Теперь интеллектуалы пророчат, что с течением времени сотрется разница между иудаизмом и христианством. Они уверены, что слияние иудаизма и христианства в единую религию произойдет естественным образом.

На основании этих прогнозов, Гейнц восстает в душе против отца.

— Гейнц, именно в эпоху расцвета еврейства можно реализовать либеральную идеологию и не потерять еврейскую идентичность, — говорит Артур, и странно, что в эту либеральную эпоху, он решает еврейский вопрос обращением к мистике:

— В человеке скрыты мистические наклонности, которые мне трудно понять. Иудаизм — мистический стержень в моей душе! У иудаизма множество ликов. Но мы — евреи по собственному мировоззрению, а вовсе не по мировоззрению пророка Моисея. Я родился евреем, и мой долг — быть евреем. Еврей, принимающий христианство, отказывается от своей личности!

Отец требует держаться его принципов и завещает своим сыновьям и дочерям: «Вы вправе вращаться в христианском обществе, но заключать матримониальные союзы с ними только на условиях, что они примут еврейство».

— Я не живу в средневековье, — отвечал Гейнц с вызовом и высокомерием. — Каждый человек имеет право жить по своим законам. Нет у меня морального права требовать от моей подруги принять еврейство! Но даже женившись на христианке, я буду хранить свое еврейство, и дам ей быть тем, кем она желает!

— Гейнц, если женишься на христианке, ты не войдешь в мой дом! — ответил отец холодным непререкаемым тоном.

— Я покончу собой!

— Так покончишь! — ударил отец кулаком по столу, и воздух вокруг задрожал.

Фрида остерегала сестричек-близнецов — не влюбляться в христиан. Открытая рана кровоточила у Гейнца, а прямой и острый нордический нос Фердинанда загнулся книзу, и ставшее печальным, его лицо придало ему облик трагического литературного героя какого-нибудь классического романа.

— Что, Фердинанд, из-за какого-то трубача ты откажешься от моей сестры! Возьми пистолет и застрели его! — раскатисто смеялся Бумба, раскачиваясь на своем деревянном коньке, и рыжие его кудри стояли дыбом, а игрушечный пистолет стрелял в

воздух.

Убийство?! Столица и все большие города сотрясаются от убийств. Фердинанд и Гейнц говорят, что Достоевский, величайший из русских писателей, проник во все глубины сердца преступника. По его книгам «Записки из мертвого дома» и «Преступление и наказание» изучают внутреннюю борьбу, происходящую в темных закоулках души убийц, и приходят к выводу, что его герои — рабы преступных страстей и грешат под влиянием мистических движений души. В бассейне говорят о том, что после окончания Мировой войны в Германии усилилась агрессивность общества, о сокрушительной вседозволенности в городах. Фрида всплескивает руками и говорит, что козни дьявола на земле обрушат бедствия и несчастья на страну и на весь мир.

Экономка взволнована. Она поймала за ухо Бумбу. Младший сын дремал около тайного прохода на детский этаж.

Потайной вход находится за шкафом. Мальчик подозрительно относится к подаркам от старших и к телефонным звонкам. Он следит за тем, как по ночам шкаф постоянно сдвигается с места, и старшие дети тайком прокрадываются в свои комнаты.

Артур не видит, не слышит и не знает ничего об этом вечно отодвигаемом шкафе.

Он и не подозревает, что после полуночи детки возвращаются из увеселительных заведений на Фридрихштрассе.

Фрида живет в вечном страхе ожидания. Дети посещают злачные места. Стриптиз, азартные игры, всяческие фокусники, куплетисты, распевающие скабрезные песенки и похабные куплеты, столь неподходящие для ушей молодежи из приличных семей.

— В наши дни необходимо следить за молодежью. В наши дни опасно шататься по улицам в поздние ночные часы, — намекает она главе семьи, пытаясь заставить его приглядывать за детьми. Но Артур задумчиво пропускает мимо ушей ее предостережения.

— Эта нравственная распущенность опустит мир в Преисподнюю, — не находит она слов для выражения своих чувств.

Содом и Гоморра царят в бесчисленных кабаре. Фрида возмущена откровенной обнаженностью женских тел, инцестом, сексуальной извращенностью в этих подвалах развлечений, изменами супружеских пар, развалом семейных ценностей, происходящих главным образом, в городской европейской среде. Фрида предчувствует катастрофу, а молодые ведут себя

легкомысленно, снисходительно относясь к отжившему миру девятнадцатого столетия.

В воскресные дни дед в Берлине, и порядок в доме меняется. Фердинанд уступает ему место председателя детских собраний. Поднимаясь по винтовой лестнице, ведущей к любимым внукам, дед начинает петь, возвещая о своем прибытии внукам, плоти от его плоти. Оттиск с его черт проскальзывает в выражениях всех лиц, исключая Бертель. Младшая из внучек, она украдкой обращает на него взгляд своих черных глаз мышонка, моргает и отводит его от лица деда.

А он напевает куплет на берлинском сленге, намеренно искажая высокий немецкий язык, столь лелеемый их отцом:

Приди на качели, Луиза,
Покачаю тебя вверх и вниз.
Ты почувствуешь вкус парадиза,
И всего-то за грош — парадиз.

Дед напевает, а Бертель не издает ни звука, выражая молчанием свой протест.

— Пой, Бертель, почему ты такая серьезная, — дед любовно тянет ее за косички, а она подпрыгивает и сердится.

Сленг действует ей на нервы, но патриоту деду наплевать на чистоту языка. Но это же некрасиво! Дед вносит в дом этот берлинский сленг. Бумба, пританцовывая, кружась вокруг Фердинанда и Гейнца, подпевая деду, который натачивает бритву на кожаном ремне и подмигивает.

Не знаю, чего я так печален,
Мотив из детства, как жизнь, изначален…

Затем дед натягивает сетку на голову, чтобы сохранить форму прически и продолжает напевать:

Плечи твои обнимаю в ночи,
Поцелуи твои горячи.

Бертель уткнулась в книгу, чтобы не смотреть на напевающего деда. Старик улыбается всем, и сердце его полно радости жизни, словно он обнимает весь мир, который сотворен лишь для него одного. Ей так бы хотелось куда-нибудь спрятаться

от шумного деда, столь отличающегося от спокойного и сдержанного отца. Бертель равнодушна и к внешности деда, так восхищающей близняшек. Дед элегантен от затылка до подошв. Он выделяется даже среди остальных мужчин, которые делают педикюр, носят элегантные костюмы и начищенные до блеска лакированные туфли ручной работы. Дед никогда не наденет обувь массового изготовления, даже если она выставлена в витринах сети магазинов «Лейзер», которые вырастают, подобно грибам после дождя, на самых роскошных улицах Берлина. Когда дед выходит в город, его положение в обществе сразу заметно окружающим. Он всегда одет по последней моде, в светлый серый костюм с ярким цветком в лацкане и белым шелковым носовым платком, выглядывающим из верхнего кармана отлично скроенного и выглаженного пиджака. Он всегда готов и к ухаживанию за женщинами и к деловым переговорам.

— Фрау, вы просто красавица! — дед заигрывает с молодой или не очень молодой дамой, встреченной им в пути. — Быть может, госпожа доставит мне удовольствие пообедать со мной в «Аделин».

Быстрота обращения ко все еще сомневающейся даме позволяет без паузы продолжать:

— Намерения мои чисты, семья моя очень занята, а я одинок…

И дед, заразительно смеясь, рассказывает о предстоящих развлечениях в гостинице, известной великолепным обслуживанием. «Аделин» знавала кесарей, королей и королев, известных людей и богачей. И дамы отвечают старому джентльмену взаимностью.

— Дед, что нового в городе? — спрашивают, сияя от удовольствия, кудрявые сестрички-близнецы.

Дед всегда в курсе новостей мира развлечений. Он свой человек в среде берлинской богемы, собирающейся в шумных кафе на центральной улице города, и знает все сплетни — кто женится или выходит замуж, кто разводится, кто изменяет, у кого есть любовник или любовница. Внучки допрашивают его днем и ночью обо всём, что он слышал и чего не слышал, что идет в театре или кино.

Дед улыбается жизни, и жизнь улыбается ему. По будням, с утра он надевает темный костюм для верховой езды, на голову — черную шляпу, и умело запрыгивает на коня, хотя возраст его приближается к восьмидесяти. Выпрямив спину, он скачет по аллеям больших парков, специально предназначенных для всадников. Он впереди многочисленных всадников преодолевает большие расстояния. Дед по праву пожинает плоды красивой

жизни. Если ему нужно побывать в Берлине по делам или по другой причине, он вызывает кучера с каретой, и тот везет его на самую знаменитую улицу Берлина — Унтер ден Линден — «Улицу под липами». Дед прогуливается по ней, выпрямив спину, в костюме по сезону, сшитом лучшим портным находящегося в изгнании кайзера Вильгельма Второго, и глаза всех прохожих обращены на него. На аллее лип дед шагает, постукивая по тротуару своей инкрустированной тростью, и всем со стороны кажется, что музыка оркестра, играющего в городском саду, подчиняется его ритму.

— Эльза! — шаги Фриды приближаются к бассейну. — Ты обманула меня. Просила деньги на покупку книг, а купила себе ткани!

Фрида гневается, обнаружив отрез ткани под кроватью восемнадцатилетней Эльзы. Девушка встряхивает кудряшками в то время как дед встает на ее защиту. По железному правилу, введенному отцом, одежду и обувь покупают лишь два раза в год — зимой и летом.

— Мои внуки не будут одеваться как пролетарии! — гремит дед.

Даже подумать нельзя, чтобы послать Бумбу в школу в ботинках, которые порвались за месяц. Внучкам, и одиннадцатилетним и двадцатилетним, следует иметь богатый выбор одежды, этого требует дед и следит за девочками. Он сопровождает внучек на улицу Курфюрстендам в модный магазин одежды «Зало и Ирма» — магазин их близких родственников. Внучки примеряют платья, выбирают кожаные сумки и, вообще, все, что им нравится. Как истинный джентльмен, дед отказывается от скидок, которые ему предлагают Зало и Ирма на большую покупку.

Жужжание электрических бритв в ванной комнате смешивается с хлопками пистолетов и ружей, которые приобрел дед на цыганском базаре. Бумба оседлал деревянного коня, скачет, радостно кричит и стреляет во все стороны. Дед подпевает ему:

Скачет всадник — хоп-хоп,
И с коня на землю — хлоп-хлоп,
Если в яму упадет,
Ворон его не заклюет.
В яму с мусором упав,
Он стреляет — пиф-паф.

Дед и Бумба радуются, непобедимая сила жизни кипит в старом и малом. Вопреки сопротивлению Артура дед водит маленького внука на цыганские ярмарки, где шныряет множество безработных, карманников, пьяниц, дезертиров. Дед и внук переходят от лотка к лотку и пробуют свое везение в разных играх. Дед стреляет по мишеням и собирает призы — кукол, игрушечных животных и разные детские игрушки.

Дед, так хорошо разбирающийся в людях, не понимает свою младшую внучку, живущую в мире образов и слов. Он хочет дать ей новые впечатления. Они идут от одного аттракциона к другому, он тянет ее за руку, чтобы она прикоснулась к реальности, но Бертель только плачет.

Огромные зеркала, искажающие изображение, обрушились на нее, подобно удару. Внезапно тело ее сжалось и тут же вытянулось до потолка, затем уменьшилось до величины черного муравья. Девочка металась из угла в угол и кричала. В зале зеркал нескончаемо длился жуткий спектакль. Лицо ее раздувалось огромным баллоном и тут же, при попытке сбежать, превращалось в тончайшую палку. Посещение цыганской ярмарки она вспоминает как страшный сон. Эти волшебные зеркала преследовали ее днем и ночью.

Единственным приятным чувством была гордость за деда, который вел себя на ярмарке как повелитель. Выпрямив спину, дед шествовал среди нищих, просящих милостыню калек, раскланивался с простыми людьми, отверженными жизнью, благословляющими джентльмена в элегантном костюме с шелковым платочком, выглядывающим из нагрудного кармана, и цветком в петлице.

Дед-буржуа обращается с открытым приветливым лицом к униженным и оскорбленным, и они отвечают ему такой же открытостью и приветливостью.

В бассейне Бертель что-то бормочет про себя. Бумба умирает от смеха, издавая гортанные звуки, топчется на месте и косится на деда, который не сводит глаз с девочки:

— Хватит, Бертель, ты уже все нам рассказала, из-за тебя я поранил щеку, — дед оттягивает кончики своих пышных усов вверх и вниз, вправо и влево, и опять берет в руки кожаный ремень, чтобы острее заточить бритву.

— Ты не прав, надо рассказать это иначе! — Бертель явно недовольна автором книги, стоящей перед ней на металлической подставке.

— Хватит, Бертель, хватит, мы уже все знаем! — дед снова намыливает лицо, чтобы выбрить оставшиеся островки щетины, и напевает:

Алёна-палёна,
Смеющийся рот,
Только повар
Тебя возьмет
И к жерлу печи
Тебя поднесет.

— Быстро выходи из бассейна, Бертель! Охладись! — Фрида опускает руки в ароматную мыльную пену.

— Оставь ее, Фрида, — голос Гейнца мягок и примирителен. Бумба стоит на коленях. Он проводит ладонью по щекам и подбородку деда и подтверждает, что они начисто выбриты. Дед снимает с головы сетку. Фрида вкладывает снежно белый платочек в карман его пиджака: дед готовится к поездке к родственникам, берлинским Френкелям. С его уходом дирижерская роль на детском собрании переходит вновь к Фердинанду.

Вечерние сумерки. Столовая изменила свое предназначение. Кудрявые сестрички передвинули мебель в гостиную, освободив столовую для вечеринки. «Кони прибыли», — брюзжит Гейнц и, при звуке электрического звонка на входе, направляется к дверям — встретить парней в отглаженных костюмах сопровождающих девиц в вечерних платьях. Фортепьяно играет, патефон гремит, коротко стриженые девицы легко скачут в танце, и молодой смех омывает их лица, ярко накрашенные. Дед на этот раз ведет в бальном танце то Эльзу, то Руфь, скользя взглядом по залитому светом залу, и нравится ему эта радостная сутолока, которую девицы разносят во все уголки дома. Дед шарит глазами и натыкается взглядом на Марго, певицу кабаре, с осиной талией, чье сценическое имя Лизелота. Она извивается около рояля в танце. Ритм движений узкого тела в облегающем черном шелковом, блестящем платье соответствует тому, как двигаются ее пылающие губы, густо накрашенные красной помадой. Певица плотоядно поводит ягодицами, и певец Аполлон, восточноевропейский еврей, присоединяет к ее голосу свой. Поют они — то соло, то дуэтом. А художник Шпац, все время подтягивая штаны, достает из карманов карандаши и краски, чтобы увековечить присутствующих в своем альбоме.

Зал дышит радостью жизни. Бумба прыгает козлом между танцующими парами, переходит с коленей на колени. Заливается детским смехом от каждой шутки, витающей в воздухе, и рыжие его кудри пылают. Дед, танцующий с Руфью, берет малыша на

плечи, и тот радостно прыгает в такт музыке. Лоц ведет девушку кругами, делая резкие повороты, и расплывается от сыплющихся на него со всех сторон комплиментов. Лотшин присоединяется к танцующим то в паре с Фердинандом, то с Филиппом, стараясь не огорчить сестричек и их гостей из берлинской богемы.

Бертель убегает от праздничной суеты и шума в свою комнату, растерянно смотрит в пространство, словно бы ожидая чего-то, что унесет ее туда, где чуждая атмосфера не будет так давить на нее.

Вечеринка в разгаре. Кетшин и садовник Зиммель на кухне извлекают пробки из бутылок с вином и ликером.

Фрида рвется из кожи вон в желании услужить дорогим гостям. Нет недостатка в напитках и закусках. Гейнц и Лотшин чувствуют себя в этом обществе, как в своей стихии, к вящему удовлетворению Фриды. Гейнц вечно озабочен бизнесом, а сейчас он увлеченно танцует с девушками, впервые после того, как расстался с любимой Кристиной. Что же касается Лотшин, Фрида без конца ей повторяет: «Молодая девушка должна вращаться в компании сверстниц, а не закрываться с больным отцом. Я позабочусь о нём». Но принцесса предпочитает общество отца и его друзей-интеллектуалов. Она часто замыкается в одиночестве в зимнем саду и отвергает многочисленных ухажеров, толпящихся под ее окном и поющих ей любовную песню «Лорелея» на стихи Генриха Гейне.

В отличие от сестры, Руфь и Эльза без конца посещают увеселительные мероприятия.

Дед проявляет особую симпатию к блондину, который только что появился со своей супругой:

— Ну, Бертольд, чего тебе сегодня не хватает?

Драматург Бертольд Брехт пританцовывает в быстром ритме музыки, отстукивая каблуками чечетку и подпевая. Время от времени он бросает взгляд в сторону рояля или на певицу Марго. Дед, как обычно, подмигивает этому богемному персонажу, который разбогател благодаря бешеному успеху его оперы «Мекки-Нож», о берлинских бандитах. Сотрудничество с великим немецким режиссером, евреем Максом Рейнхардом в 1926 году, принесло Бертольду Брехту успех. На «Мекки-Нож» или «Трехгрошовую оперу», музыку к которой написал Курт Вайль, валом валили зрители. Из всех пьес, поставленных на берлинских сценах в годы бурной театральной жизни, не было в народе популярнее мюзикла. Тема сотрудничества преступного мира с официальной властью была так актуальна, что возвела Бертольда Брехта на вершину мировой драматургии.

На собраниях в бассейне молодежь обсуждает и анализирует

эту пьесу.

Дед улыбается, когда речь заходит о Брехте:

— Я люблю «Трехгрошовую оперу».

Артур заставил себя посмотреть нашумевшую в городе пьесу, но отнесся к ней весьма скептически.

— Это предел возможностей автора, — говорит он.

Артура раздражали восторженные вопли зрителей, аплодирующих мерзавцу, грабителю, сутенеру, обретающемуся в публичных домах. А деду нравится этот талантливый парень, который запросто открывает душу его внучкам, развлекается с ними в подвальных кабачках или танцует на модной вечеринке на Фридрихштрассе. Брехт любит славу, волочится за женщинами, гоняется за развлечениями, одалживает у всех деньги.

Артур против того, чтобы Брехт бывал в его доме, и не только потому, что дед и Гейнц делают ему «подарки», то есть попросту дают ему деньги. Его выводит из себя циничное использование драматургом своих поклонников, раздражает стиль его речи. Иногда Брехт сидит в его кабинете, рассыпается в комплиментах мудрости хозяина, говорит о своем экзистенциальном мировоззрении, но слова его становятся все более хлесткими и агрессивными. Он выражается цинично, с презрением и отвращением отвергая высокие жизненные принципы. Артур не понимает бездумного преклонения перед Брехтом и вообще перед актерами и актрисами.

Дед и молодежь бегут на спектакли «Немецкого театра» и в театры, расположенные в пригородах Берлина, чтобы еще и еще раз восторгаться игрой примадонн, красавицы Елены Вайгель, супруги Брехта, и Лотты Ланье, жены композитора Вайля. Дед посылает им букеты цветов, прилагая к ним поздравительные открытки. Особенный восторг вызывает у него игра немецкой актрисы, родившейся в Австрии, еврейки Элизабет Бергнер, маленькой, худенькой, похожей на подростка. Она имела колоссальный успех в роли Жанны д Арк в пьесе «Святая Иоанна» в 1927 году. Вся семья была взволнована, когда великая актриса подружилась с Лотшин и посетила их дом.

Артур не выходит из своего кабинета. Шумная атмосфера, царящая в доме, музыка и танцы в столовой, превратившейся в зал для развлечений, утомляют его. Он чувствует себя чужим в собственном доме. Руфь и Эльза, красивые интеллигентные девушки, не пропускают ни одного выступления вульгарно накрашенной певички Марго. Они духовно нищают. Лоц тоже гонится за легкой жизнью, не требующей никакого духовного усилия. Дети его, как цыгане, убегают от любых церемоний и традиций. Символы культуры и знаний, расставленные и

развешанные им по дому, не имеют никакого влияния на становление их личностей. Ни Минерва, богиня мудрости, чья статуэтка стоит в коридоре, ни Анакреон, поэт вина и любви, ни Венера Тициана. Скульптуры ничего не говорят их духу. Массовый стиль германской богемы врывается «культурной революцией» в его дом, и он не в силах противостоять этим новым влияниям. Динамика жизни — естественный процесс прогресса.

Фрида озабоченно говорит ему:

— Девушки из приличных семей предоставлены сами себе! Они не вылезают из подвальных кабаре! Хозяин слишком мягко обращается с детьми.

— Как я могу быть более строг с ними. И без меня жизнь их не проста, — отвечает сам себе Артур.

В роскошном обеденном зале — шутки, взрывы хохота, шуршание подошв. Шум веселья врывается в размышления Артура. В Берлине, родном городе его и его детей, сыновья его и дочери растут и взрослеют в эпоху духовного экстаза и ослабления моральных устоев, легковесного отношения к общественным и человеческим ценностям. После великой войны всякое крайнее, революционное проявление принимается с преклонением. Старые традиции девятнадцатого века агонизируют, и на их месте — взрыв и разрядка страстей, освобождение от прежних устоев отжившего мира. Артур перебирает пальцами тигровую шкуру на коленях и удивляется, не понимая, куда катится человечество. Мистика, буддизм, брахманизм, индийская йога, астрология, хиромантия, графология — тайные «потусторонние» силы захватывают Европу двадцатого века. Течения, не имеющие никакого отношения к логике и ясному разуму, пробивают себе русла, подавляя рациональное западное мышление.

Временами ему кажется, что мир переворачивается и сжимается под напором «духовных» революций и ненормального образа жизни. Чуждый и недоступный пониманию мир, вторгается в стены его дома.

Артур сознает, насколько призрачно желание привить детям его собственное мировоззрение. И все же его не покидает стремление пробудить в детях внутреннее сопротивление этому мусору, называемому новой культурой.

В Берлине, как и в других больших городах западной Европы, в центральной и северной Америке, новая мораль восстает против традиционных устоев. Здесь отвергают семейные ценности, легковесно относятся к любовным отношениям, да и к самой страсти. В такое время важными, в первую очередь, являются

общие семейные застолья в конце недели. Дети должны знать, что даже если они отвергнут его «кредо», им не следует слепо поддаваться стадному чувству, стремиться вести себя «как все». Нужно не бояться иметь свое мнение и рассматривать все, кажущееся новым, с разных точек зрения.

Модернизм все более популярен, и в это время необходимо осторожно и мудро рассматривать пути развития искусства и философии. Дети знают, что превыше всего их отец ценит разум. И в своих детях он хотел бы воспитать стремление к самостоятельному мышлению. Невозможно анализировать экзистенциализм Кьеркегора, Ясперса и Хайдеггера и вообще всех новых течений мысли, восстающих против старого мира, без того, чтобы познать всю глубину рационалистической идеалистической философии, которую представляют Гегель и его последователи. Цель Артура — пробудить в детях стремление познать сущность мира и жизни вообще, воспитать их на принципах упорядоченной и твердой системы законов, которые можно познать и понять.

Человеческая культура всегда будет отказываться от старых форм и обретать новые. Но Артур резко не принимает, к примеру, дадаизм. «Этот стиль инфантилен, — говорит он, цитируя отдельные строки из дадаистской поэзии. — Нет ни ритма, ни рифмы, ни содержания, ничего». Артур уподобляет поэзию дадаистов бормотанию младенца и отвергает искусство, не подчиняющееся уже установившимся правилам, например, сюрреализм и дадаизм. В противовес им, он любит экспрессионистскую поэзию, хотя и в ней нет гармонического равновесия и традиционных элементов эстетики.

Кончилась наивная эпоха. Дух нового времени не минует его дома. Артур морщит лоб. Беспокойство, несдержанность ощущается в модных молодежных танцах. Руфь и ее друзья выражают свою индивидуальность и самостоятельность в чарльстоне и танго, в быстрых танцах, бурных и шумных, в которых все движения чувственны и вызывающи. Времена изменились. Артур избрал современный либеральный стиль в отношениях с детьми. Он размышляет о смене поколений, о величии прошлых столетий, об освобождении от напряжения и оков консервативной культуры в золотые годы двадцатого века. Эта шумная молодая компания не ищет ничего возвышенного и благородного. Менуэт, вальс, сарабанда — танцы романтической эры остались в его, Артура, поколении, как хвост исчезнувшей кометы, как ностальгические воспоминания об ушедшем времени.

Новая реальность удивляет Артура сменой ценностей. Романтизм, для которого характерно желание исправить и

изменить к лучшему мир, ушел. Не возникают новые утопии — революционные, культурно-общественные, призывающие к равенству мировоззрения. Социализм, социал-демократия, коммунизм, по сути, течения, призывающие к коллективному мнению.

Современный западный мир охватывает безумие новых политических направлений. Коммунизм и фашизм гипнотизируют массы. С ними конкурируют социализм и социал-демократия.

А на подмостки выходит стриптиз, обнаженные танцовщицы, отцеубийство, кровосмешение, война уголовных банд… И на фоне этого хаоса распространяются наркотики — морфий, кокаин и героин.

По мнению молодежи, романтический век устарел и окаменел. Молодежь двадцатого века в крайней форме выступает против навязываемой ей культуры, на коленях которой она выросла. Чрезмерная сдержанность, узость горизонта, отсутствие толерантности, фальшивое поведение, чрезвычайная скромность вызывают отвращение, ими гнушаются. Все это вытесняется страстью к наслаждениям жизни. Многие из молодых ищут простой жизни, полной грубых страстей и агрессии. Молодые несутся, потеряв голову, в дикость и буйство, отвергают безопасный, упорядоченный и организованный мир.

Некоторые интеллектуалы считают, что бунт молодежи двадцатого века вовсе не проистекает из внутренних импульсов души. Источником распущенности и шатания в темных закоулках преступности является хаос, рожденный Мировой войной. Артур же убежден, что их протест рожден реакцией на чрезмерный консерватизм, властвовавший в девятнадцатом веке, и этот период пройдет.

Как интеллектуал и рационалист, он анализирует факторы общественного бунта и его последствий. В предыдущем веке люди его поколения не прославляли красоты молодости и вообще не поклонялись этим красотам.

Представители старшего поколения воспринимались молодыми с большим уважением, как люди умеренные, уравновешенные и были примером для подражания. Молодые романтической эпохи скрывали свою молодость, чтобы быть оцененными старшими, которые ими управляли. Они отращивали длинные бороды, носили очки в золотой оправе, не стеснялись небольшого животика, двигались как старики медленными шагами, чтобы выглядеть опытными людьми, которым можно верить, обладающими устойчивым мнением и, не дай Бог, не принимающими опрометчивые решения. И вот, на пороге

двадцатого столетия, все изменилось. В мир пришла золотая молодежь. Старое поколение завидует их молодости, образованию, решительности, одеждам, стилю и простоте их речи.

Оценивающим взглядом смотрит Артур на молодых. В их самостоятельном, развитом мышлении, в их демонстративной свободе — жадность к жизни, активность, свежесть мысли, любопытство.

В двадцатом веке молодость является ценностью, а над старшим поколением словно висит проклятие. В новую эпоху молодость открывает ворота к успеху. И люди старшего поколения для приспособления к новым временам, вслед за молодыми, сбривают бороды, чтобы выглядеть моложе своего возраста. Мужчины становятся женственнее. А, женщины, в свою очередь, заводят короткие прически, как десятилетние и двадцатилетние, чтобы выглядеть по-мужски, согласно духу времени.

Как сторонний наблюдатель, Артур изучает революцию в ритме жизни, в путях выражения свободы мышления, в открытом выражении сексуального вожделения, возникшем в двадцатом веке. Сексуальная распущенность вызывает у него отвращение. Гомосексуализм и лесбиянство вошли в моду в Берлине двадцатых годов. Ценности, которые выглядели непоколебимыми, рухнули, подобно карточным домикам. Заняться сексом все равно, что выпить стакан воды. Облик духовного учителя — сексолога, доктора Вильгельма Райха вызывает у Артура омерзение. Он продолжает свои размышления о времени и на трапезах с детьми. За столом он делится с ними мыслями о духовности и скотстве, о свободной любви вне рамок семьи и сексуальных извращениях, распространяющихся в обществе.

Пение, музыка, топот ног и взрывы хохота сотрясают стены дома. Служанки подают обильное угощение. Деду нравится еда, вино, легкость молодых, всем он подмигивает, все его умиляет, к примеру, вечная сигарета в красных от помады губах певички Марго. Дед закручивает усы, Руфь и Эльза тянут его по очереди в танцевальный круг, на чарльстон или танго, которым учили его в бассейне.

Дом ликует. Гейнц бросает взгляды на черное шелковое платье Марго и кусает губы. Его кудрявые сестрички приглашают портниху подогнать одежду к ее долговязому телу. Фанатично преклоняясь перед певичкой, они покупают ей дорогую одежду.

Германскую экономику лихорадит. Предприятия объявляют себя банкротами. Положение семейной литейной фабрики устойчиво, но кто знает, что ожидает ее в будущем. Гейнц весьма

обеспокоен неустойчивостью экономики страны, в то время как дед посмеивается над его озабоченностью, отец погружен в свой духовный мир, а хозяйство дома ведется так, словно эти безумные дни вообще не касаются его домочадцев.

В зале столовой царит приподнятое настроение. Дед и его внуки празднуют. Бертель прячется на чердаке, а, быть может, уже сошла в свою комнату. Артур замкнулся в кабинете со своими размышлениями, не отрывает глаз от портрета Марты, стоящего перед ним на письменном столе. Ее мечтательный взгляд смотрит неотрывно и в то же время он не от мира сего, как будто предвещает конец света. Бедный итальянский художник рисовал этот портрет на берегу Средиземного моря незадолго до ее смерти. Своей кистью он запечатлел на полотне ее отрешенный взгляд, особенно выделив ее карие глаза, пылающие печалью.

Сироты растут у него на глазах, и каждый — со своей индивидуальностью и своими капризами. Что бы Марта сказала, видя, как дети взрослеют?

Руфь — порхающий мотылек, родила ребенка. Его зовут Ганс. Живет она отдельно от мужа, которого тоже зовут Артур. Он — парень порядочный, умный, эрудированный, но не в ее вкусе. Руфь несчастлива. Все время проводит с сестрой Эльзой в богемной среде, ища развлечений и эмоций на сверкающих мишурой сборищах в танцевальных залах. Она очень дружна с умным и знающим правила обращения с женщинами дедом. Эльза тянется хвостом за сестрой. Лоц, совсем еще подросток, но самостоятелен, Время он проводит на хоккейных соревнованиях и не подчиняется никакой дисциплине. В эти тревожные дни он посоветовал Гейнцу и Лотшин раскрыть двери дома для Руфи и ее компании, особенно Бертольду Брехту и его подруге. В основном, для того, чтобы дети не шатались по улицам за полночь.

Артур сохраняет с детьми дистанцию. Не навязывает юным душам свои жизненные правила.

Мир явственно меняется, но все его сложности и беды не касаются деда. Наоборот, кудрявые сестры-близнецы тянут его за собой в театры, кабаре, клубы и кафе, с гордостью представляют его своим друзьям, и дед — неутомимый жизнелюб — показывает им, что новая эпоха — это его время. В будни дед возвращается в усадьбу к обычным делам.

Глава пятая

В кабинет Артура вошла гостья. Артур приподнялся из своего кожаного кресла, поклонился и поцеловал ей руку. Лотшин оторвала взгляд от фотографий в кожаных рамках и отвесила гостье книксен.

Тетя Ревека Брин уселась на диван. Скрываясь за зеленой шелковой портьерой, Бертель, волнуясь, переминалась с ноги на ногу.

Четыре года назад сюда приезжали в гости из Кенигсберга родители Ревеки. Этот визит остался в памяти Ревеки, как незаживающая рана.

Ее покойный отец Георг Самсон Маркс управлял в Кенигсберге филиалом «Дойче Банк» — «Немецкого банка».

Бертель волновалась, прячась за портьерой. Она тоже не забыла последний визит тети и дяди Маркс. Чета Маркс с вечно недовольным сыном, дядей Мартином, обосновалась на вилле Френкелей, а не в первоклассной берлинской гостинице, потому что в их доме не едят свинину.

С момента, как семья Маркс сообщила о своем прибытии, весь дом вертелся, как белка в колесе, ибо господин Георг Самсон Маркс и его уважаемая жена строго придерживались правил этикета.

Банкир отвернулся от своей дочери. Эта умная и образованная красавица отвергла любовь известного художника Оскара Кокошки и связала свою судьбу с молодым евреем, родившимся в небольшом польском городке. Девушка из семьи, хранящей еврейские религиозные заповеди, была очарована духом традиций иудаизма и современной европейской литературой. Как многие молодые евреи, она увлеклась рассказами Шмуэля Йосефа Чачкеса, известного под литературным псевдонимом Агнон. Так она стала женой уроженца еврейского городка Бучач в Галиции, выросшего в абсолютно иной культуре.

К их приезду дом Френкелей трясло, как в лихорадке. Фрида птицей летала из угла в угол, давая указания направо и налево — и в гостиной, и на кухне. Жалюзи были подняты, пылесос гудел, из матрасов, одеял и подушек выбивалась пыль. Проворные руки перекладывали и гладили простыни и наволочки из высококачественного батиста. В кухне стояли наготове на плите кастрюли, в духовках — формы для сладкой выпечки. В гостиных выбивали пыль из ковров, тщательно вытирали дубовую инкрустированную мебель, картины, вазы, посуду. Начищались до

блеска статуэтки. Служанки отодвигали в стороны красные бархатные портьеры и мягкими щетками наводили блеск на стены из темного дуба. Служанка Кетшин распевала народные песни:

Вернись ко мне в мой черный лес
Над мрачной черной речкой,
Ты лучше в мире всех принцесс,
Возьми с собой колечко.
Надень его и жди, любя,
Меня у кромки леса.
Украл его я для тебя
У истинной принцессы.
А если спросят про кольцо,
Закрой ладонями лицо,
Скажи, что вор тебе был мил,
Что всей душой тебя любил.
И он принцессу в жены взял,
И у нее кольцо украл.
В душе тоскуя и любя,
В лесу том, черном, ждет тебя.
Он многих девушек убил,
Но лишь тебя всегда любил.

Дед взял в руку трость, распрямил плечи, браво выпятил грудь, по пути к парадной двери ущипнул за щечку горничную. Кетшин отвесила поклон хозяину и продолжала напевать любовную песенку о разбойнике Ринальдино от начала до конца. Дед дважды напомнил внучкам-близнецам, что необходимо пригласить кондитерш — сестер Румпель — приготовить торты, пирожные и печенье к приезду гостей из Кенигсберга.

Когда дед говорит про сестер Румпель, он закручивает усы и закатывается смехом, вспоминая, как когда-то изумился, увидев красные веки, белые волосы, белые брови и белые ресницы сестер-альбиносок Румпель.

Куклы, выигранные в тире на ярмарке, чуть не выпали из его рук, когда он увидел сестер Румпель. Он отставил ружье, поправил цветок на лацкане, поднял трость и с любопытством последовал за стройными и долговязыми сестрами-близнецами. Он вплотную приблизился к розовым платьям сестер-альбиносок. Когда их красные глаза встретились с подмигивающим взглядом интересного джентльмена, состоялось знакомство. Можно представить состояние Фриды, когда эти странные девушки вторглись в ее кухню. Дед оправдывался:

— Сестры Румпель хвастались талантом печь чудесные

печенья, готовить пирожные и торты. Вот, я и пригласил их в наш дом — проверить правдивость их слов.

Весьма быстро сестры овладели кухней. Одетые в чистые платья и передники снежной белизны, они энергично принялись за работу. Пальцы их хищно мяли и растягивали комки теста. Сестры Румпель поражали мастерством выпечки пирожных и шоколадных тортов, увенчанных взбитыми сливками. Дом наполнялся ароматами сладостей. Праздник выпечки длился несколько часов, и все это время в кухню заглядывали любопытствующие, столбенеющие при виде кондитерш, нагромождающих на стол горы пирожных и печений. Талант сестер Румпель раскрыл перед ними двери на кухню дома Френкелей. На все праздники их вызывают готовить сладости. Но, считая себя друзьями деда, они являются и без приглашения, когда он в городе. Дед щиплет их за щеки и одаряет подарками. Фрида их не очень жалует. Она говорит, что альбиноски с красными глазами тянутся за дедом, как две собачонки.

Уважаемые гости должны были появиться в доме, и весь порядок в нем изменился. В обычные дни Артур говорит: «Не к лицу культурному человеку угождать своему брюху». Но тут он нарушил свои принципы и велел приготовить царское угощение.

В духовке пекли картофель, на плите варились овощи и фрукты. Бертель удивлялась отсутствию мяса — курятины, говядины, жареных голубей, рулетов, начиненных молотым мясом. Бертель не могла понять, почему повариха Эмми, главным образом, колдует над картофелем, жаренным и вареным, капустой, отборными овощами и фруктами, и ее ловкие, быстро снующие руки готовят на десерт компот и взбитые сливки. Лотшин объяснила девочке, что в еврейских домах пища должна быть кошерной, и потому гости будут есть вегетарианские блюда из особой «мейсенской» посуды.

Бертель в просвет портьеры, за которой она, как обычно, пряталась в кабинете отца, видела госпожу Ревеку Брин. В памяти девочки всплыли воспоминания о событиях прошлого, когда ей было всего восемь лет. Над большими подносами с тестом сверкали красные глаза сестер Румпель. Они укладывали тесто в формы и пекли их в печи. Дед доставал из погреба первоклассные вина. На столе расставляли сверкающие хрустальные бокалы и карточки с именами приглашенных гостей. А над роялем с портрета смотрела на все это изобилие покойная Марта.

Господин и госпожа Маркс в сопровождении сына Мартина вошли в дом, словно бы замерший по стойке «смирно». Даже дед

вел себя сдержанно, не похлопал по плечу доктора Филиппа Коцовера, не восклицал, пожимая ему руку: «Как дела, доктор?» Отец и дед, одетые с иголочки, обменялись приветствиями и рукопожатиями с уважаемыми гостями и провели их в гостиную. Господин Маркс с супругой выглядели так, словно только сошли с обложки парижского модного журнала. Маркс оглядывал всех в монокль. На животе его сверкала цепочка дорогих золотых часов, на бедрах поблескивали пряжки. Госпожа Маркс, одетая по последней моде женщина с тонкой талией, сидела, выпрямив спину. Ожерелье из дорогих камней и чистого золота придавало особое великолепие ее элегантному платью.

Гости с дедом и отцом закрылись в гостиной, и все это время младшие дети ожидали за дверью, когда их пригласят поприветствовать гостей из Кенигсберга. Фрида нарядила Бертель в красное бархатное платье цвета вина бордо. Кружевной белый воротничок облегал ее узкие плечи. Косы девочки повязали белыми бархатными лентами, на ногах у нее были белые шелковые чулки и черные, сверкающие лаком, туфельки. Бумбу нарядили в белую рубашку, повязали на шею черную бабочку под цвет костюма. Мальчик нетерпеливо переминался с ноги на ногу за дверью, передразнивал птичий голос госпожи Маркс и тяжело дышал.

Прозвенел звонок. Фрида проводила детей в гостиную. Умытая и выглаженная с головы до ног, Бертель отвесила книксен и выдержала похлопывание по щеке, которым оделила ее госпожа. Бумба тоже поклонился, и лицо госпожи Маркс просветлело: «Какой красивый мальчик». И она погладила мальчика по мягким рыжим кудрям.

Бумба опустил голову и скривил гримасу так, чтобы гостья не видела.

Наступил час обеда. Гости-ортодоксы омыли руки в специальной раковине в конце гостиной, прошептали молитвы и парами двинулись к обеденному столу. Взрослые дочери Артура, обученные этикету, сидели, как и госпожа, на краешках стульев. «Где Бертель?» — Артур заметил один пустой стул. Девочка исчезла. Сбежала на кухню, подсластить свою обиду шоколадным пирожным — они были аккуратно разложены кругами на сверкающих чистотой серебряных подносах. Лицо ее просветлело. Ангелы небесные! Девочка появилась перед уважаемыми гостями в образе дикарки. На ее лице были крошки шоколада, бархатное красное платье — в пятнах. Фрида, следящая за тем, чтобы обед проходил нормально, схватила девочку за плечо.

— Детки в вашей семье все светловолосые и красивые. Как среди них родилась такая брюнетка? — произнесла госпожа

Маркс, и неприятные нотки ее голоса поразили Бертель. Фрида потащила ее на детский этаж, вытерла ей лицо, почистила платье и приказала:

— Вытри нос и утри слезы.

Бертель выла в голос:

— Но она ущипнула меня, ущипнула.

Три дня, в течение которых супруги Маркс находились в доме Френкелей, Бертель скрывалась на чердаке.

— Что происходит с этой девочкой? Почему она такая отталкивающая и некрасивая? — не оставлял Бертель в покое голос госпожи Маркс. Бумба пытался успокоить девочку:

— Я выдал ей, Бертель, и еще как выдал: спрятал ее туфли.

Весь дом искал туфли госпожи Маркс, пока Фрида не потрепала Бумбу за ушко, и он указал место, куда их спрятал.

Посещение семьей Маркс Френкелей, не доставило никакого удовольствия деду и младшим детям.

Руфи, Эльзе и Лотшин это абсолютно не помешало. Они понравились госпоже Маркс. Она без конца отпускала комплименты их красоте, нарядам и, в конце концов, пригласила их сопровождать ее в магазин «Израиль».

Марксы уехали к себе, в Кенигсберг, и жизнь в доме Френкелей вернулась в привычное русло.

Только не для Бертель. Глубокий шрам от обиды жжет ее каждый раз, когда она ощущает на себе чей-то недобрый взгляд.

Из-за зеленой шелковой портьеры, за которой она скрывалась в кабинете отца, она слышала чужой голос, который резал ей слух и вызывал в памяти затаенную обиду.

«Ну, что, Ревека, — говорил отец, — и ты не удержалась в Палестине, и ты поняла, что Палестина это сумасшествие Вольфа. Я уверен, что и он скоро здесь появится. Я не понимаю, как такой умный человек, как Вольф, увлекся этой химерой — сионизмом».

«Артур, вы ошибаетесь. Вольф вовсе не слабый человек. Жизнь в Палестине нелегка. Мне тоже было трудно без картошки и всяческих деликатесов, к которым я привыкла. Но я туда вернусь. Дети мои не столь культурны, но воспитывать их я хочу в Палестине. Только там они вырастут настоящими людьми».

Слышен скрип стульев, стук подошв, беготня среди мебели, крики детей. Их трое у тети, и все они крикуны, совсем невоспитанны. Дом встает на дыбы. Уроженцам Израиля разрешено играть только на чердаке, запрещается трогать игрушки, раскачиваться на качелях или упражняться на спортивных снарядах. Лоц согласился добровольно накачать мышцы этим маленьким «террористам» и следить, чтобы они не нанесли еще большего ущерба дому. Бумба приносит им на

чердак разные занимательные игрушки: ружья, пистолеты, машинки. Атмосфера в доме постепенно нормализуется. Повариха Эмми посылает им на лифте подносы, нагруженные вкусной едой, и покой возвращается в комнаты и коридоры дома.

— Я вернусь в Палестину, — каким-то особенным тоном произнесла тетя Ревека, и десятилетняя Бертель за портьерой ощутила, что от нее скрывают что-то особенно важное. Впервые кто-то обратился к отцу таким тоном, убеждая его в том, что он ошибается.

— Сионизм — это катастрофа, — покачал Артур головой из стороны в сторону, — вообще, еврейство Германии не верит в возвращение еврейского народа в Израиль из-за постигших его в истории катастроф. Нереальные и несущественные идеи сионизма не увлекают здесь еврейское общество.

— Артур, ты еще убедишься в том, что еврейский народ проложит дорогу к своему освобождению в стране Израиля, и ни в каком другом месте.

— Вы мне лгали, — Бертель внезапно вырвалась из-за портьеры, дрожа от волнения. — У меня есть страна, которую называют Палестиной, дядя Вольф там живет, и тетя Ревека туда возвращается. Я уеду туда вместе с ней, я здесь не останусь.

— Что с тобой стряслось, — Лотшин схватила ее за руку и вывела из кабинета. — Услышала что-то от тети Ревеки и относишься к этому всерьез? Успокойся.

В кабинете воцарилось молчание, все были смущены, но Бертель не успокоилась и осталась ждать тетю под дверью кабинета.

Этот воскресный день, когда Бертель узнала великую тайну, стал важнейшим в ее жизни.

— О какой стране ты рассказывала? — допрашивала она тетку у входа в дом.

— Еврейская девочка ничего не слышала о Палестине? — подняла она Бертель на смех, подхваченный ее буйными детками. — Это еврейская страна.

Тетя отозвала ее в сторону и открыла перед ней ящик Пандоры. У евреев есть страна? Спустя неделю тетя исполнила свое обещание: рассказала девочке о разрушении Храма в Иерусалиме и об изгнании римлянами евреев из их страны. С нескрываемым пафосом говорила она о чуде, которое совершается в Израиле. После двух тысяч лет изгнания евреи возвращаются в страну своих праотцов, пионеры-первооткрыватели, которых на иврите зовут «халуцим», создают сельскохозяйственные поселения. Муж ее, врач и

сельскохозяйственный работник, сионист, осушает болота, и есть у него цитрусовый сад в Хадере. Тетка сказала, что у евреев есть свой язык, и Зеев — это ивритское имя дяди Вольфа, настоящее нееврейское имя которого было — Вильгельм. Во время большой войны он вернулся в Германию, чтобы служить военным врачом. Затем они снова уехали в Пелестину, но арабские погромы в 1920 году заставили их сионистскую семью уехать опять в Германию. На пороге тридцатых годов тетя со своими детьми отправились в отпуск еще и потому, что в Палестине свирепствовали малярия, комары, хамсины и голод. В доме шутят, что из-за отсутствия там картошки она удлиняет свой отпуск в Германии.

Тетя Ревека, тонкая и статная, стала героиней Бертель. Каждое воскресенье, в послеобеденное время, она подстерегает тетю и ожидает в нетерпении, когда та начнет ей рассказывать о халуцах, о природе и древних ландшафтах этой далекой страны, откуда она приехала. Кроме этого Бертель с особой приязнью относится к рыжему Эзаву, сыну тетки, и не только потому, что у него большие уши. Настоящее имя Эзава — Эзи, сокращенное от ивритского имени Эвиэзер. Но по-немецки Эзав — это свинья. И со всех сторон ему кричат: «Свинья, свинья!» Отец Бертель, который считает, что человек должен стоически переносить страдания, все же вступился за ребенка, которого дразнят.

— Кто обзывает твоего сына свиньей? — допытывается он у матери.

Но она уверена, что страдание является частью жизни, и Эзав останется Эзавом.

Каждое воскресенье Бертель нервничает. Час кофепития — «кафештунде» — приближается к концу: кофе выпито, остатки печенья — в блюдцах. Фарфоровая посуда складывается на подносы. Отец встает из-за рояля, за которым музицировал для гостей. Начинается разговор о знаменитых людях, главным образом, писателях — Томасе Манне, Гёте, Гейне. Гости покинули дом, но Бертель просит тетю Ревеку ответить ей на бесчисленные вопросы.

— Все это сказки! — дед повышает голос на свою маленькую внучку, чьи капризы, связанные с еврейством, начинают действовать ему на нервы: поглядите, как она ходит со сверкающими глазами, как будто заново родилась.

— Эта женщина, лишенная всякой привлекательности и худая, как жердь, смущает душу девочки! — предупредил он Артура и заявил, что этого не допустит.

В последнее посещение его усадьбы внуками, дед метал громы и молнии. Бертель с отвращением глядела на свиней, и все время говорила о новой своей стране, в которой живет дядя

Вольф Брин.

— Ревека вскружила тебе голову! — не унимался дед, но Бертель не пряталась и не обижалась, как это бывает с ней.

Стоя перед ним, внучка провозглашала:

— Вырасту — уеду в Израиль!

Артур глубоко вздыхает: сионистский вирус у дочери ослабеет, но есть и положительные стороны — она начала ощущать связь с окружающим миром, выходит из своей раковины. Лотшин не очень впечатляют изменения в сестренке. Тетка сбивает ее с толку своим сионизмом. Артур считает, что это следует прекратить. В своем кабинете он извлек из ящика стола карту, пальцем ткнул в точку и спокойным тоном сказал Бертель:

— Много лет тому назад здесь в этой крохотной точке была родина евреев. Это называется историей и принадлежит прошлому. Сегодня этому не придают никакого значения.

— Это не принадлежит прошлому. Ты ошибаешься! — вскипела Бертель. — Дядя Вольф живет в Палестине. Я верю тете Брин. У меня есть страна, а Германия — не моя страна.

— Бертель, сегодня это не более, чем сказка о наших прадедах. Святая земля Израиля всего лишь иллюзия, праздничная молитва, просьба об отпущении грехов, она принадлежит далекому прошлому. Если тетя Брин права, чего же она живет в Германии?

— А как же дядя Вольф?

Артур спокойно отвечал:

— Ты маленькая девочка. И не все понимаешь. У дяди Вольфа свои причины и обстоятельства. У дяди и тети Брин свое мировоззрение, отличное от наших взглядов. Ты — немецкая девочка, и все то, что тебе рассказывает тетя Брин, — мелочь, на которую не стоит обращать внимания.

Бертель решительно отрицает все, сказанное отцом. Она чувствует, что нечто, более сильное и незаурядное, пробуждается в ее душе. С того момента, как тетя сказала, что у нее есть своя родина и свой народ, что-то вспыхнуло в ней. Евреи и страна Израиля стали центром всех ее мыслей и чувств, а все остальное в ее жизни отошло на второй план.

— Прекрати свои глупости, Бертель! — сказала Фрида, видя, как девочка вскочила с постели, взяла карандаш и обвела им на глобусе кружком слово «Палестина», бормоча что-то о своем новом отечестве.

Бумба кривился и переминался с ног ни ногу у дверей комнаты Бертель:

— Она только и знает, что говорить глупости.

Взял черный карандаш, нарисовал толстые усы в кружке,

обведенном вокруг Палестины, и залился смехом.

Бертель лежит в постели, погрузившись в размышления. Тетя Брин говорит, что у нее есть своя — хоть и пустынная — страна. Мужественные освободители земель изнывают там под тяжестью нечеловеческого труда. В той далекой стране у нее есть прадеды и праматери, есть свой священный язык и библейские пейзажи. Бертель слышит в своей душе песни той далекой родины, которые ей напевала на немецком языке тетя:

Там кедры пьют воду из скудной земли,
Река Иордан там сверкают вдали,
Там прадедов кости погребены,
И кровь Маккавеев — в земле той страны,
Небесная синь там — на все времена —
Там родина наша, моя там страна.

Бертель прокрадывается в комнату покойной матери, пребывающей в раю, ставит в ряд предметы из слоновой кости, мешочки с парфюмерией… И все это ассоциируется в ее воображении с природой Израиля — рекой Иордан, горой Кармель, Издреельской долиной, соснами и цитрусовыми садами. Бертель вся пылает. Далеко, за морями у нее есть отечество! Своими глазами она в доме тети видела фотографии женщин второй алии. Крепкие еврейские женщины занимаются нелегким ручным трудом.

Тетя Брин — благородная дама, любящая картошку, не выдержала жизни на Святой земле, смеются в доме. Дядя Брин, сионист, из первопроходцев, выращивающий апельсины в Хадере, остался в ивритском поселении, а тетя Брин не выдерживает комаров, хамсинов и малярию. Тетя с тремя детьми странствует с континента на континент, а дядя, герой, воюет с арабами. В дом Френкелей пришел ящик из страны Израиля, пахнущий цитрусами. Ящик послал морем дядя Брин. Бертель гладит апельсины, завернутые в шуршащую бумагу с печатью «порт Яффо». Осторожно, оглядываясь, она унесла один апельсин в свою комнату и не прикасается к нему, словно к святыни, пока его не обнаружила Фрида и не накричала на девочку.

Бертель думает о дяде и тете Брин и успокаивает саму себя: все же она теперь не сирота, жизнь ее связана со страной Израиля. Тетя высекает в ее воображении некую Божественную искру. Вольф Брин — освободитель земель и осушитель болот. Он — пионер-сионист, не сдался ни болотам, ни комарам, ни малярии, ни голоду, ни пустыне, ни тяжкому зною. Тетя, дочь банкиров, только чуть-чуть истинная сионистка. Из-за ностальгии

по хорошей легкой жизни в Германии, она покинула Палестину, вернулась в Берлин с массой чудесных рассказов. Так судачат домочадцы, Но Бертель видит, как за чашкой кофе, когда тетя рассказывает о Палестине, ее лицо мгновенно меняется.

— Есть у евреев своя страна, — глаза тети начинают блестеть от гордости за своего мужа, сажающего цитрусовые плантации и работающего врачом, спасающим больных малярией.

— Есть у меня моя страна, — думает про себя Бертель, ощущая в душе священный трепет и преклонение перед доктором Брином. Красивый мужчина, он оставил свой дом на границе Польши с Германией из-за еврейских погромов. Еще до Мировой войны тетя встретила Брина в Израиле. Ее родители, господин и госпожа Маркс, евреи, соблюдающие традиции, дали ей солидное приданное.

Тетя Ревека сводит с ума весь дом, она возмущается:

— Зачем еврейской девочке рассказывают об Иисусе Христе. Как еврейской девочке может рассказывать о несчастном Иисусе, у нищих родителей которого нет даже колыбели для ребенка.

Отец отвечает:

— Ревека, какие у тебя претензии к Иисусу? Иисус — великий освободитель.

Тихая Бертель взрывается:

— Я — еврейка. Я никогда не буду надевать наряд ангела на Рождество, и не подставлю голову под соломенный парик.

Артур притянул девочку и поставил е между своих ног:

— Бертель, еврейство это действительно красивая сказка. Но сегодня она не имеет никакого значения. Иисус хотел освободить весь мир.

Девочка не слушает его объяснений.

— Бертель, Иисус внес в души людей великие идеи. Это честь — быть ангелом-провозвестником христианского мессии, — патетически восклицает Артур, глядя в ее пылающее лицо и тяжело дыша.

Он не может убедить девочку. Она клянется — больше не возносить молитву христианскому мессии и не преклонять перед ним колени. Доктор Герман, пожалуй, единственный, кто понимает, что творится в ее душе. Он обещает, что в будущем она не будет участвовать в празднестве Рождества, но так как ни одна ученица не сумела выучить наизусть длинный монолог ангела, а времени до празднества осталось немного, Бертель придется на этот раз исполнить эту роль. Доктор Герман и Бертель договорились, что, завершив декламацию, она не преклонит колено перед божьим сыном. Директор сдержал свое обещание, но Бертель не может простить себя. С громким плачем она сошла

со сцены. Слова ангела были столь эмоциональны и так разжалобили ее сердце, что она сама себя забыла и встала на колени перед младенцем святой Марии.

В доме все сердятся. Тетя сводит девочку с ума. Бертель требует, чтобы ее освободили от уроков закона божьего. Тетя убеждена в том, что евреи совершают большой грех, изучая Новый завет, и вслух цитирует проповеди антисемита Мартина Лютера. Фрида оскорблена. Она рассказывала Бертель и Бумбе о Рождестве, о богоматери, добросердечной и готовой с небес помочь каждой живой душе, паря над нею, и перья из перин стелются, смягчая жестокость мира. Бумба расчувствовался, а Бертель произнесла:

— Все это — глупости.

И ушла в свою комнату. Христианку Фриду душит гнев. Легенда о богоматери это святыня, которую ей рассказывали в деревенском детстве.

Бертель гордится своим еврейством, хотя не совсем ясно знает, что это такое — быть еврейкой, и вызывает взрывы хохота домочадцев. Но она стоит на своем. Палестина, священный язык и Бог целиком захватили ее сознание. Бог живет в Палестине, а не в Германии. Она понимает, что отец говорит не о Боге, ибо тот находится далеко.

Но, быть может, садовник Зиммель — бог. Нарядился садовником, чтобы ему дали приют в их доме. Он — бог добрый, единственный, кто понимает то, что творится в ее душе. Помогает в ее развлечениях, к примеру, ловить серых мышей в подвале и повязывать ленточки им на шеи. Она умирает со смеху, глядя, как мыши танцуют и попискивают от страха, подскакивают, пытаются увернуться от ленточек.

Старый садовник удивляется. Бертель сидит в его домике каждый день, не отрывая от него своих черных поблескивающих глаз, больших и полных преклонения. Когда, по рекомендации врача, он сопровождает отца на прогулках, девочка не отстает от них ни на шаг.

— Бертель, иди-ка по своим делам, — просит отец.

Зиммель говорит:

— Господин, девочка не мешает.

И взрослые продолжают свой разговор о падении престижа социал-демократической партии. Зиммель говорит:

— Влияние партии ослабело. Она теряет свой истинный облик.

Как член этой партии, участвующий во всех ее съездах, садовник отлично знает все ее слабости. Веймарская республика подписала все Версальские соглашения, которые с самого начала

не были реальными. Положение страны не улучшится, пока экономические соглашения не будут выполнены в полной мере, до каждой буквы! Ситуация ухудшается с каждым шагом. Лидеры социал-демократов не арестовали глав банков и ведущих промышленников, которые привели к банкротству мелкие и средние предприятия, и их подмяли под себя крупные заводы и фабрики. Они поддержали инфляцию и превратили владельцев крупного капитала в монополистов. Социал-демократическая партия поддалась прессингу со стороны США и государств западной Европы. Садовник Зиммель анализирует положение, и отец качает головой в знак согласия.

Однажды утром в саду появился доктор Герман. Увидев своего друга, беседующего с садовником, он был весьма удивлен. Только у евреев хозяин может гулять с простым садовником. И Бертель подумала: вот, еще одно доказательство, что садовник не просто человек, как все. Директор школы не понимает, что старый Зиммель — Бог, скрывающийся в облике садовника.

Вторжение еврейства в дом не проходит без последствий. Дед говорит, что Ревека отравляет его внучку.

— Ревека, не вбивай девочке в голову всякие глупости, — стучит он тростью о пол и требует прекратить байки об еврейских поселениях в стране Израиля.

— Но я видела эту страну, жила в ней и приехала со своими детьми оттуда, — упрямствует тетя.

Дед — отличнейший делец, но не человек духа. Вообще гуляет слух, что родители деда купили ему аттестат зрелости, ибо душа его не была расположена к учебе. Но так как человеку его положения не пристало быть в высшем обществе простаком и невеждой, он старается штудировать книги по философии. Читает и популярную художественную литературу таких авторов, как Лев Толстой, Томас Манн, Стефан Цвейг и Франц Верфель. Ну, и, конечно, книги о Мировой войне, в которой участвовал и был ранен его сын. Особенно ему интересен только что выпущенный роман Эриха Марии Ремарка «На западном фронте без перемен».

Дед переживает, следя за перипетиями судьбы молодого немецкого солдата. Под впечатлением антивоенного романа Ремарка он ведет бесконечные разговоры с сыном Артуром, который на собственной шкуре испытал ужасы войны. Его легкие были отравлены газом. Дед удивляется, спрашивая, чувствует ли сын так же, как герои книги, разочарование солдат от крушения надежд в этой бесконечно продолжающейся позиционной войне. Чувствовал ли сын, что теряет веру в правительство и командование, безразличное к гибнущим солдатам и не знающее о трагедиях на полях сражений. Артур уклоняется от ответов. Он

старается не вспоминать об ужасе, который не дает ему по сегодняшний день уснуть. Во Франции облака газа накрыли их окопы. Бойцы задыхались в предсмертных судорогах. Желтая пена, пузырясь, вытекала из их ртов у него на глазах. Артур старается не рассуждать о моральной стороне использования отравляющих газов на войне.

Любимая Германия трогает сердца верных ей граждан, но не сердце Бертель. Она ищет новую идентичность с помощью тети-сионистки, которая внесла дух еврейства в их дом. Она рассказала Бертель о зажигании субботних свечей, о молитвах, которые возносит еврей Творцу мира, о праздниках Израиля и законах кашрута. Эту последнюю тему она связала с печальной главой истории еврейского народа. Свиную кожу враги Израиля использовали для унижения евреев. Евреи, привлеченные к суду, вынуждены были преклонить колено на свиной шкуре перед судьей еще в дни инквизиции, в восемнадцатом веке.

Семья и сердится, и смеется. Бертель берет в свою комнату тарелку, вилку, ложку и нож. Согласно законам кашрута, она ест яйца и картошку, и не касается трефного мяса. Бертель сочиняет утреннюю молитву, пока не научится молиться на иврите. Тетя услышала ее молитву и сказала, что еврейство у Бертель в крови. Лотшин засмеялась. Бертель стояла в центре своей комнаты и читала сочиненную ею молитву:

Утро приходит. Солнце восходит.
Божье Око следит строго,
И не пропустит греха людского.
Боже, чей дух над нами веет,
Прости евреям,
Что едят свинину к обеду, —
Брату, отцу и деду.
Прости и мне на веки вечные
Мои грехи сердечные.

Для любимого брата Бертель тоже сочинила молитву. Гейнц выслушал ее и все же сдержал смех.

Садовник Зиммель наморщил лоб.

— Бертель, Бога нет.

— Есть Бог на небе, — возразила она.

Бертель готова стоять насмерть во имя Творца мира.

Она набросилась на Бумбу, который ворвался в ее комнату во время молитвы. Бертель отвешивала поклоны в сторону востока, как учила ее тетя Ревека.

— Нет Бога ни на небе, ни в аду, ни в раю.

Спор накалялся.

— В небе только облака, — кричал Бумба.

— Откуда ты знаешь? Ты был там?

— Но это всем известно.

— Кто тебе об этом сообщил?

— Отец. Он сказал, что это ясно: Бога нет.

Бумба вышел из себя. Ходил по дому и всем говорил, что в голове Бертель расшатались болты.

Бертель постоянно размышляет о существовании Бога. Тетя говорит о Боге, как о реальности, окружающей человека, но ее Бог меняет облики и форму. Бертель кусает губы. Она не знает, что это — Бог — в самом деле. Это ее пугает, и она хочет поговорить об этом с отцом. Фрида договорилась об этом с Артуром и готовит девочку к беседе: расчесывает ее густые запутанные волосы, заплетает косы и предупреждает:

— Не серди отца, не изматывай его своими глупыми вопросами. Избавь его от своих сумасшествий.

Собирает ее косички в бархатную сетку и продолжает:

— Говори мало, Бертель. Дай отцу говорить и помалкивай.

Фрида вытирает нос девочки своим белым передником и ведет по винтовой лестнице наверх, в кабинет отца.

Бертель волнуется. Тетя сказала, что еврейская девочка обязана уметь читать молитвы на иврите, но, быть может, отец отнесется к ее вопросам так же, как Гейнц. Когда она сказала ему, любимому своему брату, что хочет учить иврит, он насмешливо ответил:

— Оставь эти глупости. Древнееврейский язык сегодня просто архаичен. Я сказал отцу, что тетя Ревека кормит тебя глупостями.

Бертель ничего не ответила, уверенная в том, что он ошибается. Тетя Брин поет и говорит на иврите. Обиженная, пошла она к садовнику за советом.

— Так должно быть. Это язык евреев, и он достоин того, чтобы ты его учила, — поддержал старик девочку.

Перед кабинетом отца Бертель наклонилась, чтобы завязать распустившиеся шнурки туфель, и безмолвно приказала себе быть твердой сердцем. Ей понадобятся все душевные силы, чтобы уверенно стоять перед отцом, зная, как она боится его, ибо он кажется ей чужим.

— Хозяин, я привела девочку по вашей просьбе, — Фрида поправила ей бархатные ленты, закрепляющие косы и, выйдя из кабинета, закрыла за собой дверь.

Бертель сделала поспешный книксен и слегка наклонила голову в поклоне. Отец сделал вид, что не заметил дрожание ее

скул и подбородка, и едва слышного скрипа зубов. В животе у нее что-то переворачивалось и трепетало. Как солдат в строю, стояла она без движения, вытянув спину, не выдерживая отцовского взгляда, оценивающего ее внешний вид от головы до пят. Артур встал со своего места ей навстречу, придвинул к ней кресло и усадил ее как взрослую даму. Сердце ее стучало. Во рту было сухо, язык прирос к гортани, как бывало каждый раз, когда волнение пред встречей с отцом охватывает ее.

— Учительница иврита? Бабушка твоя знала иврит. И я его изучал, — удивился отец ее просьбе, открыл ящик письменного стола, извлек тонкую книжицу в черном переплете. — Смотри, это бабушкин молитвенник на иврите. Я помню все буквы, но много лет не читал тексты этих молитв.

Волнение явно отразилось на его лице. Бертель листала пожелтевшие от ветхости страницы, увидела засохшие лепестки розы между страницами с квадратными буквами святого языка. С трудом она подавила в себе желание прикоснуться к этим лепесткам в молитвеннике.

— Дед подарил эти розы бабушке перед венчанием.

Заблестели карие глаза Артура, когда он стал рассказывать девочке о набожности своей матери. Та обычно повторяла, что из еврейской религии черпает высокие принципы нравственности, которым обучает его, своего сына. Холод исчез с отцовского лица, и он продолжал разговор, словно хотел подчеркнуть связь своей маленькой дочери со своей религиозной матерью. Затем сказал:

— Учеба есть учеба. Тебе не помешает учить древнееврейский язык наряду с греческим языком и латынью. Будет тебе учитель иврита при условии, что ты не забросишь уроки христианской религии, — и напоследок добавил, — Бог твоей бабушки не были столь строг и категоричен, как Бог тети Брин. У каждого человека свой Бог и свои руководители. Когда вырастешь, — поймешь. И не чурайся своих одноклассниц. Первым делом, помни, ты — гражданка Германии. Еврейство — твое личное дело.

Впервые исчез страх дочери перед отцом. Отец выпрямился в своем кожаном кресле, подтянул на колени тигровую шкуру и сказал задумчивым голосом:

— На выставке драгоценных камней в Будапеште я обнаружил один древний камень, на котором были выгравированы древнееврейские буквы. Я замер, как будто меня пригвоздили к месту. Хотел узнать — откуда и какого периода этот камень. Но не нашел никаких данных. И, стоя там, подумал, что во всем есть что-то еврейское.

Эта беседа с Бертель потребовала от Артура душевных усилий.

— Если захотите, это не будет легендой, — взволнованно процитировала она слова Теодора Герцля, которые, конечно же, услышала от тети Брин.

Артур почувствовал разочарование. Его умная дочь увлеклась легендой. Вместо того, чтобы принять реальность, очаровалась иллюзорной идеей сионизма. Как можно серьезно относиться к утопии, описанной в достаточно поверхностной книжице Герцля «Государство евреев». Или автор ее, Теодор Герцль должен репатриироваться в Палестину, чтобы жить в Вене? Автор перевел столицу Австрии в Палестину. Он просто ошибся в своих иллюзиях, что на Востоке вырастет европейская культура.

И этой, лишенной всяческой почвы, иллюзии поддалась его умная дочь!?

— Бертель, сионизм принадлежит прошлому. Государство евреев существовало тысячи лет назад.

Авторитетным тоном отец взывал к разуму дочери:

— Это наша история. Сегодня это — легенда. Нельзя повернуть колеса времени в обратную сторону. Евреи потеряли свою страну и живут в разных странах мира. Вот, к примеру, наша семья. Изгнали нас из Испании более чем четыреста лет назад. Сейчас мы живем в Германии, и нам, евреям, здесь хорошо. Образованные евреи привели к прогрессу немецкую культуру, семья наша здесь разбогатела. Я люблю Германию и ее язык. Я воевал за нее, пролил кровь и готов отдать жизнь во имя Германии.

Буря чувств в душе Бертель приближается к апогею. Никакая разумная мысль не в силах погасить огонь, пылающий в ее крови.

— Нет у меня матери, но есть отечество, и это не Германия. Страна Израиля — это нечто истинно живое.

Отец сдержал обещание. Уже на следующий день в дом пришел раввин Хаймович, плотный человек среднего роста, с небольшой бородкой и черной ермолкой на голове, в темном костюме. Раввин — знаток Торы, разбирается в тонкостях классического иврита. Зарабатывает подготовкой еврейских юношей к празднику совершеннолетия — бар-мицве. По просьбе отца первый урок иврита раввин дал в отцовском кабинете. Раввин Хаймович открыл молитвенник «Сидур» и четким голосом прочитал благословение субботы от начала до конца. Руки Артура не двинулись с подлокотников кресла. Раввин объяснил, что субботнее благословение весьма важно и дорого для евреев. Артур, желающий участвовать в занятиях ивритом, сидел в беззвучном удивлении, пока не пришел в себя и сказал:

— Господин, я взял вас не для того, чтобы вы ее обучали молитвам. Мы не религиозные люди. Мы — светские.

Возбужденная донельзя, Бертель вскочила:

— Но это же красиво, отец. Я хочу это слышать.

Артур встал и вышел из комнаты. Раввин отложил молитвенник в сторону и стал учить Бертель согласным и гласным, а не только молитвам. Всю ночь Бертель не сомкнула глаз под тяжестью размышлений. Действительно ли нельзя ей слушать мелодии молитв, потому что семья не религиозна?!

Ей нравятся уроки иврита. Раввин читает молитвы и рассказывает истории из Священного Писания, и это — Сотворение мира, Адам и Ева, пророк Моисей, Исход Израиля из Египта и дарование Торы на Синае. Бертель сама читает, складывая буквы в слова, затем целые фрагменты, начертанные древним квадратным шрифтом. Строки сверкают перед ее глазами. Она овладевает чтением и отбрасывает советы раввина пользоваться готическим шрифтом со всякими вычурными завитками. Бертель чудится, что сам Бог спускается к ней с небес, и ей очень жаль, что раввин перебивает ее мечтания. Без конца извлекая из кармана платок, он отирает нос и каждый раз просит ее принести стакан чая.

— У Бога нет образа и формы, — объясняет он ей.

Бертель мучительно размышляет: это значит, что создавать образ Бога — грех? Она представляет Бога по-разному и создает каждый раз разных богов, и только таким образом ощущает близость к Богу. У Фердинанда и старших братьев Бога нет, а у нее он есть и является самым центром ее душевной жизни. Он сидит рядом с ней на постели. У Него есть свой облик. Она сердится на Него, спорит с Ним, странствует с Ним по лесу. Иногда ее Бог облачается в черное одеяние, чтобы прятаться от людей. Раввин Хаймович и не догадывается, что творится у нее в душе.

Он бормочет молитвы, а Лоц насмехается:

— Бертель скоро нарядится, как восточный еврей с улицы Грандиерштрассе.

Бертель не обращает внимания на его насмешки. Иврит захватил ее целиком, и она упражняется в написании квадратных древнееврейских букв. В школе учителя выражают безмолвное удивление. Она ходит как павлин:

— Я еврейка и подписываюсь на иврите — Бертель Френкель.

— Ты учишься в немецкой школе и должна писать по-немецки! — выслушивает она замечания и не обращает на них внимания, глубоко уверенная, что у нее есть право подчеркивать свою идентичность, и упрямо подписывается на иврите.

Доктор Герман побеседовал со своим другом Артуром: следует поговорить по душам с дочерью, чтобы и вовсе не

отдалить ее от одноклассников. Артур твердит дочери:

— Дома ты еврейка, вне дома ты немецкая девочка, как все дети. Германия твоя родина.

Он обратился к тете Брин с просьбой — поменьше рассказывать о поселенцах-евреях в Палестине, ибо девочка сбита с толку и вызывает отторжение у окружающих ее сверстников. Гости спрашивают ее об учебе в школе, а она тут же начинает рассказывать о евреях. Она думает, что быть евреем — это что-то особенное.

— Ревека, она не слышит этого в доме.

— Но вы наняли ей учителя иврита.

— Таковы мои принципы воспитания. Потребовала бы она обучиться персидскому языку, я бы тоже нанял ей соответствующего учителя.

Отец ее — ошибающийся мудрец. Она вовсе не немецкая девочка. Она видит существенную разницу между немецким народом и нею. Потому голос ее фальшивит, что душа не принимает пение на церемониях в честь Германии. Домочадцы все более становятся ей чужими. Их мечты отличны от ее мечтаний. Дом ее, полный немецких патриотов, смеется над тем, что она читает молитвы на древнееврейском языке и все время рыщет в отцовской библиотеке — в поисках всего, все, что связано с иудаизмом.

Бертель никому не доверяет свои духовные поиски. Из книг она узнала, что еврейский народ отличается от всех народов. Солидарность и братство является стержнем чудесных историй выживания евреев. Еврейские купцы погибали в пытках и истязаниях, но не выдавали своих братьев. В средневековье, когда крестоносцы потеряли силу и превратились в жестоких грабителей на дорогах, еврейские купцы выезжали на ярмарки в крупные торговые центры большими караванами, чтобы защищаться от нападений грабителей, отнимающих у них имущество и жизнь. Они находили тайные обходные пути, передаваемые евреями друг другу. Еврейские общины помогали им. Поблизости от синагог строили конюшни и загоны для скота. Общины организовывали пищу для иноземных купцов. И все же многим не везло, и грабители их обнаруживали. Крестоносцы пытали их, чтобы узнать эти тайные пути. Еврейские купцы жертвовали жизнью в адских истязаниях, но не подвергали опасности своих братьев, таких же купцов, как они.

В романе «Новости из Гренады» описываются ужасы, от которых волосы встают дыбом и кровь стынет в жилах. Мария де Лабадия, красавица, дочь выкрестов, заплатила жизнью за то, что втайне вернулась в лоно иудаизма. Она сменила христианское

имя Мария на еврейское — Мирьям. Горькой и страшной была ее судьба. Еврей, перешедший в христианство, сломался под пытками инквизиторов и выдал дочь знаменитого рыцаря, любимца ордена, постоянного гостя двора королевы Изабеллы. Девушку жестоко пытали. Сам великий инквизитор ордена крестоносцев допрашивал ее. Мария не сломалась, никого не выдала, ни на кого не донесла. Страсть охватила великого инквизитора, черного монаха, потрясенного ее красотой. Он наложил руки на ее голову, как бы благословляя ее красоту. Страсть породила и вынесла из его души дьявольскую суть. Он требовал, чтобы она попросила у него милосердия. Он требовал у нее выдачи евреев, но она безмолвствовала, ни звуком не выдала тайные деяния насильственно крещенных евреев, не опозорила Тору. Эти евреи продолжали молиться, соблюдать праздники Песах и День отпущения грехов — Йом Кипур, не ели свинину. Не соблазнил ее мягкий лицемерный голос монаха. После того, как он напоил ее вином, и она все равно не сказала ни слова, солдафоны инквизитора поволокли несчастную девушку в камеру. Марию де Лабадия возвели на костер после адских пыток.

Бертель не смыкает глаз целыми ночами. Она перечитывает третий раз роман о доне Ицхаке Абарбанеле и Аврааме Сеньоре, двух евреях, которые были приближены к испанскому королевскому двору. И над историей испанского рыцаря Бертель обливалась слезами. Иоанн Понсака допрашивался инквизиторами Аребусом и Торквемадой, они жестоко преследовали крещеных евреев, тайком исповедующих иудейскую веру. Иоанн Понсака узнал о своих корнях случайно. Нашел отца своего, христианина, на смертном одре кладущего на себя тфилин. Так он открыл, что дед его был евреем, был потрясен этим и не находил себе покоя. В своих снах он прятался в лесу от преследователей. В реальности наткнулся на испанских евреев, изгнанных из страны, и присоединился к ним.

Бертель живет в страхе и преклонении перед еврейским народом, и ее вовсе не трогает, что дед называет ее маленькой раввиншей, а братья и сестры смеются над ее мечтаниями. Она — еврейка. У нее есть отечество, язык, и есть у нее прапрадеды и прабабушки, похороненные в пещере Махпела, в древнем городе Хевроне.

Глава шестая

Адвокат Филипп Коцовер — плотный брюнет среднего роста, с карими глазами, с лицом, типичным для восточноевропейского еврея, влюблен в Лотшин. Они много времени проводят в зимнем саду или в ее комнате, часто прогуливаются вдоль реки Шпрее. Его вдумчивое понимание собеседника, манеры, обходительность располагают к нему принцессу дома Френкелей. Артур уже намекнул ей, будет рад, если она свяжет свою жизнь с его другом Филиппом.

В последнее время адвокат стал реже ее посещать, и влюбленные взгляды, обращенные к ней, стали редкостью. С тех пор, как нацисты вышли из подполья и их партия получила на выборах в 1930 году 107 мест в рейхстаге, став второй по величине партией, он оставил все свои дела, сосредоточившись на юридической защите еврейской общины. С обеда и послеполуденного кофе в семье Френкелей он торопится в свой офис, чтобы заняться делами, громоздящимися на его столе.

— Филипп, ты видишь ситуацию словно через увеличительное стекло, — говорит Артур, считая, что его друг преувеличивает опасность.

Зря он связал свою жизнь с общественной деятельностью и сократил юридическую помощь, как советник металлургической фабрики Френкелей. Филипп очень серьезно относится к обещаниям нацистского лидера уничтожить внутренних врагов, окаменевшую Веймарскую республику, подписавшую унизительный Версальский договор и ввергшую Германию в экономический коллапс.

Филипп уверен в том, что Гитлер способен увести страну из просвещенного мира в жестокость средневековья. А причина этому — инфляция, приведшая миллионы немцев к безработице, голоду, унижению, болезням. Сброд объединяется вокруг Гитлера.

— Но это безумие пройдет, — успокаивает его Артур, поглядывая на портрет покойной жены, висящий над письменным столом.

Филипп же видит все в черном свете. Всяческими уловками и откровенной ложью нацисты пестуют невероятную жесткость к евреям.

Толпа слушает вопли Гитлера: «Версаль был преступлением евреев. Следует уничтожить марксизм, и Германия воспрянет!» Вспоминают мюнхенскую трагедию 1919 года, оставшуюся в памяти граждан Германии, и обвиняют в ней евреев и

большевиков. В тот короткий период, когда столица Баварии оказалась в руках немецких коммунистов, среди которых были евреи, тысячи людей умирали от эпидемии туберкулеза. Переворот, приведший к власти в Мюнхене Советы баварских коммунистов, сформировавших правительство, произошел в апреле и провалился в мае. Но социал-демократическое правительство установило там «белый террор», который привел к тысячам и тысячам жертв, намного большим, чем умеренный террор красных.

В лжи и преувеличениях варварской пропаганды Филипп видит черное пророчество.

Он удивляется, что такой просвещенный человек, как Артур, не желает этого видеть. Гитлер и его подручные раздают обещания сброду, считающему себя униженным и оскорбленным, алчущему национальной гордости. Эта агрессивная масса собирается на площадях и в залах вокруг своего кумира, который перехватил лозунг левых: «весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем … мы свой, мы новый мир построим».

В рабочем кабинете Артура ощущается напряжение. Он погружается в молчание и с удивлением думает о том, что такой умный человек, как Филипп, верит в силу слов этого крикуна и клоуна Гитлера, чья книга «Майн кампф» — «Моя борьба» наделала много шума. Особенно эта фраза: «Мы строим тысячелетнюю империю». Нацисты навязывают новую мораль будущему человечеству. Могут ли нормальные люди отнестись серьезно к шуту, объявившему себя «сверхчеловеком, чистейшей крови арийцем, представляющим высшую расу»?

— Артур, Германия катится в пропасть.

— Глупости. Суета сует.

— Увози детей из Германии.

При всем уважении к своему другу-юристу Артур уверен, что восточноевропейский еврей, сионист и социалист, не понимает глубинную связь евреев с германским обществом. Филипп родился и воспитывался в Польше. После Мировой войны эмигрировал в Германию с аттестатом зрелости, полученным по окончанию русской гимназии. Еврейская община обратилась к богатым берлинским евреям с просьбой поддержать еврейскую эмиграцию. Так молодой беженец попал в богатый дом Френкелей. Артур сказал юноше, что он должен проявить себя. Артуру не хотелось играть роль простого филантропа. Он предложил Филиппу получить образование юриста или инженера и тем самым обеспечить себе приличные средства существования. Только так он сможет отдать свой долг. Филипп выбрал юриспруденцию. Еще во время учебы он стал выполнять

обязанности юридического советника литейной фабрики Френкелей.

Нацисты вышли из подполья, и спор между друзьями становится все острее. Как диалектик, опирающийся на философию Гегеля, Артур придерживается закономерностей, на которых зиждется мир.

— В реальности существует постоянная динамика, — равнодушным тоном говорит Артур, — даже представить себе невозможно, что мы вернемся к мрачному средневековью. Не может антисемитизм расцвести в современный период развития технологии и науки.

Артур морщит лоб, и очки его сползают на кончик носа. По мнению Филиппа, реакция его друга характерна для представителя еврейской крупной буржуазии.

Каждый раз, когда спор сползает на еврейскую тему, Артур, человек рациональный, остается на позиции большей части почтенных членов еврейской общины, которые произносят патетические речи об укоренении евреев в германской культуре. Они внесли значительный вклад во все области жизни страны. Германия нуждается в евреях, чьи экономические связи охватывают весь мир. Палец Филиппа подталкивают очки вверх, на переносицу, взгляд его смущен. Нацисты воспринимаются евреями Германии, как искусственное явление, которое их, евреев, не касается! Лицо Филиппа мрачнеет от этих мыслей.

Агрессивные нацисты захватывают Германию. Не пропускают ни одного питейного заведения, пропагандируют среди безработных рабочих, затягивая их в ловушку. Агитаторы нацистского движения угощают их выпивкой, и когда те погружаются в пьяный угар, начинают настраивать их против социал-демократов, против коммунистов, против евреев, короче, против всех, кто стоит на их пути к овладению рейхстагом в Берлине.

За зеленой шелковой портьерой Бертель затаила дыхание. В ее воображении возникает картина ее бегства от преследователей в глубины темного леса. Она находит укрытие в каких-то мрачных погребах. Девочка, побледнев, выглядывает из-за портьеры. Она смотрит на мрачное лицо Филиппа.

— Есть закон и порядок в государстве, — Артур устремляет пытливый взгляд на своего друга.

— Закон и порядок?! — Филипп поднимает плечи и нервным движением опускает их. Его палец, снова поднятый к носу, дрожит, отправляя оправу очков с кончика носа на переносицу. Ведь никто из его собеседников не видит его письменного стола, заваленного делами, свидетельствующими о вздымающемся вале

антисемитизма. Как обвинитель от имени евреев, он-то отлично знает о бесчисленных актах насилия в селах Пруссии. Напуганные евреи приезжают к нему из небольших прусских городов за помощью против пьяных погромщиков, которые нападают на беззащитные еврейские общины.

Погромщиков приводят в суд, но судьи выносят поджигателям синагог мягкие приговоры. Череда погромов соединяется в сознании Филиппа в единое страшное и, главное, безнаказанное действо. «Еврейская свинья» называли националисты-убийцы министра иностранных дел Германии еврея Вальтера Ратенау, когда в 1922 они подняли бунт против Веймарской республики. Еврейские лавки и магазины были разграблены ревущим сбродом в ноябре 1923. Со второй половины двадцатых годов бунт нацистского меньшинства превратился в бунт большинства. Антисемиты разрушают памятники на еврейских кладбищах, покрывают стены синагог подстрекательскими лозунгами, грабят еврейские магазины. На исходе двадцатых годов нападений на евреев все больше.

— Развитая цивилизация может быть использована и варварами, — плечи Филиппа приподымаются, он весь напряжен, как пружина.

За поблескивающими стеклами очков глаза его беспомощно моргают. В коридорах серого здания еврейской общины на Августштрассе длинные скамьи заняты до отказа. Богатые и бедные евреи, молодые и старики приходят сюда за юридической помощью по всем вопросам. И это касается религии, налогов, браков и разводов, погребения и обрезания, поисков работы, в добавление к судебным разбирательствам по поводу незаконных увольнений с работы по причине национальности, банкротств. По коридорам еврейской общины гуляют бесчисленные истории об издевательствах нацистов над евреями.

Глубокий страх слышится в негромком голосе Филиппа, и Бертель еле сдерживается, чтобы не выкрикнуть слова в его поддержку.

Центр столицы бушует. Дрожь пробирает девочку. Она ускоряет шаг при виде коричневых рубашек нацистов, которые множатся, как грибы после дождя. Они демонстрируют свое присутствие повсюду, особенно у своей базы, выделяющейся флагштоком, на котором полощется красное знамя — на нем в белом круге распластана черная свастика. Они ходят группами, растекаясь по центральным улицам, раздавая прохожим пропагандистские листовки и беспрерывно распевая националистические песни, пропитанные антисемитским ядом.

Отец говорит, что Германия ее родина, но чувство отчуждения преследует Бертель с раннего детства, а не только с того дня, когда нацисты вышли из подполья. Чего-то важного недостает ей на этой «родине». Даже в школе она чувствует отличие от девочек из христианских семей. Глубоко в душе девочка ощущает, что она вовсе не настоящая немка. И она не думает, что также себя чувствует Лотшин, хотя у нее светлые волосы и голубые глаза. Как-то заметила ее сестра-красавица, что одноклассницы из аристократических христианских семей в Пренслау не пропускали ни одной вечеринки в еврейском доме, и даже приглашали ее присоединяться к ним на лыжных прогулках во время каникул, но никогда не открывали перед ней двери своих домов.

— Люди Моисеевой веры в Германии существуют в атмосфере духовной шизофрении, — цитирует Филипп слова сионистского лидера.

Бертель про себя добавляет, что их семья отлично выглядит на общегерманском человеческом фоне, но внутренний ее мир раздвоен.

Улица ревет: «Разбивайте головы евреев, сынов Дьявола», или — «Головы ваши, Ицик и Сара, мы размозжим одним ударом!» И эти страшные картины кошмарами преследуют Бертель. Каждый нацист на улице удваивается и утраивается, размножаясь простым делением и превращаясь в целый батальон, угрожающий ее жизни.

— Все это глупости! Они могут говорить всё, что хотят, — выступает Лоц на детских собраниях, — это хулиганство. Это нас не касается.

Кудрявые сестрички вообще к этому относятся равнодушно, но Бертель знает, что Филипп прав.

Она возвращалась домой из школы, и сердце ее чуть не выскочило из груди, когда она увидела на центральной площади умирающую лошадь. Девочку охватила сильнейшая дрожь. Возница, здоровенный, грубый мужлан, хлестал агонизирующую лошадь кнутом, который со свистом врезался в ее тело и при этом понукал ее хриплым голосом. Конь терял последние силы, а хозяин наносил ему удары по шее, пытаясь поставить его на трясущиеся ноги. Брюхо животного едва вздувалось и опадало. Наконец, конь рухнул и даже не пытался приподняться. Тем временем на площади скапливались водители автобусов, трамваев и частных автомобилей, собирались толпой трубочисты, уборщики улиц, продавцы с расположенного рядом с площадью овощного рынка, безработные и беззаботные зеваки. Двое полицейских в полном обмундировании, с резиновыми нагайками

в руках, патрулировали вдоль площади. Народ толпился, сгорая от любопытства, вокруг умирающей лошади, но так как это не было политическим собранием под открытым небом, полицейские не вмешивались. Толпа заполонила квартал, где жили уважаемые граждане города, криками и свистом поддерживая рассвирепевшего возницу.

Бертель поправила ранец на спине и пробивала себе дорогу в толпе возбужденных мужчин и женщин. Черные ее глаза сосредотачивались то на здоровенном вознице, то на темных глазах лошади, что с каждой секундой теряли блеск жизни. Возница продолжал хлестать кнутом коня под радостный свист и улюлюканье толпы. Пена текла из пасти лошади, и голос какой-то старушки, умоляющей прекратить издевательство над несчастным животным, тонул в радостном реве. «Рот фронт!» — орали красные. «Хайль Гитлер!» — старались их перекричать коричневые. Полицейские стояли в стороне, на страже, подтягивая пояса и ремешки стальных касок и пресекая политические речи.

— Сколько вам заплатили евреи, чтобы вы охраняли их головы? — кричал кто-то из толпы. — Будь они прокляты! Мы подыхаем от голода и безработицы, а евреи, тем временем, снимают все урожаи. Пока кровь не брызнет из их голов, мы не спасемся от этой падали!

Бертель испуганно огляделась по сторонам. Полицейские подняли нагайки и были готовы бить нарушителей порядка. Бертель ускорила шаги, пытаясь вырваться из толпы. И не только из-за полицейских, рева толпы и резкого запаха пота и вони. Долговязый тощий парень с опавшими щеками, в неряшливой одежде, черной рубахе и черном галстуке испугал ее своим видом убийцы. Он неожиданно начал пробиваться в ее сторону. Задыхаясь, с растрепанными волосами, она бежала от него, видя, как он ускорил шаги, нагоняя ее. Нельзя разговаривать с незнакомыми людьми! Убийцы, грабители, насильники устраивают засады по углам улиц, в переулках, подстерегают ее у дома и в школе. Ужас и страх. Этот урод хочет ее уничтожить. Бертель бежала со всех ног, время от времени оглядываясь, пока убийца не исчез.

— Что это означает — быть евреем? Почему меня хотят убить? — ворвалась она в кабинет отца без приглашения.

— Бертель, не обращай внимания на хулиганов. Ты такая же немецкая девочка, как и все немки, — отреагировал отец на ее взволнованный рассказ о ревущей толпе в центре города, требующей размозжить головы евреям.

Из-за портьеры она слышит голос Филиппа:

— На улицах опасно. Еврейская община уводит детей с улицы, отдает их в еврейские молодежные движения.

Филипп рассказывает о больших обувных складах, которые пожертвовала еврейской общине миллионерша Маргот Клаузнер под молодежные клубы, где подростки могут собираться. Он рекомендует отдать Бертель в такой клуб скаутов.

В клуб она не попала. У входа толпилось такое же хулиганье, как и на улице, недалеко от их дома, улюлюкая и выкрикивая — «Грязные евреи». Рыжий Бумба присоединял свой тонкий голосок к скандирующим крикунам, и даже в шутку поднимал руку в нацистском приветствии «Хайль Гитлер».

Десятилетний Бумба находится под влиянием спокойного отношения в доме к нацистам, не понимая их провокаций. Бертель же чувствует, что в доме ошибаются. Умный отец повторяет, что нацистская пропаганда ее не касается, и ей не следует всерьез воспринимать угрозы хулиганов, ибо они, в основном, набрасываются на восточноевропейских евреев в черных шляпах, с пейсами и бородками, но в сердце девочки поселился страх, о котором толкует Филипп, вопреки беспечности отца и оптимизму директора школы.

Отец попросил Гейнца отвести Бертель к скаутам. Нужно, чтобы девочка не привыкла к одиночеству, не замкнулось в мире книг. В очередной беседе с дочерью, отец рассказал ей об истории развития и прогресса немецких евреев, чтобы она ощутила свою принадлежность к немецкой нации, как полноценная немка. По его словам, в конце восемнадцатого века и в девятнадцатом евреи выбрали для себя немецкую национальность. Со времени эмансипации они, как патриотические граждане, могут свободно выбирать любую область жизни, внося свой весомый вклад экономику, общественную и культурную жизнь.

Как доказательство столь существенных изменений положения евреев в течение нескольких поколений, отец напомнил ей темное время, когда еврей, отданный под суд, должен был стоять коленопреклоненным на свиной шкуре. Следы этого варварства пытаются вернуть нацисты. Потому не следует к ним относиться всерьез. Затем он рассказал о времени развития немецких колен в течение последних веков, припомнив, что, собираясь возводить город Петербург, русский царь Петр Великий привез из Германии множество специалистов и ремесленников.

Артур особенно подчеркнул, что силу германских княжеств составляли промышленники, в настоящее время эту силу составляют немецкие интеллектуалы, люди духа — первоклассные ученые, писатели, поэты, музыканты. И завершил

он свою беседу словами:

— Ты — немка, как все остальные граждане этой страны. Еврейство — твое частное дело. Ты — еврейка только в стенах своего дома.

— Нет, это не так. Я и вне своего дома чувствую себя еврейкой.

— Потому что ты особенная девочка, характер твой отличен от других.

«Что это такое — еврей, кто является евреем, а кто — нет», — этими вопросами Бертель донимает всех домочадцев. В отличие от своих братьев и сестер, она не привязана ни к своей собственной идентичности, ни к национальной немецкой идентичности. Солидаризуясь с протестом против уличного антисемитизма, она демонстративно отказалась вносить пожертвования в организацию, собирающую их для немецких детей, жертв финансового кризиса, вынужденных жить за пределами Германии. Она является в школу без квитанционной книжки, и не вносит наличными взнос для нуждающихся детей к Рождеству.

— Ты сама ведешь себя, как хулиганка, — кипел дед.

— Они все — антисемиты.

— Ты — гражданка Германии. Немцы за пределами страны ведут себя нейтрально. Почему не помочь им хранить верность своей нации? — вмешался отец.

— Они против евреев, — сказала Бертель.

— Эта девочка — сумасшедшая, — стукнул дед тростью о пол.

Артур не отчаялся:

— Организация, помогающая немецким детям за границей, не является политической. Пожертвования эти идут на создание библиотек в Кротошине и на обеспечение преподавателей, которые будут туда посланы обучать немцев истории Германии.

Он намеренно напомнил Кротошин, городок, в котором родилась и росла ее покойная мать. Бертель это не убедило. Она упорно держалась своего мнения, несмотря на то, что доктор Герман поддерживал отца и деда. Семья вынуждена была внести пожертвование без ее ведома — за нее.

Артур, человек просвещенный, диалектик, все же запутывается в ответах на дотошные вопросы своей умной дочери. Что это такое — иудаизм, и что означает — быть евреем? Он погружается в кожаное кресло, не в силах избежать взгляда ее черных, горящих глаз, пытливо и нетерпеливо ожидающих ясных однозначных ответов. Но эти ответы своей замысловатостью и

явно выраженной неуверенностью запутывают ее окончательно.

— Я — еврей, и это сильнее меня. Я не в силах это объяснить. Никогда я не смогу принять христианство.

Из-за портьеры девочка слушает его ответы гостям:

— Быть евреем — дело мистическое, а не рациональное. Иудаизм это тайна личности. Тайна, потому что трудно мне уяснить особенности, составляющие эту личность. В моем личном мире скрыта эта мистическая тайна. Я отчетливо осознаю ее существование во мне и живу с ней в согласии.

И все же эта мистическая сторона его сущности пробуждает в нем чувства вины, и тогда он признается близким в этом грехе. Ведь он — германский патриот — страдал от измены своему отечеству во время Мировой войны.

Случилось это на фронте, под Верденом, где судьбу войны решили британские танки. Во время патрулирования с двумя подчиненными ему солдатами-евреями они наткнулись на двух французских солдат и взяли их в плен. Когда выяснилось, что пленные тоже евреи, он освободил их.

— И вот я, офицер германской армии, давший клятву верности кайзеру Вильгельму Второму, предал свое отечество, — исповедался отец. — Не могу объяснить это иррациональное движение моей души, заставившее меня спасти евреев. До самого дня моей смерти меня будет преследовать это предательство. Совесть моя не успокоится из-за этого иррационального чувства, овладевшего мной. Что же касается моей личности, все иррациональное в ней — это и есть еврейство. Все рациональное во мне — немецкое!

В беседах с Бертель отец говорит о еврействе, как о чем-то далеком. В его общих словах нет ответа на ее духовные и душевные требования. Отец— интеллектуал уклоняется, вернее, убегает от еврейской темы. Единственно, о чем рассказывает ей, так это о том, что покойная ее бабушка любила молиться в субботу и наигрывала на рояле еврейские мелодии.

И на собраниях членов организации любителей творчества Гёте, проводившихся в библиотеке отца, Бертель не находила ответы на свои вопросы. Решить еврейскую проблему в массовом крещении и переходе в христианство?

Она стояла в углу библиотеки во время собраний, в полнейшем смятении, прислушиваясь ко всему, что там говорилось. Выяснялось, что эмансипация приводила крупнейших еврейских мыслителей, гигантов духа, в лоно христианства, и за ними тянулось множество евреев. Эти ассимилированные интеллектуалы были верными союзниками германских христианских духовных лидеров. Более того, эти германские

духовные лидеры, такие как Гёте, Шиллер, Шлегель, Лессинг, благословляли ассимиляцию евреев. Небольшая прослойка немецкого движения Просвещения высоко ценила духовный уровень евреев.

Христианские интеллектуалы нуждались в их естественных талантах, вообще не обращая внимания на то, что еврейская религиозная общественность уклонялась от ассимилянтов. С наступлением эпохи равенства прав абсолютно всех граждан евреи начали отдаляться от древних этических принципов иудаизма и добровольно подпадали под скверну западной прогрессивной культуры. Еврейские интеллектуалы полагали, что теперь навсегда евреи избавятся от последних следов иудаизма, соблюдаемого богобоязненными евреями, напоминающими своими обычаями, одеждами времена темного отвратительного средневековья. Дело дошло до того, что в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях лидеры еврейской общины, интеллектуалы — христиане и евреи — обратились с призывом к евреям — совершить массовое крещение, чтобы раз и навсегда решить еврейскую проблему. По вопросу крещения, Бертель не раз слышала от отца: «Чего вдруг я должен креститься?! Я родился евреем. Меня, как либерала, никто не заставит поменять веру! И тот, кто тоже считает себя либералом, должен уважать мою волю!»

Отец однозначно выступает против выкрестов — в отличие от большинства еврейских интеллектуалов, которые отказались от своей еврейской идентичности ради карьеры в христианском обществе и желания легкой жизни в качестве граждан христианского вероисповедания. Он отвергает мнения главы еврейской общины Фердлиндера и некоторых других известных лиц, обратившихся с призывом к евреям принять христианство. С неприязнью Артур говорит о женщинах, также снискавших себе славу, таких как Генриетта Герец, Рахиль Вархеген, Фани Левальд или Доротея фон-Шлегель, которые вышли замуж за христиан и призывали к массовому крещению, считая иудаизм катастрофой, от которой следует откреститься. Артур, как и его друзья, либералы, стоит за право евреев на самостоятельное существование.

Естественно, разговоры о взаимоотношениях иудаизма и христианства вертятся вокруг учения духовного лидера еврейства Германии Моисея Мендельсона. Артур и его друзья поддерживают мировоззрение этого, как они считают, великого реформатора, считающего, что невозможно создать еврейское государство в Палестине после сотен лет рассеяния. Они разделяют мнение лидеров еврейского Просвещения, которые

тоже не видят будущего у еврейской нации на исторической родине.

Дед выступает против слепого преклонения перед духовным лидером:

— Моисей Мендельсон был подхалимом и фальсификатором. В обществе евреев он выступал как глубоко религиозный верующий — накладывал тфилин, молился дома и в синагоге. Но когда оказывался в среде христианских интеллектуалов, таких, как Лессинг, вел себя, как верующий христианин.

Дед сводит счеты с Мендельсоном. Как еврей, соблюдающий традиции, тот жил, соответственно им. В противовес ему, его сын Авраам, банкир, восстал против традиций праотцов и принял крещение.

— Нечего удивляться, что эта уважаемая семья отреклась от своего еврейства, — решительно выступал дед на собрании членов товарищества любителей творчества Гёте. — Мендельсон не умел воспитывать своих детей, оставил им выбор — свободно решать, кем быть, — евреем или христианином, тем самым распахнув перед ними врата христианства. Человек, чей путь в жизни не ясен, не может служить примером и образцом евреям.

Проблема выкрестов весьма чувствительно воспринимается дедом, дед которого, Натан, не крестился, как и его братья. Мать их, жившая в Португалии, была ревностной еврейкой. Дед говорил:

— Ущербен человек, который хочет изменить свою идентичность.

Артур согласен с дедом:

— Философия основана на чистоте. В характере Мендельсона было что-то нечистое. Он копировал христианскую немецкую философию, преклоняясь перед немецкой культурой. Он не отверг решительным образом крещение своих потомков. По сути, он не понял, что своим огромным влиянием на еврейство Германии ввел его в глубокий раскол.

Артур удивляется тому, что еврейский реформатор не видел это противоречие между своим мировоззрением и своей связью с немецкими философами, которые хотели освободить евреев от иудаизма. Артур противопоставляет ему французских философов, таких как Вольтер и энциклопедисты, и даже Лессинга, немецкого философа-христианина, который поддерживал евреев. Он резко выступал против антисемитизма и воевал против мракобесных идей, размножающихся в его время. Своей дружбой с Мендельсоном он подчеркивал сосуществование и взаимоуважение религий.

Спрятавшись за портьерой в кабинете отца, Бертель

прислушивалась к речам еврейских и христианских интеллектуалов о взаимоотношениях между ними. Мурашки побежали по ее телу, когда она услышала из уст одного выступающего о колебаниях, охвативших философа Франца Розенцвейга:

— Я другой еврей, — говорил он. — Нет ничего общего между богобоязненным польским евреем и мной.

После ожесточенного спора между ним и выкрестом Ойгеном Розенштоком Розенцвейг решил искать свой жизненный путь в христианстве, как многие еврейские интеллектуалы, приявшие крещение. Но в день Отпущения грехов — Йом Кипур — день молитв и поста в берлинской ортодоксальной синагоге он отказался от погружения в купель, заявив, что он остается евреем, и стал преподавать иудаизм. Он перевел на немецкий язык еврейское Священное Писание с целью приблизить евреев к Танаху — книгам Торы, Пророков и Писаний, особенно уделяя внимание праздникам Израиля.

На собрании общества любителей творчества Гёте оратор вдохновенно говорит об истинной «звезде свободы» — Франце Розенцвайге, о том, что этот незаурядный философ видит в иудаизме и христианстве две важные религии. Но отмечает и различие между ними. Иудаизм вечен, действует вне времени, в то время как миссионерское христианство несет истину иудаизма во все уголки мира, борясь между временным и вечным. Еврейский народ скитается из одного рассеяния в другое, но пламя иудаизма неугасимо. Кто-то из слушателей заметил, что в иудаизме возникло новое явление. С одной стороны, ширится ассимиляция. С другой, в еврейском обществе появляются великие мыслители, ученые, возвещающие новый тип еврея, чьи корни глубоко погружены в иудаизм.

Речь, к примеру, идет о философе Мартине Бубере, проповедующем «духовную работу в настоящем времени», следующем за Ахад Га-Амом. Бубер призывает к новому духовному творчеству. Речь идет о создании новой литературы и нового искусства, которые должны черпать вдохновение из душевных глубин еврейского народа.

Участники собрания вышли на короткий перерыв в огромный зал, примыкающий к библиотеке. Начался непринужденный обмен мнениями, табачный дым потянулся к потолку, запах кофе и шоколадных пирожных приятно щекотал ноздри. На столах громоздились горы деликатесов, аккуратно разложенных на серебряных подносах, поблескивали хрустальные бокалы с напитками, дымились фарфоровые чашки с горячим кофе. —

Почему в еврейском доме крутится столько гоев? — хмурясь, спросил дядя Мартин Маркс.

Отец ответил ему:

— Только в обществе христиан я чувствую себя евреем.

Бертель, как обычно, укрылась за портьерами, разглядывая сквозь складки ткани гостей и старших братьев. И тут Бумба, который во время лекций украшал винтовую лестницу старыми поясами, лентами и ожерельями, возник перед уважаемыми гостями с серьезным выражением лица. Громким голосом он процитировал сентенцию Гегеля и сентенцию Ницше, которые услышал от Фердинанда. Гости приняли его за вундеркинда. Перерыв кончился.

Бертель была смущена. На улицах нацисты издеваются над евреями. А послушав выступления собравшихся гостей, она так и не поняла, что такое иудаизм и кто такой еврей, и почему свирепствует такая ненависть к евреям и вообще к еврейству. Бертель абсолютно сбита с толку. Ей и Филиппу отец говорит, что ненависть к евреям — явление временное, что они рассматривают антисемитизм в увеличительное стекло, и особенно она, ибо у нее смуглая кожа, и все принимают ее за еврейку. Отец упирает в нее пристальный взгляд воспитателя, и припев повторяется:

— Ты — немка, твой родной язык — немецкий, ты ничем не отличаешься от окружающих тебя людей.

Бертель думает про себя, что преклоняется перед отцом, но в отличие от сионистов — Филиппа и тети Ревеки, он запутался в вопросах иудаизма и ей ничем не может помочь.

— Гитлер придет к власти, — сказала Бертель с горечью взрослой женщины в летах, и весь дом зашелся в хохоте.

Только Гейнц внимательно посмотрел на нее и не издал ни звука. Филипп посоветовал ему ликвидировать семейный бизнес и бежать из Германии, когда выяснятся результаты последних выборов. Нацистская партия, вторая по величине в рейхстаге, идеи которой обретали все больше сторонников в стране, все же не убеждала Гейнца в необходимости исполнить совет Филиппа.

— Ты явно преувеличиваешь, — говорил ему Гейнц, объясняя, что в дни экономического кризиса действительно возникают трудности в бизнесе, но, тем не менее, их литейная фабрика приносит неплохие доходы, и в делах наблюдается экономическая устойчивость, несмотря на то, что утренние финансовые сводки возвещают о падении курса валют.

Дед спокоен. Гейнц пребывает в тревоге. Правительственные коалиции с трудом дотягивают до полутора — двух лет. Власти не в силах побороть бесхозяйственность и распущенность, овладевшие страной. Убийства, грабежи, воровство,

разнузданность толп демонстрантов на улицах — все это стало привычным явлением. И не видно этому конца в смутном будущем. Но никого из домочадцев не беспокоит мысль, что эта неустойчивость в стране может отразиться на работе фабрики. Гейнц чувствует напряженность в жизни дома. Руфь замужем, у нее ребенок, и, тем не менее, не пропускает ни одного кабаре, ни одного театрального спектакля. Развлекается с друзьями на шумных сборищах в залах на улице Фридрихштрассе. Руфь и Эльза устраивают вечеринки с танцами в роскошной столовой, и, как весь дом, не испытывают никакой тревоги в связи с политическими изменениями в стране, в экономике и общественной жизни.

Простуды атакуют Артура, угрожая его жизни. В последнее время он страдает от сильного кашля и потерял в весе. Доктор Герман Цундак рекомендует ему отдохнуть в санатории для легочных больных в Давосе. Перед отъездом туда на две недели Артур продиктовал Филиппу завещание, назначив его опекуном Бертель и Бумбы. При любой возникшей опасности Филипп должен вывезти детей в безопасное место, в Швейцарию или Англию. Артур попросил Филиппа в случае своей смерти и воцарении хаоса в Германии увезти детей из страны.

В отсутствие хозяина атмосфера в дома изменилась. Из радиоприемников в детских комнатах беспрерывно доносится музыка, даже когда там нет ни души. В столовой посуда не убрана со стола. Дети крутятся по дому в неряшливой одежде. Лоц не снимает с себя хоккейную форму. Кудрявые сестры-близнецы разгуливают по столовой, гостиной и коридорам в розовых пижамах, носятся по теннисному корту в ночных рубахах с ракетками в руках, и собака Лотта собирает мячики.

«Кот из дома — мыши в пляс», — Фрида смотрит на новые порядки, которые установили кудрявые сестры в роскошном обеденном зале, сохранившимся во всем своем великолепии со времени бывших хозяев — прусских юнкеров. Дубовое покрытие стен сменили цветные обои. «Дремлющий старик» Рембрандта уступил место трем синим коням кисти Пикассо. Подарок отца покойной матери — большой портрет женщины, кисти знаменитого художника Альбрехта Дюрера, снять не осмелились. Остался и портрет матери, и ее карие глаза продолжают глядеть на семью.

Тяжелую мебель заменили современными легкими стульями на тонких ножках и цветными креслами, покрытыми шелком. В камине установили красные лампочки, бросающие языки багряного света на окружающую обстановку. «Принца» нет,

говорят дети и продолжают развлекаться далеко за полночь. Бумба не ходит в школу и до того разленился, что не занимается уроками. Гейнц успокаивает Фриду.

— Ничего страшного, — говорит он бесцветным голосом, — для руководства фабрикой я вовсе не нуждаюсь в высшем образовании. Оно вышло из моды, и даже представители высшего общества не считают большой ценностью систематическое образование.

Артур в Давосе, и Бертель чувствует, что без него дом теряет свой прежний блеск и роскошь. И даже дед, приезжающий время от времени в Берлин, не уменьшает все более увеличивающиеся хаос и пустоту в доме. Веселье и беззаботный смех царят за обеденным столом. Даже домашние псы, Цуки и Лотта, встают на задние лапы и с ворчанием показывают языки, с неутомимой собачьей льстивостью помахивая хвостами.

— Кто сейчас твоя подружка, дед? — с томной наивностью допытываются сестры.

— Ах, я видел на Александерплац молодуху, — дед смотрит на внучек с умильной наивностью. — У нее такая большая грудь, — дед округляет руки и ладони, демонстрируя примерную величину женской груди. — И были там еще шикарные девицы.

Таковы трапезы с дедом, без отца, без его речей, назиданий и нравоучений. За детским столом ведутся вольные разговоры, и Бумба поглощает котлеты, сколько душе угодно. И все же, даже без отца здесь сохраняется некая традиционная церемонность. Дед сидит во главе стола. Эльза, Лоц и маленькая Бертель располагаются по правую сторону от него. Лотшин, Гейнц, Руфь, Фрида и Бумба — по левую. Молчание воцаряется, когда дед берет в руки острый серебряный нож с длинным лезвием и виртуозно разрезает мясо жаркого на сверкающем серебряном подносе. Священная тишина не нарушается вокруг стола, пока ломти мяса не оказываются в тарелке каждого участника застолья.

Артур в Давосе, и за столом царит неудержимое веселье. Внуки подозревают деда в неверности одной единственной партии. Из любви к отечеству и своему бизнесу он щедро жертвует всем партиям, за исключением, естественно, нацистской. Внуки развлекаются, критикуя поведение деда. Бертель оглядывается вокруг, тоже желая присоединиться к смеющимся домочадцам, но смущение парализует ее. Дед словно читает ее мысли, откидывается на спинку стула и упирает в нее насмешливый взгляд.

— Бертель — спрашивает он, — как ваш учитель природоведения копирует собаку? А птицу? А льва?

Дед не терпит хмурости, и особенно, во время обеда. Он начинает подражать животным — мычанию коровы, ржанию коня, кудахтанью кур. Дед и Бумба мычат, блеют, кудахчут, пищат, как цыплята, щебечут, как птицы. Бертель отводит глаза в сторону, взгляды ее и мысли блуждают далеко от этого стола.

— Я не понимаю, что происходит с этой девочкой! — повышает голос дед. Бертель опускает взгляд в тарелку. Дед не понимает того, что она хочет говорить, но язык ее прилип к гортани, и из ее сухих растрескавшихся губ выходит лишь воздух. Если ей все же удается выжать из себя несколько слов, все за столом разражаются хохотом, ведь она говорит совсем не то, что хотела. Потому она чаще все молчит, затаив обиду. Дед обращается к отцу, когда тот, после возвращения, обедает со всеми.

— Артур, Бертель очень похожа на твою покойную мать.

— Вовсе нет!

— Артур, только бы она не была сухим ученым, как твой брат Альфред.

Бертель любит деда, но оба, дед и отец, вгоняют ее депрессию.

«Теодор Герцль?!» — всплывает в разговоре имя провидца еврейского государства, и все начинают высмеивать эту «фантазию» Герцля, «Государство евреев». Отец искренне не понимает, что заставляет евреев эмигрировать из Европы в Палестину. И с иронией размышляет вслух:

— По призыву этого мелкого фантазера, весьма посредственного журналиста и драматурга, эмигранты пакуют свои пожитки и уплывают в пустыню — болеть и строить свои жилища на песке.

Бертель несчастна, потому что дед вторит отцу:

— Евреи просто спятили. Погромы сбили их с толку, вот они и ринулись в бессмысленные и бесцельные авантюры на землях, забытых Богом.

Дом Френкелей просто не замечает дикой антисемитской атмосферы на улицах, обвиняя во всем этих странных сионистов, чудаков, лишенных чувства реальности, рассказывающих всем сказки. Бертель страдает от этих унизительных слов о Герцле и насмешек над сионистами. Но особенно зла на свою кудрявую сестрицу Эльзу, поглощающую одну за другой дольки апельсина из посылки, присланной дядей Вольфом Брином из Палестины. Высасывая сок из дольки, Эльза разглагольствует о том, что навестит Палестину, ибо это заманчивая авантюра, и при этом пошучивает:

— Бертель, я посещу тебя в Палестине.

Бертель взрывается:

— Эльза, ты поднимаешь на смех страну Израиль! Земля эта священна!

— Трулия, нет такого понятия «священная земля». Никакая страна не является священной, — Гейнц разворачивает и сворачивает салфетку.

Когда дед в доме, за обеденным столом хохочут. Он закидывает ногу на ногу, грациозно усаживаясь на кончике стула и подмигивая. Его ресницы трепещут, он подражает жеманнице.

Фрида недовольно смотрит на двух служанок, подающих блюда на подносах дрожащими руками. Что разрешено хозяину, запрещено официанткам. Экономка оценивает мимолетным взглядом их одежды, от чепчиков на волосах до черных платьев и белых накрахмаленных фартуков.

— Фрида, мой одноклассник придет ко мне в гости. Приготовь вкусный шоколадный торт, — провозглашает дед, и шепоток разносится вокруг стола.

Одноклассник деда служил в страховом обществе, ныне он на пенсии. Он невысокого роста и совсем не похож на высокого, стройного деда, не растерявшего юношеского пыла. Родственник должен привезти старика из Силезии прямо к дверям роскошного берлинского дома. Сопровождающий торопится уехать и с извинениями отказывается от приглашений деда войти в дом.

— Антисемиты, — говорит Гейнц, но дед решительно это отрицает.

Отец, тоже недовольным тоном Гейнца, указывает ему на ошибку:

— Просто для них непривычно входить в незнакомый дом.

Гейнц же остается при своем мнении. Короче говоря, «одноклассник» деда прибыл, и ритуал повторяется. Дед уединится в отдаленной комнате со своим старым другом, и начнется громкий разговор: воспоминания сыпятся как из рога изобилия. Кто из соучеников сделал карьеру, кто жив, кто умер. Одряхлевший одноклассник путает будущее с прошлым. Он жует соленые сушки, а дед кричит ему в раструб слухового аппарата, рассказывая том, что случилось с тем или иным из их знакомых.

Артур поправляет свое здоровье в Давосе, и Бертель очень обеспокоена его состоянием, особенно после того, что случилось с горбуном Шульце, сапожником, в подвале которого Бертель иногда коротала время. Горбун умер, и весь квартал возбужденно шумел. По мнению полиции Шульце сошел с ума, но Бертель точно знает, что это неверно. Она видела фото умершего Шульце, опубликованное в газете, и понимает, что старика убили. Шульце любил девочку и баловал ее. «Дядька Шульце», — дразнили его

ребятишки, заглядывая к нему в окна подвала и прося разрешения прикоснуться к его горбу. Маленький сморщенный сапожник торговался, по какой цене можно прикоснуться его потрогать. По десять пфеннигов с носа. И только ей позволял даже гладить его горб, похожий на горб верблюда, сколько она захочет, без всякой оплаты.

«Дядька Шульце», — дразнили уродца ребятишки и тут же бросались врассыпную. Сапожник ненавидел детишек, но ее любил. Она была единственной, кто бывал внутри его крохотной комнатки, расположенной позади небольшой мастерской. В комнатке стояла кровать, громоздилась кухонная посуда и хранились странные куклы, их мастерили золотые руки сапожника. Бертель, которая даже не смотрела на куклы в родном доме, не сводила глаз со странных кукол горбуна Шульце. В его маленькой комнате он играла с куклой, у которой были львиные лапы. Но любимой была кукла с птичьей головой. Шульце, вопреки ее просьбам, так и не подарил ей ни одной куклы. Сказал, что каждой из них дал имя, и ни с одой никогда не расстанется.

Бертель спускалась в подвал, и ее покидала меланхолия.

— Бертельшин, ты слишком умная девочка. Ты своеобразное и ни на кого не похожее существо. Когда вырастешь, станешь великой ученой, — говорил Шульце, раскраивая кожу на полоски, клея подошвы, с необычной теплотой беседуя с ней и предупреждая, чтобы она остерегалась зависти сверстников.

Однажды, вернувшись из школы, она выронила из рук стакан с водой, и он покатился по ступенькам к входу в подвал. Шульце приказал: «Не прикасайся к этому стакану, он принесет тебе большую беду». На следующий день он дал ей новый стакан, а упавший поставил на полку и сказал:

— Этот стакан связан с волшебством, которым я владею.

Шульце говорил ей, что она должна укреплять мускулы, поднимать и разводить руки в стороны, потом поднимать поочередно правую и левую ногу, крутить головой и шеей. Она выполняла все эти упражнения. Был у нее общий с Шульце секрет. Он бесплатно чинил ее старые ботинки, хоть и знал, что она из зажиточной семьи, и там изношенную обувь выбрасывают.

Бертель было приятно находиться у Шульце, пока Фрида случайно не увидела ее спускающейся в подвал сапожника со школьным ранцем за спиной. «Девочка из приличной семьи в подвале уродливого горбуна?! Только ненормальная девчонка может ходить к этому горбатому уроду».

Фрида была потрясена, как и весь дом, но Бертель не предала друга. Тайком прокрадывалась к нему, чтобы слушать его

рассказы. Особенно любила историю, сочиненную Шульце о великане Рюбенцале. Горбун сажал Бертель себе на колени и описывал необычного красавца, великана, который страдал единственным недостатком: преследовал детей и убивал их. Бертель вовсе не пугали ужасы, которые горбун рассказывал о великане, ибо Шульце поднимал вверх руки, растопыривал пальцы над ее головой и клялся: «Великан Рюбенцаль никогда не будет тебя преследовать». Затем шептал: «Сиди тихо. Сейчас я колдую. Никто не может принести мне вреда. В горбу есть такое средство, которое охраняет меня». Но горб не спас Шульце. Однажды он был найден мертвым в своем подвале, и никто так и не узнал, что случилось.

Скоро отец должен вернуться из Давоса. Гостиная, залы и комнаты обновились, согласно моде времени и вкусу сестер. Бертель с нетерпением ожидает приезда отца.

Ноябрь 1930. Бертель согласилась на уговоры брата и поехала с ним к скаутам. Она неуверенно шла по большому залу. Услышала приветствие — «Крепись и будь мужественной!» — «Хазак вэ амац!»

Принятый ею за «убийцу» в шумной толпе в центре города тощий и долговязый парень встретил ее приветствием, которым пользовались все в организации еврейских скаутов, и оба рассмеялись. Зеппель помнил ее испуг тогда, на площади, когда он следовал за ней, пока она не исчезла. Теперь ей стало ясно, почему он так назойливо ее преследовал. Инструкторы молодежного движения разыскивают по городу темноволосых девушек и юношей, явных евреев, чтобы увести их с опасных улиц, где рыщут всякие маньяки, пьяницы, воры и убийцы, и, также, бездомные евреи, пробравшиеся сюда из нищей Польши после войны, и оказавшиеся здесь на грани голодной смерти.

Бертель не очень вдохновлена деятельностью скаутов, но от празднования Хануки разволновалась до слез. На сцену вышла смелая еврейка по имени Хана. Семеро ее детей жертвуют жизнью во имя еврейского Бога. Бертель не издает ни звука. У Ханы — семеро детей, как и у ее покойной матери. Хана стоит на сцене и плачет. Умирающая мать наградила ее за неделю до своей смерти всего лишь ласковым прикосновением ладони к щеке. Хана ушла за кулисы. По сцене шествовал Йегуда Маккавей во главе своих войск. Евреи с обнаженными мечами вступили в бой с греками на землях колен Йегуды и Биньямина. Бертель сидела ошеломленная, загипнотизированная происходящим на сцене. Никто ей раньше не рассказывал о войнах Хасмонеев против греков. В доме нет восьмисвечника — ханукии, и не зажигают

свечи в течение восьми дней в честь победы Маккавеев. Все в клубе пели ханукальные песни. Бертель, зная, что она не обладает слухом, пела про себя. К тому же, к празднику разучивали песню «Утес моего спасения», и она ощутила себя обманутой. В песне речь шла о благословении дома молитвы и, главное, об обновлении жертвенника.

Она громко заявила, что не будет петь о жертвоприношении, восхвалять убийство. Святость и принесение жертвы нельзя связывать. Евреи не убивают и не освящают убийство! Народ Израиля не может очистить и освятить жертвенник убийством врагов. Это путь других народов. Любая резня порождает новую резню, и всякая чистка влечет за собой новую чистку. «Очень странная девочка», — подумали про Бертель. Бертель уверенно заявила, что ненавидит праздник Хануку, но любит историю о Хане и семи ее сыновьях.

Несколько месяцев она не принимала участие в жизни скаутов. Но вот в клубе появился молодой израильтянин, красивый юноша Мордехай Шенхави, посланец движения «Ашомер Ацаир» (Молодой Страж, еще точнее — молодогвардеец), активист организации социалистов-сионистов. Он открыто и ясно разъяснил, что приехал из Палестины в Германию с единственной целью — создать здесь филиал организации «Ашомер Ацаир», чтобы в дальнейшем подготовить еврейскую молодежь к репатриации. Халуц, член кибуца «Мишмар Аэмек» (Защитники долины), он, по приглашению главы движения скаутов Гильде Павловича, присоединился к деятельности скаутов.

— Как тебя зовут? — обратился он к стоящей особняком Бертель.

— Бертель.

— Бертель? — улыбнулся, обнажив свои белоснежные зубы. — Почему тебе дали такое имя — Бертель?

— В честь моей тети, — она не отводила глаз от его сверкающих зубов. — Я ненавижу свое имя.

— Я буду тебя звать красивым ивритским именем — Наоми. Ты и вправду очень приятная и обходительная девочка, — он разъяснил ей смысл этого имени и рассказал о библейской Наоми.

На-о-ми — звуки и вправду мягкие и приятные, волшебные звуки Божественного языка. Приятное чувство растекается по всему телу, словно что-то тяжкое спадает с нее. Никакой Берты, теперь она только Наоми!!!. В доме смеются. Никто не относится всерьез к требованию отныне называть ее Наоми.

Пока инструктор из Израиля был в клубе, Бертель не

пропускала ни одного занятия. До сих пор движение было аполитичным, но теперь к нему присоединились инструкторы с социалистическим мировоззрением. Они мечтали стать пионерами Израиля. Даже Люба, которая провозглашала себя коммунисткой, присоединилась к ним. Люба — невысокая, худая, спортивная девушка, смуглая, темноволосая, с короткой, «под мальчика», стрижкой, нежными чертами загорелого лица и пронзительным взглядом. Люба — девушка харизматичная, берет все призы на конкурсах песни и на спортивных соревнованиях. В молодежном движении не забывают ее мужественного поступка. Однажды во время похода в лес к скаутам приблизились два лесника. Вели они себя грубо, напугав скаутов.

— Жиды! Жиды! Убирайтесь отсюда, не оскверняйте немецкие леса! — орали они.

— Лес принадлежит всем! Право каждого быть здесь! — ответила инструктор Люба наглым и грубым лесникам.

Скауты взбодрились, услышав ее решительный голос, и перешли в наступление, скандируя хором:

— Убирайтесь отсюда сами! Леса принадлежат всем!

Лесники не ожидали от евреев такого дерзкого отпора, попятились и исчезли в глубине леса. Скауты громко запели победную песню.

Инструкторы-социалисты выделяют Бертель. Относятся к двенадцатилетней девочке как к взрослой, перегнавшей в развтии более старших. Прислушиваются к ее мнению. Не только из нравоучений отца и лекций Фердинанда она узнает об идеологических течениях прошлого и настоящего. Садовник Зиммель также участвует в ее политическом воспитании. Он знакомит девочку с основами коммунизма, умеренного социализма, национал-социализма и социал-демократии. Он дал ей прочитать «Коммунистический манифест», воспламенивший мир, и сказал, что очень ценит мудрость Карла Маркса. Однако, по его мнению, Маркс во многом ошибался. Как социал-демократ, Зиммель отрицает классовую борьбу, хотя резко выступает против эксплуатации рабочего класса.

Садовник Зиммель — воспитанник рабочей школы имени Августа Бебеля, получил уроки социал-демократии из уст самого Бебеля, одного из главных идеологов социал-демократического движения. Садовник рад краху монархии Гогенцоллернов, но его беспокоят экономические трудности Веймарской республики и общественный кризис.

Он объясняет Бертель, что потеря государством своих моральных ценностей и обязательство платить врагам огромную контрибуцию за урон, нанесенный им войной, настоящая

катастрофа для страны. Более того, после подписания Версальского договора американский президент Вильсон не выполнил своих обещаний. Конгресс в Вашингтоне не утвердил обещанную экономическую помощь Веймарской республике. Эта задержка весьма опасна для Германии: инфляция не перестает расти вверх, и с ней невероятно растут налоги. Граждане страдают, народ бунтует, и его партия рушится на глазах. Ведь германская армия — «рейхсвер» — сохраняет нейтралитет и не занимает твердую позицию против бунтовщиков, борющихся с Веймарской республикой.

Бертель рассказывает инструкторам все, что слышит от Зиммеля и черпает из бесед между ним и отцом во время прогулок по саду. Взрослые говорят о нежелании армии подавить попытки переворота. Бертель понимает, что народ, привыкший к монархии, не принял власть социал-демократии. Безумное высокомерие крупных капиталистов может привести к государственному перевороту и принести в жертву миллионы граждан. Германия скатится в ад. Все ощущения Бертель говорят ей о справедливости тревог отца и Зиммеля. Канцлер Брюнинг возражает против требования президента Гинденбурга ввести в коалиционное правительство представителей правых сил. Правящая партия, членом которой является и садовник Зиммель, весьма слаба и терпит поражение за поражением в попытке объединить народ, укрепить экономику, побороть террор и насилие и заставить население соблюдать законы. Слабости эти усиливаются в течение последних десяти лет, и налицо разочарование существующей властью, которая не в силах управлять страной. Отец и садовник, а вслед за ними и Бертель всерьез обеспокоены невозможностью правящей социал-демократической партии использовать свой политический капитал. Если бы война была остановлена, размышляет Бертель, отец был бы здоров, а народ бы так не страдал, никто бы не ринулся за нацистской партией, которая возникла в год рождения Бертель — в 1918-м.

Инструкторы относятся к ней, как взрослой, но в походах и различных соревнованиях скаутов она устает и стушевывается. Она все же хрупкая и странная, поэтому ее всегда сопровождает кто-то из инструкторов. Она хочет быть такой же самостоятельной, как все. Чтобы закалиться и укрепить мышцы, она проходит пешком много километров по огромному лесу, граничащему с Берлином. И не просто ходит, а еще перепрыгивает через пни, чтобы доказать себе, что она достойна быть халуцем, подобно врачу и цитрусоводу Зееву Брину и приехавшему из страны Обетованной инструктору Мордехаю

Шенхави, который обучает их сионизму и социализму. Силы воли и упорства ей не хватило, и, прыгнув через яму, она сломала ногу. Отец увидел ее ногу в гипсе и сделал серьезный выговор инструкторам, сопровождавшим девочку — Любе и Бадольфу. Они и привели ее домой. Отец обвинил в случившемся молодежное движение, и с тех пор с Бертель не спускают глаз. Коммунистка Люба навещала ее все время, пока с ноги девочки не сняли гипс.

Отец говорит о Любе, интеллигентной девушке, приехавшей из России в Германию, что она весьма оригинальна, но особым интеллектом не отличается. Наткнувшись на нее в коридоре, он пригласил ее на обед и ужин. Бертель обрадовалась: еще бы, коммунистка отлично чувствует себя в буржуазном доме, и домочадцы также дружески относятся к Любе, не принимая всерьез некоторые ее политические высказывания. Она увлечена революционными идеями, провозглашая, что каждый отдельный индивид обязан жертвовать собой во имя коллектива. Домочадцы с удивительной терпеливостью и интересом прислушиваются к ее речам, хотя никто из них с ней не согласен. Кстати, Фердинанд и старшие братья и сестры весьма удивлены произошедшей в России коммунистической революцией, рассматривая ее издалека.

— Коммунистическая идеология не подходит такой прогрессивной стране, как Германия, но, конечно же, она подходит такой примитивной стране, как Россия, — считают Фердинанд и Лотшин.

— В мире есть место для всех наций и государств. Мир не делится по классовому принципу, — говорит Гейнц.

Бертель прислушивается к взрослым, и каждый раз становится в тупик: но кто я? Вопрос национальной идентичности и собственной индивидуальности все более и более не дает ей покоя. Отец твердит, что их еврейство существует лишь в стенах дома, но такое еврейство ей чуждо, и она не может преодолеть эту отчужденность. Она ничего не знает о еврейских праздниках. Они отмечают только Судный день, священный для евреев. В этот день ворота фабрики запираются с утра до двенадцати часов. Вместе с отцом и дедом она посещает большую реформистскую синагогу Берлина. Это течение, основанное реформистом и философом Моисеем Мендельсоном.

Когда дед вспоминает церемонию открытия этой роскошной синагоги, он подкручивает усы и заливается хохотом.

— Они хотели, чтобы кто-нибудь из уважаемых членов общины поднес ключи от синагоги кайзеру Вильгельму. Сам Кайзер должен был открыть двери синагоги. Понятно, что я, как

один из верноподданных кайзера, был избран, чтобы торжественно встретить Его величество и поднести ему ключ.

Дед выпрямляется во весь рост, гордо поднимает голову, словно в эту минуту кайзер стоит перед ним, и продолжает патетически, словно находится на театральных подмостках, рассказывать:

— По еврейскому обычаю плечи мои облекал талес, и кайзер обратился ко мне: «Господин раввин».

В реформистской синагоге дед встречается с друзьями и общиной. Дед подкручивает вверх кончики усов, поправляет черный цилиндр на голове, проводит ладонями по атласу белой одежды, и глаза его устремляются вдаль, разыскивая извозчика и карету. Дед не терпит звуков автомобильных клаксонов, он отвергает прогресс только, если речь идет об автомобилях.

Артур сдерживает гнев. Всякое равенство и свобода — понятия, оставленные нам в наследство поколением деда — это, по сути, равенство в жестокой эксплуатации равенства и свободы.

— В наших пригородах ты не найдешь ни коня, ни кучера, — обращается Артур к отцу.

— Артур, автомобили воняют! Нога моя не ступит в них.

Дед ударяет тростью и ускоряет шаг в сторону центра города. Рядом с зоопарком он находит роскошную карету с кучером.

Потом, улыбаясь, выпрямив спину, демонстрируя отличное настроение, он переступает порог синагоги, и взоры всех молящихся обращены на него, словно он и есть кайзер собственной персоной, или сын кайзера. Дед всех озаряет доброй улыбкой и одаряет даже служек синагоги дорогими сигарами.

Артур видит отца, и на лице сына застывает хмурое выражение отчужденности. Кажется, что молитвы и пение Псалмов отходят на второй план, когда уважаемый Яков Френкель замечен очами и очками своих качающихся в молитве поклонников. Бертель замечает смущение отца, и взгляд ее тоже становится отчужденным и осуждающим.

В каждый Судный день появление деда нарушает святость. В последний Судный день молящиеся не забыли ему напомнить историю, которая гуляла в берлинской общине. Ему пожимали руку, помня, что его поступок все еще вызывает смех и гнев.

Рассказывают, что он пошел выразить соболезнование ортодоксальной еврейской семье в связи с кончиной старика-отца. Не хватало десятого мужчины для миньяна, чтобы прочесть поминальную молитву. И дед вышел на улицу, чтобы решить эту проблему. Перешагнув порог дома скорбящего семейства, натолкнулся на прохожего.

— Парень, — прокашливается дед, прочищая горло, —

хочешь заработать десять марок?

— Почему бы нет? Что я должен для этого сделать?

— Ничего особенного. Зайдешь со мной в этот дом. Увидишь там девять мужчин, скорбящих по поводу смерти старика-отца. Ты ничего не должен делать, только тихо стоять до окончания молитвы. Не бойся. Тебе ничего плохого не сделают. Получишь десять марок и уйдешь.

Дед вошел в дом, радуясь быстрому разрешению проблемы. Мужчины молились, и все шло, как полагается. Парень получил деньги и ушел. Мужчины повернулись к деду и начали допрашивать его — кто этот человек.

— Будьте спокойны. Он был очень порядочным гоем.

— Ты привел гоя десятым — на миньян?!

— Почему бы нет? Это стоило мне десять марок.

Мужчины нахмурились, но дед не чувствовал на себе никакого греха.

— Что плохого сделал вам парень? Тихо стоял. Вел себя деликатно. Я нашел весьма порядочного гоя.

Смех и боль смешались в доме траура.

— Уважаемый господин Френкель, вы что, не знаете, что только еврей может участвовать в этой молитве.

— Что вдруг? Траур — это что, только еврейское дело?

Мужчины разошлись по своим домам, дед вернулся домой оскорбленным.

— По какой причине и по какому поводу все так взволновались? — жаловался дед сыну. — Я ведь сделал доброе дело скорбящему дому. Десятый выполнил соглашение между нами и выстоял до конца молитвы.

— Ты что, не знаешь, что нельзя гою находиться среди евреев, да еще в такой трагический момент? — Артур бросил недоуменный взгляд на отца.

— Очень странная традиция, — сказал дед, покручивая кончики усов вверх.

На следующий день пришел доктор Филипп Коцовер, давясь от смеха:

— Уважаемый господин Френкель, что я слышал. Вы привели десятым на миньян гоя?

Выяснилось, что эта история почти мгновенно распространилась. Дед не очень расстроился и даже обрадовался:

— Можете говорить, что хотите, но я спас молитву, — философствовал он по поводу этого случая в Судные дни — единственные дни, когда он посещал синагогу. Молящиеся евреи не оставались в долгу:

— Господин Френкель, как здоровье вашего гоя? Он остался

живым после молитвы?

Дед размышляет вслух:

— Почему нельзя, чтобы в молитве участвовало только девять человек?

Артур сердито смотрит на своего отца. Бертель прижимается к Артуру, выражая с ним солидарность. Дед говорит:

— Что, маленькая ревнительница еврейства со мной не согласна? — и усы его трясутся от смеха.

Один из Судных дней особенно запечатлелся в памяти Бертель. Во время молитвы ее охватывало чувство отчужденности. Вдруг она услышала — «Слушай, Израиль» — «Шма, Исраэль» — два слова на древнееврейском языке в молитве, произносимой по-немецки. И душа ее воспарила. Внутренний порыв вынес ее из синагоги на улицу.

Трамваи, битком набитые рабочими, неслись вдоль шоссе, гудели клаксоны автомобилей, а она, как загипнотизированная, шла вслед двум тощим бородатым евреям в круглых черных шляпах и черных пальто. Зашла за ними в скромный неказистый домик, и глубокий взволнованный голос кантора навел на нее страх и священный трепет. Мелодия и незнакомые ей слова поразили душу, и губы пытались повторять звуки гортанного напева. Она бормотала, как молящиеся религиозные женщины в париках. Они раскачивались в молитве, и Бертель повторяла за ними движения. Одна женщина заметила маленькую девочку, которая, подобно рыбе, безмолвно разевала и закрывала рот, и сделала ей строгое замечание: «Девочка, в синагоге нельзя насмехаться над теми, кто молится». В один миг Бертель оказалась под прицелом десятков осуждающих глаз. Бертель не поняла, в чем она виновата. Она ведь делала точно так, как все окружающие ее женщины. Околдованная святостью молитвы, в которой не понимала ни слова, она не покинула молельный дом. И лишь к вечеру вернулась домой, где все были охвачены паникой, сообщили в полицию о ее исчезновении и передали туда ее фото.

Отец, в который раз, строго-настрого запретил девочке одной выходить из дому, а если все-таки ей необходимо уйти, то сообщать, куда и на сколько.

Прошло много времени с этого дня. Нацисты вовсю бесчинствуют на улицах города, и напряжение в доме все больше усиливается.

Гейнц кожей чувствует, как зловещая провокация Гитлера нагнетает в стране, да и во всем мире, атмосферу неустойчивости, способствует беспорядкам и насилию, вводит массы в безумие по воле лидера-маньяка.

— Артур, сын мой, все это так, но ведь есть еще важные и положительные вещи в жизни! — дед смотрит на книги и рукописи, которыми завален письменный стол Артура. Он отмахивается от замечаний старшего внука, чтобы снова не быть втянутым в тяжкую и неприятную дискуссию.

Это напряжение сводит с ума Гейнца. Его обвинили в том, что он косвенно поддерживает Гитлера, ибо сотрудничает с гигантской корпорацией Круппа. Дед глубоко затягивается сигарой и с удовольствием выпускает кольца ароматного дыма. Дед серьезно боится, что Гейнц своими пророчествами катастрофы расстроит больного сына. Дед, Артур и Гейнц глубоко погрузились в кресла. На столе в чашках дымится кофе, горкой лежат печенье и марципаны. Тонкие струйки дыма от сигарет смешиваются с облаком ароматного дыма сигары деда.

— Положение тяжелое, — повторяет Гейнц, нарушая покой кабинета.

Напряжение требует разрядки — какой-то исчерпывающей, умеренной реакции деда. Неужели его умный внук верит в то, что этот клоун сумеет вскружить голову немецкому народу своими истерическими позорными воплями против тех, кто стремится к миру, — вслух размышляет дед, не ожидая ответа от сына и внука. Гитлер призывает к ненависти и вызывает отвращение своими нападками, играя на иррациональных инстинктах. Дед, германский патриот, не будет терпеть и не допустит отчаяния в доме:

— Просвещенная Германия будет прислушиваться к злословию и клевете этого идиота?! Народ еще зализывает раны Мировой войны, но, в конце концов, должен вернуться к нормальному существованию и разумной оценке всего, что случилось, во имя своего будущего. Я родился в Германии, я знаю эту страну.

Артур поддерживает его:

— Германия — культурная страна. Она не пойдет за таким клоуном, как Гитлер. Народ преодолеет безработицу и вернется к нормальному состоянию.

Гейнц не успокаивается. Дед и отец не улавливают резкого изменения пропаганды. Йозеф Геббельс, мастер современных средств массовой информации, со своими помощниками, отравляет мозги масс новейшей технологией лживой пропаганды, с большим успехом завоевывая миллионы поклонников. «Развлечение великолепно служит хорошей пропаганде». Геббельс, по сути, насилует массы своей пропагандой, тонко продуманной, и еще никогда с такой мощью, не промывавшей мозги граждан Третьего рейха. Такого, можно сказать,

«гроссмейстера» в этом деле Германия не знала. Верная Геббельсу пропагандистская машина организует собрания и массовые сборища. Этот человек, стоящий во главе пропагандистской машины, продает народу наглую, неприкрытую ложь. Всяческими блестящими уловками он отупляет мозги масс, зажигает в их душах ненависть агрессивной нацистской пропагандой. По улицам без конца маршируют нацистские батальоны Гитлера. Лозунги, листовки, гигантские знамена и флажки, статьи, радиопередачи… Ролики, демонстрируемые в кинотеатрах, факельные шествия, театральные представления, ревущие микрофоны и рупоры, беспрерывно изрыгающие в — «Хайль Гитлер» и патриотические песни, — все это обрушивается на страну, подавляет, вводит в состояние безумия весь народ. По всей стране созданы специальные нацистские школы, где будущих нацистских лидеров уверенно учат, что только Гитлер в силах создать тысячелетний рейх. Сколько раз бы не проходили его верные рабы мимо портрета вождя, они отдают ему честь.

Гейнц потерял покой. Бледный человечек, выходец из мелкобуржуазной семьи, сумел околдовать сброд. Он разжигает ненависть толпы к евреям, коммунистам, ко всем, кто не верит в превосходство арийской расы, и угрожает уничтожить всех, кто стоит у него на пути. Гитлер заходится в истерике: «Головы будут размозжены!» Толпа впадает в транс.

Гейнц серьезно обеспокоен: новая реальность не может пробить благодушие отца и деда. Ни социал-демократы, ни коммунисты не в силах сдержать подъем и натиск сильнейшей оппозиции под руководством Адольфа Гитлера. Нацисты представляют центральную политическую силу. Буржуа теряют влияние в экономике. Акулы капитала склонны финансово поддержать сильное правое правительство. Гейнц чувствует угрозу в сближении вождей тяжелой промышленности с нацистской партией.

— Надо готовиться к трудным дням, — Гейнц пытается заставить отца и деда прислушаться к голосу разума.

— Ты что, черный ворон, предвещающий несчастья?! — дед морщит лоб и отмахивается от внука. Артур качает головой в поддержку деда.

— О чем вы говорите?! — вскакивает Гейнц. — Миллионы безработных идут за коммунистами или нацистами. Их роты растут на глазах изо дня в день. Вы что, не понимаете? Немцы, уставшие от неизвестности, ищут надежду в пустых и опасных фантазиях.

— Народ проснется. Невозможно обмануть немецкий народ, — терпение деда лопнуло.

Такой немецкий патриот, как он, не может выдержать высокомерия внука, который так легкомысленно угрожает своими прогнозами здоровью его больного сына. Гейнц же упрямо пытается здраво разобраться в положении страны и сделать выводы. Германия пострадала от мирового экономического кризиса более любой другой страны в мире и не может из него выбраться.

Гейнц — дитя двадцатого века, голубоглазый блондин, широкоплечий атлет. Ни одна черта его лица не указывает на еврейское происхождение. Время тяжелое, политические волны захлестывают, и он, как цирковой канатоходец, ступает над пропастью. Гейнц не остановится ни перед чем ради спасения фабрики — главного источника благополучия семьи. В поисках путей спасения он завязывает беседы в трактирах с представителями среднего класса, даже если они являются членами нацистской партии, что вызывает недовольство отца.

Гейнц сблизился с общественной прослойкой, возникшей после Мировой войны, приводит в дом людей из низкого общества. Офицер полиции, не способный поддерживать беседу о Гегеле, Канте или Ницше, при всем при этом чувствует себя у Френкелей, как у себя дома. Он встречается в компаниях с Гейнцем и не отрывает пылающих глаз от красавицы Лотшин. Адвокат Рихард Функе, близкий к верхушке нацистской партии, познакомил Гейнца с этим мужественным полицейским. Дед успокаивает Артура, убеждая его, что времена изменились. Сейчас надо делать такое, о чем неделю назад нельзя было даже подумать. Дед уверяет сына, что бдительно следит за детьми.

— Надо готовиться к тяжелым дням, — не устает повторять Гейнц, сидя в кресле и нервно покачивая ногой.

Изо дня в день по дороге на фабрику терзают его взгляд гигантские плакаты с чудовищной величины буквами и свастикой. Плакаты приклеены к фонарным столбам, к доскам объявлений, в любом возможном и невозможном месте, как предостерегающие знаки, предвещающие недоброе. Нацистские флаги тысячами пестрят на зданиях. Нервы Гейнца натянуты до предела. На шумных демонстрациях клубятся массы вопящих людей. Свистят, распарывая воздух, резиновые нагайки полицейских, гудят клаксонами полицейские машины. Плакаты, расклеенные в переулках, насилуют взгляд и мозг — «Хайль Гитлер» и «Рот фронт», «Гитлера к власти!» «Сегодня Германия — наша! Завтра наш — весь мир!»

Со времени Мировой войны семейная фабрика перестала быть одной из самых больших в стране. Параллельно с ростом и усилением литейных гигантов, средние металлургические

заводы, которые сумели устоять, резко сократили выпуск продукции. Не видя иного выхода, Гейнц просит сестру, с ее красотой и неотразимой походкой, помочь привлечь к семейному делу сомнительных бизнесменов. Дружба с ними явно способствует успехам фабрики.

— Вы просто не знакомы с простым Берлином, — горько сетует Гейнц.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — прерывает его на полуслове дед, — но после Мировой войны Германия не ввяжется в новую авантюру солдафонов.

Инвалиды войны заполняют улицы рабочего Берлина, здесь царствуют безработица, преступность, экономическая неустойчивость, удрученность…

— Не будь черным вороном, еще накаркаешь беду, — корит дед внука. — Гитлер горит желанием развязать новую войну, призывает вернуть территории, которые забрали у потерпевшей поражение Германии. Успокойся, немцы не ввяжутся в новую войну.

Высокий, тощий, гибкий дед ходит по комнате из угла в угол.

— Гитлер вообще австриец, — вмешивается в разговор Артур.

— Австрийцы всегда были антисемитами, — говорит дед.

— Гитлер не понимает немцев, — добавляет Артур.

— Критерий, по которому можно судить, чего действительно желают немцы — это возникающие, как грибы, дома развлечений и растущая популярность Брехта. Везде распевают его куплеты, а ведь это переводы с английского на немецкий язык.

Дед поддерживает сына:

— Театры, кинотеатры, кабаре полны до отказа. Мы живем в период расцвета германской культуры, и кто в центре культурного возрождения, как не евреи.

— Культурное возрождение. О нем нацисты говорят, что это вовсе не германская культура, а настоящую германскую культуру уничтожают евреи, — Гейнц глубоко затягивается табачным дымом.

Дед продолжает свое, с удивлением говорит о Марлен Дитрих, которую пригласили в Голливуд, и о еврейке Элизабет Бергнер, подруге Лотшин.

Дым в кабинете сгущается. Огонек сигареты Гейнца вспыхивает при каждой затяжке.

Отношения между дедом и сыном не очень гладки. Фабрика не приносит больших прибылей, но и больших потерь тоже нет. Гейнц чувствует себя одиноким в мире бизнеса. Дед спрашивает, почему не вносят новшества в работу фабрики, а сын его, либерал, пребывает в мечтах: верит в вечность разума, который

не обманет, и Гейнца это ужасно удручает. Насилие и агрессивность охватывают общество, как эпидемия, и не с кем говорить. С дедом? Времена изменились, а он радостно и добродушно откармливает на своей усадьбе свиней и гусей, совершает поездки верхом со своим соседом-графом или сидит с ним в его большой беседке и видит себя лидером в городке. Внешние силы — нацисты, коммунисты, церковь — становятся все мощнее, а дед продолжает смеяться, и это смех победителя, не знающего сдержанности:

— Просвещенный немецкий народ не примет Гитлера. Британия — держава, она не будет сидеть, сложа руки, если Гитлер придет к власти. Мир этого не позволит. Факт остается фактом, по Версальскому договору немцев очень ограничили.

Гейнц неспокоен. Дед совершенно не думает о том, что его семье угрожает опасность. Не будет подписано соглашение с городскими газовыми предприятиями — они обанкротятся. Гейнц же, по дороге на фабрику, пересекая заброшенное пространство между Берлином и фабричным поселком, натыкается взглядом на замершие предприятия, хозяева которых разорились, и на скелеты недостроенных в результате экономического кризиса и большой безработицы жилых домов. Эта картина вызывает у Гейнца серьезное беспокойство по поводу будущего их фабрики.

Автомобиль приближается к стенам, обклеенным плакатами, — «Забастовка металлургов», «Хлеба, свободы, власти». С того момента, как нацистская фракция получила почетное место в рейхстаге, антисемитские плакаты «Жид, Ицик» покрывают стены. Последние выборы вселили в Гейнца сильное беспокойство. С двенадцати депутатов нацистская партия взлетела до ста семи! Кто, как ни акулы промышленности купили эти места для нацистской партии! Гейнц страдает от бессонницы. Ощущение, что веревка может захлестнуться на его шее, сильно треплет нервы, и не только потому, что производство на фабрике замерло и приносит большие убытки вследствие забастовки ста сорока тысяч металлургов, длящейся несколько дней.

Несколько месяцев назад предприятия городского газового хозяйства прислали заказ на обновление оборудования. Цена был принята и договор готов. Но вот уже на несколько недель задерживается подпись заказа со стороны городского хозяйства. Кто-то намеренно задерживает процесс.

— Гейнц, подкупи их деньгами, ухищрениями, обманом, но не честью! — дед стучит тростью, и усы его подрагивают. — Сохраняй хладнокровие!

Артур поднимает голову.

— Времена нелегкие. Новые факторы влияют на

экономику, — охлаждает Гейнц прыть деда.

— Артур, я не принимаю пессимизм Гейнца. Все может быть совсем по-другому, — дед встает со своего места, ехидно улыбаясь поверх головы внука и читая ему нотацию:

— Ты щеголяешь черной меланхолией, во времена моей молодости никто не смел открыто и громогласно проявлять беспокойство и тревогу.

Дед и Гейнц — два чуждых друг другу мира. Гейнц относится к рабочим с отчужденностью и высокомерием. Дед общается с рабочими на равных. В старые добрые времена он стоял у ворот фабрики, душевно встречая литейщиков, входил в литейный цех в своих блестящих лаковых туфлях, сбрасывал пальто, ослаблял галстук, закатывал рукава и вместе с руководителем смены обходил цеха. Только после этого возвращался в контору. Туфли его были покрыты пылью, волосы и лицо темнели от копоти, а светлая рубаха чернела. По окончании рабочего дня он возвращался к воротам и пожимал руку каждого литейщика, называя его по имени.

Гейнц пытается вставить слово, но дед не дает ему это сделать, подкалывает его по поводу часов и карточек, отмечающих время прихода рабочих на фабрику:

— В этом корень зла! Когда нет прямого контакта между хозяином и его рабочими, они обращаются к политике и забастовкам!

Все трое подолгу сидят, не произнося ни слова. Чтобы каким-то образом заполнить молчание размышлениями, Гейнц обдумывает проблемы, которые необходимо немедленно разрешить. Дед не обращает внимания на его отрешенный вид.

— Какие мощные рабочие были в прошлом, уходили в леса и бастовали по поводу повышения цен на пиво. Немецкий рабочий — человек сильный и справедливый — не даст обмануть себя даже на один пфенниг, — дед отдается воспоминаниям минувших дней и нарушает молчание.

— Когда грянула «пивная» забастовка первого мая, — продолжает дед, — в знак солидарности с забастовщиками я не уходил из трактира.

Дед, буржуа из буржуазной семьи, поздравил рабочих с победой и важным достижением, которого добились представители забастовщиков от имени социал-демократической партии у хозяев пивных: два бокала пива будут стоить двадцать пять пфеннигов вместо двадцати шести. Довольные рабочие отвечали: «Уважаемый господин, действительно забастовка завершилась колоссальным успехом».

Такого контакта с простыми рабочими не могут наладить ни

Артур, ни его сын, два интеллектуала, думает про себя дед, не очень расстраиваясь в связи с большими убытками, о которых внук ему подробно сообщил. Забастовка десятков тысяч литейщиков и влияние этого на их семейное предприятие пробуждает у деда приятные воспоминания. Литейщики тогда бастовали, требуя обновления рабочей одежды, быстро ветшающей от пекла в цеху. Но он не сдался пикету рабочих, не пропускающих его в ворота фабрики.

— Я сам направил галопом лошадей моей пролетки прямо в гущу пикетчиков, — дед ударяет кулаком по столу. — «Алладин, отвори ворота своему хозяину!» — громко закричал я, и, соскочив с пролетки, бросился в толпу забастовщиков, схватил за грудки сукиного сына, заварившего кашу, и тряс его до тех пор, пока он своими руками не открыл ворота, и тут же забастовка прекратилась.

Вокруг нищета, безработица, банкротство больших банков, падение промышленных предприятий — заводов и фабрик, но лозунг Бисмарка «кровь и железо» пульсирует в жилах деда, пионера промышленной революции. «Из любой беды можно выбраться благодаря человеческой мудрости», — любит повторять дед, и бурная эпоха отцов-основателей живет в его памяти. Дед не удовлетворялся литьем ванн для купания, но добился заказа на конвейерный выпуск обойм для патронов. Он даже преуспел в том, что сумел пробить путь в закрытый круг акул литейной промышленности, хранящих верность чистоте германской нации и не заключающих сделок с евреями. Дед, который не ведал неудач в жизни, просто отметал мысль о том, что финансовое падение лишит семью литейной фабрики. Как и в добрые дни кайзера Вильгельма и канцлера Бисмарка он и сегодня продолжает быть победителем в жизни.

Трудные дни?! Благодаря деду, фабрика выиграла конкурс на большой заказ муниципалитета — серийное литье из стали голов великого поэта Гёте.

— Только с открытой душой можно совершать отличные сделки, — повышает дед голос на внука.

Отец бросает испытующие взгляды на ожесточенное выражение лица сына. Невозможности высказать деду все накопившееся на душе изматывает Гейнца. Он старается скрыть страх ожидания банкротства семейного предприятия. Кончилась эпоха отцов-основателей. Нищета и нужда выбрасывают на уличные демонстрации столицы толпы людей. Разоряются промышленные гиганты, крупные банки, фабрики. Насилие охватило страну. Артур понимает сына, но не дед.

— Этот кризис пройдет. Мы не вернемся к темным дням

средневековья. Из-за нужды растет антисемитизм в среде народа, но нельзя даже подумать о том, что правительство передаст хозяйство страны в руки кучки авантюристов.

Законы чрезвычайного положения только усиливают хаос. У здания коммунистической партии были столкновения красных с коричневыми. Нацисты нападают на еврейские магазины, и в переулках, где проживают евреи, организовались отряды еврейской самообороны. Но дед словно отмежевался от реальности, признавая лишь то, что видны признаки ухудшения ситуации, и надо быть бдительными. Вот и сосед его, граф, перестал просить у него в долг деньги. Несомненно, он просит деньги у других богачей, тех самых акул промышленности, которые возрождают юнкерство.

— Следует ввести в руководство нашей фабрики христианина, у которого есть связи в муниципалитете, — говорит Гейнц, жуя кончик сигареты, выпуская облако дыма. В последнее время он посещает подвалы, которые превращены в места развлечений, ища компаньонов в своем деле. Антисемитизм особенно проявится в среде металлургов. В этом Гейнц убежден. И ему кажется, что он поймал на удочку хоть и сомнительный, но необходимый улов — человека, который может тянуть за ниточки руководство берлинского муниципалитета. Так он встречается в известном ресторане с адвокатом доктором Рихардом Функе, на лице которого шрамы от шпаг времен студенческой юности, и размышляет о том, можно ли вообще доверять этому нацисту. Функе также не отрывает своих хищных голубых глаз от Гейнца, поглаживает свои светлые жидковатые волосы на голове и требуетот еврея слишком высокую цену за услуги. Гейнц готов на все, чтобы только предотвратить банкротство. Моральные принципы, которые он получил от предыдущих поколений, затуманиваются дымом, выходящим из труб доменных печей.

Лотшин понимает, что творится на душе Гейнца. Из бесед с бизнесменами, которых брат приглашает в гости, она сделала вывод о новых правилах, которые должно усвоить в это смутное время, извиваясь по-змеиному, чтобы сохранить свое дело. В жестоких условиях торговли во время кризиса и растущей коррупции литейная фабрика сохраняет стабильность. Гейнц — весьма трезвый бизнесмен — маневрирует между миновавшим и накатывающим кризисом, а ведь ему еще не исполнилось и двадцати пяти лет. Экономическая буря конца двадцатых годов двадцатого века пронеслась, но мировой экономический кризис углубляется.

Резко выросла безработица. Рабочие бастуют, подстрекаемые экстремистки настроенными политиками. Глубокое отчаяние

влечет за собой волну самоубийств. Столкновения на улицах усиливаются. Кровопролития и взаимная ругань ширится между политическими противниками. Богачи и юнкеры напуганы усилением позиций коммунистов. Резкое падение общественного и экономического статуса заставляет их присоединиться к национал-социалистической партии. Толпа аплодирует батальонам эсэй и эсэс, которые множатся по всей стране. Правительство проявляет слабость, распространяя атмосферу отчаяния. Предвыборная программа нацистов завоевывает сердца граждан. Немецкий народ истосковался по порядку, по экономической и политической устойчивости.

— Не видно, чтобы эта безумная инфляция остановилась.

Дед не выдерживает одержимость внука курением.

— Хватит глотать дым, Гейнц.

Дед прокашливается и сообщает, что встретится с адвокатом Функе. Гейнц встает с кресла и с облегчением отвешивает поклон, словно тяжесть свалилась с плеч. Бертель замирает у двери кабинета. Гейнц натыкается на сестру.

— Трулия? Ты что тут делаешь?

Около получаса она подслушивала беседу, все дожидаясь паузы, чтобы войти.

Гейнц обещает помочь скаутам. А пока на своем черном автомобиле едет в кафе на Фридрихштрассе.

Охваченный страхом, Артур сидел среди публики в здании еврейской общины на улице Августа Бебеля на спектакле, посвященном Теодору Герцлю, который поставили вожатые скаутов. Главную роль играла его дочь, переодетая в старуху, невысокая и с обнаженной спиной. Малокультурные постановщики не удовлетворились тем, что одели дочь в обноски, но и украсили ее голову шляпой, похожей на ночной горшок. То, что его дочь выставили нищенкой на смех зрительного зала, омрачало его лицо. С отвращением Артур переводил взгляд с Бертель на подростка, который стоял перед ней на сцене. Молодой Герцль, долговязый, бородатый, изливал душу старухе-девочке. Он говорил о решении еврейского вопроса и сплочении преследуемого народа в рассеянии по всему миру. Спектакль был основан на главных принципах теории Герцля. Вульгарность происходящего на сцене заставила Артура опустить голову и спрятать лицо. Что случилось с его умной дочерью? Как она могла принять эту плоскую, лишенную всяческой эстетики теорию. Ладно, был бы этот диалог отточен и впечатляющ. Но молодой Герцль нагромождал все в одну кучу, и дочь Артура в ответ декламировала монолог, представляющий от начала до конца пустую болтовню.

Занавес опустился. Бертель перевела дыхание. Перерыв был коротким. Отец раскритиковал в пух и прах спектакль о мечтах, порожденных сионизмом. По дороге домой он требовал от нее придерживаться вкуса и вести себя, как подобает детям из приличных семей. Он не против того, чтобы она была членом социалистического сионистского движения, но при этом она должна быть верна ценностям культуры. Слова отца, подобно клещам, впивались в ее душу. Почему отец с такой решительностью отметает сионизм? Халуцы мужественны, стойки и активны, они делают всё для спасения евреев. Она размышляет о великом пророчестве, но ее мучают какие-то непонятные ей самой сомнения. В душе ее живет чувство, что есть некая правда, которую она упускает. И эта правда скрыта также и от отца. В этой путанице, из которой она пытается выбраться, одно ей ясно: она не будет фальшивой еврейкой. Германия ей чужда. Израиль — ее единственная родина.

И это смятение, как ни странно, разрушает скуку и рутину каждодневного существования. Что-то абсолютно новое врывается в душу, гонит уже привычное одиночество. Новый воспитанник появился среди скаутов — Реувен Вайс, двоюродный брат адвоката доктора Филиппа Коцовера. Фриде мальчик нравится. Мальчик посещает каждый день богатый дом Френкелей, и служанки вздыхают: прибавилась им забота — натирать воском царапины от гвоздей на ботинках мальчика, вдобавок к царапинам от ботинок Бертель. Фрида сердится и смеется.

Реувен очарован домом. Вслух восхищается декорированными стенами, роскошной мебелью, отдыхает в кожаных креслах, наслаждается атмосферой богатства. Он особенно уважительно относится к отцу семейства, дед же его смешит. Более года назад кудрявые сестры-близнецы смеялись над Реувеном. Коренастый низкорослый мальчик был одет в синий субботний костюм, носил галстук, и волосы его были причесаны и напомажены маслом. Это мама нарядила его к посещению богатого дома. Теперь, как член молодежного движения скаутов, он одет в черную рубашку, носит галстук и ботинки, подбитые гвоздями. Лотшин научила его правильному обращению с ножом и вилкой.

Странная дружба возникла между детьми со времени их дежурства в клубе. Во время уборки Реувен спросил, готова ли Бертель быть его подругой. Само собой, она кивнула головой в знак согласия. Ведь, в общем-то, оба они члены организации, то есть товарищи. И теперь он считает своим долгом встречаться с ней каждый день, чем веселит остальных скаутов. В полдень девочки бегут к окнам — увидеть, прикатил ли на велосипеде

еврейский мальчик, невысокий и круглый, вызывающий смех своим видом.

В школе, на улице и дома Бертель все время ощущает неловкость. Реувен же не обращает внимания на ее настроение. В саду носится с Бумбой, все время обвиняет ее в неумении играть в мяч и злится на ее глупые бесконечные вопросы: что это такое — еврей? Откуда ты знаешь, что есть Бог? Почему ты не ешь свинину? Бертель выводит его из себя. В моменты гнева он обвиняет ее в том, что она странная девочка, нелюдимая одиночка, и вообще весь батальон скаутов смеется над ней, хотя бы потому, что она единственная девочка с косичками. Не долго думая, Бертель побежала в большую парикмахерскую, недалеко от Александерплац.

— Чего желает маленькая госпожа? — поклонился ей человек в белом халате.

— Отрезать косы!

— Мать разрешила?

— Разрешила, конечно же, разрешила, — и в груди у нее защемило, от неловкости недопустимого вранья.

— Посидите, маленькая госпожа, пока подойдет ваша очередь.

— Нет! Я тороплюсь, — заставила она парикмахера немедленно отрезать косы, пока не раздумала.

Парикмахер, женщины, сидевшие под колпаками для сушки волос, и девушки, обучающиеся парикмахерскому искусству, засмеялись. Увидев себя в зеркале, Бертель вскочила и убежала на улицу.

— Иисусе! Лягушка! — Фрида встретила ее первой.

— Фуй, фуй! — Бумба обошел «лягушку» с громкими и радостными восклицаниями.

Со всех этажей сбежались домочадцы.

— Сумасшедший раввин женского рода, — дед явился на шум и крики. Покрутил усы, прокашлялся, покачал головой, с трудом выдавил из горла смех.

— Кто отрезал тебе волосы? Чистильщик сапог? — смеялись Эльза и Руфь.

— Эта девочка — сумасшедшая, — глаза Фриды выскочили из орбит.

— Ты — христианка, и ничего не понимаешь! — разрыдалась Бертель, ощутив в этот миг, что совесть ее нечиста. Отец просил ее не срезать черные косы в память о покойной матери, которая их так любила.

— Бертель, я не позволю тебе унижать нашу Фриду! — строгим голосом отчитал ее дед.

Лицо Фриды покраснело. Глаза горели.

— Иисус Христос и святая Мария! С волосами улетучились остатки твоего разума. Сорок лет я растила твоего отца. Растила твоих братьев и сестер. Душа моя исходила болью из-за твоей опухоли. И вдруг ничего не понимаю, потому что я христианка!

— Я уйду из дома! Уеду в Палестину!

— Глупости, зачем тебе уезжать в Австралию?! — поддел дед внучку.

— Я сказала — в Палестину!!!

— Палестина, Австралия — какая разница! Чего тебе жить в пустыне, которую захватили преступники! Ты кто? Преступница или дочь благородного семейства?! В твоем молодежном движении тебя совсем сбили с толку.

Усы деда топорщились и дрожали. Эта помешанная на еврействе малышка насмехается над культурой и стилем жизни семьи, обвиняет семью в том, что связана с частной собственностью. Хуже всего, что своей глупой идеологией девочка выкорчевывает духовные принципы больного отца. Дед гневается. Стараясь обрадовать внучку, он внес пожертвование в Основной фонд этих ее сионистов, но есть предел ее сумасшествиям. Все ей мешает: свиньи на его усадьбе, елки на праздник Рождества. Не дает ей покоя уважительное отношение отца к Иисусу.

— Оставьте ее в покое. Нет никакой беды. Волосы у нее отрастут, — Лотшин пытается всех успокоить, а Гейнц гладит ее остриженную голову.

Сухой кашель возвещает появление в гостиной Артура. Воцаряется тишина. Глаза всех устремлены на отца, состояние здоровья которого в последние дни вызывает тревогу.

— В молодежной организации не носят длинные волосы, — извиняется Бертель перед отцом, не перестающим кашлять и приглашающим ее на беседу в свой кабинет.

— У тебя мягкие волосы, такие же были у твоей матери.

Голос отца не сердитый, но в нем, все же, ощутима досада, что она не подумала о матери, совершая свой поступок. Увидев дочь, отец скривился, но тут же взял себя в руки.

— Да, это не очень красиво, но так ты более походишь на скаутов.

Бертель замкнулась. Она понимала, что короткая стрижка делает ее лицо еще более некрасивым, но чтобы быть похожей на скаутов, она готова вынести любую душевную боль.

В эти дни характер клуба скаутов меняется. В знак протеста против антисемитизма вожатые-социалисты заставляют скаутов все время ходить в форме. Артур не выносит черную рабочую рубаху и всякие металлические эмблемы вдобавок к грубым

ботинкам, подкованным гвоздями. Доктор Герман сказал Артуру, что в последнее время Бертель, единственная во всей школе, ходит в форме скаута и просил, чтобы она сменила одежду к празднованию столетия со дня смерти Гёте, которое состоится в последних числах декабря.

В гимназии имени королевы Луизы началась лихорадочная подготовка к празднику — к вечерам, лекциям, собраниям. Из всех учениц класса Бертель была выбрана для участия в главном представлении. Она должна прочесть большую драматическую поэму Гёте о смерти сына на руках отца. При этом учитывалась феноменальная память девочки. Бертель жаждет выступить на этом чудесном представлении, посвященном Гёте, но при одном условии: выступая, она не снимет свою черную рубаху скаута. Она не нарушит законы молодежного движения. Доктор Герман искал поддержку у своего друга. Не может быть и речи, чтобы ученица выступила в грубых, подкованных гвоздями, ботинках, в черной рубахе, сливающейся с ее смуглой кожей, в галстуке, с закатанными рукавами, оголенными коленками и подсумком на боку, поблескивающим множеством пряжек. Директор не слишком распространялся, только объяснил, что Бертель прекрасно декламирует чудесную поэму, не говоря уже о том, что ни одна ученица не способна выучить наизусть такой длинный текст. Артур обещал, что в честь открытия юбилейного года Гёте дочь его оденется, как положено, для чего пригасил к себе в кабинет главу подразделения скаутов. Артур, прищурившись, разглядывал неряшливую одежду парня, сидящего напротив.

— Эта черная форма необходима в духовном плане. Такую форму носят молодые евреи-халуцы, — Франц, по кличке Хойна, с большим воодушевлением описывал рабочую одежду еврейских трудящихся Палестины, такую же, как одежда скаутов.

Он непроизвольно углубился в историю движения «Молодой страж», которое возникло в Польше в 1913 году, и в настоящее время создано в Берлине. Глава скаутов упомянул один из главных принципов молодежного сионистского движения. Основной упор делается на воспитании нового человека в свободном еврейском обществе в новой стране. Уметь жить в коллективе и сдерживать свои страсти, отучиться от эгоистических черт во имя общества, сосуществовать с ближним в самом высоком смысле этого слова. Хойна, студент медицинского факультета университета имени Гумбольдта, произвел впечатление на Артура серьезным выражением лица и воспитанностью. Именно таким представлял Артур интеллигентного парня, и потому поделился своими размышлениями:

— Не может быть, чтобы вы воспитывали детей в духе противостояния всем вокруг, — сказал Артур, считая, что во главе воспитания должны стоять общечеловеческие и эстетические ценности.

На что Хойна ответил негромким спокойным голосом:

— Мир не имеет значения, Израиль — центр всех наших устремлений.

И не оставил даже малейшей лазейки к компромиссу. И все же проблема была решена: Бертель выступит в белой рубахе, но в простой синей юбке и подкованных гвоздями ботинках.

В эти безумные дни движение скаутов в Берлине сильно меняется. Приехавший из Палестины Мордехай Шенхави занимался с вожатыми и инструкторами еврейской молодежи, памятуя, что воспитанники в значительной степени пришли из семей, исповедующих социал-демократию. Бертель восхищалась Мордехаем из-за того, что он дал ей ивритское имя — Наоми, но еще и потому, что принципы движения «Ашомер Ацаир» — «Молодой страж» — были ей близки.

Необычные вещи происходят в доме. Отец откликается на призывы еврейской общины и загорелых и крепких парней-скаутов. Он, который согласен с «катастрофическим движением по имени сионизм», приглашает израильтян к обеденному столу, внимательно прислушиваясь к рассказам о проекте еврейского заселения Палестины. И Бертель гордится семейным вкладом в дело сионизма.

Глава седьмая

Семью Френкелей лихорадит. Артур вернулся из санатория в Давосе и теперь заходится в тяжелом кашле. Два месяца назад он простудился в Карлсруэ, и с тех пор состояние его здоровья не нормализуется. Температура то поднимается, то падает. Его голос срывается, и лицо кривится от боли. Дед не возвращается в усадьбу. С каждым днем усиливается его тревога за здоровье сына. Доктор Герман Цондек, член товарищества любителей творчества Гёте, один из постоянных посетителей дома Френкелей, их семейный врач, а также доктор Вольфсон считают, что острое воспаление распространяется на единственное легкое Артура, которое в последние годы функционировало более или менее нормально.

Фрида отключила электрический звонок, чтобы беречь нервы больного. После возвращения хозяина из Давоса она мечется между врачами, медсестрами и посетителями, которые не оставляют дом в покое.

Бертель замкнулась в своей комнате, и страх за отца снедает ей душу. Только бы тот необычный поступок, который он совершил для нее два месяца назад, не закончился катастрофой.

Тогда отец стоял рядом с Фридой в комнате, следя за тем, чтобы она укладывала в чемодан лишь необходимые вещи. Когда Бертель вошла, он неожиданно сказал:

— Фрида, я возьму с собой девочку к Альфреду. Положи одежду и для нее.

Такая спонтанность не была характерна для отца, человека уравновешенного, взвешивающего каждый свой шаг. Это внезапное решение отца — взять Бертель к любимому брату Альфреду — удивило всех домашних. Взволнованная, она даже вопреки правилам вместо ненавистной отцу темной рубашки надела белую — и синюю, в складочку, юбку.

Она сидела рядом с отцом в вагоне первого класса, полная благоговейного страха, и тепло любви, которое она никогда раньше не ощущала, охватывало ее. Впервые в жизни она была по-настоящему близка к отцу, всегда казавшемуся далеким и недоступным. Отец, одетый в черный, с иголочки, костюм, разговаривал с ней на разные темы. И всю дорогу до Карлсруэ, города на границе Франции и Германии, она испытывала душевный подъем от мысли, что отец относится к ней по-особому, что из всех детей он выбрал для поездки к своему брату именно ее.

Это необычное посещение дома дяди стало неизгладимым

впечатлением. Едва она пересекла порог дома, как у нее возникло чувство неловкости от избытка уважения, которое дядя ей оказывал. Таинственный полумрак окутывал стены, скрытые книжными полками, и огромный письменный стол в кабинете дяди. Бесконечные споры возникали в беседах братьев. В этой домашней библиотеке она сидела между братьями, следя за грузными движениями дяди, и в ушах ее звучали насмешки деда над серым скучным миром своего первенца Альфреда, специалиста по древним классическим языкам, которые он и преподавал в университете. Это отталкивало деда от сына. Всеми силами души она восставала против семейных мифов о ее сходстве с дядей-профессором. Да, она странная, но не сухая чудачка, каким домашние считают дядю Альфреда.

— Эти семейные драгоценности перейдут к тебе, Бертель, — сказал дядя, повернувшись к ней, с мечтательным и отрешенным выражением глаз.

И подал ей роскошную шкатулку с драгоценностями, и предложил ей самой заняться ожерельями, кольцами и сережками. Она уединилась в комнате покойной тети, раскрыла шкатулку и надела на шею жемчужное ожерелье. И тотчас же хоровод чертей вскружил ей голову, в ушах зазвучал жесткий, требовательный голос покойной. Бертель с трудом отогнала от себя страхи. И на долгом обратном пути в Берлин она с нетерпением ожидала ту же теплоту и тех же разговоров с отцом, как и по дороге к дяде Альфреду. Но ее ждало разочарование. Отец опять, как и раньше, выглядел далеким и отчужденным. Всю дорогу он не проронил ни слова.

Дома он передал Гейнцу драгоценности тети из Карлсруэ и сказал, что они принадлежат Бертель.

— Это выглядит буржуазно, — взорвалась она. — В организации нам запрещено надевать драгоценности.

Отец закашлялся, вытер нос платком и тихим сухим голосом сказал:

— Когда Бертель вырастет и поумнеет, передашь ей в руки эту шкатулку с драгоценностями.

На следующий день доктор Цондек выслушал тяжелое дыхание Артура и рекомендовал надолго отправить его в лечебницу в Давос.

Двадцатое декабря 1931. Бертель исполняется тринадцать лет. Отец потребовал, чтобы праздник не отменяли из-за тяжелого состояния его здоровья.

Домашний зимний сад расцвел разными цветами. Накрытый стол, множество ваз, букеты белых и сиреневых цветов, воздушные шары. Суматошный лай собак. В беседке готовят

шоколад на огромном примусе, который садовник Зиммель достал из погреба. Сестры Румпель готовят торты, пирожные, взбитые сливки и другие сладости.

Бертель волнуется. Она поклялась себе, что в день рождения захоронит найденный около синагоги на улице Рикенштрассе старый еврейский молитвенник. Учитель иврита раввин Хаймович полистал рваные листы молитвенника и сказал, что по еврейской традиции обветшавшие молитвенники закапывают в землю.

— Быть может, если я закопаю молитвенник, Бог вылечит отца, — не задумываясь, сказала она Реувену, которого взяла в помощники по погребению молитвенника.

Реувен, переставший верить в Бога и лишь дома соблюдающей традиции, чтобы не обижать родителей, пожал плечами:

— Ты хочешь присоединиться к организации «Ашомер Ацаир», которую основал Шенхави, и при этом обращаешься с просьбой к Богу?

Да, Реувен отмежевался от еврейских традиций, у нее же с тех пор, как состояние здоровья отца ухудшилось, усилилась вера в Творца мира. Тысячи лет евреи верят во Всевышнего, думала она. Значит, правда заключена в вере в единого и единственного Бога.

В саду играет патефон и гремит радио. Кухарка Эмми, Кетшин и старый садовник Зиммель раскладывают на длинном столе чистые скатерти. Прислуга суетится, готовясь к празднику. Фрида на кухне готовит еду хозяину и злится, так как сервировка праздничного стола мешает любимому ею Артуру отдыхать.

Топот ботинок, подбитых гвоздями, приближается из боковой аллеи к середине сада. Вожатые и скауты в форменной одежде бегут к праздничному столу. Все они обращаются к Бертель, называя ее новым ивритским имени — Наоми. Девочка оборачивается к домочадцам, наблюдающим со стороны.

— Слышите?! Имя мое — Наоми.

— Хазак вэ амац! Крепись и будь мужественной! — произносит стальным голосом девиз организации командир подразделения Бедольф.

И дружный ответ скаутов сгоняет птиц с верхушек высоких старых деревьев. Бертель выпрямляется.

Люба командует:

— Смирно!

Ботинки, подбитые гвоздями, отвечают единым стуком каблуков. Бертель бросает тревожный взгляд на окно отцовской комнаты. Знаменоносец поднимает голубой флаг, на котором

расправляет крылья белая чайка. И Бертель стыдливо опускает взгляд и плечи вниз, ибо дед не терпит всех этих торжественных церемоний.

Дед ехидно улыбается флагу подразделения, развевающемуся на ветру, постукивает своей тростью, закручивает усы и крутится на месте до того, как звучит команда: «На знамя равняйсь!».

— Так это и есть пехотный батальон Бертель, — с насмешливым высокомерием говорит дед.

Он подмигивает инструктору. Бертель сгорает от стыда. В середине церемониала дед громким голосом прерывает скаутов:

— Добро пожаловать, дети. Садитесь за стол и услаждайте себя яствами.

Приглашение его идет от чистого сердца, и он удивлен тому, что ни один из скаутов не сходит с места в строю. Подразделение не отрывает глаз от командира, и по знаку Бедольфа и Любы из всех молодых глоток вырывается песня «Несите в Сион чудо и знамя!» и гимн социалистического движения «Возьмемся за руки, братья!»

Дед глубоко вздыхает. Подразделение получает приказ — занять места за столом.

Дед готов развлекать батальон своей внучки. Но, к собственному удивлению, оказывается снова в одиночестве.

Голоса продолжают возноситься и снижаться. Именинница обходит поющий стол, пытаясь по силе звучания определить, где спрятан подарок. Неожиданно песня звучит особенно высоко, и под стулом командира она находит сюрприз. Командир торжественно вручает Бертель альбом фотографий Штрука «Лица евреев Востока». Затем Реувен встает со своего места и передает ей книгу о легендарном командире конной армии, защищавшем русскую революцию, о Будённом.

И тут дед усаживается напротив Бертель, во главе стола, и начинает рассказывать случай из своего детства.

К удивлению Бертель, все подразделение аплодирует деду — социалисту от рождения. Родители его, буржуа, были потрясены тем, что он пригласил на вечеринку по случаю своего десятилетия в роскошный зал семейного дворца своего друга из конюшни. Конюх Антоний, вечно пьяный, от одежд которого несло конской мочой, а с обуви осыпался навоз, сидел за столом с уважаемыми гостями. Все страдали от этих запахов, за исключением самого десятилетнего деда и Антония, который чувствовал себя важной птицей: ел царскую пищу, пил до полного опьянения, так что абсолютно обалдел от коньяка, и сверкающие вокруг огни показались ему огнями церкви. Конюх весь пылал от наплыва чувств. Щеки его побагровели, глаза горели, он начал

креститься и рыдать: «В Преисподнюю всех евреев, которые распяли Иисуса-освободителя!»

Семейный дворец в Силезии не промолчал. Хозяин дворца встал с места и вышвырнул из зала доброго друга своего сына, и с этого дня конюх исчез из жизни мальчика.

Тут и Бумба решил продемонстрировать перед подразделением свое остроумие. Он скривил гримасу, чтобы привлечь к себе внимание, и Бертель стало стыдно за него и за Фердинанда, который, будучи преподавателем христианской драмы, не мог понять, что его игра на мандолине и пение вовсе не подходят обществу сионистов. Недостаточно того, что богатства семьи вопиют к небесам, так еще кудрявые сестрички вносят на стол двухэтажный торт. И что видят глаза Бертель? Она убедительно просила не втыкать в торт тринадцать цветных свечек, согласно буржуазным традициям, а просто белыми взбитыми сливками написать на торте число лет.

Она хотела провалиться под землю. Дед совершает типично буржуазное деяние на глазах у всех. Он поднимает стакан высоко над головой и провозглашает: «Да здравствует Бертель!» Но ведь она не Бертель, а Наоми.

— Бертель, разрежь торт, и угости твоих гостей.

С того момента, как дед взял в свои руки ведение праздника, Бертель сидит, как в воду опущенная. Она хочет ему крикнуть, чтобы он перестал называть ее именем Бертель, но тут командирский голос Бадольфа приказывает всем встать из-за стола и усесться кружком на траве.

Он объясняет правила игры скаутов. Бертель отходит в сторону, снедаемая беспокойством, что отец услышит и покинет этот мир, как это сделала мать. Она садится на скамью, нетерпеливо ожидая окончания игры. Когда подразделение разойдется, она поедет с Реувеном в старый Берлин, чтобы выполнить клятву — закопать в землю ветхий молитвенник и прошептать молитву во здравие отца.

В декабре состояние здоровья Артура оставалось тяжелым, но стабильным. Вдвоем с Реувеном Бертель поехала в центр города. Берлин жил полной и шумной жизнью. Снег, ветер, мороз. На Александерплац выбирают елки. Продавцы елок соревнуются в рекламировании своего товара с продавцами газет: «Мир в полдень», «Красное знамя». Утром, днем и вечером выходят газеты с последними новостями. Все бегут мимо, торопясь укрыться от усиливающегося мороза и режущего ветра. Бертель и Реувен входят через вертящиеся стеклянные двери в многоэтажное здание универмага, и в нос ударяют острые

праздничные запахи — воска от цветных свечей и свежести от украшенных игрушками елок, возвышающихся в тесноте и толкотне магазинов.

— Реувен, гляди, какая красота! — Бертель стоит у витрины огромного магазина швейных машинок Зингер и не отрывает взгляда от яркого луча, высвечивающего лицо богоматери с младенцем на руках.

Гнев охватывает Реувена при взгляде на эту христианскую девочку, которая держит в объятиях младенца, сложив молитвенно руки, эту большую восковую куклу и малую восковую куклу, гладкие лица которых умильно обращены к богу.

— Евреям запрещено смотреть на эту мерзость! — горячится Реувен.

— Иисус был великим освободителем. Он вселил в человеческие души великие идеи, — искорки света вспыхивают в черных глазах Бертель.

— Мерзость! — Реувен кипит от злости. — Еще раз произнесешь такое, придется тебе выбирать между ним и мною.

Плечи его дрожат:

— Ты сгоришь в адском пламени. Иисус — враг евреев!

— Реувен, мой отец говорит, что у евреев и христиан один единый Бог, — роняет она с мечтательным видом, и взгляд ее полон священного трепета.

Она любуется позолоченным нимбом вокруг головки младенца, звездой, окруженной лампочками, рассеивающими свет вокруг, светящимися над его головой.

— Это не наше! Это не наше! — Реувен тянет ее за руку.

Они удаляются от универмага, и святой Николай с крыши здания шлет им добрую улыбку. Реувен сердится. Возникшая мысль готова сорваться с ее губ: что бы он сказал, увидев в отцовской библиотеке, позади книг, на стене фреску, изображающую Иисуса. На другой стене огромного хранилища книг, где стоят собрания любителей творчества Гёте (для бывших хозяев-юнкеров стена играла роль церковного алтаря), Иисус изображен в лохмотьях, бредущим среди колючих зарослей и высоких смоковниц. Деревья печально склонили ветви над его головой. Бертель представляла, насколько Реувен будет потрясен, если она расскажет ему, как на каждый праздник Рождества Христова дед зажигал под фреской целый рой блестящих лампочек, приглашал оркестр — исполнять рождественские мелодии при стечении многих гостей в честь христианского Нового года.

Потом отец покрыл книжными полками все стены зала, заставив их тысячами книг.

На улице Мамелюкенштрассе шум и суматоха. Звонки трамваев, завывание автомобильных клаксонов, оглушающие толпу. Мужчины в залатанных одеждах и кепках, женщины в дешевых платках или соломенных шляпах. Бертель испытывает головокружение от забитых людьми переулков и смешанных острых запахов селедки, жарящихся свиного сала и лука, кислой капусты и картофеля, идущих из кухонных окон домов, обращенных во дворы.

— Это — наши! — тяжело дыша, кричит в ухо Бертель Реувен, — это улица Грандирштрассе — еврейская улица!

Он ведет ее среди криков продавцов, ругательств пьяниц и этих запахов, сочащихся из коридоров, обступающих их, вдоль кривых переулков, вдоль серых домов, похожих на развалюхи. Они проходят мимо безработных, похихикивающих и борющихся друг с другом на облезлых деревянных скамейках, с которых сползает зеленая краска, мимо юнцов, курящих сигареты, жующих жвачку и прыгающих на скамьях.

— Это — наши?

Испуганно кусая губы, Бертель безмолвно проскальзывает среди толпы, толкущейся в переулке, узком и темном, где единственный транспорт — велосипеды и ручные тележки уличных продавцов. Пыль, теснота, конский навоз, ослиный и собачий кал, вонь рвоты и мочи ударяет в нос Бертель, и она не слушает бесконечно повторяющиеся слова Реувена:

— Это — наши.

Он ускоряет шаг, идя по переулку, заселенному еврейскими эмигрантами из Польши, и говорит о том, что христианские семьи перешли в соседние переулки рабочего квартала, и те из них, кто разбогател, переселился с северной части города в центр. С тех пор, как были опубликованы законы о чрезвычайном положении, юноши из молодежного движения каждую ночь выходят, дабы обеспечить безопасность еврейских жителей, проживающих в рабочем районе, от нападений нацистов. Реувен не перестает громко говорить, она же не может и рта раскрыть в этих переулках, называемых улицами Мамелюкенштрассе и Грандирштрассе. Она движется, как в дурном сне, впитывая весь этот кошмар. Между жилыми зданиями дети играют около мусорных баков, клеток с кроликами и белья, вывешенного для просушки. У входов в дома толпятся женщины, и плач младенцев смешивается с неумолкающим шумом и криками детей.

Красавица Эти,
Скорей, не переча,
Езжай на карете

Мессии навстречу.

Пытаясь унять дрожь, Бертель старается укрепить сердце мыслью что как еврейка она должна сохранять хладнокровие среди вони этих узких улочек, на которых ютятся восточноевропейские евреи — ост-юде — едва сводящие концы с концами. Она даже хотела бы познакомиться с жизнью евреев северного Берлина. У дома № 37 на улице Грандирштрассе она останавливается. Из окон этого большого дома доносится молитва на иврите.

— Это молитвенный дом хасидских евреев из Польши, — роняет Реувен и тянет ее дальше.

По дороге он входит в мясную лавку, она же остается снаружи. Взгляд ее не отрывается от огромных качающихся маятником искусственных колбас в окнах лавки. Внутри глаза ее останавливаются на круглой как шар неряшливо одетой женщине, с трудом передвигающей грузное тело. Она рассчитывается с покупателями на ломаном немецком языке, смешанном с языком идиш. Реувен знакомит Бертель с этой женщиной. Оказывается, это его мать. Он торопливо уводит девочку из лавки.

— Я терпеть не могу этот запах лука, которым она пропахла, и эти ее неряшливые тряпки.

Бертель нет дела до его неуважительного отношения к матери, главное, что у него есть мать, а у нее — нет. Они входят в неказистую квартиру рядом с лавкой, и Реувен говорит, что, по мнению матери, им лучше было бы оставаться в Польше. У окна сидит совсем отощавший ветхий старик с трясущимися руками.

— Это мой дед. Я ухаживаю за ним, купаю и кормлю.

Реувен перебрасывается со стариком несколькими фразами на идиш. Затем оба, Реувен и Бертель, выходят через заднюю дверь во двор. Она замечает молодую женщину, выглядывающую из окна подвала.

— Это Эльза, проститутка, — объясняет Реувен, добавляя, что мать его ругает, когда он спускается в подвал — поговорить с соседкой.

Эльза развешивает во дворе, на веревке, белье, и мальчик дружески машет ей рукой.

С наступлением сумерек они снова выходят на улочки, где проживают евреи. И снова Бертель вся сжимается при виде продавцов наркотиков, сутенеров и проституток, призывающих прохожих в свои норы. Все это уродство стесняет ей дыхание, а Реувен шагает рядом с ней, как уличный король. Внезапно она цепенеет на месте от открывшейся ей картины, которую она

раньше никогда не видела в Вайсензее. Она стоит среди всей этой скверны, пораженная цепью газовых фонарей, и еще более, человеком, зажигающим их длинным шестом, на конце которого колеблется пламя.

Они возвращаются к роскошным домам на площади Вайсензее.

Всю ночь Бертель не сомкнула глаз. Перед ней маячили картины прошедшего дня — красота и богатство, соседствующие с уродством и нищетой рабочих переулков. Смутная, но такая ощутимая печаль не покидала ее душу.

Январь 1932. Кашель, одышка, хриплое дыхание разрывают тишину дома. Дед, обнаженный до пояса, не в силах уснуть, расхаживает по коридорам и гостиной. Иногда он выходит в сад подышать свежим воздухом, развеять атакующие его тревожные мысли. Как ни странно, из всех внуков опасения не покидают лишь Бертель, и она ищет утешения у деда. Он предупреждает ее и всех остальных внуков: в присутствии отца надо говорить лишь о хорошем и радостном. Каждую ночь он полулежит в кресле, у постели сына. Позволяет себе вздремнуть лишь тогда, когда у того спадает температура, и пугающий хрип утихает. Дом в тревоге.

Елена Френкель, дочь Лео, двоюродная сестра Артура, работающая сестрой милосердия в берлинской еврейской больнице, взяла отпуск, чтобы следить за состоянием здоровья двоюродного брата. Круглые сутки она кормит его и поит, дает сильнодействующие лекарства. Ничего не помогает. К воспалению легких прибавилось воспаление диафрагмы. Артур худеет на глазах. Среди прислуги разносится шепот, что у хозяина кровохарканье. Все охвачены страхом, приближается нечто страшное и непоправимое. Дом безмолвствует. Даже Бумба притих. Бертель замкнулась в себе. Лотшин гонит прочь всех ухажеров, полностью посвятив себя уходу за отцом.

В зимнем саду, спрятавшись за горшками с кактусами, поставленными на широком подоконнике, Бертель тайком заглядывает в комнату отца. Мышонок, прыгающий недалеко от нее, напоминает о том радостном дне, когда отец выглянул в окно и предложил ей сопровождать его в дневной прогулке. Она отпустила мышонка, с которым тогда играла, и пошла с отцом вдоль центральной улицы, гордая выпавшей ей честью — гулять с ним, несмотря на то, что всю дорогу они молчали. Когда они проходили мимо витрины книжного магазина, ей так захотелось попросить его купить ей книгу. Но правила приличия, внушаемые

отцом, не давали ей открыть рта.

Из-за кактусов она увидела неожиданную сцену и была потрясена. Дед с непривычной для него мягкостью гладил руку сына, словно бы хотел передать ему этой лаской силу жизни. Лицо отца выглядело умиротворенным, тогда как Бертель напряглась. Болезненное чувство неловкости вызвали в ней и рука, которая гладила, и рука, которую гладили.

И тут она услышала позади себя восклицание:

— Что это за муха нашла себе место среди кактусов!

Фрида, тяжело ступая, приблизилась к ней. Кактусы вызывали у домоправительницы гнев. Не раз она говорила Гейнцу и Лотшин, что эти колючки забирают кислород от хозяина. Дети же не убирали кактусы, которые, по их мнению, радовали отца.

Дед выходит из дома по делам. Его место у постели отца занимает Лотшин. Она с тревогой следит за глазами больного, день ото дня все глубже вваливающимися в глазницы. Взгляд отца смутен, веки медленно и слабо смыкаются.

Филипп часто навещает своего друга Артура. Отец переводит взгляд с Филиппа на Лотшин, и разочарование на его лице углубляет морщину между бровями. Отец, очарованный высокой интеллигентностью Филиппа, сказал дочери, что его душа будет спокойна, если она свяжет свою судьбу с его молодым другом. И это, несмотря на то, что он не принимает социалистические идеи Филиппа, считая это издержками молодости. Честный и прямолинейный человек в молодые годы обязан быть социалистом. Размышляя вслух, Артур говорит, что мировоззрение друга для него более приемлемо, чем духовная неопределенность его детей. Лотшин уважает Филиппа, но его вкрадчивая походка, его внешность, отражающая ум и добросердечие, ей безразличны. Она не терпит запаха сигарет и адвокатского офиса, которым пропитана его одежда. Филипп отчаялся от бесплодного ухаживания за ней и в последнее время сошелся с Маргаритой из Литвы.

Испуганные дети жмутся друг к другу на винтовой лестнице. Отца отвезли в больницу, но через несколько дней вернули домой. У врачей были явно озабоченные лица. Медсестра Дорис Грин приходила кормить больного, обкладывала его множеством подушек, чтобы облегчить хрипы, двоюродная сестра Елена ей помогала. Дед открыл небольшую «чайную» комнатку, рядом с кабинетом, где отец и мать часто завтракали. Это были «священные» утренние часы, и никто из детей не осмеливался тогда нарушать их уединение. Гейнц и Руфь рассказывали, что

были однажды наказаны в школе, ибо не решались войти утром в эту комнатку, чтобы дать родителям подписать тетрадь, в которой отмечались опоздания и пропуски уроков. В этой комнатке старый садовник мягкой тряпкой начищал до блеска китайский позолоченный гонг, который сверкал, как зеркало. Дети следили за колебаниями гонга, висящего на шелковой нити, рядом с ракеткой в виде кулака. Гонгу отдавалась дань уважения, его звучание сливалось с мелодичным голосом матери, меняющуюся тональность которого, призывающую к разным действиям, дети различали мгновенно — будь то просьба встать с постели или, наоборот, идти спать, умываться, завтракать, прекращать споры. Этот гонг отец подарил матери. Да и она дарила детям странные подарки, как, например, африканский тамбурин, издающий глухие звуки, или семь лисьих хвостов каждому по хвосту.

Китайский гонг колеблется, издавая негромкий печальный звук. Это Бумба легонько касается позолоченного металла и хохочет, видя свое искаженное в зеркальной поверхности — увеличивающееся и уменьшающееся — лицо. Фрида жестами призывает малыша к молчанию. Артур пробуждается от сна, больше похожего на обморок, просит Фриду привести к нему Бертель и Бумбу. С невероятным усилием, преодолевая слабость, он расспрашивает дочь о школе и молодежном движении. Она что-то бормочет о Палестине, но взгляд отца отрешен от мира. Бертель готова поклясться, что отец, отвергающий сионизм, уважает ее веру в землю Израиля, понимает, что эта вера захватила целиком ее душу.

Весь дом в ужасе. Воспаление охватило и верхнюю часть тела отца. Грудь его сжимается от боли, губы и уши посинели. Он не приходит в себя, только из груди вырывается крик, сотрясая безмолвие дома. Артур борется за жизнь. Время от времени он открывает глаза, возвращаясь из небытия. В сумраке комнаты сидят доктор Вольфсон, дед, дядя Альфред, Гейнц, Лотшин. Словно окаменев, они прислонились к стенам. Руфь, Эльза, Фердинанд неподвижно сидят на ступенях у дверей, и рядом с ними лежит собака Лотта.

Артур тяжело с хрипом дышит. Капля крови застыла на его посиневших губах.

В кухне Бертель держит в одной руке, над огнем, стеклянную кастрюлю для выпарки риса, в другой — роман Толстого «Анна Каренина». Фрида торопится на кухню, откуда доносится запах гари. За чтением Бертель забывает все, и рис, который она готовит для отца, подгорает. Фрида не сердится и готовит рис заново.

Крик агонии пронзает тишину дома. У деда, ни на миг не покидающего сына, поникла голова, усы дрожат. Дорис и Елена входят к больному. Дядя Альфред, Фердинанд, Фрида, горничная Кетшин, повариха Эмми, садовник Зиммель — все сидят перед дверью в комнату больного, рядом со старшими детьми. Артур потерял сознание. Фрида поднимается на детский этаж — уложить Бумбу в комнате Бертель, которая забилась в угол постели и не может уснуть. В полночь рыдания Фриды сотрясают их комнату, она обнимает Бумбу и повторяет:

— Бедные мои сироты!

Холодный пот окатывает Бертель.

Артур ушел из жизни. Дед сжимает руку своего сына. Обычно сдержанная, как подобает детям из интеллигентной семьи, Бертель заходится в громком рыдании. Все уткнулись в платки. Фрида снимает с Бертель форму молодежного движения, ибо явиться в этой форме на похороны — позор для всей семьи. Гейнц достал из гардероба Лотшин темно-синий костюм для Бертель и сказал:

— Отец любил этот костюм. Проводи его в нем в последний путь.

Зимний ветер бил в лица множества людей, собравшихся на еврейском кладбище квартала Вайсензее. Гроб отца несли старшие сыновья и близкие родственники. Сопровождали гроб члены большой семьи Френкелей, приехавшие со всей Германии, члены кружка любителей творчества Гёте, большая делегация от еврейской общины, делегация фронтовиков-евреев, ветеранов Мировой войны. За ними шли рабочие литейной фабрики, все, как один, снявшие комбинезоны и облачившиеся в воскресные одежды. Подразделение молодежной организации в полном составе выделялось формой одежды — темными рубашками, галстуками и значками.

По сторонам толпились жители города, пришедшие проводить в последний путь уважаемого господина Артура Френкеля. Люди тяжело ступали по глубокому снегу мимо мраморных памятников разных поколений евреев Берлина. В воздухе звучали высокие слова об ушедшем человеке, интеллигенте, отличавшемся безупречной моралью, чистотой помыслов, аристократичностью духа, которой столь преждевременно ушел из жизни, оставив семь сирот.

Прячась в складках черной шубы Фриды, купленной ей отцом, Бертель испуганно вглядывалась в темные толпы людей на фоне снежной белизны. Черные костюмы, меховые шубы богачей с высокими черными цилиндрами на головах, сливались в одно

черное пятно, змеящееся за гробом по глубокому снегу и наводящее страх.

Церемония погребения велась по традициям евреев-реформистов. Гробовщики в черных одеяниях опустили гроб в отрытую могилу под раскидистой сосной, рядом с могилой матери Артура. Комья мокрой мерзлой земли градом посыпались на крышку гроба. Филипп Коцовер произнес поминальную молитву «Кадиш» на иврите, кантор пропел молитву «Эль малэ рахамим» — «Бог милосердный» — и добавил молитвы на немецком языке, по традиции похорон евреев Германии. Раввин сказал поминальное слово, обращаясь к покойнику на его древнееврейском имени — Элияу. Бертель, не слышала всех этих слов, ибо обвиняла только себя в том, что принесла отцу много горя и вообще довела его до смерти хотя бы тем, что в угоду организации обрезала косы, так любимые отцом, и сожгла рис, который готовила для него, ибо в такие минуты не отрывалась от книги.

Траур по отцу не похож на траур по матери. Дядя Альфред и Филипп Коцовер решительно потребовали вынести большой стол и кресла, обитые цветной тканью, из большого зала столовой, а от сыновей и дочерей — выполнения еврейских обычаев. Семь дней они сидели в трауре на низких скамеечках и ели на низких столиках. Фрида, садовник Зиммель и Фердинанд держали тарелки на коленях, ибо столиков не хватало. Сестры Румпель, следуя христианским традициям, завесили темными тканями зеркала в доме. Братья и сестры закрылись в своих комнатах и затаились в молчании. Семь дней горели свечи в гостиной и комнатах. Пламя их колебалось каждый раз, когда открывались входные двери. В послеобеденное время Филипп регулировал приход и уход гостей.

После семи дней траура Дорис Брин исчезла из дома навсегда, спустя шесть лет со дня своей свадьбы и после несостоявшейся семейной жизни. Дети почувствовали облегчение: теперь она не появится даже как гостья, и не придется вспоминать тот день, когда отец через год после смерти матери вернулся в Берлин с новой женой. Они не могли забыть и то, что он так быстро женился, и то, что он надолго оставил их. Воспоминания о прошлом молчаливом бунте сжимали горло и тревожили душу.

Филипп собрал всю семью в кабинете покойного отца и открыл потайной ящик письменного стола, где находилось завещание. До того, как он начал его оглашать, Лотшин успела сказать:

— Мы не хотим и слышать о разделе имущества, Филипп, это не имеет для нас никакого значения.

Гейнц поддержал ее:

— Фабрика содержала нас до сих пор и будет дальше содержать. Даже нельзя себе представить, что между нами будут разногласия по части имущества.

— Отец знал ваше отношение к имуществу и гордился этим, — сказал Филипп, — он знал, что вы не подеретесь из-за богатства. Но он беспокоился о детях.

— О детях?! — Гейнц и Лотшин удивленно переглянулись.

— Вы еще молоды. Но придет день, и каждый из детей пойдет своим путем и будет строить свой дом. Отец просил обеспечить детям образование и имущество. Потому я попросил его подтвердить свое желание — послать Бертель и Бумбу учиться в одну из лучших школ Швейцарии или Англии. Он завещал им полное покрытие расходов на образование и меня назначил их опекуном. Последним его желанием было — спасти детей. Если возникнет опасность, грозящая их жизни, то они должны эмигрировать в Америку.

Дед, стоявший у окна, обернулся и закричал:

— Никто не оставит дома! Все остаются здесь!

Фрида повысила голос:

— Никто не возьмет моих детей! Вы не уедете ни в какую Америку!!!

— Я уеду только в Палестину! — закричала Бертель.

Ей в ответ закричали:

— Хватит, хватит!

Дед неподвижно стоял у окна. Пламя свечей создавало колеблющиеся тени на его спине, сгорбившейся за последний месяц. Голоса затихли.

Филипп зачитывает завещание. Отец просит Лотшин положить заботу о Бертель, как печать на свое сердце, по библейскому выражению, обеспечивать ее всем необходимым. Солидная сумма денег положена на ее имя через суд, на специальный счет для сирот — чтобы обеспечить продолжение ее учебы в гимназии и университете. Время неспокойное, банки терпят крах один за другим. Поэтому Артур положился на учреждение, которое работает на основании закона.

Бертель ходит по улицам как потерянная. Любое объятие, поглаживание по голове, проявление любви родителей к их детям доставляют ей острую боль. Тоска и любовь к отцу влечет ее в его кабинет. Глаза родителей следят за ней из позолоченных рам. Осторожно она присаживается на кожаное кресло и, как отец, поглаживает тигровую шкуру на коленях. Она скрывает, что в

медальоне, висящем на золотой цепочке на ее шее, портрет отца, вставленный ею в день его смерти, — чтобы не сказали о ней, что она слишком мягкосердечна.

В доме все меняется. Гейнц выходит на работу и на деловые встречи в черном костюме, жилетке и бабочке, в белой рубашке. Дед убрал цветок из лацкана своего пиджака, все чаще погружается в раздумья и принимает друзей покойного сына. Один раз в месяц он устраивает вечер памяти Артура, посвященный интеллектуальным беседам. Дед охвачен беспокойством: Лотшин похудела. Ходит в черном, по обычаю христиан, с печальным выражением лица, не выпуская из рук серебряного мундштука, не переставая курить, так, что кончики пальцев пожелтели от никотина.

Дед удивляется ей, принцессе, превратившейся в ворчливую хозяйку. Старшая дочь заняла место Фриды, которая в последнее время заметно постарела, стала медленно двигаться. И выглядит она болезненно. Лотшин обходит комнаты, и любой беспорядок выводит ее из себя. Она приказывает служанкам лучше убирать дом и до блеска натирать мебель. Она выговаривает Бумбе за то, что его комната захламлена вещами.

Дед, центральная фигура в жизни дома, пытается вернуть эту жизнь в нормальное русло, согласно его пониманию.

Железные правила, установленные Артуром, всем надоели. Теперь дети покупают себе одежду и обувь тогда, когда им заблагорассудится.

Дед не придерживается ужинов, «полезных для здоровья», которые отец навязал в обязательном порядке детям. Место яиц, копченой рыбы, различных сыров, помидор и огурцов, спаржи, хлеба и горячих напитков заняли бульон, мясные блюда и десерт. Дед взял за правило рассказывать во время ужина о своих предках, которые поселились в Силезии в семнадцатом веке. В один из вечеров смех вернулся в столовую.

Бертель попросила деда пожертвовать Основному фонду Израиля и, чтобы уговорить его на значительную сумму, сказала: «Можно там увековечить твое имя посадкой деревьев». Дед хохотал до слез.

— Слышали ли вы о дяде Луи Више? — обратился он к сидящим за ужином домочадцам и рассказал о тете Берте, которая была немного горбата и потому ее выдали замуж за дядю Лео из Равенсбурга. В этом городе еще с рыцарских времен все евреи занимались шитьем и вязаньем и неплохо зарабатывали. Когда же мода изменилась, они превратились в нищих, и потому бедный портной Лео Виш согласился взять в жены горбунью Берту, которая, естественно, была богатой. Понятно, что он ее не

любил и не уважал. Благородная семья утешилась тем, что у этого бедняка из Равенсбурга аристократическое имя. Тетя Берта поменяла имя Лео на — Луи, по имени короля Франции.

Дед разрезал мясо на ломти, положил порцию на тарелку Лотшин и продолжил рассказ:

— Так Берта переехала в Равенсбург. В этом городе она построила роскошный дом и королевой расхаживала по комнатам, украшенным в стиле короля Людовика. Потомков у тети Берты и дяди Луи не было, но не из-за горба. Она не могла себе позволить посещать скромную комнатку мужа в дальнем углу дворца. Более того, аристократка тетя Берта изъяснялась только на отличном французском языке, а Луи Виш говорил только по-немецки. Однажды бедняге улыбнулось счастье: он выиграл в лотерею. В единый миг он стал одним из самых богатых жителей городка, и все богачи открыли ему двери. И даже тетя Берта предоставила ему приличную комнату. Уверенный в себе, Луи Виш соблазнился покупкой леса, рядом с городком, решив заняться торговлей древесиной. Но зима, обильная ливнями и снегами, лишила возможности заняться рубкой леса, а летом вспыхнул пожар, и лес выгорел дотла. Лишившись богатств, дядя Луи вернулся в свою убогую комнатку.

Дед многозначительно посмотрел на Бертель и сказал:

— Мне не нужны деревья моего имени, я не дядя Лео Виш.

Дед жалеет внуков. Сиротство порождает солидарность, к тому же у каждого возникает чувство личной ответственности. Эльза учится художественному шитью в одном из самых престижных салонов Берлина.

Бертель проводит все больше времени в молодежной организации.

Бумба, способный мальчик, любимый учителями и товарищами, начал приносить из школы отличные оценки.

Руфь оставила дом, купленный ей отцом в западном Берлине, развелась с мужем Артуром и живет с сыном Гансом в семейном доме.

Гейнц взвалил на свои плечи все заботы о семье.

В отношении фабрики дед проявляет осторожный оптимизм, Гейнц же весьма пессимистичен. Из окна фабричной конторы он все время наблюдает за нацистами, которые сходят с поезда вместе рабочими. Нацисты же наблюдают за рабочими и движением вагонеток, скользящих в противоположных направлениях по стальным тросам с коксовых терриконов, за высокими квадратными трубами, вздымающимися над литейным цехом, пускающими густые клубы черного дыма в небо. Нацисты

постоянно толпятся у станции железной дороги по соседству с фабрикой. Они следят за цепочками вагонов, везущих сырье к доменным печам.

И Гейнц мысленно продолжает спорить с отцом, который до самой своей смерти уверенно говорил:

— Это переходный период, и он скоро минует нас. Все же есть духовная реальность, все существует по законам человеческого и исторического разума.

Гейнц считает, вопреки мнению отца, что законы разума перестали действовать. Из окна конторы он следит за подъемными кранами, поднимающими и опускающими стальные листы, за густыми клубами черного дыма, восходящего к небесам, и с горечью думает об иллюзиях отца.

Внешне дела идут нормально: печи пылают, тяжелые молоты работают в полную силу, железо плавится, чумазые от копоти металлурги, с красными от пекла глазами, формуют его в различные изделия, даже в обоймы для патронов. Прибыли фабрики достаточны, но большую цену Гейнц платит, чтобы сохранить высокий уровень жизни семьи. В костюме с иголочки он выезжает по вечерам в места развлечений с целью расширить экономические связи с влиятельными людьми.

Гейнц отдает себе отчет в том, что двери в мире бизнеса открываются перед ним благодаря его европейской внешности — шатен с голубыми глазами и широкими плечам спортсмена. Не носила бы их фабрика имя прежнего владельца «Мориц Хольц», естественно, еврея, продавшего дело деду пятьдесят лет назад, не было бы подозрений, что и Гейнц — еврей. В эти трудные дни не приходится выбирать промышленников и бизнесменов, с которыми приходится иметь дело.

Адвокат Функе и офицер республиканской полиции часто посещают их дом. Гейнц требует от домочадцев быть с ними приветливыми. Бумба с воодушевлением отвешивает им поклоны. Бертель ни за что не хочет им кланяться. «Я еврейка и сионистка, и никакому христианину не сделаю книксен». Лотшин заняла место пожилой секретарши фабрики, проработавшей там тридцать лет. Брат и сестра трудятся в полной гармонии, ибо между ними давно существует душевная близость, особенно после того, как она рассталась с Йосефом.

Еще неделю назад между братом и сестрой существовало напряжение. Лотшин, девушка мягкая и добросердечная, влюбилась в этого недалекого и легкомысленного гостя из Израиля. В доме все были удивлены. Йосеф, сельскохозяйственный рабочий, который родился и вырос в

Палестине, был послан в Европу для того, чтобы перенять опыт развития сельского хозяйства. Он попал на ферму Брайланд, простиравшуюся на огромной территории, на которой выращивали в теплицах редкие растения из Азии. Йосеф прибыл в Германию. В выходные он торопился в Берлин, где бурлила жизнь. В клубе «Бар-Кохба» израильтянин встретился с Лотшин, и они влюбились друг в друга с первого взгляда. Принцесса пошла, как сомнамбула, за обладателем красивого лица, широких плеч, стальных мускулов. Особенно ее привлекала его открытость и веселый нрав. Таких мужчин она не видела раньше в своем окружении. Девушка, которая еще недавно предпочитала проводить время в созерцании зимнего сада на большой застекленной веранде, отказываясь от приглашений назойливых ухажеров в театр, в кино, на танцы, теперь проводила время с этим необразованным плейбоем в барах и ночных клубах, отвергаемых ею до его появления. Все в доме сердились на нее. Гейнц просто выходил из себя. Его сестра уединялась с этим легкомысленным мужланом в зимнем саду, созданном отцом для красавицы матери, замершей на портрете. Он указал ей на это, упрекая, что она приносит боль и без того опечаленным домочадцам. В ответ она прочла ему нотацию, мол, он, как почтительный брат, должен уважать человека, близкого ее душе.

История становилась все запутанней. Кибуцник из Палестины поколебал покой дома Френкелей. Филипп не мог вынести его присутствия и покинул дом после того, как понял, что Лотшин стыдится его. Жилы вздулись на его висках, когда она представила Йосефа уважаемым гостям как члена молодежного движения, куда ходит Бертель. Тот сидел в шортах среди почтенных гостей, вмешивался в их разговоры, повышая голос, ибо никто не обращал на него внимания. Его поведение вызывало стойкую неприязнь, вплоть до отвращения, особенно во время трапез. Он ел с открытым ртом, отпуская при этом скабрезные шутки, над которыми сам же хохотал, говорил громко, шокируя всех, от мала до велика.

— Он явно не подходит нашему дому, — категорическим тоном сказал Артур.

— Он грубиян, — поддержала его Фрида, — не к лицу дому Френкелей.

Шокированная его одеждой, стуком его тяжелых ботинок, она цедила сквозь зубы: «Пришел нацист». Дед сделал ей выговор за то, что она прилепила кличку «нацист» еврею, и только сказал:

— Если в Палестине есть такие типы, как он, нечего туда ехать.

Бумба тут же среагировал:

— Он идиот.

Кудрявые сестрички-близнецы смеялись:

— Бертель, ты хочешь уехать в Палестину, к Йосефу?

Огрызаясь, Бертель бормотала:

— Он мне не нравится.

Лотшин же потеряла голову, поехала в Кёльн в середине недели, чтобы встретиться с любимым. Его послали в Голландию научиться выращивать цветы, и красавица поехала вслед за ним.

Семья пребывала в беспокойстве. Каждый раз, когда Гейнц вмешивался в ее отношения с Йосефом, Лотшин реагировала странно. Ее мягкий голос переходил в крик. Мечтательные голубые глаза вспыхивали, и краска заливала лицо. Она сопровождала своего красавца от одного погребка к другому. Возвращалась за полночь, стараясь не попадаться на глаза домочадцам, которых сильно беспокоили перемены в сестре. Он даже забыла про цветы в зимнем саду, за которыми раньше ухаживала.

Но после смерти отца кончилась и история с Йосефом. Она обладала тонкой натурой и не выдержала его легкомыслия. Захотела, чтобы он разделил с нею траур по отцу, но поняла, что парня интересует лишь наследство. Тогда она передала через Бертель, чтобы он не мешал ей нести траур. С этого момента напряжения между братом и сестрой как не бывало. Она ведь была его правой рукой, участвовала в деловых встречах, как бы смягчая острые углы своей красотой в момент подписания соглашений. Иногда речь шла о сотрудничестве с теми, кто поддерживал нацистскую партию. Напряжение вокруг переговоров, происходящих в кабинете отца, ощущалось всем домом — до того момента, когда поднимались рюмки с первоклассным французским коньяком, означающим успех сделки.

Глава восьмая

Клуб сионистской молодежи прекращает свою деятельность. Говорят, что Гильда Павлович, возглавляющая движение скаутов, влюбилась в израильтянина, члена кибуца «Мишмар Аэмек», «Страж долины», Мордехая Шенхави. И под его влиянием решила объединить организацию с большим клубом движения «Ашомер Ацаир» — «Молодой Страж» — на улице Бруненштрассе, в торговом районе северного Берлина. Гейнц теперь отвозит Бертель в клуб Социалистической сионистской молодежи. Главное, чтобы сестра находилась в еврейской среде.

Сквозь затхлый запах плесени на лестничном пролете они проходят в помещение всемирного движения еврейских скаутов «Ашомер Ацаир». Бертель взволнована, ощущая дух движения. Ивритские буквы на плакатах, развешанных по стенам, привлекают девочку. Она останавливается и читает: «Долина труда», «Земля, текущая молоком и медом». Она складывает букву к букве, слово к слову, и с непривычной новой радостью читает фразы. Здесь с пафосом говорят о покорении пустующих земель Святой земли, о новых корнях в этой земле, о политике.

Новое движение воспламеняет воображение.

Оно зовет вернуться на землю Обетованную, к простому труду, призванному вдохнуть жизнь в пустыню, превратить малярийные болота в леса и плодоносные поля. Коллектив и новое общество — воплощение мечты. Впереди реальный труд.

Вокруг девочки бурлят страсти. Идеологи нового иудаизма говорят то же, что и тетя Брин. Страна Израиля вовсе не сказка, как говорил отец. Бертель восхищается историей испанского рыцаря из Гранады Иоанна Понсека, который узнал, что предки его были евреями. Он пошел по следам еврейских изгнанников из Испании и вернулся в лоно еврейства. И она, Бертель, пустится в странствие по следам изгнанных евреев. В Палестине ей не будут кричать вдогонку: «Ицик жид, Ицик жид! Евреи, убирайтесь в Палестину!»

Бертель — член нового молодежного движения. Это воспламеняет ее сердце и в то же время осложняет ее положение. Внезапно ей становится ясно, что еврейский народ един, но в германском обществе есть разные евреи. Есть евреи конфекционисты, и есть восточноевропейские евреи, отличающиеся от богатых евреев. Она пока еще маленькая девочка и не понимает разницы между ними. Она продолжает гадать, кто этот еврей, останавливающий отца на улице, —

конфекционист, из восточной Европы или буржуа. Здесь, в движении, она впервые сталкивается со сложностью и мозаичностью еврейской общины. Но при этом община едина в своих целях. Здесь она не может сказать себе, что она подобна простым евреям, которые так и не вросли ни в германскую, ни в высокую западноевропейскую культуру.

Картина единой еврейской нации с единой культурой и своей землей выстраивается в ее сознании. Ее тянет в общество восточноевропейских евреев и в то же время ей тяжело находиться среди них. Они одеваются безвкусно, не следуя за модой и не соблюдая никакого стиля в одежде. Бертель раздражают чужие запахи, громкие разговоры на каком-то жаргоне… Но шаг за шагом она убеждается в их душевном превосходстве, и ее охватывает чувство собственной неполноценности перед силой их веры, которая очаровывает пламенной искренностью. В ее сердце пробуждается зависть к очарованию простой жизни. Особая атмосфера царит в их домах. Простые еврейские матери подают детям скромную еду. Они ее соплеменники, они — евреи настоящие. А кто она, Бертель? Дочь в ассимилированной буржуазной семье. Она принадлежит к слою богатой буржуазии, которая по самой своей сущности аморальна! Так им внушают воспитатели в социалистическом сионистском движении. Душа ее неспокойна. Но чтобы хотя бы частично быть причастной к великой идее, она готова сдерживать свою неприязнь и не быть все время в оппозиции.

Тяжело ей оставаться такой, как все. Ее, увы, выделяет буржуазное происхождение. Она просит Гейнца купить ей ранец, покрытый коричневым кошачьим мехом, как у всех, но тот не соглашается.

Он говорит, что неприятный запах этого ранца не позволяет держать его дома и купил ей ранец из настоящей обезьяньей шкуры в магазине эксклюзивного клуба Вондерфогель. Все подразделение Бертель стояло в очереди, чтобы погладить настоящую обезьянью шкуру и подержать ее ранец, более легкий и удобный.

«Балуют ее», словно говорили их лица. Дома она устроила скандал, кляня буржуазные замашки дома, которые вызывают лишь зависть у одноклассников.

Кудрявые сестрички сделали ей выговор:

— Ты такая, какая есть. Ты из богатого дома и не можешь, да и не должна быть иной.

Всемирное сионистское социалистическое движение «Ашомер Ацаир» целиком захватило Бертель своей великой идеей. Форма — темная рабочая рубашка, синий галстук с эмблемой движения,

пряжка с изображением «магендавида», ремень, закрепляющий синюю юбку, длинный острый кинжал в кожаных коричневых ножнах, темный плащ, ботинки, подбитые гвоздями — не нравится семье. Эта форма со всеми ее металлическими аксессуарами придает ей уверенность и чувство принадлежности. Она преклоняется перед самоотверженным трудом инструкторов.

Соревнование между сионистскими молодежными клубами достигло пика. Вожатые денно и нощно рыщут по улицам, решительно и энергично отыскивая уличных детей, бросивших учебу. Им движение предоставляет убежище и теплый дом.

Бертель нравится, что «Ашомер Ацаир» отличается четкими политическими принципами, дает образование широкого профиля, идеи его оригинальны, — и все это открывает ей дорогу в среду инструкторов. Несмотря на то, что Бертель явно отличается от остальных детей, взрослые относятся к ней с уважением. Более того, она гордится дружбой с вожатой Любой, которая пользуется особым авторитетом в движении. Люба снимает жилье в рабочем районе, живет в ужасной тесноте. Питается почти одной селедкой! Но иногда она позволяет себе на время забыть об идеологии, которая, можно сказать, испепеляет ее душу, чтобы насладиться нормальной едой в богатом доме. Утром служанка Кетшин подает ей в комнату булочку, масло и стакан кофе с молоком. Люба — желанный гость в доме Френкелей. Даже собаки Лотэ и Цуки относятся к ней, как к остальным домочадцам, — виляют хвостами, крутятся вокруг ее ног, выражая радость общения с ней, обнюхивают ее и мотают головами.

Люба смотрит на портреты матери, взирающие со всех стен, и понимает душевное состояние Бертель. Девочка рассказывает ей, со слов Лотшин, об их покойной матери. Люба поджимает губы, когда ее спрашивают о ее родителях в советской России. Гордится она лишь тетей и ее родством с героем Йосефом Трумпельдором. Бертель не знает никого, кто бы обладал таким чувством собственного достоинства и уверенностью в себе, как Люба. Она защищает девочку от унизительных замечаний других инструкторов и проявляет к ней повышенное внимание. Часто спрашивает:

— Почему ты грустишь? Ты — большая умница, тебя все ценят, предлагают всяческие должности.

Даже терпеливо пыталась научить ее ездить на велосипеде, но, отчаявшись, бросила это занятие.

Люба отличается от всех остальных инструкторов. Они ставят во главу угла сионизм, освоение земли Обетованной, говорят о

спасении евреев и репатриации в страну Израиля, но мало уделяют внимание учению Карла Маркса. В отличие от них, Люба все время делает упор на свободу, всемирную классовую борьбу и, конечно же, на советскую Россию, которая освободит мир от рабства. Люба читает воспитанникам лекции по истории классовой борьбы от самых начал человечества, о развитии от примитивного общества к промышленной революции, и ее большие голубые глаза вдохновенно сверкают. Душа ее трепещет, когда она говорит об отце коммунизма в большевистской версии Владимире Ильиче Ленине. Она вся светится, рассказывая о чуде революции Сталина: «Не было в мире такого вождя». Она славит превращение России из отстающей от всего мира бедной сельскохозяйственной страны в промышленное государство прогресса и детально описывает изменения, которые Сталин внес в общественное устройство. Она не забывает, Боже упаси, похвалить коммунистку Розу Люксембург, которая погибла героической смертью, ее убили в Германии, и тело бросили в реку.

Бертель видит эти искры вдохновения в глазах Любы и тоже хочет ощутить в душе пролетарский рай советской России, который Люба подкрепляет цитатами из Маркса и Энгельса. Садовник Зиммель дал ей «Коммунистический манифест», который она проштудировала пять раз, чтобы в душе ее звенели погребальные колокола старого мира. Но всё, что касалось диктатуры пролетариата и всемирной классовой борьбы, было чуждо ее духу. Она просто не могла видеть в отце и деде, да и во всех своих предках людей зла. И Люба ставила своей целью изменить ход ее мышления, особенно потому, что она умница, хотя из буржуазного мира. Бертель в смятении, потому что Люба ненавидит буржуазию и при этом уважает их богатый дом и чувствует себя в нем преотлично.

В субботние и воскресные дни Люба возит ее на политические собрания на велосипеде, пробиваясь через крикливое уличное многолюдье. Потоки людей текут на массовые сходки, распропагандированные газетами, радио, объявлениями и листовками. Возбуждение, крики, националистические песни под красными знаменами с черными свастиками. Выстрелы в воздух, вздымающиеся кулаки, раненые, батальоны нацистов в своих формах с эмблемами заполняют центр Берлина. И вся эта бурлящая масса нарушает законы Веймарской республики. Но в обществе Любы она не страшится этого хаоса, коричневых рубах нацистов, их антисемитских призывов и песен.

«Христианство с позором предадим огню, и самого Иисуса — еврейскую свинью! Йуда! Ицик! В Палестину!»

Бертель шагает рядом с Любой, и подстрекательские песни против евреев отзываются болью в ее голове:

Черепа евреев, сынов дьявола расколем,
И тогда раскрепостится наша воля
И взметнется наше знамя во веки веков,
Когда кровь евреев потечет с наших клинков.

По воскресеньям они с Любой ходят в центральный парк Берлина Люстгартен на политические митинги. Это место для собраний социал-демократов и коммунистов. Но в нем свирепствует хулиганье. В разных концах парка, взобравшись на ящики, орут ораторы, вздымая кулаки, — «Хайль Гитлер! Хайль Гитлер!» Коммунисты потрясают ножками раскуроченных стульев.

«Сегодня Германия наша, завтра — весь мир!» — возбуждаются до истерики нацисты.

«Рот фронт! Рот фронт!» — бушует красный фронт, люди в черных рубашках и красных галстуках с эмблемой «серп и молот». Возбуждение передается Любе, и она поет вместе со всеми:

Левой, левой, левой!
Пусть барабан гремит.
Под вражеские силы
Подложим динамит.

И натиск наш неистов
На буржуазный зад,
Идем громить фашистов,
И нет пути назад.

И там, на горизонте,
Встал человек с ружьем.
Врагов мы урезоним,
А палачей сожжем.

Нацисты отвечают:

Адольф Гитлер мощной волей
Укрепил сердца миллионов.
Красный фронт мы в прах расколем
Силой наших батальонов.

«Рот фронт! Рот фронт!» — неистовствуют коммунисты. «Хайль Гитлер! Хайль Гитлер!» — ревут нацисты. Своим ревом коммунисты и нацисты перекрывают крики националистов, социал-демократов и прочих групп, собирающихся в воскресенье в парке Люстгартен. Конная полиция в синих формах не задерживает знаменоносцев, размахивающих огромными красными флагами с не менее огромными черными свастиками, не трогают демонстрантов с плакатами, на которых красочно капает кровь. Под военные марши бесчинствуют нацисты в коричневой форме, гремят барабаны и трубы, возбуждая сброд, оглушая. Эти вопли, выстрелы в воздух стали ритуалом в парке, где разрешены политические выступления.

Бертель втягивается в этот водоворот вслед за Любой и тоже скандирует вместе с красными: «Рот фронт!». Она совершает нечто запрещенное — прячет в учебник по математике пропагандистский материал коммунистов. И надо же такому случиться, что именно ее учебник попадает в руки учительнице. Скандал: политическая пропаганда в стенах школы!

— Откуда у этой девочки, родившейся в буржуазном доме, коммунистические взгляды? — спрашивают вызванного в школу Гейнца.

Учителя, социал-демократы и поддерживающие дойч-националистов, торопятся выразить свое негодование, повторяя, что с таким воззрениями ей не может быть места в престижном учебном заведении. Она помалкивает, но в душе знает, что на самом деле ею владеет одна мечта: быть среди первопроходцев в стране Израиля.

«Кто я?» — вопрос национальной идентификации не дает ей покоя. В движении «Ашомер Ацаир» она находит духовное убежище, чувствуя себя в еврейской среде, но в ушах не умолкает завет отца: «еврейство — дома, вне его — ты немецкая девочка».

Она пытается преодолеть бытующее в доме отчуждение от еврейства. Праздники Израиля, отмечаемые в движении, ничего ей не говорят, исключая Судный день, святой для евреев. Иудаизм — загадка, которую она силится разгадать сама, ибо никто ей не может ответить на вопросы, не дающие покоя. Инструкторы учат, что единственным решением вопроса является «Ашомер Ацаир», ведущий к социалистической революции во всем мире:

— Мы, евреи, начнем осуществление социалистического идеала только в стране Израиля. В Германии же запрещена любая политическая деятельность.

Но весьма размыто понимание места иудаизма в социалистической или коммунистической идеологии, и вообще,

непонятно, кто такой — еврей. Инструкторы отвечают:

— Жить в стране Израиля — это и есть быть евреем.

И настоятельно оберегают воспитанников от участия в политических демонстрациях. Несмотря на это, многие из них не могут избежать соблазна сходок под красным знаменем. Необычная атмосфере этих собраний пробуждает душевный подъем. Бертель тоже грешит этим, хотя нет ей никакого дела до чужих революций. С Любой или без нее, в форме молодежного сионистского движения она шагает в рядах коммунистов, пробираясь поближе к трибунам в парке Лостгартен, «парке желаний». И, слушая ораторов, она с радостью ощущает свою причастность к еврейскому сионистскому движению.

Реувен не очень-то умный мальчик, но его избирают в разные комиссии, ведь он первый готов помочь любому человеку или всему коллективу. В походах он шагает всегда рядом с мечтательной Бертель, несет ее ранец из настоящей обезьяньей шкуры, берет ее за руку, чтобы ускорить шаг. Он любит без конца болтать о том, что справедливо и что несправедливо. Он из семьи восточноевропейских евреев, хранящих заповеди, учится в еврейской школе общины на улице Рикаштрассе. Его общее образование хромает. Его ответы на вопросы примитивны и раздражают Бертель. Тем не менее, она относится к нему приязненно, так как он учит иврит, и друзья его живут в рабочем квартале Веединг. Реувен очень обязателен. Помогает матери Хане в мясной лавке, примыкающей к их квартире, ибо его отец болен. И еще. Он все время спорит с коммунисткой Любой, и всегда побеждает в споре:

— Знай, что среди коммунистов есть антисемиты, — говорит он, вызывая неудовольствие подруги.

На улице, где они живут, их еврейская семья единственная. И коммунисты и нацисты кричат им «Йуда, Ицик!» Только Реувену не кричат вдогонку, ибо он блондин и не похож на еврея.

— Ты лжешь, этого быть не может, — злится Люба.

— Пошли на нашу улицу, я тебя познакомлю с коммунистами-антисемитами.

Люба не соглашается, быть может, из боязни, что это окажется правдой.

Реувен вырывает Бертель из одиночества и замкнутости и везет на раме велосипеда через весь Берлин. Они вместе смеются над пьяницами с расстегнутыми штанами, орущими благим матом. Реувен жмет на педали велосипеда и умиляется всему, что видит вокруг.

— Послали меня за двумя бутылками пива. Всю дорогу

бутылки бились одна об другую и орошали берлинские улицы пивом.

Бертель устает от его скучных рассказов и думает о том, как было бы здорово уединиться с книгой. Но Реувена уважают в подразделении, и ее раскритикуют, если она оттолкнет товарища лишь потому, что он скучен и неумен.

Реувена не интересует учеба, и она зря тратит время, общаясь с ним дома, куда он приходит в гости. Но не следует забывать, что парень многое умеет. Он хочет быть рабочим, стать в Израиле кибуцником, заработать, чтобы увезти туда родителей.

— Движение берет в страну Израиля и тех, кто не может себя содержать, — говорит Реувен.

Он без конца подчеркивает, что жизнь в Израиле нелегка, но это не разрушит его мечту, связанную с той землей. Она сравнивает свою мечту с его, и всегда при этом он пожимает плечами и твердым голосом развенчивает ее привязанности, объясняя, почему она не подходит на роль первооткрывательницы.

Да, он не очень умен, но понимает в еврействе. Его отец, Авраам, глубоко религиозный еврей. В еврейской школе их учат ивриту и молитвам. Он присоединился к Бумбе и Бертель на время летних каникул. Они проводят эти дни на усадьбе деда в Пренслау. Реувен потрясён: евреи едят трефное?! В хозяйственном дворе он отводит взгляд или закрывает лицо ладонями, чтобы не видеть свиней, а затем и их мясо на кухне у поварихи и экономки Агаты. Решительным тоном он заявляет, что даже смотреть на свиней — грех. В субботу Бог наказал ничего не делать. И Реувен не плавает в речке, не пишет, не катается на велосипеде или на телеге. Но в воскресенье он едет с дедом, Бумбой и рабочими в церковь, только чтобы не остаться на усадьбе со свиньями и всей скверной.

В церкви он стоит, остолбенев. В отличие от еврейского молельного дома, переступая порог церкви, мужчины снимают головные уборы, более того, мужчины и женщины сидят на скамьях парами и вместе молятся…

Неуверенность в себе не дает покоя Бертель. По мнению Реувена, в ней есть все аморальные черты буржуазии, и потому он считает своим долгом ее перевоспитать, привить ей коллективистское сознание, отучить ее от всех ее странностей.

Не так-то просто выкорчевать из нее этот корень зла. Вот, к примеру, послали ее с другими девочками группы завязывать беседы с религиозными девушками у входа в синагогу, перед тем, как они войдут внутрь для участия в молитвах. И что же она сделала? Не она уговаривает этих хранительниц заповедей

вступить в движение, а они, почти без слов, убеждают ее пойти с ними молиться. Взволнованная, покрасневшая от молитв на древнееврейском языке, она вышла из синагоги и сказала Любе, что молитвы на иврите невыносимо прекрасны.

— Это не имеет никакого отношения к нам, — пресекла Люба ее восхищение, — это религия. Мы же первооткрыватели, и мы не молимся. В Израиле мы не будем верующими.

Бертель смолчала, явно несогласная с Любой. Разделение евреев на религиозных и атеистов вызывало в ней резкое внутреннее сопротивление.

— С ней просто невозможно! — кипел Реувен от стыда за подругу. В праздник трудящихся первого мая все воспитанники собрались в клубе. Им запретили участвовать в политических демонстрациях. И тут молчальница Бертель испортила церемонию. Когда все запели «Интернационал», она скривилась в знак протеста. Она сказала, что выступает против советской России. Песню же «Возвращайтесь в Сион, чудо всех времен» пела фальшиво, но с большим воодушевлением. Бертель все время говорит ненужные вещи и ставит Реувена в неловкое положение перед коллективом.

— Идеологи всех мастей обычные люди. Они заболевают жертвенной любовью к высоким идеям, а по сути занимаются самолюбованием, — процитировала Бертель своего брата Гейнца, чем вызвала резкую отповедь. Бедольф сказал:

— Мы верны нашей идеологии.

И молчальница Бертель не смолчала, а под влиянием своего буржуазного брата сказала:

— Я вообще не люблю идеологий.

Бедольф сказал:

— Не будешь верить в нашу идеологию, не сможешь состоять в нашем движении.

Эти слова заставили ее замолчать, потому что самая большая ее мечта — быть пионером сионистского дела.

Реувена в движении уважают все, ибо он активист и настоящий товарищ, помогает всем, кто нуждается в помощи. Но с Бертель ему очень трудно ладить. Он посещает ее дом. Вместе с ним приходят ребята из движения — Позел, Дони, Саул и другие, дети-социалисты из рабочего квартала. Им непривычно в доме Френкелей. Их потрясает его богатство в дни, когда голод гуляет по Германии. Они получают удовольствие от сытных и вкусных обедов, которыми их кормит повариха Эмми. Бертель ест вместе с ними за одним столом, и ей стыдно.

Ее товарищи по движению выросли в бедных семьях, и она завидует их классовому происхождению, стыдясь накапливаемого

ее семьей богатства. Она готова отказаться от легкой жизни, чтобы быть достойной стать пионером в кибуце движения «Ашомер Ацаир». Для нее кибуц «Мишмар Аэмек» (посланец которого дал ей имя — Наоми) — некое чудо из чудес. Мордехай Шенхави, привлекательный мужчина, рассказывает о ручном нелегком труде его товарищей, о радостях жизни в коммуне. Он гордится тем, что вместе с товарищами создал в кибуце в поздние двадцатые годы учебное заведение. «Идеи не остаются лишь мечтаниями», — говорит он, поблескивая крепкими белыми зубами.

У Бертель угрызения совести: действительно ли аморально ее буржуазное происхождение? Но ведь даже она считает аморальным их буржуазный дом, их богатство, хотя в глубине души знает, что покойный ее отец был глубоко порядочный человек, таков и дед, и Гейнц, и вся семья в Силезии, все близкие — все они отличаются высокой моралью. И все те, кто посещает их дом, аристократы духа! Воспитатели в движении ошибаются, ну, быть может, чуточку правы. Кстати, ее семья щедро жертвует нуждающимся людям, ее братья и сестры сочувствуют пролетариату.

Как социалистка и сионистка она видит свой долг в том, чтобы замолить свои грехи и грехи своей буржуазной семьи. Она вытаскивает одежду из шкафов деда и Гейнца, набирает продукты, чтобы все это передать нуждающимся сионистам, живущим в коммуне. Естественно, она предлагает ночлег социалистам из Израиля, которые постоянно прибывают, чтобы вести работу в еврейской общине во имя идей сионизма. Эти гости удостаиваются царских почестей. Служанки несут в их комнаты подносы с завтраком, стирают и гладят их одежду.

В душе ее воодушевление борется с отчаянием от мысли, какой нелегкий путь ей предстоит пройти в деле самовоспитания.

Все усилия, направленные на то, чтобы соответствовать линии общества, к которому она стремится принадлежать, напрасны. Реувен читает ей бесконечные нотации и все поучает, как быть такой же нормальной, как все их товарищи по движению, а не вести себя непонятно как. Насколько возможно она прислушивается к его советам, но дома не желает слышать его голос. Домочадцы насмешливо и легкомысленно относятся к ее сионистскому лексикону — «ивритский труд», «иврит», «Палестина», «движение сионистской молодежи». Они высмеивают исподтишка ее гордость своей еврейской национальностью. Ей тяжело быть не совсем настоящей еврейкой. И во много раз труднее переносить мысль о покойном либерале-

отце. Быть может, он гордился своим еврейством из желания выделить свою особенность и непохожесть, или, может, гордился еврейством, как неким отличием.

— Какая плоская, поверхностная мысль, какой стыд для иудаизма, — бескомпромиссно отрицал отец сочинение Теодора Герцля «Государство евреев».

Как ни странно, именно дед ее удивил:

— Евреи любят мечтать, и вся теория Герцля — не более, чем мечта, — стучал он тростью, — но я ценю его душевное мужество. Герцль осмелился встать против императора-антисемита, жена которого еще более антисемитка, чем сам император…

Прячась за портьерой, она таяла от счастья, ибо комплимент деда Герцлю воспринимался ею как комплимент ей самой. В эти минуты она прощала деду все его грехи. Особенно то, что он смеется над ней, называя ее «рабанит» — этаким раввином женского рода. Как все в доме, он отказывался называть ее ивритским именем — Наоми. Да, она знает, что дед вышучивает все это сионистское предприятие, но, при этом от всей широты души жертвует Еврейскому Национальному Фонду.

Все эти внутренние противоречия рождают одну мысль за другой, и недовольство собой растет с каждым днем. Воспитатели говорят о чуде еврейской семьи, ее стойкости и чистоте супружеских отношений. Движение отрицает свободную любовь без обетов супружеской верности. Но и просто объятия, похлопывания ей неприятны. Несмотря на все ее старания, в подразделении ее считают странной. Она невольно услышала разговор двух воспитанников:

— Кто может дружить с ней? Не понимаешь, о чем она говорит, и она не понимает, о чем говорим мы.

Больше всех клевещет на нее Рени, которой вовсе не стыдно, что Бертель пишет за нее сочинения.

Господин Прагер, депутат Рейхстага, употребил все свое влияние, чтобы перевести дочь из обычной школы в престижную гимназию. Как и другие одноклассницы, весьма средняя ученица Рени использует неумение малышки Бертель сказать «Нет!» И все они используют ее способности.

Бертель в последнее время находится в постоянном напряжении. Она рассказала о своих бедах в письме знаменитому психоаналитику. Она объяснила Зигмунду Фрейду, что ее выходки привели к смерти отца, и она страдает от чувства вины и тоски по нему. Рассказала о недовольстве собственной жизнью. Она хочет осваивать страну Израиля, но в Движении ее все время критикуют. Она боится, что ее не выберут в кандидаты на подготовку к репатриации. Но пока ответа нет. Бертель подолгу

пытливо вглядывается в портрет отца, написанный художником Шпацем, другом ее сестер. Мысли ее улетают в Вену: быть может, на почте не знают полного адреса Фрейда, и потому он не отвечает на ее письмо? Прошел уже месяц, и неожиданно она почувствовала, что стала взрослеть.

Воспитатели в Движении отвергают курение и алкоголь, расслабляющие тело и душу. Ведь революционеров время от времени могут сажать в тюрьму. Поэтому нельзя допустить, чтобы революционер страдал из-за своих вредных привычек.

Бертель не раз критиковали за аполитичность. Но она настаивала на том, что у нее нет никакой мотивации к работе во имя построения коммунизма, и вообще ей не интересна политическая утопия Карла Маркса. Не лежит к нему ее сердце. Конечно, следует действовать во имя общественной справедливости и нельзя издеваться над пролетариатом. Но ей претит поверхностная мысль о том, что любой капиталист рассматривается как существо, приносящее непоправимый урон рабочему классу.

Бертель не нравится ее образ жизни. Если бы ее авторитет среди товарищей был повыше, она бы исповедалась перед своим подразделением во всех своих грехах, даже тех, которые она скрывает, чтобы не думали, что она находится в оппозиции. К примеру, она не совсем понимает, почему им запрещены экскурсии в Потсдам. Гейнц и Лотшин выразили недоумение, когда она отказалась поехать с ними в это столь любимое ими место. Они сидели на кухне, у кухарки Эмми, и Бертель разразилась длинной речью, главным образом, чтоб убедить саму себя, что запрет, в основном, справедлив с точки зрения морали:

— Еврей, а тем более, член социалистического движения, не должен посещать Потсдам. Это ведь центр протестантской церкви и символ милитаризма.

Слово за слово, она повторила слова вожатых и добавила:

— Но хуже всего, что там находится центр имперской власти, ужасная и угрожающая, мелкобуржуазная цитадель, защищающая консервативный образ жизни, как будто не была провозглашена Веймарская республика и в стране не установлена власть демократии.

Она добавила, что коммунисты устраивают демонстрации в Потсдаме напротив дома кайзера, но эхо их протеста тут же исчезает, как будто его и не было. Более того, известно, какая там свирепая антисемитская атмосфера. Потому евреи не устраивают мероприятия в известном всем огромном зале Потсдама. И еще она напомнила сестре и брату, что туда не ступает нога деда,

жившего во время монархии, и также вел себя и их отец.

— Так ты готова отказаться от экскурсии в парки дворца Фридриха Великого? — Лотшин даже отставила чашку с кофе.

Чувства ей подсказывали, что младшая сестра не совсем согласна с собственным решением. В чем-то принцесса была права. Бертель любит гулять по дворцам и имперским паркам, но теперь она мобилизует все кажущиеся ей вескими причины, чтобы защитить установку Движения.

— Вольтер ненавидел евреев, — хватается за слова, как за соломинку, Бертель, — и там, во дворце кайзера, этот философ-антисемит, излагал свою теорию во всей своей мерзкой красочности.

— Времена изменились, — возражает Лотшин, — и время Вольтера ушло. В двадцатом веке христианство стало более терпимым. Евреев не преследуют за их веру.

Гейнц закурил сигару, покачивая левой ногой. Бертель замолчала. Она вспомнила острый спор между Гейнцем и Фердинандом по поводу философии знаменитого антисемита, который сказал об этом малом народе, что влияние его веры ничтожно. Вольтер даже шутил, что если бы Бог услышал все молитвы еврейского народца, в мире остались бы только евреи. Этот юдофоб, который верил в Творца мира, наплевательски отвергал молитвы, говоря, что они приносят лишь вред человеку, как фантастические рассказы об Исходе народа Израиля из Египта.

Фердинанд и ее братья поехали в Потсдам, и она представляла себе, как Бумба копирует протестанток, в длинных раздувающихся платьях прошедших столетий, в религиозном рвении молящихся на площадях и центральных улицах. Она воображала, как шествует среди них с высоко поднятой головой, и в стиле ее младшего братца копирует смешные движения окружающих ее тяжеловесных протестанток.

Бертель поднялась в свою комнату, чтобы почитать книгу, но опять погрузилась в глубокие размышления. Нацисты кричат: «Смерть евреям!». А где же церковь? Почему не взывает: «Не убий!» Лицо ее пламенеет. Ненавистники евреев выстраиваются пред ней один за другим.

На уроках закона божьего они изучают проповеди отца германских антисемитов, как называл его отец, Мартина Лютера, первого протестантского реформиста. Эти проповеди протестантские священники повторяют в своих церквях уже четыреста лет. Что-то неопределенное стоит между христианством и иудаизмом. Бертель в душе считает, что ни эмансипация, ни равенство прав не превратят евреев в

равноправных германских граждан.

В сердце щемит. Улицы бушуют, а ее семья отвергает реальность. Ее братья и сестры делают вид, что они такие же граждане, как и все вокруг. Не может быть, что она чувствует себя чужой в Германии только потому, что кожа ее темнее, чем у окружающих ее немцев. Бертель растеряна.

А вот ее дед, еврей, уверен в себе. Он шагает по этому миру с таким чувством, что с ним ничего не случится даже теперь, когда антисемитизм поднимает голову. Дед изобретает всяческие уловки. Он приглашает барона из Пренслау погулять за его счет в роскошных ресторанах Берлина, чтобы обзавестись новыми знакомствами и возобновить старые связи. И действительно, благодаря барону, дед установил дружеские отношения с главами союза германских металлургических предприятий и в ближайшие дни подпишет договор на ремонт мостов через реку Шпрее. Дед счастлив, в отличие от Гейнца, которого не оставляет черная меланхолия. Каждые три года возвращается кошмар, сопровождающий изматывающий процесс обновления договора с газовыми предприятиями Берлина. Усиливается зависимость от сомнительной протекции адвоката доктора Рихарда Функе, верного слуги националистов, проводящего время в компании глав сталелитейной промышленности. Они ревностно оберегают чистоту германской нации и не дают возможности еврею войти в их круг, даже если он богач из богачей.

Гейнц все время в напряжении. Его снедает страх за будущее их семейного детища — сталелитейного завода.

Дед же демонстрирует уверенность и абсолютное равнодушие ко всему, что происходит вокруг, словно не понимает причин общего панического настроения. Он уверен, что варварский расизм на улицах не будет долог, и в конце концов, разумное начало германского народа его одолеет. Гейнц надеется, что дед всмотрится в жадные вороватые глазки адвоката-нациста и опустится с небес на реальную почву. Дед все еще носится с бисмарковским девизом «кровь и железо», забывая, что он остался в прошлом.

Прогноз Гейнца не осуществился. Дед ловко и осторожно, опираясь на свой жизненный опыт, загнал жертву в ловушку. Оглядывая всех с высоты своего роста, он вошел в роскошный ресторан на улице Унтер-ден-Линден, чтобы встретиться с адвокатом Функе, о котором Гейнц деду все уши прожужжал. Дед прошел между столиками, самоуверенно постукивая своей тростью с серебряным набалдашником. Официанты отвешивали ему поклоны. Щедрая рука деда одаряла каждого из них

роскошной сигарой. Выражение лица адвоката Функе изменилось, когда этот гордый и самоуверенный еврей стал развивать тему «железа и стали», а также говорить о своей собственной мудрости, благодаря которой, он стал одним из первых в сталелитейном деле Берлина.

Гейнц сидел между ними, находясь в сильнейшем напряжении и нетерпении. Но дед не торопился переходить прямо к делу. Он извлек из кармана большой снимок времен кайзера Вильгельма Первого и заставил адвоката внимательно его рассмотреть. На снимке красовался дед собственной персоной в гусарской форме: красочно расшитый головной убор с широким белым пером, не менее красочный ментик с одним рукавом. Второй пустой рукав прикреплен наискось к груди шнуром, широкий пояс с блестящей пряжкой, штаны с красными лампасами, заправленные в начищенные до блеска сапоги. Снимок сработал так же блестяще. Адвокат-нацист был сражен наповал романтическим духом гордого еврея, говорящего о величии Германии и его великих вождях и добившегося таких успехов в сталелитейном деле.

Гейнц только часто моргал. Функе отказался от всех своих претензий и требований. Ни слова о компаньонстве. Он посчитал честью служить делу сталелитейного предприятия, основанного таким патриотом, как дед, и готов был добиться большого заказа от берлинского муниципалитета, используя свои связи с главами профсоюза германской сталелитейной промышленности, продвинуть договор о ремонте мостов над рекой Шпрее в обмен на реальное вознаграждение. Гейнц был потрясен эквилибристскими способностями деда. Функе даже не заикнулся о том, что необходимо сменить старое название предприятия — «Морис Гольц», откровенно еврейское. С согласия деда Гейнц попросил адвоката Филиппа Коцовера, исполняющего обязанности юридического советника их сталелитейной фабрики, подготовить документы и передать их нацисту Функе.

Телефон наигрывал гимн «Германия, Германия превыше всего». Дед спрашивал: «Идиот не звонил?» Дед с брезгливостью принимал комплименты чванливого нациста, гордясь тем, какой урок он ему преподал.

— Что, нелегкие нынче времена, внук? И надо содержать семью? — дед прокашлялся, с видимым удовольствием закрутил усы. — Трудные времена?

Гейнц удивляется: до каких пор деду удастся вести дела по своему желанию и воле?

Вот и Рождество стоит на пороге. Приближаются выборы. Бизнес преуспевает. Дед успешно играет на бирже.

— Нынешние времена следует преодолеть мужественно и с полным подъемом духа! — дед прокашливается, прочищая горло, постукивает тростью, не спуская сердитого взгляда с лица внука. — Не будь черным вороном, накаркаешь. Сама по себе реальность, сама жизнь — это ведь счастье!

Гейнц помалкивает, но не перестает думать о том, что дед все еще пребывает в плену собственных иллюзий.

Бертель стыдится семейного бизнеса. Лишь клуб «Ашомер Ацаир» заполняет душевную пустоту, которая углубилась со смертью отца. Но только эта пустота стала ее прибежищем. Она пропускает школу ради посещения клуба, чтобы ощутить воспринимаемый ею, как чудо, сионизм. Гейнц подтверждает подписью в ее дневнике все опоздания и пропуски уроков, не спрашивая о причине. И это дает ей возможность наблюдать вблизи жизнь ее сверстников — сионистов.

Их клуб, созданный всего год назад, расположен на улице Ратенауштрассе, в богатом торговом районе Берлина. Сами же воспитанники живут коммуной. Свирепствует безработица, и потому они всегда голодны. Она видит их бедность, тесноту жилища, а ведь большинство из них — инструкторы. Часть из них работает, и свой заработок они делят на всех товарищей, ибо не к чести воспитанника Движения, готовящегося к репатриации в страну Израиль, жить за счет родителей. Все эти деньги кладутся в открытый сейф. И каждый имеет право взять сумму, необходимую ему для существования. Для порядка он должен записать в тетрадь, сколько и на что взял деньги. У части воспитанников родители по возможности вносят некоторую сумму, но гордость сыновей и дочерей часто не позволяет им принимать эту помощь.

Всю неделю их рацион составляют селедка, картошка с луком или без лука. Они принципиально не унижают себя сбором пожертвований — не хотят походить на евреев страны Израиля, побирающихся у барона Ротшильда, родителей, у богатых еврейских общин. В небольших комнатках, которые больше похожи на провинциальные небогатые лавочки, стоит старая мебель, четыре деревянные кровати по четырем углам, четыре столика, на которых громоздятся горы книг, папок и тетрадей. Книги, в основном, об Израиле и еще те, по которым инструкторы готовятся к занятиям с воспитанниками — Маркс и Энгельс, сочинения Фрейда и книга Райха «Сексуальные проблемы молодежи».

В одной из комнаток ютится и глава подразделения Бедолф. Он живет вместе с тремя инструкторами, с которыми все время дискутирует по проблемам, возникающим в подразделении.

После смерти отца он занял главенствующее положение в жизни Бертель, ибо, в отличие от других воспитателей, относится к девочке по-отечески покровительственно.

Вожатый заботится о питании и гигиене воспитанников, интересуется их настроением, здоровьем и положением их родителей. Эти заботы дают Бертель ощущение внутренней уверенности. Она чувствует себя не такой замкнутой и одинокой, и это раскрепощает ее.

К ней Бедолф относится с особым уважением, без конца делая комплименты ее уму и эрудиции, несмотря на то, что в эти безумные дни подготовка к сельскохозяйственному труду предпочтительней получения высшего образования или отличных результатов в учебе. За его самоотверженность, Бертель подарила вожатому цветной занавес, который по ее просьбе сшила Эльза для его комнатки. И конечно же, она приносит из дома все кушанья, которые в большом количестве готовит Фрида.

Движение и Израиль заполняют всю жизнь Бертель. Она счастлива, когда еврейская община присылает в их дом новых воспитанников из Франции, Алжира, но, главным образом, из Израиля. Неделями, а иногда и месяцами они проживают в гостевых комнатах дома Френкелей, наслаждаясь жизнью. Служанки приносят к ним в комнаты завтраки и обеды. Эмми подает им горячую пищу. Кетшин убирает пыль и заправляет постели. Прачки стирают их одежду. А для тех, кому нечего надеть, выделяют рубахи и штаны из гардероба Гейнца, а также шерстяные носки, связанные Фридой и Агатой. Домочадцы, за исключением деда, не носят шерстяные носки. Раньше дед также предпочитал шелковые носки, но после смерти сына, по настоянию Фрида, стал пользоваться шерстяными, из боязни простудиться и заболеть.

Бертель втягивается в деятельность Движения во имя еврейской солидарности и выбирается из раковины одиночества. Ее щедрость известна в Движении, и не только потому, что она открывает дом нуждающимся воспитанникам из пролетарских районов северного Берлина, и они получают питание, которого лишены у себя дома в эти дни безработицы и голода. И не только потому, что она собирает целые коробки продуктов и одежды из гардеробов брата и сестер для бедных семей.

Недавно она пригласила на ночлег сорок воспитанников. Они опоздали на ночной поезд после посещения района увеселительных заведений. Их могли обвинить в увлечении бездуховной жизнью и распущенности и наказать, чтобы они поняли, что достойно и что нет.

Это событие, о котором еще долго говорили в Движении,

удивило Бертель раскрывшимся для нее внутренним противоречием в душах ее товарищей-социалистов. Они, не упускающие случая покритиковать ее буржуазный дом, забыли самих себя. Поборники равенства, резко отрицающие буржуазные символы, отворачивающие нос от любого запаха богатства, открыто восторгались домом Френкелей. Она была разочарована слабостью парней из пролетарского Берлина, которые впервые оказались в ее доме. Социалисты из восточной Европы, перед классовым сознанием которых она чуть ли не пресмыкалась, замерли с раскрытыми ртами перед двумя рыцарскими мечами на дубовой стене, над главным входом в дом. Затаив дыхание, с боязнью и с трудом скрываемым восторгом, они приблизились к входу в роскошный огромный дом, построенный еще в средневековье, в котором в прошлом обитали настоящие рыцари. Переступив порог, они восторженно зашумели, увидев шесть оленьих рогов, оставленных в доме ее бывшими хозяевами — юнкерами, заядлыми охотниками. Они замерли, услышав кукушку, выскакивающую из оконца настенных часов и отсчитывающую время. Круглый зал, стены которого отделаны дорогими сортами дуба, а пол устлан персидскими коврами, шелковое постельное белье — простыни, наволочки, одеяла и подушки, — пробудили эмоции у десятилетних воспитанников. Не говоря уже о завтраке. Перед тем, как разъехаться по домам, каждый получил булочку и кофе с молоком.

Несмотря на все ее старания быть как все, она всё время попадает впросак. Вот, к примеру, обычное собрание с ее товарищами по подразделению закончилось для нее позором. Гости пытались гуртом усесться в мягкие кресла или на кожаные диваны и получили жесткий урок того, что в их доме можно, а чего нельзя, от ее сестры Эльзы, которая выдворила их из дома. Девушка была потрясена их поведением, когда они решили сесть как в стихе Писания — «как хорошо и прекрасно, братья, сидеть всем вместе». Она не поняла их наглости — обнимать с обеих сторон за плечи ее младшую сестренку. Особенно преступным для нее было место их разнузданности — кабинет покойного отца. Бертель не стала ничего объяснить Эльзе — она терпела поведение ребят, ибо боялась, что ее обвинят в противопоставлении себя коллективу и в том, что она не созрела к открытым и свободным отношениям между девушками и парнями. Бертель сжала зубы, хотя в откровенном разговоре с Бедольфом она высказала мнение, что запреты и разговоры о строгом соблюдении чистоты взаимоотношений между полами до репатриации в страну Израиля только усиливают сексуальное напряжение. Когда она отказалась участвовать в игре «Братьям

сидеть всем вместе», он покачал головой в знак согласия, но не снял руки с ее плеча. Несмотря на все эти беды, она благодарна той уверенности и чувству дружбы, которые ей дает Движение.

Столица бушевала. Бертель шла по краю тротуара, как всегда погруженная в свои мечты. Реувен все время одергивал ее, чтобы она не попала под несущиеся впритык автомобили или телеги и не наткнулась на подозрительных типов — безработных, пьяных, шатающихся в центре города. Ведь она ходит, как лунатик, и может оказаться в неприятной ситуации. Так случилось однажды, когда она вернулась домой из школы вся в слезах. По дороге наткнулась на пьяного, который спустил штаны и поигрывал своим членом в окружении любопытной толпы. Она рванула оттуда со всех ног. «Уф!» — тяжело вздыхает Реувен думая, что необходимо следить за каждым шагом подруги, витающей в облаках.

«Евреи опасны!», «Кровь должна пролиться в нашем отечестве!», «Смерть врагам народа!» Призывы к насилию заполонили центр. Бертель нарушает молчание у огромных кричащих плакатов, объявляющих о выступлении предсказателя будущего — еврея Ханусена.

— Хануссен прав, — негромко, но уверенно говорит она.

— Все это глупости, все это обман, — возражает ей Реувен, бросая презрительный взгляд на светлые волосы и театральное одеяние Хануссена.

— Он прав, — упрямо повторяет Бертель.

Она не разделяет гнев еврейской общины поведением Зали Нордоя, беженца из Варшавы, который добрался до Берлина и здесь выступает под именем Хануссена. Евреи считают этого еврея лжецом и обманщиком. За деньги он служит нацистской пропаганде с начала тридцатых годов. В нацистской газете «Ангриф» постоянно публикуется его колонка предсказаний, согласно которым Гитлер овладеет всей Германией. Знающие языки нашептывают, что нацисты содержат «газету Хануссена». Говорят также, что юнкеры и владельцы капиталов провозглашают, что Хануссен обладает сверхъестественными пророческими талантами и этим способен остановить натиск коммунистов. Что бы там не говорили, еврейский беженец пророчит великие дела Гитлеру и обогащается, как Крез. Даже в споре о Хануссене Бертель придерживается своего мнения. В Движении она присоединяет свой голос к мнению обеспокоенного меньшинства. Несмотря на то, что на последних выборах пролетариат голосовал за нацистов, большинство в подразделении, в том числе и Реувен, поддерживает мнение

коммунистки Любы, что Гитлер — это курьёз. Исчезнет с политической сцены. Большинство уверенно считает, что на будущих выборах социал-демократическая партия не проиграет, и Люба, конечно же, с большинством. «Коммунисты усилятся», — говорит она, отвергая слова Хануссена, на выступления которого в театре бегут воспитанники. Раньше «пророк» стоял на импровизированной трибуне, сложенной из пустых ящиков. Теперь же молодые евреи смешиваются с толпой, поддерживающей нацистов, и должны с ними стоять в одной очереди за билетами в театр. Прокрасться в него невозможно, и приходится Реувену полагаться на доброе сердце Бертель, которой Гейнц или Фрида дают карманные деньги. Все знают ее щедрость: за ее деньги была куплена большая шоколадная кукла, которую вручили Густель в день ее рождения.

Убийство, грабежи и изнасилования происходят каждый день в опасных районах Берлина. Банды нацистов издеваются над противниками, и в первую очередь, над евреями. Воспитанники оказывают сопротивление этим бандам. Натыкаются они на горлопана Кунце, который шатается по площадям и улицам, голосит, обвиняя новую республику и евреев в голоде, свирепствующем в городе. Кунце стоит на ступенях памятника Мартину Лютеру, напротив старого здания суда, одного из первых зданий, построенных в Берлине, и кричит в экстазе: «Бить евреев палками! Бить их!» У Кунце тощее тело, но лицо толстое, колышущееся, как сырое тесто. Воспитанники останавливаются перед ним, надувают щеки, косят взглядом, гримасничают, пародируя его. Когда подразделение идет плотным строем, большинство нацистских банд не вступает с ними в драку, несмотря на то, что евреи унижают нациста Кунце. Реувен первым готов нагнать страх на хулиганов. Он выглядит старше своих лет, крепок и мускулист и пользуется уважением товарищей. С четырнадцатилетнего возраста он работает в мясной лавке родителей, ибо у них нет возможности оплачивать его учебу. Отец болен, и Реувен ведет дела лавки, зарабатывая на содержание всей семьи. Выпятив грудь, он каждое утро отправляется на бойню. Несмотря на юный возраст, он весьма осведомлен в делах, и обмануть его невозможно. Реувен чувствует себя пролетарием и ведет себя соответственно. В Движении произносит возвышенные социалистические речи. Он скрывает эмоции, но терпеливо, со вниманием, относится к товарищам.

При этом его могут рассердить некоторые проявления характера и чувств белоручки Наоми или Бертель, как ее зовут в семье. Но только ей он открыл большую тайну и втянул в свою

авантюру. Реувен по-настоящему откровенен с Бертель. В душе он давно порвал с сионистским клубом, потому что не хочет быть мягкотелым. Он не сидел, сложа руки, из-за любви к Движению. На улицах Берлина не предвидится большая война, и у него не хватает терпения ждать настоящей классовой борьбы до репатриации в Израиль. Бертель воспламенилась от его воодушевления. Ее любопытство породило мысли об авантюре, обернувшейся бедой. Она заглянула в бастион коммунистов на севере Берлина и разочаровалась. Сначала она восторженно приняла их идеи. Под их впечатлением она сочинила рассказ о сыне бедных пролетариев, любящие родители которого борются за достойное существование.

Но затем, оказавшись в районе, куда никто из антикоммунистов не осмеливался сунуться, Бертель вызвала всеобщий гнев, критически отозвавшись о Марксе. Вожатая была вне себя. Она резко отчитала Бертель, сказав ей, что та ничего не смыслит в Марксе. Обычно молчаливая, Бертель на этот раз не смолчала. Упрямо стояла на своем, не обращая внимания на утверждения, что вожатая-коммунистка лучше разбирается в политике, чем отпрыск буржуазной семьи! Затем всем было дано задание — написать сочинение о коммунизме, и терпение вожатой лопнуло. Бертель не удовлетворилась кратким описанием, а добавила свой критический отзыв.

— Ты ужасно меня подставила! — Реувен плюнул на собственную ногу, стоя у края мостовой. — Думаешь, ты лучше знаешь тему, чем вожатая?! — едва ли не кричал он тонким ломающимся голосом. Они шатались по «красному» району Ведингу, и Реувен никак не мог успокоиться. Считая себя ее духовным учителем, он полагал, что в среде коммунистической молодежи он освободит ее от сентиментальных и мягкотелых буржуазных замашек.

— И вообще, что ты имеешь против коммунистической молодежи? — в голосе его слышались металлические нотки, которые вызывали у нее еле сдерживаемое желание рассмеяться. То высокие, то низкие звуки его юношеского ломающегося голоса нарушали серьезность сказанного.

— Я написала правду, и вообще, как можно сравнивать сионистское движение с коммунистическим?! У кого-то есть коммунистическое мировоззрение, у кого-то его нет.

Ее неприятие коллектива особенно ощущалось в лесу во время привалов. Молодые коммунисты ели с большим аппетитом и не делились едой с бедными воспитанниками, которые сидели в сторонке, без еды. Такое бездушие заставило Реувена покинуть движение социалистической молодежи. В коммуне «Ашомер

Ацаир» нет богатых и бедных. Бутерброды богатых воспитанников ели все, как и скромные бутербродами бедных.

Солидарность молодых сионистов окупает в глазах Бертель их атеизм. В движении говорят, что страна Израиля пустынна, и строить ее надо по социалистическим, а не по религиозным, принципам. Вожатые учат, что Бога нет, но она верит в Бога, хотя и не очень понимает, что это такое. Со временем она создала для себя Его расплывчатый образ. Раввин Хаймович внушил ей глубокую симпатию к иудаизму, и она тянется к евреям, соблюдающим традиции, хотя ее раздражает образ жизни товарищей по подразделению: Гостеля, Дони, Реувена, Саула Кенигсберга и Позеля Шварца.

Реувен бежит от иудаизма, как от огня. Реувен считает себя ее товарищем, но вот же, не помог ей в истории с Эшингером. Все началось с обычной беседы с тетей Ревекой Брин.

— Что ты сегодня делала в Движении? — спросила она.

— Мы ели сосиски.

— Где?

— У Эшингера.

— Значит, ты ела свинину. Я даже представить не могла, что кто-то из вас прикоснется к некошерной пище. Вы только думаете, что вы — евреи. Тот, кто ест свинину — не еврей.

Тетя Ревека перечислила сорта мяса, которые разрешено есть евреям после их обработки солью, и добавила:

— Из-за того, что я соблюдаю кашрут, я не ем мясные блюда в вашем доме.

Бертель выяснила у преподавателя иврита, кошерны ли сосиски у Эшингера. Раввин Хаймович удивленно поднял брови:

— Что вдруг в нееврейской столовой мясо должно быть кошерным?

И Бертель решила поднять вопрос некошерной пищи у Эшингера перед руководителем Движения.

— Мы не религиозные, — ответила ей Хильда Павлович теми же словами, что Бертель слышала от покойного отца.

Бертель не отступила. Обратилась к Любе, и та тоже ответила:

— Почему не следует есть у Эшингера? Мы не религиозные.

Реувен, который вне дома перестал есть кошерное, услышал вопрос и поднял крик:

— С каких пор ты стала кошерной еврейкой?! Ты говоришь, как моя мать!

Так или иначе, она перестала посещать коллективные походы в ресторан Эшингера на Александерплац. Если все же оказывалась там, садилась отдельно от всех воспитанников и ела

булочки с маслом или булочки всухомятку, слушая, как вокруг по поводу ее поведения разражались бурные споры.

— Наоми верующая, — смеялись над ней даже воспитанники, в домах которых соблюдались традиции.

Наоми перестала оплачивать некошерные сосиски для малоимущих воспитанников. В конце концов, Бедольф вывел Бертель из одиночества, сказав тем, кто ее критиковал, что соблюдение кашрута — дело сугубо личное, и это улучшило ее положение среди товарищей.

В коммунистическом районе «Красный Веддинг» Реувен высоко поднимает голову, выпячивает грудь, потому что любит ощущать всем своим существом горячую атмосферу пролетарского квартала. Бертель сопровождает его, чтобы наблюдать, как маршируют члены коммунистической партии в черной форме со значком «серп и молот» или члены коммунистического профсоюза в зеленоватых плащах. В этом районе бросаются в глаза трущобы, но на каждой полощется красный флаг с изображением кулака, сжимающего молот. На каждом углу висят лозунги «За советскую Германию» и «Красная Германия». Малые дети и подростки раздают прохожим листовки. С грузовиков несутся коммунистические песни, отвергающие капиталистическую Германию. Множество безработных сидят на ступеньках и завалинках. Бездельничают и свирепо спорят. На сочном берлинском сленге они ругают последними словами Гинденбурга, Гитлера и быстро меняющихся глав правительства. Владельцы предприятий и мастерских боятся брать на работу коммунистов. Они смущают дисциплинированных немецких пролетариев, призывая их к борьбе.

Реувен водит ее на окраины пролетарского района, самого опасного в Берлине. Она не боится ходить вместе с другом. Его внешность служит ей прочной защитой. Реувен делает строгое выражение лица, демонстрируя серьезность, отличающую коммуниста. В последние годы он вырос, грудь и плечи расширились, тело стало мускулистым. Волосы и глаза у него светлые. Он носит темные очки, придающие ему вид человека твердых и решительных убеждений. Учится говорить короткими рублеными фразами, следит за тем, чтобы не проскальзывала в голосе буржуазная мягкотелость. В подразделении считают его умным парнем, но, по мнению Бертель, он весьма поверхностный человек.

Круг его интересов ограничен. Он обижен, что Бертель не разделяет его восхищения маршалом Буденным. Он не устает повторять имя командира красной конницы. Громовым голосом

он повторяет команду своего кумира: «Именем рабочих и крестьян вперед — на черную реакцию, по приказу первого в мире пролетарского правительства». И затем восхищенно произносит: «Какой это все же святой — русский народ!»

Он готов был ее испепелить, когда, после прочтения книги Франца Верфеля о резне армян, она спросила:

— Если советская Россия такая святая, почему она не спасла армян?

Он не сдержался в выражениях и своими излюбленными короткими фразами сказал, что она чересчур умна, к ней трудно приблизиться, что она сильно отличается от всех, чужда всем, и, вообще, с ней одни проблемы. К примеру, прочтет книгу и тут же цитирует из нее целые отрывки наизусть. Объяснения ее слишком длинны и романтичны, что вообще не принято в обществе. И все критикуют ее мнения и считают их неприемлемыми. И ей бы следовало научиться у него выражать свои мысли короткими фразами, прямо, без обиняков, по обсуждаемому вопросу, просто и логично.

С того времени, как Реувен стал подпольным коммунистом, он стал еще жестче к ней, особенно, когда она начинает цитировать из книги Теодора Герцля «Алтнойленд» — «Старая новая страна», и восторгается каждым отрывком из этой книги. На большом сионистском собрании лицо ее пылало, когда посланец из еврейского поселенческого анклава в Палестине говорил о создании образцового, достойного подражания, государства в их старой новой стране. Она возбужденно шептала ему на ухо: «Реувен, это и написано в книге Герцля». Откуда такой восторг?! Он пожимал нервно плечами и глаза его вспыхивали недовольством. Как можно говорить об образцовом государстве, если ее собирается создать мечтательная буржуазия в стране Израиля. Как можно создать такое государство, достойное подражания, до того, как изгонят всех империалистов, плутократов, колониалистов и капиталистов — английских, арабских и еврейских. Их следует оттуда вышвырнуть.

Даже имя ее из ивритской песни вызывало у него стыд. Вдруг она решила в песне «Здесь, в стране, осененной праотцами нашими…», изменить слово «здесь», на — «там». И Бедольф ее поддержал. И вообще, в душе у Реувена созрело решение: покинуть движение скаутов, уйти в уличную борьбу. И, словно в насмешку судьбы, именно он, оппозиционер в молодежном движении, который не желает отставить классовую борьбу до отъезда в страну Израиля, чего требует движение, был большинством голосов, включая Бедольфа и Любу, избран представителем молодежного движения. От него ожидают

отъезда на ферму по подготовке к репатриации в Израиль. Она же лезла вон из кожи, чтобы убедить инструкторов и воспитанников, что он недостоин такого почета — быть посланным в Израиль. И Реувен, подпольный коммунист, смотрит на Бертель свысока. Темная рубаха, голубой галстук и ботинки, подбитые гвоздями, которые, кажется, она вообще не снимает с ног, не лишат ее буржуазной закваски и не превратят в настоящего члена Движения. Даже щедрость ее, помощь нуждающимся товарищам, все ее старания не помогут ей стать пионером, посланным в страну, ибо есть в ней нечто чуждое, отличающее от всех.

Бертель борется с собой, желая быть как все, но ничего не выходит. На празднике, в честь юбилея движения, который состоится через два месяца, она не будет петь в хоре песню о земле Обетованной из оперы Верди «Набуко». Она будет стоять в стороне и петь про себя, боясь сфальшивить в хоре еврейских пленников Навуходоносора, мощном, пробирающем до костей. В тексте песни чувствуется гениальное дыхание пророков — Даниила, Иеремии и Захарии.

Лети наша мысль на крыльях златых
К пределам Отчизны, просторов родных,
Привет передай от захваченных в плен
Сынов, что не в силах подняться с колен,

Привет Иордану, горам, и долинам,
И башням Сиона, непобедимым,
Что ныне пылают пожаром и дымом,
Неси же привет наш с ненастной чужбины.

Молчат наши нежные скрипки отныне,
Уста наши сжаты — как петь на чужбине?
Мы гибнем от жажды и солнцем палимы —
Источники наши — в Иерусалиме.

Печаль снедает душу Бертель. Но последние слова песни возвращают ей надежду. И она повторяет их шепотом:

Мы вернемся к тебе, наш любимый Сион,
Что Божественной аурой осенён…

Чувство одиночества и отчуждение от окружающих ее людей овладевает ею. Но чем-то добрым веет от проекта Мордехая Шенхави, которым она увлечена. Речь идет о создании макета из

спичек кибуца «Мишмар Аэмек». Во время юбилейного празднества макет будет выставлен для обозрения.

Лето 1932. Бертель не отходит от Гейнца. Она делится с братом своим ощущением близящейся катастрофы. Кто мог даже подумать, что старик Гинденбург, президент Германии, пригласит в Берлин Гитлера. Президент ведет переговоры с «богемским капралом», как он презрительно называл этого выскочку, чтобы получить поддержку национал-социалистической партии. В массах установилось твердое мнение, что этой партии принадлежит в будущем власть в стране. И Гейнц испытывает облегчение, смешанное с тревогой, что дед не замечает события последних дней. Его радует, что младшая сестренка стала менее замкнутой, гуляет со своим подразделением в центре города, среди людских толп, вбирая в себя предвыборную атмосферу. Она крутится в этой толкотне, на перекрестках улиц, где висят огромные плакаты трех кандидатов в президенты — коммуниста Тельмана, действующего президента Гинденбурга и нациста Гитлера. И везде развеваются флаги конкурирующих кандидатов — красные с тремя желтыми стрелами, красные с черной эмблемой серпа и молота, красные с черной свастикой. Флаги развеваются на ветру под рев голосов людей, поддерживающих своих кандидатов.

Дед сердится. Бертель усиливает черную меланхолию Гейнца. «Ужас гуляет по городу», — новости об убийствах, грабежах, воровстве приносит девочка домой. Дед беспокоится за нее.

Нацисты видят, что сионисты поддерживают их идеи, призывающие евреев покинуть Германию и репатриироваться в страну Израиля. Но время от времени нацистская молодежь буянит перед клубом сионистской молодежи. Иногда прохожие останавливаются и пытаются внушить разбушевавшимся молодчикам, что не следует бить евреев. Вожатые дали указание воспитанникам не убегать, как зайцы, от нападающих, а вести себя с достоинством. Бертель стыдится. Она не сжимала кулаки, не давала сдачи, а только получала тычки и удары, ибо не сумела быть жестокой, как ее товарищи, которые отвечали кулаками нацистам.

Гейнц присаживается на краешек кровати, отпивает из стакана небольшими глотками коньяк. Бертель чувствует, насколько он несчастен.

Изменился берег реки Шпрее, место развлечений берлинских пролетариев в праздничные и воскресные дни. Раньше здесь натягивали зонтики и тенты, играли и наслаждались покоем, плавали в реке, ловили рыбу. Теперь здесь уже не продают

воздушные шарики и легкие закуски, не появляются дрессированные обезьянки, собирающие в посуду деньги для шарманщиков, исполняющих любимые публикой мелодии.

Однажды ночью нацисты с факелами в руках захватили берег реки, украсив огнями лодки и превратив саму реку Шпрее в красочное зрелище. Зрители вышли из ближайших домов.

Кто победит — коммунисты или нацисты? Канцлер Фон-Папен считает, что за спиной бесчинствующих коммунистов в Альтоне стоит прусское правительство. С того дня, как в этом городе начались кровавые стычки, в подразделении идут горячие споры о том, распространятся ли эти столкновения на всю Германию, как это случилось и в берлинском рабочем квартале, когда нацисты решили в нем устроить свое шествие. И если так отреагируют пролетарии по всей Германии, это может остановить Гитлера.

Нацисты празднуют на улицах, а в доме Френкелей в это время устраивают танцы. Дед говорит внучкам, что траур не должен мешать течению жизни и поддерживает их. В роскошной гостиной не умолкает веселая музыка. Молодые люди, друзья сестер, собираются в доме. Лотшин замкнулась в себе. Со времени смерти отца она печально слоняется по комнатам, словно несет траур за всех домочадцев. Бертель не отходит от Гейнца, держит дверь своей комнаты открытой, чтобы прислушиваться к его шагам. Когда он возвращается в свою комнату, она заходит к брату и усаживается к нему на колени. Он, молча, склоняет голову ей на плечо, и они подолгу сидят, не двигаясь с места. Она думает, что ее любимый брат тоскует по покойной матери. Ведь только она унаследовала от матери черные волосы и карие глаза.

Осень 1932. В доме неспокойно. Любимая повариха Эмми передала деду письмо от своего брата, работающего охранником на металлургическом комбинате Круппа в Аахене. По мнению ее брата, на этих гигантских предприятиях готовят приход Гитлера к власти. На ближайших выборах нацисты, может, и не победят, но на следующих — победят вне всяких сомнений. И тогда вспыхнет гражданская война, потому что социал-демократы не сдадутся правительству, возглавляемому Гитлером. Эмми сказала деду, что теперь опасно работать у евреев, и она не может позволить мужу, инвалиду войны, который тянет ногу, пережить еще одну войну.

— Сейчас же собирай вещи и покинь наш дом, — прервал ее дед.

В единый миг любимая всеми Эмми превратилась для деда в чуждое существо, предательницу. Он запретил ей заходить в кухню. Его доброе отношение к кухарке сменилось сильнейшим

ожесточением. Во время безработицы после мировой войны он поддержал ее семью, обеспечив ее всем необходимым, использовал все свои связи, чтобы устроить ее мужа-инвалида охранником на фабрике. Он бесплатно предоставил им комнату в полуподвале их дома в дорогом районе Вайсензее, чтобы ей было легко рано вставать на работу и вечером возвращаться домой.

Чувствительная Эмми смахнула слезу и уткнула нос в платок, скользнула руками по белому фартуку и, рыдая, вышла из дома. В тот же день сестры Румпель заняли ее место на кухне. Фрида, добрая подруга Эмми, приняла все происшедшее тяжело. Дети были удивлены жестокостью деда. Повариха Эмми, добросердечная женщина, сопровождала их повседневную жизнь многие годы. А дед после объявления об ее увольнении, как ни в чем не бывало, демонстративно уселся в кресло и принялся перелистывать газету в поисках объявлений о молодой поварихе. Затем быстро рассчитал Эмми и, не выражая никаких эмоций, выдал ей солидное выходное пособие.

Грусть охватила дом. Дед был охвачен гневом: что случилось? Служанка уволилась, и домочадцы опустили головы, лица их охвачены скорбью, словно весь мир рухнул?!

— Крысы бегут с корабля! — дед хмурым взглядом вперился в своих внуков, — пусть на улицах вопит сброд, в своем доме я — хозяин.

Взгляд деда гневно сверлил Гейнца, которого он застал погруженным в кресло в кабинете Артура. Внук, нервно ломая свои ухоженные пальцы белоручки, укорял деда за то, что он даже не попытался убедить Эмми остаться. Дед даже не стал обсуждать свое решение. Внук покусился на его достоинство. Раболепствовать перед служанкой?!

— Крысы бегут с тонущего корабля, — Гейнц предвидел, как всегда, надвигающиеся черные дни.

Дед стукнул кулаком по столу:

— Бегут, бегут! Перестань щеголять мировой скорбью!

Гейнц замолк.

Безумие охватило Германию, и пока не видно никаких признаков успокоения. Экономический кризис, перемены в обществе, слабость сменяющих друг друга канцлеров. Гейнц предпринял некоторые осторожные шаги. Он перевел деньги и драгоценности семьи в швейцарский банк до того, как войдут в силу законы чрезвычайного положения, запрещающие вывоз капитала из Германии.

Дед обеспокоен. Скоро наступит вечер, а нет никакой очереди девушек со стыдливыми улыбками, выстроившихся к дверям его дома, и это во время безработицы. С тех пор, как Эмми оставила

дом, служанки сменяются с необыкновенной быстротой. Семья от этого страдает. Вильгельмина, девица из Пруссии, плотная и мускулистая, коротко, по-мужски остриженная блондинка, завладела кухней. Фриде она сразу не понравилась своей невероятной самоуверенностью. Без всяких колебаний и смущения она прошла в гостиную, сняла пальто и шляпу, хотя ей этого никто не разрешал. Она предстала перед дедом в черной юбке с широким кожаным поясом, в плотно прилегающей к телу блузке, так, что рельефно обрисовывалась ее грудь и все части тела, и провозгласила свое имя. Крепко пожала деду руку своей большой мясистой рукой и отметила, что окончила школу для поварих, и при ней имеются все документы. Дед шутливо подмигнул ей, и тут же был ею атакован:

— Со мне так не обращаются, не подмигивают!

Дед пленился наглостью интервьюируемой и грузностью ее движений. Она уселась за стол и и стукнула по дереву, когда низким голосом попросила чашку кофе.

Фрида вытерла нос фартуком, сделала гримасу и с несколько пренебрежительным выражением поставила перед этой толстой бабой чашку кофе и блюдце с куском пирога. Вильгельмина выпила кофе и жадно проглотила пирог. Фрида, стоя за ее спиной, скрестила руки на животе и, поверх головы гостьи, делала знаки деду — выгнать тут же эту хулиганку, ко всем чертям, за дверь. Но непоколебимая самоуверенность Вильгельмины, не склоняющей голову перед хозяином, как это делали служанки, мягкие и симпатичные, пробудили в деде желание найти слабое место у этой девицы. Прошли две недели, Фрида взорвалась. Новая служанка командует всеми остальными, и даже садовник Зиммель не избежал ее тяжелой руки. Каждое утро раздается тяжелый стук ее шагов в кухню и слышится ее грубый голос:

— Еда готова!

Безвозвратно ушли дни доброй Эмми. Вильгельмина не разрешает детям хватать на кухне еду, когда им заблагорассудится.

Из дома исчезли безмятежность и покой. Дед же не обращает внимания на недовольство Фриды и жалобы детей. В поведении новой поварихи он не находит никаких недостатков и защищает ее, всегда аккуратно одетую с белоснежным выглаженным чепцом на светлых волосах. Фартук на ней такой же белоснежный и выглаженный, несмотря на работу на кухне. С утра до вечера Вильгельмина ходит по дому в своих неизменных высоких, грубых туфлях, крутится между служанками, торопя их с уборкой в столовой, гостиных и всех комнатах. Стены и полы, портьеры и

мебель, скатерти и салфетки, кастрюли, все украшения — всё чисто и протерто. Новая кухарка трудится без устали.

Дети в доме страдают. Никакое веселье невозможно рядом с этой жесткой уроженкой Пруссии. И все подчинено ее указаниям. Дед твердо уверен, что Вильгельмина не обязана принимать привычные для домочадцев правила. Надо к ней привыкнуть. Дед много времени проводит в кресле в рабочем кабинете покойного сына, пробует качество табака из маленькой серебряной табакерки, помешивает его перед тем, как втянуть в ноздри, и не отводит взгляда от портретов ушедших. Покашливая, прочищает горло. Артур не любил пристрастие отца к табаку. Дед уединяется с Артуром и его женой, которые пребывают в раю. Про себя он беседует с ними о детях. Гейнц, Лотшин и Лоц в согласии работают на семейной литейной фабрике. Рут и Эльза управляют домашним хозяйством. Бертель, можно сказать, мгновенно повзрослела. Почти все свое время она проводит в сионистском молодежном движении. Бумба стал намного лучше учиться.

Внуки жили в мире, пока не вспыхнула ссора, которую этот дом еще не знал. В память о покойном отце, все внуки объединились против подруги Лоца — Клары. Какая связь между Кларой и памятью покойного? Лоц, отличный игрок в хоккей, красавчик, связался с еврейкой из восточной Европы, грубоватой, необразованной, с которой познакомился в клубе «Бар Кохба». В доме убеждены в том, что она — «типичный представитель мелкой буржуазии». Был бы жив их отец, он бы сказал, что девица по походке и поведению — дочь мелких еврейских лавочников и явно не подходит их семье. Покойный Артур отвергал этот общественный слой евреев-середняков, которые торговали дешевыми тканями. Этих людей считали обманщиками, торгующими из-под полы, главным намерением которых — обман покупателей. Именно они усиливали антисемитизм в Германии.

Все домочадцы взволнованы. Лоц открыто выступает против семьи. Привел в дом девицу, пытающуюся подладиться под правила, отвергает поведение его сестер, их одежду и стиль речи. Слишком много в ней той самой простоты, что хуже воровства.

Она необразованна, и ее речь, по мнению семьи, слишком примитивна. Лоц вовсе не отличается духовностью, и его не волнует критика со стороны братьев и сестер. Мать Клары добросердечна, и ей очень нравится отпрыск воспитанной буржуазной семьи. Она приглашает сироту на обед, покупает ему одежду. Поддерживает его связь с дочерью, которая, благодаря Лоцу, может войти, как она полагает, в высшее общество. Почему Лоц не похож ни на одного из своих братьев? Лотшин придерживается теории покойного отца: Лоц родился накануне

большой войны. С первых дней своей жизни он впитал в себя страх матери за отца.

Напряжение в доме растет. Гейнц отвесил Лоцу пощечину. В семье все доходы идут в общую кассу, но Лоц требует отдельную оплату за работу на семейной фабрике. Лотшин во всем винит Клару. По ее мнению, она настраивает Лоца пренебрегать правилами поведения, установленными в семье. Она не может понять, как это Лоц так тяжело работает во имя семьи, не получая денег. Лотшин понимает, что любовь Клары к деньгам связана со сложной судьбой ее семьи, приехавшей нищей из Польши в Германию, обосновавшейся в Берлине в мелкобуржуазной среде.

Дед обвиняет Гейнца в том, что он всех сводит с ума. Лоц выкрал деньги из кошелька Лотшин и не появляется в доме. Он живет у родителей Клары. Все же через месяц его убедили вернуться домой. Лотшин сказала ему, что она понимает: в семье, где у всех нервы напряжены, совершаются вещи, которые не приняты. А тут еще гром среди ясного неба: Лоц объявил о близящейся женитьбе на избраннице своего сердца, несмотря на то, что семья против этого.

В доме столпотворение. Лотшин легла в больницу с сильными болями в животе. Врачи диагностировали у нее рак матки. Она все время говорит о смерти, ведь она уже никогда не родит ребенка. У нее нет сил бороться с болезнью. Те5перь уже страх за Лотшин сплотил семью, измученную горьким опытом потерь. Они целуют и обнимают больную, впервые чувствуя, что значат человеческое тепло и забота. Лотшин шепчет:

— Вы ведете себя, как мать и отец.

Круглые сутки около ее постели находятся брат или сестра. Фрида и близнецы кормят ее лучшими блюдами, насыщенными витаминами, специально приготовленными для больной. Бертель не ходит к скаутам, она читает Лотшин книги для поддержания ее душевных сил. Бумба старается развлечь старшую сестру, погруженную в глубокую депрессию. Происходит нечто странное: болезнь Лотшин выветривает тяжкую атмосферу, которая, казалось, недвижно стояла со дня смерти отца. Каждый старается, соревнуясь, уделить больной больше внимания. Здоровье Лотшин улучшается и укрепляется с каждым днем. Она отказывается ехать в санаторий, повторяя, что только теперь она поняла силу семьи.

Человеческое тепло и безграничная забота побеждают болезнь. Медленно Лотшин приходит в себя и возвращается к работе дома и на фабрике. Смерть отца и тяжелая болезнь Лотшин, как никогда раньше, укрепляют связь между членами семьи. Бертель особенно чувствует глубину травмы старшей

сестры. Лотшин приближает ее к себе, как дочь, по-особенному балует ее.

Вот Гейнц приказал ей убрать ноги с шелкового цветного кресла. Лотшин тут же вмешалась: пусть сидит, как ей нравится. Она ведь поджала под себя ноги, чтобы укрыть голые, посиневшие от холода колени от Фриды. Как будущий пионер, готовый к любым трудностям, она надела обычные носки, а не толстые шерстяные, которые ей каждый день приносит Фрида.

Лотшин выздоровела, и Бертель обрела любящую сестру. В доме другая атмосфера. Отец и мать, обретающиеся в раю, оставили на земле семеро сыновей и дочерей. Старшие проявляют к младшим любовь, которая раньше не ощущалась. Даже отношения между дедом и Бертель улучшились. Она заходит к нему в комнату и выслушивает его рассказы о предках. Бертель больше не чувствует себя чужой в семье.

Осень 1932. На центральном вокзале Берлина сильное волнение. Двенадцать молодых безработных евреев из восточной Германии уезжают в страну Израиля. Еврейская молодежь собралась на вокзале с ощущением общей судьбы с отъезжающими и чувством национальной гордости. В длинном белом платье и с собранными на затылке волосами стоит Реха Приер перед всеми, кто собрался на перроне. Именно она была автором идеи создания учреждения по репатриации еврейской молодежи при поддержке руководителя «молодежной деревни» в Бен-Шемене доктора Лемана. Двенадцать юношей и девушек едут в Израиль.

Реха Приер, женщина активная, мобилизовала во имя спасения еврейской молодежи, ее репатриации и обучения предприятия Всеобщего профсоюза в стране Израиля. А также подключила сионистский профсоюз Германии, различные добровольные организации, известного английского ученого-еврея Хаима Вейцмана, который в двадцатые годы возглавлял сионистский профсоюз, и Генриетту Сольд, руководившую социальным отделом Национального Комитета. На перроне берлинского вокзала Реха Приер произносит взволнованную прощальную речь перед евреями, покидающими Германию. Вслед за речью далеко вокруг разносится песня батальонов еврейской молодежи. Нацисты в своей коричневой форме, с довольными лицами, стоят в стороне. Им нет дела до подростков и детей в форме сионистской молодежи, занимающейся очисткой Германии от евреев.

Движение по репатриации еврейской молодежи превращает мечту в реальность. На перроне вокзала молодежь испытывает

чувство национальной гордости. Слова гимна «Атиква» — «Надежды» вырываются из еврейской души. Затем члены «Ашомер Ацаир» — движения «Молодых стражей» — хором поют «Крепите, братья, наш круг» — песню на стихи Хаима Нахмана Бялика, ставшие гимном пролетариев. В сильнейшем возбуждении Бертель пробивается сквозь людскую толпу, чтобы приблизиться к легендарной женщине в длинном белом платье, Рехе Приер. Та поможет ей стать пионером, несмотря на то, что в Движении ее по-прежнему критикуют. Реха сказала молодым репатриантам, что им выпало счастье уехать на Святую землю, и подчеркнула, что эта группа не первая и не последняя. Реха крутится среди еврейских семей, убеждая родителей отсылать детей в страну Израиля, посещает коммуны, которые были в большинстве своем созданы сионистской молодежью, несет духовную пищу молодым евреям, страдающим от голода и безработицы, получающим поддержку от еврейской общины Берлина. Она особенно подчеркивает, что все евреи должны оставить Германию, не разделяя их на бедных и богатых. Еврей есть еврей, кем бы он ни был. Не так, как ведут себя инструкторы, считая, что лишь те, у кого нет денег на учебу и нет работы, поедут в Палестину: таким образом можно спасти молодежь от безделья.

На перроне вокзала, как и на собраниях еврейской молодежи, призывают оставить свои дома и ускорить отъезд в страну Израиля.

— Я уже организую следующую группу. Нечего вам делать здесь, в Германии. Все евреи должны ее покинуть, — волнуясь, заявляет Реха Приер, и Бертель тает от счастья.

Реха для нее — пророчица. Она поможет ей стать поселенкой в Израиле, членом кибуца, даже вопреки мнению подразделения, что она из буржуазной среды и, вообще, — существо странное.

После пения гимна Бертель приблизилась к Рехе, пытливо вглядываясь в ее глаза, полные внутреннего огня, и провозгласила: «Я поеду в следующей группе».

Реха Приер произвела на Бертель сильнейшее впечатление. Девочка постоянно думала о ней. Даже Реувен не устоял перед ее восторгом и обещал пойти с ней в центр репатриации молодежи, ставший местом паломничества для поклонников Рехи Приер. Друзья хотели поговорить с Рехи наедине. Всю дорогу к улице Майнигштрассе Реувен предупреждал Бертель, что она, в конце концов, разочаруется, ибо Палестина вовсе не такая, какой она себе ее представляет в розовых мечтах. Он считает, что Бертель чересчур эмоциональна, не приспособлена к труду и не умеет жить в коммуне.

Бертель расстроена. Она понимает, что Реувен во многом

прав.

Юные сионисты бродят по улицам в поисках еврейских детей, оставивших школу, среди них встречаются даже отличники, не выдерживавшие школьную атмосферу.

Реувену удалось привести в Движение больше таких детей, чем остальные его товарищи, и поэтому его назначили инструктором.

Бертель считает, что она должна бороться со своими слабостями, ведь ей уже исполнилось четырнадцать лет. Она тоже мечтает стать инструктором и внушать детям чувство гордости и свободы, прививать еврейское самосознание и готовить к сионистской деятельности. Она поделилась с Реувеном своей мечтой. Он положил руку ей на плечо и с высоты своего положения одарил ее добрым взглядом. С важным выражением лица он начал вещать об антиобщественных чертах ее характера, забыв, что, считая себя коммунистом, учился говорить кратко и деловито:

— Ты слишком отличаешься от всех. Ты еще не созрела. Ты не сможешь повлиять на беспризорников.

И, как попугай, стал повторять наставления инструкторов: — Нам не нужен ни английский консул, ни отдел молодежной репатриации для того, чтобы получить разрешение на въезд в страну Израиля. Как люди коллектива, мы должны самостоятельно добиться этого права.

У нее защемило сердце. А Реувен все говорил и говорил. Но в душе ее все звучали его слова:

— Истина в том, что говорит большинство.

Бертель шагала рядом с другом, опустив голову и глядя себе под ноги. Вся ее проблема состоит в том, что она не принимает правду, выражаемую большинством, и этим сердит его. Хотя очень редко решается нарушить собственное молчание, доказывая подразделению, что большинство, да и она сама, могут ошибаться. И тогда Реувен встает на ее защиту. А затем сердится на нее.

— Есть люди, отличающиеся от большинства, но они вовсе не хуже всех, — повторяет она слова Гейнца.

— То, что говорят все, всегда верно, — парирует он, — и не раздражай меня, повторяя то, что говорят в твоей странной семье.

В голосе его звучат нотки проповедника.

Бертель идет рядом с ним на встречу со своим кумиром. Но от чувства неполноценности ей трудно дышать. В молодежном движении не придают значения ее интеллекту. Израилю нужны сильные духом и телом репатрианты. Реувен счастливчик. Помогая садовнику на еврейском кладбище, он роет землю,

удобряет, сажает цветы, готовясь к труду чернорабочего в кибуце. Бертель внутренне восстает против собственного, как ей кажется, бессилия и ничтожества. Реувен — весьма средний ученик в школе — избран во все комиссии молодежного движения, а она — лучшая ученица — всего-то избрана в редколлегию стенгазеты. Она развешивает по стенам статьи, написанные на иврите. Отбирает материалы на немецком языке о положении в стране. Вырезает политические обзоры из независимой газеты «Мир в полдень» или из коммунистической газеты «Красное знамя». Из газеты либералов — «Берлинский ежедневный листок» — ничего не берет, чтобы не сердить воспитанников — приверженцев социализма.

В центре сионистского движения ее ждет разочарование: Реха Приер уехала, и неизвестно, когда вернется.

Головокружение охватило Германию. Приближается день выборов — шестое ноября, и нацистская пропаганда делает успехи. Низкорослый, прихрамывающий на одну ногу, щуплый, черноволосый, с темной кожей Йозеф Геббельс творит чудеса, внедряя в души людей нацистскую идеологию. Он — архитектор фашистской пропаганды. Внешне не симпатичный и не впечатляющий, он невероятно хитер и изощрен. Он женат на красивой голубоглазой блондинке, типичной немке, внешне похожей на легендарную Брунгильду. Геббельс со своими помощниками и хорошо смазанной машиной пропаганды ведет красочную, эстетически искусную пропаганду нацистских идей.

В эти дни Бертель и ее товарищи потрясены тем, что увидели на театрализованном нацистском представлении во дворце спорта. Беседы в молодежном клубе не улучшили их настроение. Именно поэтому инструкторы поступили вопреки законам движения и вышли на огромную демонстрацию против нацистов, организованную коммунистами.

Но ничто не может затмить гипнотическое впечатление от массового нацистского выступления.

Каждую ночь всплывают в сознании Бертель детали феноменального шествия. В центре города раздавали прохожим листовки о выступлении Адольфа Гитлера во дворце спорта. Любопытство гнало воспитанников-сионистов вместе с толпами народа. По Потсдамской улице, в сторону Потсдамской площади в западном Берлине, скакала кавалькада конной полиции в строгом порядке, а оттесненные в сторону продавцы цветов, стояли вдоль тротуара. «Адольф выступит с речью, а ты без цветов?!» — выкрикивали они в сторону бесконечного людского потока, размахивая букетами. — «Для Адольфика! Для

Адольфика!». Горячие сосиски, соленые огурцы, напитки продавались в невиданном количестве.

Яркими цветными плакатами был облеплен черный забор, окружающий дворец спорта. Они рекламировали будущие выступления чемпионов велосипедных гонок, чемпионов по боксу, хоккеистов, футболистов, артистов балета на льду, акробатов. Но этот вечер не был посвящен спортивным соревнованиям. В этот вечер ревели трубы, гремели барабаны, пылали огненные факелы, развевались красные флаги и флажки со знаками черной свастики в белых кругах. Истерические крики — организованные и спонтанные — возвестили о прибытии вождя — «Хайль Гитлер! Хайль Гитлер!», «Страна едина! Народ един!». Члены организации СС в коричневой форме, взявшись за руки, отделили цепью автомобиль фюрера от толпы, напирающей вдоль тротуара. Гитлер стоял в открытом автомобиле, и рука его была вздернута над бесчинствующей от прилива чувств толпой. Малыша в коричневой эсэсовской форме с букетом роз подвели к фюреру.

Бертель с товарищами также взялись за руки, но были проглочены бушующей толпой. Рабочие, безработные, хулиганы, люди высшего общества, промышленники и люди искусства, представители всех слоев общества пришли приветствовать идола. В этом бушующем человеческом море молодые сионисты чувствовали себя так, словно попали в иной мир, в иные времена. Фюрер и его телохранители — подразделение СС в черных мундирах, маршировали во главе колонны, за которыми шел строй солдат в коричневом. В слепящем свете прожекторов двигались они, — за рядом ряд — в едином ритме, в сторону трибуны, и у каждого на рукаве фосфорически сверкала на повязке свастика.

Организаторы церемонии орали: «Хайль Гитлер!». И масса людей в экстазе подхватывала вслед за ними этот клич. Фюрер поворачивал голову направо и налево. Лицо его было напряжено. Он был окружен подростками из гитлерюгенд, которые несли факелы.

«Фюрер приказывает — мы подчиняемся!» — со всех сторон вопили группы активистов и возбужденные до предела люди.

«Хайль Гитлер!» — Фюрер отдавал честь людям в форме, и каждый его шаг сопровождали звуки симфонии Рихарда Вагнера. Он поднялся на трибуну в багровых бликах огня, который взмывал из огромных медных чаш. Гитлер начал свою речь, и мгновенно на стадионе воцарилось молчание. Голос его восходил с широко распростертого поля, долетая до множества людей.

— Мы сильны, мы — народ воинов! — выкрикивал он

короткие лающие фразы.

— Хайль! Хайль! Хайль! Да будет благословен наш фюрер!!! — отвечала толпа кричащим громкоговорителям. Фюрер патетически вещал о Боге, словно он плоть от плоти божественного духа, говорил о всемогуществе этого духа, и всем было ясно, что он говорил о себе. Он и есть сверхчеловек, человек-бог.

— Коммунистическая идеология — это козни евреев с целью овладеть миром!!! — он весь выкручивался, вздымал руки. — Или арийцы уничтожат евреев-марксистов, или марксизм уничтожит арийцев!

Молодые евреи стояли, замерев, словно околдованные этим представлением. Воспитанники «Ашомер Ацаир» были просто загипнотизированы. Слышали и не слышали, что всю тьму истории, все зло в этот мир принесли евреи, и что корнем всех зол человечества являются десять заповедей еврейской религии. Подстрекательские крики неслись предупреждением, что арийская раса подвергается опасности заражения кровью еврейского народа. Юные сионисты постепенно начали осторожно выбираться из толпы, подобно лунатикам. Они направлялись с Потсдамской площади в клуб, преследуемые пламенем факелов, ревом труб и боем барабанов, хриплыми подстрекательскими голосами, истекающими ядом ненависти.

Фрида была в панике. Уже было поздно, когда Бертель вошла в дом и поднялась по винтовой лестнице. Дрожь сотрясала все ее тело. Фрида зашла вслед за ней в ее комнату с компрессом в руках. Бертель сидела на кончике кровати и протянула к ней трясущиеся руки и ноги. Голоса массовой истерии, рев толпы, пламя факелов, бьющие в голову удары барабанов, визг труб, звериный экстаз потерявших человеческий облик людей, довели девочку до полной потери чувств.

Каждую ночь всё это взрывалось в ее мозгу, вырывало из сна. «Мы будем немилосердно преследовать их до могилы!» — выкрикивал фюрер, имея в виду три партии, которые нацисты собирались убрать с политической сцены. — «Будьте жестоки! Никакой жалости! Европа должна сотрястись от ужаса! Я уничтожу любого, кто встанет на моем пути!» Взгляд его гипнотизировал, угрозы, обвинения мешались с обещаниями. Толпа ловила, как манну небесную, его выкрики о том, что властвует только сила, и террор — самый эффективный политический инструмент.

Каждую ночь Бертель застывает от ужаса. Гитлер хочет вырастить белокурых бестий, молодежь, жестокую, как стадо зверей, чтобы держать в страхе весь мир. Он мечтает о расе

завоевателей, чтобы подготовить их к тотальной войне.

Две недели подразделение не могло прийти в себя. Чтобы освободить воспитанников от этого наваждения, воспитатели нарушили запрет — не вмешиваться в политическую жизнь страны, и решили принять участие в массовой коммунистической демонстрации. Бертель так и не смогла вернуться к себе прежней. Голоса преследовали ее, она ощущала себя муравьем, которого легко раздавить. Только великая идея все еще сохраняла душу.

Шестое ноября. В доме ликование. Гитлер не получил большинство голосов, необходимых для того, чтобы стать будущим канцлером. Сестры-близнецы вернулись в кафе на улице Унтерденлинден, посещают вместе с Фердинандом и друзьями кабаре и подвалы развлечений на Фридрихштрассе или дворец «Бролина» в западном Берлине.

— Ну что, черный ворон, Гитлер сошел с трибуны! — длится бесконечный спор между дедом и Гейнцем.

Дед опирается на факты. 31 июля нацисты достигли вершины успеха, получив 37,3 процента голосов избирателей. Выборы 6 ноября доказывают, что он, дед, был прав, считая нацистскую партию фарсом. Теперь они получили 33,1 процент, и этот процент будет продолжать снижаться, вплоть до исчезновения. Гейнц упрямится. Потеря нацистов незначительна. На последних выборах они сохранили силу, как самая большая фракция в рейхстаге.

— Все это глупости, — близнецы поддерживают оптимизм деда, — Гитлер не может прийти к власти. Немцы — народ прогрессивный, — повторяют они слова своих друзей-христиан, немецкой элиты, с которой встречаются каждый вечер в театре, ночных клубах, на вечеринках.

По мнению сестричек, пропасть отделяет их товарищескую среду от истерии уличной толпы. Гейнц потрясен их легкомыслием. Руфь и Эльза звонили певице кабаре Марго и пригласили ее на вечеринку. Марго попросила их больше ей не звонить. Сестры спросили, что случилось, может быть, они чем-то обидели ее. Марго бросила трубку. На вечере в кабаре на Фридрихштрассе им стало известно, что Марго больше не выступает со своим любовником-евреем Аполло. Куплетист и певец арестован. Теперь Марго выступает в трактире нацистов, расположенном в центре улицы развлечений. В доме Френкелей неспокойно.

— Нацисты теряют влияние, черный ворон, — подтрунивают над Гейнцем сестры.

— Улица полна насилия, Фон Папен слаб. Боится нацистов. Не добивается выполнения приказа о смертной казни для

террористов.

— Чего вы выглядите такими несчастными, — говорит вернувшаяся из подразделения Бертель.

Дед — весь клубок нервов, у Гейнца опавшее лицо. Сестра-сионистка повышает голос:

— Германия — не наша страна, и немцы меня не интересуют! Я еврейка.

Из обрывков разговоров в доме она понимает, насколько ухудшилось положение. Даже дед, гордый буржуа, не чурается сомнительных людей, говорить с которыми раньше считал ниже своего достоинства. В эти дни, когда голод гуляет по Берлину, дед сумел добиться заказа на литье головы великого поэта Гёте, и, таким образом, принес неплохие доходы своей литейной фабрике. При этом вполголоса признался, что если бы не ухудшающееся экономическое положение, он бы не пошел на эту сделку.

— Девочка, не говори глупостей, — вмешательство этой маленькой ребецен выводит деда из себя. — Ты родилась в Германии, воспитывалась на германской культуре, так не рассказывай сказки.

Дед не может терпеть преувеличений. Эта маленькая сионистка каждый раз приходит к нему с какой-нибудь сумасшедшей идеей. Объявляет, что «Кранцлер» — буржуазное кафе, и она не желает его посещать вместе с дедом и Бумбой. Теперь она отказывается от своей немецкой идентичности. Гейнц ее защищает:

— Дай ей высказать то, что она чувствует.

17 ноября. Спустя одиннадцать дней после выборов канцлер Фон-Папен, консерватор, верный армии и промышленным кругам, подает в отставку. «Правительство баронов», созданное им, держалось всего полгода. Гейнц в панике. Дед врывается в его комнату. Газета «Берлинский ежедневный листок» — «Берлинер Тагеблатт» — трясется в его руках и прыгает перед глазами. Привычку скрывать лицо за газетой во время полдневного отдыха он приобрел в молодости, когда ожидал встречи со специалистами, переходя из одной гильдии в другую. Фердинанд перенял эту привычку у деда. И Бумба носится с этажа на этаж, передавая газету то одному, то другому. Бертель же не покидает комнату Гейнца, приходит и садится ему на колени, успокаивая его. Чутье подсказывает ей, что дом в панике с того дня, как началась большая забастовка транспортников.

Гейнц ведет счет потерям, ущербу, который приносит забастовка, а дед выходит из себя. Напряжение ощущается во

всем.

— Гитлер уже у власти, — поддерживает Бертель Гейнца. — Коммунистов это не волнует. Они считают, что народ убедится сам в том, что Гитлер не в силах править. И тогда они придут и возьмут власть в свои руки.

Члены Движения разочарованы сотрудничеством коммунистов и нацистов в организации забастовки. В эти дни Бертель с Реувеном толкутся в толпе, на перекрестке у площади Александерплац. Здесь можно увидеть, как идет забастовка. Кареты, розвальни, маленькие автомобили забили центральные улицы. В преддверии рождественских праздников бесконечные потоки людей заполонили центр столицы. Наряды полицейских и пикеты бастующих ходят по площади, расцвеченной гигантскими плакатами забастовщиков вперемежку с торговыми рекламами к Рождеству, портретами Гитлера, Тельмана, изображений Святой Марии, Иисуса, ангелов. Множество мелких торговцев суетится в толпе. Над крышей универмага — огромный святой Николай весь в цветных лампочках, с раздутым мешком подарков, несет широкую улыбку толпящимся в дверях покупателям. Вдоль фасада универмага бойко торгуют с лотков. Параллельно серому зданию Главного полицейского управления, в южной части площади, движутся трамваи, набитые пассажирами, под усиленной охраной полиции. Реувен присоединяет свой голос к кричащим забастовщикам: «Позор штрейкбрехерам!». Вопли, проклятия, ругань, рукоприкладство, драки между теми, кто выступает против забастовки и теми, кто поддерживает ее. Страх, ненависть, гнев, мужество.

В зависимости от настроения Реувен поддерживает то одних, то других. В одну минуту он коммунист, ругающий нарушителей забастовки, в следующую минуту он — сионист. Вместе с Бертель они едут в трамвае под защитой полицейских с резиновыми нагайками и пистолетами.

Реувен начал работать с четырнадцати лет, все время был в рабочей среде, и весь — в политике. Ему интересно всё, что творится на улицах. Все время он повторяет:

— Политика важна в любом месте, а не только в Израиле.

Она возражает:

— Страна Израиля это главное. Все остальное несущественно.

Коммунистка Люба держится за свое:

— Все, что происходит в Германии, влияет и на Израиль.

Берлин бурлит. Нацисты и коммунисты идут в единой демонстрации.

Коммунисты поют:

Левой, левой, левой, —
Строго держите строй, —
Дадим полиции бой.
Вперед, вперед, рабочий народ, —
Пустим кровь классу господ,
Их призовем к ответу.
Мы строим счастья грядущий мир —
Германский Союз Советов.

Нацисты поют:

Выше знамена,
Сплотим ряды,
Спасем Германию от беды,
Быть в наших рядах — лишь тот достоин,
Кто смел и жесток, как древний воин.

Большая забастовка влечет к себе и некоторых воспитанников Движения. В эти дни Берлин выглядит как поле сражений гражданской войны. Лотшин лично обратилась к властям, прося защиты от насилия забастовщиков, парализующих работу литейной фабрики. Вооруженные полицейские были посланы охранять фабрику, владельцы которой — евреи.

Гейнц снял вывеску «Мориц Гольц» с ворот фабрики и начал подсчитывать убытки от нацистско-коммунистической забастовки.

— Ты уже в детстве был пессимистом, — гневно стукнул дед тростью.

— Гейнц умница, — поддержала Лотшин действия брата.

— Перестань глотать дым! — взгляд Фриды наткнулся на сигару в руках Гейнца.

А забастовки множатся, чередуясь с уличными демонстрациями и угрожая устойчивости семейного дела. Гейнц весь изнервничался от событий сотрясающих фабрику, курит сигарету за сигаретой. Политическая революция, сплошная разруха… Евреев избивают и убивают. Дед-патриот не разрешает внуку оплакивать отечество.

— Нацисты вовсе не ненавидят всех евреев, только тех, которые высовываются. Кто сидит тихо, того не трогают, и ему нечего бояться.

Дед требует от Гейнца оставить за пределами дома свои мрачные предчувствия. Гейнц не должен впадать в депрессию от вида нацистского флага, водруженного на древко над стоящим

напротив домом покойной баронессы, превращенным в клуб гитлеровской молодежи. Это факт, и к нему необходимо привыкнуть.

Бертель не может привыкнуть к этому огромному нацистскому флагу, развевающемуся на ветру над виллой баронессы, «вороньей принцессы». Покойница завещала свой роскошный особняк нацистской партии, и с тех пор девочку охватывает дрожь при виде нацистского флага над ним. Она попросила садовника Зиммеля открыть заднюю калитку из сада, чтобы уходить в школу, не видя флага. Садовник предупредил ее, что так она очень удлинит свой путь до остановки трамвая. Она ответила, что будет вставать очень рано, чтобы не опоздать в школу, и будет выходить даже в темноте, лишь бы не проходить мимо флага.

— Если ты сбежишь от флага, он будет тебя преследовать в любом месте, — ответил ей садовник.

Бертель прислушивается к его совету. Она поднимает голову и смотрит в упор на флаг, не сдвигается с места до тех пор, пока ей не станет безразлична черная свастика. Она жмурится от солнца и швыряет камни во флаг, чтобы таким образом его унизить.

Земля Германии сотрясается. Старик Гинденбург президентским указом назначил генерала фон Шлейхера канцлером. Гейнц собирает семью. Он говорит, что договора задерживаются и положение фабрики резко ухудшается. Хозяева предприятий, связанных с нацистской партией, получили приказ не выполнять договора с евреями. Он, Лотшин и Лоц обратили внимание на постоянную слежку нацистов за разгрузкой стальных плат, которые идут на выплавку кухонных плит. По его мнению, выхода нет: фабрику придется закрыть. Дед с этим не согласен. Вот уже несколько месяцев адвокат Рихард Функе, член нацистской партии, помогает обойти возникающие препятствия.

По мнению семьи, следует сократить текущие расходы, чтобы подготовиться к тяжелым временам. Семейный водитель уволен, и уволен собачник. Теперь ответственным за собак будет Лоц. Прачки также уволены, и стиркой и шитьем будут заниматься Эльза и Руфь, которая постоянно живет в доме со своим маленьким ребенком Гансом. Жених ее, мотоциклист, любимец всей семьи, погиб в дорожной катастрофе, и Руфь никак не может прийти в себя. Семья решает работать, как единый организм. Даже Бумба заявил, что в связи создавшимся положением продаст все свои игрушки.

«Он нацист», — говорит Гейнц, глядя на красный флаг с

черной свастикой над домом майора. Каждый раз, когда они встречаются, Гейнц с ним не здоровается, травмируя деда.

— Ну, какое тебе дело, антисемит он или не антисемит, еврей или христианин, нацист или коммунист, консерватор или либерал? Каждый имеет право на свое мировоззрение и свою веру.

Что же касается майора и его жены, они не терпят нацистов, но лишь благодаря нацистской партии они могут вызволить сына, закованного в цепи в тюрьме — Бранденбургской крепости. Сын их осужден на пятнадцать лет каторги за планирование убийств. Он принадлежит к крайне правой организации демобилизованных солдат, которые планировали убийство министра иностранных дел еврея Вальтера Ратенау и пролетарских вождей — Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Вильгельма Пика, Карла Пинеса — и других по всей Германии. Они убивали всех, кто, по их мнению, был предателем. Именно потому сын майора заключен в самую жестокую тюрьму. Гейнц сердится на деда, который защищает майора и его жену, поддерживающих нацистов, но дед стоит на своем: просвещенность немецкого народа вылечит слепоту наивных людей и откроет им глаза на Гитлера и его преступную клику.

Дед затыкает уши, слыша мнение многих, что Гитлер медленно, но верно идет к успеху с того дня, когда был приглашен в начале года в Берлин стариком Гинденбургом, чтобы обсудить шансы последнего на еще одну каденцию президента. Президент возражает против назначения Гитлера канцлером, но это явление временное. Гейнц напряжен, подобно пружине. Правительства — одно за другим — подают в отставку. Убийства с двух сторон — нацистов и коммунистов — усиливаются с приближением выборов. Акулы капитала используют Гитлера, чтобы сломить немецкое рабочее движение и левых социалистов.

Начиная с февраля, промышленники переводят нацистской партии большие суммы денег. Крупп, Тиссен и финансовые воротилы боятся социалистов и коммунистов. Они не дадут Гитлеру проиграть, а всеми способами будут его усиливать. Это только дело времени, диктатор-клоун станет альтернативой существующему канцлеру или следующему за ним. Гейнц борется с иллюзиями деда. Декларация «Свобода и хлеб» в дни жестокого экономического кризиса и отчаяния масс принесет нацистской партии новых избирателей. Голод, нищета, унижение и насилие выводят миллионы людей на улицы. В Берлине полный хаос. В последние месяцы промышленники начали открыто

поддерживать Гитлера, но дед-патриот все еще настроен оптимистически. На домах их тихого аристократического квартала то здесь, то там возникают надписи и множатся красные флаги с черными свастиками, как в других кварталах и пригородах Берлина. Чувство страха преследует Бертель, куда бы она ни шла. В школе поют «Германия превыше всего», завершают пение гимна благословением президента и побаиваются слишком критиковать распоясавшихся на улицах нацистов. Доктор Герман, социал-демократ, не клеймит прилюдно хулиганство нацистов. В молодежном движении все сильнее ощущается страх в связи с усиливающейся агрессивностью в отношении евреев. Банды нацистской молодежи мочатся и мажут калом стены еврейского общинного дома. Группы членов «Ашомер Ацаир» охраняют дом, внушая чувство безопасности людям, заполняющим его коридоры.

Воскресное утро начала декабря 1932 началось с неприятностей. Реувен посадил Бертель на раму велосипеда и поехал в старый квартал периода Фридриха Вильгельма Первого собирать пожертвования для Еврейского Национального Фонда в еврейских семьях.

На прямой улице, как в строю, стоят дома. По ходу движения Реувен, как обычно, начинает произносить в ее адрес поучительные речи, но на этот раз критикует не очень сильно. В это пасмурное утро он торжественно объявляет ей о решении окончательно оставить Движение. Как коммунист, он считает своим долгом вести войну во имя пролетариата. Это последний раз, когда он с ней собирает пожертвования. Важным тоном он добавляет:

— Только из чувства долга я присоединился сегодня к тебе.

— Для страны Израиля собирают деньги только из чувства любви, — решительно отвечает она, велев немедленно остановить велосипед, и соскакивает, не отрывая от него пронзительного взгляда.

— Во имя Еврейского Национального Фонда разреши мне довезти тебя до места. Дома стоят далеко друг от друга. Сама ты не сможешь собрать пожертвования.

Он сует в ее протянутую руку список адресов и квитанционную книжку Фонда. Он идет за ней следом до первого адреса и остается ждать в полутемном холодном коридоре, пока она, колеблясь, поднимается по ступенькам старого дома. Сердце ее сильно колотится. Прошло двадцать минут, и терпение его лопнуло.

Если бы она не заупрямилась, он бы вернул себе квитанционную книжку и коротко, по-деловому, уверенно взял

деньги у жертвователя. С ней же невозможно. Она не попросит деньги у какого-либо еврея без того, чтобы не рассказать ему о книге «Альтнойленд» Теодора Герцля, и из-за этого он тут битый день проторчит в холодном неуютном коридоре.

Когда она, в конце концов, спустилась с третьего этажа, отирая рукавом слезы, с покрасневшим лицом, отчаяние его обернулось жалостью.

— Что, не было у них в доме денег? Ничего страшного, — положил он руку ей на плечо, чтобы смягчить ее обиду. Они вышли на улицу, дрожа от холода.

— Как раз у них были деньги, и они пожертвовали, — сказала она, прикрыв лицо ладонями.

— Так в чем же дело? — напрягается Реувен.

— Пожертвовали. Три женщины. Им не дают возможности репатриироваться в Палестину, потому что они больны и не трудоспособны, — задохнулась она от волнения. — Бабка слепая, мать — вдова, муж ее погиб на войне, она совсем не здорова, работала машинисткой. Ее уволили, а дочь работает кассиршей в универмаге. В офисе сионистского движения сказали, что у нее нет шансов получить сертификат для въезда в Израиль, если нет капитала. Но у нее нет необходимой тысячи фунтов стерлингов.

— Что же ты им сказала?

— Что я могла им сказать?

— На твоем месте я бы сказал им, что их место — бороться вместе с пролетариатом за свои права.

— Это не откроет перед ними ворота Израиля.

— Кто говорит о стране Израиля. Я говорю о классовой борьбе! Конечно же, им не дадут въехать в страну Израиля, ибо они там не принесут никакой пользы.

— Так почему же мы берем деньги с больных, стариков, нетрудоспособных, если у них нет шансов репатриироваться в Израиль?

— Берем, чтобы строить страну для евреев.

— А эти что же, не евреи?

Скверное настроение, после того, как она увидела взгляды любви, обращенные женщиной к слепой матери и коротко остриженной дочери, заставило Бертель прослезиться. Реувен ловко выудил у нее список и квитанционную книжку Фонда. Долгие часы они обходили еврейские дома, и, как обычно, Реувен показал свое умение собирать пожертвования. Замкнувшись в себе, Бертель тащилась за ним от одного дома к другому, и перед ее взглядом все еще стояли три женщины, обиженные судьбой. На подобные ситуации она еще раньше пыталась обратить внимание инструктора Любы. Та ответила ей: молодые и сильные еврейские

первопроходцы подготовят страну Израиля для всех евреев, заложат основы ивритской здоровой национальной и общественной жизни.

В плохом настроении Бертель приехала в клуб на заднем сидении велосипеда Реувена, и Люба сразу обратила внимание на ее беспокойный и печальный взгляд. Взяла ее за руку и потянула в комнату секретариата.

— В вашем доме много комнат. Может быть вы приютите Моше Фурманского, из кибуца Мишмар Аэмек?

У Бертель исправилось настроение. Выясняется, что многие сионисты, даже не из пролетарских семей, переходят к коммунистам, поэтому прислали в Германию инструкторов Моше Фурманского и Мордехая Орена — укрепить сионистский дух у колеблющихся воспитанников. Даже если бы было место в помещении движения, нельзя было кормить Моше, страдающего почками, день за днем селедкой.

— Ну, конечно, он может прийти к нам, — у Бертель вспыхнули глаза.

— Ты не должна спросить разрешения в доме?

— Что вдруг?! В семье должны меня благодарить, что у нас будет гостить израильтянин.

Моше Фурманский, крупный парень, шатен, с большой копной волос, среднего роста, только вошел в дом, как вокруг него возникла легкая и веселая атмосфера. Он скинул пальто, уселся на стул, и дед вперил удивленный взгляд в его рубашку. Недавно он с Бумбой видел в кинотеатре русский приключенческий фильм, герои которого ходили в белых расшитых рубахах, точно таких, как у Моше. В единый миг парень словно бы сошел с экрана.

— У вас в коммуне носят русские рубахи? — спросил дед.

— Таких русских рубах у нас в коммуне много.

Волшебное слово «коммуна» витало по гостиной. Дед в шутку спросил:

— Ты в коммуне Алеф или в коммуне Бет?

Моше искренне удивился: он вообще не слышал о делении коммун на Алеф и Бет.

— Он, несомненно, из коммуны Алеф, — поспешила Моше на помощь Бертель.

Это была неудачная шутка Бумбы: чтобы отделить себя от ее коммуны Алеф, он сказал, что будет принадлежать коммуне Бет.

Дед повел Моше в комнату покойного сына, которая была отведена для гостей. Бертель благодарно пошла вслед за ними. Но тут же радость ее померкла. Дед, зная, что алкоголь и курение запрещены в Движении, выставил на стол бутылку коньяка и

предложил гостю сигару. Стыд и срам! Куда девалась жесткость истинного строителя сионизма? Бертель застыла, как статуя.

За короткое время новый инструктор завоевал авторитет воспитанников. Он выпрямился во весь рост и преподал им урок. Начал он с того, что приблизившись к входной двери, обнаружил дверной звонок, висящий на тонкой, готовой в любой миг оборваться, нити. Да и звук его почти не был слышен.

— Клуб сионистов пуст и запущен! Бумаги, книги, газеты, ранцы разбросаны по всем углам! Как может быть такой беспорядок!

Тотчас воспитатели и воспитанники бросились наводить порядок.

Но поведение Моше в доме разочаровало Бертель. Такой образцовый воспитатель и сионист не может не соблюдать положение берлинского клуба, запрещающее пить спиртные напитки и курить, даже если в стране Израиля им это разрешено.

Моше Фурманский ворвался к ним, как луч света с ясного неба. За месяц до завершения траурного для семьи года он принес в их дом радость. Гостиная и столовая сотрясались от народных ивритских песен. Гость из Сиона пел, а Фердинанд аккомпанировал ему на мандолине. Моше то напевал, то насвистывал мелодии, и сам этому радовался от всего сердца. Впервые после смерти сына дед смеялся над историями, которые Моше мастерски рассказывал.

Весь дом радостно слушал его. Только Бертель критически осматривала гостя со стороны. В то время как молодые сионисты в Движении ведут аскетический образ жизни, Моше по вечерам облачался в модную одежду из платяного шкафа Гейнца, посещал театры, кафе, рестораны, танцевал с ее братьями и сестрами. Он чувствовал себя своим в доску с их друзьями и с Фердинандом, проводя время в клубах на улицах Фридрихштрассе или Унтер-ден-Линден. Ночь за ночью она не смыкала глаз до утра. Бертель слышала веселые голоса, вдыхала запахи горячительных напитков и дыма сигарет, когда вся компания вваливалась в дом. Бертель не могла ему простить такое поведение.

Фурманский уехал, и радость, которую он внес в семью, сменилась голосами протеста. Братья и сестры восстали против запретов «черного ворона» Гейнца. В первое Рождество без отца никто из домочадцев не отправится на экскурсию в горы. Бертель умоляла отпустить ее в Кротошин — увидеться с родителями покойной матери, дедом и бабкой, родившимися в Польше, колыбели движения Ашомер Ацаир. У нее такое чувство, сказала она Гейнцу, что если она их сейчас не увидит, то не увидит их никогда.

Гейнц проявил твердость: Рождество на носу, пик безработицы и невиданного до сих пор голода. Такого глубокого экономического кризиса в декабре никто не помнит. Атмосфера ужаса и страха на улицах Берлина выводит массы аплодировать нацистам, марширующим сплоченными рядами. Хаос в стране. Гигантские плакаты мозолят глаза: «Сегодня Германия — наша! Завтра — весь мир!» Красные знамена с черными свастиками захватили столицу. Именно поэтому Гейнц требует от своих братьев и сестер не удаляться от дома. Он замыкается в своей комнате с бутылкой коньяка и газетами. Сильная оппозиция под руководством Гитлера привела к отставке канцлера фон Папена, которого сменил генерал фон Шлейхер. Нового канцлера атакуют со всех сторон. Промышленники гневаются на его попытки провести экономические реформы. Юнкеры не принимают финансовые изменения в налоговой политике генерала фон Шлейхера, правительство которого, подобно канатоходцу, едва удерживается у власти.

Гейнц в своей комнате опрокидывает рюмку за рюмкой. Глаза его воспалены. Уже ясно, первое Рождество без отца пройдет в тягостной атмосфере. Ни он, ни дед не могут совладать с тем, что творится в доме. Впервые Фрида ходит по дому в предпраздничные дни такой сердитой. Она уже заявила, что не будет стоять у елки рядом с чуждой ей поварихой, которую она на дух не переносит. Она не будет петь рождественские песни со всей семьей, как это делала до сих пор, и это — в знак протеста против хитростей деда, не желающего выгнать Вильгельмину.

Садовник Зиммель поставил елку, и дед вместе с Бумбой украшают ее. Фрида молчит, но ее молчание отдается громом в ушах всех домочадцев. Впервые за все годы она не будет сидеть за праздничным столом вместе с садовником, Кетшин и Эмми, не получит, как в каждое Рождество, подарки от членов семьи, которые обычно в этот праздник повязав фартуки, в честь священного христианского праздника готовили на кухне разные деликатесы. На этот раз она будет сама подавать на стол. Дед сказал Вильгельмине, что как иудеи, они не празднуют христианские праздники, но она решила не нарушать договора и отказалась взять отпуск и уехать домой.

Бертель успокоилась: Гейнц разрешил ей поехать в центр по подготовке к репатриации, в Месинкверке, вместе с другими воспитанниками.

Рождественская ночь 1932 года также и ночь зажигания второй свечи еврейского праздника Хануки. Месинкверке считают жемчужиной Германии. Чистый, невероятной белизны снег окружает учебный центр. Таинственная сила сама несет ноги в

гущу темного леса. Бертель убегает в холод и абсолютное безмолвие. Здесь, среди кустов и деревьев, в душе ее пылает странное чувство, что нечто должно случиться. Реувен сердится. В первую же ночь, в Месинкверке, он проснулся, а Бертель около него нет. Он пошел ее искать, но так и вернулся ни с чем по собственным следам.

Бертель спряталась в кустах, и было хорошо ей одной в глубине темного леса. Так или иначе, она не может уснуть, и не только потому, что оним спят на соломенных матрацах на полу, как им придется спать в настоящем кибуце, в стране Израиля. Мешает ей то, что они спят вместе, мальчики и девочки. Она, молча, терпела поглаживания Реувена. Если она выскажется против совместного сна, все начнут поучать ее, что она еще не созрела к открытым и свободным отношениям между парнями и девушками, и прочтут ей целую лекцию о том, что она не человек коллектива и недостойна стать кандидатом на репатриацию. Приходится ей терпеть все эти поучения. Более того, эти рождественские каникулы в экспериментальном кибуце ее очень волнуют. Каждый вечер зажигают ханукальные свечи. Елку не ставят, но поют те же рождественские песни, что и дома. К тому же Давид из старшей группы, умница с улицы Гренадирштрассе, заводит с ней разговоры об осуществлении их общей мечты — участии в великом историческом деянии.

Почему нечто чистое и прекрасное кончается у нее таким странным образом? Бледная, стоит она на построении, у знамени, между двух факелов, и весь батальон аплодирует ей и поздравляет с получением знака мужества. Она вовсе этого недостойна! Если бы они знали, что вправду случилось во время игры скаутов, она бы сбежала. Все началось с того, что ее выбрали на роль матери Ханы. Одетая в черное длинное платье, которое нашла в груде одежды, она спрятала семь своих сыновей в снежном лесу. Члены батальона, играющие злых греков, возглавляемые «полководцем» Реувеном, изловчились защититься от мороза — покрыли головы и тела броней — масками из ваты, одеялами и простынями. Хана же со своими семью сыновьями замерзала от холода. Один за другим все ее сыновья вышли, дрожа, из заснеженных кустов, лишь мать-героиня, героически продолжала страдать.

Руководитель движения вручил ей знак мужества, все ей аплодировали, но никто не знал, какой бой она вела на опушке леса после сдачи в плен сыновей. Давид из старшей группы устроил ей засаду. Рванулся к ней и опрокинул ее в снег, но она боролась с ним, сжав зубы, отбивалась изо всех сил. Он порвал ей

платье и всей своей тушей навалился на нее. Она с трудом дышала. Он приблизил свое лицо к ее лицу, и она ощутила его дыхание, ударяющее ей в нос. Но внезапная слабость поразила его, и она мгновенно освободилась от его тяжести и убежала в колючие кусты. Ошеломленная, она уселась на холодный пень, пытаясь руками стянуть рваные края платья на спине. Холод и волнение охватили ее. Лес ожил: все выкрикивали ее имя. Факелы и фонарики освещали тропинки, но она стеснялась выйти из укрытия в порванном платье и с царапинами на обнаженной спине. Реувен привел батальон на опушку леса, и тогда она вышла, тяжело дыша и отдуваясь. К удивлению, все окружили ее и тискали, громко выражая радость.

Хотя все ее семь сыновей попали в плен, но благодаря ей, героине Хане, евреи одолели греков. Давид вел себя, как будто ничего не случилось. Может, ей это приснилось? И борьба с ним была плодом ее воображения? Нет! На его лице видны были царапины от ее ногтей. Впервые в ней возникло ощущение одновременно тяги к нему и отторжения. Такого чувства она еще не ведала. Ей надо было срочно поговорить с Лотшин о том, что с ней случилось в лесу. Но она знает, что каждый раз, когда хочет открыть рот, нечто более сильное, чем она сама, овладевает ею.

Глава девятая

Давно не было такой холодной зимы, как в 1933 году.

По улицам рабочих кварталов шатаются пьяные и орут «Хайль Гитлер». И это те же самые рабочие, что поддерживают социал-демократов и коммунистов. Агитаторы предупреждают: не угощайтесь пивом, которое предлагают незнакомые люди. Это нацисты, которые любыми средствами стараются привлечь на свою сторону избирателей. Это они спаивают рабочих бесплатным пивом, в которое добавлена водка. Голод, безработица, отчаяние загоняют наивных людей в пьяную ловушку. Они не видят, что их жизнь хоть немного улучшается.

Представитель правых сил Фон Папен, юнкеры, магнаты тяжелой промышленности Крупп и Тиссен требуют отставки действующего канцлера генерала Фон Шлейхера, который решительно настроен вернуть порядок в государство. Дряхлый президент возражает против требования канцлера распустить парламент и поставить вне закона нацистов и коммунистов, ибо, по мнению президента, это требование противоречит конституции. Генерал Шлейхер подает в отставку после двух месяцев своего правления. Те же силы, что способствовали его отставке, требуют от президента назначить канцлером сильного лидера.

30 января 1933 года. Дом Френкелей потрясен роковым известием. Фердинанд ворвался с сообщением о том, что Гитлер стал главой правительства. В доме, как обычно, подумали, что Фердинанд шутит. Тогда он включил радио, и все застыли в ужасе. Домочадцы приникли к приемнику, который вещал о том, что канцлером назначен Гитлер. Все собрались в кабинете и слушают, как анализируют шансы гитлеровской коалиции. На последних выборах фракция нацистов стала самой большой в рейхстаге, но противники нацистов склоняются к мнению, что новое правительство падет так же, как предыдущие, из-за недостаточного числа министров от нацистской партии. Телефонный звонок врывается в тягостную атмосферу дома.

— Первым делом, надо вывезти детей из Германии, — слышен по ту сторону провода взволнованный голос Филиппа Коцовера. — Бертель девочка талантливая, отец хотел, чтобы она училась в интернате в Англии.

Гейнц слушает опекуна своих младших братьев и сестер. Бертель бьет кулаком по руке Гейнца и кричит:

— Я еду в Палестину, для меня другой страны нет!

Филипп говорит, что он скоро придет, чтобы обсудить

ситуацию.

Германия охвачена праздником. Тихая площадь у дома Френкелей шумит и освещается пламенем факелов. Звучит песня, гремят барабаны. Процессия флагов и факелов возбуждает любопытство жителей. Им интересно наблюдать марш гитлеровской молодежи, разрывающий тишину площади трубными звуками победы. Флаг на крыше нацистского клуба высвечен мощным прожектором.

Обеденный стол пуст. Вильгельмина, вся светясь и сверкая от радости, торжественно сообщает, что берет в этот вечер отпуск. Пятна гнева проступают на лбу деда, глаза его горят.

— Не помнится мне, — говорит он, — что произошли изменения в нашем договоре, время вечернее, а ужин не готов.

— Весь народ празднует, — отвечает повариха.

Дед не верит своим ушам:

— Вильгельмина, это нацисты празднуют, а не весь народ, — голос деда гремит, чуб его трясется.

— Уважаемый господин, Гитлер пришел к власти законным путем, значит он законно глава всего народа.

— Если ты выйдешь сегодня вечером — праздновать с нацистами, можешь в этот дом не возвращаться, — дед указывает на дверь и ударяет кулаком по столу. — Ты нарушаешь договор. Дом для тебя закрыт.

Вильгельмина посылает деду высокомерный взгляд и отвечает грубым голосом, что она выходит праздновать со всем народом.

— Забирай свои вещи с собой и оставь на этом столе свой адрес. Пришлю тебе заработную плату по почте.

Вильгельмина достает из сумки карандаш, записывает адрес и впопыхах собирает свои вещи в чемодан.

Площадь перед домом уже полна народа. Вздымаются руки, горланят голоса «Хайль Гитлер! Смерть марксизму! Смерть евреям!»

Еврейский дом сотрясается от песни:

Разобьем головы евреев, сынов Сатаны,
Так грядущее наше спасти мы должны.
Уничтожим их семя, предъявим им счет —
И кровь их с наших мечей потечет!

В доме Френкелей царит паника. Гейнц ведет себя так, словно жизнь кончена. Дед приказывает:

— Опустить жалюзи и портьеры!

Приемник беспрерывно вещает что-то о новом правительстве.

Нервы деда не выдерживают:

— Выключите радио!

С печальным лицом и опущенными плечами он плетется к воротам. Гейнц, Фердинанд, Лоц и Бумба следуют за ним, не говоря ни слова. Дед задвигает железный замок с режущим душу скрежетом. С этой ночи никто не входит и не выходит через железные ворота, через служебный вход для домработниц и арочный широкий вход для телег, нагруженных продуктами, и карет.

Бертель прижалась лицом к оконному стеклу, чтобы разглядеть шумную площадь. Садовник Зиммель, стоящий сзади нее, пытается разыскать свою подругу детства, старуху Урсулу, служанку покойной баронессы, завещавшей дом нацистам. Вот она пытается изо всех старческих сил догнать факельное шествие, которое теперь, обогнув площадь, движется навстречу старухе. Строй расступается, и старая Урсула, проживающая в доме покойной «вороньей принцессы», ковыляет между факелами и флагами, развевающимися на ветру. Шествие покидает площадь, направляясь к зданию правительства, чтобы поздравлять Гитлера.

Бертель уходит в свою комнату. Гейнц запрещает ей покидать дом из-за ее еврейской внешности.

Бертель задумчиво сидит на краешке кровати. Она предчувствовала давно, что эти мерзавцы, марширующие строем по улицам с факелами, флагами и плакатами против евреев и марксистов, захватят власть. Покойный отец ошибался. Ведь он сказал ей, что граждане Германии не дадут преступникам взять власть в свои руки. Каждый раз, когда она начинала говорить о евреях, он цедил сквозь зубы: «Помни, ты немецкая девочка, как все немцы. Германия твое отечество!» В отличие от деда, отец преклонялся перед французской культурой и вовсе не думал, что Германия превыше всего. В глубине души он знал, что землетрясение, которое колеблет Германию, может привести к власти силы зла. Именно в этом причина того, что он полагался на Филиппа, составляя завещание, и возлагал на него ответственность за Бумбу и Бертель, которых в случае опасности необходимо вывезти из Германии.

Гитлер — глава правительства. Адвокат Рихард Функе примчался к деду, вошел в еврейский дом, а на лацкане его пиджака красовалась нацистская эмблема. Функе убежден, что новая власть не даст евреям держать литейную фабрику, на которой производят обоймы для патронов. Функе уважает деда и предупреждает его, чтобы не было у него иллюзий в отношении нацистов. Гитлер выполнит свои обещания, данные народу. Германия будет очищена от евреев. Функе предлагает деду

передать руководство фабрики в его руки. Дед возражает.

В одну ночь Германия изменилась. Нацисты захватывают власть с молниеносной скоростью. Из спрятанных в лесах лагерей вышли на улицы городов подготовленные нацистами верные им солдаты, в большинстве своем бывшие безработные. За хлеб и униформу их в тайне готовили военному делу.

По дороге в школу девочка видит тотальную нацистскую пропаганду и ужас, охвативший город. Берлин полон солдат, полицейских, частей СС и штурмовых отрядов. Обычные люди увлечены празднующей толпой. Миллионы немцев идут в сторону дома главы правительства.

Бумба, мальчик веселого нрава, подавлен. Школы возбуждены лозунгами нацистов «Германия, проснись!» Дети кричат ему вслед: «Грязный еврей». Бумба вообще-то не знает, что это такое — еврей, и огрызается в ответ, что он не еврей. Дед повышает голос: «Ты умнее всех этих детей, потому что ты — еврей». Чтобы покончить с одолевающими Бумбу кошмарами, его переводят в еврейскую реформистскую школу «Элияу пророк». В столовой Бумба спорит с дедом, под смех домочадцев, что это самолет поднял пророка высоко-высоко поверх облаков, а вовсе не буря.

В доме тяжелая атмосфера страха и подготовки к эмиграции.

Исчезают люди. Бертель возвращается из школы, вся скорчившись от страха. Шесть эсэсовцев в черных мундирах постоянно дежурят в их школе, как и в других учреждениях, чтобы следить за преподаванием нацистской идеологии и разъяснением намерений фюрера, а также за организацией нацистских мероприятий. Нацисты намерены привлечь на свою сторону молодежь, чтобы прекратить разговоры о том, что немецкий народ не поддерживает нового канцлера. Для этого они используют ничем не ограниченную пропаганду своих идей. Эсэсовцам отвели в школе отдельную комнату, и они стали неотъемлемой частью школы.

В течение одной ночи в прах разлетелась привычная школьная атмосфера. Никто уже не обращал внимания на темную рубаху и синий галстук Бертель. Глаза всех были обращены на сверкающую от гордости Гильдштин, круглую, как шар, низкорослую толстуху. Отец ее принадлежит к верхушке нацистской партии. Он и нарядил ее в нацистскую форму с множеством эмблем. Гильдштин объявила всем ученицам, что отныне она не Гильдштин, а Гильдегард. Она привстала со своего сиденья и спросила Бертель:

— Как еврейка, что ты думаешь о победе нацистов?

Бертель ощутила, что обручем сжали ей голову, и ничего не ответила. До вчерашнего дня эта чванливая девица бегала за ней, умоляя сделать за нее уроки. Не использовал бы свои связи ее отец после своего избрания в рейхстаг от нацистской партии, лентяйка Гильдштин не была бы принята в гимназию, известную своим высоким уровнем образования.

Первый день учебы после прихода нацистов к власти вызвал у Бертель чувство отвращения. Гильдштин ведет себя так, будто все ее однокашницы должны стоять перед ней на коленях. На перемене они толпятся вокруг нее и подлизываются к ней одна больше другой. Кто-то говорит:

— Гильдштин, хочешь бутерброд со свиной колбасой?

Та отвечает:

— Я не Гильдштин, а — Гильдегард, — и берет бутерброд, всем своим видом делая великое одолжение, будто откусив, осчастливит весь класс.

— Гильдегард, хочешь марципан?

Она съедает марципан и прячет в портфель остальные приношения учениц.

Бертель гуляет по школьному двору. Что-то не видно Рени, которая учится в параллельном классе. Опасно выпускать на улицу дочь, если отец, еврей — депутат рейхстага от социал-демократической партии.

Германия празднует. К плакатам на стенах домов приклеены поздравления: «Да будет благословен наш любимый фюрер, что вернул нас к достойной жизни». Малыши в нацистской форме маршируют вместе с подростками, юношами и взрослыми. На улицах восстановлены порядок и чистота. Толпа движется к зданию правительства под рев труб, бой барабанов и националистические песни, распеваемые во все горло.

Бертель в одиночестве шагает по улице и внутренний голос нашептывает ей: нацисты говорят о евреях, как об исчадиях сатаны, как об отвратительно уродливых ненормальных существах, которых надо уничтожить. Евреи, кричат антисемиты, не принадлежат к человеческому обществу!

Внутренний голос атакует ее: нацисты правы. Я сама родилась с чудовищным наростом. Я уродлива, отличаюсь от всех, я ненормальна! Со всех сторон глядят на меня, словно я — чуждое и странное существо. На улицах орут: «Евреи опасны!», «Ничего нет в их вере, их раса — источник скверны!», «Смерть евреям!». Нацисты правы. Бертель ругает и хулит саму себя. Такое создание, как она, следует стереть с лица земли. Нет ей места в человеческом обществе. Ей надо умереть, уйти из жизни! Парни и девушки, чистенькие, в белых рубахах с черными галстуками,

проходят мимо нее. Германия — их страна. Не ее. Покойный отец горько ошибался. Никогда она не была немецкой гражданкой, как люди вокруг нее. Германия ей никогда не принадлежала. Страна Израиля — ее родина. Тетя сионистка была права. Она со своими тремя детьми сбежала в Палестину, в свой дом, с английским паспортом.

Бертель со своим батальоном была на чрезвычайном собрании евреев в ортодоксальной синагоге на Рикештрассе. Ребята вышли потрясенные и разочарованные. Собравшиеся евреи с надеждой в голосе говорили друг другу, что у нацистов нет политической силы для управления государством. Правительство Гитлера непрочно. Нацистские министры составляют в нем меньшинство, и, вообще, это правительство раздирается противоречиями. Немцы народ законопослушный, просвещенный и культурный. Это народ поэтов, он сам исправит допущенные ошибки. Дикие националисты будут оттеснены с политической сцены.

Молодой раввин проталкивался между обескураженными участниками собрания. Он обошел зал, поднялся на возвышение и повысил голос:

— Не беспокойтесь. Бог Израиля не обманет свой народ. Гитлер успокоится. Фон Папен сделает его умеренным.

А были и такие евреи, которые считали, что не стоит сразу отвергать нацистов. Крикливый канцлер умерит свой пыл, став ответственным за власть. Нацистская идеология по книге Гитлера «Майн кампф» — «Моя борьба» — не будет им реализована. Уже были такие прецеденты в мире. Лидеры отрезвели, обнаружили солидарность всего германского народа и взяли ее за основу своей политики.

Молодые сионисты ушли с собрания в свой клуб. Они пели народные ивритские песни. Воспитатели говорили о новом положении и его последствиях. Приказали воспитанникам не приходить в школу в форме. И вспомнили британские законы об ограничении репатриации евреев в подмандатную Палестину. Когда же они вышли на улицу Бароненштрассе, то от изумления их ноги, казалось, приросли к земле. Навстречу им нескончаемым строем шли маленькие девочки, и впереди них колыхался плакат, на котором было написано большими светящимися буквами: «Мы, маленькие девочки, клянемся, что наша жизнь принадлежит нашему любимому фюреру». Потрясенные воспитатели и воспитанники не сводили глаз с малышек. Когда колонна детей прошла мимо, воспитатели решили посмотреть, что происходит на массовых собраниях у здания главы правительства. На улице смеркалось. И несмотря на предупреждение Гейнца, брюнетка

Бертель заупрямилась и присоединилась к группе светловолосых воспитанников.

У рейхстага было столпотворение. Она пробивала себе дорогу среди миллионов людей, стоящих на тротуаре перед темными окнами здания и в экстазе орущих здравицы победителям. Лишь прямоугольник одного окна был освещен, и в нем было видно лицо Гитлера. Он приветствовал поднятием руки заходящуюся в истерике толпу, и море рук вздымалось в его сторону, сопровождаемое почти нечленораздельным ревом тысяч глоток: «Да здравствует наш вождь!», «Германский вождь — германскому народу!», «Да здравствует Адольф Гитлер!». На дорогах свирепствовал ужас. Команды следовали беспрерывно: «Стоять смирно!» «Выразить почести мертвым».

Юноши несли черные знамена с большими белыми буквами. Каждое такое знамя провозглашало имя бойца, павшего во имя Гитлера.

Представители государств, официальные делегации продолжали прибывать в столицу со всех концов мира с поздравлениями новому канцлеру. Шествия и церемонии в центре города, массовые марши поклонников Гитлера, его оппонентов и просто любопытных длились всю неделю.

Нацисты ликуют. Их банды, опьяненные победой, грабят имущество и магазины евреев. Подстрекательские речи беспрерывно звучат по радио.

На веранде около бассейна молодые члены семьи сидят молча, погруженные в себя. Старый садовник Зиммель сидит вместе с ними на скамье, оглушенный горем, и посасывает трубку, выпуская густые клубы дыма. Зиммель, верный социал-демократ, охвачен трауром по своей партии, оказавшейся такой слабой, что не смогла сохранить Веймарскую республику. Обычно веселая компания ныне погружена в глубокую депрессию и безмолвие. Стены бассейна поглощают каждый звук или нечаянно оброненное слово. Дед закрылся в своей комнате. Он говорил, что всем следует уехать в его усадьбу в Пренслау, а сам вернулся оттуда уязвленным до глубины души. Из всех соседей по имению только барон обрадовался, увидев его. Не так повел себя человек, бывший его душевным другом десятки лет. Дед вошел к нему в трактир, находящийся в глубине леса, забитый народом, в надежде излить другу душу. Но тот повернулся к нему спиной. Дед понял, что ему лучше уйти. Он вернулся в Берлин, уверившись в том, что стал лишним в христианском окружении.

Гейнц извелся. Дом угнетен. А на улицах не прекращается ликование. В конце недели Гейнц вышел вместе с Бертель из дома, чтобы немного проветриться в центре города, и почти тут

же наткнулись на шумное шествие. «Веселись и пой, Германия!», «Хайль Гитлер!» — катилась людская волна. Лес рук вздымался над головами, забившими центральный проспект. Они были оттиснуты четкой колонной выстроенных по росту мужчин, женщин и детей. Стук начищенных до блеска сапог звучал в ритме маршевых националистических песен, сотрясая воздух. Флаги развевались над тысячеголовым строем. Пламя национализма пылало в сердцах, они двигались четкими прямыми рядами, чеканя шаг.

Стук каблуков гремел по центральному проспекту. И беспрерывно неслось: «Хайль Гитлер». И беспрерывно вздымались руки. «Когда кровь евреев потечет с ножей, Германия станет свободной!». Взвод барабанщиков шел впереди колонны. Бертель побледнела, сама себя подбадривая шепотом: «Это не моя страна. Это не мой народ. Я — еврейка, Мое отечество — страна Израиля». Гейнц отрешенно следил за шагающими мимо колоннами. Штурмовик, следящий за порядком у края тротуара, подбежал к нему и заорал:

— Поднять руку!

Гейнц не прореагировал.

— Мы отсечем тебе голову! Вырвем глотку, подними руку, как все!

Лицо штурмовика пылало, уши его побагровели. Гейнц сильнее сжал руку Бертель, и они удалились подальше от бесчинствующего нациста и рева человеческого отребья.

Дом Френкелей охвачен гневом. Огненные флаги, рев труб, грохот барабанов, националистические песни, единый стук каблуков вскружили голову Лоцу. Светловолосый парень говорит так, словно принадлежит к лагерю победителей. Лоц — спортсмен. Кубки по хоккею, полученные им на соревнованиях, выстроились на полках в его комнате. Парень ведет себя так, словно проклятия нацистов в адрес евреев его вообще не касаются. С высокомерием обвиняет самих евреев в их положении.

— Во всем, что касается нацистов, вы преувеличиваете. То, что они ненавидят евреев, еще не говорит о том, что евреев отовсюду изгоняют.

Дом потрясен. Нескончаемые шествия нацистов гипнотизируют Лоца.

— Я не знаю, что это такое еврей, и не хочу это знать.

Создается впечатление, что он предпочитает быть христианином. Бертель сжимает кулаки и удаляется в свою комнату. Она чувствует, что из всех домочадцев лишь один Гейнц понимает, что злой дух, овладевший государством, не станет

коротким эпизодом истории. Не завтра наступит отрезвление в их любимом отечестве. Как бизнесмен, он всеми своими фибрами чувствует приближение катастрофы. А школьница Бертель уже почувствовала эту катастрофу на себе.

За одну ночь нацисты изменили характер школы. Ужас поселился в ее стенах. Каждая ученица обязана придти в актовый зал и прослушать лекции об успехах Гитлера и нацистской идеологии. Нацисты возбуждают ненависть к своим политическим противникам и, главное, к евреям, по их словам, доминантному фактору, наносящему ущерб немецкому народу.

Что это такое — еврейство?! По дороге из школы домой она думает о том, что только нацисты могут ей дать конкретный ответ, что такое еврейство и что означает — быть евреем. Она поднимает голову вверх. Легкий и шумный самолетик, как хищная птица проносится над ней и время от времени швыряет листовки с воззваниями: «Работа — всем! Хлеб и масло — всем!» «Германия освобождается!», «Гитлер — освободитель Германии!»

Листовки устилают землю. Гудение самолета и гигантские красные флаги с черными свастиками, развевающиеся на ветру над домами, шелестят и нашептывают ей: «Я всего лишь клоп, которого надо уничтожить!» Ноги еле несут девочку по снегу, засыпанному листовками.

В доме Френкелей тишина. Гейнц сидит на краешке кровати. Его лицо спрятано между ладонями. Кровь пульсирует в жилах над бровями. Договора, заключенные с евреями, больше не выполняют. У фабрики нет новых заказов. Часть рабочих уволилась. К счастью, Гейнц прислушался к совету семьи Гирш из Месингверка, и через некоторое время переведет наличные и драгоценности в швейцарский банк. Бертель крутится возле брата, жалея его.

Уже три недели Гитлер находится у власти. Бертель тяжело привыкнуть к форме гитлерюгенд, в которую облачили всех учениц. С евреями никто не общается. Девочки боятся с ней говорить. Даже Гильдегард перестала бегать за ней с просьбой сделать за нее уроки.

Гейнц гладит Бертель по голове, взгляд его недвижен. Гитлер — канцлер Германии. Силы оставили деда, его плечи опустились, движения стали медлительны и тяжелы. Старость проступила на печальном лице. Он перестал по утрам делать гимнастику под звуки патефона в своей комнате, не облачается в свои элегантные костюмы и не выезжает из дома по делам на карете с черным верхом и серебряными плюмажами.

Дед не может выдержать бездействие и овладевшую им черную меланхолию, и потому ходит на собрания еврейской

общины, чтобы хоть немного набраться оптимизма у евреев Берлина. К примеру, там считают, что консерватор Фон Папен, заместитель Гитлера, будет действующим канцлером, а Гитлера он будет держать при себе, как марионетку. Дед прислушивается, но в глубине души знает, что Гейнц лучше них понимает нынешние реалии. Возвращаясь с общинных собраний, он запирается в своей комнате или в кабинете покойного сына, и ни один мускул не дрогнет на его лице. Единственно, к чему он прислушивается, так это к колокольчику молочника. Многие служанки покинули еврейский дом. И когда Фердинанда и Бумбы не дома, дед берет фаянсовый кувшин и направляется к молочнику в белом халате, постукивая тростью по снегу. В эти дни ему кажется, что только белые машины с кранами на боку пересекают город, как в доброе старое время. Дед, знакомый всей улицей, молчит и не ведет, как раньше, беседы с соседями, стоящими в очереди за молоком. Покупка продуктов откладывается на вечер, чтобы не выделяться и не привлекать внимание банд хулиганов.

Дом изменился. Сестры-альбиноски Румпель заняли место поварихи Вильгельмины сразу же после того, как дед ее выгнал. Они готовят простые блюда, ибо дед потерял вкус к деликатесам и все время печален. Он уже почти не поднимает век и не щиплет их за щеки. Домочадцы потеряли аппетит. Уборщица Кетшин со слезами рассталась с еврейским домом. Напуганная атмосферой Берлина, она уехала в свою деревню. За ней потянулись и другие. Остались лишь старый садовник Зиммель и, конечно же, Фрида. Близнецы взяли на себя уборку, стирку, глажку и шитье. Они заметно погрустнели, умолк их постоянный смех.

Руфь и Ильзе не наряжаются и не пользуются парфюмерией, не посещают места развлечений на улице Фридрихштрассе. Их друзья убежали из Германии в соседние страны или в Америку. Те, кто остался в Берлине, держат с ними связь издалека. Ушло навсегда время вечеринок в доме, с пением, музыкой и танцами.

Куплетист Аполлон, бывший любовник певицы Марго, сбежал в Бразилию. Он был освобожден из тюрьмы, благодаря связям художника Шпаца с одним из лидеров Гитлера — Юнгом. Сам Шпац тоже исчез. Ходят слухи, что он работает на животноводческой ферме в пригороде Берлина.

В эти дни Гейнц полностью прервал связь со своей подругой, христианкой Кристиной. Дом охвачен безмолвием, и в гостиной на креслах потягиваются после сна домашние псы, ворчат, постанывают, словно и они ощущают тяжкую атмосферу в доме.

Горит рейхстаг! Голоса из радиоприемников детально описывают происходящее. Гейнц вызывает Филиппа Коцовера. Дом весь как на иголках. Эта ночь, 28 февраля 1933 сотрясает почву под их ногами. В поджоге обвиняют коммунистов. Нацисты трубят об этом, сея панику среди населения. Нацисты используют это время доля того, чтобы уничтожить своих противников. Депутаты-коммунисты и тысячи партийных активистов арестованы и заключены в тюрьмы. Смятение и террор царят по всей стране. Гитлер провозглашает необходимость как можно скорей ввести диктаторский полицейский режим. Необходимо защитить народ от коммунистов и социалистов, врагов народа, опасных поджигателей германского парламента. Массы полны гнева против коммунистов. Люди слепо верят нацистской пропаганде или молчат, боясь террора.

Гейнц говорит деду, что необходимо не дожидаясь распоряжения новых властей, немедленно закрыть фабрику, продать оборудование, уволить всех рабочих и заплатить им выходные пособия. Дед молча отвергает это предложение. Нервы Гейнца на пределе. Горит рейхстаг, и неизвестно, где Бертель. Девочке с ее внешностью опасно находиться на улице. Потому он приказал ей держаться подальше от любого скопления людей и не ездить на трамваях.

Гейнц и Филипп уединились в кабинете покойного Артура. Филипп, как попечитель младших детей, предлагает вначале выправить сертификат Бертель в Палестину, а чуть позднее — Бумбе. Гейнц возражает:

— Нельзя такого чувствительного ребенка, как Бертель отправить одну в совершенно чуждую землю.

Он рассматривает возможность эмиграции всей семьи в соседнюю страну. Оттуда можно было бы следить за развитием событий в Германии и планировать дальнейшие шаги.

Филипп успокаивает друга. В Палестине молодых репатриантов не только используют для освоения страны. Их обучают и опекают. И сам Филипп, как только прибудет в Палестину, будет следить за детьми Френкелей. Дед и Лотшин молча слушают их разговор.

В Берлине свирепствует ужас. Нацисты сеют панику среди граждан. Слух о том, что красные планировали организовать в Германии революцию, такую же, как в России, подливает масло в огонь. Поджог рейхстага дает Гитлеру возможность разогнать парламент. Согласно указу «О Чрезвычайном положении для защиты народа и государства», который Гитлер заставил подписать старого президента, верные Гитлеру молодчики производят аресты без всяких ограничений.

Наконец-то и у деда открылись глаза. Гитлер укрепляет свою диктатуру, и вовсе не является марионеткой в руках Фон Папена, как полагают в еврейской общине.

Гитлер послал полицию, в которой действуют члены нацистской партии, уничтожить оплот красных — Веддинг. Жители Веддинга в панике бежали в рабочие пригороды Берлина.

Жизнь государства оказалась в руках власти, лишенной всяческих ограничений. С того момента, как Гитлер стал главой правительства Рейха, у него появилась юридическая возможность ввести любое чрезвычайное положение. Без малейших колебаний Гитлер ограничивает личную свободу каждого немца, отменяет право на выражение собственного мнения, включая свободу печати, запрещает объединения и собрания. Он отдает приказы об обысках, конфискации и ограничении владением имущества. С этого момента можно нарушать неприкосновенность личности, перлюстрировать переписку каждого, прослушивать его телефоны и телеграфные сообщения. Вдобавок к этому, власть во всех землях Германии переходит в руки центральной власти Рейха. Дед запирается в своей комнате, и печальное выражение его опавшего лица красноречиво свидетельствует о его переживаниях.

Атмосфера угроз и ужаса гуляет по гимназии имени королевы Луизы. Согласно приказу, весь учительский состав должен публично поддерживать нацистский режим. Те из учителей, кто не согласен с этим, уволены. Охранник Шульце на перемене оставляет входные железные ворота. Его сменили два эсэсовца, наблюдающие за толкущимися во дворе ученицами. Неожиданно крик одной из учениц всколыхнул весь двор:

— Так ему и надо! Он ведь социал-демократ!

Бертель прижалась к стене. Друга ее покойного отца в наручниках демонстративно вели через толпу учениц. Как высокопоставленный активист социал-демократической партии, он обвинен в деятельности против нацистов. Доктор Герман, подняв голову и напрягая спину, шел между двумя эсэсовцами. Бертель оплакивала про себя судьбу любимого директора. Даже отчитывая ту или иную ученицу, он был предельно деликатен, и, несмотря на это, нашлись ученицы, вслух радующиеся его аресту.

Доктор Герман пришел в аристократическую школу, как представитель Веймарской республики в начале двадцатых годов. Многие из учителей, принадлежащие к немецким националистам — «дойч-национале», кривились за его спиной: ведь он был либералом. Учителя, верные кайзеру, находящемуся в изгнании, были ожесточены против него, когда он возвел в консервативном

германском учреждении памятник французскому просветителю Жан-Жаку Руссо. За его спиной обсуждали его высказывания по поводу критических замечаниях в его адрес. Директор шутил по поводу висящих на стенах школы портретов королей, кайзеров, полководцев, министров. И вот нацисты захватили власть, и доктор Герман был позорно уведен в наручниках из школы на виду у всех. Обвиненного в социал-демократической деятельности, его ожидала тюрьма или расстрел.

«Кто я?» По дороге домой Бертель с отвращением топчет ботинками нацистские листовки, разбросанные по всему городу и разъясняющие новые порядки, и внутренний голос не отстает: «Нацисты правы. Ты — клоп. Ты уродлива. Нет, нет, это вовсе не так. Нацисты лгут. Просто отец мой совсем не знал, что это такое — иудаизм! Нет, евреи не клопы!»

Бертель борется со злыми голосами. Отец ошибался! Время еврейства не прошло. На Бертель внезапно нападает слабость, руки бессильно обвисают, она беззвучно кричит: «Я хочу умереть, только умереть»… Ее бросает то в жар, то в холод. По ту сторону моря у нее есть родина! Отчаяние сменяется гордостью.

— Арестовали доктора Германа! Я не вернусь в школу! — истерично закричала Бертель, входя в дом. Успокоившись, она подробно рассказала об унижении, которому подвергся доктор Герман на глазах всей школы. Лотшин предлагает перевести ее в еврейскую школу, Гейнц возражает:

— Ты учишься в лучшей школе Германии, ты отличница. Никакой Гитлер тебя оттуда не выгонит. Мы дали слово отцу, что ты будешь учиться. Никто тебе не помешает завершить учебу.

Он звонит старенькой матери доктора Германа. Ни она, ни его сестры не знают, где находится доктор Герман.

В школе все изменилось. Назначен новый директор-нацист. Привратник школы Рихард Шульце, чье строгое лицо наводит страх на учениц, стоит у входных ворот в нацистской форме и весь сияет. Он шагает по двору и коридорам школы, выпрямив спину, как генерал. Бертель в страхе убегает от него. Порядки в школе изменились. Вдобавок к коллективному пению гимна «Германия, превыше всего», которым начинается каждый день занятий, теперь поют еще и нацистский гимн. Учителя с мировоззрением, близким к социализму, исчезли, торжественные церемонии без конца проходят в актовом зале, и «молодежь Гитлера» расхаживает в парадной нацистской форме. Принят закон о том, что вся немецкая молодежь отныне принадлежит «гитлерюгенд». Они должнв носить белые рубахи, черные галстуки, синие брюки и юбки, думать о национальной гордости и демонстрировать самоуверенность, которая должна отличать

гитлеровскую молодежь. В отличие от них, Бертель и ее товарищи разгуливают в рабочих одеждах пионеров-сионистов. Темные рубахи не придают им уверенность, отличающую молодых антисемитов. Бертель чувствует себя жалкой и уродливой по сравнению со школьницами, поющими песню из фильма «Гитлерюгенд», который сразу же захватил школу.

По травам зеленым в сумрачный вечер
Скачет конь, и нет его краше.
Давайте, выйдем грозе навстречу,
Ибо грядущее — наше.

День отдает свое золото морю,
Белеет береза — нет дерева краше.
Мы небо захватим, мы с бурей поспорим,
Ибо грядущее — наше.

Лист зеленый пчелу обнимает,
Голос птиц доносится с пашен.
Мы победим, ибо каждый знает —
Грядущее — наше.

Родина, я тебе говорю —
Нет сильнее тебя и краше.
Хочу лицезреть восходящей — зарю,
Ибо грядущее — наше.

Грядущее принадлежит гитлеровской молодежи, но не семи еврейским школьницам, которых вызывают в гимнастический зал. Там их ожидают шесть эсэсовцев, уже ставших постоянной частью школьного пейзажа. У стены стоят двое учителей. Украдено в раздевалке платье одной из школьниц старшего класса. Эсэсовец приказывает еврейкам выстроиться по росту. Бертель, самая маленькая и худая, замыкает ряд.

Эсэсовец указывает на нее со смехом: «Поглядите на эту уродливую карлицу!». Он приказывает ей приблизиться к низкой сцене, на которой выстроились остальные шестеро. Один из эсэсовцев подставил ей ножку. Остальные громко захохотали.

— Открой ранец! — приказал металлический голос другого эсэсовца.

Двумя руками он порылся между ее книг и тетрадей. Она вернулась в ряд и заплакала навзрыд. После тщательного и настойчивого обыска всех семи ранцев, нацист заорал:

— Только еврейка могла украсть платье! Немецкая девочка

не крадет. Если платье не будет найдено, вы все пойдете под суд.

Раздалась команда: «Разойтись!» И еврейские девочки строем вышли из спортивного зала. Когда Бертель прошла мимо учителя латыни, который присутствовал при унизительном зрелище, рука его скользнула по ее голове, словно он хотел сказать: «Я с тобой».

Дед, Гейнц, Лотшин, Фердинанд, Фрида и близнецы сидели вокруг обеденного стола, когда туда ворвалась Бертель, несвязно рассказывая о нанесенном ей оскорблении. Гейнц посадил ее к себе на колени, гладил ей волосы и просил успокоиться. Все в один голос закричали:

— Больше в эту школу ни ногой!

Гейнц решительно заявил:

— Это был твой последний день в этой школе. Но почему ты плачешь? Гордись тем, что ты еврейка.

Гейнц закурил сигару и после долгой паузы сообщил, что доктор Герман, взятый в гестапо, исчез, словно его поглотила земля. В среде социал-демократов ходят слухи, что он заключен в совсем недавно построенный концлагере Дахау. Там его пытали и убили. Бертель поднялась в свою комнату и швырнула в угол ранец. Доктор Герман уже не вернется в школу, так же, как и еврейские ученицы. Для нее же с этого момента единственным духовным домом стал сионистский клуб. Теперь все свое время она отдавала Движению и урокам иврита у раввина Хаймовича.

Угрозы нацистов загнали евреев в дома. Впервые из уст Гейнца прозвучало заявление о том, что им всем следует гордиться своим еврейством. Это было сказано на очередном ежемесячном собрании друзей покойного отца. Гейнц сказал одному из собеседников, что многие из нас могли годами не вспоминать о своем еврействе, но теперь, когда нам кричат, что мы евреи, мы не можем отказаться от еврейства. Бертель подстерегла Гейнца после того, как все разошлись. Она напомнила брату о его столкновении с отцом по поводу смешанных браков и повторила его слова: «Что странного в женитьбе на христианке». Гейнц ответил: «Сегодня я бы так не сказал».

Стук сапог и настойчивые удары в дверь раздались ранним вечером. Лицо Гейнца исказил гнев. Бумба, как пружина, рванулся к пылесосу, стоящему в нише в гостиной. Лотшин тянет за руку Бертель, торопя ее в свою комнату. Фрида остолбенела. В одно мгновение лицо ее состарилось.

— Ты почему обслуживаешь евреев? — двое эсэсовцев в черных мундирах с множеством значков грубо толкают ее в

сторону.

— Я не служанка, я — экономка.

— Мы вернемся через три дня. Найдем тебя здесь — пошлем в концлагерь.

Эсэсовцы протягивают Гейнцу приказ: в течение трех дней ему следует избавиться от фабрики. Они начинают рыскать по комнатам и коридорам, забирая все, что им попалось под руки и понравилось, и покидают дом. Шестидесятилетняя Фрида заходится в рыданиях. Она не может оставить детей, которых растила, несмотря на угрозы.

Дед, подобно белой статуе, прирос к стулу. Дело всей его жизни рухнуло на его глазах. Мечта о создании династии литейщиков исчезла. Фабрика переходит в руки правительства. Ему дано три дня для распродажи оборудования. Адвокат-нацист, Рихард Функе ведет переговоры Гейнца с покупателями оборудования. Рабочие получают выходные пособия.

Дом погружен в депрессию. Усиление нацистов ставит евреев Германии в новую ситуацию. Только вчера гордые и уверенные в себе, они в единый миг стали отбросами общества. Евреи унижены, они оказались беззащитными перед насильниками. Черные свастики нарисованы на всех столбах электрических и телефонных линий, на заборах и стенах еврейских учреждений и жилых домов. Запреты следуют один за другим. Евреев попросту вышвыривают из германского общества.

Уже не раздается колокольчик молочника. Белая машина, развозящая молоко, перестала останавливаться у еврейского дома. И повернуть колеса в обратную сторону, в прежнее положение, невозможно. Не спасают ни деньги, ни имущество.

Рост национального самосознания и солидарность с невероятной силой охватывают еврейскую среду. Еврейские клубы полны народа, общественная и культурная жизнь в них бьет через край. Этим живет Бертель в клубе Ашомер Ацаир. Руфь, Ильзе и Лотшин активно участвуют в работе спортивного клуба «Бар Кохба». Лоц опередил всех, более года назад перейдя из христианского спортивного клуба в еврейский. Дети чувствуют себя хорошо в еврейской атмосфере. Уходит чувство беспомощности. Впервые у молодых членов семьи Френкель появляются еврейское самосознание, еврейская солидарность и сплоченность. На фоне страшной опасности родилось нечто освежающее и необычное, вторгшееся в ассимилировавшийся в течение многих лет дом. Не дает покоя рев громкоговорителей из дома покойной баронессы, ставшего клубом гитлеровской

молодежи. Этот рев колышет стол и тарелки в столовой дома Френкелей. Дед бормочет:

— Хорошо, что смерть избавила Артура от необходимости видеть всю эту мерзость.

— Бумба, ты еврейский мальчик, убери сейчас же этот клинок вместе с ножнами с пояса, — жестким голосом говорит Гейнц.

— Это неправда, неправда, я не еврейский мальчик! Ты лжешь, Гейнц, — кричит Бумба, сжимая кожаные ножны клинка.

— Не жди нацистских подростков, которые хулиганят на улицах.

Гейнц резким движением выхватывает клинок из ножен, швыряет его через всю комнату. Фрида нагибается и убирает предмет спора.

— Сиди тихо, мальчик. Не так уж плохо быть евреем, — дед понимает, что творится в душе маленького внука, который никак не может вникнуть в события этих дней, нарушающие покой дома.

Нацисты разогнали рейхстаг. Сразу же после выборов 5 марта они объявили коммунистическую партию вне закона и захватывают все государственные учреждения. В доме ждали выборов, как чуда. Но худшее происходит изо дня в день. Нацисты в новом рейхстаге составили решающее большинство — 44 % голосов. У коммунистов только 8 % голосов избирателей. Дед швыряет на стол газету. Нацистские главари не теряют ни минуты. Они торопятся обосновать свою тоталитарную политику. Газеты и радио сообщают о создании нового концлагеря Дахау, строительство которого завершено, и там пребывают тысячи политических заключенных. Это противники национал-социалистической власти, социал-демократы, коммунисты и евреи.

Дед не поднимается с постели и ни с кем не хочет обсуждать последние события. Только об одном он попросил, еле слышно но решительно: внуки его должны бежать из Германии без него. Он уже слишком стар, и жизнь свою хочет закончить в Германии. Нет у него душевных сил заново строить жизнь в чужой стране. Гейнц и Лотшин сказали, что не уедут без него. Немцы преступно предали евреев. В аристократическом квартале Вайсензее из окон роскошных вилл свешиваются нацистские флаги. На их небольшой улице имени Гёте нацисты властвуют уже не только в клубе гитлеровской молодежи напротив их дома. Красные флаги с черными свастиками развеваются на ветру между высокими деревьями на площади. Дед упрямо не хочет выходить из дома, не хочет наткнуться на нацистов, на их шествия. Он молчит, потому

что не хочет говорить по-немецки.

Март 1933 года. Конституция Веймарской республики используется теперь только в качестве издевки. «Закон о порядке утверждения на должности» принимается абсолютным большинством рейхстага. Гитлер, на основании 48-го параграфа Веймарской конституции, утверждается верховным главнокомандующим, ответственным за порядок и безопасность.

Наивные евреи совсем пали духом и все же еще не различают чудовища, которое протягивает свои щупальца к их имуществу и к ним самим, ставшим ненужными. Еврейская журналистика еще не приспособилась к новому положению и все еще призывает евреев бороться за свои права. Коммунисты, социалисты, люди свободных профессий арестованы. Отец Рени Прагер, один из важных деятелей социал-демократической партии, заключен в концлагерь Дахау. Их, дом, принадлежавший партии, конфискован. У ее матери нервный срыв. Несчастная Рени нанялась работать помощницей в немецкую контору, она нуждается в каждом пфенниге. Наоми чувствует себя обязанной ей помочь. Каждый день она забирает ее с работы к ним домой на обед.

Гейнц добивается разрешения эмигрировать во Францию, к родственникам в Париж. Таким видится временный выход из положения. Дед же говорит, что Гитлер не удовлетворится Германией, оккупирует всю Европу, и просит внуков уезжать в Соединенные Штаты. Гейнц согласен с дедом: Гитлер прорвет линию Мажино. Если он осуществит свои угрозы, вся Европа попадет в его руки. Дом лихорадит от советов. Кто уплывет в Южную Америку, а кто — в Палестину?

Единогласно решено. Бертель, сионистка, отправится в Палестину. Туда же, следом за ней, — Бумба. Старшие братья уедут в Аргентину, единственную страну, ворота которой раскрыты для евреев. Руфь с мужем и сыном от первого брака Гансом готовятся к отъезду. Она добивается визы на далекий континент. Хочет добраться с семьей до Швейцарии и оттуда пересечь океан до Буэнос-Айреса. Ильзе и ее жених Герман Финдлинг, студент медик, тоже намерены эмигрировать в Южную Америку. После получения им диплома, они поженятся и проведут медовый месяц в Париже. Лотшин останется с дедом в Берлине. Потом она исполнит обещание, данное отцу: уедет в Палестину, чтобы взять на себя заботу о Бертель и Бумбе. Старшие братья считают, что она сошла с ума. Дед ее поддерживает. Говорит, что с Бертель бесконечные проблемы, а Бумба устроится даже на Северном полюсе.

Бертель переживает, избавится ли странный дядя Альфред от иллюзии, что положение не может быть хуже, оставит ли преподавание иудаизма в университете в Карлсруэ и своих студентов. Бертель помнит разговор дяди с Гейнцом о том, что нацисты выйдут из подполья и победят на выборах. Это было осенью 1933, когда на семейном празднике Гейнцу было передано руководство литейной фабрикой.

— Дядя Альфред, — Гейнц нервно курил. — Наступили трудные, смутные дни.

— Что ты имеешь в виду? — дядя-профессор протер очки.

— Ты не обратил внимания на события, на сильнейший кризис, который свалился нам на голову?

— А-а, Гитлер? — дядя надел очки.

— Большая беда.

— Если Гитлер придет к власти, прекратится пропаганда против евреев. Нацисты не откажутся от еврейских голосов на выборах.

— Быть может, ты и прав, — Гейнц стряхнул пепел с сигареты.

Бертель нервничает. Филипп покинул дом, оставив тяжелое чувство приближающейся катастрофы. Как адвокат, выбранный еврейской общиной для защиты ее интересов перед властями, он рассказывал, какую отчаянную войну ведет с бесшабашностью и наивностью евреев. Он обращает их внимание на выдающихся евреев, которые совершают решительные поступки. Ученый Альберт Эйнштейн, который поехал в Соединенные Штаты с курсом лекций, завил, что не вернется в Германию из-за нарушений прав личности и равенства перед законом. Изобретатель газового оружия, крещенный еврей Фриц Хабер, который присоединился к требованию изгнать Эйнштейна из Прусской академии из-за его заявления, подал в отставку с поста главы института имени кайзера Вильгельма по физической химии в Берлине после того, как от него потребовали уволить из института всех евреев-ученых. Фриц Хабер бежал в Британию. Философ Герберт Маркузе и знаменитая актриса Элизабет Бергнер сбежали из Германии. Писатель Томас Манн, не еврей, предпочел оставить отечество после того, как отказался присягнуть нацистскому режиму.

Ассимилированные патриоты, явно не понимающие, что происходит, поднимают голос протеста против запретов, объявленных нацистским режимом. Они, создатели высокой культуры, уверены, что Германия в них нуждается, и не откажется от них. Еврейство Германии не желает читать пророчество,

начертанное на стене. Филипп борется с распространенным в общине мнением, что Гитлер прибегает к террору лишь для того, чтобы укрепить свою тоталитарную власть. К воззванию Юлиуса Штрайхера, грубого редактора еженедельника «Дер Штюрмер», провозгласить первое апреля днем бойкота евреев, опубликованному в его еженедельнике по указанию партии, в общине вообще серьезно не относятся.

31 марта. Ящики с вещами Руфи, ее мужа и сына Ганса вынесены в гостиную. Фрида стоит на коленях у открытого ящика, вертит ручку серебряного половника и плачет:

— С восемнадцати лет я наливала суп этим половником и вот, из-за Гитлера я больше не буду его держать.

В глазах Гейнца, Лотшин и Бертель стоят слезы. Дед прижимает половник к груди Фриды и успокаивает ее:

— Половник твой, Фрида, он будет с тобой всегда.

Первое апреля. День бойкота. Холодно. Самолеты пролетают низко над домами. Из всех громкоговорителей раздаются националистические речи и песни. На улицах бесчинствуют нацисты. Лотшин и Бертель идут по центру города. Со всех сторон надвигаются на них люди с плакатами — «Бойкот!!», и слышны крики нацистов: «Смерть евреям!». Впиваются в уши клаксоны полицейских машин, ревут моторы мотоциклов нацистов. Отряды штурмовиков и эсэсовцев заполнили город. Нацисты в коричневой форме стоят у еврейских магазинов, следя за тем, как граждане соблюдают бойкот. В этот день членам еврейского молодежного движения запрещено ходить по городу в форме. Бертель решила в знак протеста поехать в еврейский магазин. Он находится в пролетарском квартале, недалеко от еврейской улицы Гренадирштрассе. Она решила купить синий плащ, который носят в движении, объясняя, что старый плащ запятнан чернилами. Лотшин вышла с ней. Ее арийская внешность защищает смуглую сестру.

Глаза видят, уши слышат. Громкоговорители орут: «Немцы! Защищайте себя! Не покупайте у евреев!». Надписи на витринах полны ошибок, намеренно унижающих евреев, которые портят немецкую культуру и язык. Активисты нацистской партии навешивают на бойкотируемые магазины плакаты с желтой звездой Давида. Стоя по двое у каждой двери, нацисты не дают покупателям-немцам войти в еврейские магазины. Хулиганы и штурмовики врываются в торговые лавки, рушат все, что попадается под руки, избивают и топчут евреев, всех подряд, без разбора.

— Бертель, надо преодолеть страх. Покажем нацистам, что мы смелы и не боимся их.

Лотшин зорко смотрит по сторонам на плакаты и лица орущих нацистов. Она чувствует, как дрожит сестра.

«Надо изгнать евреев!», «Не покупайте у евреев!», «Евреи — клопы!».

Бертель не оставляет ощущение, что со всех сторон ее преследуют звериные взгляды.

Они вошли в еврейский магазин с черного хода. Лотшин купила два синих плаща. Бертель замкнулась в себе. Она не верит нацистам. Евреи — не клопы. Она думает о доме, и облик отца стоит перед ней. Что-то отрицательное есть в иудаизме, думает она. Отец от нее что-то скрывал, не хотел, чтобы она это знала. Отец благороден. У него была у него причина скрывать от нее ответ на ее назойливый вопрос: что означает — быть евреем.

— Лотшин, что это такое — еврейство?

— Никогда об этом не думала.

— Жизнь без этого знания тебя не беспокоит?

— Не думала об этом и не страдала от этого.

Бертель снова погружается в себя. Гейнц на ее вопрос ответил:

— Этот вопрос для меня слишком труден.

Девочка мучается вопросом, что такое — еврей, и, вообще — национальность.

А в гостиной все охвачены страхом.

— Иисусе, в память о вашем отце, вы не должны подвергать опасности ваши жизни, — кричит Фрида.

Дед требует от внучек поклясться, что они больше не повторят эту глупость. В эти безумные дни смертельно опасно типичной еврейке Бертель шататься по улицам.

Вечерние сумерки опускаются на город. Дед в шоке. Его сын Альфред сбежал из маленького университетского городка Карлсруэ в Берлин с двумя чемоданами, набитыми книгами. Его глубокие голубые глаза полны страха. Он рассказывает, что студенты вышвырнули его из аудитории с криками и тумаками. Разбили ему очки и разорвали темный выходной костюм. Эсэсовцы призывали студентов бесчинствовать и нападать на еврейских профессоров. Дед не понимает происходящего. Его сын, профессор, специалист по древним языкам, бледен, растерян, руки его опущены, как плети. Большие синяки покрыли все тело. Он испуганно моргает и все время трет глаза. Дед достает запасную пару очков и протягивает сыну. Дед пал духом. Только вчера он был королем в своем дворце. И вот в течение ночи его преуспевающий еврейский род и в Берлине и в Силезии

разорен и унижен. Хулиганы и бандиты пришли к власти, изменив в единый миг облик его любимого отечества. Сын Альфред предпочитает остаться в Берлине, чтобы раскрывать евреям смысл иудаизма. Дед велит ему уехать вместе с семьей в Южную Америку.

Гейнц позвонил родственникам в Силезию, чтобы спросить, как у них прошел день бойкота. Френкели не поняли, о чем он говорит.

— Этого не было по всей Германии. Только в больших городах.

Дед немного взбадривается. Волна протеста прокатывается по Западной Европе и Соединенным Штатам Америки. Евреи и не евреи угрожают полным бойкотом Германии. Домочадцы и родственники приходят в себя после черного дня, который пронесся над Германией, обсуждают случившееся событие с осторожным оптимизмом. Решительность мирового человеческого катализатора необходима для оздоровления экономики. Нацисты не смогут укрепить катящуюся вниз экономику без прямой или косвенной финансовой помощи всемирного еврейского сектора. Третий Рейх не нанесет ущерба международным экономическим связям, промышленным предприятиям и банкам, владельцы которых или компаньоны — евреи. В доме Френкелей полагают, что невыносимое положение смягчится.

Но Гейнц не верит. Он знает, что единство семьи уже не удастся сохранить.

Второе апреля. Бертель рассказывает в подразделении о протестах против бойкота. Рени говорит, что ее отец уже месяц сидит в концентрационном лагере Дахау, а мать все время плачет. Бертель, не задумываясь, отдает ей один из двух купленных плащей. В клубе шумно и тревожно. Воспитатели и воспитанники без конца обсуждают создавшееся положение. Очередная антиеврейская демонстрация не принесла ее организаторам желаемого успеха. Возбужденная подстрекателями толпа не набросилась на евреев.

Однако день бойкота еврейских магазинов глубоко врежется в сознание евреев Германии. Со страниц газеты на идиш «Идише Рундшау» Роберт Велтш, один из лидеров германских сионистов, взволнованно обращается к евреям: «Носите с гордостью желтый знак на груди».

Нацистская Германия хочет лишить евреев чести, и сионистский лидер говорит: «Евреи предали еврейство, а не Германию. Они пытались увильнуть от еврейской проблемы и, таким образом, стали пособниками тех, кто стремится унизить

еврейство. В дни национальной революции германского народа и полного развала понятий старого мира, не отчаивайтесь! Евреи — не враги нации, евреи не предали Германию. Если и предали кого-то, так это самих себя, свое еврейство, ибо не носили с гордостью свое еврейство, увиливали от еврейской проблемы и сами навлекли на себя унижение. Отчаяние не поможет, и ношение щита царя Давида на груди вовсе не является отрицанием нашей чести».

В сионистском молодежном движении все взволнованы. Воспитатели и воспитанники надевают форму только там, где их не видят посторонние. Все говорят о фильме «Гитлерюгенд». Только светловолосые воспитанники могут себе позволить войти в кинотеатр. Бертель послала Фриду, чтобы она посмотрела фильм и подробно пересказала ей его содержание. Рыжий Бумба, не очень похожий на еврея, решил пойти с Фридой.

В конце концов, Реувен согласился пойти с Бертель в кино, уговорив девушку спрятать черные, как уголь, волосы под шляпой. Затем она рассказала о фильме в молодежном движении, и все единогласно решили, что показанный в фильме коллективный портрет гитлеровской молодежи глуп. Среди евреев тоже немало коренастых, высоких, сильных блондинов.

Седьмое апреля. Дом Френкелей вновь потрясен. Режим провозглашает, что евреи — враги нации. На первой полосе газеты «Дер Штюрмер» опубликован «Закон об основах государственной службы» По этому закону евреи изгоняются из общественного и государственного сектора. Дед не может уснуть. Он запирается в своей комнате, лишь иногда выходя в коридор. Лицо его печально, глаза красны. Миллионы отчаявшихся безработных-арийцев бесконечно благодарны Гитлеру за освобожденные рабочие места. Нацисты вводят еще один декрет против интеллектуалов и ученых. Отныне в университетах и научно-исследовательских институтах преподавать сможет всего лишь один процент евреев. Народ дружно поддерживает антисемитские законы.

Ночь десятого мая. На площади перед Берлинской оперой горит сатанинский гигантский костер. Пламя полыхает под рев клаксонов проезжающих автомобилей и крики огромных толп. Это сжигают сокровища еврейского духа, редкие древние книги. В языках пламени, взметающихся высоко к небу, от имени германской культуры, сыны сатаны изливают свою ненависть, испепеляя священные, пророческие, научные, литературные произведения еврейских авторов.

Семья Френкелей собралась в гостиной. Филипп всплескивает

руками:

— Люди сжигают книги. В конце концов, начнут сжигать живых людей, — цитирует он поэта-выкреста Генриха Гейне.

Он говорит о счастье интеллектуала и патриота Артура Френкеля, который не дожил до этого варварского зрелища. Еврейская культура сгорает в пламени. Филипп в смятении. Кроме самого устрашающего акта нацистов его мучает духовная проблема евреев. Еврейская ассимилированная молодежь отвернулась от культуры своего народа и захвачена современной культурой: модернистской западной музыкой, литературой, театром. Она совершенно не знает и не интересуются еврейским языком и духовными сокровищами, улетающими пеплом в языках пламени в небо.

Еще раньше он очень переживал тот факт, что еврейство чуждо молодым членам семьи Френкель. Их интересовал «Коммунистический манифест», воспламенивший мир. Волна нового искусства прокатилась по всей Германии. Деятели культуры, вслед за Бертольдом Брехтом, пропагандировали социалистические идеи в годы успеха Германии. Под влиянием этих идей молодые Френкели начали говорить о большом общественно-экономическом разрыве между богатыми и бедными. Когда нацисты вышли из подполья, и люди начали прислушиваться к их пророчествам, Филипп размышлял о том, что двадцатые «золотые» годы Германии усыпили человеческие чувства. Артур и его дети называли его пессимистом. Лотшин назвала его «Папа Римский» из-за его консерватизма.

Бертель леденеет от ужаса:

— Гитлер провозглашает, что будет властвовать тысячу лет. Действительно, такое может быть?

И весь дом взорвался хохотом.

Времена изменились. В последние годы Филипп чувствует поддержку молодых студентов-евреев. Они объединяются в еврейские профессиональные союзы студентов, в спортивные еврейские организации «Макабби» и «Бар Кохба». Френкели с большим вниманием прислушивается к рассказу Филиппа о положении в еврейской общине.

Дед покидает гостиную. Он стал нервным стариком. Он знает, что должен умереть, чтобы освободить внуков от заботы о нем. Гейнц, Лотшин, сестры-близнецы и Фердинанд не двигаются с места.

Евреев арестовывают и повергают унижению, увольняют с работы. При поддержке властей богатые евреи бегут из страны. Маргот Клаузнер, наследница сети обувных магазинов «Лайзер»,

продала все свое имущество новым владельцам и эмигрировала в страну Израиля. Товарищи и друзья, близкие и далекие изгнаны из университетов. Представители свободных профессий уволены из общественных организаций. Филипп обескуражен. Евреи никак не могут постигнуть то, что положение их медленно, но неотвратимо ухудшается и уже не остановится. «Хуже быть не может», — говорят они и горько шутят. С точки зрения логики, просвещенная Германия самоуничтожится, если не поставит границ своему нравственному, общественному, экономическому падению.

Бледная Бертель врывается в гостиную. Банда нацистов в коричневых мундирах набросилась на двух бородатых евреев, крича: «Свиньи — жиды!» Затем, озверев, начали рвать их бороды. Евреи распростерлись на земле, под ногами бандитов. Они были без сознания, в крови. Нацисты хохотали. Бертель и товарищи из подразделения стояли, остолбенев, и не бросились на помощь к несчастным. Все в гостиной окаменели. Кстати, добавляет Бертель, она вместе со всем подразделением видела, как сжигали книги на площади перед оперой. Филипп вскочил со своего места и прежде, чем покинуть дом, предупредил:

— Положение становится невозможным. Спасайте ваши души.

Бертель поддерживает его:

— Семья Вайс продает свою мясную лавку. Они купят колбасную лавку в Тель-Авиве.

Филипп подтверждает, что решил ускорить отъезд семьи своей сестры, владелицы лавки:

— Реувен не поедет с родителями. Он инструктор в молодежном сионистском движении и останется готовить молодежь к репатриации.

Бертель подчеркивает, что Реувен уже не хочет присоединиться к коммунистической молодежи.

Руфь первая из семьи с мужем и сыном уехала в Аргентину. Ей помогают знакомые евреи, которые раньше сбежали в Южную Америку. На своих автомобилях перевозят ее вещи, посуду, драгоценности.

Ильзе с мужем Германом тоже собираются в Аргентину после медового месяца в Париже. Герман Финдлинг связан с Ильзе уже более пяти лет. Однажды он увидел симпатичную гимназистку с длинными косами, идущую по улице. Он, молодой студент-медик, пошел за ней, разговорился, и с тех пор они не расстаются. Его родители, восточноевропейские евреи из маленького городка, приехали на свадьбу с кислыми лицами. Сын их не послушался и женился на сироте, без отца и матери, из ассимилированной

семьи.

Атмосфера в доме Френкелей тяжелая.

Служанок еврейских домов осыпают на улицах проклятиями. В письмах угрожают тем, что их ожидает самое худшее, если они не покинут дома евреев. Кетшин оставила дом, заливаясь слезами. Служанки уходят с большим выходным пособием, вдобавок к заработной плате. Сестры Румпель не приближаются к дому. Фрида, преданная семье в течение многих лет, подвергает свою жизнь риску. Она ни за что не хочет оставить деда и своих детей.

— Он долго не останется у власти, — успокаивает она Ильзе.

Ильзе не перестает рыдать, глядя на ящики, забитые одеждой, постельным бельем, посудой. Они готовятся в долгую дорогу морем, по следам сестры Руфь, в Южную Америку.

Жизнь усложняется со дня на день. Сердце адвоката Фрица Пельца, элегантного и высококультурного человека, с которым встречается Лотшин, обливается кровью. Земля Германии горит под ногами, а избранница его не желает с ним уезжать в Аргентину. Не только потому, что не хочет оставлять деда одного в Германии. Она говорит о том, что должна выполнить обещание, данное покойному отцу и записанному в его завещании, заботиться о младших — сестре Бертель и братике Бумбе.

— Женюсь я только на тебе, — сказал он Лотшин и сбежал в Южную Америку.

И тут в ее жизни появился упрямый симпатичный ашкеназский еврей. Калман встретил ее в помещении еврейской общины и с тех пор не оставляет ее. Он высокого роста, сухощав, темноволос. Когда он отбрасывает гладкие пряди назад, обнажается широкий лоб. Он смотрит на мир сквозь круглые очки в темной оправе, которые придают ему серьезность. Его не волнует, что красавица не может забеременеть, он мечтает взять ее в жены.

Лето 1933. Умер президент Гинденбург. Гитлер — президент, канцлер, командующий германской армией. Суды действуют в духе фюрера. Филипп Коцовер, юридически представляющий еврейскую общину перед властями, рассказывает, что в гестапо создали образец желтого лоскута, который будут обязаны носить все евреи. Нацисты угрожают представителям крупной еврейской буржуазии, что если они не передадут свои богатства властям, их заставят носить желтую звезду на одежде, и они уже не смогут скрываться.

Семья прощается со своими сыновьями и своим имуществом. Дед и Гейнц вернулись из Пренслау с тяжелым сердцем. С помощью барона они продали усадьбу. Бумба громко оплакивал

потерю имения.

Лотшин обручилась с Кальманом, явно не по любви. В эти тяжелые дни его любовь придает ей силы, а разница в интеллекте не препятствует их супружеству.

— Чего вы убегаете? Я — немецкий еврей. Кто как ни я знает Германию. Я говорю вам, все это пройдет. Быть может, через месяц этот ужас закончится. Сохраните ваше имущество, жаль все потерять, — дядя Герман, одетый с иголочки, приехал из своего семейного дворца в Силезии.

Он старается успокоить Френкелей в Берлине, готовящихся покинуть Германию. Дядя взывает к их совести:

— Германия нуждается в евреях, Германия была прекрасным местом для евреев. Вы в долгу перед Германией.

Дядя Герман, который в эти дни все еще себя чувствует неотделимой частью великой Германии и германского народа, обращается к отъезжающим, как предателям.

— Вы преувеличиваете, — говорит он Гейнцу и обращает пытливый взгляд на Лотшин. — Как ты можешь послать девочку к чужим людям, в пустыню, в выжженную солнцем страну, о которой рассказывают, что она полна ядовитых насекомых и малярийных комаров. Поселенцы страдают от малярии и других болезней.

Дядя Герман обращается к разуму Лотшин, рассказывает об историческом вкладе евреев в европейскую культуру и, в частности, в культуру Германии. Евреи, обладающие инициативой, приводят в действие колеса государства и обогащают его культуру. В последних поколениях именно они поддерживали художников, писателей, поэтов. Просвещенные еврейские женщины, такие как Рахель Варнаген, держали литературные салоны в Берлине и Вене и обогатили духовный мир немецкого народа.

Еврейские женщины поддержали гигантов духа, которых германское общество не сумело понять и поддержать. Даже величайший немецкий поэт Иоганн Вольфганг Гёте сделал свои первые шаги в литературных салонах еврейских интеллектуалов перед тем, как завоевал всю Германию, а затем и всю Европу. Евреи доказали, какие они великие патриоты в большой войне. Чрезвычайное положение временно. Жизнь евреев вернется в нормальное русло, как только Гитлер укрепит свою тоталитарную власть. По мнению дяди, Германия не откажется от культурной еврейской аристократии.

Дядя Изак приехал из Силезии вслед дяде Герману, чтобы убедить детей семьи Френкель не пускаться в бега. Дяди относятся снисходительно, с терпимостью, к уничтожению имени

«Френкель» в названии небольшого городка в Силезии «Нойман-Френкель» и ко всем ужасам, сыплющимся со всех сторон. Лотшин придерживается фактов. Их насильно заставили продать свой дом, купленный дедом и полностью им реставрированный в прошлом веке, высокому чину нацистской партии. Оставшиеся члены семьи перейдут жить в съемную квартиру накануне зимы. Никакая иллюзия ее не ослепит. Слушая уговаривающих их дядь, Бертель думает об обсуждаемой всеми в эти дни книге Франца Верфеля «Сорок дней рыбака Мусы». В молодежном сионистском движении считают, что этот писатель, еврей, хотел описать судьбу своего народа, но, при этом, чтобы не возбудить антисемитизм, изобразил массовые убийства армян турецкой армией и изгнание армян из Турции во время военных действий.

— Ох, — вздыхает дед. — Никогда не может случиться в Германии то, что случилось в Турции.

— Я покажу отцу! Он разрушил мою жизнь! — Гейнц бушует в кухне, ругает отца, как последний извозчик.

Сын проклинает отца за то, что он не позволил ему жениться на дочери судьи Кристине, и таким образом, походя, уничтожил его жизнь. Бертель оскорблена до глубины души. Глаза ее любимого брата остекленели от алкоголя и мокры от слез. Он бранит отца и угрожает ему так, как будто отец жив. Она поддерживает брата, чтобы он не упал. Гейнц опирается на нее всей своей тяжестью. Она поит его кофе, кладет ему на лоб влажный платок, зажигает для него сигарету. Гейнц делает несколько затяжек и бросается к раковине. Его рвет. Бертель носится по пустым комнатам, ища помощи. Ветер сотрясает опущенные жалюзи. Вороны оглашают сад карканьем. Она вырывается в сад, зовет на помощь старого садовника Зиммеля. Тот обливает Гейнца холодной водой, обмывает его и укладывает в постель. Бертель в полном смятении: ее умный брат, жестко придерживающийся принципов, — пьяница!

Бертель сидит на кухне, у холодной пустой плиты. Хрустит сухим куском хлеба. Примерно полтора часа назад она вернулась с товарищами из Дании. По инициативе датского еврейства правительство Дании пригласило молодежь из Германии, чтобы они могли хотя бы на время освободиться физически и духовно от режима Гитлера. Предпочтение было отдано тем, кто должны были отправиться в страну Израиля по состоянию здоровья. Шесть недель она провела с деревенскими детьми. Ела пахучий круглый хлеб, золотистое масло, жирную колбасу, сочные фрукты, пила свежее молоко. На шесть недель пригласила ее крестьянка и относилась к ней, как к дочери. В благодарность,

как и другие воспитанники группы, она помогала хозяйке собирать фрукты, главным образом, яблоки и сливы. Солнце, лес и река, радушный прием отдалили воспоминания о Гитлере.

В четвертом часу после полудня она стояла на берлинском вокзале между коричневыми мундирами, гремящими сапогами, развевающимися флагами и враждебными листовками. И мгновенно из памяти были стерты прекрасные дни в Дании. Осталась на память цветная шляпа и такой же цветной свитер, закрывающий шею — прощальный подарок датской крестьянки, которая связала их для Бертель.

Фрида с покупками входит в кухню и разражается рыданиями. Лотшин врывается в дом и сообщает, что купила билет на ночной поезд. Что-то случилось? Никогда она не видела Лотшин такой взволнованной. Она охвачена гневом: никто не проследил за Гейнцем. Куда этот алкоголик исчез?

Постепенно Бертель становится ясно все, что случилось в последние сутки. Вчера вечером в дом явились двое гестаповцев в штатском. Они попросили Гейнца следовать за ними. Он обвинен в нарушении приказа о ликвидации дел, связанных с железом и сталью, и заключен в подвал гестапо. Лотшин вызвала адвоката, нациста, доктора Функе. Бертель не задавала вопросов, но Фрида угадала всё. Функе давно приставал с ухаживаниями к Лотшин. В эти дни, когда люди исчезают без суда и освобождаются без суда, Лотшин, не колеблясь, исполнила унизительные условия, которые предложил ей Функе в обмен на спасение Гейнца. К тому же, он был содомитом. Фрида не смыкала глаз всю ночь. К утру, когда Лотшин вернулась из гостиницы, Фрида приготовила горячую ванну и уложила принцессу в постель. Красота ее и деньги сделали свое дело. Функе освободил Гейнца без суда. Велел вести его прямо из подвала гестапо на вокзал. Гейнц вернулся домой, и Лотшин помчалась за билетом на ночной поезд в Швейцарию.

В холодную осеннюю, темную ночь Функе проводил Гейнца к поезду. В смятении чувств Гейнц передал Функе плату — дорогие драгоценности, которые Лотшин извлекла из металлического сейфа в кабинете покойного отца: несколько золотых колец с бриллиантами, среди которых — обручальное кольца отца, золотое ожерелье и портсигар из тяжелого золота, также украшенного бриллиантами. Гейнц уехал к сестрам в Аргентину. Деньги и драгоценности, которые он хранил в швейцарском банке на черный день, были использованы им для бегства в Южную Америку.

Дом опять в шоке. Два эсэсовца в черных мундирах с эмблемами и значками выбивают входную дверь. С криками и

угрозами они рыщут по комнатам и коридорам. Бертель прячется в одной из ниш в гостиной, за статуей богини Фортуны. Фрида кричит, пытаясь их призвать к порядку. В ответ почти волчий вой:

— Убирайся немедленно, еврейская подстилка!

Эсэсовцы ведут себя, как хозяева. Сапоги их стучат по паркету, сотрясая весь дом и его обитателей. Они нагло забирают оставшиеся небольшие картины и драгоценности. К счастью семьи, посуда, которая служила им в течение нескольких поколений и большая часть драгоценностей уже находятся на пути в Аргентину с Руфью и Гейнцем.

Оставшиеся члены семьи облегченно вздыхают. Старший брат спасен. В первом письме он написал, что устроился развозчиком молока, ищет средства для существования. Каждодневные события накрывают дом, подобно океанскому валу.

Бертель взволнована. Дуни, ее друг по молодежному движению, уехал в страну Израиля к дяде в кибуц Эйн-Харод. В свое время, приехав из России в Германию, он жил у родственников в Берлине. Родители его пропали в России. Дуни со своим дядей кибуцником переписывались на идише, русском и немецком языках. Она помогала ему на своем слабом иврите. Эта переписка и сблизила ее с Дуни. Она удивилась, когда он пришел прощаться. И еще более была удивлена его объятиям и поцелуям, когда они сидели на скамье в берлинском парке. Она мечтает о поцелуях, которые соединят их навсегда, когда они встретятся в стране Израиля. В письмах к нему, в Эйн-Харод, она рассказывает о событиях в движении, о книгах, которые она читает, но ответа от него нет. Она обвиняет в этом себя: вероятно, письма ее скучны. Быть может, Дуни слишком занят в кибуце. Нет у него времени на письма, или в кибуце нет марок.

В последние недели она выглядит печальной. В клуб пришли взрослые девушки, парни крутятся лишь вокруг них. Их развитые груди привлекают постоянное внимание ребят, а на нее никто не обращает внимания. К тому же Реувен сердится на нее, потому что вдруг она отбрасывает его руку, когда он хочет дружески положить ее ей на плечи. Что-то странное произошло между ними с тех пор, как Бедолф подарил ей книгу датского писателя Мартина Андерсена Нексе с трогательным посвящением. Перед его отъездом на практические занятия в Рейнланд она подарила ему художественные открытки, и они тепло распрощались с обещаниями встретиться в будущем.

Бертель записала в своем дневнике:

14.12.1933

Сегодняшний день принес мне нечто, чего я никогда не забуду.

Я чувствую и знаю, что это связано с моим расставанием с Бедолфом. Он уезжает в Рейнланд — работать с воспитанниками. Когда он вернется, я уже буду в Израиле. Утром, перед тем, как я пошла к нему, у меня было сильное желание написать ему что-то. Поехала в художественный салон и купила ему репродукции работ Ван-Гога и открытки из египетского музея. Я знаю, что никогда еще не выбирала подарок с чувством такой любви, и никогда еще на меня не нападал такой страх, что он не понравится Бедолфу. Это чувство меня удивило. И с этим чувством я поехала к нему.

Беседа наша сильно меня укрепила. Еще никогда раньше я не видела его таким особенным, как при этой встрече. И он сказал, что мы даем обещание друг другу. Я ощутила нечто, что было для меня абсолютно внове. Это была буря чувств и некий оклик изнутри, словно бы все, что вокруг, выглядело в это время поверхностным. И мне показалось, что дрожащим голосом я сказала ему: «Бедолф, я буду тебе писать».

В эту секунду я ощущала, что никогда у меня не было такого сильного чувства к человеку.

Нет человека, на которого бы я так полагалась, как на Бедолфа. Когда я с ним говорила после Дуни, я чувствовала, что, именно Бедолф — истинный образец стража в понятиях «Молодого Стража» — Ашомер Ацаир. Для него борьба превыше всех остальных дел. У него особенное отношение к природе. С того дня я поняла и почувствовала, что Бедолф будет моим лидером, и его влияние на меня будет наиболее сильным.

В то время, когда я находилась в его небольшой красной комнате, я вспомнила все те моменты, когда он помог мне и когда восхищалась им. Я думала обо всех выдающихся и прекрасных моментах в моей жизни. И тут Бедолф спросил меня, хочу ли я еще что-то ему сказать. И тогда я ему дала репродукции. Не помню, чтобы при мне кто-то радовался подарку от меня так, как Бедолф. Это — прекрасное чувство. Он действительно радовался. Он взял репродукции с собой, хвалил их, и я была очень счастлива.

Дом освобождается от его обитателей. Филипп и Лотшин показали Бертель проспект элитного учебного центра в Иерусалиме для девушек под руководством Рахели Янаит Бен-Цви, важной персоны в еврейском анклаве, жены одного из руководителей Еврейского агентства. Там она будет учить необходимые предметы и заниматься сельским хозяйством. Бертель, которая днем и ночью мечтала о такой возможности, оказалась в тяжелом конфликте с собой. Она хочет бороться со своими душевными слабостями, стать сильной, как ее товарищи по молодежному движению, но без Лотшин она себя чувствует подобно отсеченному бесполезному тростнику.

— Я твой попечитель! Ты обязана подчиняться моим указаниям. Ты едешь в Палестину без всяких возражений, — отказал Филипп ее просьбе — отсрочить отъезд в страну Израиля до того момента, когда Лотшин сможет к ней присоединиться.

Он объяснил ей, что нельзя упустить такую возможность. Она едет вместе с группой девочек ее возраста, чьи отцы, евреи — члены парламента заключены в концентрационный лагерь, будучи известными социал-демократами. Девочки получили сертификаты от англичан по категории преследуемых властями людей, а Бертель — на основе успешной учебы. Во все документы официально добавили ее ивритское имя — Наоми. И она переписывает слово в слово в тетрадь рекомендацию Бедолфа отделу молодежной репатриации и учебному центру в Иерусалиме.

У нее выдающийся талант к общественной деятельности. Она очень подходит к созиданию общества. Вместе с тем, у нее весьма развиты индивидуальные черты характера, которые приводят к замкнутости и мешают ее связи с обществом. У нее — типичный характер интеллектуала, со всеми положительными и отрицательными качествами этого типа. У нее большой интерес ко всему духовному, и особенно — к теме иудаизма и еврейства.

У нее очень высокие интеллектуальные возможности. Вместе с этим ее можно увлечь практической деятельностью.

Талант и мечты Бертель вытягивают ее из меланхолии и депрессии. В первую неделю на квартире для подготовки к отъезду в пригороде Берлина, которую выделила для этой цели Маргот Клаузнер, миллионерша, наследница сети обувных магазинов Лайзер, самой большой сети в Германии, Бертель сидела в уголке с опавшим лицом, в полной душевной подавленности. Во время занятий в классе сверлила ее мозг, не давая продохнуть, единственная мысль, что делает Гитлер, что он

говорит, и каковы его цели. Все девочки учат иврит для начинающих, а она, которая два года учила священный язык, смотрит остекленевшим взглядом в пространство, и ее душевное состояние отпугивает всю группу.

— Кто это пустил слух, что она такая умная? Смотрите, что она написала!

За ее спиной и в открытую девочки перешептывались, обсуждая ее заметку в ежедневную газету. На бумаге она разразилась какими-то явно ничего не значащими идеями, набором слов, и ее охватил стыд. Инструкторы отнесли этот провал на счет Гитлера и семейного неблагополучия. Бертель сбежала домой и заперлась в своей комнате. Сидела и катала по письменному столу широкий золотой браслет — свадебный подарок, преподнесенный покойной матери в семейном дворце в Силезии. Глаза ее все время скользили по цветным обоям и выше, по золотой полосе, окаймляющей потолок.

Перед ее взглядом вставали распахнутые вдаль, открытые пространства страны Израиля, по которым она скачет, вероятно, на коне. В руках у нее уздечка, за спиной — винтовка. С вершины холма она озирает дали зорким взглядом.

Там, в стране Израиля, все будет по-иному. Она все катала по столу браслет и подбадривала себя мыслями о том, как она будет нестись на велосипеде, плавать, как рыба, стрелять по врагам из винтовки, и весь ее нынешний жалкий мир изменится. Звон браслета придавал размышлениям некий ритм, внутренний мотив. Так вот, случайно, открылась ей в детстве скрытая связь между музыкой и вспышкой творческого начала — текстом. С того дня она искала звуки и ритмы, чтобы перевести их в тексты, бегущие по бумаге.

Она вернулась в коммуну с текстом — кусочками, из которых складывалось произведение. Каждый день она едет в помещения сионистского движения, собирает новости из страны Израиля, изучает их, строит фразы, вызывающие эмоциональный отклик у читателей, помогает им преодолеть все трудности этих дней. Две страницы ежедневной стенгазеты возвращают ей понемногу потерянное уважение товарок. Ее статьи и отредактированные ею материалы всем очень нравятся.

Ящики и чемоданы заполняют комнаты и коридоры. Приближается день, в который надо будет освободить дом. Лотшин и дед будут жить в маленькой съемной комнате в центре города, начиная с 1апреля 1934. Бумбу заберет к себе Филипп. Лоц устроится в семье невесты до ближайшего лета, когда откроется Макаббиада в Палестине. Лоц должен получить

временную визу в Палестину для участия в спортивных соревнованиях. Жена присоединится к нему. Семья ее живет в Хайфе и поможет им нелегально остаться в Палестине. В доме плачут. Лоц взял обеих любимых собак — Цуки и Лотэ — и отвез на ферму, за пределом Берлина. Бумба бросился на пол, стучал каблуками и рыдал в голос.

Мертвая тишина стоит в воздухе. В письме из Аргентины сообщили, что умер от разрыва сердца дядя Альфред. Руфь, Ильзе и Гейнц и за океаном держатся друг за друга в чужой стране. Пишут, что нелегко привыкнуть к чужой культуре, тем более, что испанского языка они не знают. Фердинанд, ненавидящий нацистов, с омерзением оставил Германию. Уехал за ними, как преследуемый еврей, и поклялся никогда не возвращаться на родину. В Аргентине остановился в маленьком городке. Учит испанский язык и зарабатывает преподаванием.

Дом освобождается от детей, вещей, служанок. В Берлине Фриде угрожает опасность. Она рассчитывает оставаться до окончательного отъезда домочадцев. Лотшин просит Агату, экономку усадьбы деда, не рисковать и не посылать писем из Пренслау в Берлин из-за цензуры, наложенной на переписку с евреями. Урсула, служившая в доме покойной баронессы-нацистки, вернулась в свое вандейское село. Вслед за ней и старый садовник Зиммель пакует свои вещи, тоже готовясь вернуться в то же село, откуда молодым парнем он приехал в Берлин — искать заработки и жениться на Урсуле, избраннице его сердца. Зиммель на прощание дарит Бертель книгу о большой войне, чтобы она поняла страшную катастрофу, постигшую Германию.

На титульном листе он написал ей посвящение:

Девочке, с которой у нас общая судьба.
Ты вынуждена была оставить любимый дом. И я вынужден
оставить дом, бывший моим много лет.
С любовью,

Зиммель

Бертель убежит из Германии, и слова садовника Зиммеля отпечатаются в ее душе. Печалясь от своего одиночества, непохожести и замкнутости, она черпала поддержку и силу от одиноких и странных людей.

— Выбор толпы сбросил Германию в преисподнюю, — сказал ей Зиммель.

Он с большой теплотой и уважением рассказал ей о Розе

Люксембург, Карле Либкнехте и их товарищах, которые кричали со своих мест социал-демократической партии в рейхстаге: «Народ хочет хлеба и мира!». Они требовали от власти откликнуться на предложение президента США Вильсона о мире и компромиссе и ни в коем случае не допустить войну подводных лодок. Против войны выступили одиночки: тогдашний канцлер Бетман Холвег, его заместитель Карл Хелферих, германский посол в Вашингтоне граф Фон Бернштоф и чиновники германского министерства иностранных дел беспомощно смотрели на трагедию в рейхстаге, большинство членов которого проголосовало за войну.

Зиммель рассказал о том, как антивоенное меньшинство, которое видело последствия войны, наткнулось на презрительные крики со стороны военных, националистов и депутатов, связанных с капиталом, которые и повлияли на решение кайзера Вильгельма Второго.

Старый Зиммель печально расстался с умной девочкой. Эта малышка — сионистка, и она едет восстановить жизнь праотцев в их древней стране, а его отечество идет ко дну со всеми его гражданами. Бертель тоже с грустью расстается с социал-демократом Зиммелем. А с еврейской общиной Берлина она расстается, гордо выпрямив спину.

Сионистское движение организовало большой многолюдный вечер, посвященный молодежи, собирающейся репатриироваться в страну Израиля в ближайшее время. На сцене берлинской еврейской общины выстроились рядами юноши и девушки в форме движения. Бертель стояла в первом ряду вместе с тринадцатью другими девушками. Доктор Филипп Коцовер один из первых выступил с речью. За ним поднялась на сцену основатель и руководительница организации «Репатриация молодежи» Реха Приер. Ее слова привели в большое волнение весь зал. Долго аплодировали этой женщине, обладающей даром предвидения и действующей согласно внутреннему порыву. В длинном белом платье, с волосами, гладко зачесанными назад, она перемещалась между еврейскими семьями, убеждая их посылать своих детей в страну Израиля. Она ездила по всей Германии в поисках детей и подростков, потерянных и несчастных, без крова и питания, и прилагала все силы, чтобы вывезти их из Германии и привезти в кибуцы. Своей деятельностью Реха Приер пробуждала в сионистской молодежи гордость и уверенность в себе. Группы молодежи разных возрастов приходили в здание еврейской общины на улице Майнигштрассе к этой удивительной женщине. Именно она сделала молодежные клубы такими популярными.

— Великая миссия выпала вам. Вы репатриируетесь в страну Израиля. Вы навсегда расстаетесь с прежней жизнью, — начала она свою речь. — Вы не немцы. Вы — евреи. Немцы ведут себя позорно. Не обращайте на них внимания, будьте гордыми евреями. Вы принадлежите стране Израиля.

Она говорила об усилении национального еврейского сознания у ассимилирующейся еврейской молодежи, о земле Обетованной, об Исходе праотцев из Египта, о пророке Моисее и десяти заповедях, назвала чудом душевное мужество еврейских первопроходцев, ставшее образцом поведения для всего еврейского народа. Она говорила о достижениях Первой, Второй, Третьей и Четвертой Алии, она согрела сердца слушателей, отметив в завершение речи историческую роль, которая легла на плечи молодежи, возвращающейся на родину.

Бертель выступила с взволнованной речью, представляя отъезжающую группу. Она поблагодарила Реху Приер за ее беспримерный труд по спасению еврейской молодежи. С прерывающимся от волнения голосом сказала, что подвиг этой женщины останется в истории. И еще раз отметила то счастье, которое выпало группе, репатриирующейся на родину, в страну Израиля. Вспоминая слова Мордехая Шенхави, инструктора из кибуца Мишмар Аэмек, Бертель подчеркнула, что эта новая репатриация подобна родильным схваткам. Реальность не похожа на мечты. Конечно же, будут разочарования, но нельзя, чтобы они нанесли ущерб тысячелетней мечте евреев. С какой-то личной выстраданной ноткой провозгласила Бертель, что Гитлер должен был прийти к власти, чтобы научить ее, что такое — еврейская судьба. Реха Приер поблагодарила ее за впечатляющую речь и поцеловала в щеку. Вечер завершился хором рабов из оперы Верди «Набуко».

Дневники Герцля, книгу его «Альтнойланд» и книги отцов-основателей сионизма Пинскера, Усышкина Бертель упаковала в чемодан накануне отъезда. Портрет провидца еврейского государства она оставила висящим в своей комнате, но репродукцию скульптуры Родена «Потерянный сын», подаренную отцом в день одиннадцатилетия, спрятала в чемодане. Лотшин сложила новую одежду и шелковое постельное белье: простыни, пододеяльники и наволочки. Дед в невеселом расположении духа кружился по дому, поглядывая со стороны на последние приготовления к отъезду. Наконец, он обратился к Бертель:

— Не может такого быть, чтобы ты уехала, не попрощавшись, как полагается. Оденься красиво, сними эту уродливую рубаху.

— Я устала, — ответила Бертель.

— Ты не можешь такого сказать деду, — упрекнула ее Лотшин.

Дед надел свою меховую шубу. Взял свою лакированную трость с серебряным набалдашником. Торжественно, как в старые добрые времена, он шагал в известный магазин женской одежды в Ванзее. Она шла рядом, в одежде молодежного движения.

— Одевайся красиво в Палестине, — сказал он и купил ей голубое платье с кружевами, — твоя мать была красавицей, и ты можешь быть такой же. В этом платье она пошла с дедом. Он аккуратно завернул в бумажный пакет ее форму, и они поехали в кафе Канцлер, сопровождаемые маршем, ревом труб и барабанным боем на центральной улице. Дед не смотрел по сторонам, боясь наткнуться на антисемитские карикатуры в журнале «Дер Штюрмер», выставленные в витринах в центре города. Дед вышел из такси в угнетенном состоянии. Куда он не поворачивал взгляд, натыкался на штурмовиков в коричневой форме и эсэсовцев в черных мундирах, на плечах которых светились черепа и скрещенные кости.

— Как это, они не разрешают мне войти, — дед вытянулся во весь рост перед объявлением у входа в кафе. — Всю жизнь я был постоянными посетителем этого кафе. Никто меня не вышвырнет отсюда. Все официанты здесь меня знают.

— Не пойду ни в какое место, откуда меня вышвыривают, — Бертель взяла деда за руку и потянула за собой.

— Куда же мы пойдем?

— Только на Гренадирштрассе евреи могут спокойно поесть.

— Ты сошла с ума. Я зайду в такое место?!

После некоторых колебаний, дед сказал:

— Ну, если ты хочешь. Сегодня твой день. Пошли туда.

Всю длинную дорогу из западного Берлина в северную часть города дед молчал, но выражение его лица говорило само за себя. Не дают уважаемому человеку зайти в клуб, который он посещал десятки лет.

Бертель провела его внутрь частного дома, превращенного ресторан. Дед стоял в полном недоумении. Снаружи орут день и ночь, требуя очистить Германию от евреев, проклинают, изгоняют, убивают. Тут же, внутри, за столами, сидят евреи — радуются, поют, беседует на языке идиш, словно угрозы и проклятия их не касаются.

Дед и Бертель сели за стол, не покрытый скатертью, без вазы с цветами. Женщины в простой одежде были официантками. Дед заказал две порции телятины с гарниром, и настроение его исправилось. Он начал рассказывать о работниках его усадьбы:

Агата верна деду, а негодяй Руди ходит в коричневой форме штурмовика. На Гренадирштрассе Бертель увидела, что дед среди людей воспринимает жизнь абсолютно по-иному, чем дома. Окруженный простыми евреями и оптимистической атмосферой, несчастный дед стал снова уверенным в себе. Его красивое лицо осветилось вспышками прошлой жизни, и он заговорил с внучкой, по сути, обращаясь к самому себе. Бертель его не перебивала.

Уже было поздно, когда они сели в такси, и каждый замкнулся в своих мыслях. По пути домой она про себя просила у деда прощения, что все годы отторгала его рассказы и саму его личность, всегда излучавшую радость жизни и несгибаемый оптимизм. В доме их встретили с беспокойством. Дед, который никогда не хотел слышать об еврействе (нога его не ступала на еврейскую улицу), с живостью рассказывал, как влили в его душу бальзам радующиеся евреи на Гренадирштрассе, и добавил с горьким смешком:

— Не знал я, что так хорошо быть евреем.

Фрида, Лотшин, Бумба, Бертель сидели вокруг него в напряженном молчании. В тяжелой атмосфере поглядывал дед на чемоданы, стоящие в гостиной, и начал рассказывать, как их благородная семья пустила корни в Силезии и в этом доме, который был куплен в прошлом веке, и в нем выросли его сыновья и внуки.

Боязливое чириканье воробьев и карканье ворон заполнило семейный сад. Рано утром Бертель в последний раз вышла в этот прохладный сад, чтобы послушать голоса птиц и хлопанье голубиных крыльев. Она шла по тропинкам, отыскивая взглядом воробьев и полевых ласточек, сидящих в кронах каштанов, на ветках ореховых деревьев и тополей — это были декорации ее мечтаний. Она прощалась с растениями и птицами, всегда сопровождавшими ее, подобно телохранителям. Ее бросало то в жар, то в холод. Ноги с трудом отрывались от земли. Отчий дом перестал быть ее домом.

Глава десятая

Март 1934. Лающие команды, стук сапог, режущие слух голоса из громкоговорителей, висящих на пыльных стенах центрального берлинского вокзала. Со всех сторон соглядатаи в коричневых и черных мундирах со знаками свастики следят за людской массой, заполнившей перрон. Среди них — группа из тринадцати еврейских девушек. Штурмовики образуют живую стену между уезжающими и провожающими. Две матери, которых силой оторвали от дочерей, падают в обморок. В вагонах девушки с тяжкими рыданиями приникают к окнам. Нацист приближается к одному из окон и дает пощечину девушке, машущей родным в нарушение его приказа.

На перроне стоит дед без головного убора. Рядом с ним Лотшин, Бумба, Фрида и садовник Зиммель. Наоми не сдерживает слез. Дом Френкелей пуст. Дед и Лотшин переходят в съемную скромную квартиру на северной окраине Берлина. Бедный Бумба, как уличный мальчишка, болтается по рынкам и улицам, никак не может привыкнуть к чуждому ему дому Филиппа. Зиммель возвращается в свой городок. Фрида — уважаемый член семьи. И она не умрет, ее поддерживает любовь детей, которых вырастила. Она вернется в родное село, унося с собой высокую культуру ассимилированного германского еврейства, которую впитала за более чем сорок лет.

Наоми сидит в вагоне поезда с опущенной головой. Ей и стыдно и беспокойно за судьбу семьи Френкель. Ее родные в Силезии резко настроены против сионизма. Там верят в закон и порядок. Они считают, что недалек час, когда они вернутся в Германию. Дядя Герман и ему подобные передают из уст в уста слухи от знающих людей, что власти хотят унять бесчинство толп антисемитов и прекратить нападения на евреев. Так ли? Радикальные лидеры бросают хищные взгляды на большие еврейские усадьбы и уже потребовали от их хозяев продать их до конца года. Их роскошный дворец обречен. Он будет быть продан за гроши высокому чину нацистской партии, давно нацелившемуся на него. Наоми сидит, скорчившись, с единственным ощущением: она беженка, изгоняемая со своей земли, из отчего дома.

Долгий гудок, лязг сцеплений, движение вагонов. Поезд удаляется от перрона. Горло сжимается воспоминанием о поцелуях Дуни на скамье в берлинском парке. Накануне отъезда к

дяде в Эйн-Харод он обещал, что будет ее ждать в Израиле.

Потерянные, голодные, зареванные, приехали девушки ночью в общежитие для репатриантов, неподалеку от международного порта в Триесте, на северо-востоке Италии. Представитель Еврейского агентства объявил им, что завтра, в шесть утра, с вещами, они должны быть в порту.

— Наоми, встань, помоги мне снять ботинки, — Рени в бессилии распростерлась на постели.

— Я тебе не служанка.

— Ты — дерзкая. Мой отец в Дахау, и я — в депрессии.

— Это не имеет никакого отношения к твоей обуви.

В комнате напряженное молчание. Взрослые девицы, чьи отцы, политики, обвиненные в измене родине, сидят за решеткой, повернулись спиной к маленькой сироте, втиснутой в их группу.

Три часа кошмара. Но теснота, толкотня, голод, длинная очередь пассажиров, поднимающихся на борт парохода «Италия», — тут же забываются.

«Жив народ Израиля! Ам Исраэль хай!» — громкий хор сотрясает судно. Встав в круг, евреи танцуют на палубе. Члены молодежного движения из центральной и восточной Европы кружатся хороводом. Одинокий голос перекрывает хор, портит общую радость укором. Парень из Польши, который видел раньше девушек из Германии плачущими, рычит в их сторону:

— Стыд и срам! Еврейки обычно плачут по пути в страну Израиля!

Корабль «Италия» выходит в открытое море. Спасенные евреи от радости впадают в экстаз. Аплодисменты и пение звучат на корабле.

Твой народ Израиля, труженик и воин,
Твой народ Израиля, труженик и воин,
Будет заново построен,
Будет заново построен,
Каждый так и знай —
Жив народ Израиля!
Ам Исраэль хай!

— Эй, куколка, — стройный симпатичный парень пожимает ей руку, — меня зовут Фредди.

— Наоми, — отвечает она.

У него интеллигентное лицо, на нем чистая белая рубашка. Искры загораются в черных глазах девушки. Он задает ей вопросы на идише и немецком языке. Она отвечает ему на изысканном

немецком и на несколько косноязычном иврите. Он берет ее за руку и с нежностью ведет к спасательной шлюпке, подальше от шума и толкотни пассажиров. Они говорят о положении в Германии и Польше, перескакивая от мечты Герцля о государстве евреев к прозе и стихам. В сердце ее пробуждается новая надежда. Нет, она не клоп! Она не черная и уродливая жидовка, которая достойна лишь одного — умереть. Это было ужасное чувство, которое врезалось в ее сознание и ранило душу каждый раз, когда она натыкалась на строй гитлеровской молодежи в белых рубахах и черных галстуках.

Фредди каждый день надевает новую белоснежную рубаху.

Ликование на палубе увлекает и ее. Но вовсе не так чувствуют себя остальные девушки из Германии. Они не понимают ни идиш, ни иврит. А именно на этих языках говорит большинство репатриантов. Это отчуждает девушек от всех остальных пассажиров.

Девушки внимательно следят за Наоми и Фредди, репатриантом из Польши Молодые люди нашли друг друга в этом тяжелом морском путешествии.

А семнадцатилетняя еврейка из Кенигсберга нашла общий язык с парнем из Литвы. Эта девушка не принадлежит к их группе, но и она записана в учебный центр в Иерусалиме.

Дождливое утро в порту Яффо. Серый сумрачный пейзаж. Местные лодочники в черных шароварах и разноцветных фесках гребут между тысячами апельсинов, колышущихся на поверхности воды, в сторону итальянского корабля, бросившего якорь. В эти голодные дни их основной заработок — перевозка пассажиров на берег. Лодочники быстро и ловко подают руки и сажают пассажиров на свои лодки и, не замолкая, болтают на смеси иврита и английского.

Испуганная Наоми трепещет, как рыба, в руках темнокожего лодочника, одежда которого ужасно пропахла потом. Как мешок картошки она сброшена в его небольшую лодчонку, раскачиваемую высокими шумящими волнами. Вместо чувства святости репатриации к берегам страны Израиля — глубокое унижение! Грубые чужие руки поднимают в воздух девушек. Носильщики-арабы волокут чемоданы и мешки. Британские пограничники следят со стороны. Горстка евреев исчезает среди чуждой толпы. Где жители еврейских поселений? Она смотрит во все стороны. Дома Яффо забиты арабами.

В один миг меняется ее настроение.

— Здравствуйте. Добро пожаловать! Меня зовут Рахель, —

плотная, с добрым взглядом и мужской фигурой женщина обращается к ней, укрываясь от порывов продувающего порт ветра.

Репатриантка Наоми широко раскрывает глаза, глядя на тетку, пришедшую в Яффо, чтобы собрать группу. Перед ней Рахель Янаит Бен-Цви, руководитель учебного центра для девушек в Иерусалиме, женщина лет пятидесяти. Высокая, широкоплечая, с прямой спиной, она стоит в центре обступивших ее кольцом девушек. Она в длинном черном платье с длинными рукавами. На голове у нее черный чепец, на носу большие черные очки, придающие ей строгое выражение деятельной женщины, полной внутренней силы. Она обращается к молодым репатрианткам с речью на идише, смешанном с немецким. И платье ее развевается на ветру, усиливая ее сионистскую речь.

Три извозчика в красных фесках и необъятных черных шароварах ведут переговоры с израильтянкой. И вот уже девушки сидят в экипажах, и извозчики берутся за вожжи. Небольшие одноэтажные дома Яффо отдаляются под звонкий стук копыт и шум колес, оставляющих след в болотной почве.

У продуктового магазина «Тнува» по улице Яркон, в квартале «Ахузат Байт» (Поместье), экипажи останавливаются. Начальница сходит, распрямляет плечи и патетически провозглашает, что перед ними «Тнува» — сионистское продуктовое предприятие, производящее местные продукты питания для еврейского анклава. Через несколько минут она выходит из магазина, сияя от национальной гордости.

— Вот, свежая простокваша, — она протягивает голодным девушкам прозрачную банку с чем-то густым и белым.

— Фуй, тьфу! — девушки выплевывают в шелковые платки кисловатый израильский деликатес.

— Дорогие девушки! Это «Тнува! — священный пафос слышится в голосе Янаит Бен-Цви. — Это чудесная ивритская простокваша молочного предприятия Тнува!»

Новые репатриантки смотрят друг на друга в отчаянии и удивлении. Тнува? Кто он — господин Тнува? Король? Принц? Сионистский лидер? Быть может, Тнува — богатый и важный филантроп? Кем бы ни был Тнува, уважение остается при нем. Но при всем уважении к Его высочеству, национальная еда его имени ужасна.

Поезд на Иерусалим пересекает безлюдные поля, скалистый пейзаж, камни и дикие заросли. Аромат растений Израиля носятся в воздухе. Колеса стучат на стыках рельс, вагоны

качаются. Рахель Янаит ни на миг не прерывает рассказ о чуде обновления ивритскими первопроходцами-социалистами страны праотцев.

В центре Иерусалима все сходят с поезда и садятся в экипажи. Уже в сумерках они останавливаются на пустынном поле, между зданием верховного наместника и большим военным лагерем шотландцев, в районе Талпиот. Девушки, выросшие в огромном и шумном городе, приходят в ужас. Посреди пустоши, на шоссе, ведущем в небольшой городок Иерусалим, гора мусора, два одиноких домика, учебный центр и центр для учителей-арабов. В двухэтажном строении, где девушкам предстоит жить больше года, их охватывает тяжелое чувство от ощущения враждебного окружения. Так вот, сбежали от одной беды к другой, и там и тут, им кажется, преследуют за еврейство.

В большом зале, используемом под клуб и учебный класс, организуют торжественный прием новичков. Девушки напуганы. Предостерегающие слова начальницы вселяют в них страх. Запрещены любые контакты с арабами, которые находятся за этим забором! С заходом солнца запирают ворота. Никто не выходит и не входит. Только по особым пропускам. Вечерние часы отводятся для расширения культурного кругозора и для общественных мероприятий. Девочки из Германии замыкаются. Начальница, женщина жесткая и несгибаемая, как стальной шест, представляет их всех, как жертв, беженцев от ужасного режима Гитлера. Она рассказывает, что отцы их сидят в концлагере. И тут же, не переводя дыхания, говорит об Израиле, как месте спасения евреев. Израильтянки из поселений Кфар Йошуа, Нахалал, разных мошавов, поворачивают головы и вперяют высокомерные взгляды в чужеземок.

— Это пальто для меня дорого. Его мне подарила старшая сестра, — не прошли и сутки со времени приезда, как мечты Наоми разбились вдребезги.

Мосты к израильскому обществу сжигаются из-за того, что она не хочет продать свое черное кожаное пальто израильской социалистке, подруги которой впечатлены оригинальной одеждой Наоми, особенно, синим свитером с карманами и элегантным пальто. С этого момента она отмечена, как материалистка и буржуазная индивидуалистка. В душевой они обнаружили, что она еще и похожа на общипанного цыпленка. У девушек выросли груди, а она — худая и плоская, как лепешка.

В память приходит ее собственный крик:

— Фрида, Фрида, Ильзе ранило в ванной!

Она скатывается по перилам винтовой лестницы и врывается в кухню. Фрида бежит по ступенькам вверх.

— Это ничего, это только рана, — Фрида облегченно вздыхает. Десятилетняя Ильзе преспокойно плещется в ванне.

— Но я видела кровь.

— Это, в общем-то, не кровь.

— Но…

Она не могла простить Фриде такую небрежность и сообщила об этом Лотшин и Гейнцу. Бедная Ильзе. Старшая сестра занимается своими делами, и ее не трогает ранение Ильзы. Гейнц потянул ее за косички и только назвал по-домашнему: «Трулия». Садовник Зиммель сказал, что не следует об этом говорить. Это случается у женщин и однажды случится и с ней.

Прошел месяц. Она ходит по учебному центру, бледная, замкнутая в себе. Рахель Янаит взяла ее в клинику доктора Ганца. Гинеколог сказал, что проблема решится сама собой. Умные девочки развиваются поздно. Ей надо питаться, успокоиться, и все будет в порядке. В порядке? Когда? В отношении питания положение ее наихудшее среди девушек из Германии. Увидел бы дед, чем кормят его внучку, стукнул бы тростью по полу и сказал бы, что даже его домашние животные покраснели бы от такой кулинарии

.

Переход из культуры в культуру, из одной атмосферы в другую, труден для новых репатрианток в новой стране. По сравнению с покинутыми местами, условия существования в учебном центре, на сельскохозяйственной ферме, несомненно, худшие, но приемлемей условий жизни большинства жителей страны. На жилом этаже, в каждой комнате стоят четыре кровати, стенной шкаф, в центре — простой деревянный стол и четыре стула. Вся мебель светлого зеленого цвета. Но, черт возьми, голод взвинчивает нервы. Бурчит в животе. По ночам кишечник болит от еды, жареной на подсолнечном масле. Более того, неприятные запахи из кухни распространяются по всем комнатам.

— Вы избалованы, — лопается терпение у Рахель Янаит, — смотрите, как росли мои дети! Какими они были голодными! Жили на одном хлебе и газированной воде. Отец, Ицхак Бен-Цви, будущий президент Израиля, сажал их на свои плечи, и они воровали фасоль, баклажаны из корзинок на головах арабок!

Старожилы впадают в ярость, когда слышат от этих избалованных девушек, что в Германии они не знали, что такое голод.

— Евреи, чтобы спастись от голодной смерти, воровали

фрукты и овощи у арабов, — рассказывает Рахель Янаит о людях Второй алии и тут же привычно переходит к теме героизма еврейских поселенцев в стране Израиля.

Рахель Кастенберг, дочь министра культуры в правительстве Веймарской республики, сказала, что за работу по приведению в порядок гигантской библиотеки в Рехавии у друзей ее родителей им будет подаваться привычное немецкое угощение — кофе с молоком, печенье, пирожные и сладкие сливки.

Девочки обрадовались, но Рахель Янаит разгневалась:

— Вы хотите, чтобы все думали, что здесь вас морят голодом. Это создаст плохое впечатление об учебном центре.

Но девушки из Германии не очень-то серьезно отнеслись к кислому выражению ее лица и предъявляемым ею обвинениям. Все время их работы в библиотеке они получали удовольствие от домашней обстановки, с которой давно расстались.

Рахель Янаит ни на шаг не отступала от поставленной цели. Она твердо стояла между пустыней и еврейским поселением. Она не отрывала пытливого взгляда от домов города, его стен и башен, вздымавшихся с одной стороны, и серых обнаженных скал — с другой. Она не переставала говорить о том, что можно расширить границы Старого города, построив новые современные кварталы в нынешней пустыне. Она приехала со Второй алией, обладала стальной волей и даром предвидения. Ученицы скоро раскрыли для себя источник ее силы и стойкости. Она была неутомимой активисткой многих проектов, играла ведущую роль в организации «Страж» (Ашомер), руководила движением трудящихся женщин в «Хагана» в Иерусалиме. Еще в 1910 году она участвовала в создании еженедельника «Единство», первом печатном издании движения «Поэлей Цион» (Трудящиеся Сиона).

Рахель Янаит не получила общего образования, но очень высоко его ценит. Она стала одной из основателей еврейской гимназии в Иерусалиме. Она верит в трудовое воспитание без различия полов. Борется за равноправие мужчин и женщин, за их одинаковый статус. Поэтому она в 1911 году обучалась агрономии во Франции. По возвращении в страну Израиля она создала сельскохозяйственную ферму для девушек — учебный центр, где с утра до полудня проходят школьную программу, а после обеденного перерыва занимаются сельскохозяйственным трудом. Для закалки характера девушек из Германии она поручила им перенести гору навоза с одного места на другое, беспрерывно передвигаясь туда и обратно, с двух до пяти часов. Изнеженные ученицы должны привыкнуть и к черной работе в

поле и к уходу за домашними животными. Она приучит их к запахам животноводческой фермы.

Образование и культура, несомненно, весьма важные элементы духовного воспитания человека. Самое трудное для нее — это заставить их учить язык иврит и постигать основы культуры своего народа. На каждом еженедельном собрании она читает им нотации:

— Лучше вы будете заикаться на иврите, читать стихи Бялика на иврите, чем Рильке на немецком!

Отложить немецкую поэзию и прозу ради литературных произведений на иврите?! Новые репатриантки из Германии посмеиваются над ее требованием, за исключением одной, не похожей на остальных, ученицы, околдованной звуками языка иврит. Еще живя в родном доме, она хранила верность священному языку. По ее просьбе раввин приходил к ним в дом, чтобы учить ее молитвам и читать с ней рассказы из Священного Писания.

А теперь страна Израиля и древнееврейский язык проникают в самую глубину ее души. Она старается избавиться от тяжелого акцента «йекке» — «трудно понимающего иудея» — такую кличку здесь дали выходцам из Германии. Она хочет искоренить из себя немецкий язык, но, не дай Бог, немецкий литературный. Ни за что она не откажется от чтения произведений Гёте, Гейне, Томаса Манна и, конечно же, от стихов Рильке, самого любимого из всех немецких поэтов. Но, со временем, девочка пополняет запас слов, учит идиоматические выражения и правила грамматики. Ее иврит постепенно выравнивается с немецким. Только английский ускользает из памяти.

Уже три месяца она живет в стране Израиля, и священный язык открывает ей свои тайны в ответ на ее любовь к нему. Это придает ей уверенности. В центре города она купила два словаря — иврит-немецкий и немецкий-иврит. Днем она упражняется в разговорном иврите, беседуя с израильскими работниками фермы, а ночами уединяется на кухне. Сидит и переводит стихи и рассказы с немецкого языка на иврит.

Три месяца они живут в стране, и европейские девушки уже просят избавить их от отвратительных запахов навоза, колоссальные горы которого они все еще переносят с одного места на другое. Они неожиданно видят возникшую перед ними, Рахель в явно хорошем настроении, что бывает весьма редко. И они решают поручить Наоми выступить перед Рахель с требованиями.

— Мы не хотим больше копаться в навозе! Мы не

выдерживаем этот запах! В центре кабинета начальницы стоит Наоми, поднявшая знамя восстания.

— Навоз страны Израиля лучше пахнет, чем духи в твоем немецком доме!!! — приветливое лицо Рахели мгновенно изменилось.

Резкий обличительный рявкающий тон просто парализовал девочку. Дрожа, как оторванный от дерева лист, она сбежала от этого голоса. Бунт потерпел поражение. Гора навоза, рядом с учебной фермой, будет продолжать вонять. Гора мусора останется неотделимой частью быта и бытия фермы.

Беженки из Европы раздражены неорганизованностью и беспорядком в учебном центре. Это потому, что Рахель Янаит значительную часть времени отсутствует. Она постоянно занята деятельностью в Совете по женскому труду и другой общественной работой. Лишь в послеполуденные часы она занимается проблемами и жалобами работников фермы — они недовольны оплатой их труда. Эва, девушка из состоятельной кенигсбергской семьи, чувствует себя обманутой. В проспекте, распространяемом в Германии, написано: «Это сельскохозяйственная ферма с коровником, пчельником, курятником, оранжереей. Занятия по образовательным предметам ведут университетские преподаватели». В реальности же уроки не упорядочены из-за отсутствия учителей и фонда зарплаты для них. Преподавательский состав все время меняется. Большинство уроков ведется не университетскими преподавателями, а самоучками или членами кибуцев, получившими годовой отпуск и проживающими на съемных квартирах в Иерусалиме. Эва прошла подготовительный курс по работе в оранжерее, но ей было сказано, что там уже работают шесть девушек. Тогда она попросилась на работу в курятник. И тут ей сказали, что все места заняты. Эве дали краску и известь чтобы красить стены курятника. Молодая идеалистка искала настоящую творческую работу и попросилась на работу в коровнике. Ей сказали:

— Ты видишь этот дом? В нем живет верховный наместник. Он против того, чтобы здесь возвели коровник — не хочет, чтобы его одолевали мухи.

Эва хочет немедленно оставить ферму, и не потому что в проспекте была написана сплошная ложь. Более трех месяцев ей не возвращали личные вещи, исчезнувшие в порту Яффо, чемодан и мешок с простынями, одеялами. В последний раз она видела их, когда вещи грузили в трюм корабля.

— Чего ты беспокоишься? — беспечно спрашивает ее Рахель

Янаит.

Ей все равно, что за все месяцы хранения вещей придется платить таможне. Девушки из Европы поддерживают требования Эвы. Их не устраивает плохое преподавание, разрыв между обещаниями, ожиданием и действительностью. Здесь очень плохая охрана, а ведь ферма отрезана от центра города. Как-то Эва и еще одна ученица остались одни в здании, без охранника. Страх перед арабами одолевали их, пока не вернулись девушки с покупками из города в сопровождении английских солдат. И что сказала по этому поводу Рахель? Обратилась к девушкам, которые опоздали, и сказала:

— Вы совсем распустились. Чего вы шляетесь по улицам?

Исходя из всего этого, Эва потребовала от Рахели вернуть ей родительские деньги. Сказала, что пойдет в кибуц, а деньги передаст брату, который находится в кибуце Бейт А-Шита. Рахель ответила ей:

— Я не отдам тебе деньги, их мне дали твои родители.

Эва ответила:

— Оставлю здесь всё до копейки, но тебе это даром не пройдет.

Рахель делает многое для поселений, но не занимается проблемами — физическими, духовными, душевными — учениц..

Доктор Нелкен, еврей, уроженец Германии, который назначен Еврейским Агентством ответственным за здоровье учениц, пытается убедить Рахель улучшить условия жизни на учебной ферме.

— Доктор, вы поменяли свою европейскую фамилию на еврейскую?

Она намеренно уклоняется от темы, открыто намекая на то, чтобы он не лез не в свои дела.

— Я родился с фамилией Нелкен и с ней останусь! — доктор багровеет от гнева под цвет своих рыжих волос, отвечая ей грубым низким голосом.

Доктор Нелкен человечен и любим новыми репатриантками. Болеет за каждую, старается облегчить причиняемые девушкам страдания — болезни кишечника, страхи, тоску по родным. Руководительница учебной фермы решает все эти проблемы ужесточением.

Испытывая недостаток общения, некоторые из девушек группы флиртуют с водителями автобусов компании «Эгед» во время поездок в центр города и обратно, на ферму. Наоми самая молодая среди девушек группы. Чувство отчуждения сливается у нее с ощущением, что она уличная девочка, оставленная без

присмотра и лишенная защиты. Учеба и чтение книг стихов и прозы, которые она приобретает в книжном магазине в центре города, помогают ей заглушить тоску.

Хуже, когда она заболевает. Впервые ни Лотшин, ни Фрида не сидят днем и ночью около ее постели, когда ее лихорадит от высокой температуры. Три недели она страдала от желтухи, ощущала абсолютную беспомощность. Добросердечный доктор Нелкен посещал ее каждый день, развлекал шутками и успокаивал. Но это, конечно, не заменяло дом.

Каждый четверг возбуждение охватывает людей в большом зеленом зале, когда они слушают отчет о текущей сионистской деятельности поселенческих учреждений из уст Рахели. И несмотря на весьма строгое выражение ее лица, сердце Наоми сжимается от национального чувства, особенно, когда ораторша обращается к девушкам во втором лице.

— Дорогие первопроходцы, вы находитесь в начале новой эпохи!

Судя по дрожащим ноткам ее голоса, успехи велики.

— Это — время возрождения рабочего класса, возрождения еврейского народа! Время самопожертвования во имя высшей цели. Это исторический час, диктующий нам: время, вперед! Как и первопроходцы, вы принадлежите к молодежи, которой предстоит бороться с опасностями, и, конечно, нет сомнения, что будущие войны потребуют от нас жертв. Вы — динамическая сила будущего руководства. Нам, еврейкам, израильтянкам, первопроходцам, настроенным в национальном духе, предстоит нелегким трудом, потом и страданиями, построить здесь отечество еврейского народа. Это — тысячелетняя мечта, дающая силы нашим душам. Многие препятствия стоят на пути сионистского предприятия, но мы обретем силы и преодолеем их.

Идеи возрождения страны Израиля, еврейского народа и его непреходящих ценностей пустили глубокие корни в душах девушек. Рахель говорит, что им выпала большая честь жить в Иерусалиме, ступать по священной земле и обрабатывать ее вместе со строителями будущего еврейского государства, где будет властвовать равенство и взаимоуважение. Все евреи ответственны друг за друга. Один за всех и все — за одного. Она возносит до уровня чуда самопожертвование во имя себе подобного, эмоциональную связь каждого еврея с будущим еврейским государством, за которое первопроходцы ведут мужественную борьбу, не жалея сил.

— Сионистское движение обязано мобилизовать все силы еврейского народа для строительства страны, — Рахель продолжает ораторствовать решительным голосом, — еврейская

молодежь должна усвоить традиции нелегкой жизни во имя национальных идеалов. Еврейский труд не должен знать компромиссов. Необходимо быть продуктивными! Нужно собрать национальный капитал! Цель оправдывает средства! Погоня за личным капиталом разрушит все национальное здание! Социальная, общественная справедливость внесет свой неоценимый вклад в реализацию мечты!

Рахель высоко оценивает деятельность Еврейского агентства, принимающего активное участие в проекте национального возрождения. Молодые репатриантки обязаны знать обо всех учреждениях и организациях, работающих на пользу сионистского дела. Они обязаны следовать девизу Второй алии: еврейский труд на еврейской земле.

Кто выставляет требования, тот и должен их выполнять. Каждый день разболтанный грузовик возит девушек из учебной фермы в Талпиот в квартал Рехавия. Там расположена небольшая оранжерея сосновых саженцев, которой управляют родители Рахель Янаит. Девушек ожидает тяжелый ручной труд и обильный пот. Девушки с нетерпением ждут окончания работы на учебной ферме. С ранцами за спиной и пищей на день — халвой, маслинами и толстыми ломтями хлеба, как полагается тем, кто трудится и наживает мозоли на руках от работы на земле — девушки приезжают в Рехавию высаживать сосновые саженцы для будущих хвойных лесов, которые с течением времени покроют пустынные скалистые земли.

Хозяйничает в оранжерее мать Рахели, высокая костлявая женщина. Лицо ее покрыто глубокими бороздами, под стать вспаханному полю. У старухи открытый дружественный характер. Бдительным взглядом встречает она девушек у барака рядом с оранжереей, в котором проживает Рахель. Девушки, экономя воду, поливают слабые саженцы, ибо на счету каждая капля воды. Ноги их месят грязь между грядками, а взгляды время от времени обращены на небольшой барак с тонкими дощатыми стенами.

Сюда приходят самые важные руководители еврейского поселенческого анклава, члены Третьей алии, ибо Ицхак Бен-Цви, муж Рахели, является председателем Национального Совета и одним из руководителей Еврейского агентства. В этом небольшом бараке принимаются решения, обязательные для выполнения военной организацией «Хагана» (Защита), здесь проходят заседания профсоюза, членов движения «Ахдут Аавода» (Единство труда), Рабочей партии страны Израиля — МАПАЙ, — управляющей анклавом, и Национального Совета. В этом

скромном бараке проживает семья родителей Рахели и два их внука — сыновья Рахели — Эли и Амрам. Дед выращивает саженцы для Еврейского Национального Фонда, убирает в бараке и готовит еду.

— Скажите ему, чтобы шел к столу обедать, — командует старуха девушкам.

Тяжелое молчание царит за столом из-за давней ссоры между стариками.

Отношение Рахели Янаит к родным и к остальным жителям оранжереи поражает девушек. Она вообще не вмешивается ни в охладевшую супружескую жизнь своих родителей, ни в романтические отношения своей сестры — скульпторши Батии Лишанской, живущей в полной гармонии с подругой, художницей, в отдельном совсем небольшом бараке. Их частый смех доносится из-за тонких деревянных стен. Их не смущает и то, что за ними наблюдают любопытные глаза.

— Почему эти грядки кривые? — Рахель захватывает врасплох учениц. — Наоми, иди в барак — выпей кофе с молоком.

Рахель беспокоит бледность худющей ученицы, и она посылает ее к своей матери. Девушки лопаются от зависти. Рахель меняет выражение лица, обращаясь к своей любимице. Она даже не ленится часто заходить в ее комнату. В столовой она видит, что Наоми не притронулась к пище, ее тарелка полная. И она просит повариху приготовить для любимицы что-нибудь вкусное. Рахель по-разному относится к своим питомцам.

— Не рассказывай мне сказки! — делает она выговор одной из воспитанниц, придумывающих какие-то причины отсутствия на недельных собраниях.

Но не выскажет ни одного упрека Наоми, когда та отвечает, что собрания ее не интересуют, она предпочитает читать книгу. Наоборот, Рахель делает ей комплименты за ее привязанность к учебе, особенно, к изучению иврита. В беседе с ней с глазу на глаз она даже заинтересовалась, каково мнение Наоми о программе обучения на ферме. Наоми сказала ей, что слишком большое внимание уделяется истории Греции и Рима. Это очевидно проистекает из желания первопроходцев-социалистов быть такими, как все народы. Мало уделяют внимания истории еврейского народа. Только это может отдалить от еврейского рассеяния и его галутской психологии. Она процитировала бывшего своего инструктора — коммунистку Любу — о том, что в социалистической стране Израиля не молятся.

— Наоми, молитвы вечны, — завершила Рахель беседу.

Девушки посмеиваются: это ж надо, большая и костлявая женщина выбрала своей любимицей эту хрупкую малышку и даже

покрывает ее, когда та пропускает занятия. Ну, конечно, когда она почти всегда отсутствует на ферме, а ее руководство учебным процессом критикуется, Рахель старается успехами Наоми развеять слухи, гуляющие по коридорам Еврейского агентства.

Когда на ферму приезжали интеллектуалы и важные деятели еврейской общины и среди них Шнеур Залман Рубашов, (будущий президента Израиля, Залман Шазар), она приглашает остроумную и тонкую, не лезущую за словом в карман, Наоми к себе в кабинет, как образцовую ученицу.

— У Рахели только сыновья, так она нашла себе дочь.

Девушки относятся с пренебрежением к общению начальницы со своей любимицей. По ее указанию Наоми вводят в школьный комитет, хотя она не была избрана большинством голосов. Неумение влиться в общество — ее ахиллесова пята. Ученицы отдаляются от нее не только потому, что она моложе их на год-два, а потому что в их глазах она странная, высокомерная, ее невозможно терпеть и невозможно с ней сблизиться. Поэтому Наоми чувствует себя неполноценной среди уже достаточно зрелых девушек.

У средних учениц и не таких ярких девушек Рени Прагер или Рахель Кесенберг, отцы которых, известные в Германии социал-демократы, сидят в концентрационном лагере, нет никакой мотивации к изучению иврита, как и других предметов.

Рахель же, если любит — так любит, а если ненавидит — так ненавидит. К удивлению окружающих, у этой жесткой женщины светлеет лицо и теплеет взгляд, когда она смотрит на Наоми. Рахель считает, что Наоми духовно крепкая девушка. Она готова к жизни в кибуце. Но у нее есть необычные таланты. Мысли ее сложны и оригинальны, она быстро все усваивает. У нее необычные аналитические способности и удивительное умение точно выражать свои мысли. Эти качества и основательность, с которой Наоми подходит к порученному делу, делает девушку истинной ценностью для ивритского анклава. Преподаватели учебного центра видят ее тягу к знаниям. Каждую тему она изучает досконально, добираясь до самых ее корней, как человек, который боится упустить даже малую долю. Сердце подсказывает ей, что девочку ждет большое будущее. Она может, даже стать лидером в партии МАПАЙ.

— Учиться я могла бы и в другой стране. Кибуц — мое предназначение. Он существует только в Израиле.

— И для меня кибуцное движение весьма важно, — говорит Рахель, — но твое предназначение — не кибуц. Работников

сельского хозяйства у нас более чем достаточно, нам необходимы интеллектуальные силы.

— Я приехала в страну Израиля быть первопроходцем, а не профессором.

— Страна нуждается в интеллектуалах так же, как в рабочих.

— Я буду трудиться наравне со всеми.

— Ты еще слишком молода, чтобы решить, что для тебя важно.

Решительный приказ не может преодолеть упрямство девушки. Желание быть среди первопоселенцев горит в ее крови, особенно теперь, когда еврейство Германии в опасности, и беженцы спасаются в стране Израиля. Но Рахель Янаит видит в ней и иное. Девушка переживает свое сиротство, обрыв всех семейных связей, изгнание из огромного дома и из Германии. Это тяжкий груз, с которым она репатриировалась. Он отравляет ее душу, стоит преградой между нею и обществом. Первым делом, Рахель хочет устроить девушке дом в стране ее мечты, чтобы она ощутила себя своей в новом окружении. Она ищет нить, следуя за которой Наоми могла бы выйти из одиночества и замкнутости. Этому посвящены их бесконечные беседы с глазу на глаз. Наоми удивляется сама себе. Она, которая никогда никому не раскрывала душу, ибо с детства пришла к выводу, что никто из окружающих не понимает ее ответов или объяснений, открывает свои душевные тайны давящей на всех своим авторитетом и жесткостью женщине.

— Наоми, что ты рассказываешь мне эти глупости, как ты родилась и каким была младенцем?! Кому это важно? — обрывает Рахель историю о шраме на голове девушки, прикрытом волосами. — Сейчас ты симпатичная девушка.

Жесткость реакции Рахели внезапно и в значительной степени освобождает девочку от призраков, живших в ней с детства. Порой теплый и доверительный тон сменяется строгими нотками.

— Ты распущена! Чего тебе шататься по улицам? — Рахель повышает голос. — Если у тебя такое сильное желание стать поселенкой, ты должна быть дисциплинированной, ты не можешь уходить неизвестно куда без разрешения.

Посещения Наоми жены известного писателя Агнона Эстерлайн производят впечатление на строгую начальницу. Но то, что она может бродить по улицам Иерусалима или, вообще, далеко от города, и никто не знает, где она, вызывают у Рахель гнев. Один раз она уже подняла на ноги всю ферму. Боаз,

посланец Еврейского агентства, вернулся из Берлина. По просьбе Лотшин, он приехал в Иерусалим с большим свертком шоколада для Наоми. Боаз повел себя не так, как некоторые посланцы, которые оставляли себе посылки Лотшин, а передал Наоми сверток и, кстати, сказал, что едет в Хайфу. Ее тут же захватила идея — ехать с ним на север страны, посетить летний лагерь движения Ашомер Ацаир в лесах горы Кармель.

В середине пути машина неожиданно остановилась у кондитерского магазина. Боаз на минуту заскочил туда. Она обрадовалась. Боаз хочет ее побаловать.

Быть может, Лотшин его просила об этом, или она сама ему понравилась. Но почему такая красивая коробка, обернутая в блестящую цветную бумагу и перевязанная светящейся красной лентой, брошена Боазом в багажник? Она была весьма разочарована, когда Боаз снова взялся за руль.

— Моей невесте, — обронил он.

— Жалкая дура! — обругала она себя и уставилась в окно, чтобы он не увидел выражения ее лица.

— Что случилось? — забеспокоился он. — Почему ты плачешь? Не поворачиваясь, она ответила:

— Ты напоминаешь мне мой дом и Лотшин. Я очень скучаю по ним, — приврала она.

— Знаешь что, пойдем, пообедаем в хорошем ресторане на горе Кармель. А затем я отвезу тебя в летний лагерь, — сказал он, чтобы немного развлечь девочку.

В кабинете директрисы Наоми ждал гневный разнос за поездку без разрешения.

Душевное состояние Наоми и так худо. На поляне в Талпиот она набросилась с кулаками на одноклассницу и расцарапала ей лицо. Это произошло во время лекции Зеева Вильнаи, известного знатока истории страны, о трагедии в крепости Масада. Главы еврейских семей, фанатики, чтобы не попасть в плен к римлянам, убили своих жен и детей и затем разыграли и собственные жизни. Брат убил брата. Оставшийся в живых разжег большой костер и покончил собой. Осажденные римлянами, они предпочли смерть плену и рабству. Это глубоко ранило душу Наоми, но не очень впечатлило остальных девушек.

— Уроки этого Вильнаи скучны, — слова Трудэшен словно ударили ее.

— Что она сказала?! — истерически закричала Наоми, и ринулась на нее, защищая честь героев Масады.

Девушки, обхватив ее со спины, оторвали от ставшей ненавистной подружки:

— Сумасшедшая!

— Что я тебе сделала?! — испугавшись пятен крови на своем лице и руках, вопила бедная Трудэшен.

— Что с тобой случилось? — потрясенно спрашивал Зеев Вильнаи эту, обычно тихую, отличницу.

— Что с тобой случилось? — точно так же спросила ее Рахель. — Мы не знаем тебя такой.

Наоми, ни разу в жизни не поднимавшая ни на кого голос, потеряла над собой контроль. Сгорая от стыда, стояла она в учительской и просила прощения:

— Не знаю, что со мной произошло. Мы слушали лекцию о Масаде. Это меня очень взволновало. Вильнаи сказал, что поедет с нами туда, на гору. И тут Трудэшен сказала, что урок скучен. Это меня ранило до глубины души. Не знаю, что со мной произошло. Я готова попросить прощения у Трудэшен.

— Я понимаю твои переживания, — Рахель погладила ее по щеке, — если бы кто-нибудь сказал мне, что самоубийство евреев на Масаде вызывает скуку, вероятно, я бы так же отреагировала, как ты.

Наоми напугало собственное поведение. Героизм и самопожертвование ревнителей, называемых фанатиками, на Масаде, нарушило ее внутреннее равновесие. Взрыв гнева довел ее до того, что она распустила руки?! Слезы сами текли из ее глаз. Что с ней происходит в стране Израиля? Это не она.

— Я хочу вернуться домой, — разрыдалась она.

— Ты хочешь домой? — как удары молотом, отозвались эти слова в ушах Рахели. — Тот, кто репатриировался в Израиль, должен быть счастлив!

Быть счастливой?! Она хочет вернуть себе то, что потеряно. Воспоминания о разрушенной семье разрушают ее саму. Климат Израиля ей чужд. Ей претит отсутствие культуры. Она не желает жить в этой пустыне только для того, чтобы остаться в живых.

— Я скучаю по дому.

— Ты скучаешь по дому, по Германии? — Рахель готова была лопнуть от ярости. — Страна Израиля твой дом. Ты что, не понимаешь? Гитлер — не одноразовое явление. Ностальгия по Германии вредит тебе.

Девочка чуть не задохнулась.

— Германия это моя мать и мой отец, вся моя семья, мое детство. Я не смогу стереть из памяти Германию, — прошептала она.

Рахель поняла всю остроту положения. И тут же, оседлав своего конька, прочитала девочке лекцию о судьбе еврейского народа в диаспоре. Она говорила о страшной резне евреев

казаками палача и ненавистника евреев Богдана Хмельницкого во время восстания на Украине против поляков в 1648–1649 годах. Тогда погибло более 100000 евреев, а Хмельницкий стал национальным героем. Рахель описывала скитания ее предков из Польши в Россию. Во время войны между царской Россией и польско-литовским союзом за владение территориями Украины и Белоруссии русские войска обнаружили народ, о котором знали лишь одно: он распял Иисуса. Из-за этого запрещено было этому народу войти в святую Русь. В этой войне, длившейся с 1654 по 1667 год, евреи были изгнаны из Вильно, но многие из них вместе с пленными поляками были высланы вглубь России. Многих евреев насильно заставили принять русскую веру. Так возникло в Москве небольшое поселение выкрестов, часть которых осталась верной иудаизму.

Чтобы девушка поняла глубину отвращения этого народа к евреям, Рахель рассказала, что реформы Петра Великого ничего не изменили в судьбе евреев. Петербург, новый город, от всей души принимал иностранцев, благодаря которым создавалась крупная буржуазия, по примеру буржуазии Европы. Но император ужесточил свое отношение к евреям. Когда Петр посетил Амстердам в 1698 году, он воспротивился сотрудничеству с еврейскими купцами, сказав, что не пришло еще время двум народам жить вместе. И призыв царя к западным мастерам искусства в 1702 году — приезжать в Россию евреев не касался. Во время Северной войны он наложил тяжкие наказания на евреев — арендаторов земель и кабатчиков.

— Мои дед и бабка вынуждены были вернуться в Польшу, чтобы похоронить своих мертвых, — объяснила Рахель. Русский царь запретил создавать еврейские кладбища в России, чтобы не дать евреям обосноваться на русской земле. Рахель говорила, а Наоми чувствовала, как ложится на ее душу тяжкий груз еврейской судьбы. Она должна была понять, какое ей выпало счастье не жить в диаспоре.

— Даже Екатерина Великая, находясь под влиянием Французской революции, вступила с евреями в экономические отношения, и они принесли в русскую империю принципы торговли, принятые в Европе. Но, тем не менее, она ограничила их проживание «чертой оседлости».

Рахель добавляла в свой рассказ подробности, чтобы раз и навсегда отвадить Наоми от мыслей о возвращении в Германию.

— Судьба евреев — быть преследуемыми в диаспоре, — голос Рахели дрожал.

Рахель вникала в историю семьи Френкелей. Наоми рассказывала, и в центре этой истории всегда стоял дед. Наоми

весьма красочно описывала своих предков. Вот они приехали жить в Германию, открыли в небольшом городке, в Силезии, лавку по производству и продаже тканей. В течение нескольких поколений лавка превратилась в большую текстильную фабрику. В то время как евреи-ашкеназы ютились в гетто, предки деда пользовались особыми привилегиями. Детей они посылали получать образование. Те быстро усваивали новые идеи и столь же быстро повернулись спиной к своим еврейским традициям. Они усвоили образ жизни высшего германского общества, вступали в брак с немецкими женщинами, благодаря чему изменялся внешний облик их потомков. Многие из них — голубоглазые блондины высокого роста. Они буквально бежали от своего еврейского облика.

Перипетии судьбы одной из наиболее уважаемых еврейских семей Германии взволновали Рахель. Особенно любопытен для нее ключевой образ — дед Яков Френкель, события его жизни, его разносторонняя личность.

Молодой отпрыск буржуазной семьи предпочитал странствия из гильдии в гильдию вместо получения систематического высшего образования, созрел в сравнительно молодом возрасте, чтобы стать успешным изощренным бизнесменом. Вместе с этим, он удивлял семью своей романтической душой. Своим оригинальным анализом романа «Волшебная гора» Томаса Манна или произведений классической литературы он приводил в восторг гостей на вечеринках или званых обедах. Дед стал немецким патриотом. Но Германия его предала. Нацисты заставили его отказаться от дела всей его жизни, металлургического завода. Все нажитое им богатство было распродано с большими потерями.

Рахели нравилась верность девочки своей семье. Наоми стыдилась того, что ее любимый отец чурался своего еврейства и не признавал идеи сионизма. Но она преклонялась перед его ценностями, принципами и правилами жизни. С волнением она рассказывала, как отец самим своим присутствием, своим аристократизмом создавал особую духовную атмосферу в доме.

Все это произвело такое сильное впечатление на Рахель, что она предложила Наоми вступить в Рабочую партию Израиля — МАПАЙ.

— В МАПАЙ? — спросила негромко Наоми и ответила решительным отказом.

Неожиданно к Наоми возвращаются детские привычки, которые она, казалось, давно преодолела.

Она часто бывает в доме Курта Блюменталя. Один из видных немецких сионистов, он уже давно репатриировался в Израиль и живет в Иерусалиме. Его дочь, тоже Наоми, брызжущая энергией пышка, одноклассница Френкель. Наоми Блюменталь не особо интересует Наоми Френкель. Тем не менее, она откликается на ее приглашение помочь навести порядок в большой семейной библиотеке. Наоми Блюменталь удивленно спрашивает, для чего ее тезка таскает все время с собой ранец. В ответ Наоми молчаливо пожимает плечами. Хозяйке скучно, она оставляет огромное помещение, забитое книгами на попечение гостьи.

И тогда это случается. Она погружается в некое бессознательное состояние, точно, как в детстве и, словно кто-то ее толкает под локоть, вырывает блестящие страницы из альбомов и книг по искусству — репродукции работ Рафаэля и Микеланджело. Некая не управляемая ею сила толкает украдкой руку, и мигом снимки знаменитых скульптур и не менее знаменитых картин Рафаэля оказывается в ее ранце. Она берет с себя слово, она клянется себе не делать этого. Но грешит и грешит. Она просто не в силах одолеть внутренний импульс — выдирать из книг фотографии произведений искусства. Ни угрызения совести, ни настоящие страдания души не могут одолеть эти импульсы. Она старается отдалиться от библиотеки, но по детской привычке, прислушивается к разговорам взрослых в гостиной Блюменталей, точно также, как когда-то спрятавшись за бордовыми шторами, слушала разговоры в кабинете отца.

Курт Блюменталь, невысокий шатен, ведет себя, как истинный интеллигент. Он жалуется гостям, немецким евреям, что Бен-Гурион вообще не замечает его существования и его неудачных попыток пробиться сквозь стены сионистских учреждений Израиля. Наоми трудно поверить, что один из важнейших сионистских лидеров Германии живет отчужденно в стране, во имя которой многие годы рисковал карьерой и жизнью. Курт анализирует нынешнее положение в Германии, и гости присоединяют свои голоса к его голосу, рисующему ужасную политическую, экономическую и общественную ситуацию на их бывшей родине. События 1934 года с новой силой обрушиваются на головы немецких евреев. В гостиной будущее рисуется черными красками. Наоми не сдвигается с места. Перед ее глазами чередой проходят не дающие покоя события в Германии. В январе Гитлер издает закон о восстановлении Рейха, и любимая дедом Германия перестает быть федерацией, превратившись в однопартийное тоталитарное государство. Во внешней политике нацисты добиваются весьма сомнительных успехов. Соглашения и

договора в Европе меняются обманным путем. Польша сближается с нацистской Германией и отдаляется от Франции. В октябре 1933 Германия выходит из Лиги Наций, и этот шаг выводит ее из комиссии по разоружению. Гитлер разрывает Версальский договор, чтобы превратить Германию в экономическую и военную державу. Новые гражданские и военные промышленные предприятия создаются с помощью крупных инвестиций акул капитала. Безработица постепенно сокращается. Улучшается финансовое положение рабочих на фоне укрепления хозяйства Германии. Вооружение идет полным ходом. Наращивается производство оружия, запасных частей к нему, химикалий. В трудовых лагерях заняты тысячи юношей и девушек. По черным прогнозам в гостиной Блюменталя, нацисты откровенно усиливают свою власть террором. Лотшин, любимая ее сестра, в опасности!

Эрнст Рем, штурмовики которого вкупе со сбродом, способным лишь хулиганить на улицах, понесли смертельное поражение в столкновении с регулярной дисциплинированной армией, подчиняющейся Гитлеру, и были в массовом порядке казнены без суда и следствия 30 июня 1934.

Гитлер опирается на крупных воротил капитала, которые усиливают германскую промышленность.

Культурная атмосфера в доме Блюменталей немного смягчает ее страхи и тоску по потерянному дому. Но то, что она портит книги по искусству гостеприимного хозяина, глубоко ее ранит.

Наоми не пользуется авторитетом у одноклассниц. Цизлинг, отец которой, социал-демократ, руководитель «Кибуцного объединения в Германии», предложила девушкам создать коммуну. Наоми не видит смысла в труде без чтения книг. Голод по чтению съедает карманные деньги — десять марок, которые Лотшин посылает ей каждый месяц. Она не соглашается отчислять из этой суммы деньги в коммуну — на халву и другие деликатесы, которые противоречат нормам простой непритязательной жизни. Цизлинг и ее товарищи пожаловались социалистке Рахель Янаи, на Наоми, объявив ее, асоциальным типом, индивидуалисткой с явно капиталистическими замашками.

— В университете ты найдешь большую библиотеку, сможешь воспользоваться книгами, и их не надо будет покупать. — Рахель пытается переубедить Наоми и отвести от нее обвинения в индивидуализме.

Девушки восстают против такого ее отношения к Наоми. На

общих собраниях директриса учебного центра проявляет удивительную лояльность. В разъяснительной беседе с маленькой капиталисткой она не только требовала от нее давать деньги в коммуну, а нападала на тех, кто жалуется на нее, обвиняя их самих в ненужной трате денег на одежду и всяческие глупости.

Одинокая и напуганная, стоит Наоми на автобусной остановке. Битый час она будет ждать следующего автобуса, ибо снова оттеснена в конец длинной очереди более взрослыми девицами. Не может она себе позволить грубо втискиваться между ними. Девицы нагло прут вперед, не обращая внимания на тех, кто сзади, вопреки указанию Рахели — проследить, не осталась ли там какая-либо ученица. Она одна стоит на остановке, вблизи которой вертятся воры, насильники, убийцы. Атмосфера одиночества и беззащитности пугает девушку. То же самое происходит на уроках природоведения, когда грубые руки и острые локти отшвыривают ее, как комара, от преподавателя Зеева Вильнаи, от которого она старается не отрываться. Ловит каждое его слово о сортах растений, насекомых и вредителях. Но более взрослые девицы плотно окружают любимого преподавателя стеной, отталкивая маленькую Наоми.

На автобусной остановке ее оболевают мысли: страна Израиля уродлива, пустынна, но пафос наполняет жизнь еврейского анклава, помогая его пробуждению. Она будет крепко держаться сионистской мечты, всеми силами закалит свой характер и преодолеет свои слабости. Страна нелегкая, и это определяет формы поведения в обществе. Дикость и грубость сеет семена мутных человеческих отношений. Она должна сохранить душу — даже на фоне поджидающих ее унижений. Рука ее поднимается и скользит по щеке. Затянулась ли на ее щеке рана от камня, брошенного арабом, когда класс шел к Стене Плача…

Этот поход напугал девочку. Перед выходом Рахель Янаит произнесла речь. Сказала, что тот, кто хочет ощутить себя евреем, должен подняться в Иерусалим и помолиться у Стены Плача. Она описала падение Первого Храма, согласно книге Иосифа Флавия (Бен Матитьяу). Голос ее прерывался от волнения и подступающих к горлу слез, когда она рассказывала о том, как коэны и левиты бросались в пламя, охватившее Храм, жертвуя жизнью во имя Бога. Она еще сказала, что от всего великолепия храмовых сооружений, сохранилась лишь западная его стена — Стена Плача.

— Камни этой Стены не мертвы, а вечно живы, ибо евреи со

всех концов мира доверяли этим камням все свои горечи, боли и беды. Матери Израиля прижимаются к этим камням в течение многих поколений, шепотом изливая им свои души. Время не властно над этими камнями. Они стоят здесь сотни и сотни лет, как свидетели нашего прошлого могущества и великолепия.

В заключение своей речи она процитировала слова еврейских мудрецов благословенной памяти: «Никогда Божественное присутствие — Шехина — не покидает Стену Плача».

Но никакой святости при посещении Стены Плача не ощущалось из-за истерии, охватившей девушек. Семинаристы-арабы осыпали их ругательствами и камнями. Британские полицейские с демонстративным равнодушием стояли по сторонам дороги. Рахель призвала девушек быть мужественными, но напрасно. Бойцы «Хаганы», находящиеся вблизи стен, спасли девушек от разбушевавшихся арабов, угрожая оружием.

Во время встречи с раввином у Стены Плача страсти успокоились. Он благословил учениц и с особой теплотой обратился к новым репатрианткам, считая чудом то, что они спаслись от Гитлера, и поздравил их с тем, что они вернулись домой, в страну Израиля. Затем он произнес проповедь о важности Десяти заповедей и вкратце назвал причины падения Первого Храма. Девушки поцеловали камни и шепотом произнесли свои пожелания.

Наоми оплакивала падение отчего дома и беззвучно жаловалась камням: «Я сбежала от насилия к насилию. У меня был прекрасный дом, дававший мне душевное тепло, покровительство и защиту».

Голова Наоми печально опустилась: «Были у меня братья и сестры, был у меня замечательный отец. Типичный еврейско-германский отец. Лотшин от меня далеко». Волшебные мечты о Палестине ни на йоту не похожи на тяжелую реальность, которой ее встретила страна Израиля, агрессивная и пустынная. Она в смятении, она сбита с толку. Культурные ценности, мировоззрение, принципы, образ жизни и всяческие верования чужды ей. Буржуазные ценности, заложенные отцом, мешают ей. Но она никогда не откажется от железных правил, которые вошли в ее кровь со дня ее рождения. От них она не сможет освободиться.

На автобусной станции она дрожит, как оторванный от дерева лист, в то время как девушки с удовольствием прогуливаются по улицам Яффо и Шломцион, рассматривая модные одежды, драгоценности и всяческие дорогие вещи в витринах магазинов. Она говорит себе, что ей следует примириться со своим положением. Она должна приноровиться к

окружающей ее человеческой сухости, ибо ее характер и культура действуют ей во вред. Они отбирают у нее возможность акклиматизироваться в жизни этой весьма нелегкой страны.

Наконец пришел автобус. Он едет через Маханэ Йегуда, квартал, построенный в девятнадцатом веке. Она шагает по узким переулкам, и объяснения Зеева Вильнаи сопровождают ее. Квартал назван по имени мальчика Йегуды Навона, который умер во цвете лет. Его семья купила у арабов скалистые земли, рассеченные ущельями, и построила небольшие одноэтажные каменные домики в память о сыне.

Наоми расхаживает по узким тропам в гаме уличных торговцев, грязи, среди испражнений животных, останавливается около араба в длинном, до пят, платье — галабии, который жарит на раскаленной жаровне каштаны и продает их евреям. Ветер налетает перезвоном церквей. Другой араб привлекает покупателей, выстукивая ритм на сверкающих медью музыкальных тарелках. Наоми покупает у него коричневый сладкий напиток из плодов тамариска.

Квартал, полный жизни и толкотни, позволяет ей забыть грубость девушек на автобусной остановке. Она удивляется запущенности и захламленности дворов, в отличие чистоты и порядка в немецкой колонии темплеров, во дворах которых растут кусты алых, белых и желтых роз, точно так же, как в Германии. По субботам она присоединяется к прогулкам ее землячек в районе немецкой колонии. Когда не видно жильцов, девушки срывают цветы или наполняют карманы созревшими к осени фруктами: персиками, грушами, яблоками. Испуганная, одинокая, но полная впечатлений, возвращается Наоми на ферму. Взросление ее явно ненормально. Собственная личность чужда ей. Мечты ее о главном — совместном переживании со всем еврейским анклавом, разлетелись прахом, и чувствует она себя обломком разбитого сосуда. Рахель все время предупреждает учениц: «Не слоняйтесь в одиночку, вас убьют или изнасилуют». Ворота на ферму заперты, охраняются сторожем, вооруженным пистолетом. Во время перемен соседи — арабы семинаристы — швыряют камни через высокий забор, отделяющий арабский образовательный центр от учебной фермы.

Рахель провозглашает: «Несмотря на опасность, мы не должны падать духом!» И решительным голосом добавляет: «Национальный дом не будет построен мирным путем. Арабские погромы 1909 года не повторятся». Она говорит о наивности жителей старого еврейского поселения в Хевроне. Евреи города праотцев были связаны торговлей и добрым соседством с

арабами, за что заплатили высокую цену своими жизнями и имуществом, ибо не верили, что соседи их предали. Эти погромы раскрыли глаза многим в национальных еврейских учреждениях.

Рахель жестоко критикует правительство мандата. Оно не спасает евреев от арабского террора. Ситуация с безопасностью требует от организации самообороны. Следует добыть настоящее оружие, а не охотничьи ружья, которыми вооружило евреев британское правительство после резни в Хевроне. Рахель объясняет ученицам, какими путями можно добыть оружие. Но так как учебная ферма расположена напротив дворца верховного наместника и военного лагеря шотландцев, невозможно проносить оружие на ее территорию.

Рахель повышает голос: «Евреи будут сами себя защищать». Она рассказывает о мужестве людей Кфар Гилади, героях Тель Хая — Йосефе Трумпельдоре и его товарищах и, конечно же, не забывает об Александре Зайде, легендарной личности, стоящей во главе движения «Ашомер» (Страж).

Израиль — ее новая родина, думает Наоми. Так почему же здесь, в иерусалимском клубе Ашомер Ацаир, она не полна такого же энтузиазма, как в Берлине? По приказу Рахели учениц распределили по ячейкам сионистского молодежного движения. Четыре девушки, среди которых Наоми, попали в клуб движения Ашомер Ацаир, основанный Херути, членом кибуца Мерхавия. Приехав на место, они нашли пустой зал. Стулья, библиотека фортепьяно стояли там без всякой охраны. Девушки сидели на скамье. Хирути стоял перед ними и толкал длинную речь о социализме и строительстве социалистического общества в стране Израиля. Наоми утомили эти разглагольствования. В горле пересохло. Она внезапно вскочила с места, и слова сами вырвались из ее уст:

— Я не верю в социализм. Я приехала из Германии. Видела, как коммунисты маршировали вместе с нацистами. Социал-демократы были слабыми и не защищались. Меня интересует лишь одно — иудаизм и еврейство.

— Я не хочу слышать такие вещи. Ты сомневаешься в священных принципах нашего движения. Я прошу тебя покинуть этот зал.

Она вернулась на ферму. Туда же приехал и Херути.

— Ты просто не понимаешь. Я хочу тебе объяснить, — и он вновь заговорил о вкладе движения Ашомер Ацаир в еврейский поселенческий анклав, и о роли молодежи в этом движении.

Херути вернулся в свой кибуц, и на его место пришел Авраам

Йоффе, который сразу произвел впечатление уверенного в себе руководителя клуба. Наоми в отчаянии. Главной темой в молодежном клубе в Берлине было спасение еврейских детей и подростков и репатриация в страну Израиля. Гораздо больше говорили об антисемитизме, чем о социализме. Она бежала к своим еврейским корням. Тут же, в маленьком Иерусалиме, воспитатель только и говорит, что о марксизме, Карле Марксе и Фридрихе Энгельсе и их «Коммунистическом манифесте», о советской России и совсем немного — о цели рабочего сионистского движения создать новое еврейство. Но что это такое — еврейство? Ни в учебном центре, ни в этом клубе движения Ашомер Ацаир она не получает ответа на этот вопрос.

Что-то об иудаизме она учит в субботние ночи.

С заходом солнца, когда вместе с наступлением сумерек атмосфера святости опускается на город, она с тремя ученицами, проживающими с ней в комнате, выскальзывает через дыру в заборе с территории учебной фермы. Они пробираются в дома традиционных еврейских семей. Слабый бледный свет в комнатах, как бы переходящих от буден к святости, успокаивает. Пение молитвы, глоток освященного вина, преломление халы, вечерняя трапеза накануне субботы, чистые белые скатерти, цветы в простых вазах, свечи, трепещущие язычками пламени, отец и мать, братья и сестры, дед и бабка, восседающие вокруг стола, — все это очаровывает неторопливостью и душевным покоем.

Беженки не могут сдержать рыданий. В глазах Наоми, субботняя трапеза в каменном доме, на краю улицы Кинг Джордж в Иерусалиме, размывается, становится призрачной, оборачиваясь столовой в роскошном берлинском доме, в Вайсензее. Старый инкрустированный деревянный стол, большая сверкающая люстра под потолком, дед рассказывает анекдоты и сам заходится от хохота. С портрета покойная мать смотрит на детей своим мечтательным взглядом. Видения рвутся, как паутина, и нет уже картин, нет ковров, причудливых ваз и цветов, больших подсвечников.

Из святости на иерусалимской улице она внезапно попадает в кошмар, от которого волосы встают дыбом. Каждую субботнюю ночь из комнаты поварихи раздаются вздохи и стоны. Когда она впервые услышала эти пугающие крики, то в страхе написала открытку любимой старшей сестре.

«Лотшин, — изливала она душу, — я — маленькая. Мне надо повзрослеть. Я не созрела — жить здесь. Конечно же, я не

откажусь от страны Израиля, но я хочу еще год-два поучиться в Германии. Я вернусь сюда более зрелым человеком». Ей стыдно рассказывать Лотшин о страстных стонах в иерусалимском доме накануне субботы.

У черноволосой кудрявой поварихи, с блестящими черными глазами и чувственным лицом, каждую субботу гостит ее постоянная подруга. Девушки толпятся около поскрипывающих стен у двери комнаты поварихи, давясь от смеха. Наоми некуда бежать. Отсутствие у девиц культуры, вызывает у нее тошноту и омерзение. В Иерусалиме она потеряла ориентацию в жизни.

Лотшин просто не может представить, насколько Наоми плохо. И эта добрая душа отвечает: «Это — Святая земля. Со временем ты к ней привыкнешь. В Германию ты вернуться не можешь».

Сестра рассказывает о том, что Бумба так и не привык к дому Филиппа, шатается с утра до вечера по шумным, забитыми толпами, улицам без всякого присмотра. Из-за рыжих его волос никто не подозревает, что он еврей. Бумба, любимец уличных и рыночных торговцев, получает от них бесплатно пищу и разные подарки. Лотшин пытается взывать к его совести: «Ты еврей, ничего не бери от этих гоев». Но Бумба — повзрослевший подросток, не поддается ее воспитанию. Филиппу удалось добыть для него сертификат, так что Бумба скоро уедет в Палестину. Еще она пишет, что продуктовая посылка с парой вязаных носков, посланная ей старому садовнику Зиммелю в Пруссию, вернулась с припиской, что адресат не найден. По ее мнению, с ним что-то случилось, может, умер естественной смертью, может из-за своих политических взглядов был убит нацистами. Фрида ужасно тоскует по семье, и если не будет осторожной, судьба ее кончится худо. Она посылает гневные открытки о существующем положении и всегда добавляет: «Не беспокойтесь, дети мои! Этот преступник Гитлер долго не продержится!» Завершает открытки словами любви и благословения.

Письма Лотшин не приносят никакого успокоения. Она вглядывается в репродукцию скульптуры тирана, которую повесила в комнате как память о покойном отце, и «Осенняя песня» Рильке стучит в ее сердце, когда тоска сжимает горло.

> Господи! Тянется время. Долгое лето. Столько лет
> А дома у него нет.
> Еще не построен…

Пророческий дух великого немецкого поэта отзывается эхом в

ее душе: Рильке впрямую обращается к ее угнетенному духу —

> Я к небесам поднимаю руки, но нет небес.
> Нет Бога. Нет отца и матери. Подведена черта.
> Пустота…

Наоми беззвучно продолжает: «ничего у меня нет. Ни отца. Ни матери. Ни семьи. Нет у меня братьев и нет Бога».

В дневнике она записывает: «Ни о такой стране я мечтала. Нет у меня дома, нет семьи. Ничего у меня на свете нет».

Воображение уносит ее в детство. Она выходит из отчего дома, шагает по широким и красивым улицам. По сторонам — театры, библиотеки, музеи, огромные общественные здания. Что с ней происходит? Странные образы, которые она помнит в Германии, проходят метаморфозу в ее мечтах и снах. Странные существа становятся нормальными, а реальные — призрачными. Управляющий хозяйством деда возникает в ее воображении верхом на коне в Израиле. И она скачет на коне и побеждает в играх с мячом.

То вдруг она видит себя совсем малышкой, свернувшейся в углу комнаты. Отец приближается к ней размеренными шагами. Глаза у него потухшие. «Бертель, я запрещаю тебе погружаться в бредовые фантазии, очнись». Он стоит напротив нее. Жар и холод обдают ее тело. Мертвые возникают и исчезают. Нет у нее власти над этими видениями. Вот рядом с ней мама, красавица, полячка, еврейка, — смягчает ее тоску и боль души. Отец возникает в ее раздумьях и громким утвердительным голосом провозглашает: «Мы сефарды, а не поляки».

Она спросила Рахель Янаит, какая разница между сефардами и ашкеназами. Та ответила: еврей это еврей, но резкость ее тона вызвала у Наоми подозрение, что дело обстоит не так просто.

Иногда этот вопрос она задавала прохожим в центре города, и ощущала, что касается очень чувствительной темы.

— Я — сефардка, — заявила она однажды Рахели.

— Что вдруг ты пришла ко мне с этим. Сегодня нет разницы между сефардами и ашкеназами.

— Это не так. Многие говорят, что сефарды менее умны, менее образованы и вообще принадлежат другим временам.

— Это верно. Судьба их была трудной. Они были изгнаны из Испании, — сказала Рахель и призналась, что в наши дни еврейство ашкеназского происхождения формирует современный характер еврейства, но все это не столь важно.

Рахель завершила беседу, выразив надежду, что все евреи соберутся в Израиле и сольются в единый народ. Наоми не

удовлетворилась ответом. Расслоение еврейского народа на этнические группы чрезвычайно ее интересует.

У нее без конца то портится, то улучшается настроение. Экскурсии по Тель-Авиву во время каникул несколько умеряют ее тоску по отчему дому.

Машина «Тнувы» приезжает к воротам учебной фермы, груженная бидонами с молоком, и она, вместе с другими девочками, втискивается между этими бидонами, чтобы ехать в Тель-Авив. Всю дорогу девочки распевают песни о природе и родной стране, и настроение их повышается с каждой песней.

В Тель-Авиве, современном, совсем юном, небольшом, но стремительно развивающемся городе, в последние годы заложена основа расширяющегося городского пространства, вдохновляемого европейским пониманием архитектуры.

Знакомая архитектура Берлина прорисовывается зданиями в стиле Баухаус, здесь есть театры, кафе со столиками на тротуарах, опера и концерты под открытым небом. Компактный Тель-Авив отличается многоцветием, красочностью. Его набережная полна жизни. Магазины и ремесленные предприятия, возникающие в разных местах, как грибы, образуют новый город, торговый и культурный центр страны. Особенно девушки получают удовольствие от общения с жителями города, которые принимают их за туристов. Сердечно спрашивают, куда они направляются. Узнав о том, что они беженки из Германии, проявляют с ними солидарность.

Первая экскурсия Наоми по Тель-Авиву незабываема. У нее поднялась температура, ее всю трясло. Девушки постучали в дверь одного дома. Высокий худой мужчина пожилого возраста с тяжелым немецким акцентом спросил, в чем дело. Увидев бледное лицо Наоми, он с женой тут же предложили ей лечь в постель. Вызвали врача, купили за свои деньги лекарство, кормили ее и ухаживали за ней целую неделю. Эту человечность, встреченную ею в Тель-Авиве, она каждый раз вспоминает с неизменным удивлением и благодарностью.

Но редкие подъемы духа тонут в море скуки и опустошенности, окружающей ее. Все мечтания разлетаются в осколки. Ореол, который она соткала вокруг легендарного облика Лоренса Аравийского, рассеялся. Она не скачет на коне с ружьем, болтающимся на плече, которое соскальзывает от быстрой скачки по полям навстречу сильным порывам ветра. Что случилось с ее мечтами? Всю жизнь она была охвачена лишь одним страстным желанием — уехать в страну Израиля, соединиться с еврейской

историей и ее традициями. Вот мечта ее осуществилась, а она так несчастна. Тяжко ей бороться с трудной реальностью этой страны.

Она выходит в мир увядания, шагает по сухим полям, где ее окружают колючие соцветия, дикие растения с маленькими синеватыми или желтыми цветами, распространяющими пряный запах. Она собирает большие букеты чертополоха, тёрна, колючек, усеянных улитками, украшает ими комнату и не обращает внимания на кровавые царапины на руках и на ехидные замечания девушек о ее нежной коже, не приспособленной к израильским колючкам. Черная меланхолия овладела ею, поглотив первые восторги страной Сиона.

Раздумья уносят ее к деду, Лотшин, Бумбе. Они теперь ютятся в крошечной квартирке. Фрида оставила Берлин и вернулась в свою деревню. Дед закрылся в маленькой комнате с опущенными жалюзи. В письмах Лотшин пишет ей: «Бертель, дед не хочет жить. Ты — умница, напиши, как вернуть его к жизни». Состояние деда не дает ей покоя. Горькая еврейская судьба догнала деда в конце пути. Нацистская власть забрала у него дело его жизни — литейную фабрику, которую он создал своими руками в дни Бисмарка. Фабрика перешла в чужие руки, и Бертель слышит слова деда: «Союз производителей стали хранит чистоту германской расы, но я первый из евреев, который сумел найти подход к членам этого союза».

Семья Френкелей распадается. Руфь, Ильзе, Гейнц и Фердинанд — в Аргентине. Ганс, сын Руфи, заболел воспалением легких и ушел из жизни. Бумба должен репатриироваться в страну Израиля. Дед не хочет жить. Наоми не может приноровиться к Палестине и очень страдает от этого. Дони, живущий рядом с дядей, в кибуце Эйн-Харод, осквернил память об их прощальных поцелуях на скамье в берлинском парке. Посетив кибуц, она вернулась расстроенная. Дони пришел на встречу вместе со своей подругой. «Привет», — ответил ей сухо, и посмотрел равнодушным взглядом, как будто видит ее впервые в жизни.

— Конечно, это не вопрос жизни и смерти. Это случается часто. Нечего относиться к этому слишком серьезно, — успокаивала ее Рахель.

— Но ведь он забыл поцелуи…

Наоми разочарована тем, что Рахель не понимает, насколько она уязвлена изменой, и только говорит:

— Приди в себя, такое у тебя может случиться еще много

раз, — и переводит разговор на более важную тему.

Каким-то образом беседа превращается в патриотическую речь:

— Израиль — страна идеи и предопределения. Чужеземцы превратили ее в пустыню. Нам предопределено восстановить ее былое величие. Погляди, мы основали университет. Теперь все усилия надо сосредоточить на построение страны. И основой ее должна стать истинная духовность.

Да, еврейство заключено в построении страны и изгнании пустыни. Так что же такое — еврейство — земля и строительство домов? Страна чужда ей и не заменит отца, мать, отчий дом, — все, что она потеряла. Рахель также говорит:

— Страна эта Обетованная, Святая земля. Эту святость надо беречь.

Наоми совсем запутывается: так ли? О какой святости говорит Рахель. Вокруг — дикость, грубость, равнодушие. Где она — теплота человеческих отношений, высокая культура, изысканность?

— Ты права, — говорит Рахель, — многие вещи портят и искажают святость страны, которая должна принять новых людей, но…

Она сомневается, но слова Рахели имеют влияние на девочку.

«Страна Израиля — мой духовный дом, дом моей души, — повторяет она про себя. — Я обязана овладеть ею для себя».

Она дает себе клятву — преодолеть тоску и отчаяние, печаль и одиночество, и без того усугубляющие ее странности. Надо запретить себе разочаровываться в стране. Идея святости действует на нее, как успокоительное лекарство. Тяжелый труд, болота, комары, голод, сушь, пустыня — все это так. Но созидательная и духовная деятельность дает ей новое зрение и новые жизненные силы. В этой стране все необычно, особенно, предельно, как и сам феномен: евреи строят свою страну.

Шокирующее событие потрясает учебную ферму. Одна из девушек исчезла. Беспокойство за ее судьбу сменяется замешательством. Исчезнувшая девушка послала письмо, в котором сообщила, что приняла ислам и вышла замуж за араба.

Израильтянки оскорбляют уроженок Германии.

— Только, та, что росла в Германии, способна перейти в ислам. Еврейка из Польши на такое не способна.

Позор беглянки витает над всеми девушками, приехавшими из Германии. Тихая Наоми взволнована и резко выступает против огульного обвинения. Рахель собирает всех учениц Она говорит о

позоре, который пал на все учебное заведение, повторяет слова о национальном самосознании, но требует прекратить расистские выпады против школьниц из Германии. С глазу на глаз Наоми говорит Рахели, что израильтянки не ошибаются. Тот, кто воспитывался в Германии без элементарных знаний об иудаизме, или тот, кто принадлежит к социал-демократам, как эта ученица, сбежавшая к арабам, способен смешаться с любым народом без всяких колебаний. Девушка влюбилась и не видит в своем поступке ничего необычного и предосудительного.

— У этой девушки нет характера. Она ничего не понимает, — отвергла Рахель мнение Наоми доводом, что тот, кто вкусил власть Гитлера, слышал нападки и проклятия нацистов, должен быть еще более верен своему еврейству. Страна Израиля — убежище для евреев.

«Так ли это?» — Наоми упрекает саму себя за не отступающие от нее сомнения. Рахель говорит, что ностальгия по жизни в диаспоре — это тяжкий душевный груз. Но груз этот гнетет душу Наоми в стране Сиона. В дневнике она пишет:

Иерусалим, 6 февраля 1935

Когда я хотела оставить Германию, это было завершением определенного периода жизни. Я думала начать новую жизнь в новой стране, начисто отключившись от Германии. Не получается. Слишком много я взяла с собой, и это вошло глубоко в меня. Когда я хожу по улицам страны Израиля и хочу радоваться всему, что вижу, внутренний голос нашептывает мне: вспомни теорию Павлова.

Внезапный взрыв плача, разрывающий душу, шокирует соседок по комнате. Они не заметили белой траурной повязки с черной полосой и вызвали директрису. Рахель видит, как Наоми корчится в рыданиях, обнимает ее за плечи.

Наоми говорит о роли, которую играл дед в жизни семьи с момента смерти матери и о том, что написано в полученной ей телеграмме. Лотшин пишет, что дед с лихвой оплатил иллюзии немецкого еврейства. Когда нацисты захватили власть, он с первого момента не питал по отношению к ним никаких иллюзий. В отличие от своих родственников в Силезии.

Дед уморил себя голодом. Гордый дед знал, что последний из его внуков не оставит Германию без него, и потому сам себя

осудил на смерть. Он лежал, как мумия, в постели. Не пил, не ел. Когда он понял, что власть Гитлера крепка, и речь не идет о коротком мимолетном эпизоде, то закрылся в своей комнате и больше не пересекал порог дома. Он опустил жалюзи, не подходил к окну, чтобы посмотреть наружу. Жизнь его превратилась в ничто. Лотшин пыталась его взбодрить. Дед, который раньше не пропускал ни одной новости, не реагировал на сообщения о том, что творится в Европе. Он решил, что живет в вымышленном мире. Он мечтал о процветающей семье, а видит, как внуки его рассеялись по всему миру. Подведя итог своей жизни, он понял, что потерпел в ней полный и решительный крах, и сам лишил себя жизни в своей комнате.

Лотшин еще писала, что у нее нет никакого влияния на родственников в Силезии. Она знает, что они несутся к своей смерти. Гейнц послал им письмо из Аргентины, пытаясь их убедить покинуть Европу, но они отвергают его драматические предупреждения.

— Представители Еврейства Германии должны оставить все, чтобы их исход был предупреждением всему европейскому еврейству, — говорит Рахель решительным голосом.

Наоми опять и опять перечитывает письмо. С присущим ей тактом Лотшин извиняется за печальное сообщение и подчеркивает, что дед умер, как человек, любивший сына и внуков, и обращается к Наоми: ты должна это сказать себе и не быть печальной. Германия была содержанием его жизни, точно так же, как страна Израиля заполняла твою жизнь все годы.

Наоми пишет в ответ, умоляя Лотшин немедленно приехать в Палестину. Сама она не сможет справиться с потерей деда. Она ведь с детства отличалась от всех его внуков. Их радовала каждая вещь, всю жизнь в ее ушах будет звучать их смех. Она не умела шутить и смеяться, как они. Трудно заставить человека радоваться. Дед заставлял ее радоваться, пытался разбавить щепоткой радости вечную печаль на ее лице. Дед будет сопровождать ее всю жизнь. Завершает она свое письмо надеждой побывать на могиле деда. Она смотрит в пустоту и говорит себе: нацисты убили деда. Все критерии — политические, нравственные, интеллектуальные — рухнули перед его глазами и он, ассимилированный еврей, либеральный, обладавший национальной гордостью, уморил себя голодом. С разбитым сердцем он закрыл глаза, когда от всего прекрасного богатого дома осталась около него одна Лотшин. Смерть его разбивает вдребезги иллюзию, что все временно, что вскоре семья вновь

объединится.

Все ее мысли ведут к деду. Долгие месяцы он возникает перед ее глазами — высокий, с прямой спиной, истинный джентльмен, человек без возраста, покашливанием прочищающий горло, плавающий в реке, скачущий на коне, флиртующий с молодыми девушками. Дед, который так любил Германию, гордился своей службой кирасиром, в отборной части, где служили аристократы, все высокого роста, красавцы, верные кайзеру. Дед заражал всех своей жизненной силой, тщательно одевался по последней моде. Шил костюмы в Лондоне. Своим оптимизмом сумел развеять длительный траур сына, отца Наоми, по матери. Он не мог смириться с ее недетской серьезностью и развлекал ее, подражая кукареканью петуха, кудахтанью кур, реву осла, мычанью коровы, — главное, отвлечь ее от тяжелых мыслей.

Ее Лотшин в опасности. Гейнц не выполнил свое обещание — сохранить семью сплоченной. Палестина и сионистская идея чужды Руфи, Гейнцу и Ильзе. Эти три индивидуалиста даже час не смогут прожить в стране Израиля. Лоц живет в Хайфе, в отдалении от родных, в семье жены. Лоц враждует с Наоми с момента ее рождения. А вот Бумба ее любит, даже когда небо и земля их разделяют. Невероятно странно, как исторические события направляют судьбу человека. Она мечтала быть первопроходцем в кибуце. Оставила Германию с великой мечтой, и, вот же, избалованный мальчик, Бумба, эту мечту осуществляет. С момента приезда в страну Израиля, он учится и работает в кибуце Гиват Ашлоша, учит иврит и овладевает профессией, готовясь к жизни. Бумба намеревается выбрать постоянное место проживания на севере, в Кфар Гилади.

Всю дорогу в кибуц, в автобусе, память ее была наполнена голосами домашних. Перед ней вставал дед с трубкой во рту, пускающий клубы дыма, гладил рыжие волосы похожего на него внука и говорил: «Бумба, это я!».

Вот он держит малыша на коленях и рассказывает ему о маленьком деде Якове: «В камышах жила аистиха. Дед пришел к ней и обещал ей дорогие шелковые одежды, если она принесет бабке маленького деда Якова. И тогда дед и бабка послали няню Котку в камыши, к аистихе, в зимний снежный день, и тут, ужас, няня поскользнулась на снегу и сломала ногу». Бумба прервал его: «Почему так жестоко обошлись с твоей няней Коткой и послали ее в холод и снег?»

«Потому что она должна была привести аистиху. После того, как няне наложили гипс на сломанную ногу, она пошла и привела

аистиху с маленьким Яковом к бабке».

«Дед, ты обманываешь, как всегда! Я точно знаю, что ребенок выходит из живота женщины, и вовсе не аист приносит его».

Дед покачивает внука на колене, и оба начинают распевать песни няни и другие народные песни. Они намеренно путают слова и фальшивят, вызывая смех домашних. «Хозяин, — вмешивается Фрида. — Вы портите характер ребенка».

В окне автобуса проносятся пустые пространства, и она видит себя маленькой девочкой, затыкающей пальцами уши и убегающей свою комнату, чтобы не слышать эти фривольные песенки на сочном германском сленге.

— Привет, Наоми, как здоровье Ханмана? — Бумба, как всегда, полный оптимизма, встречает ее на хозяйственном дворе кибуца Гиват Ашлоша. Волнение охватывает обоих при имени «Ханман», — тайном ключе, возвращающем их в детство. Это имя, произносимое Лоцем с приходом ночной темноты, ввергало малышей в панику, ибо речь шла о сумасшедшем Ханмане, которым пугали детей.

Брат не обмолвился ни одним словом о нацистском терроре, а вспомнил о паническом страхе, гнавшем его к ней в постель, чтобы спрятаться от убийцы под одеяло. Наоми стояла перед братом в сильнейшем изумлении. Бумба вел себя, как прирожденный израильтянин. Рассказывал анекдоты, знакомил с приобретенными здесь друзьями.

Она ругает себя за слабость духа. Нет у нее любви к еврейскому анклаву, когда она так беспокоится за Лотшин, и отчуждена от всех, кто ее окружает.

Ностальгия, строки в дневнике, расплывающиеся от падающих слез, показывают, насколько ухудшилось ее душевное состояние.

Сентябрь, 1935.

Мои пальцы для меня, как живые человеческие существа. У меня особое отношение к каждому пальцу. Я — их учительница. Но иногда я учусь у них. Устраиваю соревнование между ними, рисую каждому пальцу образец, и он имеет для меня значение, как написанный мной рассказ. Перед тем, как я нарисовала свои пальцы, сидела не менее часа, вглядываясь в них, и сочиняя о них фантазии. Каждый палец — для меня рассказ. Я смотрю на каждый палец по часу, и тогда рассказ готов. Каждый

палец возникает передо мной в виде образа, и я веду с ним беседу, и записываю все, что фантазия мне диктует.

У каждого пальца — свой характер. Один — большой, другой — малый, один — амбициозен, другой ни на что не способен. Один очень горд, другой красив, а третьего ничему научить нельзя. Один — большой дурак. Мал, но, именно поэтому, с большими амбициями, этакий внешне красивый пустобрех, пытающийся властвовать над людьми. Есть один, совсем средненький и очень серый. Нечего делать: его недалекость отталкивает меня. Самый любимый — мизинец, тип интеллектуала. А вот большой палец абсолютно лишен интеллекта, он ужасно мне неприятен, но делает вид, что очень умен, хотя абсолютно глуп. Он очень любит сплетни. Думаю, однажды он умрет от ожирения. Есть один — всегда просто лопается от радости, целый день насвистывает и напевает, очень старателен и прилежно занимается спортом. Его я люблю.

Один день я постилась. Не могла есть. Гнездилась во мне такая печаль, что я даже не могу ее описать, и была она намного дольше, чем обычно, хотя я умею вырваться из ее когтей. Но эта печаль необъятна. Я просто измучила себя и вдруг начала сочинять стихотворение о потерянных мной любимых вещах.

Спустилась на землю ночь. Я люблю ночь с ее безмолвием. Я сижу за письменным столом какой-то прабабки на чердаке. Я поднимаюсь туда на цыпочках. И было у меня ощущение, что человек идет мне навстречу, и мы приветствуем друг друга добрым словом. И затем сидим, и изливаем души друг другу. Я предложила ему искать все вещи, которые у нас исчезли. И тут же я нашла пуговицу от штанов, и начала искать иголку с ниткой, и пришила пуговицу, несмотря на то, что никогда ничего не пришивала. Тут это мне удалось. Это очень приятно, когда что-то удается исправить.

Также я нашла платок. Он был очень грязным, и я представила его юным и красивым, каким его помнила. И пожалела его, и сказала ему, что он вернет себе красоту и найдет себе невесту. Он пустил слезу и сказал: «Хэй, хэй, я несчастный платок. Совсем недавно был молодым и красивым, а сейчас — посмотри на меня, просто невозможно на меня смотреть». Вероятно, такова жизнь. Красивые люди со временем теряют свою красоту и превращаются в вещи, на которые невозможно смотреть,

и это очень печально.

Я слышу, как платок плачет. Был у меня красивый свитер, которым я очень щеголяла, и он тоже исчез. Куда исчезли мои красивые вещи? Увидела розовый лифчик у Лотшин и не постеснялась взять его. Лотэ не искала его. У нее столько вещей, и лифчиков хватает. Но мне же он был нужен: ведь был частицей моей любимой сестры, и каждый раз прикасаясь в нему, я словно касаюсь груди сестры.

Фрида жалуется, что ей нечего надеть. Куда исчезло множество платков? Но я думаю, что она жалуется, чтобы нас рассердить. Я спряталась в огромной груде платков, и никто меня не может найти. И внезапно — абсолютная тишина, даже мышиного шороха не слышно. Я думаю, что я очень несчастный человек. Я отличаюсь от всех людей. Я лежу здесь в одиночестве, и никто меня не ищет. И никому я не нужна. Что со мной происходит? Что из меня выйдет? Я бы хотела кричать, но не могу. Я как немая. Думаю, что если бы я могла кричать, я бы могла спастись. Но я не могу кричать. Я должна быть тихой и немой.

Ага, мне все снится и снится, что волосы мои встают дыбом, и руки мои начали избивать друг друга. И я не знаю, что я им такого сделала, что они так сильно избивают меня. Снова я возвращаюсь к какой-то пуговице, бледной, как будто она больна. Затем я нашла лифчик Лотшин, и ее свитер, и ее платок, который она так искала, и увидела, что Бог со мной, ибо Он хочет мне вернуть все, что взял у меня. Я не знаю, почему он это все взял у меня? Быть может, хотел испытать меня, увидеть, как я на это реагирую.

Ага, я все мечтаю и мечтаю. Хотела бы, чтобы у меня были мягкие волосы, как у Лотшин, руки длинные с длинными ногтями, как у Лотшин. Вообще, я хотела бы быть, как Лотшин. Многие мужчины смотрят ей вслед. Я не люблю этого. Я хочу, чтобы Лотшин была связана со мной, была моей и больше ничей. Я бы хотела, чтобы Лотшин была моей вещью. Я вздремнула и пробудилась. Снился мне тяжелый сон, ибо Лотшин не было возле меня.

«Некуда тебе вернуться, добрая душа, ты обязана акклиматизироваться в новом обществе. Лотшин посылает тебе

каждый месяц десять марок на лакомства, а также посылает новые вещи, вместо тех, украденных».

Кражи — вещь обыденная на ферме, крадут у девушек постельное белье и одежду.

Наоми не в силах вырваться из своего одиночества. Нет у нее в мире дома. Лотшин была ее спиной, ее защитой, а теперь она ютится одиноко в жалкой маленькой съемной квартирке в северном Берлине. Принцесса служит в конторе адвоката-еврея. Первые признаки общего успокоения и относительной тишины не обманывают ее. Сестра удивляется беженцам, которые возвращаются в Германию. Значительно ослабел эмиграционный поток из Германии. Нет никаких признаков оптимизма в окружающей реальности, говорит она берлинским Френкелям и своим бесшабашным друзьям.

Расизм нацистов волной проникает в страны центральной Европы и на восток. Правительства Литвы, Румынии, Латвии, Венгрии и других государств восточной Европы вытесняют евреев из государственной и экономической жизни. Они нацелены на то, чтобы отобрать имущество и богатства евреев и создать новый класс людей свободных профессий, купцов и чиновников, которые наследуют традиционные должности чужеродного семени, втеревшегося в их исконное логово, — евреев. Германское еврейство стоит перед лицом катастрофы, в то время как ворота европейских государств закрыты перед еврейскими беженцами из Германии.

Лотшин, блондинка, красавица, должна бороться за существование. Благодушие Френкелей, живущих в семейном дворце в Силезии, беспокоит ее. Они предлагают ей оставить дикую атмосферу столицы и жить у них, пока все успокоится. Грубый антисемитизм больших городов относительно умерен в их краях. Ей ясно, что экспроприация роскошного дома — всего лишь, вопрос времени. Но наивные Френкели из Силезии рекомендуют ей положиться на закон и порядок немецкой власти, хладнокровно обождать, пока пронесется буря.

Наоми напугана. Из отчетов израильских посланников и репатриантов из Германии вырисовывается страшная картина, вал террора против евреев только усиливается. Евреев, служащих в германской армии в разных чинах, среди которых есть и высшие офицеры, рисковавших жизнью на фронтах мировой войны, увольняют. Евреи отчуждены от общества и лишены средств существования на основании «еврейского закона». Им запрещено

заходить в общественные места — в кинотеатры, рестораны, места отдыха, общественные бассейны для плавания. «Ничего у меня не осталось, кроме мечты о стране Израиля», — говорит себе Наоми.

Лучи света освещают ее жизнь. Два представителя кибуца Мишмар Аэмек, мужчина и девушка, приехали на учебную ферму, чтобы проинтервьюировать трех воспитанниц движения Ашомер Ацаир. Он — достаточно уродливый мужчина, худой, среднего роста. Нос его оседлан большими тяжелыми очками. Она — красавица. Волосы кудрявые. Глаза полны жизни, кожа смуглая, загорелая. Наоми узнала сразу Иону Бен-Яаков, дочь репатриантов Второй алии, живущих в Тель-Авиве, которая приехала в Германию в начале тридцатых годов изучать психологию, получила первую премию на фестивале песни всех молодежных еврейских движений в 1931 в Берлине. Встреча с представителями кибуца Мишмар Аэмек согрела душу Наоми. Они были потрясены знанием иврита, продемонстрированного Наоми, которую директриса представила, как самую талантливую воспитанницу учебного центра. Наоми почувствовала себя на седьмом небе.

Глава одиннадцатая

— Ой, какое скучное место, этот Мишмар Аэмек! — вырвалось у Наоми.

Они стояли на чердаке местного учебного центра. Инструктор Шик вздрогнул. Еще бы, ведь он — один из основателей кибуца Мишмар Аэмек и Всеизраильского объединения кибуцев. Его глаза мечут молнии, и стекла очков, кажется, вот-вот разлетятся от восклицания этой девушки. Она вонзила эти слова, подобно ножу, воткнутому в жемчужину, его детище, ставшее основой его жизни. Кровью и потом он, и его товарищи платят за расцвет кибуца. А эта смуглая девушка не успокаивается. Стоит с группой молодежи на наблюдательном пункте, господствующем над кибуцем и широко распахнутым в дали долины, и с горечью роняет второй и третий раз слова о скуке этих мест. Всю дорогу из Иерусалима она представляла себе холмы и горы, на которых рядами стоят белые домики. Окна закрывают жалюзи, веранды просторны, двери заперты. Пальмы растут вдоль тропинок, много зелени, кипарисовая роща вздымается вверх. Но что видят ее глаза? Легендарный кибуц, который рисовался ей жемчужиной Издреельской долины, выглядит отталкивающим и жалким.

День дождливый. Наоми охватывает взглядом пространство — от темных тучных облачных масс до болотистой земли — и глаза ее тускнеют. Огромные лужи, большие палаточные шатры, английские деревянные бараки, крыши которых покрыты слоем гудрона. Все это придает кибуцу вид индейского поселения. Ливневые воды заливают поля. Люди в английских военных зеленых шинелях и высоких черных резиновых сапогах, двигаются по лужам и грязи. Силы небесные! Эта военная форма, купленная у британцев по дешевке, придает людям чудовищный вид.

Первая трещина открылась в большой надежде, таившейся в сердце девушки. Поначалу она видела кибуц в розовых красках. Она влилась в группу молодежи из Германии, которая приехала сюда на три дня раньше нее. Она познакомилась с инструкторами и напряжено вслушивалась в постоянный распорядок дня группы: четыре часа учебы, четыре часы работы на полях или в мастерских. По вечерам группа примет участие в общественных и культурных мероприятиях. Инструкторы говорили консолидации внутри группы и предложили помощь в решении ее внутренних проблем. После знакомства парни и девушки собрались в столовой на встречу группы с одним из руководителей Всеизраильского движения кибуцев Ашомер Ацаир Яковом Хазаном.

Она переводила с немецкого на иврит его речь об исторической роли движения Ашомер Ацаир в завоевании пустыни, о тяжелом труде и о трудностях, которые стоят на пути первопроходцев. Хазан описал дискуссии и возражения, которые предшествовали решению о создании ячейки Ашомер Ацаир в учебном центре Мишмар Аэмек. Он отметил, что центр этот, созданный в 1931, предназначен для подготовки к жизни в кибуце в условиях интерната, и вот, ныне, в него влилась группа парней и девушек из Германии в рамках молодежной репатриации. Хазан завершил свою речь словами: «Вы прибыли в теплый дом».

Затем Наоми представила членам кибуц прибывшую группу. Она описала судьбу еврейства Германии с приходом Гитлера к власти. Рассказ ее тронул сердца слушателей. Особое волнение охватило слушателей, когда в душевном порыве, с подкупающей искренностью, Наоми заговорила о давней высокой мечте — жить в кибуце Мишмар Аэмек. О том, как они с товарищами по движению в Берлине построили модель кибуца из картона и спичечных коробок. Члены кибуца одарили ее горячими взглядами, когда она добавила, что твердо стояла на том, чтобы пойти в кибуц, и не подалась уговорам Рахели Янаит Бен-Цви и Зеева Вильнаи поступить учиться в ивритский университет, ибо еще в Берлине укрепилась в своем сердце, что домом ее в стране Израиля будет Мишмар Аэмек.

Но не прошло и часа, как она оказалась в центре скандала. Никто ей не простит несчастное восклицание, облетевшее весь кибуц, о том, насколько Мишмар Аэмек уродлив.

— Буржуазная закваска у нее в крови, — обвиняют ее, — слишком она о себе много думает.

Члены кибуца терпеливо и спокойно стоят в длинной очереди в туалет, и только она жалуется каждое утро:

— Сколько времени надо стоять в очереди, чтобы попасть в уборную!

С кислой миной на лице инструктор Шаик ехидничает:

— Туалет есть в каждом строении Объединенного кибуцного движения. Даже в туалете должно быть единение и сотрудничество.

Наоми морщит нос от этой глупой идеологии, и не отстает:

— Почему для членов кибуца не строят еще туалетов? Почему целый кибуц удовлетворяется одним туалетом с четырьмя кабинками?

Но стоящие в очереди сердятся, бросая в ее сторону гневные взгляды. Авторитет Наоми падает, но от этого язык ее не становится более сдержанным.

— Уродливо, — указывает она белые мешки из-под муки, из

которых пошили занавески на окна и шкафы без дверей, даже если мешки украшают вышивки.

— Уродливо! — произносит она в столовой, указывая на длинные столы, лишенные всяческой эстетики.

Глаза ее сужаются при виде ножей, вилок, ложек и ложечек, сделанных из дешевой жести. Пища, явно недостаточная, в жестяных тарелках, и безвкусный чай в жестяных кружках вызывают у нее отвращение.

Но более всего раздражает, вызывая тошноту, нехороший запах от одежды. Из идеологических соображений, всю неделю члены кибуца носят одну и ту же рубаху, те же штаны, трусы и даже те же носки, хотя вполне достаточно чистой одежды для смены. В холодные дни с сильными порывами ветра, овчинные тулупы, которые привезли женщины из Польши, ужасно пахнут. Почему одежда членов коммуны находится в одном общественном шкафу? Почему ей не разрешают хранить свою чистую одежду у себя в комнате? Почему связывают социалистические принципы с грязной одеждой? Она говорит вслух о своей неприязни, и получает по голове за свою наглость и пренебрежение строительством новой жизни.

— Ты должна быть благодарной, — основатели кибуца ставят ее на место, — не должна забывать, какое благодеяние делают для тебя, сироты, и таких же, как ты, беженцев, потерявших свой дом. Ты обязана быть заодно с коллективом!

Требование общественности, чувствует она, сковывает цепями ее движения. Он хочет быть частью коллектива, влиться в общество, быть в нем деятельной, но оковы культуры отца, и унаследованное от него диалектическое мышление держат ее душу.

Трудно ей мыслить, как все: «не гляди налево, не гляди направо. Только — прямо! Путь наш — единственный!»

Так завершает свои речи девизом главы движения Меира Яари Яков Хазан, архитектор кибуца. И душа Наоми безмолвно откликается: какая ничтожность требуется от человека, чтобы всю жизнь шагать по линии одной единственной мысли, выполнять один единственный долг, вести своих соратников по одному неизменному пути.

Яков Хазан — стройный, симпатичный мужчина, всегда окруженный поклонницами. Его нежное лицо наивного и сердечного ребенка не сочетается с крепкой мужской фигурой. Он учился в хедере, в ивритской средней школе и Политехническом институте до репатриации из Польши. В Польше он был членом высшего руководства движения Ашомер Ацаир. После репатриации, он работал на уборке цитрусов в садах Хадеры. В

долине Бейт-Шеан осушал болота. Вслед за своей возлюбленной Митой Бат-Дори, сестрой Мордехая Бентова, одного из важнейших лидеров движения, присоединился к кибуцу Бет, ставшему затем кибуцем Мишмар Аэмек. Когда в кибуц приехала Берта, он влюбился в нее. Женщины сдружились между собой. Темпераментная Мита предложила Берте жить втроем. Замкнутая Берта не приняла предложение. В конце концов, Хазан избрал спокойную Берту. А Мита, которая в начале двадцатых годов училась в театральной студии в Берлине, вернулась в кибуц, как драматург и режиссер.

Хазан ходил по кибуцу, как принц, ощущая восхищение женщин и мужчин его необычностью, и особенно тем, что он демонстративно носит неизменные бриджи для верховой езды. Наоми считает, что он выглядит весьма комично, ибо кто из ее домашних мог даже подумать, чтобы весь день ходить в верховой одежде? Касаясь его привычек, рассказывают, что его мать, вдова, которая была в Польше повитухой, обычно наряжала своего красивого сынка в одежды польского шляхтича. Даже Меир Яари высмеивает Хазана за его галутский вид.

— Я не люблю Якова Хазана! Весь его образ — сплошной китч, — отреагировала Наоми на слова одноклассницы о том, что она влюблена в Хазана. К несчастью, за ними шел сам Яков и преподаватель учебного центра. Слова ее облетели весь кибуц и еще более укрепили общее мнение, что она — склочное существо. Она окопалась в своей позиции. Самоуверенность Хазана, театральный тон, ощущение, что все не сводят с него глаз, вызывают в ней неприязнь. Зал столовой, где проходят встречи и собрания, пропитан культом его личности. Каждый субботний вечер, когда Хазан подводит итоги событиям прошедшей недели, ритуал повторяется. Женщины кибуца, с вязальными спицами и мотками шерсти, заранее занимают места в первых рядах, дабы насладиться близостью истинного джентльмена. Наоми приходит с книгой, ясно намекая на то, насколько она далека от общей массы.

— Наоми, почему ты такая паразитка? Зачем демонстрируешь, что ты бездельница? Вяжи тоже, когда Хазан говорит!

Она молчит. Увертки, подмигивания, обожание первых рядов отталкивают ее. Как то субботним вечером, одна из женщин кибуца, сидящая рядом с Наоми, сунула ей руки спицы и желтый моток ниток, и сказала голосом воспитательницы:

— Не веди себя, чтобы все считали тебя паразитом. Не ленись! Вяжи, как все женщины.

Против ее духа противоречия восстают все на собраниях

основателей кибуца. Особенно, раздражает ее, когда они начинают разливаться соловьями о советской России, солнце народов, второй родине еврейского народа. Нет и нет! Страна Израиля — единственная родина этого народа. Она не выдерживает патетического тона Хазана, когда тот восхваляет создание кибуца, не более, не менее, как акт Сотворения нового мира и безудержно хвалит дела его тружеников. Как все основатели движения, Хазан, по ее мнению, создает преувеличенную, а вовсе не реальную картину, повторяя чуть ли не как заповедь, что члены движения Ашомер Ацаир, и только они, являются элитой всего поселенческого движения. Хазан даже определяет Ашомер Ацаир, как бриллиант в короне поселенческой деятельности, несущей все культурное богатство ивритского анклава. Все что он говорит — поверхностно, унижает другие кибуцные образования. На субботних экскурсиях молодежной группы по другим кибуцам Издреельской долины, она видит совсем иную картину.

Они едут на старом турецком поезде, по узкоколейке. Это Хиджазская железная дорога, которая соединяет Дамаск с Рабат-Амоном, а затем продолжается до Медины в Саудовской Аравии. Воспитанники ходят из вагона в вагон, туда и обратно, чтобы увильнуть от контролера-араба. Бывает, что этот убогий поезд останавливается, и вся компания выходит в пустыню или рядом с арабским селением. Они соприкасаются с жалкой жизнью арабских сельчан. Мужчина в поле запрягает жену в железный плуг в часы тяжкого зноя. Жена тянет плуг, вгрызающийся в сухую землю, изнывая, как рабочая скотина. Мужчина держит лемех плуга, оставляющий борозды. Труд этот нелегок, но основная его тяжесть падает на женщину, вспахивающую поле.

Если им повезет, они встречаются с такой же молодежной группой из кибуца Эйн-Харод или Тель-Йосеф. Обычно последняя остановка — кибуц Бейт-А-Шита. Отсюда они спускаются на юг — утолить голод субботней трапезой в религиозном кибуце Тират-Цви. Тут и чолнт, и фаршированная рыба — гефилте фиш, — и вкуснейшие молочные продукты. Именно, благодаря этим экскурсиям она сделала вывод, что у каждого кибуца свои положительные черты, и нечего кибуцу Ашомер Ацаир считать себя лучше всех.

И снова Хазан произносит патетическую речь. О каком социалистическом обществе равных возможностей он говорит. Он что, не видит, или делает вид, что не видит — в кибуце Мишмар Аэмек есть привилегированные и менее привилегированные члены. Точнее, следует сказать, что верблюд не видит своего горба. Не может быть, что Хазан слеп и не замечает подхалимаж

вокруг него. Неоспоримый лидер ходит франтом, выпячивая свое мужское превосходство. Жена его Берта и дочь Рути, красуясь, фланируют по тропинкам кибуца, и по глазам всех ясно, какое будущее ожидает эту девушку. Кибуц заслушивается рассказами Хазана о его поездках по стране и за ее пределами.

Наоми размышляет о путях мира. Тот, у кого есть глаза, видит, что идеология даже не пытается играть в равенство. Плохо будет тому, кто осмелится сесть в столовой на места основателей кибуца — Бентова, Хазана, Йодкеса, Шика, Кубы Савака и их товарищей. И вообще, кто кроме горстки этих избранных, пользуется ее шелковым постельным бельем: двенадцатью простынями, двенадцатью пододеяльниками, двенадцатью наволочками, пуховым одеялом и подушками. А ее дорогие платья, которые она передала коммуне, носят жены важных персон кибуца, как, например, Ципора, жена Метека Бентова. Метек отвечает за внешние связи с левым лагерем Англии, Польши и даже Америки от имени МАПАМ — Объединенной рабочей партии — и Ципора на правах жены сопровождает его в Европу и Америку.

От всего сердца Наоми передала свои вещи, но лишь оставила себе белые модные рубахи, которые Лотшин недавно ей прислала. И вот, уже пошли разговоры:

— Ты щеголиха. У тебя две рубахи с длинными рукавами, в то время как у некоторых девушек вообще нет рубах с длинными рукавами.

Одна из членов кибуца сунула ей дешевую одежду из грубой ткани, которую носят женщины в кибуце. Он смолчала. Так это у нее. Когда ее оскорбляют, она не умеет повышать голос и кричать, как остальные. И все же, рубахи, присланные Лотшин, она свято хранит в шкафу, у себя в комнате. Она не может понять, почему социалисты, борющиеся за воплощение великих идей, так враждебны ярким одеждам? Почему заставляют носить бесформенные платья цвета хаки?

Идеологическая фальшь окружающих дает ей свободу действий. Теперь она может вести себя по законам собственного сердца. Она свободна судить сама себя. В отличие от кибуцников, которые не стремятся каяться в собственных грехах.

Известно, что мужчины подглядывают в щели дощатых стенок душевых за купающимися женщинами, а затем, в столовой, детально описывают друг другу их наготу — начиная с толстой Аснат до самой тощей. Если бы не настойчивость более пожилых женщин, не поставили бы перегородку, частично разделяющую душевую. Однако принцип совместного купания полов остается для детей и подростков.

Все это чуждо Наоми. Взять вечно насвистывающую, лишенную всякой сдержанности, Шейндл. С оглушительным свистом пересекает она столовую, чтоб привлечь внимание Моше Фурманского. Ей плевать на то, что ее фальшивый свист раздражает окружающих. Ладно, когда речь идет о культуре, которую принесли с собой товарищи из маленьких польских местечек. Но даже выходцы из культурных центров не следят за своим поведением. Небрежно и грубо едят, громко разговаривают, унижают один другого. Что бы сказал ее отец, видя ее, свою дочь, сидящую за одним столом с людьми, обсуждающими импотенцию крестьянина-араба из села Абу-Шоша.

— Удалось или не удалось ему ночью? — обсуждает с шуточками компания своего соседа-араба.

Или киббуцницу, у которой загулял муж.

— Что ты сделал мне, кошачье отродье? — Мужчины передразнивают несчастную, которая вышла глубокой ночью из семейного шатра искать изменяющего ей супруга.

Разрядка низменных страстей, поверхностные случайные связи, дешевое отношение к чувствам себе подобного. Где здесь возвышенная любовь, описываемая в мировой литературе?! Мужчина и женщина живут без оформления брака. Говорят выспренними словами о чистоте сексуальных отношений, но изменяют друг другу. Им ничего не стоит переспать с женой друга или с мужем подруги. Любовь в кибуце умерла.

Шофар остановил ее в хозяйственном дворе:

— Наоми, пойдешь со мной. Научу тебя многим вещам, чтобы ты смогла привлечь мужчину.

Он сидел верхом на коне, с винтовкой на плече, этакий бесстрашный образ героя из охраны кибуца, принадлежащей к подразделению «Шомер» (Страж). Шофар — «мухтар», староста кибуца, крутится в окрестных и дальних селах, налаживая дружеские связи между евреями и арабами. Вклад его в общественную безопасность весьма важен, только он уж очень груб, не джентльмен.

— Я по дороге в коровник, — лениво, с явным невниманием к его словам, обронила она.

— Ладно, ладно! Найду какую-нибудь умнее тебя. Но знай, ты на очереди, — он дернул за поводья и ускакал.

Дни бегут, и прекрасные мечты удаляются. В кибуце материальная сторона составляет содержание жизни товарищей. Голод становится духовной проблемой. Дежурная на кухне опрокинула ей на голову тарелку с едой после того, как Наоми поймала ее у открытого холодильника впихивающей в рот ложку

сметаны. Дежурные на кухне распустили о ней слух, что она не только обжора, но и паразитка, и неряха. Нечего отрицать, есть что-то в этом. Она погружается в раздумья. Стакан выскальзывает из ее рук и разбивается. Она крутит стакан, сосредоточившись на его гранях. Внезапно слышит крики: «почему ты каждый раз разбиваешь стаканы?!» Во время дежурства на кухне она вытирает и вытирает кастрюли, тарелки, стаканы, вилки и ложки, и раздумья уносят ее в дали, известные лишь ей одной.

— Наоми, ты ленишься, — кричит на нее ответственная за мойку посуды, — ты грязная, ты не работаешь так, как надо!

Откуда та знает, что грязная посуда — дело ее рук, а не еще трех дежурных? Шум сопровождает мытье кастрюль и тарелок в гигантских мойках, но крик относится лишь к ней:

— Наоми, ты грязная.

Эта присказка дежурной, следящей за работой, и трех остальных дежурных преследует ее и при стирке.

— Ты работаешь грязно. Остались все пятна. Стирай, как следует!

Рубашки, штаны, трусы, майки летят к ней. Две прачки требуют от нее перестирать их.

— Но ведь я их не стирала, — бормочет она, — ни эту одежду и ни эту.

Но стоит ей лишь раскрыть рот, как обрушивается на нее фонтан криков.

— Своими глазами мы видели, что ты стирала эти вещи!

Они обвиняют ее не только в том, что она не работает чисто, не дисциплинирована, и не считается с остальными, но еще и лжет. Она лишена дома, и некуда ей бежать.

Первым делом, руки! Девиз Второй и Третьей алии обрушивается на нее. Руки у нее обе — левые, говорят все, она не умеет работать, не умеет стирать, мыть посуду, отмывать унитазы и рукомойники Она говорит себе: «каждый считает для себя честью — ущемить меня! Все, что я делаю, — плохо. В глазах общественности все у меня из рук вон плохо. Когда я говорю, все считают мои речи странными, сердятся, а порой удивленно поднимают брови и вообще не обращают внимания на мои слова.

Когда я молчу, говорят, что я гордячка и антиобщественный элемент. Из-за моей непохожести на окружающих я превратилась в боксерскую грушу для избиения, вся их удрученность жизнью обрушивается на меня».

Разочарование собой и окружением стало ее болезнью. Отвращение вызывал у нее расхваливаемый образ сабры — уроженца страны, колючего, как плод кактуса — цабар, сабра. А, по сути, сабру отличала отсутствие культуры и разнузданность,

выражающая, по их мнению, безграничную свободу. А ведь среди кибуцников немало людей воспитанных, стремящихся придерживаться культуры, которую они привезли с собой из диаспоры, противопоставить ее вульгарности в поведении и речи. Пример распущенности показал один воспитанник: на глазах у всех он спустил штаны и помочился в собственную панаму из грубой ткани. Компания юнцов хохотала, и особенно сам «герой», этакий факир на час. Ночью Наоми записала в дневнике: «Я так соскучилась по стране Израиля. Но сейчас я хочу вернуться в Германию с первым кораблем». Наутро она устыдилась этих строк, выражавших минутную слабость, и вырвала лист.

Она идет от неудачи к неудаче. Она считает, что в глазах большинства воспитанников, которые росли в простых домах и в другой культуре, она, со своими правилами поведения и предпочтениями, воспринимается, как чужая. Как и на учебной ферме, так и в кибуце ее товарищи решили организовать коммуну. Она только пожала плечами. Ни за какие коврижки она не согласилась на требование группы внести в общую кассу десять марок, карманные деньги, посылаемые ей каждый месяц Лотшин. Деньги эти предназначены на покупку книг, словарей, блокнотов — в общем, на приобретение духовной пищи. Наоми в оппозиции, объявила группа, и она была отброшена в сторону. Кровь ее, как индивидуалистки, разрешена к пролитию. По ночам устраивают ей веселую жизнь. С громким хохотом врываются к ней в постель. Клубок подкатывается к горлу, душит ее. Каким бы ни было ее положение, только внутренние законы ее души определяют границы ее поведения, а никакой общественный диктат. Разве может даже прийти мысль — отказаться от самопишущей ручки, спрятанной под соломенный матрац. Эта память о покойном отце не уйдет в коммуну. Она отказалась от личных часов, ибо имеет право их носить лишь тот, кому часы необходимы для работы. Она верна себе, и ей все равно, если будут сердиться, что она не освободилась от буржуазных привычек.

Не дает ей покоя тоска по Иерусалиму. Переход с учебной фермы для девушек в кибуц Мишмар Аэмек, все равно, как переход из дворца в лачугу. Хотя по требованию руководства молодежного движения парни и девушки поселены в одном большом длинном здании, но в комнатах нет электричества. Все пользуются керосиновыми лампами, матрацы сами воспитанники набивают соломой, и они неудобны. Парни и девушки живут вместе, на основании принципа равенства между полами.

В отличие от учебной фермы, кибуц организован отлично, за исключением беспорядка в документах. Регистратор считает, что

даты и личные данные вообще не касаются текущей жизни, путает их. Так он записал имя матери Наоми не Марта, а Двора, иногда — Малка. Тоскует она по Иерусалиму. Ей не хватает бесед с Рахель Янаит Бен-Цви. Сионистского пафоса этой женщины, словно выкованной из стали поддерживает Наоми. Она приказывает себе: «крепись! Во имя высокой цели ты обязана завоевать страну Израиля. Нельзя отчаиваться!»

Ее укрепляют прекрасные мечты о чудных израильских первопроходцах, пионерах, воплощавших мечты в реальность. Во всех отделениях кибуца она наблюдает за тружениками, не гнушающимися и не гнущимися под каторжной работой в жесточайший зной или холод. Они творят с сухой землей чудеса, в которые просто трудно поверить.

«Крепись!» — обращается она к чувству собственной вины, порожденной душевной слабостью. Во имя родины, она, в жилах которой течет еврейская кровь, сделает все, чтобы не быть нахлебницей. Требует от себя с честью нести тяжкие душевные страдания.

В кибуце есть у нее еще одна миссия. Тут, с четырнадцати лет молодежь учиться себя защищать. Парни и девушки упражняются в искусстве самозащиты — в стрельбе, в охране бетонированных позиций. В кибуце учат не испытывать страха, суметь выстоять в самых тяжелых условиях. Если в Иерусалиме арабы вселяли в нее страх и ужас, то в кибуце чувствуется, что евреи не беспомощны, умеют себя защищать. Живут и трудятся в самом сердце долины, в окружении моря арабских сел — Абу-Шоша, Рихания, Ум Э-Зейнат, Абу-Зарик и других. И только кибуц способен воплотить мечту о заселении пустынной страны Израиля.

Все ее усилия впустую. Она чужда себе и чужда обществу. Лотшин пишет ей, что она всегда была необычной девочкой, а у таких людей судьба в обществе нелегка. Добрая душа рекомендует ей найти хотя бы одного настоящего друга. И вправду, в общественной пустыне есть у нее друг. Эзра тоже выделяется из общей массы. Он учится в образовательном центре, а не в классе молодежного движения, где нет разделения между учениками из кибуца и учениками, не принадлежащими кибуцу.

Эзра и Наоми встречаются во дворе и ведут беседы о мировых событиях. Когда Наоми критикуют за странность, Эзра, настоящий добрый друг, только посмеивается и говорит, что она слишком умна, чтобы ее поняли. Эзра — самый преуспевающий в компании, интеллигентный и очень музыкальный. Он играет на фортепьяно и хороший спортсмен. Эзра не только ведет себя с ней почтительно, но и угощает ее конфетами в бонбоньерках, пирожными и вафлями, которые ему покупает в городе отец Цви

Зоар.

Она думает, что жизнь Эзры столь же сложна, как и ее жизнь, поэтому он так чувствителен к ее одиночеству. Эзра стер из памяти свою биологическую мать, австрийскую христианку, которая, с приходом Гитлера к власти, оставила сына и стала пламенной нацистской. Он очень близок с отцом, но не с мачехой. Красивая женщина, она щеголяет в нарядах, покупаемых в Тель-Авиве, и потому в окружении ее считают снобкой.

Эзра сблизился с Наоми, покоренный ее умом и высокой культурой, тогда, как среди молодежного движения ее интеллектуальные таланты не играют никакой роли. По характеру, она молчальница. Рот открывает лишь тогда, когда важные вопросы заставляют ее говорить. Именно, потому она всегда обнаруживает себя тонущей в луже смущения и смятения. Часто воспитатели оставляют без внимания ее замечания, не прислушиваются к ее требованиям, главным образом, из-за образа ее мышления. Вот, к примеру, инструктор Шаик, из семьи хасидов, который оставил веру и превратился в ярого противника любого религиозного акта, схлестывается с ней каждый раз, когда она выступает против его мнения, принимаемого большинством. «Страна Израиля пустыня и пустошь. Именно, потому она является идеальным местом для построения социалистического общества. Проблема не в арабах. Арабские крестьяне — феллахи, эксплуатируемые владельцами земель — эфенди, встретят еврейские сионистские поселения с распростертыми объятиями. Они осознают, что новое ивритское общество освободит их из пропасти угнетения».

Нет и нет! Только осознание своего еврейства привело первопроходцев в страну Израиля, а вовсе не пророчества социализма. Более того, она хочет знать, почему нацисты преследовали ее за еврейство. И это вовсе не теоретическая, а реальная проблема. Пока она не получит ответа на этот пылающий в душе вопрос: что такое еврейство, иудаизм и что означает быть евреем, не будет ей покоя и родного дома. Девушка живет без духовного и душевного дома. В отличие от нее, еврейство воспитателей естественно от рождения. Основы еврейского существования они получили с раннего детства, но из-за идеологических установок они не передают следующим поколениям основы иудаизма. Положение ее сложно, запутано. На уроках отвергают диаспору и культуру еврейского местечка, и она не получает ответа, объясняющего сложность ее национального существования. Движение Ашомер Ацаир отвергает заповедь: «Почитай отца твоего и мать» — провозглашая «бунт сына». Воспитанники декламируют стихи

Шимони о восстании против отцов.

В кибуце начисто отвергают религию. Отрицают Бога. В еврейском Священном Писании, адаптированном и «улучшенном» неким Сегалом в качестве учебника, Сотворение мира начинается стихом: «В начале созданы были небо и земля». Куда уже дальше. Инструкторы повели класс в бедуинский шатер. Шаик указал на человека, одетого в длинную хламиду, с чалмой на голове, и сказал:

— Вот наш праотец Авраам. Так он выглядел. Воспитанники внимательно слушали, а в ней все восстало. Праотец Авраам виделся ей в святом духовном величии, а не в комичном облике старого запыленного бедуина, небрежно одетого, с лицом, лишенным всякого выражения. И она разочарованно сказала:

— Не может быть, что каждый бедуин представляет праотца Авраама на земле.

Знания об иудаизме, полученные ею в отчем ассимилированном доме, ничтожно малы. Именно, поэтому она так стремиться узнать как можно больше об основах еврейской религии. Но в кибуце, как и в Германии, ее окружают евреи, которые не хотят быть евреями. При изучении литературы Просвещения подчеркивают отрицательное отношение к диаспоре и идишистской культуре. На уроке еврейской истории учительница сказал о галутских евреях: «Нет у меня выхода. Придется преподавать вам историю жидов» Она коснулась этого весьма поверхностно, и почти тотчас же перешла к истории еврейского поселенческого анклава в стране Израиля. На праздник Песах, вместо Агады, читали стихи израильских поэтов и отрывки из сочинений Маркса. Ну, и добавили, что Исход из Египта евреев — это исход из рабства на свободу и, в связи с этим, хором спели «Интернационал».

Воспитатели намеренно не касаются еврейской стороны мировой истории. Более того, когда упоминается семья Маркса, известная всем, как семья раввинов из Трира, основатели кибуца ни единым словом не упоминают историю еврейского народа. Оказывается, в Трир римлянами были высланы еврейские рабы!

Мысли о Марксе наводят ее на воспоминания об отце. Он говорил, что Маркс — один из великих диалектиков и теоретиков, испытал влияние немецкой философии. Отец восхищался философскими определениями Маркса и его блестящим анализом Французской революции. Но Маркса-политика, написавшего вместе с Энгельсом явно анти-философский «Коммунистический манифест», решительно отрицал. Он говорил гостям за обедом: «Следует произвести объективизацию разных ситуаций».

Рахель Янаит гордилась сложностью и многозначностью еврейской мысли. В Иерусалиме Наоми впервые услышала выражение из Талмуда: «Семьдесят ликов у Торы». Как же эти отцы-основатели, социалисты-сионисты, которые с малых лет штудировали Гемару в хасидских дворах Польши и росли на диалектическом мышлении, сами сужают его рамки. Праотцы лидеров сионистского движения педантично изучали каждую букву и каждое выражение в священных книгах еще и еще раз, пока не приходили к окончательному выводу. Целые цепи поколений, выросших на диалектическом мышлении, растворены в их крови. В любое место, куда скитания приводили евреев, они приносили с собой традиции диалектического мышления. Почему же идеологи социализма отвергают и предают свои естественные наклонности. С завистью она прислушивается к богатому языку парней, которые сменили свое глубоко религиозное мировоззрение на мировоззрение марксистское. Они освободились от религии, но не от богатства ее языка, приобретенного в диаспоре. Талмудистские и хасидские крылатые выражения на арамейском и древнееврейском языках естественно звучат из их уст. И это — при обсуждении мировоззрений, при дискуссиях о том, что необходимо и что желательно для общества.

Меир Яари, глава движения, с обожанием говорит о глубоко религиозном доме, в котором он рос, и тут же добавляет:

— Но в наши дни глубоко религиозное еврейство принадлежит прошлому, следует создать новый мир.

И глаза его смотрят вдаль, в сторону коммунистической России. Руководство ставит во главу угла классовую борьбу, и хотя они видят себя марксистами, чувства говорят, что иудаизм — нечто более великое, чем его представляет социалистический сионизм, нечто непознаваемое и возвышенное.

В классе она зевает от скуки, слушая на уроках исторического материализма о развитии общественных классов в Европе, всемирной борьбе пролетариата против капитализма во имя уничтожения классового неравенства, об отрицании идеализма и существования таких инстанций, как душа и прочих, придуманных человеком, призраках и привидевшихся ему привидениях.

Она молчит, лишь нервно ломает пальцы. Беспрерывно повторяемая фраза подобна очищенной от всего живого, оголенной мантре: «Материя — единственная реальность!» И это топтание на одних и тех же идеях и мнениях сталкивается с ее характером, ее естеством, вызывая в ней сильнейшее сопротивление. Она все нетерпимее относится к обожествлению

Маркса — существа во плоти и крови.

Шаик цитировал Маркса: «То, что сегодня считается отрицательным, — завтра будет считаться положительным, послезавтра снова отрицательным. Все построено на экономической основе! Когда эти основы меняются, естественно меняются ценности».

— Так объясните мне, — обратилась она к нему с вопросом, — как это иудаизм существует уже две тысячи лет, и ценности Торы не зависят от какого-то экономического положения?

— Какие глупости ты говоришь! — искры гнева сверкнули из его глаз. — Мир движется к прогрессу, а ты смотришь назад — в сторону старого иудаизма.

— В любой час, в любом месте, где живут евреи, они хранят свои фундаментальные ценности, — язык ее пылал, как головешка, повторяя то, что она учила у раввина в Берлине.

— Не мешай нам — у Шика не хватает терпения, чтобы слушать эту примитивную болтовню. — Маркс сказал, что религия — опиум для народа, а Ницше провозгласил, что Бог умер.

Шаик, выросший в семье хасидов, отринувший веру, хочет просветить девушку из буржуазного класса, доказав ей, что религия — камень преткновения на пути развития человечества.

— Но…

— Ты мешаешь всем! — льстиво поддержала инструктора смазливая Рени.

— Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма, — продолжил Шик, читая начало «Коммунистического Манифеста» Маркса и Энгельса, и весь класс напрягся.

«И земля была безводна, и тьма над поверхностью бездны», — звуковая ассоциация с первой строкой Сотворения мира прозвенела в ее ушах. Инструктор прочитал десять принципов Маркса и Энгельса, которые надо осуществить для реализации диктатуры пролетариата, а в ушах ее прозвучали Десять заповедей Торы — «делай и не делай» — что можно, и что запрещено. Это ее потрясло: неужели Маркс воспламенил мир жизненным мировоззрением, копируя краткий и непререкаемый стиль Десяти заповедей. Слушая объяснение идеи освобождения мирового пролетариата, она уловила в ней ритм стиха из еврейского Священного Писания.

— Если получит свободу рабочий класс — освободится весь мир, — почти выпевал Шаик.

И в этом распеве слышался голос берлинского раввина Хаймовича декламирующего:

— Если получит свободу народ Израиля — освободится весь мир.

— Все здесь — фальшь! Вся терминология иудейская! — не сдержавшись, сказала она вслух.

— Ты поверхностна! Ты плаваешь мелко! Эта удивительная формулировка целиком принадлежит Марксу! Ты в нем ничего не понимаешь! — громоздкие очки дрожали на носу Шаика.

— Ты мешаешь всем! — Рени послала в ее сторону открыто враждебный взгляд.

— Ты мешаешь, — из-за ее спины раздался зевающий голос одного из воспитанников.

Обычно дремлющий класс неожиданно проснулся, и над всей сумятицей голосов громче всех слышался укоряющий Наоми голос Рени.

Почему она против нее? Она приехала в страну Израиля сиротой. Она одинока. У нее сильнейшая потребность стать частью коллектива. Рени видит, что она переживает нелегкий период акклиматизации в обществе. Но Рени не хочет, чтобы у Наоми был авторитет в обществе, ее устами говорит зависть.

Она не может простить Наоми их роскошный дом, всегда шумящий молодыми голосами. Рени же росла в тяжелой семье. Мать ее была госпитализирована в санаторий в связи с нервным срывом. Рени насмехается над Наоми, унижает ее. На ее поведение влияет отношение всей молодежной группы к Наоми.

Куда же бежать от обвинений.

— Я не согласна, — говорит она, и тотчас на нее обрушивается град упреков.

— Это неверно, — бормочет она, — Это неверно! — взрывается она, — Это не имеет отношения к диалектике! — скрежещет зубами.

— Марксизм основан на диалектическом мышлении, — лицо инструктора враждебно настроено против обрывков стихов или неотчетливых идей, которыми она оперирует, исходя из своих ощущений.

Она не может отчетливо и четко объяснить причины своего отрицание изучаемого ими материала.

— Ты умная, но поверхностная, мелко плаваешь. Не понимаешь марксизма и потому говоришь глупости, — инструктор Шаик осыпает ее обвинениями, говорит о ее дерзости, о желании спорить с преподавателями, о том, что такое диалектика.

Учителя сердятся, слушая ее возражения, но она от них не отступает. Говорит себе, что она понимает главные принципы теории Маркса, и надеется, что и другие поймут, что его теория

касается ограниченного мира. Марксизм отменяет все мировоззрения, говорят они ей. Отныне существует один единственный подход — марксистский, теория Маркса вечна, ибо в ней нельзя найти ни одной ошибки. Еще не родился гений, подобный Марксу.

— Ты не знаешь и не понимаешь, — повторяют они, как заклинание.

— Может быть, вы и правы, но какова антитеза Марксу? Что говорят его оппоненты?

— Маркс — философ такой огромной величины, что всякое иное мнение не стоит ни гроша.

Ее сомнения в отношении Маркса мгновенно вызывают у них сопротивление.

— Почему не изучают Гёте? Он был тоже великим мыслителем.

— Эра Гёте прошла. Не подходит новому миру! — нервно отвечают ей, злясь, что она не понимает то, что само собой понятно.

— Этот марксизм меня уже забодал, — обронила она и снова получила по голове:

— Ты поверхностна!

Она же про себя отвечала: «Эти первопроходцы сами себя ограничивают! Однозначно мыслящая идеология — антитеза диалектике и противоречит любой форме мышления».

Шаик, подобно ведущим воспитателям Всеизраильского кибуцного движения, пользуется современными методами обучения в анализе процессов — духовных, государственных, общественных, экономических, происходивших до появления марксизма.

Как пример, берется связь Жан-Жака Руссо с Французской революцией, приведшей к падению королевской власти сто двадцать лет назад.

— В основе Французской революции заложено мировоззрение Руссо. — Шаик помахивает книгой Руссо «Общественный договор» — Новая эра сошла в мир лишь с Французской революцией, — повышает голос Шаик, объясняя, что, по Руссо, народ является гегемоном, и если власть покушается на его главенство, право народа эту власть свергнуть.

— В чем смысл свободы, по Руссо? — Шаик явно возбужден.

Но класс погружен в дремоту, лишь глаза Наоми широко раскрыты. Шаик направляет многозначительный взгляд на нее, объясняя, что индивид соединяет свою личную волю с волей коллектива, и связывает марксизм с идеей передачи личного «я», личной свободы — коллективу, ибо воля их совпадает. Она же

говорит себе, что нельзя ей жить в своем ограниченном «я», а служить высшей цели, особенно, когда в Европе преследуют евреев, и страна Израиля принимает беженцев. Коллектив строит эту страну, изгоняет пустыню, стремится создать новое общество, основанное на проверенных тысячелетиями ценностях. Шаик сползает с теории Руссо об уничтожении национального начала к освобождению пролетариата от ярма капитализма и прославлению гениальности Маркса. Для Наоми же приход Мессии в марксистском одеянии лишен всякого пророчества. Для нее марксистская теория является плодом духовного мира иудаизма. Это ее внутреннее неоспоримое убеждение, Высказанное вслух, оно толкуется вкривь и вкось. Поэтому она лишь читает запоем книги, но почти не открывает рта, чтобы никого не сердить. Книги спасают ее, но когда душевная тяжесть становится невыносимой, она убегает с территории кибуца в какое-нибудь укромное место.

Эта двойная жизнь в марксистской среде рождает в ней ненависть к самой себе и чувство неполноценности. Она высмеивает себя и ругает за то, что не может быть заодно со всеми, и вместе с ними плыть по течению. О ней говорят, что она самая умная в классе, но ум ее входит в противоречие с мировоззрением преподавателей. Особенно трудно ей выдерживать нападки Шаика, когда он впадает в ярость. Он, конечно, человек культурный, но любое поползновение против Маркса выводит его из себя.

Отношение ее к нему, к его знанию страны, отношению к природе и Священному писанию — двойственно. С одной стороны, он диктатор, набравшийся обширных знаний, с другой стороны, все у него начинается и кончается марксизмом.

— Только из-за добавок и приправ?! Я не верю в то, что из-за перченого или соленого массы выйдут на борьбу, из домов на улицы, — черные ее глаза расширяются, — не может быть, что крестоносцы шли в долгие и тяжелые крестовые походы из-за приправ! Должна была быть какая-то огромная духовная сила, которая подняла и повела их, а не только экономические причины.

— Что за глупости ты говоришь? Мыслишь ты слишком мелко. Что значит, была какая-то сила! Ты вероотступница! Марксизм объясняет всё. В чем гениальность Маркса? Всему он нашел верное объяснение.

Она стоит на своем. Главным был духовный мотив, подвигнувший крестоносцев на походы в страну Израиля, а вовсе не материальный. Она просто не в силах преодолеть свое непризнание марксизма. Она спорит с самой собой, выступает

против себя, оправдывает себя, и, в конце концов, приходит к выводу: Маркс ошибается. Не может быть, чтобы пищевые приправы были причиной крестовых походов, и, так же, не Иисус Христос.

— Нацисты забрали всё у моей семьи. Целое колено моей обширной семьи, экономически мощной, было разрушено в считанные месяцы. Я не приехала в страну Израиля из-за катастрофы! Я не выбрала страну Израиля из-за антисемитизма в Германии. Если бы сказали мне, что берут меня в Америку, я бы туда не поехала. Я предпочла бы умереть в Германии! В тот день, когда я открыла для себя, что у меня есть страна и есть язык, я воистину обрадовалась и решила приехать сюда.

В памяти мешаются какие-то обрывки из книги Теодора Герцля «Еврейское государство», и решительные слова отрицания слетают с ее языка:

— Даже ассимилированный Герцль понял, что невозможно привезти евреев в страну Израиля, только чтобы они обрели убежище для спасения жизни. В Израиле должно возникнуть Еврейское государство, а не место их спасения.

По мнению же Шаика, она должна получить образование. Даже подумать нельзя о том, чтобы ее связь с еврейством диаспоры смешалась с таким святым делом, как марксизм. Он обучает марксизму через отрицание мировоззрения Дюринга. Она молчит, пока слова сами собой не вырываются из ее рта, уязвляя Шаика до глубины души.

— Черт подери, как можно быть членом движения Ашомер Ацаир без понимания марксизма, воспринимать его так поверхностно и мелко?!

Пот выступает у него на висках. Шик, большой специалист по марксизму в кибуце, вдохновенно читает из немецкого оригинала фрагменты диспута Энгельса и Дюринга из книги Энгельса «Анти-Дюринг», и она осмеливается ворваться в его объяснения.

— Но он этого не пишет. Он писал нечто абсолютно иное.

— Ты не понимаешь. Ты сочиняешь глупости. Ты все искажаешь!

Класс все больше занимает против нее враждебную позицию. Даже Куба с ней не находит общего языка. Он читает классу сочиненный им рассказ для детей. Глаза ее широко раскрываются от волнения, губы сжаты. Куба пожаловался Шаику, своему закадычному другу еще с Варшавы.

— Что с этой девушкой? Она строит мне глазки, как влюбленная девица. Я просто не могу выдержать ее взгляды.

Шаик вышел из себя.

— Прекрати ласкать его взглядом, словно у тебя к нему

большая любовь. Это его смущает. У него — жена.

После лекции профессора на тему Торы, Пророков и Писаний — ТАНАХа, Шик просто потерял внутреннее равновесие:

— Как можно, не мигая, часами не отрывать взгляда от человека! — сказал он ей, считая это дешевым флиртом.

Ни Шаик, ни Куба не могут понять, что Наоми возбуждает то, что связано с интеллектом и духовностью, а не сам человек.

Она чувствует себя избитой, ее считают сумасшедшей. Всех высмеивает, не щадя и преподавателей.

Она не согласна с тем, что Ницше цитируют и толкуют в духе марксизма. Она указывает на ошибочность такого толкования.

Инструкторы гневаются на нее, они ощущают ее скрытое пренебрежение к их знаниям и образованию.

— Я могу раскрыть книгу, — говорит она, — и показать, что я права. Ницше так не говорил.

Шаик мечтает направить ее на правильный путь. Но она все время раздражает его, ибо вообще отвергает его объяснения книги одного из двух апостолов марксизма Фридриха Энгельса, считая их слишком упрощенными. И, вообще, по ее мнению, взгляды Энгельса сужают видение мира. Отсюда — явный намек на то, что Шаик и его коллеги-марксисты, естественно, сужают еще более этот мир, под влиянием своего духовного отца.

— Ты слишком глупа, чтобы понять эту гениальную книгу!

Шаик устанавливает для нее дополнительное занятие вдвоем, после уроков, в саду, под деревом, с учебником. Согласно девизу членов молодежного движения: «Как хорошо и приятно братьям сидеть вместе», Шаик обнимает ее за плечи, говорит о Дюринге и «Анти-Дюринге» Энгельса, а рука его скользит по ее спине.

— Все идеологии лгут, — повторяет она про себя и отодвигает свою ногу от его ноги. — Я была свидетелем поражения социалистического движения. Своими глазами видела коммунистов и нацистов, шагающих в едином строю в массовой демонстрации поддержки забастовки транспорта.

Не может она солидаризироваться с преклонением перед Россией, коммунизмом, социализмом, только не может самой себе ясно объяснить, в чем причина.

— Если ты ко мне приблизишься, — почти кричит Шаик, — а не будешь отодвигаться, ты лучше поймешь мои объяснения.

Она вскочила и убежала из сада. Шаик не успокоился. Войдя в класс, он набросился на нее:

— Ты почему не приходишь на встречи, которые я тебе назначаю?!

Она ценит его обширную эрудицию, но его буйное мышление сталкивается с идеями, которые, по ее мнению, совсем по-иному

объясняются — с той же марксистской точки зрения. Он толкует их, исходя их формы, она же восстает против этого, исходя из их содержания.

Как индивидуалистка, которая воспитывалась в аполитичном доме, она борется интеллектуально с самой собой, чтобы стать марксисткой, как все, понять суть социализма и коммунизма и, как все, хвалить советскую Россию. Она хочет принести в жертву коллективу личные ее нужды и не забывать, что ей дано великое право — быть марксисткой.

— Это не по Марксу, — отвергают ее вопросы, — Ты упряма. — Придумываешь какие-то вещи. — Ты умна, но поверхностна — Ты не умеешь диалектически мыслить.

Она считает, что вопросы ее верны и справедливы, но насмешки заставляют ее помалкивать. Молчание же ее вызывает в них желание заставить ее задавать вопросы. И так возникает заколдованный круг.

Да и вообще, сколько можно говорить о марксизме, историческом и диалектическом материализме, марксизме-ленинизме? Мысли ее удаляются куда-то. Что-то неладное в мировоззрении первопроходцев движения Ашомер Ацаир. С одной стороны, нацисты стремятся уничтожить еврейство, с другой стороны, здесь, в стране Израиля, инструкторы относятся с уничижением к еврейству диаспоры.

Иудаизм — загадка, не дающая ей покоя. Быть может, отец знал секрет иудаизма и скрывал его от нее. Что есть такого в иудаизме, от чего израильские первопроходцы-социалисты бегут, как от огня. Инструкторы топчутся на месте, повторяя без конца: мы пришли в пустынную страну и принесли в нее власть социализма. Она пытается обрести национальную и свою собственную идентичность, а инструкторы с восторгом говорят о космополитическом образе жизни, и на уроках промывают мозги учеников единственной теорией, построенной на экономической основе! И все время тычат ей в нос «диалектикой», которую превратили в политическое понятие, а ее уносят мысли в отчий аполитический дом.

«В любой действительности теза и антитеза обретаются рядом. Человеку трудно определить синтез из этих двух противоречивых основ. Следует провести объективизацию явлений, событий и положений, на которые натыкаешься в жизни, — говорил отец, — человек отстает от действительности».

Отец жил в своем внутреннем мире, отдаленно от детей, но во время трапезы сидел во главе стола, толковал и углублял жизненные принципы сыновьям и дочерям. Он много уделял внимания духовным закономерностям мира с точки зрения

диалектики. Когда в доме появилась Люба с речами о борьбе пролетариата, отец привел в пример сочинении Гейне «Путешествие по стране» (Die Harzreise). В нем, говоря об общественных прослойках Германии, главным образом, о пролетариях. Гейне ругал и срамил страну и ее вождей, особенно Вильгельма Первого. Из-за этой острой критики Гейне вынужден был эмигрировать во Францию. В связи с этим, отец упомянул Фердинанда Лассаля, левого политика, известного своей борьбой с Бисмарком, и сказал об обоих, что их не интересовало диалектическое мышление. В противовес им, он отметил двух диалектиков — Гегеля и Маркса.

Эти объяснения отца глубоко врезались ей в память: Маркс обрел у Гегеля понимание, что данная нам реальность диалектична. Но молодой Маркс, став мастером диалектики, не пошел по следам Гегеля, аполитичного философа-идеалиста, который дал толкование действительности, но не собирался изменить мир. В противовес своему учителю, Маркс пытался углубить корни диалектики, приспособив ее к политическим, революционным нормам, чреватым катастрофой. Потрясает то, что Маркс, отпрыск известной семьи раввинов, стал выкрестом, но в крови и душе его пульсировала еврейская диалектика. И он создал антидиалектическую теорию.

— Мой отец говорил, что Маркс анализировал мир через тезу и антитезу, но синтезом посчитал диктатуру пролетариата. И это пророчество конца дней смехотворно. Последняя победа пролетариата над капитализмом проблемы не решит, а только ее усугубит.

Отец продолжал: «С точки зрения диалектики, гегельянцу Марксу трудно принять иудаизм. Опорные элементы иудаизма противоречат диалектическому мышлению, и потому он в своей системе отвел их в клетку бедных и богатых».

Диалектическое мышление является у нее, можно сказать, врожденным. В поисках единства противоречий она теряет нить и не может выпутаться из этих противоречий. Не хватает у нее доводов, чтобы доказать воспитателям, что мир Маркса и Энгельса чересчур упрощен. Она смотрит на товарищей и не верит, что идеология труда, это единственная сила, благодаря которой будет достигнуто всеобщее счастье. Не по душе ей то, что они полностью отказываются от всего личного во имя коллектива, сдаются мнению большинства, замыкаются в себе, осторожно оценивают свое поведение, насколько оно производит впечатление на окружающих, ибо о каждом своем шаге они должны отчитаться коллективу. Она не может, просто неспособна управлять своей душой по указке коллектива. Вручить свою

свободу коллективу, полностью отказаться от самостоятельности — всё это противоестественно ее характеру, ее личности, которые восстают в ней против обезличивания.

Чувство одиночества гонит ее на высокий холм — озирать с него просторы долины. Она видит бедуинский шатер. Бедуины страдают от голода и потому воруют из кибуца все, что попадается под руки: капусту, морковь, редьку. Самые сильные из мужчин кибуца верхом врываются в бедуинские шатры и хлещут бичами налево и направо, не разбирая старых и молодых.

— За головку капусты с такой жестокостью нападают на бедуинов?! — спросила она.

— Если мы сегодня не отхлещем их за головку капусты, завтра они украдут коня.

Бедуины же продолжают налеты огороды и плантации кибуца и доказывают, что их нельзя обвинить в воровстве, объясняя, что воровать означает — ничего не оставить.

— Мы лишь пропалываем поля евреев, — говорят они.

Нет выхода, требуется жестокая рука, чтобы их усмирить, но не видно, что парни, возвращаются с чувством удовлетворения от этих экзекуций. Рационализм кибуца сталкивается с его совестью.

Тяжело Наоми ходить сплоченным строем и сковывать себя коллективной моралью. Можно сказать, гвозди основных понятий и жестких жизненных принципов, заложенных в нее в отчем доме, не дают отклоняться душе. Дух отца властвует над ее духом, диктует ей отношение к обществу. Она сидит по углам, как чужая, преследуемая беспрерывной критикой: неверно, ты ошибаешься, не понимаешь, мыслишь мелко, скользишь по поверхности. Она убегает в кусты, трогает молодые побеги. Ее развлекает навозный жук, ползущий рядом. Тонкий крик ребенка откликается эхом во сне: «Отец, Бертель жестокая. Поймала жука на столе у садовника», — Бумба, любимец всего дома, не понимает, что только из любви, одной любви она поймала черного навозного жука, чтобы он принадлежал только ей. Она беседовала с ним с горячим чувством, шептала ему, что она — единственная его подруга, рассказывала ему сказки, как и серой мыши, воронам и воробьям в домашнем саду. Она не хотела потерять жука и огородила его со всех сторон сеткой от настольного тенниса. Не давала ему пытаться сбежать из тюрьмы, чтобы не оставаться одинокой. Маленький Бумба не понимал ее душевных движений и побежал звать отца. В тайнике, между кустами сирени, черный жук полз по ее руке, доставляя ей удовольствие. Она вспоминает прошлое. Мыши, крысы, навозные жуки, насекомые были соучастниками ее игр.

Как и все годы, она обретается на обочине общества. Ступает

осторожно, прячется по углам, чтобы ей не мешали. Она не уверена в себе и поэтому не может отказать, если ее о чем-нибудь просят. И этим пользуются все, кто ее окружает. Почему она не может воспротивиться Рени? Почему она тратит свой интеллект на сочинения для этой красивой бездельницы и эгоистки? Почему она ведет себя, как служанка и позволяет себя эксплуатировать? Может, потому, что Рени — дочь господина Прагера, друга ее отца… «Бертель, — говорил ей отец, — почему ты не можешь быть чистой и аккуратной, как Рени». Или, быть может, причина в том, что отец Рони в концлагере? Рени полагает, что судьба ее отца требует от Наоми уделить ей целиком себя и свой мир. Когда она заболела фурункулезом, и не вставала с постели, ей было недостаточно посещений инструктора. Она требовала от Наоми менять ей бинты, кормить ее поить, и не отходить от ее постели.

Рени — самая красивая в группе, и это открывает ей двери в «высшее общество». Парни суетятся вокруг нее, и она со всеми находит общий язык. Рени всем нравится, мужчины похлопывают ее по плечу, гладят ее волосы, к любой глупости, слетающей с ее губ, прислушиваются. Рени светится от гордости, а Наоми лопается от зависти. Работа Рени о Французской революции вызывает похвалы со всех сторон. Инструктор вылезает вон из кожи, признается, что поражен ее талантом. Он даже представить себе не мог, что Рени не только красавица, но и глубоко мыслящий человек, умеющий письменно выражать свои мысли. Все основатели и руководители кибуца Мишмар Аэмек слышали от него, какой блестящий исторический анализ Французской революции, и ее итогов, сделала Рени.

«Подарок и есть подарок, с чего вдруг надо возвращать подарок?!». Рени, аж, завизжала, когда Наоми шепнула ей: «веди себя честно, расскажи, кто написал тебе это отличное сочинение».

Наоми рассказала Эзре Зоару, что Рени «украшает себя ее, Наоми, перьями». Своим обаянием и умом, Эзра сумел сменить отчаяние на надежду. Наоми пообещал больше не общаться с этой дурой Рени. Но сможет ли она выполнить это обещание? У Рени уже устоявшаяся репутация блестящей ученицы. Рени — госпожа, а она — служанка. Она не может объяснить себе, почему так подчиняется Рени. Одно она поняла: красота — высшая ценность.

Она мечтает о старшей сестре, красавице Лотшин, единственном ее утешении. Она в отчаянии от того, что резко ухудшилось положение евреев под нацистской диктатурой, особенно, с ноября 1935. Сионисты с трудом добиваются сертификатов на отъезд в страну Израиля. Британский мандат ограничивает въезд евреев в Палестину.

Лето 1936. Труд и пот в пылающей от жары Издреельской долине. Члены кибуца, багровые, с мозолями и ранами от ручного труда, трудятся на дворе и в полях. Сорняки и терновник покрывают огромные пространства земли. Люди пытаются остудить тела мокрыми простынями, и тряпками. Беды не отступают от Наоми. Тело ее не выдерживает этих условий существования. Она часто заболевает и падает с ног. Жалобы на то, что она молода и непродуктивна, паразитирует на других, унижают ее и причиняют ей боль. Она совершенно одинока перед иллюзорной реальностью жизни.

В кибуце говорят: первым делом, руки, потом — голова. И от этого чувство неполноценности, все более укореняется в ее душе. Ручной труд определит ее положение в обществе! Ум и широкое образование не дают никакого дополнительного преимущества. Положение ее плачевно. Ей не за что уцепиться. Инструктор считает ее поверхностной и недалекой. Молодежное движение клеймит ее характер. Она вечно находится в оппозиции. Ее можно унизить. Боже, что-то с ней не в порядке! Члены кибуца совершают чудеса на этой трудной сухой земле. Пустыня расцветает под шершавыми, в ранах, со сползающей кожей от ожогов и сухости, руками. И земля покрывается зеленью и цветами. Но где ее место в этом чудном трудовом мире?

Она мечтала о стране Израиля, и вот же, чужда здесь всему. Кибуц совсем чужд. Нет у нее места в мире. Нацисты отобрали отчий дом. Надо разрушить и ностальгию по разрушенному дому. Существует цель, и надо приноровиться к ней. Она обязана завоевать страну Израиля. Она напишет письмо Рахели Янаит Бен-Цви, чтобы сильный ее образ укрепил немного и ее, Наоми.

Семья Прагеров объединилась и снова разошлась. Отец Рени освободился из концлагеря Дахау и приехал с женой в кибуц Мишмар Аэмек. Трое их детей в растерянности. Мать Рени рисует идиллическую жизнь в Берлине. И чем сильнее ощущает опасность со стороны арабов, тем более расписывают оставленную ею любимую родину. На разговоры о близящейся катастрофе германского еврейства она отвечает, что нацисты нуждаются в экономической мощи евреев. Они не смогут ее уничтожить начисто. Рассказывала о том, что предприятия и бизнес евреев продолжают работать, и нацисты им не мешают. И вообще, евреям в Германии неплохо. «Замкнутость и отдаленность евреев имеют даже свои положительные стороны, — поддержал ее господин Прагер, — возникает солидарность в еврейских общинах. Вместо немецкой «зимней помощи», которая

прекратилась для бедных евреев, создана своя еврейская. В еврейских школах, вытесненных из общегерманского просвещения, ученики изучают еврейские традиции, и даже получают профессиональное образование, если они решат жить в других странах».

Слушатели, окружающие берлинцев, не верят своим ушам. Ведь отец Рени — личность уважаемая. Он и его жена ведут странные успокоительные речи. Оказывается, еврейский дух в Германии расцветает с ростом культурных еврейских организаций и выступлением еврейских писателей и актеров, естественно, лишь в закрытом кругу евреев. При поддержке сионистов, углубилась еврейская автономия и укрепилась еврейская идентичность.

Удивлению не было предела: как можно существовать евреям при позорных нюренбергских законах? А что с законом о «германском гражданстве в Рейхе» и законом о «защите германской крови и чести», лишающем евреев гражданских прав и, по сути, делающем их узниками гетто, подверженным любому произволу?

Родителей Рени это не очень волнует. Эти законы, говорят они, по сути, определяют законную основу для существования евреев Германии. В этой новой реальности они будут существовать, как отдельная автономная группа, и ничего плохого им не сделают.

Это иллюзия, которую рисуют евреи, бегущие от одного насилия к другому, отвечает про себя Наоми господину и госпоже Прагер. Лотшин и все еврейство Германии в опасности! Родители Рени сами себя обманывают.

Страна Израиля кровоточит. Пламя арабского восстания, вспыхнувшее весной 1936, вновь воспламенилось. Головокружительный экономический рост крепнущего еврейского поселенческого анклава и демографические изменения в нем привели к призыву арабского совета — сеять смерть и разруху в среде сионистов. Столкновения, убийства, перекрытие движения транспорта, поджог полей, выкорчевывание фруктовых садов, плантаций, диверсии на нефтепроводе из Хайфы в Ирак. Арабские лидеры изрыгают проклятья, с целью пробудить сопротивление, побудить к грабежам и убийствам. В еврейских поселениях гибнут люди, а в среде поселенцев разгораются бурные споры о путях сопротивления.

В кибуце Мишмар Аэмек большинство за сдержанность, за братство народов, несмотря на кровопролитие на дорогах. Руководство всего ивритского анклава также требует

воздержаться от актов мести. «Из моральных принципов нельзя проливать кровь невинных арабов», — призывают Берл Кацнельсон и Давид Бен-Гурион. Часть анклава соглашается с этим, часть же клеймит слабость и беспомощность ивритского руководства. В диаспоре евреи не поднимали головы, и вот, здесь они снова не способны себя защищать. Чувство бессилия крепнет, и Бен-Гурион боится взрыва. Он призывает к сдержанности, боясь, что британцы не поддержат евреев. «Из политических соображений нам нельзя идти по пути арабов, если мы не хотим потерять над собой контроль из-за, в общем-то, справедливого недовольства и горечи, и неумения сдерживать себя».

Арабские банды сеют ужас, но положение несколько улучшается с появлением друга евреев, христианина, капитана Уорда Чарльза Вингейта, офицера британской разведки, который отметает начисто сдержанность и призыв к умеренной реакции ивритского руководства. В кибуце Мишмар Аэмек он начинает учить командиров отрядов «Хаганы» современным методам войны, о которых и не слыхали в анклаве. Он выходит из кибуца во главе спецподразделений, так называемых «огневых рот», в которых британские солдаты действуют вместе с бойцами «Хаганы», устраивая засады арабским бандам. Цель, поставленная бойцам Вингейтом, наносить удары по бандам в их же логове. Под покровом ночи он со своими бойцами тайно пробирается в арабские села, из которых выходили бандиты, жаждущие еврейской крови, захватывая их врасплох.

Мораль и уверенность в себе поселенцев укрепляется. Арабское восстание в разгаре, но, вместе с тем, феллахи украдкой посещают навес в кибуце Мишмар Аэмек, где ведутся дружеские беседы. Банды наводят страх на тех, кто сопротивляется их разбою и даже передают о них разведывательные данные сионистам. Из страха арабские крестьяне-феллахи сотрудничают с бандитами. Кибуц Мишмар Аэмек в тяжелом положении. Банды убийц ведут по кибуцу огонь и поджигают сосновую рощу: языки огня раздуваются сильным ветром и, буквально на глазах, пожирают весь небольшой лесок.

Чувства буквально захлестнули душу Наоми, хлынули в строки ее описания пожара. Написанный текст был ею прочитан людям кибуца и удостоился похвал. От кибуца Мишмар Аэмек она была послана, чтобы выступить на большом съезде Всеизраильского кибуцного объединения.

Ее порадовали восторженные отклики зрителей на сочиненное ею драматическое представление в честь праздника Хануки. Весь кибуц говорил о ее поразительных успехах в изучении языка иврит. Только бы они не узнали, что она —

воспитанница молодежной репатриации — высоко ценит поэта-ревизиониста Ури Цви Гринберга, которого все кибуцное движение, поклоняющееся марксизму, считает истериком и ненавистником всего, что связано с коммунизмом и советской Россией. В последнее время он потряс кибуцное движение, объявившее ему бойкот, стихотворением, ругающим членов кибуца Мишмар Аэмек за идею сдержанности и позорное несопротивление арабским бандитам.

«Пустыня — на тебя, страна, на горы твои, на деревья, на младенцев твоих», — написал он, и внес глубокий раскол между собой и кибуцным движением.

Поэт вернулся из Европы в глубоком потрясении. Душевная буря терзала его, и он безжалостно резал всех священных коров, обвиняя лидеров ивритского анклава в том, что они ничего не предпринимает во имя спасения евреев Европы от надвигающейся воочию катастрофы. Со всех трибун он мечет громы и молнии, критикуя атеистический национализм и распространение марксистского учения, и еще предъявляет счет руководству анклава за его реакцию на арабские погромы. Объявление ему бойкота кибуцным движением еще более разожгло любопытство Наоми. Она специально поехала в Хайфу, чтобы приобрести его тоненькие, как тетради, книжки. Ночами, когда соседки по комнате засыпают, она усиливает свет керосиновой лампы и достает из-под одеяла эти запрещенные книжки. Гром и молнии, кровь и пламя в сочетаниях слов, в образах и метафорах — бросают ее в дрожь. Поэтические ритмы, и сама художественная эстетика стихотворений Ури-Цви Гринберга волнует ее, как стихи Рильке.

Она пропала. Каждый раз что-то взрывается ей прямо в лицо. Так произошло на уроке языка иврит. Шаик громко читал стихи Хаима Нахмана Бялика, поднял голову над краем книги, которую держал перед собой, и с горящим взглядом из-под очков анализировал стихи с марксистской точки зрения. Выражения национального поэта о мире, к которому он принадлежит, и о его внутренней борьбе с иудаизмом, эхом отлетали от стен класса. Комментарий чтеца был заранее известен: «Мы создаем новый иудаизм без религии!» Раздуваясь от патетики, он декламировал стихотворение «И если спросит Ангел…». Строку за строкой он переводил на легкий иврит. Внезапно, без предупреждения, этот патетический поток речи был прерван ее хриплым голосом:

«Поэзия эта ничего мне не говорит».

«Кто ты такая, что осмеливаешься критиковать такого великого поэта, как Бялик?!»

Щеки ее пылали, и обвинение ее не было оспорено. Стихи

Бялика, на ее вкус, вообще бледные и плаксивые. Исключение составляла поэма «Бегство», которая ей по-настоящему нравилась. В ней был, и вправду с большим талантом, изображен конфликт поэта с унизительным характером еврейства, к которому он принадлежал, его стремление и призыв к своему народу пробудиться в борьбе за свое достоинство, задавленное веками.

Класс замер. И только голос Шаика гремел. Он одну за другой называл причины ее неправоты. Во-первых, это объяснялось ее поверхностным пониманием Маркса и Энгельса. Более того, она происходит из ассимилированного еврейства Германии, росла в преступной буржуазной атмосфере, воспитывалась на немецкой поэзии. Именно, поэтому она не в силах понять глубину поэзии Бялика. Ее пылающий взгляд не сходил с лица умного преподавателя.

— Как вообще можно сравнить примитивный плач Бялика с высокопоэтическими элегиями Рильке?

Глубокие гневные морщины избороздили лоб Шаика. И тут ею овладела редко прорывающаяся в голосе страсть — сказать назло:

— И вообще, я люблю поэзию Ури-Цви Гринберга.

Это ненавистное Шаику имя качнуло его голову со стороны в сторону. Класс оцепенел. Взбунтовавшаяся ученица не извинилась. Стихи Ури-Цви потрясают ее почти так же, как стихи Рильке. Ури-Цви открылся ей, как художник и интеллектуал высокого уровня. Он пытается разрешить проблемы существования человечества, подобно знаменитым философам, таким, как Гегель, Маркс, Ницше, оспаривая их теории. Стихи его, религиозно-мистические, ностальгирующие по традициям Израиля, вызывают в ней сильнейшее национальное чувство и духовное просветление. К тому же, они обогащают ее знание иврита.

Глава кибуца Яков Хазан прослышал о том, что в классе был нарушен бойкот, объявленный одному из противников кибуцного движения. Он оказался вместе с Наоми в бронированной машине, везущей из Хайфы продукты в кибуц, и решил расспросить ее о том, как она себя чувствует в новом обществе. Он хорошо помнил, как девушка назвала его одежду «китчем». Его задел ее отзыв об уме руководителя всего кибуцного объединения Меира Яари. Ему докладывали, что она резко отзывалась о затыкании ртов и унижении тех, кто расходится с мнением коллектива. Но в хайфском кафе, где обычно собираются члены кибуцного движения, она говорила весьма умеренно. Гордость не позволяла ей говорить о том, что накипело в душе. И, все же, она сказала, что в обществе, провозглашающем без конца равенство,

существует явное и четкое разделение между, так сказать, коренными и потому почтенными членами кибуца и второсортными воспитанниками молодежной репатриации. Хазан завершил их беседу дружеским советом: «Присоединяйся к молодежному кибуцу. Там у тебя не будет лидера».

Она взбирается на вершину холма. Наблюдает за клубами дыма, поднимающимися от костров, и пытается понять: на огне готовят пищу, или дымом отгоняют мух, комаров, змей и скорпионов. Она ужасно боится всех этих ползающих тварей. Пустынный ландшафт распростерт перед нею. Она мысленно делится с Лотшин: «я стою на горе, и страна видится мне такой маленькой. Как может весь еврейский народ уместиться на ней. Я сравниваю это место с горами и просторами Германии и Швейцарии, и все здесь выглядит игрушечно. Представь себе, наш дом в Берлине — как целая улица в квартале Рехавия». Она сидит на сухой земле и выносит приговор окружающему ее миру.

Члены кибуца живут как бы в раздвоенном мире. На собраниях выспренно говорят о братстве народов и высоких человеческих ценностях. На деле же, все эти теории — сплошная утопия. На собственной шкуре она чувствует равнодушное отношение к разнице в существовании их детей и молодых репатриантов. Однозначно, идеология членов кибуца, без конца разглагольствующих о равенстве, так и остается на уровне идеи. Молодежь неравноправна, и условия существования у них разные. Члены кибуца занимаются в учебном центре восемь часов в день, а не четыре часа, как они. Классы членов кибуца отделены от их классов. И только уроки по изучению страны Израиля совместны. И пища в столовой у детей членов кибуца намного лучше, чем у приезжих. Одежда детей членов кибуца новая, а молодые репатрианты ходят в обносках, привезенных ими из Европы. Дети членов кибуца смотрят кинофильмы в городе, в то время как новоприбывшие выезжают на экскурсию в город всего два раза в год. Летом молодые репатрианты с завистью смотрят на детей, наслаждающихся двухнедельными каникулами, включающими экскурсии и лакомства — торты и пирожные.

Что касается ее, она никогда не сможет подчиниться воле коллектива. С детства она жила обособленной внутренней жизнью, и окружение взирало на нее глазами, полными удивления, не в силах вникнуть в то, что она делает и что говорит. Общество ставит во главу угла простой труд, а духовность оттесняет даже не на второй, а неизвестно на какой план. Она хочет быть как все, но сам ее облик отвергает то, что отличает коллектив. Она не знает, куда себя деть. Ей, вероятно,

назначено быть со стороны, насколько возможно, оберегая душу.

Что случилось с Бедольфом? Почему все инструкторы, знакомые ей по Берлину, пасуют перед старожилами? Она так радовалась их приезду, думала, что они вернут ей воспоминания отчего дома, который она потеряла, что с их приездом улучшится ее общественное положение.

Бедольф, Эрнест, Зеппель, Гарри, девочка Павлович и другие, сумели сбежать из нацистской Германии, которая готовится к Олимпиаде. Они вернулись в страну Израиля по сертификатам, добытым с помощью фиктивных браков или нелегальным путем.

Наоми сидит на камне в Афуле, и сердце ее обливается кровью. Бедольф обрадовался, когда она, по его приглашению, приехала в кибуц Мерхавия, чтобы рассказать воспитанникам о трудностях, которые возникли у нее с прибытием в страну Израиля, и об их преодолении. Как и в Берлине, он не преминул снова высоко отозваться о ее интеллекте и тех идеях, которыми она делилась с ним еще в Берлине. Особенно он был под впечатлением ее широкого кругозора. Обычно он, положив руку ей на плечо, говорил, что не встречал такой умной девочки. Еще он обещал, что если создаст со своими товарищами и воспитанниками новый кибуц на выделенном Еврейским Национальным фондом участке земли, то пригласит ее вновь посетить Мерхавию. Она пришла к нему в комнату, и кровь у нее застыла в жилах при виде ледяной глыбы, в которой она не узнала Бедольфа.

— Мы ошиблись в тебе. Я говорил с Шаиком. Ты кривишь душой. Ты поверхностна.

У нее закружилась голова, а Бедольф все клеймил и клеймил ее. Лицо ее побледнело. Язык одеревенел. Ноги отяжелели, и она с трудом оторвала их от пола. С болью в сердце она шла долгой дорогой из Мерхавии в Афулу, раздавленная и униженная.

— Прислали нам мелко плавающую воспитанницу. Ее учат марксизму, а она все переворачивает. Не понимает величие Маркса и Энгельса и выдумывает какой-то свой марксизм!

Слово за словом Бедольф цитировал Шаика и добавил, что Зеппель и все остальные инструкторы, временно проходящие сельскохозяйственную подготовку в кибуце Мишмар Аэмек, разочарованы ею, думают, что ошиблись в ней.

Что с ней происходит в стране Израиля? Неужели в отчем доме, в гимназии имени королевы Луизы также ошибались в ее способностях?

В Афуле она остановилась, присела на большой камень, набрала мелких камешков и швыряла их один за другим в

собственную тень. Это напоминало побивание самой себя камнями. Некуда ей сбежать. Письма ее Рахель Янаит не получила, поскольку уехала посланником за границу. А ведь Рахель считала, что Наоми ждет блестящее будущее духовного лидера. Потому настоятельно рекомендовала ей не идти в кибуц. Но ведь, именно, кибуц является сердцевиной еврейского заселения страны Израиля. Быть может, из-за причин ее бегства, она оказалась столь беспомощной перед жесткостью израильского общества и нечеловеческих условий, порождаемых трудностями жизни. Она уединяется, и слезы не перестают литься из ее глаз. Здешнее общество не любит одиноких и страдающих людей. Даже если они вносят не меньший вклад в общее дело, но своими личными проблемами ставят себя перед всеми в униженное положение, к ним соответственно и относятся. Первооткрыватели обязаны скрывать свои трудности, беды, скорбь. Одиночество обступает ее со всех сторон. Бедольф исчез из ее жизни, как и Люба-коммунистка, которая была молода, гибка, полна жизни, по-матерински следила за ней, возила ее на раме велосипеда по улицам Берлина. Из тесноты голодного общежития она приходила в дом Френкелей и наслаждалась вкусным обедом. Отцу и всем домашним нравилась эта оригинальная девушка, несмотря на ее мировоззрение, столь далекое от их понимания жизни. После смерти отца Люба спала в комнате Наоми. Ночами обнимала ее в постели. Вообще, она тоскует по теплому сердечному объятию. Она никому не открывает, даже Лотшин, что тоскует по матери. Никогда не переставала по ней тосковать. Жизнь же ее так далека от этих приятных мечтаний. В еврейском анклаве душевный холод сошел на молодых репатриантов. В Хайфе наткнулась на инструкторов, знакомых по Берлину. Радостное восклицание вырвалось у Наоми: «Хава! Хава!». Хава Буксбаум повернула к ней голову: «Ты Наоми?» — спросила она равнодушным тоном. В анклаве исчезло волшебство берлинского клуба сионистов, дружба, которая так согревала сердца инструкторов и воспитанников.

Она сидит на большом камне в Афуле, и черная меланхолия, как кровоточащая рана, отзывается болью во всем ее теле. Ни родителей, ни братьев и сестер, ни инструкторов. Она оставлена на произвол судьбы в этой стране, куда стремилась всей душой. Где Лотшин? Давно от нее не приходили письма. Что с ней случилось?

Солнце печет ей голову, жжет кожу. Говорят ей, что ее мировоззрение и душевный настрой не подходят первопроходцу, а у нее нет ничего, кроме Израиля. Она должна обрести силы, ужесточить сердце, насколько возможно, усвоить марксизм, как

направление жизни. Она должна забыть все ужасное, что случилось в ее судьбе, и открыть новую страницу. Она жаждет слиться с коллективом, но разум ее, словно острый скальпель, анализирует положения и процессы — духовные, душевные, общественные, — проходящие над всеми и над каждым в отдельности. И тогда разрыв ее с культурой, и отчаяние не дают ей вымолвить слово. Образование и культура — важнейшие элементы человеческой души. Внутренний голос предупреждает ее: если она откажется от этих ценностей, то потеряет свою самостоятельность.

Сидит она на этом камне и смотрит в пустоту. Все же, ей непонятно. Почему молодые сионисты с таким рвением пытаются освободиться от наследия диаспоры? Неужели освоение пустыни зависит от отрицания прошлого, которое как бы и не существовало? Неужели, они обретут душевное равновесие, отбросив прошлое, которое, — как им кажется, или им навязывают их воспитатели, — оскверняет новые общественные идеалы? Неужели стирание накопленной веками культуры и подражание новой псевдокультуре, набирающей силы в анклаве, и есть выход к сложным душевным потребностям в ином культурном климате? И она хочет пустить корни в этой стране, строить ее и себя. Если бы она могла найти это душевное равновесие, отказавшись от собственной идентичности в пользу коллектива, подавив во имя его собственное «я», все было бы по-иному.

Тяжко ей. Первопроходцы стирают из памяти тоску по их родине. Меняют имена, что дает им ощущения рождения заново. Интеллектуалы отказались от свободных профессий и обрабатывают землю. Знакомый ее Генрих поменял имя на Ойна, не закончив учебу на медицинском факультете университета имени Гумбольдта в Берлине. Он завершил образование в 1935 в Гамбургском университете. Недавно вступил в кибуц, работает в цитрусовом хозяйстве около Каркура и Хадеры. Сопровождает врачей в районе Хадеры. Генрих не такой, как Бедольф. Покойный отец Генриха оценил его способности. Если бы она его встретила, попросила у него совета.

Что-то с ней не в порядке на Святой земле. Что здесь происходит с лидерами движения из Берлина? Их самоуничижение перед ветеранами вызывает отторжение. Отказ от собственной идентичности, резкий внутренний душевный переворот, сбивает их с толку. Они просто теряются, ужесточаются. Она это ощутила на собственной шкуре. Каждый раз, когда она пытается сменить кожу, она просто теряет себя. Что с ней будет? Естественные наклонности ее души восстают против

навязанных всем принципов, ибо бесчеловечно относиться к личным потребностям с чувством стыда и вины. Нет и нет! Она должна все выдержать и молчать. Руководство право. Кровью и потом будут созданы еврейские поселения для еврейского народа в собственной стране.

Солнце клонится к закату. Она поднимется в последний автобус, идущий в Мишмар Аэмек. Завтра новый день — новая страница жизни.

Но душевные травмы следуют одна за другой. Что общего у нее с Феликсом Бадетом, с которым она исчезла на целую ночь? Ей неприятны непристойные намеки. Она молчит. Не в ее правилах отрицать подозрения. Воспитанники и воспитанницы не поверят, что она, не задумываясь, согласилась на просьбу симпатичного парня только из глубокого сочувствия к его тяжелому душевному разочарованию. Или потому, что у них одинаковое культурное воспитание и сильная тоска по потерянному миру детства? Так что, все же, произошло, поставив из-за них весь кибуц на ноги? Завершился Всеизраильский съезд кибуцного движения в кибуце Мерхавия и многие из участников собрались на автобусной станции в Афуле. Неожиданно к ней обратился член главного руководства движения Ашомер Ацаир из Иерусалима. Парень даже не удосужился ей представиться, ибо в движении его имя было всем известно. На съезде он произнес блестящую речь, и глаза всех участников следили за ним с обожанием.

— Я вижу, что ты умная девушка, — испытывающим взглядом он смерил ее лицо, напряженное от вечных размышлений, — съезд был просто глупым. Мне все это ужасно неприятно. Слушай, пошли пешком в Мишмар Аэмек. Поговорим по дороге.

Она ни на минуту не задумалась. Она уже была очарована молодым интеллектуалом. В нем не было ни капли дикости уроженцев страны, которую копировали репатрианты, пытающиеся подражать сабрам. Смеркалось. Они отправились в путь. Феликс расспрашивал о ее семье в Германии, рассказал о своем отце, депутате парламента от социал-демократической партии. Вся их семья сбежала в страну Израиля. Знание иврита позволило ему быстро вступить в политику, и сейчас он стал важной персоной в руководстве Рабочей партии Израиля — МАПАЙ.

— Ты не выглядишь евреем, — смерила она взглядом его светлые волосы и голубой цвет глаз.

— Моя мать приняла еврейство.

Они рассказывали друг другу различные семейные истории и

долго обсуждали события в Германии. Феликс отпускал комплименты ее уму каждый раз, когда она комментировала его слова. Они пересекали арабские села, и мысли их переходили от насилия в Германии к насилию в еврейских поселениях со стороны арабов. Когда они приблизились к Кфар Йошуа, скудному селу, где слабо мерцали огоньки керосиновых ламп, люди, сидящие у домов на завалинках, потрясенно обратились к Феликсу:

— Вы что, сошли с ума? Куда ты ведешь эту девочку?! Это очень опасная дорога. Арабы ведут себя угрожающе.

Предлагали им еду, питье, ночевку в селе. С весны в стране шло арабское восстание и кровопролитные погромы. Феликс взял ее за руку, и вежливо отказался услуг сельчан. Они шли, продолжая обсуждать положение в стране. Как знающий человек, Феликс говорил, что с начала погромов «Хагана», как защитник анклава, не улучшила свой боевой потенциал. Споры и вражда между командирами не утихают. Высшие командиры покидают эту военную организацию. На самое худшее это то, что «Хагана» не научилась тайно покупать вооружение. Часть оружия найдена и конфискована британскими властями. Волна кровопролития началась не сейчас. Еще до этого британцы раскрыли тайную поставку оружия. Арабы подняли крик, а Хагана испугалась, когда 18 октября 1935 в порту упала с подъемного крана бочка с декларированным цементом, а в ней оказалось оружие. Руководство порта велело раскрыть остальные 356 бочек. В них обнаружили патроны, пулеметы и автоматы. Арабам не нужны были результаты расследования Скотланд-Ярда, который определил, что груз был послан из Антверпена неким Ван-Каунбергом.

Феликс говорил о своем видении конфликта между жителями страны, и время в дороге прошло незаметно. С рассветом они появились в воротах кибуца целыми и невредимыми. В кибуце их встретили с большим волнением и облегчением. Но это длилось всего несколько минут. Радость тут же переросла в гнев. Шаик и Йона обвинили Феликса в том, что он поставил под угрозу жизнь девушки, и потребовали от него немедленно покинуть Мишмар Аэмек. Йона заперла Наоми в комнате. Шаик не успокоился. Он явился к ней и громким голосом обвинил ее в распущенности. Он сказал ей, как рисковали из-за нее ребята. Всю ночь они искали ее по всей долине, была специально послана машина в Афулу на поиски.

— Если ты всю ночь шла с Феликсом, этому есть какая-то причина. Не знаю, что скажут и как отнесутся ко всему этому в кибуце.

Ночное странствие с Феликсом нанесло ей большой вред. Всякое уединение с существом другого пола вызывает у окружающих резкую реакцию. Не обошли молчанием ее поступок в день, посвященный усиленному изучению иврита. Специально для этого из Тель-Авива в Мишмар Аэмек приехали студенты, чтобы разговаривать на иврите с новыми репатриантами. Несмотря на жесткое требование о перемене собеседников, Наоми все время провела с евреем из Йемена. Они седели под деревом, и она просто была очарована чистотой его произношения и знанием языка. Именно, поэтому она не расставалась с ним в течение всего дня. Позор, который она нанесла кибуцу, ей не простили. Обвинили во флирте с городским парнем. Ее аморальное поведение обрело некрасивую форму. Когда пришла ее очередь убирать туалет, один из членов кибуца позволил себе выйти из кабинки с опущенными штанами. Она подняла истерику. Осыпая ее проклятьями, парень убежал из туалета, но не удовлетворился этим, а из мести распустил о ней непристойные слухи.

Хорошее и плохое переплелось в ее жизни. Катастрофы обрушиваются на кибуц. Кибуц играет большую роль в жизни своих членов. Мерзкое убийство бандитами или арабами еврейской супружеской пары и похищение их детей потрясло кибуц. Убийцы оставили детей у ворот кибуца голодными, в разорванной одежде, грязными. Ужас и смертельный страх, застывший в детских глазах, воочию видевших, как убивают их родителей, лишил сна весь Мишмар Аэмек. Единогласно было решено взять детей на свое попечение, пока не переведут их к ближайшим родственникам. Воспитательница детского сада Хава, огромная и толстая, как бочка, стала героиней кибуца за свое отношение к сиротам. Во время своих дежурств Наоми сумела развлечь несчастных детей играми и проделками, которые сама придумывала, вызвав даже улыбки на их изможденных лицах.

В последнее время она получает комплименты и откровенное восхищение за юмористическую пьесу, написанную по поводу окончания учебного курса. Ребята умирали от хохота, видя на сцене их собственные невеселые приключения, нелегкую акклиматизацию в жизни кибуца. Члены кибуца сравнивали ее талант с талантом Миты Бат-Дор, драматурга и режиссера кибуцного движения, которая год назад поставила, сочиненную ею на иврите, пьесу «Когда простой человек вышел в путь», о трудностях жизни в стране.

Завершился учебный год. Наоми предстоит плыть в нацистскую Германию. По британскому паспорту она поедет из Палестины в родную страну, чтобы получить деньги, завещанные

ей отцом. Наступило время решений. По всему миру проходят демонстрации с требованиями бойкота Олимпиады. И это заставляет Гитлера умерить расистскую пропаганду. Со всех континентов приезжают в Берлин спортсмены и десятки тысяч болельщиков на соревнования Шестнадцатой Олимпиады.

Глава двенадцатая

На Берлинском центральном вокзале она чувствует слабость во всем теле. В ожидании встречи, у нее начинает кружиться голова. Ее пугают новые хозяева страны в черных и желтых мундирах. Нацисты следят за теми, кто ее встречает и эти взгляды вселяют страх. Лотшин в сильном волнении обнимает ее.

— Где твой чемодан, Бертель?

— На вокзале в Италии я попросила мужчину и женщину присмотреть за ним. Когда я вернулась из туалета, их и след простыл вместе моим чемоданом.

— Понимаю.

— Воры очень разочаруются одеждой из коммуны, — Наоми опускает взгляд, чтобы не видеть красные флаги с огромными черными свастиками, развевающиеся вокруг.

— Где все красивые платья, которые я тебе послала? — голубые мечтательные глаза Лотшин смотрят на грубую неряшливую одежду младшей сестры.

— В коммуне, — отвечает Наоми.

Сестра не поймет, почему красивая одежда ее сестры используется привилегированными членами кибуца.

— Купим тебе все новое.

На центральной улице заскрежетала тормозами закрытая со всех сторон машина, и полицейские затолкнули в нее расхристанного мужчину явно еврейской внешности. Лотшин оттянула ее в сторону. Равнодушно объяснила, что нацисты охотятся на улицах за душевно больными, среди которых много евреев, потерявших рассудок из-за преследований. Наоми идет рядом с сестрой со смешанным чувством душевной тяжести и гордости. На фоне уличной толпы красавица Лотшин выделяется своей утонченностью. Наоми это кажется чем-то искусственным. Она шагает рядом со старшей сестрой, и шаги ее нерешительны. Она поворачивает голову налево и направо, и подозрительно осматривает людей и дома. Лотшин говорит, что в городских центрах ощущается смягчение в отношении еврейской общины. Не набрасываются на евреев. Убраны в центре анти еврейские плакаты, и даже уменьшилось число выставляемых в витринах магазинов выпусков газеты «Дер Штюрмер». Третий рейх стремится представить всему миру сплоченность германского народа в своей верности фюреру. Девяносто процентов, проголосовавших в плебисците, состоявшемся в 1934 году, были за линию, проводимую фюрером.

Широко разрекламированной Олимпиадой Гитлер хочет

представить всему миру иную Германию, ее несомненные успехи в арийско-германском спорте. Не запретили участие фехтовальщицы наполовину еврейки, и хоккеиста еврея в Олимпийских играх. Гитлер хочет представить картину, в которой нет никакого намека на чистоту расы, введенной его режимом.

— Евреи в опасности, — говорит Наоми.

— Временное успокоение, — Лотшин не подается иллюзиям.

Ну, не насмешка ли? — улица Пренслау-Галле! На этой улице, на границе с нищим пролетарским районом, в центре города прожил последние дни дед. Жить барином в своей усадьбе в Пренслау, и уйти из жизни в жалком жилище на улице Пренслау-Галле. Сестра повела ее к запущенному входу в дом. Они поднялись на второй этаж, и в нос ударил резкий запах ветхости. От осыпающихся штукатуркой стен несло плесенью. Из соседних домов слышались какие-то глухие шорохи. Можно было только благодарить Бога, что отец и дед по ту сторону жизни не видят судьбу принцессы. Сжимая кулаки, почти теряя дыхание, стоит Наоми перед тяжелой дубовой входной дверью. Губы сжаты, чтобы подавить удушье. Кто мог поверить, что Лотшин, добрая душа, будет жить в таких унизительных условиях.

Мертвая тишина в маленькой жалкой квартире.

— Дед лежал здесь, как мумия.

Лотшин стоит в проходе между двумя комнатками и смотрит на кровать деда, и потрясение не сходит с ее лица.

— Здесь он сам себя замуровал среди четырех стен, как добровольный узник. Оправлялся в постели и ждал смерти, — прошептала она, — равнодушно смотрел на письма, приходившие из Израиля, из Аргентины. Не проявлял ни капли внимания к тому, что она читала, даже к вызывающим слезы письмам Фриды. Руки его без движения лежали скрещенными на груди. Только воспоминания родительского дома в Силезии вызывали у него человеческие чувства: он сжимал пальцы в дрожащие кулаки и прижимал их друг к другу. Дед, невероятный жизнелюб, так трагически завершил свою жизнь. Этот рассказ Лотшин об агонии деда никак не вязался с его жизнерадостным образом.

— Я просто не в силах войти в его комнату, — ее мечтательный, несмотря на непреходящую боль, взгляд упирается в постель деда, — он просто уморил себя голодом до смерти. Я пыталась привлечь его любимыми блюдами. Он глядел на них расширенным голодным взглядом, но даже не прикасался. И тогда я поняла, что он пропал.

Лотшин разволновалась до слез:

— Он сжимал губы и отключался от окружающих. Открывал рот и сухо просил ее войти в комнату лишь тогда, когда ему надо

было в туалет. Он просто сошел с ума. Всего две недели прожил в этом жалком жилище и отдал Богу душу — униженным и побежденным. В его постели Лотшин нашла листок с начертанными им словами: «Я прожил здесь красивую жизнь!».

На похороны деда, которые были скромными из-за угроз со стороны нацистов, приехал барон из Пренслау, немецкий националист, ставший нацистом. Барон любил деда за помощь, которую ему оказывал этот еврей, будучи истинным его другом.

— Нет у меня посуды, — Лотшин готовит какое-то блюдо в коричневой старой сковороде. Виноватый ее взгляд просит прощения за свою жалкую жизнь. В эти дни трудно найти домовладельцев-христиан, которые согласятся сдать даже самую невзрачную квартиру еврейке. К тому же заработок ее, секретарши у еврейского адвоката, мал. Лотшин рассказывает, что, после короткой задержки в Берлине, Фрида вернулась в родное село со всем богатством, которое нажила, и гардеробом нарядной одежды покойной их матери, подаренным верной домоправительнице. Лотшин описывает сестре свое положение, и сковорода на столе красноречивее всего указывает на разлом в жизни семьи.

— Лотэ, оставь Германию. Не задерживайся. Езжай в южную Аргентину или в Китай.

— Добьюсь сертификата в Палестину. Я хочу жить рядом с тобой. Я исполню то, что обещала отцу: не оставлять тебя.

Соседи-христиане, живущие ниже этажом, относятся к ней по-доброму, успокаивают:

— Держись, еще год-два, и этот ужас пройдет.

Они не скрывают от нее свое восхищение нацистской властью, сумевшей установить в стране порядок и укрепить хозяйство. Еврейская община сама себя успокаивает тем, что все тяжкое и страшное уже позади. Лотшин весьма сомневается этими спекуляциями на тему будущего еврейства Германии. Самое худшее еще только надвигается. Гиммлер назначен главой всех полицейских сил по всей Германии. Эта чудовищная организация со всеми своим ответвлениями — часть государства СС.

— Я ужасно сердилась на деда за его горячий германский патриотизм, — душу Лотшин гложет чувство вины, — Я не могла на него смотреть. Когда купала его или подавала стакан воды, я отворачивала голову. Однажды он почувствовал мою враждебность, оттолкнул стакан, и вода пролилась на постель.

Подбородок ее дрожал:

— Отец никогда не восхвалял немцев, говорил, что они — варвары. Дед же обманывал нас чудесными рассказами о

Германии. Он умер и с ним ушел мой гнев. Я шла за его гробом с чувством раскаяния, хотя и помирилась с ним, когда он лежал на смертном ложе. Все его поколение воспитано было на пламенном патриотизме. Обманули деда и всех его сверстников, как и обманули меня. Они оказались жертвами этой иллюзии.

Ночь за ночью беззвучное дыхание парило над обеими сестрами, спавшими в одной постели. Перед духовной и общественной катастрофой, обрушившейся на еврейство Германии, ставшей империей зла, бледнеют все трудности вхождения в жизнь кибуца. Лотшин находится в ужасном положении. Наоми стыдится рассказать сестре о своем одиночестве и беззащитности в стране Израиля.

На следующий день, на еврейском кладбище в Вайсензее, слезы невольно текли из их глаз. Лотшин окидывала взглядом мраморные памятники и говорила о том, что нацисты требуют от евреев сжигать тела умерших близких, чтобы не осквернять святую германскую землю. Немецкие друзья Лотшин, приближенные к властям, помогли ей получить разрешение похоронить деда на клочке земли еврейского кладбища. Ее шелковый платок мокнет, когда она рассказывает о том, как грабят мрамор с дорогих могил, о разгроме семейных склепов богатых евреев, в том числе, семейства Френкель, на старом кладбище. Все эти участки сравняли с землей. Даже памяти не осталось от мест захоронения бабушки и ее потомков. Лотшин ведет сестру к надгробью деда, находящемуся неподалеку от сохраненной в целости могилы отца. Слышатся Наоми слова дорогих мертвецов. Дед говорит глухим голосом: «Бертель, страна Израиля — священная страна, легенда праотцев, но не реальность. Она — праздничная молитва, место раскаяния и покаяния. Она принадлежит далекому прошлому».

Наоми читает позолоченные буквы на черном мраморе могилы отца, написанные согласно его завещанию: «Годы, полные веры, дни, полные любви».

У нее щемит сердце. Мудрый отец не предвидел того, что надвигалось. Был бы жив, увидел бы, как еврейское начало пробуждается в сердцах таких же, как он, ассимилянтов. Не хватает ей присутствия матери рядом с отцом. Из-за ситуации в стране, они не смогли перенести прах матери с кладбища в Пренслау в Берлин, хотя разрешение на это было получено. Как палестинской туристке, ей разрешено находиться только в Берлине. Она не сможет посетить могилу матери.

Огромное черное пятно на фоне белого снега встает в ее памяти. Роскошные черные шубы богатой еврейской буржуазии, выделявшиеся на многолюдных похоронах отца, преследуют ее.

Огромное черное пятно и комья земли, падающие в отверстую могилу отца, окруженную самодовольной толпой богачей в черных шубах, не отстают от нее в ночных кошмарах. Если бы кто-то сказал этим уверенным в себе буржуа, что всего через год Гитлер придет к власти, и жизнь их реально окажется в опасности, вся эта еврейская аристократия приняла бы его за полного дурака. Черное пятно живет в ней, дышит с нею, замкнуто в ее душе, как памятка в черном цвете на белом фоне снега.

Нацистская Германия празднует. И в душе Наоми пробуждается с новой силой любовь и тоска по Палестине. Болезни, голод, холод, хамсины, страдания — всё поглощается тоской по стране Израиля. Какими незначительными кажутся трудности жизни в Израиле, по сравнению со страхом, который охватывает ее здесь, на центральных улицах Берлина.

Она, как со стороны, видит себя у Бранденбургских ворот, одного из символов Берлина. Богиня свободы над воротами символизирует в ее глазах образ деда. Он не знал никаких преград и границ, не обращал внимания на несущиеся автомобили, увлеченно рассказывая ей о своих выдающихся успехах в прошлом, в тот вечер, накануне ее отъезда в страну Израиля. Дед был первый еврей, сумевший проникнуть в сталелитейную германскую промышленность при канцлере Бисмарке. Он оставался верным клевретом этой промышленности. Взгляд его скользил вверх по Бранденбургским воротам, над которыми неслась на зеленой колеснице, управляя упряжкой коней, богиня Победы Виктория, держа пальмовую ветвь, подобную расправляющему крылья лавровому венку. Неожиданно мышцы лица деда стали дряблыми, щеки опали. Богиня свободы, дочь Фалеса, убитого богиней Минервой, летит в пространство на знойных лучах солнца. Поверх берлинских крыш четыре бронзовых коня несут богиню к свободе. Наоми убегает от Бранденбургских ворот с тяжкой мыслью. Дед потерял основу существования, которое укоренил в его душе еврейский народ в диаспоре. Он был уверен в том, что евреи навечно обрели здесь равенство. Как еврей, он думал, что свободен, подобно всем остальным германским гражданам.

Она с трудом плелась в сторону зоопарка Тиргартен. По этому огромному парку Фрида прогуливалась с ней после сеансов кварцевого облучения в клинике доктора Вольфсона, который жил неподалеку. Тут Наоми думала отдохнуть на грубо сколоченных скамьях, под сенью многолетних широко разросшихся деревьев. Громадные буквы остановили ее: «Евреям запрещено сидеть!». Она сбежала с чувством обиды и гордости.

Она — гордая израильская еврейка. Она живет в среде евреев, распрямивших спины, мужественных сердцем, умеющих постоять за себя, ведущих беспощадную войну с высохшей землей, защищающихся от врага. Беспокоясь за судьбу Лотшин, она посетила общинный дом. Там ей сказали, что Лотшин может репатриироваться в Израиль только нелегально. Еще сказали, что принадлежность сестры к ассимилированной антисионистской семье, является непреодолимым препятствием. Разрешение в первую очередь дают членам молодежных или сионистских движений или восточноевропейским евреям, которых преследуют нацисты.

В клубе ее встретил Реувен Вайс с несколько преувеличенным чувством собственного достоинства. Если бы он не был блондином не похожим на еврея, его репатриации не чинили бы никаких препятствий. Реувен — инструктор в клубе Ашомер Ацаир, и все свои силы отдает репатриации евреев в страну Израиля. Он обращается к ней стальным голосом лидера, и выражение его лица высокомерно. Но времена изменились. Он все еще в диаспоре, а Наоми, которую он считал буржуазным аутсайдером, осуществила свою мечту, став первопроходцем в Мишмар Аэмек. Конечно, она не признается ему в том, что он был прав. Ее розовые мечты рассыпались. С большим трудом она существует в коллективных рамках. С работой она справляется, но общественная жизнь входит в противоречие с ее душевной жизнью. Они вышли вдвоем из клуба. Гуляли по рабочему кварталу восточного Берлина. В детстве Реувен частенько был ее гидом, которого она слушала с трепетом неофита.

Александерплац шумел, как всегда. Поезд мчался по стальным рельсам на уровне вторых этажей, звенели трамваи, гудели клаксоны автомобилей, людские массы текли по тротуарам. Она смотрела на универмаг Тич, хозяевами которого были евреи. Фасад огромного здания покрывали — огромный портрет Гитлера в мундире, свастики, рекламные плакаты. Кружение толп и транспорта, вертящихся дверей универмага вызвали у Наоми память о прошлом. Тут она ходила с братом Гейнцем, но не за покупками. Одежды и драгоценности для детей покупались только в универмагах «Израиль» и КДВ в западном Берлине.

Скрежетали рельсы под мчащимися поездами, неслись машины с красными плакатами: «Евреи, вон!».

Германия потеряна! Реувен был погружен в свои рассказы. Он вовсе не чувствовал, как Наоми бросало то в жар, то в холод при появлении эсэсовцев в черном и штурмовиков в коричневом. Они то и дело встречались им по пути. Реувен получил прививку от

нацистского окружения. Его атлетическая фигура, светлый цвет глаз и волос особенно оттеняли ее еврейскую внешность на антисемитской улице. Стук сапог, громкое пение победителей, чьи физиономии были затянуты черными ремешками касок, в мундирах с множеством значков, тут же готовых к бою, угрожающе надвигались на нее. А Реувен все говорил и говорил. Шел медленно, не ощущая ее тревогу. Они прогуливались вдоль реки Шпрее. Добрались до низеньких домиков старого Берлина. Она остановилась напротив статуи девственницы из бронзы на мосту святой Гертруды, очарованная игрой лучей заходящего солнца на темных водах. Медленно гас ореол, и темень, казалось, восходила из глуби реки. Небольшие лодки скользили по поверхности воды.

«Наоми, пойдем, выпьем кофе», — Реувен отвлек ее от волшебного зрелища. В кафе, до отказа забитом народом, выражение его лица стало особенно важным. Он взглянул ей в глаза и сказал: «Отношения между нами, Наоми, теперь будут иными. Сделай выводы».

Выводы? Какие выводы? Она вовсе не расположена к серьезным разговорам. Реувен — парень с золотым сердцем, но поверхностен и не умен. С ним невозможно углублять беседу. Ответы его на ее вопросы о политическом положении в Германии и германском еврействе весьма банальны. В основном, он говорил о своей деятельности в настоящем и не переставал вспоминать события детства в молодежном движении.

— Я буду актрисой театра или кино, — прервала она его, и пирожное с кремом таяло у нее во рту.

— А я буду мужем актрисы, — говорил он, глядя поверх чашки, и, как в детстве, обращался к ее блуждающему неизвестно где взгляду.

Она возвращается к местам своего детства. Вот полуподвальная квартира поварихи Эмми в квартале Вайсензее. Дед был расположен к ней и ее мужу, инвалиду Первой мировой войны. В период большой безработицы дед использовал свои связи с бизнесменами и устроил ее мужа охранником на заводе. Теперь же нацистская атмосфера овладела улицей. Социал-демократы и коммунисты прячутся. Часть из них сумела сбежать в другие страны, некоторые попали за решетку или убиты. Но большинство из них сменила кожу. Положение мужа поварихи Эмми, быть может, ответит ей на вопрос — есть ли шанс, что нацистская власть является преходящим эпизодом, как думает большинство немецких евреев. Муж Эмми изучал марксизм и немецкую историю в лучшей школе для рабочих, которую основал

и руководил ею Август Бебель, ученик и друг Маркса. Бебеля высоко ценили рабочие, как известного во всем мире, идеолога социал-демократической партии. Муж Эмми — фанатичный социал-демократ. Если он придерживается и сейчас этого мировоззрения, быть может, Германия все же очнется.

У входа в квартиру Эмми пара глаз буравит лицо Наоми. Множеством портретов нацистских лидеров, которыми награждают тех, кто участвует в кампании взаимопомощи, обклеены стены. Наоми чуть не упала в обморок. Эльфи, дочь Эмми, высокая и худая блондинка стоит перед ней в форме гитлерюгенд. Эльфи простая и не очень красивая девушка, но в форме с нацистскими значками она выглядит самоуверенно и внушительно. Взгляд ее сверкает, когда она приглашает Наоми войти в дом. Наоми потрясена. Как это может быть, что девушка, которая с пяти лет воспитывалась в детском саду социал-демократов, каждый день носила красный галстук, сменила его на черный, который носит гитлеровская молодежь.

Наоми должна разобраться в этом явлении. Три года назад Эльфи провозглашала: «Мы ненавидим нацистов. Никогда не будем голосовать за Гитлера!». Теперь социал-демократы поддерживают фашизм?! Семья Эмми сидит на ящиках. Отец Эльфи объясняет, что они готовятся переезжать в Аахен. В этом городе металлургических заводов он будет работать охранником на одном из предприятий Круппа. Молниеносная мысль пронизывает Наоми. Брат Эмми, живущий в рабочем квартале в Аахене, работает охранником на одном из предприятий Круппа. Он-то и прислал письмо сестре, остерегая ее от работы в еврейском доме. Эмми оставила дом Френкелей, и домочадцы страдали от Вильгельмины.

— Наконец-то есть порядок, нет безработицы, никогда не было так хорошо рабочему человеку. Что же ты хочешь? — объясняет отец Эльфи гостье из Палестины, почему он оставил социал-демократическую партию без всякого угрызения совести, — Нет воровства, нет преступности! Посмотри на нашу прекрасную молодежь, на ее чистоту и любовь к порядку. Каждый рабочий, даже самый неквалифицированный, имеет отпуск. Гитлер действует в интересах народа.

Муж Эльфи приподнимается со стула, выпячивает грудь, тянет раненую ногу в угол комнаты, кладет руку на радиоприемник, и говорит взволнованным голосом:

— Это нам дали бесплатно. Власть дает каждому гражданину радиоприемник.

Он опьянен гордостью, пылающие его глаза говорят сами за себя. Вот, пожалуйста, самый простой рабочий может

пользоваться в своем доме таким радиоприемником. Наоми в шоке, она не может понять, куда делся разум у такого прямодушного человека, как отец Эльфи. Он что, не понимает, что радиоволны этого приемника могут принимать программы только в пределах Германии. Радиоприемник, которым так гордится отец Эльфи, по сути, орудие пропаганды в руках нацистов, насилующих массы массированным промыванием мозгов. Эта фальшивая духовность, превратившая социал-демократическую семью в пламенную нацистскую ячейку, вызывает в ней тошноту, подступающую к горлу. Гитлер действует в пользу граждан государства?! Правда, что нет безработицы. Все силы Германии нацелены на войну. Множество граждан работает в военной промышленности. Но какую человеческую цену платит за это отдельный индивид? Потерей личной свободы и жестокостью в отношении граждан, которые не принадлежат арийской расе или выступают против нацизма. Бебель переворачивается в гробу! Его ученики предают школу, основанную им, которая воспитывала немецких рабочих. Рты их зажаты или округлены, как у музыкантов, дующих в угоду власти.

— Транспортная сеть развивается и расширяется. Гитлер восстановил Германию, — решительным голосом вещает отец Эльфи.

Губы его сжимаются, напрягаются, и голос его то повышается, то понижается, славословя нацистскую власть.

Германия потеряна! Если такой порядочный человек, как отец Эльфи, стал нацистом, Германия потеряна! Если верный социал-демократ сменил кожу, Германия в безумии несется в мир хаоса.

Наоми возбуждена. Лотшин равнодушно реагирует на ее сообщение о том, что Эмми и ее семья поддерживают Гитлера, и отвергает попытки Наоми заставить ее упаковать вещи и присоединиться немедленно к семье в Аргентине.

В преддверии Олимпиады Германия сверкает чистотой более чем всегда. Неужели свершится чудо, и опасность исчезнет? В писчебумажном магазине Наоми осталась наедине с продавщицей. У нее мягкий приятный голос. Она одновременно тревожится и принимает все, что происходит вокруг. Продавщица сразу определила, что перед ней еврейка, коснулась ее руки и сказала:

— Девочка, не беспокойся. Нацисты долго не удержатся. Все это кончится, и нацисты поплатятся. Придут другие дни.

Мир сошел с ума! Немка выражает ей сочувствие и поддержку, в отличие от продавщицы-еврейки, благодушно сидящей в маленькой лавке, где продаются остатки тканей. В полдень Наоми остановилась у вывески «Габриель». Сквозь стекло

витрины она видела невысокую продавщицу. Ей овладело неодолимое желанием увидеть еврейское лицо. Она вошла в лавку и узнала мать своей одноклассницы Герды. Наоми представилась и через некоторое время задала дающий ей покоя вопрос: «Почему вы до сих пор не покидаете Германию?» Мать Герды напрягла свое маленькое тело и похвасталась: «Нацисты покупают у меня, Товарищ моей дочери — нацист».

Герда и нацист нарушают два нюренбергских закона, о защите крови и германской чести?! Германия обезумела! Она сбежала из лавки. Он села в трамвай, идущий в бедный торговый район, чтобы встретиться с бывшей одноклассницей. Светловолосая, голубоглазая, с тонкой талией, Герда удивленно встретила ее на пороге своей квартиры. В углу маленькой квартиры, скрючившись, сидел отец Герды, бессмысленно глядя в пространство. Несчастный лишился разума в результате ранения в голову во время большой войны.

— Герда, почему вы не оставляете Германию, не едете в Палестину?

— Как можно ехать в такую дикую страну, как Палестина? — усмехнулась Герда, как усмехалась с приходом Гитлера к власти, когда Наоми предложила ей вступить еврейское молодежное движение: «Чего вдруг я пойду в движение еврейской молодежи? Это не для меня». В ее голосе чувствовались нотки высокомерия.

Германская патриотка Герда повысила голос до крика, когда Наоми уже второй раз осмелилась предложить ей покинуть Германию.

— Оставить наше отечество?! — Герда устрашилась самой этой мысли и стала похваляться своим общественным положением. — В нашем здании проживает нацистская семья. Глава семьи — эсэсовец. И, несмотря на это, между нашими семьями — истинно дружественные отношения. Мы ходим друг к другу в гости.

Наоми замолчала. Герда видела ее сомневающийся взгляд и пыталась навязчиво убедить ее, что страхи ее преувеличены, как и у всех, кто покидает страну:

— Ты не понимаешь, немцы любят евреев. Все это преследование только внешне. Наша связь с нацистской семьей доказывает это.

Жалкая квартира, зараженная преувеличенной любовью к ненавистникам евреев, пробудила в Наоми сильнейшее желание убежать от непрекращающегося словоизлияния Герды, но каждый раз она останавливалась у дверей. Герде было важно убедить Наоми в том, что жизнь ее в Германии прекрасна. Она открыто и подробно рассказывала ей о своих интимных отношениях с

любовником-нацистом.

— Ты рискуешь, — сказала она, когда та распространялась о своих поездках в Грюнвальдский лес, где они занимались любовью.

— Я не боюсь. Он нарушает закон и он в моих руках. Он охраняет меня и мою мать.

Герда и ее мать не видят того, что надвигается на страну. Дед ушел на тот свет с осознанием горькой истины, что обманывал себя, уверенный в том, что он такой же гражданин Германии, как все остальные. Семье открылись глаза лишь после того, как им вручили два приказа: отказаться в течение трех дней от фабрики и продать их роскошный дом за жалкую цену важному чину нацистской партии, который положил на него глаз. Несчастная семья. Гейнц был освобожден из подвалов гестапо лишь благодаря нацистскому адвокату Рихарду Функе, который удовлетворил свою похоть с ее сестрой — красавицей Лотшин. Она заплатила своим телом за спасение жизни брата. Наоми вспоминает голос Рахели Янаит: «Евреи в диаспоре были изнасилованы со звериной жестокостью, но не сделали из этого никаких выводов». И голос этот схлестывается с голосом отца: «Ты немецкая девочка, как все немки!»

Страна Израиля священна, и голос Рахели побеждает все остальные голоса в ее душе. Да, она еврейка, израильтянка: так она отвечает смертельному страху, который овладевает ею на нацистской улице.

Доктор Филипп Коцовер стоит в своем офисе, не скрывая волнения.

— В стране Израиля есть уже своя промышленность. Страна Израиля — нечто весьма реальное. Это больше не мечта и ожидание Мессии, — говорит Наоми.

А он держит в руках, как настоящую драгоценность, две привезенные ему в подарок бутылки апельсинового сока фабрики «Асис» с надписями на иврите.

Филипп берет свой портфель и, вместе с Лотшин и Наоми, направляется в специальный суд по делам сирот, получить разрешение на деньги, завещанные Наоми. По дороге он все расспрашивает ее о событиях в еврейском анклаве. Она, чувствуя себя представительницей страны Израиля, описывает достижения сионистских предприятий, и глаза ее сверкают. Судя по ее расширенным зрачкам, жизнь ее в Палестине — сплошной мед, помня, что это земля, текущая молоком и медом.

— Филипп, ты — сионист, — взгляд ее упирается в его очки и медленно скользит к кончику носа, — Почему же ты не

торопишься репатриироваться с семьей в страну Израиля?

— Я знаю подлинную правду, я знаю, что случится, — Филипп смотрит на свою подопечную, и взгляд его говорит, что он смирился со своим предназначением, — я буду последним евреем, который покинет Германию. Останусь, пока не выведу отсюда последнего еврея.

— А жена и дети?

— У нас единая судьба. Мы — семья.

Наоми почувствовала сильное сердцебиение. При посещении его дома, Филипп познакомил ее со своей симпатичной женой эмигранткой из Литвы. Не очень красива. Невысокого роста с квадратной, как и у него, фигурой. Первый его ребенок — двухлетняя дочь, и младшенькая, которой всего несколько недель от рождения. Как юрист, представляющий еврейскую общину перед гестапо, Филипп не может позволить себе эмигрировать из нацистской Германии. Он в отчаянии. После Олимпиады нацистский режим обрушится со всей силой на евреев. Это является основой нацистской идеологии! Евреи просто не осознают убийственность своего положения. Они сопротивляются мысли, связывающей облегчение их участи с годом Олимпиады. Они убеждают самих себя, что жестокое отношение к ним, не могло долго длиться. Его предупреждения — глас вопиющего в пустыне. Недостаточно того, что они не бегут — спасать свои жизни. Временное ослабление преследования евреев, тянет беженцев вернуться на свою любимую родину. Экономика Германии стабилизировалась и даже окрепла. Мероприятия, инициированные властью, увеличение производства, концентрация капитала и другие шаги, почти совсем уничтожили безработицу. Евреи сами себя обманывают, уверяя себя, что подстрекательская политика против них движется к завершению.

Как ашкеназский еврей, Филипп хладнокровно анализирует близорукость еврейства Германии. В эпоху духовной катастрофы, культурного и общественного потрясения и необузданной ненависти, решительное большинство еврейской общины верит в силу еврейства и его вклада в германское общество, способного изменить отношение к евреям. За годы жизни в Германии, Филипп изучил степень влияния энергичной еврейской духовности на германскую культуру. Евреи продвинули германскую культуру, привели ее к расцвету. Стремясь отдалиться от иудаизма, они внедрялись в духовную и культурную жизнь Германии. Евреи поддерживали художников, музыкантов, скульпторов, литераторов. Положение изменилось, но они не могут к этому привыкнуть, не могут увидеть реальность в ее оголенном и отвратительном выражении. Как и в детстве, так

и сейчас Наоми знает, что Филипп прав.

Страх и унижение держат в тисках ее душу. Портреты Гитлера, огромные свастики красного цвета на знаменах нацистов, предупреждающие угрожающие надписи — «Евреям запрещено здесь сидеть», сопровождают Филиппа, Лотшин и Наоми по всему пути к пустому залу суда по делам сиро. Единственный полицейский сопровождает их, как опасных преступников. В такие унизительные минуты в душе Наоми просыпается сильнейшая ностальгия и любовь к стране Израиля. Более чем всегда, она ощущает себя счастливой. Трудности пустынной страны ничтожны по сравнению с положением евреев в нацистской Германии.

Два часа они ждали, стоя, прихода трех судей в зал заседания. Филипп представился, как адвокат и попечитель Берты-Наоми Френкель, и попросил от ее имени перевести деньги, которые положил отец в английском банке на ее имя, с целью оплаты ее образования. Речь шла о ее учебе в условиях интерната. Судьи возражают, исходя из предположения, что она выйдет замуж за еврея, а законом запрещено переводить столь большую сумму еврею. Вместе с тем, она сможет использовать деньги только на медицинские цели.

Лотшин обладает мужеством, не боится идти на риск. Она везет сестру в самый берлинский санаторий, один из самых известных в Европе. В холле две монахини беседуют под огромным портретом Гитлера.

— Как велика любовь человека, который отказывается от королевского звания во имя женщины, — говорит одна, обращаясь к другой.

— Они — редкая пара, — отвечает ей собеседница.

Речь идет о наследнике британского престола Эдуарде и госпоже Симпсон, разведенной американке. Лотшин переводит свои, как всегда подернутые мечтательной поволокой, глаза с портрета Гитлера на монахинь, и в долю секунды в мозгу у нее мелькает мысль, что она с сестрой могут быть в наручниках сопровождены из санатория в гестапо в эти долго длящиеся минуты, пока беседующие монахини не освободятся, чтобы выслушать их просьбу.

Доктор Фон Айкен, уважаемый человек, высокий и плотный, личный врач фюрера. Он лечит его от хронического заболевания горла. Лотшин смотрит ему прямо в строгое лицо, вызывающее трепет и уважение, и хладнокровно описывает решение нацистского суда. Доктор Айкен искренне огорчен жестоким отношением к евреям в государстве. Его голубые глаза перебегают со светлых глаз Лотшин к ее золотистым кудрям, и

при этом он думает, как помочь еврейкам получить их деньги. Хриплый голос Наоми подсказывает ему, что у нее не все в порядке с горлом, явно какое-то хроническое заболевание. Он тщательно проверяет ее и говорит извиняющимся тоном:

— Я смогу прооперировать ее гланды. Она и так страдает от повторяющихся воспалений горла. Госпитализирую ее на две недели и напишу, что у нее было осложнение.

В частной клинике доктора Айкена медсестры носятся вокруг нее в период выздоровления после операции. По приказанию доктора спрашивают ее все время, чего ей не хватает. Доктор посещает ее каждый день. Сидит около нее, и с большим интересом слушает ее рассказы о мужестве еврейских поселенцев, борющихся с трудными условиями жизни. С пафосом она красочно описывает нацистскому врачу все предприятие, называемое еврейским анклавом в Палестине, — несмотря на пустыню, тучи комаров, малярию, голод, болота и осушение болот в Саронской долине. Она рассказывает о цитрусовых плантациях, о том, как выращивают пшеницу, о вооруженной борьбе между еврейскими стражами и бандами грабителей, о гибели евреев в автобусах, обстреливаемых арабами.

— Положив руку на Тору, мы клялись быть верными защите наших достижений. Я готова пожертвовать жизнью во имя страны Израиля и моих товарищей.

Удивление, написанное на лице врача, усиливает ее пафос. Чтобы он не подумал, что речь идет о дилетантах, она рассказывает о деталях быта поселенцев. С чувством национальной гордости она рассказывает, что в кибуцах обязывают всех парней и девушек присоединиться к обороне. Батальоны делятся на роты, мужские и женские. Они учатся стрелять из винтовок и пистолетов. Если нет оружия, то упражняются в рукопашной схватке. Кибуц окружен бетонными укреплениями. В каждом дежурят по два-три парня. Им придана одна винтовка. Дежурят они днем и ночью, охраняя кибуц от проникновения арабских банд. Упражняясь, они делятся на две сражающиеся между собой группы — арабов и евреев, набираясь опыта боя лицом к лицу. Она пытается доказать врачу Гитлера, что евреи умеют сражаться.

— Ты участвовала в военных действиях?

— Конечно. Я отличилась в рукопашном бою.

— Ты не боишься? — его взгляд буравит ее черные пылающие глаза.

— Нет! Привыкают к реальности жизни! Мы тренируемся с собакой-боксёром, который надрессирован набрасываться на арабов. Один из нас надевает арабскую одежду и куфию на

голову, и с этим псом мы защищаемся от грабителей, проникающих в поселение. Иногда по ночам мы входим в арабские села, чтобы нейтрализовать охранных белых собак особым порошком.

Она замечает заинтересованные взгляды доктора, оценивающие сионистское предприятие в Палестине. И даже чувствует отеческое отношение к себе. Из бесед с ним она делает важный для себя вывод: люди высоко ценят мужество, самоуважение и личное достоинство.

Доктор Фон-Айкен сдерживает свое обещание. Пишет раздутый счет расходов за операцию и госпитализацию и не берет с сестер ни одной германской марки.

— Не благодарите меня. Это то малое, что я смог делать для евреев, — отвечает он сестрам, благодарящим его за все, что он сделал для них.

А Наоми он говорит:

— Ты убедила меня в том, что Палестина — лучшее место для евреев.

Она вручает ему в подарок бутылку апельсинового сока «Асис» и с удовлетворением говорит:

— В стране Израиля мы производим соки.

Доктор смотрит на нее с удивлением: что такого особого в сионистских соках. Недостаточно соков в Германии?

Сестры оставляют клинику, имея на руках медицинские подтверждения для обращения в банк. Наличные помогут Лотшин в час беды.

Страх, с которым она приехала в страну Израиля из нацистской Германии, не оставляет ее душу. К этому добавляется гнев на Гейнца за то, что он написал Лотшин. Любимый брат ожидает падения режима Гитлера и воссоединения всей семьи в Германии! Он не может осознать, что страна Израиля, даже такая пустынная и засушливая — весь ее мир. Еврейство и сионистская идея далеки от Гейнца, Руфи и Ильзе. Они создали для себя дома в Аргентине. Ассимилянты и индивидуалисты, они пропадут в дикой, засушливой, пустынной стране Израиля.

Что касается ее самой, она до последнего вздоха будет бороться со своими слабостями. Она должна завоевать для себя Израиль. Она всей душой клянется в верности исторической родине своего народа, даже если оторванность от него и беспомощность преследуют ее. Как еврейка, она репатриировалась сюда, и в один из дней, она поймет, что такое иудаизм, кто это — еврей и почему преследуют еврейский народ. Если бы она систематически и основательно изучала историю

народа и его страны с древних времен до сегодняшних дней, нет у нее сомнения, что перед ней открылись бы врата к пониманию мучающих ее вечных вопросов.

В Израиль она возвращалась, ощущая сильнейший душевный подъем. Сказала себе, что страна эта важнее всяких материальных благ, и отдала в коммуну все личные вещи, оставив себе лишь элегантный вязаный свитер темно-красного цвета. Дамы кибуца, уезжая в заграницу, надевают ее золотые часы и наряжаются в наряды, которые ей купила Лотшин. Наоми это не мешает. Одно у нее желание: вырастить в душе жизненные силы для борьбы с отчужденностью, устраивающей ей засаду в любом месте.

Апрель 1937. Некоторые из ее товарищей и присоединившиеся к ним парни и девушки из других кибуцев Издреельской долины решили создать новый кибуц Гимель-Хацор. К концу лета к ним присоединилась еще молодежь, закончившая курс подготовки в Мишмар Аэмек. Только Наоми все еще пребывает в одиночестве. Моше и Элишева Фурманские, Йудке и Эмма приглашают ее к себе. Ирма, богатая американка, которая оставила легкую жизнь в Соединенных Штатах и приехала в кибуц, влюбившись в Мордехая Бентова, также пригласила ее к себе домой, и не рассердилась, когда из рук Наоми выскользнула чашка и разбилась на мелкие осколки. У Ирмы особый статус в кибуце. По ее инициативе британские офицеры собираются в читальном зале. Ципора Бентов помогает ей в приеме британской аристократии, приезжающей в гости в Издреельскую долину.

Рыжая Ципора, приехавшая из польского городка, кружится между британскими офицерами, щеголяя прической и модной одеждой современной западной женщины. Как жена Мордехая Бентова, Ципора может себе позволить не появляться в одежде типичной кибуцницы. Статус есть статус. От нее и Мотке ждут рассказов об их поездке в Америку. В конце концов, из всех членов кибуца они единственные, которые пересекли на самолете Атлантический океан.

— Я не соглашусь обслуживать англичан, — рассердила Наоми рыжую Ципору.

Девушка бунтует, хотя всем была разъяснена польза от приемов британского офицерства, именно теперь, в дни кровопролития на дорогах.

Все в ней восстает против лицемерного подхалимажа британцам. Ее Лотшин подвергается опасности из-за ограничения правительством Великобритании репатриации евреев, чтобы ублажить арабов. С отвращением она смотрит, как в честь этих

иностранцев, вносят в читальный зал кожаные кресла и роскошные фарфоровые сервизы, которые Ирма пожертвовала кибуцу. На фоне простой мебели и скромной посуды эти вещи Ирмы кажутся привезенными в Издреельскую долину прямо из британского королевского дома. И эта суета каждый раз перед приемом британских офицеров отталкивает ее.

Шофар, израильский мухтар, репатриировавшийся в из Польши, скачет верхом в соседнее арабское село, чтобы пригласить почетных гостей на праздничную трапезу и продемонстрировать доброе отношение евреев к соседям-арабам. У ворот кибуца Шофар, выпрямившись во весь свой высокий рост, раздуваясь от гордости, принимает британское офицерство.

— Вы видите, — указывает он на шалаш для гостей при входе в кибуц, — арабы нас атакуют, а мы отвечаем им трапезой и дружбой. Шофар гордится сдержанностью анклава. И арабы из дальних и ближних сел приезжают на праздничную трапезу в Мишмар Аэмек, угощаясь кубиками овечьего сыра, маслинами, чашкой кофе. Шофар ведет беседы на арабском языке с гостями.

Большие мечты Наоми развеялись. Она отторгнута, чужда обществу, но во имя великого предвидения она готова переносить невыносимые страдания. Она ругает себя, наказывает, пытается следовать наказу: будущее страны Израиля важнее любого ее личного чувства. Особенно, когда опасность гибели преследует евреев. Репатрианты из Германии, которые в эти дни прибыли в кибуцы, рассказывают об ухудшении положения евреев. Евреи получают продуктовые карточки, по которым можно получить небольшое количество продуктов, и только в ограниченном числе магазинов. Быть может, Лотшин страдает от голода? В письмах ее много скрытого. Наоми не знает, что бывшая служанка в их доме Кетшин, благодарная семье Френкель за незабываемые годы, которые она провела в их доме, тайком от мужа-нациста, привозит продукты Лотшин. Наоми очень скучает по Лотшин и боится за ее участь. Как эта девушка со столь тонкой интеллигентной душой приспособится к дикой пустынной стране? В одном из писем Лотшин написала, что Наоми нечего опасаться, она, подобно сестре, сумеет успешно преодолеть все трудности. И, все же, она не торопится приезжать.

Глава тринадцатая

Долгая ночь на сеновале в Дгании-Бет, недалеко от берега озера Кинерет похоронила ее девственность.

Это случилось во время годовой экскурсии по окончанию первого выпуска молодежной группы. Вскоре они должны были уйти в новый кибуц.

Эта ночь просто уничтожила ее, покрыла позором. Это совершилось в мертвом безмолвии и умерло в ней. Но однажды это вырвется из бездны тьмы криком правды, придет из забвения той трагической ночи, которая растоптала редкие проблески света, которые жили в ней.

Рени лежала справа от нее. За несколько минут до того, что она задремала, появился Шаик и лег слева от нее на некотором расстоянии. Вдруг рука его зажала ей рот, вырвала из сна. Она открыла глаза и остолбенела. Адская боль пронзила ее, но крик не мог вырваться из-под его ладони. Она потеряла сознание.

— Рени, Рени, со мной что-то случилось? — очнулась она от обморока с ощущением, что все в ней разорвано. Груди — багровые синяки.

— Кто тебе это сделал, Наоми? — истерически закричала Рени, увидев кровь, текущую между ногами Наоми.

— Шаик спал рядом.

Рени стала звать на помощь. Она обвинила Шаика в изнасиловании Наоми. Йона Бен-Яаков заставила ее замолчать, ведь Шаика могут арестовать. Она увезла Наоми в больницу, в Афулу. Рени в шоке.

Шик отрицает вину, которую она публично возлагает на него. Вся группа в смятении. Йона Бен-Иаков послала Наоми на неделю к своим родителям в Тель-Авив, чтобы она немного пришла в себя. В кибуце кипят страсти. Шаик сказал:

— Она сама соблазнила меня. Что я мог сделать? Я — мужчина.

Члены кибуца шокированы дерзостью девушки. Как она смеет обвинять в изнасиловании почетного первопроходца, воспитателя, рабочую косточку — Шаика?!

Из Тель-Авива Наоми вернулась во враждебный, осуждающий ее, кибуц. Глаза всех сверлят ей, разрывая в клочья. Все силы объединяются на защиту доброго имени кибуца Мишмар Аэмек.

Йона Бен-Яаков, преподавательница иврита и инструктор молодежи подводит итог скандалу:

— Шаик — человек порядочный. Такого не сделает. Нельзя даже представить, что он тебя изнасиловал.

— Это ложь! — Рахель Каценштейн потрясена, — Шаик — человек высокой морали. Она сочинила все это.

Бывшая короткий срок преподавателем в группе, Рахель свидетельствует, как Наоми широко раскрывала глаза на преподавателей, флиртуя с ними. На девушку со всех сторон сыплются обвинения, а она не реагирует. Никто не может понять, что это у нее от рождения. Любое прикосновение к интеллектуальной теме зажигает искру в ее зрачках. Каждая новая идея обретает некую живую форму в ее мозгу. И сердцебиение непроизвольно расширяет ее глаза.

«Она не изнасилована» — кричит весь кибуц.

Ципора Бен-Тов упрекает девушку:

— Каждая женщина, у которой есть опыт с мужчинами, знает, что активна женщина, а не мужчина.

— Не может быть такого, чтобы он на тебя набросился, ты все сочинила.

Кибуц в большинстве своем придерживается мнения, что виновата она. Ну, так она виновата. Но что случилось с Рени? Чтобы успокоить ее та рассказывает о парнях, что набрасывались на нее. Теперь, вернувшись из Тель-Авива, она скрывается от Наоми.

— Ты знакома со мной с детства. Ты ведь знаешь, что все эти россказни о случившемся — сплошная ложь.

Рени сомневается в том, что произошло изнасилование.

— Я ведь не видела, что случилось. Я спала.

Но ведь она действительно была изнасилована. И в кибуце не все смотрят на нее с отвращением. Эмма Талми пристально вглядывается в нее. Глаза Эммы словно бы извиняются за молчание девушки. Голос защищающего ее члена кибуца Эзры Зоара исчезает среди голосов других, и в том числе, самой группы, жалеющей, что одна из их товарищей попала в ловушку с одним из основателей кибуца. Она ходит, как потерянная. Но, в основном, группа отвергает распутницу, которая недостойна, по их мнению, присоединиться к ним в новом кибуце Гимель-Хацор в Ришон-Ле-Ционе.

Да, она виновна. Это случилось с ней, потому что она, не как все. Уважаемый первопроходец позволил себе наброситься на нее. Он подло изнасиловал ее в темноте, потому что она не такая, как все. Каждый позволяет себе изгаляться над ней, потому что она чужда коллективу. Она виновата! Из-за шелковой портьеры в кабинете покойного отца она слышала, как он говорил: «Что вы от нее хотите. Она странный ребенок». В завещании он наказал Лотшин быть ее попечительницей и защитницей, именно, потому, что она странная.

Куда сбежать? Страна пуста и пустынна. Она одинока в этом мире. Скверна коснулась ее, очернив весь ее мир. Гейнц и Лотшин, которые всегда были на ее стороне, далеко, за океаном. Она сбежала в Хайфу. Блуждала по улицам города со своей бедой и позором, подумывая убить все это под колесами автобуса. Холод и жар, липкий пот и мысли о самоубийстве туманили ее мысли. Образ Лотшин отгонял эти мысли, не дающие ей дышать. Лотшин обещала репатриироваться и жить с ней. Как она расскажет сестре, доброй душе, что святая страна осквернила ее.

Все ее мечты — пустышки. Желание покончить с собой сильно. Мать, отец и дед умерли. Братья и сестры разбросаны по миру. В нацистской Германии Лотшин находится в постоянной опасности. В грезах Наоми, сестра защищает ее. Лотшин говорит с ней в ее воображении как милосердная мать. «Не будет у меня дома в стране Израиля, — думает Наоми. — Выгонят меня из движения».

Ради старшей сестры ни в коем случае нельзя ей сходить с ума. Лотшин репатриируется. Будет с ней. Спасет ее. Но приспособится ли она к этой трудной стране?!

— Иди к домику Розы, но не входи в него, — голос незнакомого юноши врывается в ее несчастное состояние, — какой-то странный парень приказал мне вызвать тебя.

Плечи того, кто ждал ее снаружи, дрожали, кулаки были сжаты в карманах, как в детстве, когда он был грустен или взволнован. Она не сразу узнала его. Вскрикнула:

— Здравствуй, Реувен.

— Я тороплюсь в клинику, — обронила Роза и оставила их вдвоем.

Реувен стоял посреди комнаты. Щеки у него пылали, лицо хмурилось. Как жених под балдахином, он не сдвигался с места, но взгляд его говорил: снова ты ведешь себя иначе, чем все. Выражение его лица возвещало, что он должен ей сказать что-то важное.

— Наоми, после стольких лет я пришел к тебе с решением, — приступил он сразу к делу.

— Решением?

— Мы женимся, — выражение чрезвычайной важности появилось на его лице.

Выяснилось, что Роза рассказала ему в деталях ее положение, и он, который всегда спасал ее от всех проблем, возник опять в роли рыцаря. Он пожал плечами, и сказал, что знает ее с детства, и не верит сплетням, которые о ней распространяют.

— Но Реувен… Никто не собирается выходить замуж. Что вдруг?

И снова, как в их детстве, он хлопнул ее по плечу, одновременно дружески и с чувством собственной значимости, пожал ей руки мужественным пожатием друга, на которого можно положиться, и сказал:

— Как ты попала в такую ловушку. Если бы я репатриировался вместе с тобой, такого бы не случилось.

Она не сомневалась, что он прав. С детства он защищал ее от всех, кто пытался ее обидеть. Шаик бы не осмелился к ней прикоснуться, если бы такой сильный и решительный парень, как Реувен, был бы рядом с ней. Пускай он не очень умен, но сердце у него золотое. Он всегда излучает человеческое тепло. Чувствуешь, что на него можно положиться. Но он принадлежит к их ушедшему в забвение детству, к потерянному миру.

— Я не хочу иметь никаких дел с мужчинами. Я хочу быть одна и жить одна, — сухо сказала Наоми и начала расспрашивать о положении в Германии, откуда он только что прибыл.

К сожалению, Реувен ничего не знал о Лотшин, кроме того, что видел ее в еврейском общинном центре.

Реувен исчез из кибуца. Он приехал в страну с водительским удостоверением, и тут же был мобилизован, как шофер в западную пустыню.

Она же погружена в свои беды. Мнение большинства подобно ножу, затачиваемому на точильном станке, с намерением все более урезать ее личность. Честь ее растоптана. Она затаилась в молчании. Никто не знает, что творится у нее на душе. Она всего боится. Сердце ее все более укрепляется в чувстве собственной вины и неполноценности. Темень преследует ее. Мрачные сны посещают ее ночами. Острая боль не отступает. Потеряны всякие ощущения. Ее мучают кровотечения. Она живет между сном и реальностью. Забыть, все забыть. Волк или лиса, а может пес или кот набросились на нее в ту ночь на сеновале.

Что с ней случилось? Головокружения, тошнота, рвоты. Маленькие груди увеличились. Она лежит на белой клеенке, сложив пальцы на животе. Равнодушная холодная рука в резиновой перчатка вторгается ей между ног.

— Ты беременна.

Кровь стучит в ее висках. Комната кружится вокруг нее. Не может быть. Кибуцник, учившийся медицине, известный всем, как специалист по вопросам беременности, явно ошибается.

— У тебя есть друг? — взгляд его упирается в ее гладкий живот.

— Нет.

Ладони ее касаются живота, взгляд опустошен, словно душа и тело отделяются друг от друга.

— Ты в начале четвертого месяца. Обратись к гинекологу в Афуле.

Не волк и не лиса или шакал. Также не пес и не кот не ранили ее в дикой стране Израиля. Почтенный член кибуца грубо попрал ее честь. Она виновата. Общество право. Она родилась не приспособленной к обществу. Судьба ее — быть беспутной из-за своей отчужденности.

— Наоми беременна, — как огонь в сухом хворосте, разнеслась весть из клиники.

Лаука, известная сплетница, носится между членами кибуца с этим потрясающим сообщением. Потрясение и скандал. В столовой, во дворе, в секретариате, по всем углам только охают и ахают о позоре. Медсестра Брурия в полной прострации. Это же надо, какой позор нанесла эта девица кибуцу Мишмар Аэмек. Брурия громогласно заявила, что эта девица — проститутка. Кибуц охвачен волнением. Все только и обсуждают оскорбление, которое она нанесла Шаику.

— Почему ты мне это сделал, — в отчаянии она пришла к нему комнату.

— Много времени у меня не было женщины. Я не мог себя сдержать.

— Ты разрушил мою жизнь.

— Я женюсь на тебе. Будет у тебя муж с положением.

— Я никогда не выйду за тебя замуж.

В кибуце кипят страсти. Мишмар Аэмек — жемчужина кибуцного движения, и вот, доброе имя его опозорено этой девицей восемнадцати лет с душой маленького ребенка. Адское дело! Аборт запрещен законом. К тому же, четвертый месяц беременности. Ни один гинеколог не рискнет.

У нее и тела нет. Она бьет себя кулаками по животу, хочет избавиться от чужеродного существа в ней. Но живот ее растет. Маленькие груди увеличиваются. Она чужда миру и мир чужд ей. Страна Израиля бросила ее на произвол судьбы.

Она с трудом передвигается. Сухие губы приоткрыты. Она — на обочине жизни, на обочине общества. Прячется по углам со своей бедой. Душевные пытки не дают ей ни минуты покоя. Одна у нее просьба, чтобы ангел смерти прибрал ее. Молчать, только молчать! Она брошена всеми. Нет у нее семьи, дом ее в Германии. Все дорогие ей духовные и душевные ценности рухнули. Судьба ее — бездомность. И нет никого, кто хотел бы ее выслушать, как все случилось на самом деле.

Одетые в ханжеские тоги идеологи, готовые лгать во имя коллектива, преследуют ее с утра до вечера. Жертва становится виновной, а преследователь — жертвой. На собственной шкуре

она учится, что ей необходимо остерегаться коллектива. Аристократия ивритского ишува весьма претенциозна. Члены кибуца Мишмар Аэмек — жестокие и лицемерные фанатики. И такое общество претендует на исправление мира? Коллектив лжет вольно или невольно. Коллектив ополчился на нее. И эти люди присвоили себе право диктовать правила грядущему миру?

Новость мгновенно распространилась: руководитель бюро по репатриации молодежи, искушенный политик, Генриетта Сольд считает своим долгом спасти честь двух образцовых сионистских проектов — кибуца Мишмар Аэмек — жемчужины ивритского анклава, и отдела молодежной репатриации. В секретариате кибуца собираются важные лица кибуцного движения для разбора и окончательного разрешения возникшей проблемы. Секретарь кибуца, инструкторы из кожи вон лезут, свидетельствуя о пылающих глазах девушки. Она стоит посреди секретариата как жалкая использованная вещь. В глазах у всех одно выражение: она согрешила. Генриетта Сольд сидит со своей секретаршей. Тут же — представители кибуца — руководитель отдела образования и воспитания Милек, Шаик.

— Как это может быть, что ты не чувствовала его приближения, а затем, того, что он к тебе прикоснулся?! — уважаемая госпожа сомневается в свидетельстве девушки.

Шаик разражается неожиданно длинной речью. Он был соблазнен этой развращенной девицей. На сеновале она разорвала свои штаны, охваченная страстью к нему. Он проснулся, не понимая, что происходит.

— Она прикоснулась к моему члену. Не хотелось мне ее устыдить. Тем более что меня тянуло к этой девушке.

— Как человеку намного старше ее, ответственнее ее, тебе следовало проявить сдержанность, — столь же сдержанным негромким голосом сказала уважаемая госпожа.

— Он меня изнасиловал! — беззвучно кричала девушка, опустив голову.

— Это вовсе не было так, — разлепила она ссохшиеся губы. Но из страха и уважения к госпоже Сольд, обступила ее стена молчания.

Генриетта Сольд выпрямилась во весь свой невысокий рост, и произнесла строгим голосом:

— Как ты смеешь обвинять такого уважаемого человека, как Шаик. Такой уважаемый человек не будет насиловать женщину.

Вывод напрашивается сам собой: девушка привела к этому печальному результату. Уважаемая госпожа сказала еще более строго и непререкаемо:

— Если бы ты не поддержала его притязания, ничего бы не

случилось!

Зубы Наоми сжаты. Родилась она странной девочкой, чуждой всем окружающим людям. Молчание ее истолковывается, как признание вины.

— Но это не было так.

Дух ее сломлен.

— Не может быть, что здесь не было взаимного влечения, — говорит уважаемая госпожа голосом проповедницы, — это не было изнасилованием. Естественная реакция на изнасилование — крик о помощи.

— Ты могла кричать, — поддерживает госпожу Милек Гольдштейн, — могла бы защищаться! Ты ведь была окружена товарищами. Если бы ты не хотела этого, оно бы и не случилось.

— Ты хотела этого, — общий вывод людей сидящих в комнате секретариата.

— Кто тебе мешал защищаться? — заключает уважаемая госпожа.

— Я женюсь на ней, и мы создадим дом для ребенка, — раздается голос Шаика. Как сын родителей-хасидов в прошлом, а ныне — ярый противник религиозных актов, он готов дать имя ребенку в юридически признанном бюро гражданских браков в Хайфе.

— Видишь, несмотря на то, что ты ему сделала, он готов на тебе жениться, — уважаемую госпожу пленил рыцарский жест Шаика.

— Не выйду за него замуж, — закричала Наоми.

— Нет у тебя выхода, — заключила уважаемая госпожа.

Силой ее не заставят выйти за Шаика замуж, — твердо решила она в душе, стоя посреди секретариата, где все облегченно вздохнули.

Наоми едва держится на ногах. Уважаемая госпожа не жалеет похвал бывшему инструктору Шаику, так ловко погасившему скандал, и приглашает его и Наоми в свой иерусалимский офис.

Наоми хочет выкричать свою боль: я не поняла, что со мной случилось. Потеряла сознание. Не знала, что он со мной делает. Я не хочу этой беременности. Но горький крик так и не вырывается из ее груди. Вся камарилья кудахчет вокруг нее:

— Ты должна гордиться тем, что он готов быть с тобой.

— Ты должна радоваться.

— У Шаика — статус.

— Тебе повезло.

Ощущение общей разрядки коллектива от тяжкого позорного пятна на всех, как очищение атмосферы после грозы. Все обращены к ней с общим выражением лиц: с тобой случилось

чудо. Доброе имя кибуца Мишмар Аэмек спасено. Эта дерзкая девушка стоит посреди охватившей всех праздничной суматохи, призванной увековечить успешный визит Генриетты Сольд и ее свиты. К этому следует прибавить успех членов кибуца, выпускников молодежной группы и новой пары. Все скопом улыбаются в объектив фотоаппарата.

Генриета Сольд уехала в Иерусалим. Сладостные улыбки и медоречивые слова женщин кибуца мгновенно исчезли, как и широта сердца будущего супруга. Он также исчез, словно и не существовал. Его отречение от нее ставит ее в положение проститутки. Она одинока со своей бедой. Редкие из людей, окружающих Наоми, поддерживают ее. Моше Фурманский, первопроходец, который гостил в ее доме, в Германии и был радушно принят ее дедом, обвиняет Шаика в том, что он по собственной вине впутался в неприятное, позорящее его, дело. Эмма Талми, обладающая особым статусом в кибуце, воспитательница, получившая ивритское образование в Польше и в совершенстве владеющая ивритом, не терпит Шаика за его диктаторское отношение к тем, кто придерживается иного, чем он мнения. Видя несчастье девушки, она старается ее поддержать. Эзра Зоар, друг Наоми со времен молодежного движения, открыто говорит ей, что верит каждому ее слову. Но выводы уважаемой госпожи Сольд беспрекословно приняты коллективом. Все против Наоми! Она беспомощна, ибо на ней уже клеймо странности. Чувства неполноценности и самообвинения искажают ее образ.

Такова сила коллектива, такова сила узаконенной коллективом лжи. Наоми ощущает на собственной шкуре, что «есть такое мнение» в кибуце и это есть истина в последней инстанции.

Она виновата. Дикость, словесное насилие больно и немилосердно бьет по ее человеческому достоинству. Коллективный зверь дышит ей в затылок, лишает возможности дышать, обдает липким потом. Насильственная рука затыкает ей рот. Хищные лапы разрывают на ней одежду. Голова вдавлена в колючую, секущую кожу, солому. Зубы впились ей в грудь. Он совершил то, что совершил, и скатился в край сеновала. А она потеряла сознание от боли. Катастрофа на сеновале парализовала ее душу и всякое желание жить. Забыть, забыть, не вспоминать! Кошмары преследуют ее. Все взгляды враждебны. Она — легкая добыча. Лишена локтей, чтобы отбиваться, лишена стойкости.

Что сделали с ней Генриетта Сольд, Милек Гольдштейн и все эти обвинители! Женщины ее клеймят. Блудливые взгляды мужчин упираются ей в живот. Кибуц благодарен благородству

уважаемого члена их коллектива, во имя которого он женится на этой распутнице гражданским браком. Она, истинная жертва, пытается себя убедить, что сама привела к собственному изнасилованию. Руководители кибуца и госпожа Сольд правы. Почему он набросился на меня, а не на другую девушку?

Коллектив убежден, что я виновата, значит, так оно и есть, думает она и, прячась в кустарнике, заливается слезами. Рвота душит ее. Вся эта почтенная камарилья заставляет ее выйти замуж за уродливого лжеца и насильника. Она пытается успокоить себя, считая камни и другие окружающие предметы. Затыкает уши от зуда голосов: он уважаемый человек. У него — статус. Теперь и у тебя будет статус. Положение твое станет намного лучше. Голова ее пухнет, как и живот, во тьме ночи, на соломенном матраце. Канули в небытие мечту о стране. Кибуц любит жалеть только «уважаемых». Совет кибуца принял решение в отношении Шаика. Из-за нарушения принципа сексуальной чистоты и нравственности отменили его поездку в качестве посланника в Румынию.

Все рушащиеся на нее беды искривляют ее душу. Что-то с ней не в порядке. Товарищи живут во имя коллектива, превращают пустыню в цветущие поселения, принимают деятельное участие в защите анклава. И лишь она ходит по тропинкам кибуца, отчужденная от самой себя. Смотрит в небо, и глаза ее лишены выражения, лицо, как холодный камень.

Лотшин возникает в ее видениях, и уста ее говорят: Бертель, оставь Палестину. Мы встретимся в Англии или в другой нейтральной стране. Уедем в Аргентину. Ильзе там зарабатывает шитьем, муж ее преуспевает, у него фабрика по производству лекарств в Буэнос-Айресе. Гейнц будет твоей защитой. Она безмолвно отвечает их слабым голосам: «Нельзя покидать страну Израиля. Частичка жизни будет вложена в чудо возрождения еврейской страны».

Она отвержена. Есть женщины в кибуце, которые считают своим долгом пить ее кровь, ядом своих злых языков отравлять ей существование.

— Поглядите на эту Наоми. Какая наглость с ее стороны ехать с нами.

Они злословят во время поездки на праздничное мероприятие в кибуц Бейт-Альфа, в автобусе, за ее спиной.

— Она не стыдится ехать в одном автобусе с Шаиком.

Кто-то из них направил ядовитую стрелу прямо в ее сердце.

— Что ты сделала Шаику!?

Рев мотора, обычно действующий на нервы, здесь оказался ее сообщником, заглушая язвительные голоса неутомимых

сплетниц.

На большом хозяйском дворе кибуца Бейт-Альфа собралось много народа. Лишь она сбежала в какой-то угол со своим отчаянием и желанием умереть.

Существование ее равно нулю. Она боится мужского прикосновения к своему телу. Что она будет делать ночами в одной комнате с мужчиной, после пережитого ею насилия. Совет кибуца в наказание послал ее в общую с другими, так называемую «семейную» комнату.

— Чего вдруг ты захотела отдельную комнату? В кибуце такого нет!

Аристократия кибуца считает, что вся молодежная группа должна быть благодарна решению, что одна из них, виновная в собственном унижении, удостоилась стать супругой старожила.

Существование ее равно нулю. Она живет, не касаясь жизни, и жизнь не касается ее. Члены кибуца делают все, что в их силах, чтобы затушевать этот весьма неприятный инцидент.

— Он — человек уважаемый. Ты разбудила в нем похоть. Иного быть не может.

Живот ее растет, а Шаик не обращает на нее внимания.

Она ходит в одиночестве, ищет спасения в психоанализе Фрейда. Чем больше она углубляется в чтение его книг, тем сильнее укрепляется во мнении, что воспитатели в кибуце находятся с ним в конфликте, ибо марксисты отрицают Фрейда. Преклоняются они перед известным сексологом, доктором Вильгельмом Райхом, который еще в двадцатые голы отошел от Фрейда, чтобы сделать свое учение приемлемым духу дикой или, вернее, дичающей эпохи. Книга доктора Райха «Сексуальные трудности молодежи» возбудила все молодое поколение Германии своей критикой поколения взрослых, воспитанных в романтическом веке. Прочитав эту книгу, Наоми сказала себе: двадцатое столетие не подходит моему духу. Воспоминания детства, подобно бурному потоку, залили ее с головой. Домашний учитель Фердинанд, братья и сестры ее без конца цитировали доктора Райха: «Нельзя относиться к сексуальным отношениям, как к чему-то возвышенному. Это не более чем выпить стакан воды». Или: «Человек занимается любовью без разбора. Совокупляется даже с животными».

Она не могла простить Фердинанду, которого привела в восторг книга коммунистической писательницы и политика Александры Коллонтай о свободной любви, означающей лишь удовлетворение похоти, и провозглашающей: «В мире нет любви!»

Наоми вспоминает посещение сексологом доктором Райхом кибуца. Милек Гольдштейн, который слушал лекции доктора в

Германии, был ревностным поклонником его учения. По приглашению Милека доктор посетил кибуцы движения Ашомер Ацаир, чтобы ознакомить его воспитанников со своей теорией. «Это общество обанкротилось», — думала Наоми стоя в хозяйственном дворе кибуца и прижав голову к окну столовой. Все в ней противилось выводам лекции знаменитого доктора, автора распространившейся по всему миру модной теории образования. Двадцатое столетие — проклятое столетие. Это столетие уничтожило понятие любви. Свободная любовь трактовалась, как возвышенное чувство. Нет места сдержанности, душа человека оскотинилась. В одном только она была согласна с немецким сексологом. Во время экскурсии по кибуцу он был удивлен, увидев впечатляющее строение коровника:

— Сначала следует строить каменные дома для людей, потом — для коров! Сыны человеческие должны достойно жить не в бараках, а в каменных домах!

— Так строят страну, — говорили ему, — коровы продуктивны! Они дают молоко, потому достойны лучших условий существования!

Весна на пороге. Младенец буянит в животе, голод не дает ей покоя. В столовой глаза ее бегают от блюда к блюду.

— Обжора, — сердится на нее кибуцница, — что будет с ребенком? Обжорство только навредит плоду! — кричит она так, чтобы слышала вся столовая.

Еще миг, и кричит весь стол. Она сбежала в комнату, упала на кровать, обвиняя себя за несдержанность в еде. Постельное белье было уродливо и усиливало тошноту. Она вскочила с постели и извлекла из шкафа чистую белую простыню и почувствовала облегчение.

Весна 1938 года. Арабский бунт бесчинствует на главных дорогах, неся гибель. Она живет в кибуце Мерхавия. Лежит в бараке с другими женщинами на девятом месяце. Беременные женщины из кибуцев Издреельской долины переведены в Мерхавию из-за близости к родильному дому в Афуле. Она чувствует стыд. Беременные соседки и их гости вокруг нее все время перешептываются, указывая на проститутку из кибуца Мишмар Аэмек, которая принудила к сожительству своего воспитателя. Никто ее не защищает. Шаик ведет себя с ней, как с виновницей случившегося, и не появляется в бараке, чтобы поинтересоваться ее состоянием.

Ребенок рождается в мае. Шаик появляется в родильном отделении. Видит, что ребенок красив, и лицо его сияет.

— Нет никакой связи между нами, — она отказывается от

букета цветов, который он ей преподнес.

Она ужесточает сердце, видя, как счастливые отцы несут подарки и рассыпаются в поздравлениях своим женам. Она скрещивает руки на животе и отворачивает голову, чтобы не видеть родившуюся девочку.

— Нет у меня молока, чтобы кормить ее грудью.

Врачи и медсестры потрясены ее отчужденностью от собственного ребенка. Шаик возвращается к ней не менее потрясенным, чем персонал родильного отделения. Старшая медсестра говорит ему:

— Она после родов. Прошу вас выйти из палаты. Она сможет видеть ребенка завтра.

Старшая сестра провожает его тяжелым немецким взглядом, по ходу намекая, что он должен вбить ей в голову, черт возьми, что необходимо кормить дочку грудью.

Лицо ее сковано холодом, грудь суха, опустошена. Шаик берет ее за виски, резко поворачивает ее голову к себе. Тянет ее силой к себе.

— Ты — ненормальная!!.

Кладет ей в руки ребенка, вопреки ее желанию. Она заливается слезами. Тяжесть воспоминания сдавливает виски: сеновал, острый запах пота, потеря девственности, сильное кровотечение. Она — прах, попранный миром. Старшая сестра выслушивает ее рассказ и понимает то, что является источником ее отчужденности от ребенка.

— Уйди от этого человека. Ты красивая женщина. Выйди замуж. Создай семью и полюби дочку. Если этого не будет, девочка вырастет проблемной, — советует сестра милосердия несчастной девушке.

Она не хочет растить ребенка. Шаик выходит из себя:

— Она моя дочь! Я ее выращу!

Он шокирован советом акушерки — сдать ребенка в приют. С первого взгляда он влюбился в ребенка, белокожего с румяными щеками.

В кибуце ее бесчувственность встречают в штыки. Она же чувствует облегчение, когда одна из медсестер взяла в руки ребенка и провозгласила:

— Ты должна привыкнуть к тому, что девочка принадлежит не тебе, а кибуцу!

Жизнь проходит мимо, ее не касаясь. Ребенок ей чужд. Красота дочери будоражит отца, но у Наоми ни один нерв не дрогнет. Шаик счастлив:

— Я, вот, некрасив, а породил дочку красавицу. Она на тебя не похожа.

Шаик дразнит ее.

В душевой она молчит, как рыба. Женщины удивляются тонкости ее талии после родов.

— Ну, какой красивый ребенок у тебя, — кто-то из них пытается прорвать ее равнодушие к ребенку, кто-то взывает к ее совести.

Проклятые душевые! Жадные мужские взоры подглядывают за нагими женщинами сквозь щели в дощатой стене, отделяющей женскую душевую от мужской душевой. Это заставляет ее купаться по ночам, в темноте. Среди женщин тоже встречаются любительницы подглядывать за голыми мужчинами, явно неудовлетворенные тем, что поставили перегородку между душевыми в религиозном кибуце Тират-Цви.

В любом случае, рождение дочери еще более позорит ее в глазах членов кибуца. Она прячет голову в землю, сбегает от всех и от самой себя, только бы не слышать обрывки разговоров: «Бедный Шаик», «Несчастный ребенок», «Она — распутная девка».

Она с трудом передвигается по тропе, ведущей в сосновую рощу. Чирикают птицы на ветвях, воробьи в пыли дерутся за хлебные крошки, деревья тянутся ввысь, пахнут цветы, ветры с дальних гор шуршат в листве и кустах — звуки и запахи природы Издреельской долины обвевают ее, словно стараются милосердием облегчить ей несчастную ее жизнь.

В семейном доме не проходит тяжкое напряжение. С момента рождения красивой дочки Шаик пытается сблизиться с Наоми:

— Я твой муж, невозможно так себя вести.

Она отталкивает его. Он не отстает, не дает ей покоя. Она уходит из барака, он увязывается за нею, не переставая говорить, обращаясь к ее сердцу: он хочет создать нормальную семью для дочери. Она смотрит в небо опустошенным взглядом. Ее бескомпромиссная борьба за место работы в коровнике воспринята в кибуце как добрый поступок. Начиная с часа дня до утра, когда отсылают молоко в кооператив «Тнува», находящийся в кибуце Тель-Йосеф, она доит коров в течение ночного дежурства. Утром, когда Шаик хлопочет в саду, она успевает поспать пару часов.

В сумерках наступающего вечера она убегает из семейного дома, обитатели которого становятся все более назойливыми и требовательными, и растворяется в ночной темени. В светлые ночи она дремлет на скамье до очередной дойки. Иногда она сдается давлению комиссии по образованию и воспитанию, соглашаясь после полудня проводить некоторое время с Шаиком и ребенком. Положение невыносимо.

— Я твой муж, — хватает он ее за руку, тянет к себе на

колени.

Она отбивается. Ребенок плачет. Где Лотшин? Она отчаянно нуждается в ней.

В кибуце она борется за право доказать свою нормальность. В Берлине любимая сестра борется за свое еврейское достоинство. На Александерплац, напротив серого здания центральной полиции, выставлен стол и стулья. Лотшин медленно продвигается в длинной очереди к этому столу, за которым сидят нацисты, собирающие с евреев драгоценности. Сердце Лотшин сильно колотится. Эсэсовцы в черных своих мундирах, с пистолетами на боку и резиновыми нагайками в руках кружатся по площади, следят за порядком, не сводят жадных глаз с еврейских драгоценностей. Лотшин потрясена. Евреи соблюдают образцовый порядок, передавая в руки нацистов драгоценности, которые в их семьях переходили из поколения в поколение. Лотшин не будет себя вести со столь глупой подобострастностью. Она отдаст нацистам дешевые драгоценности, покрытые позолотой, а дорогие швырнет в реку Шпрее в знак протеста.

— Почему вы не вышвырнули дорогие драгоценности или не припрятали их? — спросила Лотшин евреев, отдалившихся от очереди после сдачи.

— Мы это сделали из страха, что власти будут нас преследовать. Кроме того, нам их вернут. Нам выписали квитанции.

Гибельная наивность.

Как Лотшин борется со всеми этими драконьими законами? Ожидание репатриации в страну Израиля с помощью сионистского комитета спасения изматывает ей нервы.

Наоми живет между отчаянием и надеждой. К шоковому состоянию, связанному с родами, прибавляется шок погрома «Хрустальной ночи». Ночь между девятым и десятым ноябрем потрясла еврейство Германии до самых основ. В «Хрустальную ночь» существование евреев Германии было выкорчевано с корнем. Что там с Лотшин? Нет от нее никакого письма.

Беженцы, прибывающие оттуда, рассказывают о мобилизации евреев Америки в помощь еврейской общине Германии. Джойнт помогает евреям, имеющим иностранное подданство, которые были депортированы на произвол судьбы на территорию между Германией и Польшей, рядом с городком Збоншин 28 и 29 октября. Семья Вильфрид, владеющая универмагом «Израиль», вынуждена была продать его и также гигантский универмаг «Тич» с множеством торговых лавок. Все это отобрано из рук евреев. Еврейство Германии подвержено откровенной катастрофе, в то время как Третий рейх пожинает колоссальные успехи в политике

и экономике. Наоми — еврейка. Кроме страны Израиля нет у нее другого места в мире. Если бы не случилось то, что случилось, она бы смогла открыть новую страницу жизни в молодежном кибуце Гимель-Хацор, в среде товарищей из Берлина, как это сделали Саул и Реувен.

Сентябрь 1939 года. Грянул первый выстрел войны, которую начала Германия. Лотшин и Калман — в Средиземном море, на старом греческом корабле, забитом до отказа беженцами. Все охвачены страхом, как бы эта рухлядь, именуемая судном, не развалилась и не пошла ко дну. Лотшин благодарна мужу за то, что он мужественно добыл обоим сертификат и таким образом заново подарил ей жизнь. Это было далеко не просто. Декретом «Белой книги», опубликованным Британией в мае, еврейская репатриация в Палестину была ограничена шестнадцатью тысяч душ в год. Еврейское же Агентство — Сохнут однозначно требует дать преимущественное право на репатриацию супружеским парам. В еврейской общине оформляли фиктивные браки. Единственное условие — согласие репатриироваться при помощи сертификатов. Плавание нелегкое. Лотшин страдает от приступов морской болезни.

После восьми дней болтанки греческий корабль бросает якорь на расстоянии нескольких километров от утопающей в цитрусовых садах Раананы. Лотшин потрясена. Сильнейший взрыв чувств солидарности между нелегальными беженцами и израильтянами бросает ее в дрожь. Жители Раананы, оставив свои дома, собрались на берегу, и прямо в одеждах ринулись в море, борясь с волнами, чтобы помочь прибывшим беженцам. Воодушевление было общим. Жители приводили репатриантов в свои жалкие бараки. Молодой парень пронес ее на плечах и все поддерживал ее и успокаивал на немецком языке. В бараке подал ей стакан горячего чаю. Ночью жильцы устроили ее на кровати, а сами легли спать на полу. Лотшин была очарована человеческим теплом. Этот горячий прием на берегу моря врезался ей в память и в душу на всю жизнь. И не дай Бог, чтобы кто-нибудь сказал дурное слово о стране Израиля или очернил жителей анклава.

Лоц смущен. Чиновнику Еврейского Агентства, сообщившему ему по телефону, что Лотшин прибыла в Раанану, он сказал, что у него небольшая квартира. Жена его Клара не может простить Лотшин отчужденность и пренебрежение, с которым эта буржуазная красотка отнеслась к ее польским корням. Иного выбора нет, и Лотшин с Калманом приезжают в кибуц Мишмар Аэмек. Наоми трепещет от счастья. Не может насмотреться на светлое, спокойное, аристократическое лицо сестры.

— Бертель, где вся одежда, которую я тебе посылала? — Лотшин с удивлением смотрит на ветхие тряпки, неряшливо одетые на Наоми.

Нет ответа. Но Наоми с гордостью ведет сестру и ее, еще мало ей знакомого мужа, к домам из бидонов. По дороге Лотшин внезапно останавливается, как вкопанная. Нет, она не ошибается. Украденные одежды, посланные ею сестре из Германии, проносятся мимо на незнакомых женщинах. Они просто взяли их у Наоми, а она ходит в тряпье.

— Здесь социалистическое общество, так принято в коммуне.

Лотшин сердито молчит. В кибуце Мишмар Аэмек все равны, но некоторые — равны более. Дом из бидонов раскален до предела в солнечном зное. Лотшин достает из вещевого мешка свиток семейной родословной, любимую книгу отца «Новости Гренады» Эрнста Зоммера, в новом издании, коричневую фарфоровую лань с белыми пятнами, переходившую от отца к сыну со времен Фридриха Великого. Этот просвещенный, весьма алчный монарх основал фарфоровую промышленность, узаконив высокие цены за эту продукцию. Каждому еврею, который хотел получить свидетельство о браке, было вменено в обязательном порядке приобрести солидное количество фарфоровых изделий с предприятий кайзера. Это положение имело силу с семнадцатого до девятнадцатого столетия.

Лотшин привезла сестре много памятных вещей из отчего дома: пасхальную Агаду на двух языках, иврите и немецком, которая была напечатана в восемнадцатом веке, а, может быть, даже в семнадцатом. Она попала к Лотшин в Берлин из семейного дворца в Силезии, который нацисты отобрали у Френкелей в последний год.

Лотшин достает со дна этого большого мешка стертую от долгого употребления сковороду, и слезы текут по ее лицу. Лотшин поклялась сохранить эту жалкую сковороду, на которой они готовили в год Олимпиады 1936, до конца своих дней. Кальман тоже распаковывает вещи. Все трое охвачены волнением при появлении маленького углового треугольного деревянного столика девятнадцатого века. На нем дед хранил старые выдержанные вина. В дни ожесточенных споров с Гейнцем по вопросам бизнеса и политики, дед приглашал внука в свою комнату, и их примирение скреплялось стаканом превосходного вина.

Трех дней хватило Кальману в раскаленном домике с крышей, покрытой гудроном, со всеми прелестями проживания в коммуне. Он сбежал в Тель-Авив. Лотшин, женщина интеллигентная, тяжело трудится в роще кибуца и не жалуется.

Восемь часов копает сухую землю, и ожоги от солнца расползаются по ее непокрытой коже. После двух недель тяжелых сельскохозяйственных работ, нестерпимого зноя и синяков по всему телу, Лотшин сдается. Присоединяется к Кальману, снявшему комнату на улице Адама Акоэна.

Реувен возвращается в Мишмар Аэмек. Живет в семейном доме с женщиной, старше его более чем на двенадцать лет. «Но она — сестра Бентова», — отвечает он на удивление Наоми, и взгляд его, как в детстве, полон самоуважения и гордости. Но, в общем-то, у сестры Бентова Миты Бат-Дори есть свое собственное имя. Она драматург и режиссер. Создала политический театр, цель которого — воспитать у зрителя сионистское, социалистическое, феминистское мировоззрение. В прошлом она был любовницей старожила кибуца Мишмар Аэмек Яакова Хазана. У Реувена всегда был слабость к женщинам со статусом. Как родственник Мордехая Бентова, человека большого мира, он и себя чувствует весьма уважаемым членом общества. Тем более что Бентов приглашает его на встречи с руководством кибуца. Акклиматизацию Реувен прошел довольно быстро. Его устроили водителем автобуса в транспортной компании «Эгед». Эта работа за пределами кибуца весьма подходит к его характеру. Для Наоми его присутствие в кибуце — большая поддержка. Реувен относится к ней с уважением. Он остается верен их дружбе детских и отроческих лет. Все в кибуце уже знают, что он знаком с ней с детства и старается укрепить ее авторитет. Но его зрелая подруга кривится и считает ее гордячкой. Она спросила Наоми, понравился ли ей рассказ, который опубликовала в газете «Аль Амишмар» (На страже). Наоми в ответ промолчала. Как она скажет Мите, что ее рассказы и пьесы любительские, наивные. На взгляд Наоми они довольные слабые в литературном или драматургическом отношении. И вообще, разве не смешно, что ее писания сравнивают с сочинениями Горького. Не то, что бы Горький великий писатель, как Толстой или Томас Манн. Но роман Горького «Мать» включен в программу обязательного чтения в движении Ашомер Ацаир. И Мите весьма важно, чтобы считали, что ее талант сравним с талантом коммунистического писателя, уважаемого в движении. По мнению Наоми, Мита — женщина эгоцентричная, которая не находит своего места в жизни.

Ладно, с Митой. Беда Наоми, оградившей себя от всех, что каждый считает старается унизить ее, упрекнуть в странности. Одна из женщин остановилась возле нее, и начала обвинять в высокомерии и пренебрежении одним из умнейших членов кибуца, имея в виду Шаика. Наоми молчала. Этот скандал прочно

привязался к ней, и будет преследовать ее всю жизнь. Ее душевная слабость пробуждает в обществе неодолимое страстное желание обидеть ее, походя, как бы поучая, оскорбить и унизить. Она старается никого не оскорбить, никого не обидеть. Она следит издалека за членами кибуца. Навострив уши, прислушивается к хозяйственным спорам и идеологическим дискуссиям. Когда начались обсуждения социалистического характера государства для двух народов, которое должно быть провозглашено, в центре этой дискуссии оказались Хазан и Шаик. Как два столпа идеологии кибуца, они без конца цитировали вождей социализма и получили поддержку большинства в движении. Ей только оставалось крутить головой во все стороны. Идея равенства между народами, живущими на одном и том же клочке земли, виделась ей утопией из утопий.

Ее одинокая позиция против пытающегося ее сбить потока требует напряжения всех душевных сил, чтобы противостоять нападкам со стороны общества. Когда эта тяжесть становится невыносимой, она убегает с работы, уезжает в Хайфу или Афулу — развеяться. Один раз в две недели она нагружает корзину яйцами, овощами и фруктами, добавляя курицу или кролика, и везет все это в Тель-Авив, к любимой сестре.

— Не жалуйся, Наоми, радуйся, что спаслась от Гитлера, — Лотшин, добрая душа, знает цену своим словам, — ты здорова, значит, с тобой все в порядке. Пойми, все твои страдания в кибуце или в городе ничтожны по сравнению с тем, что переживает еврейство Европы. Там речь идет о гибели.

При каждой встрече Лотшин напоминает об ужасе ее существования перед приездом — духовную, общественную и экономическую изоляцию. И все это давало ощущение абсолютной беззащитности. Особенно, после Олимпиады 1936 года, когда не только было введено ограничение на магазины, в которых разрешалось евреям покупать, но их лишили права покупать некоторые продукты по своему выбору и желанию. Соседи рисковали жизнью ради нее. Оставляли продукты у ее дверей.

С откровенной циничностью Третий рейх наложил общий штраф на евреев в один миллиард марок на покрытие ущерба, ремонта и восстановления после погромов, чтобы облегчить положение погромщиков — налогоплательщиков-арийцев. Подбородок Лотшин дрожал, когда она вспоминала «Хрустальную ночь» с девятого на десятое ноября 1938 года. Наивные евреи наконец, очнулись от иллюзий после того, как около тысячи зданий синагог было сожжено и разрушено сбродом, который подстрекали присоединиться к громящим эти здания нацистским

военизированным подразделениям. Более восьмисот еврейских магазинов и сотни еврейских жилых домов были ограблены и сожжены. Разбиты памятники и надгробья на еврейских кладбищах. Девяносто один еврей был растерзан этими бандитами и кровопийцами.

Тридцать тысяч евреев были арестованы. Большинство из них бросили в концентрационные лагеря. Освобождены из заключения были те, кто представил документы и доказательства того, что собирается покинуть границы рейха.

— Чего еще ожидали? Что еще могло произойти? — Лотшин морщит лоб, — евреи, выступавшие против этой власти, были брошены в подвалы тюрем, в концлагеря, изнасилованы, задушены, убиты. Френкели из Силезии искали пути самозащиты. После того, как у них конфисковали текстильную фабрику, и роскошные дома, они вынуждены были переехать в Берлин. Хрустальная ночь привела к всеобщему вандализму. Разлетались стекла в еврейских магазинах, товары были разграблены, евреи — хозяева магазинов были убиты или избиты до потери сознания.

Нацисты успешно ведут войну. Наоми привыкает к мысли, что пришел конец тому миру культуры и нравственности, в котором она росла и воспитывалась. Колеса безумия не остановятся из-за прекращения учебы еврейских детей, прекращения деятельности партий, еврейских объединений, запрещения пользоваться водительскими правами, запрета входить в общественные места, чтобы не осквернить чистоту арийской расы. Лотшин не гнушается зарабатывать на хлеб уборкой жилых домов. Молчаливо переносит тяжкий труд и голод.

Они гуляют по Тель-Авиву. На перекрестке улиц Бен-Йехуда и Алленби, у кинотеатра Муграби, продавец сосисок, выходец из Берлина, радуется, встретив землячек. Наоми с ним познакомилась раньше. Ее привлек белый колпак повара, белый фартук и белая рубаха в красную полоску. Еще он поражал большим, как барабан, брюхом. Запах горячих сосисок манил прохожих.

— Девочка, ты из Германии? Я приглашаю тебя быть моей гостьей, — и он протянул ей толстую сосиску.

Она впилась зубами в мясо и почувствовала тошноту.

— Со временем привыкнешь к их вкусу.

— Извините, в наш дом не приносили сосиски.

— Девочка, в моем доме ели сосиски в большом количестве.

Они разговорились об отчих домах, о высшем образовании, которое он получил в Германии. Теперь он встречает сестер со

смешком:

— Ну, такого вы еще не видели. Профессор продает сосиски.

Он угощает их сосисками и вспоминает свое берлинское прошлое.

Каждый раз Наоми пересекает в автобусе пустынные пространства, простирающиеся от Издреельской долины до Тель-Авива, и удручающие разговоры об европейском еврействе пробуждают в ее душе национальные чувства. И поселенческая деятельность — катализатор и прелюдия к созданию государства евреев, как фундамента безопасности еврейского народа в стране Израиля, вызывает в ней преклонение. Во имя этой великой идеи она готова вынести любое невыносимое страдание.

Глава четырнадцатая

Весна 1940 года. Иерусалимский квартал Тальпиот растет и ширится. Во всяком случае, такое впечатление складывается у Наоми, после длительного отсутствия в Иерусалиме. Она проезжает мимо небольших разбросанных каменных домиков, в которых проживают многие из германских репатриантов. Несколько дней назад она вернулась на учебную ферму Рахели Янамит-Цви инструктором группы девушек, репатриировавшихся из Чехословакии. Рахель была инициатором ее перехода на учебную ферму, ибо из письма поняла, насколько велики трудности бывшей ее выпускницы в кибуце Мишмар Аэмек. Возвращение в Иерусалим улучшило ее положение. Особенное удовлетворение она испытала, поддерживая своих воспитанников, беженцев из Чехословакии, потерявших свои дома в Европе, отделенных от родных. И это помогало Наоми бороться с собственной личной трагедией.

Здесь, в Талпиот, она находит покой и интеллектуальное наслаждение в доме известного писателя Шая Агнона и его жены Эстерлайн. с. Эстерлайн — женщина симпатичная, образованная, из семьи германских евреев Марк. Она с особым теплом относится к Наоми, возвращая ей давно забытую атмосферу отчего дома. Легкая, почти неслышная, походка хозяйки дома, беседы о литературе и философии на немецком языке возвращают Наоми чувство покоя. Она преклоняется перед преданностью и проворностью, с которой та управляется в доме и ведет себя с мужем. Она правит его рассказы, написанные ужасным, неразборчивым почерком и затем печатает их на пишущей машинке.

Что касается самого Агнона, то его вовсе не интересует происходящее на учебной ферме, словно она вообще не существует. Зато он выпытывает у нее все, что касается жизни в кибуце Мишмар Аэмек. Затем усмехается:

— Что ты знаешь? Открывала ли ты хотя бы раз страницу Гемары?

Язык его подобен бритве.

Эстерлайн успокаивает ее: Агнон это Агнон, и не надо переживать из-за его колючих острот. Каждый раз, когда приходит гость, он жалуется, что ему мешают работать. Так он принимает и Наоми. В тот миг, когда она переступает порог их дома, он, выходя из кабинета на втором этаже, натыкается на нее и гневно буравит ее своим галицианским взглядом — она ведь прервала нить его мысли.

— Эти раввины воруют мое время. Мешают мне полностью отдаться писанию, — услышала она его жалобу на мудрецов из квартала «Меа Шеарим», которые учат главы Талмуда вместе с ним или вообще приходят к нему в гости, послушать его комментарии и дать свои толкования галахическим предписаниям.

Со временем она поняла, что хотя Агнон замкнут в себе, но жаждет общения с раввинами и великими знатоками Торы и веры, между которыми он ступает, как по канату. Он добивался встречи с обожаемым им покойным раввином-сионистом Куком, который был главой раввината страны. После его смерти он приходил к его наследнику и сыну раввину Цви Йегуде Куку. С другой стороны, он добивался встречи с лидером фанатичной религиозной общины Иерусалима раввином Йосефом Хаимом Зоненфельдом, который высмеивал, а то и жестоко ругал раввина Кука за его сближение с сионистами. Вообще о заурядных людях Агнон говорит грубо, и в насмешку ведет себя с ними, как клоун, чтобы облегчить себе собственное присутствие среди них. Он искренне удивлен, что окружение относится к нему с любовью до такой степени, что он подозревает в этом какое-то скрытое от него колдовство.

Наоми наблюдает за ним со стороны. Она видит, как недовольное его лицо озаряется светом добра и даже красоты, каждый раз, когда слова его несут в себе внезапные жемчужины мудрости. Агнон страдает неутомимым любопытством. Его любимое хобби — вглядываться вглубь человеческой души в попытке ее разгадать. На его пристальный взгляд она отвечает столь же пристальным взглядом. Сложность этого человека приковывает и развлекает ее.

— Эстерлайн, ты испекла сегодня пирог? — спрашивает он, спустившись на кухню.

— Нет, Шмуэль-Йосеф, сегодня не суббота.

— У нас уважаемые гости. Я просил тебя испечь пирог.

— Сегодня не едят пирог.

— Но я же сказал тебе. Я — твой муж.

— Шмуэль-Йосеф, сегодня пирог не пекут.

Агнон разочарован. Именно сейчас ему очень захотелось съесть мягкий и пухлый ломоть медового пирога, и он с таким вожделением произносил его название на идиш — «лейкех», который жена его обычно печет к субботе.

— Шмуэль-Йосеф, в кухне завелись муравьи, — вздыхает Эстерлайн.

— Эстерлайн, нет в кухне муравьев.

— Но, Шмуэль-Йосеф, есть муравьи на кухне.

— Эстерлайн, муравьев в кухне нет.

Есть, и нет. Нет, и есть. Выдающийся писатель тратит слова на мелочи. Взгляд его ласкает лицо жены:

— Эстерлайн выше всяких похвал. Она из аристократической еврейской семьи Европы! — он весьма гордится буржуазной родословной семьи Маркс из Кенигсберга, но долгие годы проживания рядом с ее аристократизмом и высокой культурой, все же, не сделали его аристократом.

Ночами, когда она остается у них в их доме, то накрывается от стыда одеялом с головой.

— Нойми, — повторяется не раз, — тебе это может понадобиться ночью. Агнон стоит на пороге комнаты, где она спит, и в руке его ночной горшок.

— Шмуэль-Йосеф, она не нуждается в ночном горшке, — голос Эстерлайн перекрывает его голос.

Месяц ее работы инструктором на учебной форме завершился. Она возвращается из Иерусалима в кибуц ко всем старым проблемам, к привычному, униженному состоянию. Опять шепотки за спиной: «Проститутка». Весь кибуц знает, что она проводит ночи за чтением книг в читальном зале с Гарри. Ее это не трогает. Она готова платить цену за все эти сплетни за всю ту информацию, которую передает радиоприемник Гарри о ходе войны на разных фронтах. Гарри оставил кибуц Далия и перешел в Мишмар Аэмек, чтобы быть ближе к своей подруге. Гарри непродуктивен, страдает болезнью отпадения ногтей. Это освобождает его от многих работ, что сердит членов кибуца. Но подруга его, медсестра в кибуце, потерявшая мужа во время арабского погрома, защищает его. Не позволяет его унижать. И Гарри крутится по кибуцу, и многие часы проводит у радиоприемника, с большим искусством находя информацию из разных стран. Знание многих языков дает ему возможность сравнивать новости из разных источников в течение дня. Гарри вертится по кибуцу, как глашатай, сообщая всем о ходе боев. В свободное от работы время Наоми днем и ночью записывает ход событий.

Англия в одиночку противостоит Гитлеру в войне, и не идет ни на какие соглашения с Германией. В своей речи о мире в рейхстаге, первого июля 1940, Гитлер, обращаясь к британской нации, говорит, что не видит никаких причин продолжать с ней войну. Германия будет властвовать над всей Европой. Британии же никто не будет мешать властвовать над своей огромной империей. Черчилль отвергает его предложение. В ответ на это, Гитлер требует от своего генерального штаба готовить операцию по высадке массированного десанта в Британии. Сердце Наоми

неспокойно. Британцы сажают детей на корабли, чтобы спасти их от бомбёжки и военных действий. Детям придется вкусить горечь расставания с семьями. Внутренний порыв заставляет Наоми написать рассказ «Дети Англии уезжают», который публикуют в детском приложении газеты «Давар» («Слово»).

Дети Англии уезжают

Зародился новый день. Он был похож на обычные дни в Англии. Туман колыхался в воздухе, моросил мелкий дождик, и солнце пыталось выглянуть сквозь облака, чтобы послать хотя бы привет людям внизу.

Но что случилось? Удивленное солнце быстро убирается за облака, ибо в это утро Англия выглядит совершенно иной, чем в обычные дни. Порты Англии полны народа. Звучат сирены, трубы трубят, солдаты замерли в строю. В порту множество кораблей, готовых к отплытию.

Знаете, почему? Слушайте внимательно. День этот, родившийся в будничной цепи дней, необычен и важен для Англии, потому что в этот день дети Англии покидают свою родину, чтобы найти далеко от нее убежище — в Канаде, Австралии и Америке.

Дети уезжают из Англии. Еще немного, и не услышат, и не увидят на улицах городов, в парках, в селах — детей. Замолкнет их смех, прекратятся их игры, но зато не будет слышен плач раненого ребенка. И об этом думают люди, собравшиеся на причалах. Остаются лишь взрослые — отцы и матери. Они остаются, чтобы защищать свою страну, ибо еще немного, быть может, через несколько дней или недель, из-за моря, большие самолеты, похожие на хищных птиц, прилетят и попытаются уничтожить здания и парки Англии. Но все миллионы англичан, отцы и матери, не думают о домах, которые они построили, и не о цветах и деревьях, которые они посадили. И не о книгах, которые они написали. И, также, о картинах, которые они собирали в течение сотен лет. Всему этому грозит разрушение и уничтожение. Но в душах всех людей — одна мысль: как спасти жизнь и будущее Англии. И потому встал весь народ и решил — пока минет гнев и зло, расстаться с детьми и отослать подальше, чтобы они могли вернуться

здоровыми, полными сил — построить заново, все, что может быть разрушено жестоким и ужасным врагом.

Дети поднимаются на корабль. Они не печальны, они не плачут. Им объяснили, почему они должны оставить все, что дорого им, и любимо ими от рождения. Они с гордостью говорят: мы тоже едем, как солдаты будущего, солдаты мира. И снова стонут сирены, трубы трубят, салютуя детям Англии. Звучит музыка расставания, развеваются знамена. Родина прощается со своими детьми.

Корабли отдаляются от причалов. Уже исчезли из глаз детей берега Англии. Только море сопровождает их, как старый и верный друг. Даже темное облачное, любимое детьми, небо Англии стало светлым и столь чуждым. Дети немного взгрустнули. «Ребята, не будьте такими грустными, — говорит один из ребят, — ведь мы же все вернемся». Ведь ясно, что Англия победит, и с окончанием войны мы вернемся домой. Но как будет выглядеть тогда Англия? Быть может, уже не будут широкие проспекты Лондона, села и парки, и даже дождик над Темзой не будет таким красивым, как раньше. Но также будет уничтожено все уродливое и скверное, как мрачный рабочий квартал и фабрики без капли солнца и воздуха. Но настанет день, и мы вернемся, чтобы построить новую Англию, красивую и счастливую. Люди забудут такие слова, как уродство, катастрофа, голод. И слово «война» будет вычеркнуто из словаря. Когда мы начнем строить новую жизнь, больше войны не будет. Так отбросим печаль. И ни один ребенок в мире не должен быть печальным. Вернемся мы на родину, как солдаты мира, и вместо ружей, на плечах наших будут молоты.

Дети забыли, что они одиноки и оставлены в огромном море, ибо перед ними возник новый мир, который им предстоит построить. Они танцуют, поют, радуются. И знамя на флагштоке радостно развевается, и солнце шлет им теплые лучи, и волны ласкают корабли, на которых плывут дети. И мы радуемся их будущему, ибо мы тоже возвращаемся на свою родину и тоже радуемся новому миру. Над головами детей летают птицы. Летите, птицы, летите во все концы мира, передайте всем наше решение. Когда вернемся, мы построим новый мир, свободный и счастливый.

И мы, дети страны Израиля, с вами, — дети Англии,

ибо и мы хотим участвовать в построении нового мира.

Немцы бомбят Британию. Но эти атаки с воздуха на английские города не могут сломить мужественный дух сопротивления британской армии и миллионов граждан страны. Страдания и множество жертв не могут поколебать стойкость англичан, несмотря на колоссальные разрушения городов, портов и важных объектов. Гарри и Наоми постоянно слушают радио и становятся чуть ли не агентством новостей. Наоми неожиданно оказывается в центре всеобщего внимания. Все члены кибуца приходят к ним послушать о критическом развитии на полях сражений.

Но удовлетворение, которое она испытывает от пользы, приносимой кибуцу, длится недолго. Шаик вернул ее к прежнему унизительному положению. В одну из ночей он прокрался в читальный зал, где она и Гарри прислушивались к сообщениям по радио, при этом каждый сидел на своей скамье. После чего он распустил слух, что она закрутила роман с Гарри. Высмеиваемая и беспомощная, она опять пряталась по углам. Разве она способна на это, после всего, что случилось на сеновале в Дгании Бет? Душевная боль душила ее. Злые языки преследовали.

— Почему ты уединяешься? Я не сделал тебе ничего плохого? Почему ты молчишь? Почему не отвечаешь, когда к тебе обращаются? Что ты кривишься? Откуда это неоправданное высокомерие?

Равнодушная к своей семье и ко всем остальным, она крутится, словно белка в колесе. Коричневый цвет распаленной под солнцем земли уже не успокаивает ее. Оттенки неба, лучи солнца, игра света и тени между деревьями перестала ее волновать. Члены кибуца не прощают ей замкнутости. Все обвиняют ее во всем, что она делает или не делает.

И вновь она во всем обвиняет только себя, ибо родилась чудовищем, ущербным, проклятым, ненормальным. Эзра Зоар, единственный, который принимал ее такой, какая она есть, не сомневаясь в ее правоте, переехал в Тель-Авив. Она печалится по поводу потери друга, который в кризисные моменты говорил ей: «не обращай внимания, тут нет никого, умнее тебя».

Она ходит, как потерянная. Убеждает себя лишь в одном, что все, что у нее есть — это идея страны Израиля, как канат спасения для канатоходца, за который надо держаться до последнего вздоха. Она слаба, она должна умереть, ибо не достойна быть первопроходцем. Шаик говорит ей нечто несуразное:

— Если бы ты понимала Маркса и Энгельса, у тебя бы

открылись глаза, твоя и моя жизнь изменились бы.

Он объясняет их трудные отношения и ее общественное положение непониманием марксизма. Он обвиняет ее в проблемах с ребенком. Воспитатели дочки и друг Шаика Милек, считающий себя специалистом по педагогике, согласны с ним, что ребенок не спокоен и напряжен из-за того, что мать к нему равнодушна.

— Так оно и есть, я не могу к ней приблизиться, — ответила она Милеку, который завел с ней разговор о том, что следует сохранить семейные отношения во имя ребенка.

Она замкнута в себе. У нее нет никакого авторитета в кибуце. Она страдает от того, что общество, борющееся всеми физическими и душевными силами, чтобы вдохнуть жизнь в пустыню, существовать в труднейших условиях этой нелегкой страны, во имя создания будущего государства евреев, образца для всех народов, не простит ей ненормального душевного состояния. Кибуц же любит и жалеет ее мужа и ее красивого ребенка. Кибуц смотрит с чувством приязни на отца, который с любовью обнимает дочку, лезет вон из кожи от радости. Балует ее, играет с ней, рассказывает ей сказки, гуляет с ней по полям и учит ее различать растения. Раздуваясь от гордости, он посещает с ней соседей. Все тают, глядя на такую любовь.

Шаик — примерный и верный член кибуца. Он готов положить свою жизнь на жертвенник во имя социалистического марксистского идеала. Энергично, упорно, вдохновенно он посвящает себя всего интересам общества. Он самоучка, обладающий выдающейся памятью. На собраниях он воспламеняет сердца слушателей речами о марксизме, о нравственности и чистоте сексуальных отношений. Инициативы его достойны поддержки. Он вдохновляется книгой «Биология и марксизм», теориями Мичурина и академика Лысенко. Он увлечен генетикой Ришко и Делоне, скрещивающих два растения из одного семейства и создающих новый вид. Шаик организовал «Центральный парк новой зелени» и ходит с высокомерным видом. Как авторитет в этой области, он к месту и не к месту цитирует своих новых кумиров и публикует статьи в газете зеленщиков.

— Ты не завидуешь своему талантливому мужу? Ты же сама из себя ничего не представляешь.

Во время дежурства на кухне бабы обвиняют ее, что она приносит лишь зло продуктивному члену кибуца, который рыцарски спас ее честь.

Она избегает людей. Один раз в неделю, во вторник, все волокут стулья на большой хозяйственный двор — смотреть

кинофильм. Члены кибуца привязывают стул к стулу полотенцами из кухни, чтобы никто не занимал эти места. Она же уходит далеко от людских глаз, прячется среди эвкалиптов, каштанов, или фикусов. Над ее головой вороны выкрикивает ее отчаяние. Во время демонстрации фильма муж и жена сидят рядом, лишь она пребывает в одиночестве. Скорчившись на ступеньке или клочке травы, смотрит фильм из темноты.

Чтение литературных журналов, книг по философии, классических романов, лирической поэзии отгоняет на время кошмары, страхи, чувство неполноценности. Каждый вечер, перед уходом на ночную дойку в коровнике, она сидит в читальном зале. Она приобщается к высотам мирового духа.

Уже пять лет она живет в кибуце, и ничего не изменилось в ее поведении. Она по-прежнему замкнута. Прячется за кустами и деревьями. Воображение уносит ее на круглую площадь, к озеру, аллее каштанов. Стена зарослей окружает ее — кусты сирени, кактусы, высокие старые деревья. Воспоминания об отчем доме успокаивают ее. По ночам, во время дойки, она приникает к вымени коровы, и струйки молока, звонко ударяющие в цинковые стенки ведра, звучат в ее душе, мелодией, которая заставляет забыть свою попранную честь, каждый раз, когда Шаик требует от нее исполнить супружеские обязанности. В кибуце свои правила: мужчина и женщина, живущие в одной комнате, супружество, которых заверено печатью бюро на удостоверении о гражданском браке, считаются в глазах у всех мужем и женой. В этом причина того, что Шаик позволяет себе осуществлять свое супружеское право.

— Ты моя жена, — говорит он, обнажая свое мужское достоинство, — как ты отказываешься от такого, какого ни у кого другого нет.

Все это вызывает в ней отвращение. Ночами она сворачивается ничком на скамье во дворе или на стуле в читальном зале. Иногда засыпает на складе костюмерной Миты Бат-Дори, рядом с большим хозяйским двором, или в пристройке к коровнику, с тех пор, как ее борьба за место работы в коровнике увенчалась успехом. Тут она читает книги, готовит себе горячее питье и бутерброды со сливочным маслом до начала дойки с трех утра до рассвета.

Ей очень нравится дойка. Она прижимает голову к горячему телу коровы, погружается в мечты, а руки проворно, быстро, ловко тянут за сосцы вымени. Вначале ее подозревали, что она не выдаивает до конца. Когда выяснилось, что это не так, пришло к ней признание отличной доярки. Шаик насмехался: «Только

доить она и умеет!»

— Наоми, что ты все время улыбаешься сама себе? — работник в коровнике бросает на нее удивленный взгляд.

Она молчит. Как она расскажет дояркам, что красные косынки на их головах, черные одежды и зеленые, резиновые, блестящие фартуки, приталенные к их бокам, ассоциируются в ее воображении с цирковыми клоунами. Она вспоминает легкие, шутливые мелодии. Особенно добрую усмешку вызывают у нее красные косынки. Она повязала косынку вокруг шеи, чтобы оживить кремовую кофту из грубой арабской ткани. Это разозлило окружающих. Как стадо быков, рвущихся на красную тряпку, члены кибуца разъярились и объявили беспощадную войну ее эстетическому вкусу.

— Наоми, — мягко обратилась к ней Эмма Левин-Талми, — не стоит сердить целый кибуц красной косынкой.

Она сняла с шеи красный платок, вызвавший истерию в среде членов кибуца. Что-то явно ущербно в кибуце. Почему целое общество, совершающее великие дела во имя будущего государства, впадает в истерику из-за какой-то мелочи. Что является источником страха в обществе, воплощающем в жизнь идеи сионизма.

Эмма Левин-Талми — женщина необыкновенная. Она крепка духом, прямодушна. Она работает рядом с Наоми в коровнике.

— Не обращай внимания. Ты — умница.

Она берет Наоми под свое покровительство и своей умеренностью помогает ей обрести уверенность в себе.

— Кто пережил падение и развал отчего дома, — развивается ненормально. Тебе надо преодолеть то, что ожесточило твою душу, поверь, все исправится.

Потому сердце Наоми дрогнуло, как от холодного душа, от слов такой чуткой женщины, как Эмма.

Наоми вернулась из больницы после операции. Эмма набросилась на нее со словами:

— Ты опозорила кибуц! Ведешь себя как городская фифа!

Эмма имела в виду ее одежду и манеру говорить. Наоми с симпатией относилась к горожанам, которых члены кибуца считали «неполноценными», и ото отличало ее от остальных кибуцников. Это разочаровало Эмму.

«В чем мое преступление?» — удивление не оставлял Наоми в покое. Она отличная доярка, отлично готовит масло. Но все лучшие показатели ее труда злят окружающих. Эмма говорит, что в кибуце никогда не забудут ее оговорку в первый день: «Мишмар Аэмек — такое уродливое место».

Эмма — член рабочего совета Общеизраильского кибуцного

движения, обладает авторитетом в самом кибуце. Она занимается теми, кто вольно или невольно нарушает принятые нормы поведения.

— Ты очень талантлива, тебя еще узнают, — говорит она Наоми и хлопочет, что бы ее послали на семинар по подготовке инструкторов молодежи, руководимый доктором Натаном Ротенштрайхом.

Никто не сомневается в ее интеллектуальных способностях. Она отлично владеет письменным и устным ивритом. Все признательны ей в том, что она с честью представила кибуц на съезде движения, взволновав зрителей до слез красочными описаниями пожара, уничтожившего во время погромов 1936–1939 годов сосновую рощу в кибуце Мишмар Аэмек. Не забыли ее юмористическую пьесу на иврите о жизни молодежи в кибуце. Публика умирала со смеху, и отношение к ней улучшилось. Но все это было до той горестной ночи, разрушившей ее мир.

Наоми манит поэзия на иврите, грамматика языка, Священное Писание, история страны Израиля. На семинаре, готовящем инструкторов она наслаждается занятиями и уважением к себе преподавателей и сокурсников. В соревнованиях между воспитанниками Всеизраильского кибуцного движения и Объединенным кибуцным движением победили первые, благодаря ей, представительнице кибуца Мишмар Аэмек. Особенно выражает ей свое расположение член кибуца Мэсилот Шломо, высокий и плотный мужчина. Он ходит хвостом за ней по всем уголкам, и на семинаре, и в городе, и глаза его горят. Такую оригинальную девушку он в жизни не встречал. Ее идеи остается ему только осмысливать. Доктор Натан Ротенштрайх тоже обратил внимание на необычную воспитанницу. Марксисты-атеисты в классе кипят от гнева из-за его отклонений от учебной программы и бесконечных насмешек над их мировоззрением. И только эта девица из кибуца Мишмар Аэмек открывает свои большие черные глаза, когда он цитирует ее духовного отца А.Д.Гордона, провозвестника идей рабочего движения.

Как пламенный гордонист, неприемлем он ими, ибо воспитанники движения Ашомер Ацаир, не признают существования Бога, а, также, никакой критики марксизма. Ротенштрайх считает своим долгом внести исправления в их несколько искаженное понимание философии. Он цитирует Гордона: «Недостаточно разума и логики, чтобы понять Бога. Только через земледелие и труд на природе можно ощутить божественные тайны…» И только одна воспитанница из всего класса буквально проглатывает его слова, и серьезность не сходит

с ее лица. У членов ее движения волосы встают дыбом только от того, что обсуждается такая тема из Галута, как существование Бога.

— Вы читали сочинение Карла Маркса «Еврейский вопрос», — спрашивает он с нотками сомнения.

Класс молчит. Доктор Ротенштрайх прочитывает целые фрагменты из этого сочинения, и не только разносит его в пух и прах, но и унижает автора, описывая его характер. Он клеймит его привычку использовать людей своего окружения. Известно, что лучший его друг Энгельс финансово поддерживал его всю жизнь.

Марксисты в классе Ротенштрайха не особенно возмущаются антисемитским духом сочинения «Еврейский вопрос». Только представительница кибуца Мишмар Аэмек буквально трепещет от отвращения. Она говорит во весь голос:

— В «Коммунистическом манифесте», как и в «Еврейском вопросе», Маркс пользуется примитивным языком, рассчитанным на профанов, в то время как в других своих книгах, стиль его сложен, как для чтения, так и для понимания.

Она согласна с Ротенштрайхом, что сочинение «Еврейский вопрос» целенаправленно упрощено и поверхностно. Ведь он относится вообще ко всем евреям, как единому понятию. Разве все евреи — империалисты, буржуа, эксплуататоры, ответственные за нужду и нищету эксплуатируемых масс? Маркс обвиняет евреев в том, что они овладели всеми богатствами мира, и вовсе не интересуются нуждами еврейского народа, не принадлежащего к буржуазии. Почему такой блестящий диалектик, как он, не коснулся положения еврейских общин в городках Польши? Он издевательски смеется над верой, называя ее опиумом для масс. Но почему он остерегается критиковать христианство, но с таким остервенением нападает на иудаизм? Она согласна с Ротенштрайхом, что этот потомок знаменитой династии глубоко верующих раввинов, принявший христианство, страдал комплексом всех выкрестов.

Слушатели на курсе тоже страдают от того, что на едином дыхании Ротенштрайх включил их апологета в список выкрестов.

— Горе тем евреям, которые попадают в руки выкрестов, занимающих высокие государственные или исполнительные должности.

Ротенштрайх упоминает Фернандо Ди Мартине, известнейшего выкреста, который призывал к еврейским погромам, убийству евреев Севильи и продаже их в рабство. Как жертва преследований нацистского антисемитизма на улицах Берлина, она восстает против Маркса. Он лицемерен. В

«Еврейском вопросе» проступают все скрываемые черты выкреста, душа которого неспокойна и требует мщения. В средние века, многие народы, включая и выкрестов, убивали евреев. В период эмансипации и после него, антиеврейский марксизм дает массам новый повод ненавидеть евреев. Оказывается, они наложили руки на мировые богатства, они жадны и нечестивы, вызывают ненависть масс, рвущихся их уничтожить. Эту опасную демагогию породил Карл Маркс. И она вовсе не удивлена тем, что вина его связанна с тем, что родители его покинули еврейство. Именно, это породило его антиеврейское сочинение. Теория его порождает многих единомышленников среди евреев-сионистов, живущих в стране Израиля. Они по глупости или намеренно не обращают внимания на антисемитскую направленность и поверхностность Маркса.

— Ну, а что скажет Наоми?

Доктор Ротенштрайх уже давно заметил, насколько его слова влияют на нее. Потому время от времени хочет услышать ее мнение. В классе неспокойно. Ротенштрайх возвращается к теме урока. Он цитирует из «Нищеты философии» Маркса о том, что общество, в конечном счете, это набор условий, которые порождают личность и ее деятельность. Обсуждает роль личности в истории, и снова, отклоняясь от темы урока, возвращается к теории Гордона и отбрасывает в сторону теорию Маркса. Ротенштрайх также рассуждает о принципах мышления и своеобразии литературы и искусства. Эти жанры творчества порождаются отдельной личностью и несут в себе смешение многих миров, а не область одного коллективного мира.

«И каким бы не было влияние этих творений на государственные учреждения и законы, оно не исчерпывает свои творческие богатства. В мире остается мера личного творения, мера индивидуального подхода к жизни, мышлению и чувствам в каждом таком творении».

На еженедельном собрании в кибуце она хочет спросить, почему здесь уклоняются от обсуждения «Еврейского вопроса» Маркса. Но ее ожидают очередные унижения.

— С твоими любовниками будь хотя бы более сдержанной, не действуй лишь по своему пониманию и усмотрению. Весь Иерусалим знает, что это означает, — Шаик распускает слухи, что у нее роман с Шломо из кибуца Мэсилот.

Единственная отрада — семинар в Иерусалиме. Но и тут один из инструкторов портит всю гармонию. Возникает вражда между инструкторским составом и слушателями семинара. Парни и девушки приглашают ее в свои семьи, проживающие в каменных домиках в Рехавии, Талбие и Махане-Йегуда. Иногда

кто-либо из воспитанников посещает ее в лачуге, в которой она ютится. У Наоми кто-то украл талоны на питание в общественной рабочей кухне. Подозрение падает на юношу с наивным приветливым лицом. Он мгновенно удален из ее окружения, не понимая внезапного охлаждения к нему.

Страсти в клубе движения успокаиваются. Ашер, один из руководителей инструкторов, снимает напряжение.

— Оказывается, этот инструктор-зазнайка происходит из семьи коммунистов. Он сами ретивый деятель в движении коммунистической молодежи. Он втерся в иерусалимское отделение молодежного движения Ашомер Ацаир с целью внести конфликт и раздор изнутри, и перетянуть воспитанников в коммунистический лагерь. Изгнав предателя, инструкторы сплотили ряды, и работа их стала гармоничной. Они издают газету, организуют встречи и вечера, посещают кино, и решают, что лучшее место для их встреч — кафе на перекрестке улиц Кинг Джордж и Бен-Йегуда. Тем более что они в Европе пристрастились пить кофе со льдом.

Веселье длится недолго. Руководство движения Ашомер Ацаир требует от инструкторов вернуть деньги в опустевшую кассу. Бедняги решают поработать на предприятии по добыче калия на Мертвом море. Наоми начинает собирать пожитки в дорогу. Из одной книги выпадают на пол «украденные» у нее талоны на питание. Она клянется себе, что больше никогда не будет кого-нибудь подозревать в воровстве.

После десяти недель каторжного труда, инструкторы возвращаются в иерусалимский клуб, вымотанные до предела и получившие еще один урок жизни. В ужасную жару они надрывались, работая рядом с рабочими — арабами, евреями, англичанами — добывая калий. Казалось, эта каторга будет длиться вечно. Она же, в раскаленной до предела кухне, мыла и скребла огромные котлы, тарелки, подносы, вилки, ложки, ножи. Она похудела, ее большие черные глаза ввалились. Ответственная за кухню, женщина грубая, не переставала на нее кричать. На фабрике дни тянутся нестерпимо долго. Один раз она решила расслабиться в синих и столь манящих водах. После этого все тело покраснело и жгло. Поклялась, что никогда нога ее не ступит в эти манящие обманные воды Мертвого моря.

На пороге — весна. Зеленеют поля. Деревья и цветы покрываются почками. 5 апреля 1942 года. Инструкторы движения Ашомер Ацаир ведут сто пятьдесят воспитанников шестнадцати-семнадцати лет в шестидневную пешую экскурсию на Масаду и в Эйн-Геди. Начинается поход из села Бани-Наим, восточнее Хеврона. Проводники-бедуины пересекают с ними

Иудейскую пустыню по опасным извилистым тропам. Караван верблюдов, загруженных бидонами с водой и поклажей, сопровождает их всю дорогу. На вершине крепости Масада воспитанников захватывает рассказ о мужестве национальных героев, сильных духом, стойко сопротивлявшихся огромной Римской империи. Четверо бойцов еврейских штурмовых отрядов Пальмах, вооруженных стрелковым оружием и гранатами, присоединяются в качестве охранников к воспитанникам Ашомер Ацаир. Вооружены они слабо, ибо мандатные власти запрещают владеть оружием без разрешения. Экскурсанты спустились с гор на отдых в оазис Эйн-Геди. У входа в ущелье ручья Аругот они разожгли костер, пели, плясали перед тем, как продолжить путь в Калию, на севере Мертвого моря.

Мощный взрыв прервал собрание инструкторов, расположившихся в сорока метрах от костра. Граната, выпала из кармана одного из охранников в костер и взорвалась. Искры летели во все стороны и костер погас. Крики раненых разорвали пасторальную тишину пустыни. Два инструктора бросились бежать в Калию. Им надо было сообщить о катастрофе и вызвать медицинскую помощь. Воспитанники, оставшиеся с ранеными, с восходом вскарабкались на близлежащие скалы, чтобы дать знак о беде кораблям, плывущим по Мертвому морю, размахивая одеялами и простынями. В девятом часу, спустя десять часов после взрыва, прибыли баржи, чтобы забрать убитых и раненых. Машины скорой помощи, журналисты, руководители движения Ашомер Ацаир, общественные деятели, обеспокоенные родители ожидали в Калии растерянных экскурсантов.

Теперь молодежные движения обвиняются в авантюризме. Общественное мнение присоединяется к требованию родителей убитых и раненых воспитанников: привлечь к суду инструкторов за небрежность, приведшую к катастрофе. Вначале, лидеры профсоюза и главы движения Ашомер Ацаир допрашивают четырех инструкторов, среди которых Моше Шамир и Наоми. Их допрашивают в большом зале центрального профсоюза в Тель-Авиве. Почему ни один инструктор, член центрального руководства, не следил за безопасностью воспитанников? Почему только через десять часов забрали убитых и раненых, среди которых были и охранники — Йегуда Полет, Бальфур бен-Нисим, Мордехай Польчик, девушка Эстер Асман, и воспитанники — Цви Ризенберг, Моше бен-Эзра, Михаэль Фукс и Ури Эрев?

В следственном отделе инструкторы проходят как преступники. От допроса к допросу Моше Шамир и Наоми носятся между больницей «Хадаса» в Иерусалиме и британским военным госпиталем «Тель-Ашомер» — душевно и физически

поддержать раненных воспитанников. Оба инструктора возвращаются с судебным решением руководства движения Ашомер Ацаир: трагедии бы не случилось, если бы группа инструкторов действовала ответственно и разумно. Моше Шамир относится к Наоми с уважением и глубокой симпатией. Между собой они расходятся в отношении в отношении к марксизму.

Он относится к той части молодежи, для которых марксистский идеал — светоч. И потому он требует от нее со всей присущей ему прямотой:

— С таким мировоззрением, как у тебя, ты должна покинуть кибуц!

Весна 1942 года. В кибуце Мишмар Аэмек царит напряженная атмосфера. В южной части страны стоит Африканский германский корпус. Маршал Ромель ожидает в Египте, у Эль-Аламейна, подкрепления, и угрожает вторгнуться со своими солдатами в страну Израиля. В Триполи, на севере Ливана, находятся авиабазы немцев. Британское командование и руководство еврейского анклава боится, что немцы захватят в клещи с юга и севера Израиль. Британцы договариваются с командирами военизированных подразделений Хаганы о создании специальных подразделений для партизанской войны с немцами. Для этой цели штурмовые отряды Пальмаха получают оружие и проходят обучение под руководством британских военных инструкторов. Базы военной подготовки сконцентрированы в кибуцах Ягур и Мишмар Аэмек. В лесу, на склонах горы Менаше молодые евреи учатся воевать.

Дух мужества пробуждает национальное чувство всего еврейского анклава, а борьба против общего врага усиливает содружество с британцами. Наоми рассуждает вслух: «Члены кибуца мобилизуются в армию по свободной воле, так почему нет у них полного права, исходя из собственной совести, мобилизоваться в британскую армию?» Товарищи издевательски посмеиваются: «что делают женщины в британской армии? — Обслуживают солдат». Пусть они лучше обслуживают членов кибуца, а не англичан.

На самом деле, она хотела служить в британской армии, чтобы уйти из кибуца.

— Твоя кислая физиономия отталкивает парней. Они думают, что тебя нельзя добиться, — говорит ей один из бойцов Пальмаха, который пытался сблизиться с этой одиночкой, погруженной в себя.

К ребятам, проходящим военную подготовку в роще, рядом с кибуцем, кибуцники относятся двойственно. Эти парни, готовые пожертвовать собой при выполнении специальных военных

операций, ходят по кибуцу с высоко поднятыми головами, ощущая себя хозяевами всей страны. Они видят себя новым поколением, новой элитой, первой — в новой израильской истории, в отличие от ветеранов «Хаганы». Они высокомерны. Есть такие, что ведут себя неподобающим образом, говорят грубо, крадут кур и яйца, воруют на плантациях, пристают к одиноким женщинам, и относятся к замужним, как своему частному имуществу. Наоми признает их особый статус, но огорчена их презрением к еврейству диаспоры.

Ее родня эмигрировала в Аргентину, но она вовсе не осуждает этот выбор.

Ноябрь 1942. Британцы отбросили германские войска. Сионистское руководство в срочном порядке обсуждает необходимость создания отечества для миллионов еврейских беженцев, лишенных дома, оказавшихся под игом нацистов. На повестке дня стоит актуальный вопрос: двунациональное государство. Быть ему или не быть. Вокруг вопроса о характере будущего государства ведутся острые дискуссии. С того момента, как Давид Бен-Гурион и Берл Кацнельсон выступили перед комиссией Пилля 1936 году, оба отрицают идею двунационального государства. В противовес им, Меир Яари, Мордехай Бентов, Яков Хазан и многие другие из руководства движения Ашомер Ацаир продолжают настаивать на общности судеб двух народов, и требуют равенства между еврейским народом, вернувшимся в свою страну, и арабским населением, проживающим в стране Израиля. Ицхак Бен-Аарон, возглавляющий международный русский отдел движения Ашомер Ацаир, присоединяется к позиции Бен-Гуриона и Берла Кацнельсона. За ним следуют отдельные бунтовщики, обладающие национальным еврейским чувством. Они оставляют Ашомер Ацаир и поддерживают круги «Рабочего единства», веря в то, что создание государства на прежних условиях может привести к разделу страны. И это приведет к тому, что границы этого государства будут определены местами проживания евреев, где они составляют большинство.

Наоми считает, что право еврейского народа создать независимое государство распространяется на всю территорию исторического проживания евреев, и потому тоже присоединяется к меньшинству, выступающему против двунационального государства. Шаик не в себе от ярости. Она убегает в барак к доктору Ашеру Хойна и его супруге Руфи, которые только две недели назад приехали в кибуц Мишмар Аэмек.

Ашер, командовавший молодежным батальоном, и Руфь — инструктор из Берлина, стали супругами в 1939. Он получил

кабинет в больничной кассе и подготовил жену к работе медсестрой. Две недели назад он был послан от больничной кассы в качестве врача в кибуц Мишмар Аэмек. Руфь, ухоженная, элегантная женщина, работает медсестрой в Афуле и Хайфе. Мужеподобные женщины кибуца отталкивают ее своим видом и поведением. Именно, по этому, она тщательно выбирает своих друзей, и приближает к себе эту замкнутую в себе бывшую жительницу Берлина. Ее интеллигентности не повредила атмосфера кибуца, и она весьма быстро стала ближайшей подругой Руфи, мимо которой мужчины не могут спокойно пройти. Она ведет с Наоми бесконечные беседы на бытовые темы, и критически оценивает ее одежду. Наоми решает их сменить. Заведующая складом одежды не спорит с ней по поводу ее права на новое платье, но сует ей обновку с огромным пятном. Наоми швырнула ей платье и покинула склад.

— Ты слишком избалована! — закричала ей вслед заведующая.

Так всегда бывает, когда член кибуца неприемлем обществом.

Ашер и Руфь пригрели ее, относятся с ней по-человечески. Ашер ведет с ней долгие беседы на философские темы. Он всей душой привязан к жене. Давно нет у нее никаких известий от родителей, которые вырвались из когтей нацистов в Голландию еще до начала Второй мировой войны. Летом 1939 она, беременная, поехала их навестить. Когда грянула война, она в Голландии потеряла плод.

Ашер и Руфь держатся отдаленно от членов кибуца. Они придерживаются того же мнения, что Реувен Вайс, который сменил фамилию на Зив, и решительно отвергают сплетни о том, что Наоми заманила в ловушку и соблазнила уважаемого члена кибуца, а он из жалости и доброго сердца женился на ней. Окружающие ехидничают по этому поводу.

В кибуце разгораются бурные споры по поводу стола диетического питания.

Почтенные члены кибуца зло поглядывают в его сторону. Пускай продолжается злословие, пускай распускают сплетни — Наоми вновь пошла против течения.

Тут же забылись все то хорошее, что она сделала, входя в «совет четырех мудрецов в комиссии Царя Соломона». Совет рассматривал заключение врача или психолога, чтобы выяснить, кому из членов кибуца нужна специальная врачебная помощь и диетическое усиленное питание. Это делалось в соответствии с модными европейскими оздоровительными течениями, дошедшими до кибуца в конце тридцатых годов.

Кибуцники один за другим стали жаловаться на хронические заболевания. И список членов кибуца, нуждающихся в помощи психоаналитика, диете, отдыхе в санатории, рос, как снежный ком. Один из членов кибуца заявил, что не может, есть ничего, кроме мацы, и ему это разрешили. Ципора Бентов пожаловалась, что с детства страдает тяжелым желудочным заболеванием, и ей уже много лет подают особые блюда.

Отзывчивость членов совета четырех была настолько велика, что вдвое увеличилось число сидящих за диетическим столом и получающих питание, богатое белками и витаминами.

И вот врачом кибуца стал доктор Хойна, посланный от хайфской больничной кассы. Он, как говорится, закатал рукава и принялся наводить порядок. Он отменил «совет четырех». Он ужесточил отбор членов кибуца, получающих диетическое питание.

Он обратил внимание на утренние очереди в туалет и потребовал построить новые туалеты на окраинах кибуца. Этого было необходимо и с точки зрения правил гигиены.

Свои требования он заявил на общем собрании кибуца, вызвав настоящую бурю.

Почтенные члены кибуца угрожали голодовкой, ибо только для двенадцати киббуцников новый врач утвердил диетическое питание. Доктора не очень испугали крики и угрозы. Он был сторонником органической, вегетарианской пищи и предложил послать кого-нибудь пройти курс по вегетарианскому питанию к известному диетологу в Зихрон-Яаков.

Выбор пал на Наоми. Этому способствовала ее феноменальная память, быстрота мышления и способность к обучению. На общем собрании за нее подали большинство голосов, признав, что лучшей поварихи в кибуце нет.

Экономка на кухне хотя и сердилась, но предоставила Наоми вдвое больше продуктов, чем было необходимо. Наоми получила подсолнечное масло, муку, сахар и яйца и многое другое. Беременные и роженицы с наслаждением утоляют свой ненасытный аппетит, облизывая пальцы от сладких сливок, изготовленных Наоми по рецепту, которому она научилась в детства от Фриды.

Она потрясла члена кибуца, когда, долго не раздумывая, выбросила в мусорный бак обгорелые буханки хлеба, ибо считала их непригодными для еды. Это случилось тогда, когда хайфская пекарня перестала снабжать кибуц хлебом, а в новой пекарне в самом кибуце хлеб весь подгорел. Положение исправилось лишь после того, как стали снова привозить хлеб из Хайфы.

Имя диетолога Доры Шварц гремело на весь анклав.

Женщина ухоженная, вызывающая уважение своей интеллигентностью, она уехала в Палестину сразу же после аншлюса Гитлером Австрии. В Зихрон-Яакове она открыла дорогой пансион, где обучала европейскому этикету и хорошим манерам. В пансионе всегда царили безукоризненная чистота и порядок. Кухня была вегетарианской. От арабских соседок она научилась готовить блюда из всегда находящихся под рукой местных растений. Ее вкусная и здоровая пища стала притчей во языцех в стране Израиля и далеко за ее пределами. Иностранцы и жители страны, самые известные личности посещают пансион накануне субботы, чтобы очистить организм вегетарианским питанием.

— Пища должна быть в высшей степени свежей, — с этими словами, произнесенными мягким тоном, обращается с высоты своего роста ширококостная и мускулистая Дора Шварц к хрупкой Наоми, — Зеленщики Зихрон-Яакова самые большие воры.

Она тщательно отбирает овощи и фрукты и долго торгуется с зеленщиками, приезжающими в пансион со своим товаром.

В кухне стоят огромные плиты и колоссальных размеров котлы для варки. Специальный человек отвечает за выбор дров и поддержание днем и ночью несильного огня в плитах. Наоми с любопытством следит за беспрерывным процессом приготовления пищи. Она не отходит от плиты, где в огромном котле варится знаменитый субботний суп Доры Шварц. В котел Дора забрасывает фрукты и овощи, и приятный аромат распространяется в воздухе. Субботний суп процеживается через фильтр, становясь более концентрированным. Довольно быстро талантливой ученице поручается самостоятельная работа. Дора доверила ей большую плиту, на которой ученица с аптекарской точностью готовит изысканные овощные вегетарианские блюда, и с интересом следит за смешливой по-детски и, в то же время, замкнутой в себе, молодой женщиной. Из всех посещающих пансион важных гостей, только Залман Рубашов-Шазар, один из редакторов газеты «Давар», влиятельный член Рабочей партии Израиля «МАПАЙ», приближенный и верный сподвижник Бен-Гуриона, сумел разговорить застенчивую Наоми. Они говорили о ХАБАДе, о выдающихся религиозных деятелях этого движения, аббревиатура которого означает — Хесед, Бина, Даат — праведность, понимание, знание. Она очарована его рассказами о людях, репатриировавшихся в страну Израиля.

Дора хотела угостить ее шоколадом из коробки, которую получила от британского офицера. Наоми отказывается, ибо употребляет в пищу только органические продукты.

— Я работала в венской гостинице, где был вегетарианский ресторан. Там довелось мне встречаться с мужчинами из разных стран. Моим любовником был японец. И скажу тебе, как любовник, он не шел ни в какое сравнение с британцами, — сказала Дора и положила коробку шоколада на горку таких же коробок шоколада в своей комнате.

— В эти дни борьбы с британцами выбирайте любовника из евреев, а не из врагов, — посоветовала ей Наоми.

— Британцы — единственные в мире истинные джентльмены, — словно бы не обращая внимания на замечание Наоми, говорит Дора, — я люблю джентльменские манеры, умение соблюдать правила этикета. Они знают, что полагается женщине, и они великолепные любовники.

Но тут же, как бы мельком, просит не распространяться о своих отношениях с британскими офицерами, не оскорблять чувства высокопоставленных представителей анклава, посещающих пансион.

— Принцесса, — Дора не спускает глаз с красавицы Лотшин, посетившей младшую сестру в Зихрон-Яакове.

Внутреннее спокойствие, тихий голос, изысканные манеры старшей сестры очаровали Дору. Наоми млела от радости, что Дора предложила Лотшин побыть в пансионе в комнате сестры подольше и бесплатно.

До утра сестры проговорили о судьбе Германии. По мнению Наоми, отец, высокий интеллект которого она чтила, закрывался в своей комнате и был весьма далек от детей. Его присутствие заставляло ее метаться, подобно испуганной мыши, ищущей нору, чтобы спрятаться туда. И сердце, казалось, выпрыгнет из груди от тревоги. Но, несмотря на страх перед ним, она пряталась за портьерами в его кабинете, чтобы следить за его передвижениями. С обожанием прислушивалась к его беседам или игре на фортепьяно.

— Он знал, что ты следила за ним.

Для Наоми это не было неожиданным открытием. Только один раз он резко отдернул портьеру и сказал:

— Ты не должна прятаться. Ты можешь стоять со мной рядом и слушать, как я играю на фортепьяно.

Она не могла понять, что он хотел выразить этой сухой фразой, гнев или учтивость. В любом случае, она не воспользовалась его приглашением. Хотя отец всегда отличал ее от всех остальных детей. Ни один ребенок в доме не мог себе позволить вести себя так, как она. Фрида удивлялась, почему отец не наказал ее за то, что она вырывала репродукции из дорогих книг о художниках и ходила неряшливо одетой.

Лотшин живет прошлым. Каждый раз, когда они оставались вдвоем, она систематически, с присущей ей педантичностью, возвращалась к истории семьи. В ночных беседах они касалась каждого из домочадцев, его характера, поведения и отношения к окружающим. Удивительная любовь между отцом и матерью стали постоянной и любимой темой Лотшин. Отец, который гордился тем, что он отпрыск семьи испанских, а не польских евреев, в конце девятнадцатого века влюбился с первого взгляда в девушку из восточноевропейской еврейской семьи. Культурный мир матери, ее буйный нрав, ее шаловливость — все в ней было абсолютной противоположностью отцу. Экзотическая красота девушки из глубоко религиозной семьи лишила его равновесия.

Наоми слушала все это и думала о том, осуществились ли мечты детства и юности матери.

Может быть, под влиянием польской шляхты, юная авантюристка решилась однажды ночью оставить свой мир и убежать с изысканным столичным евреем… Или мать убежала от тяжести религиозного еврейства. Наоми представляла мать девочкой, а затем, девушкой из Кротошина. Половина жителей местечка составляли поляки, половину — немцы. Нищие евреи жили изолированно. Мать взирала на усадьбы польской аристократии из окон своей лачуги и грезила об иной жизни, видя себя богатой госпожой, гуляющей по замку.

Но романтическая идиллия вспыхнувшей любви была разрушена. Не мог бесследно и гладко пройти переход из одной культуры в другую! На одном дыхании мать была вырвана из привычного для нее глубоко религиозного мира. В течение одной ночи она раскрылась новому чуждому ей миру, и оставила традиции Израиля.

Она постепенно привыкала к нарядным елкам, украшенным к Рождеству, который отмечался в ее доме, как национальный германский праздник. Еврейство отца заключалось лишь в запрете на свинину.

Быть может, подарками отец хотел искупить свою вину за то, что оторвал ее от родной семьи. «Отец не понимал, что дорогие одежды и драгоценности или путешествия, не могут искоренить религию из души верующего человека», — размышляла Наоми.

Была ли размолвка между отцом и матерью глубокой? Лотшин призналась, что были признаки того, что неожиданный уход от ортодоксального иудаизма не давал душе матери покоя. Чтобы не было конфликта в воспитании детей, она тайком зажигала свечи накануне субботы в своей комнате или отмечала еврейские праздники рассказами, как они праздновались в ее семье.

— Противоречия между матерью и отцом привели к большой ссоре, — неожиданно Лотшин касается болевой точки.

По ее впечатлению, у матери все изменилось в душе в годы Мировой войны. С тех пор и до самой смерти она фанатично сохраняла душевную и духовную независимость. В дни войны ее беспокойство и страх за родителей, которых она оставила в юности, не давали ей покоя. Отец вернулся домой инвалидом. Он замкнулся в своем душевном мире со своей болью. Она же исходила тоской по иным, чуждым ему, горизонтам, и душа ее была далека от его страданий. Его борьба за то, чтобы вернуть ее в свой богатый сверкающий мир, потерпела фиаско. Мать сблизилась с евреями из своего местечка переехавшими жить в Штеттин, соседствующий с Пренслау. И, все же, Лотшин считает, что отношения между отцом и матерью оставались, как говорится, гладкими.

Наоми жаждет приблизиться к душевному миру матери, как это, в значительной степени, сделал дед. Во время отпусков, он много времени проводил с невесткой в своей усадьбе в Пренслау. Сцены, веселящие сердце, возникают в памяти Лотшин. Дед и их мать с удочками ловят рыбу в речке Окер, в районе Окер-Марк. Вспоминается дед верхом, с охотничьим ружьем через плечо. Его длинные ноги торчат из узких штанов наездника. Высокие охотничьи коричневые сапоги плотно облегают икры. Барон верхом на коне, в сопровождении четырех гончих псов, приглашает мать присоединиться к ним. Мать на подаренном дедом коне не ездила, как женщины, а скакала, как мужчины, в сторону темной чащи густых лесов Померании. Барон скакал с ней рядом.

Мать не придерживалась правил поведения буржуазных семей, и не раз ставила отца в неловкое положение. Когда она сообщила отцу о своей пятой беременности, он вышел из комнаты с хмурым лицом. Лотшин торопится подчеркнуть, что родители жили, как пара голубков до того, как нечто тяжкое вторглось в их жизнь с рождением шестого ребенка.

— Всю жизнь меня не покидает чувство вины за то, что я оказалась причиной первой ссоры между отцом и матерью, — впервые Наоми говорит в полный голос о своей неутихающей боли.

Родители поссорились из-за операции по удалению нароста с головы, которую ей сделали в младенческом возрасте. Лотшин помнит: мать считала, что Всевышний наказал ее за побег из отчего дома и отказ от иудаизма. И подтверждением тому — черные глубокие глаза и черные бархатные волосы ребенка. Отец рискнул жизнью ребенка, чтобы вернуть ему человеческий облик,

а мать взбунтовалась против него и, быть может, забеременела седьмой раз, чтобы отомстить ему за отдаление от детей. И красивый ребенок с огненно-рыжими кудрями родился, как знак их примирения. Может, Эрнест, который получил кличку Бумба, был тем, кто восстановил супружеский союз отца и матери.

— А меня отстранили, — говорит Наоми, вспоминая, как носились домашние с поздним ребенком, как баловали его, забыв про нее. Это детское переживание она не может забыть. Она рассказывает Лотшин о семейной экскурсии по Берлину, когда она отставала и плелась далеко от всех в хвосте. Отец и мать даже головы не поворачивали, чтобы следить за ней.

— Они просто не знали, как вести себя с тобой, такой странной девочкой. На прогулках ты с трудом поспевала за нами. Ты останавливалась перед каждой ползающей тварью. Поднимала ее с земли и долго рассматривала, не сдвигаясь с места.

Лотшин вернулась в город, а Наоми — в кибуц. В тот день, когда она принесла на кухню рецепты блюд Доры Шварц, разразился скандал в свинарнике, коровнике, курятнике, на полях.

— Наоми сошла с ума. Нечистые руки арабки нарвали всяческие дикие травы и она варили их на нашей кухне! — кричали кибуцники.

— Но эта крестьянка из Абу-Шоша знает, как готовить блюда из диких трав, — защищалась Наоми.

Внутренний голос говорил ей: члены кибуца разрываются противоречиями. Мораль кибуца не выдерживает испытание реальностью. Пропасть стоит между желаемым и действительным. Дружба народов, равенство и солидарность с соседями-арабами — все это приятно только для беседы. Крестьянка вернулась в свое село. Наоми одна работала в кухне. Во время обеда члены кибуца, сидящие за диетическим столом, начали кричать:

— Ты училась готовить глупости! Ты кормишь нас отравой. Мы хотим мясо, а не всякие травы, годные лишь на корм животным!

Они не стеснялись в самых изощренных и обидных выражениях по поводу ее учебы искусству повара у Доры Шварц. Они кричали и размахивали руками над тарелками. Она же, молча, принимала все обвинения и продолжала готовить на плите вегетарианские блюда, не обращая внимания на ругань в столовой. Когда крики и ругань не помогли, бунтовщики объявили забастовку: они не выйдут на работу голодными. Во главе крикунов стояла, считающая себя особой, Ципора Бентов.

Наоми смотрела на эту недалекую избалованную женщину, высокомерно проходящую по кибуцу и неизменно всем своим видом подчеркивающую тот факт, что она супруга важного лидера. Всем своим поведением она как бы подчеркивала, что делает великое одолжение коллективу тем, что вообще живет в кибуце Мишмар Аэмек. Наоми хладнокровно опорожнила огромный котел в мусорный бак, оставив диетический стол пустым.

— Порядок работы нельзя отменять, — высказались члены комиссии, обсудившие создавшуюся ситуацию.

— Обратитесь по этому вопросу к врачу, — сказала Наоми и упрямо заявила, что возвращается на работу в коровник.

Друзья ее, врач Ашер и его жена Руфь, оставили кибуц, и она не находит места, чтобы дать выход не дающей ей покоя меланхолии. Голоса членов кибуца продолжают ее клеймить, говоря о ее преступных буржуазных замашках, от которых она не в силах избавиться. Для Шаика кибуц — средоточие его жизни, а марксизм — весь его мир. Но он никак не может найти общий язык с молодой супругой, не исполняющей своего супружеского и материнского долга. На все его жалобы она отвечает молчанием. В лунные ночи убегает со своей виной в большой хозяйский двор. Сворачивается со своим унижением на скамейке, и чувства неполноценности вырастают до чудовищных размеров. Стыд гонит ее от всех. Луна и звезды — собеседники, внимающие ее мыслям. Когда небо покрывается облаками и начинаются холодные дожди, она занимает стул или скамью в читальном зале, который пуст в эти часы.

Предательская ночь в мае 1943 года пробудила в ней ужас, который одолел ее в августе 1937. Вечером, пересекая хозяйский двор, она провалилась в открытый колодец на застроенной территории, и раны ее явились предисловием к физической и душевной травме, которая ожидала ее в семейной комнате.

В афульской больнице ей зашили глубокую рану, располосовавшую нижнюю челюсть, из которой хлестала кровь. Дома медсестра и член кибуца отвели ее в постель. В обморочном состоянии от сотрясения мозга и успокоительных лекарств, она недвижно лежала на матраце. Ее беспомощное состояние возбудило Шаика, и он набросился на нее.

— Мы — супруги, — кричал он.

И не было у него никакого снисхождения к ее состоянию. Она — его законная жена. Все попытки приблизиться к ней заканчивались провалом. Он жаждал создать нормальную семью, родить братика или сестричку своей единственной любимой

дочери, которой в мае минуло пять лет.

— Это не супружество, — убегала она от него, как животное, которое спасается от преследования.

Пряталась в густых зарослях, смахивая слезы с глаз.

Живот, который вновь рос, позорил ее в собственных глазах. Она чувствовала, что все отвернулись от нее, и она отвернулась от всех. Люди любят жалеть верного отца и оставленную матерью дочь.

Зимой 1944 она родила слабую девочку. Отец счастлив. Роженица, в смутном состоянии чувств, поехала в Хайфу и бросилась под передние колеса автобуса на центральной улице. Водитель еле успел затормозить. Пассажиров отбросило на спинки сидений. Прохожие замерли на месте. Вся улица кричала: «Не видишь, куда идешь?!»

Она в депрессии. Шаик в отчаянии от ее отчужденности к нему и дочерям.

— Почему ты все время в угнетенном состоянии. Почему ты не умеешь быть счастливой?

Счастливой?! Будет ли она когда-нибудь счастливой? Равнодушная ко всему, она кружится по хозяйскому двору. Лицо ее лишено всяческого выражения. Она — бездушная мать. Временами совесть подкатывает комом к ее горлу за такое отношение к дочерям. Но она не может преодолеть неприязнь к их отцу. Что с того, что он — уважаемый человек в кибуце. Она бунтует против всех правил поведения в кибуце и судит сама себя. Коллектив гневается на нее за то, что она все время болеет. Высокая температура, озноб и всяческие воспаления стали для нее обычным явлением. Если какая-то болезнь одолевает члена кибуца, она заражается от него непонятно каким образом, и снова не появляется на работе.

Одна из членов кибуца останавливает ее на пути и набрасывается на нее:

— Кто я в твоих глазах, что ты не удостаиваешь меня ни приветствием, ни разговором?!

И так постоянно. Каждый в кибуце считает для себя возможным обругать ее. Культура поведения, полученная ею от родителей, не позволяет ей реагировать на все эти наскоки, тем более, оправдываться или обороняться. Никогда она не будет расталкивать окружающих ее людей локтями, чтобы уцелеть физически и душевно. Образцом поведения ей служит просвещенный и консервативный в хорошем смысле этого слова, отец. Никогда он не жаловался на боли, скрывал скорбь по любимой жене, или находил выход от страданий, приносимых ему тяжелой болезнью, в размышлениях о высоких материях, в

музицировании на фортепьяно.

Она ходит медленно, словно взвешивая каждый свой шаг. Читает, размышляет, сочиняет рассказы. Ощущение, что она оставлена всем миром, становится постоянным. Не знает она, куда себя деть. Не дай Бог, чтобы кто-нибудь узнал ее мысли и тоску по эстетике, которая главенствовала в доме ее отца. Не дай Бог, чтобы кто-нибудь узнал, как она тоскует по духовным пространствам, по свободе души и мысли и, главное, по культурной углубленной беседе. Она ходит во враждебно относящейся к ней среде, и черные ее глаза холодны, затуманены, далеки от всего, что ее окружает. Нет у нее дома для души в кибуце, но зреет в ее душе великое откровение.

Восьмого августа 1945 года. Три месяца назад пал нацистский режим. В Нюрнберге начинает работать Международный военный трибунал. В течение первого года суда над главами нацистского руководства, накопились горы ужасающих свидетельств, страшных историй, собранных и оглашенных на двенадцати дополнительных судах в течение трех лет. Доктор Фон-Айкен, один из врачей Гитлера, был также объявлен военным преступником. Лотшин и Наоми послали письмо в трибунал в Нюрнберге, в котором описали о стыде и раскаянии, которое он выразил перед ними по поводу бесчеловечности, совершаемой под прикрытием нацистской идеологии Третьего рейха, и рассказали о том, как он помог им. Вырезав гланды Наоми в 1936 году, он госпитализировал ее в свою клинику, чтобы она затем смогла взять из банка деньги, положенные отцом на ее имя. Ответ из Нюрнберга гласил о том, что с доктора Фон-Айкена сняты обвинения на основании свидетельств многих людей, спасенных из Катастрофы, посчитавших чудом праведность и милосердие, которые он проявил по отношению к ним во времена безумия и всеобщего страха гибели.

Руфь, Лотшин, Гейнц, Ильзе ищут родственников через германские поисковые центры. Предстающая перед ними картина страшна. Ассимилированные и обуржуазившиеся евреи потеряли инстинкт самосохранения. Колено Френкелей, жившее в Силезии, частью было сослано в Аушвиц, частью сразу же сожжено в печах. Неизвестно, что произошло с Еленой Френкель, сионисткой-медсестрой, которая ухаживала за умирающим Артуром Френкелем. Она с приходом Гитлера к власти вернулась в родительский дом. К общему удивлению, тетя Регина, хитрая старуха, сестра деда, осталась в живых. Откупилась большими

деньгами. Пока Лотшин собиралась послать ей деньги на существование, пришло известие, что, почти сразу после окончания войны, она умерла в доме престарелых, в Швейцарии. Человек, сообщивший об этом, не знал, каким образом она спаслась.

Лотшин и братья помнят обязательство отца — заботиться о Фриде, которая с приходом нацистов к власти все еще жила в их доме. Лотшин не удалось отыскать ее следы. Может, она умерла насильственной смертью или не нашла места в нацистской Германии и покончила собой. А может, была уничтожена нацистами из-за того, что упрямо посылала открытки деду, в которых ругала Гитлера?

Следы садовника Зиммеля и Агаты тоже потерялись. Лотшин удалось наладить связь со служанкой Кетшин. Из писем, которыми они обменялись, она узнала, что муж Кетшин погиб под Сталинградом, а сама она страдает от голода. Лотшин помнила, как Кетшин помогала ей в дни, когда нацистами были урезаны нормы питания. Раз в месяц она посылает Кетшин продуктовую посылку. Не была найдена соученица Наоми Герда. Наоми думает, что Герда и ее мать погибли в Аушвице.

Из организации «Красный крест» в Швейцарии Лотшин ответили, что нет никаких данных о судьбе доктора Филиппа Коцовера и его семьи. Свидетели рассказывали о трагедии этого прекрасного человека, который делал все возможное, творя воистину святое дело, по спасению евреев. Он оказался в тяжелом финансовом положении, ибо оказывал юридическую помощь евреям, которые потеряли все свое имущество, бесплатно, и лишился работы из-за антисемитского преследования.

Филипп Коцовер представлял еврейскую общину перед нацистской властью. Жена его и две маленькие дочки были увезены в концентрационный лагерь Терезиенштадт. После этого их следы потерялись.

Судьба Фердинанда остается загадкой. Он мечтал жить во Франции. Как и Артур Френкель, он называл немцев варварами. Быть может, он осел в чужой стране, и не интересуется их судьбой? Он преподавал музыку в далеком от Буэнос-Айреса городке и прервал связь с близнецами и Гейнцем. В центре поисков родных в Германии Лотшин узнала, что родители Фердинанда погибли во время бомбежки.

Размеры Катастрофы европейского еврейства, уничтожение миллионов евреев, потрясло еврейский анклав Палестины.

Кибуц погрузился в глубокий траур по родственникам, погибшим в Катастрофе.

Семья Френкелей, 20-е годы

1933 год, Берлин